СТРУГАЦКИЕ

МАТЕРИАЛЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ: ПИСЬМА, РАБОЧИЕ ДНЕВНИКИ



1985–1991

Стругацкие. Материалы к исследованию: письма, рабочие дневники. 1985-1991 гг.

Светлана Петровна Бондаренко, Виктор Максимович Курильский, Аркадий Натанович Стругацкий, Борис Натанович Стругацкий

Аннотация
Бондаренко С., Курильский В. Стругацкие. Материалы к исследованию: письма, рабочие дневники. 1985–1991 гг.
Вступление
Используемые документы
1985
1986
1987
1988
1989
1990
1991
Эпилог
Благодарности
Errata. Замеченные ошибки

Приложения
Примечания

Аннотация

Эта книга завершает серию «Неизвестные Стругацкие» и является шестой во втором цикле «Письма. Рабочие дневники». Предыдущий цикл, «Черновики. Рукописи. Варианты», состоял из четырех книг, в которых были представлены черновики и ранние варианты известных произведений Аркадия и Бориса Стругацких, а также некоторые ранее не публиковавшиеся рассказы и пьесы.

Бондаренко С., Курильский В. Стругацкие. Материалы к исследованию: письма, рабочие дневники. 1985–1991 гг.

Вступление

Эта книга продолжает серию «Неизвестные Стругацкие» и является завершающей (шестой) во втором цикле «Письма. Рабочие дневники». Предыдущий цикл, «Черновики. Рукописи. Варианты», состоял из четырех книг, в которых были представлены черновики и ранние варианты известных произведений Аркадия и Бориса Стругацких (АБС1), а также некоторые ранее не публиковавшиеся рассказы и пьесы.

Первая книга нового цикла рассказывала о жизни АБС с детства по 1962 год включительно. Вторая охватывала период с 1963 по 1966 год, третья — с 1967 по 1971-й, четвертая — с 1972 по 1977-й, пятая — с 1978 по 1984-й.

Тем, кто читал предыдущие книги, позвольте напомнить, а тем, кто не читал, — сообщить, что перед вами повествование в документах и воспоминаниях (которые тоже являются отчасти документами) о жизни Аркадия и Бориса Стругацких. Речь идет в основном о жизни творческой. Факты личной жизни затрагиваются лишь в том случае, если они имели влияние на само

творчество АБС (реальные случаи, перенесенные в произведения; прототипы персонажей и т. п.) либо на возможность заниматься творчеством (проблемы со здоровьем — своим и близких, переезды и ремонты, занятость детьми). Последовательность документов в этой работе — в основном хронологическая.

Цель составителей — сообщать читателю как можно меньше фактов, не подкрепленных документами, и вообще во главу угла поставить именно документы, ибо никакой самый яркий пересказ все-таки не может заменить оригинала: так будет и правдивее, и точнее.

Вся наша жизнь состоит из документов, начиная со свидетельства о рождении и заканчивая свидетельством о смерти. Конечно, не всё, представленное в этой работе, может и должно считаться эталоном правдивости. Многое (особенно опубликованные критические работы о творчестве АБС) могло писаться с обязательной оглядкой на внешние обстоятельства, исходя из политических реалий и задач того времени. Некоторые источники (особенно воспоминания) могут ошибаться в деталях (так не было, но, скажем, настолько хотелось, чтобы было, что событие кажется и на самом деле случившимся)

и даже явно противоречить друг другу. Но документы не отражают субъективного отношения публикатора к описываемому материалу и дают возможность читателю самому составить представление о данном предмете.

Для кого интересна эта работа? Для любителей творчества АБС, что естественно. Для историков литературы советского периода, для историков описываемого периода вообще, для исследователей тайны творчества. И, разумеется, для обычных читателей, неравнодушных к книгам Авторов. Ведь даже просто чтение писем или позднейших воспоминаний АБС позволяет нам по-новому взглянуть на написанное ими — заставляет переживать и радоваться вместе с Авторами, негодовать и возмущаться, ликовать и недоумевать; ждать вместе с Авторами решения какого-то вопроса и всегда поражаться, как постепенно, из домашних заготовок, из отвлеченных споров двух хотя и братьев, но весьма разных людей рождаются новые и новые книги.

Изложение, как и в предыдущих книгах с названием «Неизвестные Стругацкие», будет весьма эклектичным, как эклектична жизнь любого человека, где личное переплетается с общественным, мечты с обязанностями, а дру-

зья с врагами. Помимо собственно задумок и обсуждения рождающихся произведений АБС, в материалах книги будет упоминаться самими Авторами работа «на сторону» — переводы и сценарии, взаимоотношения Авторов с различными редакциями, с писательскими организациями, а также окололитературная атмосфера тех лет: «дружеские» и «вражеские» группировки, «война» молодых против старых, «противостояние» мнений о фантастике... Всё это будет описано в соответствии с тем, в какой мере об этом сообщали друг другу в цитируемых письмах Авторы, и иногда дополняться воспоминаниями или отрывками из упоминаемых Авторами публикаций.

Для молодых читателей многое из упомянутого Авторами будет внове, а старшее поколение сможет сопоставить тот или иной материал со своими личными впечатлениями. Так что, вполне возможно, образуется еще одна группа читателей этого труда — «воспоминателей», или «ностальжистов».

Используемые документы

Костяк предыдущих книг серии составляла переписка АБС и их рабочий дневник. Но в годы, охватываемые этой книгой, переписка уже не велась (во всяком случае, в архиве письма этого периода отсутствуют за одним-единственным исключением, но о нем — в самом конце книги), ее заменили телефонные разговоры. Таким образом, основа этого тома — рабочий дневник Авторов.

Рабочий дневник велся регулярно с 3 марта 65-го года и по последнюю рабочую встречу Авторов в конце 1990 года. Состоит этот дневник из трех общих тетрадей, исписанных мелкими и зачастую очень неразборчивыми почерками обоих Авторов. В рабочем дневнике нередко встречаются портреты персонажей, наброски обстановки, а то и карты местностей, относящиеся к произведению, которое писалось в то время. Две тетради заполнены полностью, в третьей — только первые сорок страниц. Настоящее издание проиллюстрировано рисунками Авторов, взятыми из их рабочего дневника. Рисунки к этому тому представлены в четвертом томе этого

цикла.

Помимо названных документов, эта работа содержит некоторое количество дополнительных материалов2, так или иначе относящихся к творческой жизни АБС. Что под этим подразумевается? Во-первых, воспоминания самих АБС и о них, посвященные каким-либо конкретным событиям. Во-вторых, переписка Авторов с издательствами и киностудиями, а то и с друзьями-литераторами. В-третьих, статьи самих Авторов (напечатанные и черновики) и статьи о творчестве АБС, опубликованные в описываемое время и иногда упоминаемые Авторами в переписке. Дополнительные материалы, как правило, даются отрывочно — лишь та необходимая часть, которая позволяет читателю полнее представить себе те годы, те настроения и ту деятельность, на которую у Авторов уходила львиная доля времени, когда они находились вдали друг от друга.

И еще одно замечание. В этой работе используются отнюдь не все документы, а только те, с которыми составители имели возможность ознакомиться к моменту написания книги. Некоторые документы пока закрыты для публикации: это, к примеру, личные дневники АБС, содержащие, конечно, и немало моментов, имеющих

прямое отношение к их творчеству. Некоторые документы не попали пока в поле зрения группы «Людены» (особенно это касается воспоминаний знакомых и друзей АБС и их переписки). Работа над подробнейшей документированной биографией АБС будет продолжаться и после издания этой книги, поэтому любые материалы, так или иначе дополняющие это исследование, будут приняты с благодарностью.

1985

Период в жизни страны с середины восьмидесятых — бурное время перестройки. Время перемен, время переоценки ценностей, слома идеологии... Авторы всей душой на стороне нового. Но... Дает знать о себе возраст. Работать становится все сложнее. Встречи вынужденно становятся краткими, продуктивность их также снижается. И все же АБС работают. Вдохновляет их сама жизнь, пустившаяся вдруг вскачь. Издаваться становится все легче, рукописи буквально выхватывают из-под валика печатной машинки. Издаются все, даже безнадежно «полочные» их книги. Зато обостряется восприятие творчества АБС критиками. Многие ругают Авторов за ранее положительно принимавшиеся вещи. Но и умные, вдумчивые, доброжелательные критики получили, к счастью, возможность анализировать сколь угодно глубоко, они отдают должное таланту Авторов.

4 января в рижской газете «Советская молодежь» публикуется интервью Илана Полоцка с АНом.

АНС. И снова Максим Каммерер…

Начало интервью сложилось неудачно. И дело даже не в том, что Аркадий Натанович был ограничен временем. Толика его нашлась. Совершенно неожиданно, но окончательно и бесповоротно, вышел из строя мой портативный диктофон. Только что, войдя в этот дом на проспекте Вернадского, в вестибюле я проверил его. Кассета вращалась мягко и бесшумно, а «раз-два-три-четыре-пять — вышел зайчик погулять» прозвучало громко и отчетливо. Но стоило только сесть в кресло и приготовиться к разговору с Аркадием Натановичем, как диктофон наотрез отказался работать.

— Не огорчайтесь, — *сказал Аркадий Натанович, спокойно наблюдая, как я взбалтываю непослушную машинку.* — Не вы первый, не вы последний. В этом доме выходит из строя вся звукозаписывающая техника. И отечественная, и лучших зарубежных марок.

Пришлось отложить диктофон в сторону и «по старинке» прибегнуть к помощи авторучки и блокнота…

— Хотелось бы поговорить о двух ваших последних произведениях «За миллиард лет до

конца света» и «Жук в муравейнике». Начнем с последнего. «Жук в муравейнике» — продолжение приключений Максима Каммерера, героя «Обитаемого острова». Как правило, если писатели или кинематографисты продолжают во второй части или серии историю полюбившегося героя, продолжение получается слабее начала, и тому есть много примеров. Вам удалось счастливо избежать этой опасности...

— «Обитаемый остров» был написан по своеобразному социальному заказу. Мы задались целью представить себе... ну, что-то вроде Павки Корчагина коммунистического будущего. Но тема, как видите, не исчерпала себя. «Жук в муравейнике» — смоделированная ситуация, но она имеет право на жизнь. Это ситуация, в которой на плечи одного человека, Сикорского, легла ответственность за судьбы всего человечества. Тяжела, очень тяжела эта ноша. И жертвами этой ответственности становятся и он сам, и Лев Абалкин, и его подруга, и в какой-то степени Максим...

— В своей повести вы выступаете против истины, которая испокон веков считалась непререкаемой. Если в какой-то области началось научное исследование, если кто-то «напал на след», то это давление, это стремление к позна-

нию неостановимо...

— Да, вы правы, есть такие ученые, которые даже ценой собственной жизни готовы удовлетворить свое любопытство. Но социально-психологическое развитие общества всегда отстает от уровня развития науки, техники, энергетики. И мы считаем, что наступит такое время, когда появится необходимость брать под контроль неуемное научное любопытство, вооруженное чудовищными энергетическими мощностями. Что же касается ситуации, описанной в романе, это как раз то, что называется антиномией, то есть когда происходит столкновение логичных, «для себя» справедливых сил.

— *И все-таки жаль...*

— Кого жаль?

— *Хотя бы Льва Абалкина. Ведь так и неизвестно, что он нес человечеству. Может быть, страшные беды, а может быть, новые открытия, новые возможности. Так что же все-таки скрывали в себе Лев Абалкин и его «близнецы», так неожиданно и странно появившиеся на Земле стараниями странников?*

— Не знаю...

— *Значит, тайна так и останется тайной?*

— Пожалуй. Впрочем, недавно мы закончили

заключительную часть трилогии. Она называется «Волны гасят ветер», где мы снова встречаемся со старыми героями, в частности с Максимом Каммерером. Если в «Обитаемом острове» Максиму двадцать лет, в «Жуке в муравейнике» — сорок, то во время действия романа «Волны гасят ветер» ему шестьдесят, но рассказывает он об этих событиях восьмидесятилетним, обращаясь в ретроспективу. Но вообще-то к тайне, о которой вы говорите, повесть эта серьезного отношения, кажется, не имеет.

— Как считают многие читатели, одно из самых странных ваших произведений — это «За миллиард лет до конца света». Повесть вызвала много споров. Одно из мнений относительно ее содержания таково: неизвестность может прийти к нам в любом виде; другие миры могут вторгнуться к нам не только в виде, скажем, протоплазмы или «маленьких зеленых человечков», но и в виде красивой девушки, злобного карлика... или вообще в виде какой-то чертовщины — но что бы то ни было, надо уметь встретить любые испытания с выдержкой, с достоинством и делать свое дело.

— Это объяснение самое простое, оно лежит на поверхности. Мы ставили перед собой несколько

иную задачу. Мы попытались смоделировать поведение самых разных людей, чем-либо подавленных. Люди — самые обыкновенные, многие черточки наших героев мы почерпнули у друзей и знакомых. Давление же может быть каким угодно: нелады в семье, недоброжелательство начальства... В конце концов, жить ввосьмером в одной комнате для кого-то тоже невыносимо.

— *Это трудно себе представить...*

— Представить трудно, но в жизни это бывает.

— *Тем не менее вы считаете, что в любой ситуации человек должен вести себя с достоинством...*

— Послушайте, мы же не в девятнадцатом веке живем! Сегодня дело обстоит значительно сложнее. Пусть кто-то из наших героев не выдержал, сломался, но... Мы никого не обвиняем. Каждый герой действует в меру своих сил и своего разумения, под гнетом этих обстоятельств отступая, сдаваясь или стоя на своем. И те, кто выстоял, и те, кто болтается как цветок в проруби, — каждый действует, как умеет и может.

— *Значит, ваша повесть учит...*

— Стоп. Давайте внесем ясность. Книга не учит — в примитивном смысле слова. Литературе должны быть чужды назидательность и дидакти-

ка, которые обычно связывают со словом «учить». Писатель создает свою модель мира и выражает свое отношение к ней. Если кто-то извлечет из этого какие-то уроки, что ж, тем лучше...

— Сейчас самое широкое распространение получили клубы любителей фантастики, которые возникают во всех уголках страны, от Калининграда до Владивостока. Какие цели, по-вашему, должны ставить перед собой такие клубы?

— Они должны учить общаться. Оформлять свои мысли. Нам не раз приходилось выступать перед самыми различными аудиториями, и мы поражались, с какой беспомощностью, как неуклюже и коряво люди иной раз выражают свои мысли. Прекрасный специалист. Попросите его рассказать о мире, скажем, элементарных частиц или о сопромате — заслушаешься. Но как только речь заходит об общечеловеческих категориях — жалко смотреть и слушать. А люди должны четко формулировать — и, следовательно, столь же четко понимать — те основополагающие понятия, которыми они живут и на которых зиждется вся наша жизнь. Нам довелось познакомиться с протоколами «судов», которые проводили над Сикорским и Каммерером члены владивостокского клуба КОМКОН. Какое же мы получили удоволь-

ствие! На каком интересном уровне шли эти «суды»! Как умно искали выступавшие аргументы, апеллируя к высоким морально-этическим категориям, о которых шла речь. Ну и, конечно, в клубах любителей фантастики происходит обмен литературой — книг мало, очень мало...

— В свое время, когда я брал у вас интервью в Доме творчества в Дубулты, я спросил, что вас беспокоит в сегодняшнем мире. Вы посмотрели в окно и сказали, что не надо далеко ходить за примерами: загрязнение окружающей среды, странные морально-этические вывихи некоторой части молодежи... Как вы бы сегодня ответили на тот же самый вопрос?

— В принципе — так же. Еще — и угроза войны. К сожалению, мы, обычные люди, не можем принимать основополагающих решений, которые сразу же положили бы конец такому положению дел. Но сегодня никто, кроме некоторых совершенно оголтелых идиотов, не хочет войны. Все понимают, чем она может кончиться... и это вселяет надежды.

— А как вы работаете над своими произведениями? От чего идете — от идеи или же от сюжета, от какого-то «хода»?

— Чаще всего — от идеи. Рождается мысль —

проблема ответственности, выбора, — а потом уже эта мысль оформляется в соответствующий сюжет. Конечно, на деле все значительно сложнее, но я говорю лишь о самом принципе.

— И в заключение традиционный вопрос — ваши творческие планы? Видите ли вы, что у вас впереди, или же, поставив точку на жизни Максима Каммерера, вы ощущаете лишь блаженное чувство усталости?

— Нет, почему же... Мы видим, что у нас впереди. Надо доводить до ума повесть «Хромая судьба»: мы нащупали возможность сделать ее лучше. Хотим сделать несколько «легких вещей». Нет, не типа «Отель „У погибшего альпиниста“». Будут действовать знакомые герои, знакомые читателю характеры. Работы много...

— Спасибо за интервью, Аркадий Натанович. Успехов вам — а мы остаемся ждать встреч с Максимом Каммерером и другими, уже знакомыми нам героями.

Кончилась беседа. Мы распрощались, я сунул в сумку злосчастный диктофон и спустился на лифте вниз. В вестибюле дома я решил все-таки разобраться — что же случилось с техникой? А ничего не случилось. Включил, и он заработал, как ни в чем не бывало. Фантастика!

Об этом и предыдущем интервью (АНС. Румата делает выбор // Сов. молодежь (Рига). — 1974. — 17 ноября. — текст см. НС-8) составители попросили рассказать интервьюера.

Полоцк И. Воспоминания, январь 2007

...Не помню, было ли то задание редакции или же моя собственная инициатива, но едва только услышав, что в Дубулты, в Дом творчества писателей приехал Аркадий Стругацкий, я бросил все дела и помчался в Юрмалу.

Люди несведущие старались обосноваться в большом бетонном прямоугольнике основного корпуса, стоящего на дюне над заливом, да еще и на девятом этаже. Знатоки же удовлетворялись каким-нибудь из домиков, раскиданных по саду писательского заповедника. В них было тепло и уютно, и немалая часть советской литературы была создана именно в них...

В таком домике мы и встретились с Аркадием Натановичем, который произвел впечатление вставшего на задние ласты моржа. Мы провели несколько часов в приятной беседе, из которой родилось довольно объемное, почти на газетную полосу, интервью. Я назвал его «Румата делает выбор» — в те годы мне казалось, что это самое

главное: сделать правильный выбор. Впрочем, я и сейчас так думаю...

Приводить это интервью смысла не имеет, хотя, чтобы освежить в памяти воспоминания об этой встрече, я перечел его и решил, что краснеть не из-за чего. Помню, что Аркадий засмеялся и сказал, что я первым из интервьюеров заинтересовался, по какому принципу герои получают те или иные фамилии в их книгах.

— А, это хитрая штука, — сказал он. — Порой хорошее имя придумать труднее, чем написать книгу... Мы придумываем не имена, а, скорее, создаем систему имен. В «Обитаемом острове» в основу легла измененная система венгерских имен: Гай Таал, Рада, Кэтшеф, Одри... В «Трудно быть богом» — японских: Румата, Рэба, Тамэо, Окана. Правда, Рэба первоначально должен был именоваться Рэбия, но бдительная цензура сие кощунство выловила...

Интервью писалось легко и раскованно, и на другой же день я повез его на «визирование» Аркадию Натановичу. Строго говоря, этого не требовалось, я отвечал за каждое слово, но мысль, что Аркадию Натановичу может что-то не понравиться и он поморщится, приводила меня в ужас. Но его реакция меня неподдельно удивила.

Прочитав текст и не сделав ни одного замечания, он удивленно воззрился на меня:

— И что... вы это все напечатаете? Все целиком?

— Конечно, — настала моя очередь удивляться. — И с большим удовольствием.

— И ничего не вымараете?

— Не дам ни строчки, — твердо сказал я.

— Очень сомневаюсь, — буркнул он.

Сомнения его оказались безосновательны. В «Советской молодежи», где я тогда работал и которая сегодня иначе, чем «легендарная», не называется, редакторствовал толковый и умный Саша Блинов, понимавший толк в хорошей литературе.

Лишь по прошествии времени я осознал, чем объяснялось неподдельное удивление писателя. Шла, не будем забывать, середина семидесятых годов. Конечно, сталинского людоедства не было и в помине, но жилось, словно тебя придавили толстой пуховой подушкой и лишь иногда позволяли высунуть из-под нее голову и вдохнуть свежего воздуха.

Вокруг писателей Стругацких существовал заговор молчания. Их практически не печатали. Не печатали ничего ни о них, ни об их творчестве, а

если Стругацкие и упоминались, то в кислотном контексте, с зубовным скрежетом; помню совершенно гнусную статью в «Журналисте», объем которой соответствовал лишь количеству дерьма на ее страницах.

И вдруг в достаточно большой газете — интервью. На полосу. Нормальный разговор о жизни, о литературе, о «времени и о себе». Моя заслуга в этом минимальна — разве что задавал не самые глупые и наивные вопросы и добросовестно воспроизвел ответы. Впрочем, с таким собеседником, как Аркадий Стругацкий, надо было очень постараться, чтобы сделать плохое интервью...

Еще раз заезжать в Дом творчества я постеснялся, а вот в Москве мы встретились, и встрече этой предшествовали два забавных момента.

— Ты по делам или потрепаться? — в лоб спросил Аркадий, услышав в трубке мой голос.

И та, и другая перспектива привлекали меня в равной мере, и от отчаяния я нашел совершенно правильную формулу:

— И по делам тоже!

— Входной билет ко мне ты знаешь, — деловито сказал Аркадий. — Две... нет, три... ладно, две бутылки коньяка. И приезжай!

Господи! Да я хоть десять бутылок был готов

приволочь... хватило бы денег! Но когда я возник на пороге дома на проспекте Вернадского, то и представить себе не мог, что ввергну хозяина в такое смущение. Он кинулся искать деньги расплатиться за бутылки, на ходу объясняя мне, что он всего лишь пошутил и не учел, что я этой шутки не знаю... и т. д. и т. п. Я вывернулся, объяснив Аркадию Натановичу, что, когда мы вели разговор, у меня в сумке уже болтались эти бутылки. Трудно восстановить весь ход общения в тот день — помню только, что я выдал огромное количество вопросительных знаков, — но коньяк шел просто восхитительно...

Одна секция книжного шкафа была отдана японским книгам и словарям — не будем забывать, что по своей основной профессии Аркадий был японистом, военным переводчиком. Открыв один из словарей, я в полном отупении уставился на страницу, на которой, казалось, пьяные сороконожки танцевали джигу.

— Как же это переводить? — изумился я.

— Ничего нет проще, — искренне ответил Аркадий. — Вот в этом иероглифе — сорок восемь черточек. Из них двадцать одна — ключ. Находишь его, а остальное — проще простого.

Пришлось поверить на слово.

Вообще в этом доме, во время очередного визита понял я, — ухо надо было держать востро. Общение наше носило совершенно непринужденный характер, но порой разговор становился настолько интересен, что жалко было упускать хоть слово. Поэтому я решил вооружиться диктофоном — пусть лежит под рукой. Идя в очередные гости, на лестничной площадке перед дверью еще раз проверил кирпич «Романтики» — все в исправности, все крутится, донося четкое сообщение о зайчике, который вышел погулять.

Через пять минут, едва только мы очутились в комнате и я водрузил диктофон на стол, он омертвел. Начисто. Он не только не записывал и не воспроизводил текст. В нем вообще ничего не шевелилось. Как в настоящем кирпиче.

— Не переживай, — сочувственно сказал Аркадий, понаблюдав, как я отчаянно тыкаю в клавиши и кручу тумблеры. — И не трудись. В моем присутствии любая техника отказывает. Неоднократно проверено. Давай я тебе лучше пару хороших книг покажу...

Мне захотелось трахнуть диктофон по корпусу, но я вспомнил, как Ольга Ларионова совершенно серьезно рассказывала, что Аркадий и Борис Стругацкие — пришельцы, потерявшие связь с

кораблем-маткой, у которых была специально отключена память, чтобы они не брякнули чего-то лишнего. Во всяком случае, ее в этом убедило лицезрение, как работают писатели Стругацкие. Один сидит за столом перед машинкой, а второй ходит по комнате и диктует. Потом они меняются местами — и идет точно такой же текст. Нет, точно, у них один мозг на двоих...

4 января «Московский комсомолец» публикует рецензию на спектакль Центрального детского театра «Малыш» по одноименной повести АБС.

Смелков Ю. Скучная фантастика?

Школьники читают фантастику — читают, по-моему, даже те, кто ничего другого, кроме положенного по программе, не читает. Что ж хорошая фантастика содержит в себе все, что есть в хорошей литературе вообще, плюс еще острый сюжет, необычные ситуации, романтику познания.

Школьники почти не видят фантастики — на сцене, на экране не часто появляются фантастические фильмы и спектакли (едва ли не единственное исключение — постоянная телепередача «Этот фантастический мир», делающаяся

в целом очень неплохо), да и те, как говорится, оставляют желать лучшего. Поэтому инсценировка повести братьев Стругацких «Малыш», поставленная на сцене центрального детского театра А. Бородиным, заслуживает особого внимания — как первый фантастический спектакль на столичной сцене.

Это обстоятельство необходимо отметить — московский детский театр пошел, так сказать, навстречу пожеланиям своего зрителя. И произведение для этого своеобразного сценического дебюта фантастики было найдено точно. Не открыто — мне уже приходилось видеть эту вещь на периферийной тюзовской сцене, но именно найдено.

Ведь «Малыш» — это про малыша, про ребенка, волей фантастического сюжета ставшего сыном двух невообразимо далеких друг от друга цивилизаций. Стругацкие написали в сущности очень необычную фантастическую повесть, в глубине которой есть подлинно лирическое чувство: ну, хорошо, космос, звездолеты, далекие планеты — все это прекрасно, а ребенку-то каково испытывать все это на себе? Ребенку, принимающему мир как данность, еще не умеющему осмыслить весь драматизм своего положения между двух

цивилизаций, как между двух огней?

А как вообще делать фантастический спектакль? Как театру показать на сцене бездонные глубины космоса, иные планеты? В кино вроде бы все проще и возможностей больше (хотя, судя по вышедшим в последние годы на экран фантастическим фильмам, и там не просто, во всяком случае кинофантастика едва ли не уязвимее всего именно в воссоздании фантастического мира, каким-то откровенно самодельным он получается). В театре сложнее — и проще: не построишь же на сцене звездолет, похожий на настоящий, значит, нужно искать образное решение.

В «Малыше» Центрального детского театра оно художником С. Бенедиктовым найдено. Ничего натурального, ничего жизнеподобного (хотя в применении к фантастике о жизнеподобии вообще можно говорить только в переносном смысле) — странного, «неземного» оттенка зеленые огни с причудливыми отсветами, дымы, неизвестно откуда появляющиеся на сцене: что-то космическое — так можно было бы сказать, причем с ударением на «космическое», поскольку на Земле все это трудно представить себе. Что и требовалось — разбудить воображение зрителя, чтобы он с помощью воображения перенесся в

космос, на ту дальнюю планету, где происходит действие.

Само же действие, как всегда в хорошей фантастике и у Стругацких в частности, развивается динамично, напряженно и с неожиданными поворотами. Повороты эти в фантастике чаще всего диктуются вновь возникающими обстоятельствами, у Стругацких же, особенно в последних их произведениях, — характерами персонажей. Хотелось бы отметить, что человеческий характер в фантастике последних лет начинает играть все большую роль, она в этом смысле заметно сближается с «обычной» литературой. В этом процессе, благотворном для фантастики, заслуга Стругацких очевидна и велика.

Итак, все вроде бы хорошо, но тут в спектакле происходит нечто странное. Все перипетии сюжета переданы в инсценировке с точностью, вполне достаточной. Перипетии эти сами по себе интересны — попытки космонавтов вступить в контакт с Малышом, понять его, узнать, как ему удалось остаться живым (он был совсем крошечным, когда космический корабль с его родителями потерпел катастрофу при подходе к этой планете, родители погибли, а он почему-то выжил в достаточно суровых условиях), найти

ту цивилизацию, которая сохранила ему жизнь. Вот вроде бы нашли — но контакт обрывается по вине одного из членов экипажа, Майки Глумовой, которая считает, что недопустимо лезть к этим непонятным и неизвестным созданиям непрошеными гостями. Но смотреть на все это... честно говоря, не очень интересно, скучновато даже.

В чем дело? Почему повесть по-прежнему, и после спектакля (знаю — сам пробовал), читается с интересом, а на спектакле он пропадает? Думаю, потому, что А. Бородин слишком понадеялся на сюжет, на экзотическую обстановку сцены, на тягу юных читателей (зрителей) к фантастике — понадеялся, что всего этого хватит для зрительского успеха спектакля. И забыл об одном условии сцены — о том, что интересны на ней могут быть только люди и их отношения: все остальное, любая экзотика и фантастика — пожалуйста, но живые люди и их отношения должны быть обязательно.

В спектакле заняты хорошие актеры, в таланте которых мы уверены, поскольку не раз наблюдали их в других спектаклях ЦДТ — Ю. Балмусов, Ю. Лученко, Н. Пряник, А. Хотченков. Но здесь они неузнаваемы — впечатление такое, будто они с неохотой отбывают положенное рабочее время,

чтобы в свободное заняться, наконец, чем-нибудь поинтереснее. Т. Курьянова в роли Малыша оказалась в сложном положении, упрекать актрису тут, пожалуй, трудно — она хорошо выполняет сложный пластический рисунок (режиссер по движению А. Дрознин), но душа ее героя остается скрытой от нас: надо сказать, что открыть эту душу — задача сложнейшая. Я даже не знаю, возможно ли это, скорее всего, Малыша должны были «сыграть» другие актеры (подобно тому, как, по старой театральной мудрости, «короля играют придворные»). Но другие актеры играют сюжет — только сюжет, холодно и незаинтересованно.

Расстояние, отделяющее Малыша от людей Земли, то расстояние, которое им почти не удается преодолеть, может быть осмыслено и как метафора другого расстояния — того, что порой отделяет ребенка от взрослого в нашей земной обычной жизни. Может быть, такая трактовка и сузила бы несколько смысл повести, но она, думается, была бы уместна в детском театре. Не дело критика подсказывать режиссеру трактовку спектакля, но она, так сказать, в данном случае напрашивалась.

Не хотелось бы только, чтобы из неудачи перво-

го опыта фантастического спектакля в ЦДТ были бы сделаны излишне широкие выводы. Наоборот — хорошо, что театр обратился к фантастике. Правда, при этом он не должен был забывать, что успех (в любом жанре) немыслим без тщательной проработки характеров героев, что упование только на жанр и сюжет никогда не приводит к подлинному успеху, что работать над фантастикой нужно так же серьезно и глубоко, как и над любым другим жанром. Тогда все получится.

К театральным постановкам АБС обращаются не только профессионалы. В Ростове-на-Дону занимаются уже вторым спектаклем по АБС — театрализируют СОТ. Михаил Якубовский позднее вспоминал об этом.

Якубовский М. Пояснение, октябрь 2008

А еще у меня от АНа есть письмо 1985 г., по поводу постановки тем же ТЭФФ (Театр эстрады физического факультета) «Сказки о Тройке» — вариант «Ангары», есссно.

Пошла дискуссия сперва в университетской многотиражке, а потом и в областной комсомольской газете «Комсомолец». Вот я и попросил письмом АНа откликнуться. Он ответил момен-

тально, да еще прислал мне копию! Оригинал был немедленно отнесен редакторшей многотиражки «За советскую науку» в первый отдел, с целью установления достоверности подписи (!). Хранился в сейфе под строжайшим секретом. Опубликован ответ так и не был, ограничились упоминанием: мол, откликнулся и сам писатель... Основной интерес был вот к чему: как это я ухитрился съездить в Москву? Установили — Ростов я не покидал, на работу хожу... Вот неверие в нашу советскую почту!

В начале года Авторы работают в Москве.

Рабочий дневник АБС

11.01.85

Б<орис> приехал в Мск делать ХС+ГЛ.
Резали и правили.

12.01.85

Закончили оформление: ХС — роман.

13.01.85

Думаем над Белым Ферзем.

Б. в соплях.

14.01.85

Уничтожение страха смерти (благотворительность типа прогрессорства).

Следствия:

a) Смерть (в силу того, что сердце «не боится» остановиться),

b) Ощущение бессмертия (субъективное бессмертие),

c) Исчезновение страха перед начальством.

15.01.85

Ездили в В<неш>П<осыл>Т<орг>.

Сюжет: случайно сочинили мелодию труб Страшного Суда. Популярная мелодия разлетелась по миру, и мертвецы всех эпох стали вставать.

16.01.85

Б. уезжает.

В феврале в журнале «Молодая гвардия» появляется резко отрицательная статья о ЖВМ.

Шабанов В. В грядущих сумерках морали

Невозможно сегодня найти человека, интересующегося фантастикой и незнакомого с произведениями Аркадия и Бориса Стругацких. Книги этих известных советских писателей изданы в СССР общим тиражом в несколько миллионов экземпляров, переведены на десятки иностранных языков, удостоены международных премий. Всё это говорит не только о широком признании их творчества, но и о высокой ответственности авторов перед читателем за каждую новую книгу, о необходимости постоянно поддерживать, повышать уровень художественного общения с читательской аудиторией, достигнутый в предыдущих произведениях.

В коротком авторском предисловии, предваряющем повесть «Жук в муравейнике»3, А. и Б. Стругацкие напоминают читателю основную проблематику своего творчества: «Более двадцати лет назад повестью „Полдень, XXII век“ мы начали цикл произведений о далеком будущем, каким мы хотели бы его видеть. „Попытка к бегству“, „Далекая радуга“, „Трудно быть богом“, „Обитаемый остров“, „Малыш“, „Парень из преисподней“... Время действия всех этих повестей

— XXII век, а их главные герои — коммунары, люди коммунистической Земли, представители объединенного человечества, уже забывшего, что такое нищета, голод, несправедливость, эксплуатация. „Жук в муравейнике“ — последняя (пока) повесть этого цикла». Стругацкие не оставляют сомнений — их новая повесть посвящена далекому будущему, каким они сами хотели бы его видеть.

Вселенная, в которой разворачивается действие повести, густо населена инопланетянами. Какие только формы не принимает жизнь по воле авторов — кроме земных людей и существ, подобных им (гуманоидов), мы встретим в ней весьма непривычных для себя «носителей разума». Ракопауки с Пандоры, личинки с планеты Тагора, собакообразные Голованы с Саракша, наконец, таинственная, неуловимая, непонятная, не имеющая нигде постоянного пристанища, сверхмогущественная цивилизация Странников.

Впрочем, это лишь фон, на котором происходят главные события. Да и кого сегодня удивишь «гигантскими ракопауками, обладающими двумя рядами мутно-зеленых бельм, чудовищными суставчатыми мослами и полуметровыми шипастыми клешнями»? — степень читательского

интереса не зависит от числа бельм и размеров клешней. В повести есть и острый детективный сюжет, держащий читателя всё время в напряжении. Сотрудник КОМКОНА — комиссии по контролю, наблюдающей за тем, чтобы наука в процессе бурного развития не нанесла ущерба человечеству Земли, — Максим Каммерер, от имени которого ведется повествование, получает от руководителя КОМКОНА, Экселенца, секретное задание — найти некоего Прогрессора Льва Абалкина. Шаг за шагом Каммерер выясняет, что Абалкин не человек, а «подкидыш» Странников, что в него заложена какая-то неизвестная программа, грозящая для землян непредсказуемыми и, возможно, непоправимыми последствиями. Экселенц вынужден решать: допустить или не допустить осуществление эксперимента Странников. Повесть завершается смертью некоего Прогрессора Льва Абалкина, так и не успевшего осуществить заложенную в него программу.

Но сюжет сюжетом, а читателя не в меньшей, а то и в большей степени интересует обещанное авторами коммунистическое будущее Земли.

Перенести действие в XXII век А. и Б. Стругацким несложно. Они показывают изумление Каммерера при виде обычной папки для бумаг,

название которой он вспоминает с большим трудом, и наводняют страницы повести всевозможными «скорчерами», «глайдерами», «интравизорами», специалистами по «левелометрии», «экспериментальной истории», «патоксенологами», «дзиюистами». Последние сомнения скептиков должна развеять кабина «нуль-Т» — мгновенной транспортировки, «искусно выполненная в виде деревянного нужника». Трудно, конечно, представить, чтобы XXII век отличался от нашего лишь наличием «интравизоров», ведь не только же баллистическими ракетами, цветными телевизорами и специалистами, скажем, по микроэлектронике отличается XX век от XVIII. Но, бесспорно, на то, чтобы забыть название привычной для нас вещи, требуется известное время. В конце концов, можно просто довериться авторам — написано «XXII век», значит, так и есть. Важнее представить составляющих будущее общество людей — ведь, по словам Маркса, только с построения коммунизма начнется подлинная история человечества. Что же, по мысли А. и Б. Стругацких, движет вперед эту историю, чем живут герои их повести, люди изображаемого ими далекого будущего?

По роду занятий героев повести можно разде-

лить на две группы: ученых и комконовцев, — первые решают сложные научные проблемы, вторые охраняют ученых от них самих. И есть, знаете ли, в этом резон. Чего стоит одна лишь фигура Бромберга, ярого сторонника развития науки без всяких ограничений. Дай ему волю, он превратит всю Землю в гигантскую лабораторную колбу, в которой будет получать взрывоопасную смесь из беззаботной страсти к экспериментаторству и мощного научного интеллекта. Что ни говори о роли науки в развитии общества, а в случае неудачи собирать осколки этой лабораторной колбы будет действительно некому.

Особая группа — Прогрессоры. Особая потому, что в силу своей профессии на Земле Прогрессоры попадаются редко и симпатии у остальных землян не вызывают, даже у комконовцев, большинство которых сами бывшие Прогрессоры. Это могло бы показаться странным, ибо они занимаются куда как благородным делом — ускорением развития отсталых инопланетных цивилизаций. Стругацкие объясняют эту антипатию причинами психологическими: «...подавляющее большинство землян органически неспособны понять, что бывают ситуации, когда компромисс исключен. Либо они меня, либо я их, и некогда

разбираться, кто в своем праве. Для нормального землянина это звучит дико... Я прекрасно помню это видение мира, когда любой носитель разума априорно воспринимается как существо, этически равное тебе, когда невозможна сама постановка вопроса — хуже он тебя или лучше, даже если его этика и мораль отличаются от твоей... Надо самому пройти через сумерки морали, увидеть кое-что собственными глазами, как следует опалить собственную шкуру и накопить не один десяток тошных воспоминаний, чтобы понять наконец, и даже не просто понять, а вплавить в мировоззрение эту некогда тривиальнейшую мысль: да, существуют на свете носители разума, которые гораздо, значительно хуже тебя, каким бы ты ни был... И вот только тогда ты обретаешь способность делить на чужих и своих, принимать мгновенные решения в острых ситуациях и научаешься смелости сначала действовать, а уж потом разбираться».

Я рискнул привести здесь столь длинные рассуждения Максима Каммерера лишь потому, что в них, как в зеркале, отражаются пресловутые «сумерки морали» самих Прогрессоров. Для читателя эти рассуждения, выворачивающие наизнанку саму идею прогресса, действительно

звучат дико. Прогрессоры оправдывают свою агрессивность ссылками на разницу в психологии гуманоида и негуманоида. Остается только развести руками — не затевать же с авторами схоластический спор о гипотетической психологии гипотетических инопланетян. Однако подобные мысли, приписываемые людям XXII века, коммунистического, по словам А. и Б. Стругацких, общества, вызывают протест. Не может быть коммунистическим такое общество!

Пусть не удались Стругацким полпреды коммунистической Земли на других планетах, пусть поразила их невесть откуда налетевшая зараза американского суперменства. Но ведь на Земле XXII века их тоже не любят. Вероятно, нужно искать идеал авторов не среди изображенных ими Прогрессоров, а среди «коренных», так сказать, землян — комконовцев и ученых?

Ученые в повести представлены ретивым экспериментатором Бромбергом, а комиссию по контролю олицетворяют Экселенц, Каммерер и еще два-три рядовых безликих сотрудника. Для Бромберга авторы не жалеют иронии и сарказма — «бодренький почтенный старичок», который, однако, чуть что не по его, приходит в «зоологическое неистовство» и «становится неуправляем,

как космический катаклизм». Бромберг в повести чаще «вопит» и «взвизгивает», чем просто «говорит» или «произносит» свои реплики в диалогах. И вообще, надоел он Экселенцу безмерно, «как надоедает кусачая муха или назойливый комар...» Бромберг, такой, каким он нарисован, явно отпадает.

Кто же носитель и выразитель авторского идеала, кто обещанный представитель объединенного человечества, коммунар из далекого будущего — Экселенц или Каммерер? Решить трудно — оба они бывшие Прогрессоры, что не могло не наложить отпечатка на их образ мыслей. В большей степени это относится к Экселенцу. «Они походили не на человеков, — описывают Стругацкие спор Экселенца с Бромбергом, — а на двух старых облезлых бойцовых петухов». Явное сопоставление слышится в «склеротических демагогах», «старых ослах», «маразматиках», «ядовитых сморчках», которыми спорщики награждают друг друга, и в «несъедобных крысиных хвостах», «дурнопахнущих животных», «крысоухих змеях», посредством которых общаются несмышленые представители некой явно деградирующей цивилизации.

Экселенц, как ни оправдывай его ссылками на

заботу о безопасности человечества, на то, что «цель оправдывает средства», просто убийца. Его прогрессорская привычка брать решение на себя, делать не рассуждая, стала причиной смерти Льва Абалкина. Удивительно беспомощным предстает перед читателем «грозный» Экселенц, а вместе с ним и весь Мировой Совет, членом которого он является. Жизнь на Земле XXII века, по мнению Стругацких, будет построена в основном на умалчивании, на утаивании от землян информации, решающей их судьбу, на недоверии друг к другу, вопиющей безответственности на всех уровнях. А как же думать иначе, если Мировой Совет сначала скрывает, точнее, «закрывает» сведения о некоем найденном в космосе приборе, то ли грозящем непонятной и тем более страшной опасностью, то ли обещающем земной цивилизации новый уровень прогресса, а затем практически забывает о нем, сваливает все решение этой проблемы на плечи Экселенца, который просто не в состоянии ее решить один, хотя со свойственной Прогрессорам самоуверенностью берется за это? Его решение тривиально — убивать, уничтожать все, что грозит опасностью, даже если уничтожаешь при этом надежду на какой-то наметившийся прогресс.

Чего же так испугался многоопытный Экселенц, что принялся палить из своего любимого двадцатишестизарядного «герцога», как заправский голливудский ковбой? Напугало его нечто, чего представить он не в силах, чему он названия даже придумать не может, кроме как «бомба замедленного действия». Существует эта бомба в виде Льва Абалкина, а вот взорвется ли она или нет и будет ли «взрыв» разрушительным, знают только сами Странники, которые, как известно, себе на уме. Оставь Экселенц Абалкина в живых, земляне рискуют стать подопытными кроликами; уничтожь он Абалкина, Землю ждет судьба планеты Тагора, поступившей с «подарком» Странников так же и зашедшей сейчас в «жуткий тупик», но, впрочем, довольной своей жизнью.

Что и говорить, ситуация придумана сложная, с помощью одной формальной логики ее не решить, здесь необходима аргументация иного порядка — логика характера, логика социального движения общества, логика авторской позиции. К сожалению, авторы не смогли предложить художественно убедительного решения сконструированного ими противоречия. Если поступки Экселенца еще можно объяснить его прогрессорским прошлым, то остальные аргумен-

ты малоубедительны. В Экселенце, самолично вершащем судьбу Земли, выбирающем для нее сладостный тупик «золотого века», трудно увидеть человека коммунистического будущего, представителя объединенного, по мысли авторов, человечества. Может быть, сама «бомба», сам Абалкин и есть тот, кого тщетно ищет в повести читатель? Вроде бы авторские симпатии на его стороне. Абалкина по неизвестной ему причине всю жизнь обижают комконовцы — не дают самостоятельно распорядиться выбором профессии, не дают заниматься любимым делом, десятилетиями не пускают на Землю — отказывают в праве называться человеком! А ведь он на вид такой же человек, как и все остальные, и душа у него человечья — и любить он умеет, и страдать, и радоваться... Но мало-помалу желание сочувствовать Льву Абалкину, восхищаться им уменьшается, а там и вовсе исчезает. «— Уж больно он какой-то диковатый, — сомневается читатель. — Червяков ему, видите ли, жалко стало, а к людям — безразличен. И девчонку свою, Майю, лупил как сидорову козу!». Она сама вспоминала: «Стоило ей поднять хвост, как он выдавал ей по первое число. Ему было наплевать, что она девчонка и младше его на три года, — она

принадлежала ему, и точка. Она была его вещью, его собственной вещью...» Абалкин лупил свою хрупкую подружку «жестоко и беспощадно, как лупил своих волков, пытавшихся вырваться у него из повиновения».

По решению Мирового Совета Абалкина, чтобы держать подальше от Земли, сделали Прогрессором, и извращенные идеалы агрессивного прогрессорского гуманизма нашли в его душе благодатную почву. Со временем детское желание обладать, владеть безраздельно — вещью ли, девчонкой, своей ли судьбой, всей планетой, наивное прогрессорское убеждение, что он вправе решать судьбы народов и цивилизаций, толкнуло Абалкина навстречу смерти.

При чтении повести невольно складывается впечатление, что отличительная черта людей будущего — эгоистическая самонадеянность, причем не подкрепленная даже особыми интеллектуальными способностями, не ограниченная какими-то нравственными рамками.

«Мы все глядим в Наполеоны, — к месту вспомнил читатель, — двуногих тварей миллионы для нас орудие одно, нам чувство дико и смешно...»

В последней надежде обращаемся мы к Максиму Каммереру — но, увы, тот слишком аморфен,

чтобы занять предлагаемое ему высокое место человека коммунизма. Главное, чем озабочен Каммерер, — никуда особо не вмешиваясь, не влезая ни в какие тайны, сделать так, чтобы и Абалкин был цел, и Экселенц, как говорится, сыт. Или все наоборот.

Однако, по утверждению одного из авторов, А. Стругацкого, этаких Максимов, если отвлечься от физических данных нашего героя, которые дала ему система воспитания далекого будущего, «...среди нынешнего поколения очень много. В нашем обществе живут бок о бок с нами люди, которые уже сейчас вполне могут жить и работать при коммунизме».

Читатели, внимательно следящие не только за творчеством А. и Б. Стругацких, но и за их выступлениями в периодической печати, по телевидению, обратили, вероятно, внимание на непоследовательность их заявлений. А. Стругацкий, например, не раз говорил, что основная идея их творчества — «отражение действительности в художественной форме, действительность — это не только мир вещей, но и мир наших идей». На встречах с любителями фантастики он выражается категорически: «Мы никогда не писали о будущем. И не собираемся писать. Нас интересу-

ют сегодняшние проблемы, сегодняшние люди с их заботами». В авторском же предисловии к повести «Жук в муравейнике», повторюсь, декларируется двадцатилетний интерес писателей к человеческому обществу далекого будущего.

Повесть «Жук в муравейнике» ставит перед читателем много вопросов. Но вопросы эти не относятся к попыткам осмыслить основополагающие проблемы земного бытия, обсудить важные стороны развития личности, общества, науки, проанализировать этику взаимоотношений человека и природы, человека и науки, личности и общества. Читателям, занятым разгадыванием художественно-психологических ребусов в повести Стругацких, недосуг заниматься сложными этическими проблемами. Они удовлетворились бы и малым — найти бы верную дорогу в покрывших повесть «сумерках морали», понять бы, кого имели в виду авторы, живописуя пугающую своим антропошовинизмом психологию прогрессоров, разобраться бы: что перед ними — попытка представить будущее Земли, на которой построен коммунизм, или предостерегающая картина общественных отношений, двигателем, основой которых стал эгоцентризм. А если «Жук в муравейнике» — повесть-предупреждение, то как

в таком случае относиться к заверению авторов в предисловии, что герои повести — коммунары, представители объединенного человечества? Что общего у изображенного Стругацкими общества с коммунизмом? И что общего у «Жука в муравейнике» с повестью «Полдень, XXII век», в которой сделана искренняя, добросовестная попытка увидеть далекое будущее, представить духовный мир людей нового, коммунистического общества?

Начало творческой работы братьев Стругацких совпало с появлением знаменитой «Туманности Андромеды» И. Ефремова. Первая их повесть «Страна багровых туч» заняла третье место в конкурсе, в котором первенствовала «Туманность Андромеды» — роман, открывший новую эпоху в советской фантастике. В нем И. Ефремов с дерзкой откровенностью обнажил перед читателем свою творческую цель, вложив в древний жанр утопии остросовременную гуманистическую идею. Читая заявления, подобные сделанному в предисловии к «Жуку в муравейнике», представляешь братьев Стругацких чуть ли не продолжателями творческих идей И. Ефремова в советской фантастике. Однако такой вывод был бы слишком поспешным, и Стругацкие не раз

подтверждали это, говоря, что в их произведениях нужно искать в первую очередь осмысление нашей сегодняшней жизни. Но как в таком случае понять и оценить последнюю их повесть «Жук в муравейнике», какие провести аналогии с днем сегодняшним?

Выдержанный в жанре политического доноса материал А. Шабанова не остался без внимания не только в СССР, но и за рубежом. Подтверждение тому — материалы исследовательского отдела «Радио Свобода».

Юрьенен С. «Молодая гвардия» против братьев Стругацких

Резюме: Вышедшая около пяти лет назад последняя повесть всемирно известных писателей-фантастов Аркадия и Бориса Стругацких «Жук в муравейнике» была в свое время высоко оценена «Литературной газетой». В февральском номере «Молодой гвардии» за этот год та же повесть подверглась резкой критике — на грани политической дискредитации ее авторов. Анализ очередного «дела Стругацких» уточняет представление о главных действующих силах, продолжающих вести — в частности, через по-

средство неосталинской «Молодой гвардии» — борьбу с последствиями минувшего политического сезона.

Творчество всемирно известных писателей-фантастов братьев Аркадия и Бориса Стругацких снова вынесено в центр литературно-политической борьбы в Советском Союзе. Их последняя (в цикле произведений о далеком коммунистическом будущем XXII века) повесть «Жук в муравейнике» вызвала резкий идеологический «протест» у «Молодой гвардии». Общество, изображенное братьями Стругацкими, не имеет ничего общего с коммунистическим, заявил этот журнал, выходящий тиражом 650000 экземпляров, в своей последней, февральской книжке4.

Тут в первую очередь любопытна периодизация. Впервые повесть А. и Б. Стругацких «Жук в муравейнике» появилась около пяти лет назад на страницах «научно-популярного и научно-художественного» ежемесячника «Знание — сила» (1979, №№ 9–12, 1980, №№ 1–3 и 5–6). В стремлении актуализировать свою критику «Молодая гвардия», называющая идеологически бракуемую повесть «новой», ссылается на самое последнее ее переиздание в сборнике научной фантастики «Белый камень Эрдени». Этот сборник, однако,

увидел свет (периферийный Лениздат, 1982) тоже не вчера. Иными словами, последнее по времени произведение фантастов появилось в переходный период от Брежнева к Андропову. Отмеченный известными «либеральными» допущениями, этот период сразу после прихода к власти в стране Черненко был четко очерчен «Молодой гвардией» как «минувший сезон». Его последствиям в литературе, искусстве, в области средств массовой информации, выразившимся, по мнению «Молодой гвардии», в неслыханном разгуле «пятой колонны» прозападно и просионистки настроенной творческой интеллигенции, национал-большевистский журнал немедленно объявил войну5.

Атака на братьев Стругацких, обвиняемых сегодня в замаскированной клевете на советскую действительность и в антикоммунизме, знаменует, таким образом, начало второй фазы все той же национал-большевистской экспансии в «поле» советской литературы. Не приходится сомневаться, что новый импульс боевитости «Молодой гвардии» придала высокая оценка черненковской администрации: не далее как 27 декабря 1984 года главный редактор журнала Анатолий Иванов получил свою Звезду героя

Социалистического труда «лично» из рук генерального секретаря ЦК КПСС[6]. Без подобного поощрения «свыше» «Молодая гвардия» вряд ли бы решилась отметить первую годовщину черненковского периода в идеологии походом на братьев Стругацких.

Как отмечала в свое время «Комсомольская правда», есть «что-то очень загадочное и некоторым образом таинственное в духовной связи двух братьев, друзей, единомышленников»[7] Аркадия Натановича (1925 г. р.) и Бориса Натановича (1933 г. р.) Стругацких. Газета имела в виду прежде всего образ писательского творчества фантастов: Аркадий Стругацкий живет в Москве, Борис — в Ленинграде. Для работы над очередной книгой оба съезжаются в город Бологое, находящийся ровно посередине между «двух столиц». Характер их работы, вызывающий представление о Париже хемингуэевских времен, нетипичен для советских литераторов: по свидетельству «Комсомольской правды», братья Стругацкие пишут свои книги в городе Бологое в «маленьком кафе под вывеской „у Бори и Аркаши“»[8]. Однако еще больше отношения к «чуду» в советских условиях имеет результат этого соавторства — книги, социально-политическая фантастика

Стругацких, которые, как справедливо отмечала «Краткая литературная энциклопедия», «в форме фантастического гротеска и сатиры» «отстаивают гуманистический идеал прогресса во имя человека, выступая против различных форм духовного порабощения и угнетения»9.

Подобная направленность творчества братьев Стругацких объясняет тот факт, что на протяжении послехрущевского периода их книги не раз вызывали в советской прессе яростные схватки между «консерваторами» и «либералами», «догматиками» и «прагматиками», «ястребами» и «голубями»10. В свое время Иркутский обком КПСС даже разогнал альманах «Ангара» за публикацию их повести «Сказка о Тройке», объявленной «вредной в идейном отношении»11.

К началу 80-х гг., однако, литературный бастион Стругацких казался надежно защищенным «широким признанием их творчества», миллионными тиражами в СССР, «переводами на десятки иностранных языков», «международными премиями»12. Отдавая должное силе своего противника (тем самым косвенным образом рекламируя свою всепобедительную мощь), «Молодая гвардия», таким образом, признает, что творчество братьев Стругацких, находящееся «на

уровне мировых стандартов» в области фантастики, очень неплохо идет на экспорт. В этом смысле книги антитоталитарно настроенных фантастов интересуют не только ВААП и Госбанк СССР, но, видимо, и «прагматиков» на высшем уровне руководства, не оставляющих надежд на реанимацию провалившегося детанта, по крайней мере, в сфере двусторонних отношений. Напомним, что не далее как весной минувшего года делегация Госкино СССР, возглавляемая генеральным директором киевской киностудии имени Довженко Альбертом Путинцевым, заключила в Мюнхене договор с баварской киностудией о производстве первого советско-западногерманского фильма, в основу которого положена ранняя повесть А. и Б. Стругацких «Трудно быть богом». Съемки этой картины с бюджетом в 16 миллионов «тяжелых» марок согласно договору должны начаться в Советском Союзе в июне 1985 года13, то есть не только в «Год Победы» над нацистской Германией, но и непосредственно сразу после того как мемориально-милитаристский угар достигнет своего апогея к 9 Мая.

Возникает вопрос: состоится ли запланированное кинорукопожатие СССР и ФРГ? По мере того как приближается 40-летие Победы, средства

массовой информации и пропаганды в Советском Союзе усиливают нападки на «западногерманских реваншистов». Не исключено, что в этой атмосфере предстоящий (сразу после очередной, юбилейной «победы») «прагматический» акт расценивается «военно-патриотическими» силами как святотатство со стороны «антипатриотов» и «пацифистов». Поэтому вполне возможно усмотреть в выступлении «Молодой гвардии» против братьев Стругацких тактическую цель — торпедировать киномероприятие. Возможные при этом издержки национал-большевиков смущать не должны. Как заявлено в песне Б. Окуджавы: «И значит, нам нужна одна Победа, одна на всех, — мы за ценой не постоим».

«Идеалистические» мотивы «Молодой гвардии» просматриваются, впрочем, с большей отчетливостью, нежели, так сказать, утилитарные. Координируя свои действия с рядом других периодических изданий («Огонек», «Москва», «Наш современник», «Литературная Россия»), «Молодая гвардия» выступает застрельщиком в борьбе против «пятой колонны» в писательской среде. Не случайно, конечно, в монтаже критических материалов под рубрикой «Наше обозрение» рецензия на повесть братьев Стругацких «Жук в

муравейнике» подверстана к очередному антиизраильскому и антиамериканскому материалу под названием «На службе мировой реакции»14: выводы читатель «Молодой гвардии» должен сделать сам...

На первом плане в повести «Жук в муравейнике» — служба безопасности, которая в отдаленном коммунистическом будущем достигла вселенского радиуса действия. Вскоре после выхода повести — в 1980 году — «Литературная газета», несмотря на замечание о дискуссионности «отдельных сцен», высоко оценила коллективный образ космических чекистов — «землян-разведчиков, которые на далеких планетах выполняют трудную и ответственную миссию: способствуют движению местного прогресса»15. Подчеркивая, что функция этих чекистов будущего, названных в повести «прогрессорами», заключается отнюдь не в «экспорте революции», а в «спасении островков культуры и цивилизации, когда на планету надвигается темная ночь фашизма, мракобесия, невежества»16, «Литературная газета» назвала «Жука в муравейнике» «высокой трагедией», «захватывающей с первых же страниц и не отпускающей до самого финала», произведением, которое «заставляет читателя задуматься».

Таким образом, пять лет тому назад, когда шефом КГБ был еще Юрий Андропов, «Литературная газета» уже дала свой ответ на угрожающий вопрос, который задает сегодня «Молодая гвардия»: «Кого имели в виду авторы, живописуя пугающую своим антропошовинизмом психологию „прогрессоров“?»17 Можно предположить, что, высоко оценивая в целом повесть А. и Б. Стругацких, «Литературная газета» в то время отразила мнение своих закулисных читателей из «внешних» служб КГБ, возможно, и самого Ю. Андропова, который не мог не оценить по достоинству неоднозначный образ руководителя космической службы безопасности Экселенца, Рудольфа Сикорски, — так сказать, трагического гуманиста, несущего на своих плечах ответственность за судьбы цивилизации.

В отличие от «Литературной газеты», «Молодая гвардия», похоже, выступает ныне как рупор «внутренних» служб госбезопасности, акцентируя свое внимание не на «экспорте» прогресса в космос, а на земной роли изображенного братьями Стругацкими ведомства: сокрытие жизненно важной информации от сограждан, насаждение атмосферы подозрительности, «охрана ученых от них самих» и прочие репрессивные функции.

Остается добавить, что текст последней повести писателей-фантастов допускает и еще одно «прочтение», которое не может устроить «Молодую гвардию» и стоящий за ней национал-большевистский альянс. По сути дела, «Жук в муравейнике» — это притча о трагической судьбе инакомыслящих «инородцев» в идеологически однородном обществе коммунистического будущего. Они, эти посланцы иной — высшей — цивилизации, оказываются жертвами «высокой трагедии», тогда как Экселенц — и тут спорить с «Молодой гвардией» не приходится — «просто убийца»18, несмотря на «гуманитарную» разработку этого образа братьями Стругацкими.

В феврале АБС вновь встречаются и работают.

Рабочий дневник АБС

[запись между встречами]

«Если у тебя хватит пороху быть самим собой, то расплачиваться за тебя будут другие».

Джон Апдайк «Кролик, беги».

Звонил Никольский (30.01.85), просил что-нибудь. Обещал ХС+ГЛ через два месяца.

15.02.85

Б. приехал в Мск.

Причины явления:

1). Деятельность инопланетных прогрессоров,

2). Вирусы (допотопные),

3). Скачок эволюции,

4). Свита дьявола — смертные, но бесстрашные как бессмертные,

5). Вражеская диверсия (внешний враг),

6). Вышедший из-под контроля эксперимент военных ученых.

Основа и отец нашей цивилизации — страх.

Совесть иногда тоже базируется на страхе.

Мораль, совесть и т. д. возникли не вопреки инстинкту самосохранения, размножения и питания, а являются продуктом их развития, неразрывно с ними связанным.

Лишение страха — огромная эмоциональная потеря (страх за близких, за детей, за друзей).

Бесстрашие приобретает социальную значимость (только) в сочетании с глупостью и отсутствием воображения.

Ум и знание (и воображение) в социальной жизни играют роль страха. Но помимо страха есть: гордость, мстительность, чувство справед-

ливости и т. д. Душевные склонности, которые сковываются страхом:

+	–
чувство справедливости	сексуальность (садизм, мазохизм)
прямота, честность, откровенность	стремление к легкой наживе
гордость, собственное достоинство	легкое отношение (потребительское) к чужой жизни
принципиальность в частностях	склонность к лжесвидетельству
	мстительность
склонность держаться в тени	склонность к анонимности
	идиотская принципиальность

Антихрист. Проба. Или уступил аггелу, уверенному, что все беды людские — от страха.

История с Агасфером Кузьмичом — скупщиком душ — сюда же?

Начало: Христос и вновь назначенный Антихрист стоят на крыше только что построенной многоэтажки и беседуют.

Антихрист — человек, которому Христос передает Человечество.

16.02.85

Идея: сделать повесть 3-й книгой ПНвС. Прошло 20 лет, дом-небоскреб в Соловце, с точки зрения сына Саши Привалова, современного циничного

молодого человека. Окончил МГУ, рванул в маги, хотя отец был против. Эксперимент Кристобаля Хунты: и Агасфер, и обессмертивание. Ход полемики с комитетом по ЛИО, утверждающим, что пришельцы могут быть только с добром. Тема подарка от пришельцев.

Всё работает плохо, приборы из Китежграда ни к черту, лаборанты сачкуют, в маги никто не идет, все норовят в завмаги.

Первое, что сделали обесстрашенные, — это прекратили работать. У Кристобаля работают только зомби и привидения, да и то одно проворчало: «Пусть трактор работает, он железный», за что и было немедленно разобрано на запчасти.

Начинает сбоить магия под воздействием административных шумов.

Алкоголизм!

Модест Матвеевич одряхлел и ушел на пенсию. Вместо него — тот самый хмырь, кот<орый> будет продавать Агасферу души подчиненных. Все мощности, ему доступные, на контакты с гор<одским> начальством. Непрерывное использование служебного положения для личной выгоды.

Все, что можно, крадут. Скука.

Воровство! Тоже новое явление. И несуны, и крупные.

Главная система — «я тебе, ты мне».

У Эдика — ранцевый реморализатор. А Кристобаль сделал стационарный.

17.02.85

Осознание огромного и безнадежного отставания от мирового уровня — во всем.

Агасфер = Эспера-Диос («надейся на бога») = Ботадеус («ударивший бога»).

Акамант (ларец таинственный).

Нет победителей и побежденных — все в г..., все несчастны, все недовольны.

18.02.85

Ленка19 сражена гриппом. Б. уехал.

[Записи между встречами]

За что был сослан Овидий? (Послесловие к «Скорбным элегиям»)

111 аргументированных мнений. Наиболее вероятно — за недонесение (хотя это и был только предлог)20.

«Поскребите любое дурное свойство человека, и выглянет его основа — страх». С. Соловейчик (Н<овый> М<ир>, 3,1985)

БН по-прежнему занимается семинаром. «Семинаристы» начинают изредка публиковаться. 13 марта в письме Борису Штерну он пишет:

Из архива. Из письма БНа Б. Штерну

<...>

Прочитал в ХиЖе про фаллос21. Нет, Вы все-таки молодец. Рассказ, как это ни странно, мне понравился (в рукописи — не очень). Еще поразительнее, что он понравился многим моим друзьям, среди коих есть и весьма суровые ценители. Меня спрашивали: «В ХиЖе... твой, что ли, написал?» И я не без гордости говорил: «Ага». А мне говорили: «Хорошо... Ей-богу, хорошо... Давно такого удовольствия от чтения фантастики не испытывал».

<...>

С публикациями у АБС по-прежнему трудности. 12 апреля БН записывает в рабочий дневник: «12.04.85 — звонили из Риги.

Госкомиздат запретил издание УнС (под предлогом, что не было книжного издания в центре). Я разрешил ЖвМ».

Но в периодике случаются и приятные моменты. К примеру, статья в ленинградской газете

«За трудовую доблесть» за 15 апреля.

Гуревич Б. Капитаны фантастики

В 1983 году исполнилось 25 лет со дня выхода в свет первого рассказа Аркадия и Бориса Стругацких. С тех пор они создали более 50 различных произведений, одинаково любимых многомиллионной армией поклонников фантастики. Впрочем, было бы некорректно так сужать круг поклонников таланта Стругацких. Можно сказать, ими зачитывается поистине огромное число думающих и чувствующих людей.

Действие книг Стругацких иногда переносится в космос (повести «Страна багровых туч» и «Стажеры», «Путь на Амальтею», «Малыш»), иногда — на планеты, подобные Земле («Трудно быть богом», «Обитаемый остров», «Попытка к бегству», «Улитка на склоне»). Но больше всего в творчестве Стругацких книг о самой Земле. Это картины коммунистического будущего («Полдень, XXII век», «Парень из преисподней», «Жук в муравейнике») и противостоящие им изображения капиталистического мира («Пикник на обочине», «Хищные вещи века», «Второе нашествие марсиан» и др.). И еще это драматические или юмористические картины нашей действи-

тельности («Понедельник начинается в субботу», «За миллиард лет до конца света»).

Но, наверное, эта, да и любая классификация будет условной: фрагменты утопии есть и в истории космического Маугли — «Малыша», и в трагической антифашистской повести «Попытка к бегству». И, наоборот, в «Жуке в муравейнике» вдруг оказывается рассказ-предупреждение об экологической катастрофе, постигшей далекую планету.

Нет, не описательство главное в книгах Стругацких. Не приключения и глобальные картины будущего, хотя там всего хватает, на любой, самый взыскательный вкус. Герои Стругацких — не носители каких-либо научных, социальных или технических коллизий, а живые люди, тонко и умно чувствующие.

Стругацкие открыли в фантастике новый горизонт — заставили своих героев делать выбор. Не формальный (самолет-поезд), а этический, затрагивающий внутренний мир человека, его индивидуальность, личность. Выбор, который делают герои Стругацких, не задается сюжетом, наоборот, — сюжет вытекает из того, какой выбор сделает герой — правильный или нет. Но в то же время человек со своими проблемами не засло-

нил большой мир, науку, общество. Отнюдь, — ибо вместе с человеком на авансцене появилась мысль. По Стругацким: «Мышление — обязанность каждого, иначе невозможен правильный этический выбор». Думается, каждый из нас подпишется под этими словами. Стругацкие никогда не противопоставляют общественному надуманное индивидуально, никогда не призывают к коллизии между ними. У них индивидуальные проблемы вытекают из общечеловеческих — так, как это и должно быть.

И еще. Стругацкие в своих книгах ведут настоящую войну с мещанством. С серыми, тупыми, оболваненными дураками, которые не раз и не десять в истории шагали в первых рядах агрессоров всех мастей — крестоносцев, черносотенцев, эсэсовцев, куклускслановцев… Именно они планируют и ведут войны, сама возможность которых зиждется на мировоззрении «моя хата с краю», «быть как все», «не высовываться», «как все, так и я», «глас народа значит глас бога», и еще можно привести не один десяток подобных мещанских «мудростей».

Такие люди не понимают, что «хата с краю» — это только начало, затем последуют факельные шествия и свастика.

Об этом — «Трудно быть богом», «Хищные вещи века», «Второе нашествие марсиан».

Сюжеты книг Стругацких всегда социальны. Да иначе и быть не может: они писатели-марксисты, и конфликты, выписанные ими на фантастическом фоне, обращенные, казалось бы, к будущему, все равно наводят на серьезные размышления, воспринимаются как метафоры и гиперболы нашего противоречивого времени.

Книги Стругацких не созданы для однократного прочтения. Чтобы больше понять, их надо перечитывать, каждый раз открывая в них что-то новое, не увиденное, не понятое раньше.

Повторно открытая книга — лучшая похвала писателям.

Встречаются и приятные письма от коллег по перу. К примеру, письмо БНу от Вениамина Каверина от 22 апреля. Заслуженный писатель спутал Бориса с Аркадием, с которым они вместе были на Чапековском конгрессе 1965 года, но это простительно — он ведь только что отметил свое 83-летие!

Из архива. Письмо БНу от В. Каверина

Дорогой Борис Натанович!

Благодарю Вас за книгу «За миллиард лет до конца света», которую я прочитал с большим интересом. Как и другие Ваши книги, она совершенно не похожа на произведения, написанные в том же жанре как талантливыми, так и бездарными писателями-фантастами (Гуревичем, Казанцевым и др.). Вам всегда удается заставить читателя вдуматься в то, что происходит в мировой науке, и понять угрозу гибели, которая неизбежно нас всех ожидает. Вы заставляете задуматься над тем, о чем никто не хочет думать, и согласно своим ежедневным машинальным поступкам — не думает. Вам удается соотнести любого Вашего героя со всем человечеством в целом. И то, что «зона» существует на Земле много лет, глубоко характерно. Она своим существованием как бы призывает людей не забывать о том, что мы — жалкие беспомощные существа перед лицом Вселенной. Очень талантлива сама мысль о том, что она будит в нас вовсе не эти отвлеченные соображения, а является просто-напросто еще одним предметом «купли-продажи». «Пикник на обочине» становится символом земной цивилизации, с рискованным соблазном, ничем, в сущности, не отличающимся от любой другой рискованной цели, которую нужно достигнуть

во имя самых ординарных земных благ.

От меня далек жанр, в котором Вы работаете, но одновременно в чем-то очень близок: я мучаюсь над психологической панорамой моего романа или рассказа, в то время как фантастические персонажи вроде героев «Верлиоки» сами идут в мои руки. И Ваши вещи снова возвращают меня к мысли, что я мог бы быть совсем другим писателем, если бы не вступил в 30-х годах на соблазнительный путь психологической прозы. Я вспоминаю нашу поездку в Чехословакию, где я познакомился с Вами и оценил Вас как доброго, умного, расположенного, веселого человека, простого и любящего людей. Очень жалею, что мы никогда не встречаемся ни с Вами, ни с Вашим братом, о котором я слышал много хорошего от моих ленинградских друзей. В ответ на Вашу книгу я посылаю Вам свою. Она отстоит от Вашего творчества бесконечно далеко, но, может быть, будет Вам интересна. Это тоже экскурсия в прошлое, но, разумеется, в недавнее, потому что мне еще нет — я еще не добрался — и первой сотни лет.

С крепким рукопожатием

[Подпись В. Каверина]

19 мая в минской газете «Знамя юности» вы-

ходит статья АБС «Сто строк о фантастике», где Авторы повторяют свои тезисы относительно определения фантастики как приема и перечисляют особенности реалистической фантастики. А на следующий день в «Литературной газете» появляется статья с подзаголовком «диалог писателя и социолога» и предуведомлением от редакции: «В конце прошлого года „Литературная газета“ опубликовала письмо читателя Сергея В., который заявлял, что книги уже не играют в жизни современного молодого человека прежней роли и пора заменить их более „эффективными“, как он полагает, средствами информации. Письмо вызвало большой интерес читателей. В редакцию пришло более 800 писем. Выдержки из некоторых мы публикуем сегодня. Разговор о месте книги в жизни современной молодежи завершает диалог социолога, кандидата философских наук Е. П. Васильевой и писателя А. Н. Стругацкого». В диалоге, кроме обсуждения недостатков издательской политики и преподавания литературы в школе, АН касается и высокого смысла чтения.

Из: АНС. Нечитающий возраст?

<...>

А. Стругацкий. Письмо в редакцию Сергея В. наводит на грустные размышления. Он ведь не собирается спорить о сравнительных достоинствах книги и видео. Он просто утверждает, что литературное художественное произведение как источник эмоциональной и рациональной информации для него и огромной социальной группы таких, как он, потеряло всякую привлекательность...

Е. Васильева. Правильнее сказать — никогда особой привлекательности не имело...

А. Стругацкий. С одной стороны, нам, старым писателям и читателям, обидно за книгу. С другой стороны, никуда не денешься, научно-техническая революция, как и всякая революция, не обходится без жертв. Не совсем понятно, правда, кто тут жертва: книга или Сергей В.?

Е. Васильева. Мне как социологу были даны для анализа читательские отклики на публикацию его письма. Показательно, что 90 процентов авторов писем считают обсуждение проблемы юношеского чтения очень своевременным, так как они наблюдают аналогичные настроения в

среде молодежи. 47,8 процента категорически против позиции Сергея В. В основном это люди старшего поколения. Каждое четвертое письмо написано молодым человеком.

А. Стругацкий. Они поддерживают Сергея?

Е. Васильева. Полностью поддерживают его позицию только 1,5 процента. В то же время 27 процентов написавших в редакцию вслед за ним отмечают, что их собственному чтению мешает отсутствие времени, перегруженность учебой, работой, другими занятиями, которые они считают столь же жизненно важными, как чтение. Большинство молодежи полагает, что экранизация не может заменить книгу. Однако при этом многие считают, что пришло время комплексного развития книги и различных видеосредств, включая телевидение. Судя по письмам, молодежь рассматривает книгу в первую очередь как источник информации. Люди старшего поколения, наоборот, говорят о ней как о предмете искусства, пишут о духовном наслаждении ею.

А. Стругацкий. Мы много и часто говорим о пользе книги. «Всем лучшим я обязан книге». «Любите книгу — источник знания». «Книга — лучший подарок». Мы с детства привыкли рассматривать книгу как некий предмет, чрезвы-

чайно полезный в практической жизни. Читай — и ты станешь умнее. Читай — и ты станешь высокоморальным. Читай — и ты станешь лучше. (Занимайся спортом — и ты будешь здоров. Фруктовые воды несут нам углеводы. Углеводы — очень нужная и полезная штука.) Нет смысла дискуссировать о пользе чтения. Сейчас я хотел бы подчеркнуть, что для каждого квалифицированного читателя чтение — это прежде всего процесс, доставляющий высочайшее духовное наслаждение. Не поумнеть мы стремимся, в двадцатый раз перечитывая «Братьев Карамазовых». Не только мораль свою надеемся совершенствовать, хватаясь за вышедший томик Маркеса. Вне духовного наслаждения не существует от книги ни проку, ни пользы.

<...>

А. Стругацкий. Очень хорошо, что в литературной газете развернута дискуссия «Литература и школа». Вопрос преподавания литературы — очень острый, больной вопрос. Его надо решать. Человек может благополучнейше прожить всю свою жизнь, начисто забыв о синусах и об экономике Англии. Забыв об этих предметах, он не утрачивает ничего. Человек же, которого отвратили от «горя от ума», потерял кусочек счастья.

Кусочек радости он утерял. Его сделали беднее, чем он мог бы быть.

<...>

А. Стругацкий. Во многих письмах, в том числе и в опубликованных газетой, звучала тревога: а не вытеснят ли книгу в жизни Сергея В. и ему подобных людей телевидение, видеозаписи? Я, честно говоря, не в состоянии понять, почему одно обязательно исключает другое. Почему надо отвергать чтение только потому, что существуют радости видео? Разве так уж много в нашем обиходе способов получать духовное наслаждение, что мы с легкостью необычайной готовы отказаться и отказываемся от самых испытанных? Отказываясь от чтения, мы становимся беднее. Конечно, бедность — не порок. Но потом примерно из тех же соображений мы отказываемся от наслаждения высокой музыкой. Потом — живописью. Мы становимся все беднее и беднее. А там уже, глядишь, и нищета!

<...>

В статье АН вспоминает и статью Шабанова, охарактеризовав ее так: «Мало того, у нас сегодня нет единого приемлемого принципа подачи молодежными журналами так называемой „рекомендательной библиографии“. Журналы не

согласуются ни с интересами читателей, ни с актуальностью той или иной проблематики, а руководствуются своими внутренними интересами. Я уже не говорю о том, что целые пласты литературы, причем как раз наиболее популярной у юношества, вообще не представлены в критических разделах молодежных журналов. Взять хотя бы фантастику. Единственное, что приходит на память, — это рецензия в февральской книжке той же „Молодой гвардии“. Да и не рецензия вовсе, а так, просто неумная ругань по поводу повести, опубликованной более пяти (!) лет назад. Оперативно откликнулись, так сказать...»

20 июня БНу вновь пишет Вениамин Каверин.

Из архива. Письмо БНу от В. Каверина

Дорогой Борис Натанович!

Спасибо за Ваше милое письмо от 3.06, в которое мне хочется внести только одну поправку: уже в тридцатые годы было принято говорить: «Старик, писать трудно, но печататься еще труднее». И в 30-е, и в 40-е, и в 50-е годы я чувствовал себя обстреливаемым со всех сторон — т. е. как на переднем крае. Мне помогло мое упорство и физически ощутимая невозможность не писать.

Думаю, что это чувство знакомо и Вам и Вашему брату.

Судя по просьбе, с которой ко мне обратилась «Литгазета»: «Поговорим о фантастике», — жизненное пространство для Вашего жанра будет несколько расширено, но Вы умудряетесь и в этих рамках писать превосходно.

Думаю, что этот ограничительный знак стоит над всей нашей литературой. Но выходы есть — в моих последних вещах нет ни слова неправды. Может быть, мне это только кажется?..

Крепко жму Вашу руку

[Подпись В. Каверина]

В начале лета журнал «Знание — сила» начинает публиковать ВГВ. Издание идет с трудностями, о которых позже вспоминал редактор журнала.

Из: Зеленко Г. «Кому нужны ваши Стругацкие?»

— Немедленно прекратите печатание Стругацких! Немедленно! Со следующего номера! — сказало высокое начальствующее лицо, и другие начальники, присутствовавшие в его кабинете в обществе «Знание», дружно закивали головами.

(Журнал был тогда изданием общества.)

— Но это еще не все. В следующем же номере вы должны перепечатать очень глубокую аналитическую статью из последнего номера журнала «Молодая гвардия», где полному разгрому подвергнуто все творчество Стругацких, в том числе и эта повесть (как они могут громить неопубликованную повесть, подумалось мне. — Г. З.), а также вы должны подготовить 2–3 письма читателей с гневным осуждением этой повести (речь шла о последнем совместном произведении Стругацких — «Волны гасят ветер». — Г. З.). А еще вы должны в том же номере опубликовать редакционную статью с признанием своих ошибок и объяснением, почему вы порываете со Стругацкими... Вы готовы принять решение немедленно? Здесь, у меня, чтобы я мог тут же доложить наверх?

Ох. Положение мое было незавидным, вокруг меня сидели четыре моих начальника из общества. Но я сильно разозлился: давно уже не было таких хамских, бесцеремонных «наездов» на журнал. К тому же у меня был один козырь, слабый, но был. Однако начал я не с него.

— Со следующим номером ничего не выйдет. Почему? Потому что он давно подписан в печать, сделаны формы, и я не исключаю, что печать уже

началась.

Главный начальник тут же снял трубку, доложил, узнал, что наверху все это известно, и приказал перенести акцию на один номер вперед.

Тут мне пришлось выложить свой козырь.

— Такое решение я принять не могу. Повесть Стругацких принимал главный редактор (тогда им была Нина Сергеевна Филиппова), и отменять ее решение я не вправе. А она сейчас — в отпуске.

Не буду описывать реакцию присутствующих. Мнения были разные, но сходились в одном: надо снимать.

То был конец июля 1985 года. Прошел месяц после назначения Александра Николаевича Яковлева секретарем ЦК КПСС. И мне было ясно, что интрига затеяна его недругами против него и против Горбачева, который вернул его из далекой Канады в верхушку партии. В моем сознании смысл этой затеи отлился в четкий, бронзовеющий девиз: «Вот вы, интеллигенция, обрадовались приходу Горбачева и Яковлева — так посмотрите, с чего они начали? С разгрома ваших любимых Стругацких и журнала „Знание — сила“».

Кроме того, интрига совершалась с нарушением неписаных правил этикета: все-таки журналом в первую очередь руководил сектор журналов отдела пропаганды ЦК. Я тут же позвонил заведующему этим сектором А. А. Козловскому, который, не скрою, был удивлен действиями руководства «Знания». А еще я немедля через Н. Б. Биккенина, благородного человека и соратника Александра Николаевича, довел до сведения Яковлева сообщение о развертываемой вокруг него интриге.

Через три дня я по обоим каналам получил известие о том, что дело прекращено и журнал может без проблем печатать повесть Стругацких.

<...>

5 июля в ленинградской газете «Смена» (в ее спецвыпуске «„Смена“ на студенческой стройке») выходит интервью с БНом, где он рассказывает о семинаре и съемках фильма «Письма мертвого человека».

Из: БНС. Мир в зеркале фантастики

<...>

— *Вы много времени «и по долгу, и по душе»*

уделяете работе с молодыми авторами. Чем вызвана такая потребность?

— Наша молодежь пишет активно, интересно. Но любому начинающему писателю, как и начинающему ученому, артисту, нужна творческая среда, литературная атмосфера. Без нее он просто задохнется. Он еще не знает, хорошо пишет или плохо. Ему трудно оценить собственную работу. Молодежи обязательно кто-то должен помогать. Лет десять назад Ленинградское отделение Союза писателей организовало семинар для молодых авторов. Мне предложили им руководить — с удовольствием согласился. С тех пор общаюсь с начинающими постоянно. Многие из них уже завоевали популярность, стали членами Союза писателей.

Так, например, недавно на киностудии «Ленфильм» начались съемки фантастической антивоенной ленты, которая рассказывает о последствиях ядерной катастрофы. Фильм ставит молодой режиссер Константин Лопушанский. А сценарий к нему писали Лопушанский и один из моих первых учеников Вячеслав Рыбаков. Думаю, читатели уже хорошо знают имя этого талантливого автора. В работе над сценарием принимал участие и я. Это, пожалуй, единственный случай

моего совместного творчества с молодежью.

Съемки сейчас в разгаре. Часть фильма планируется показать на фестивале молодежи и студентов в Москве.

<...>

— *И последнее: ваши пожелания молодежи, бойцам студенческих отрядов.*

— Что можно пожелать строителям? Стройте так, чтоб на века, чтоб стояло долго и выглядело красиво. Потомки будут судить о нас по тому, что от нас останется. А останется то, что мы построим.

7 июля интервью с АНом публикует московская газета «Ленинское знамя».

Из: АНС. Воспоминание о будущем

<...>

— *Как возникает замысел произведения?*

— Этот вопрос, наверное, больше в компетенции психологов. Сами же проблемы, которые мы ставим, вырастают из реальной жизни, из неких представлений о сущности гуманизма, о высших духовных ценностях. А сюжет — его можно брать из любого периода истории. Можно взять страшную гражданскую войну в Японии в XII

веке или альбигойские войны. Суть же будет одна — ответственность человека перед самим собой, перед историей, перед человечеством. Мы видим и изображаем людей, которые живут, работают, читают, пишут под грузом этой ответственности. Те, кто его лишен, нам неинтересны.

— Япония, надо полагать, возникла в нашем разговоре не случайно. Как помогает в вашей работе сочетание профессий японист — астроном?

— Мы пишем не научно-популярные книги и не этнографические романы. Нам важно современное научное мировоззрение. Конкретные знания в той или иной области могут помогать, а могут и мешать в работе.

— Для того чтобы книга возникла, обычно нужен какой-то внешний толчок, событие?

— Я вспоминаю, как мы писали нашу первую повесть — «Страну багровых туч». Нам ужасно не нравились уже написанные космические эпопеи. Не нравились какие-то картонные герои, гуляющие по фантастической литературе. Нелепо получалось: летят в космосе два профессора и всю дорогу объясняют друг другу, как устроен космический корабль и что их ждет на чужой планете. Не роман, а популярная брошюра из серии «Есть ли жизнь на Марсе?». Или еще нелепее:

перед полетом загружают в трюм космического корабля подарки со всей Земли и даже как венец несуразности мраморную глыбу с комнату величиной, из которой космонавты на Марсе изваяют себе памятники.

— *Это поразительно далеко от современных космических исследований.*

— А мы очень любили А. Дюма, и возник замысел создать современных мушкетеров, рыцарей без страха и упрека, но на уровне современных знаний, вооруженных по последнему слову техники.

<...>

— *Так и рождались сюжеты?*

— Сначала проблема — что-то происходит в мире, что-то тревожит, вызывает сочувствие или ненависть, любовь или жалость. Проблема употребления наркотиков как одного из основных факторов деградации человека вылилась в повесть «Хищные вещи века». «Жук в муравейнике», «За миллиард лет до конца света» — разговор об ответственности личности перед человечеством. «Понедельник начинается в субботу» — сказка об ученых, «Трудно быть богом» — роман о непрерывности истории и ответственности человека перед ней.

<…>

А во второй половине июля АН в третий раз посещает Саратов. Позже, когда готовился очередной хронологический сборник публицистики АБС «Стругацкие о себе, литературе, мире», об этом посещении в нем сообщалось так.

Из: АНС. И снова встреча… (Аркадий Стругацкий в Саратове. 1985 год)

Необходимые пояснения

<…>

Третья же поездка была по части встреч и выступлений самой плодотворной: Аркадий Натанович трижды встречался в различных дворцах культуры Саратова и Энгельса с читателями, был гостем саратовского КЛФ «Отражение», беседовал с местными переводчиками. Это было в двадцатых числах июля 1985 года.

По итогам встреч удалось в 1985 и 1990 годах опубликовать в общей сложности 8 материалов, из них 5 — Р. Арбитманом и автором этих строк (три оригинальных и два — фрагменты более полных публикаций). При подготовке данного выпуска необходимо было решить, все ли эти тексты и в каком виде следует представить. Вни-

мательно изучив как опубликованные версии выступлений, так и многочисленные фрагменты, никогда не попадавшие в печать, но оставшиеся в наших записях, мы пришли к наиболее, видимо, разумному решению: собрать *все* имеющиеся у нас материалы встреч в три больших и достаточно самостоятельных блока, представляющих при этом в целом результаты всех пяти бесед и выступлений Аркадия Стругацкого с читателями и переводчиками нашего города в июле 1985 года.

<...>

Итак, все то, чем группа «Людены» располагает по визиту Аркадия Натановича Стругацкого в Саратов летом 1985 года, мы можем, наконец, с максимально доступной полнотой представить нашим читателям.

Вадим Казаков

<...>

Встречи с интересными людьми, организованные обществом книголюбов, — не редкость для саратовцев. Но в июле им особенно повезло. Еще не успели обменяться мнениями о недавних выступлениях Булата Окуджавы, как стало известно, что в город приехал писатель-фантаст Аркадий Стругацкий.

<...> Интересно, что за последние четыре года

Аркадий Натанович приезжает в Саратов уже третий раз.

«Связи мои с Саратовом необыкновенно прочны, — объясняет он. — Мне полюбился ваш город, здесь у меня много друзей. Очень люблю Волгу, а здесь хорошая Волга, широкая. К тому же — поездом к вам очень несложно добираться...»

<...>

Как вы относитесь к людям, которые: а) не любят фантастики; б) читают только фантастику?

А. Стругацкий: Трудно и несправедливо было бы, видимо, с моей стороны строить свое отношение к людям исходя из того, читают ли они фантастику или нет. Есть такая гипотеза, что способности к чтению фантастики чем-то сродни врожденным музыкальным способностям. Я не могу винить людей, не любящих фантастику. Но есть люди, которые с отвращением относятся к фантастике современной, но с восторгом читают Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Кафку. Спросите знатока реалистической литературы, можно ли отнести к фантастике «Шагреневую кожу» Бальзака, — он наверняка будет в затруднении... А одну фантастику читают, по-моему, одни детишки, и рано или поздно у них развивается интерес

к реалистической литературе. Что мне нравится в литературе? Как прозаик мне страшно нравится Окуджава. И слушать его пластинку для меня — праздник. А вот лично я с ним почти не знаком. Я очень любил Владимира Высоцкого, мы долго были большими друзьями, он часто пел у меня. Я считаю, что Высоцкий — это энциклопедия современной русской души, он насквозь социален, и любят его именно за это, а не за лирику.

Из современной советской литературы люблю А. Толстого, «военных» прозаиков — К. Симонова, Г. Бакланова, В. Быкова. Очень талантливая книга — «В августе 44-го» В. Богомолова. Люблю Ю. Трифонова. Еще осмелюсь сообщить (сижу достаточно далеко от вас и надеюсь от плевков не пострадать), что очень и очень люблю и ценю Пикуля. (Кому это понравилось, те могут похлопать.) Мы с братом очень любим Булгакова. Булгаков как гора возвышается над нами и держит нас в тени своего гения. Литература — горный хребет, над которым торчат пики: Пушкин, Толстой, Достоевский, а в наше время — Булгаков. Его романы — поистине волшебные книги. Он так велик, что даже не вызывает зависти, как нельзя завидовать господу богу. Но творчество Булгакова не успело оказать на нас влияния: мы слишком

поздно прочитали «Мастера и Маргариту» и «Театральный роман», когда уже сформировались как писатели. Если бы эти книги попали в наши руки хотя бы на десять лет раньше, Стругацкие были бы другими... <...>

<...>

А. Стругацкий: Наша новая повесть носит несколько, признаю, одиозное название «Хромая судьба». Да и ее содержание для нас, братьев Стругацких, необычно. Здесь нет ни контактов с иными цивилизациями, ни полетов в иные миры, здесь не ставятся морально-этические проблемы глобального масштаба. Действие происходит три года назад в зимней Москве. Герой повести — пожилой и довольно потрепанный жизнью рядовой московский писатель Феликс Сорокин, человек моего возраста и с моей же неудовлетворенностью работой. В центре повести — странные совпадения в его судьбе с тем, что он писал или собирался писать в своей жизни. Там некий институт лингвистических исследований Академии наук СССР заключает контракт с Союзом писателей (в повести он назван по-другому): каждый писатель должен представить в институт несколько страниц любого своего текста. Цель — якобы определение языковой

энтропии. И вот наш герой направляется в этот дом на Банную...

Главное для нас — показать атмосферу тревоги, неуспокоенности, недовольства собой, в которой очутился наш герой, поняв, что многое из того, что он написал, он сделал глупо, бездарно и ненужно... В повести нет элементов автобиографичности, хотя многие описания там вполне реальны. В какой-то мере «Хромая судьба» сделана на материале моего жизненного опыта, точно так же как, например, повесть «За миллиард лет до конца света» — на материале жизненного опыта Бориса Натановича, и действие там даже происходило в его квартире...

Что касается публикации «Хромой судьбы» — тут была одна история. Может быть, кто-нибудь из вас обратил внимание, что в десятом номере за 1983-й год редакция журнала «Звезда Востока» храбро опубликовала сообщение, что намерена в будущем году печатать Стругацких — а в том году, надо заметить, была объявлена свободная подписка. Задолго до этого я действительно вручил «Хромую судьбу» литературному агенту «Звезды Востока» — и он исчез. Через полгода мне позвонили в дверь, восточного вида человек молча вручил папку с рукописью и удалился. Спасибо,

что вернули... А потом журнал дал этот самый анонс. Я, хоть и получил обратно рукопись, но грешным делом подумал: «А вдруг?», но... Как вы знаете, в 1984 году ни нашей «Хромой судьбы», ни новой повести братьев Вайнеров — а она тоже была объявлена у них на тот же год — в журнале опубликовано не было. Я потом встретил своего тезку Аркадия Вайнера в Доме кино и поинтересовался, что за вещи давали они. Выяснилось, что с Вайнерами было еще хуже: у них даже не было никаких разговоров с журналом. В общем, все это оказалось удочкой для простаков. Мы, впрочем, не теряем надежды рано или поздно нашу «Хромую судьбу» опубликовать.

Повести о Максиме Каммерере под названием «Островная Империя» у нас нет. Вообще, товарищи, остерегайтесь подделок! А то находятся некие темные дельцы, которые перепродают какие-то вещи, ставя на них нашу фамилию. Правда, в возникновении слухов, что написана новая повесть о приключениях Привалова в стране чудес, в известном смысле виноваты мы сами. У нас периодически возникает желание написать третью часть. Было много идей, написать хотелось бы, но все время это перебивалось какими-то другими стремлениями. А был, например,

такой замысел: Привалов — дипломат, которого его друзья-волшебники выдвигают для ведения переговоров с нечистой силой... и тому подобное. Но, понимаете, «Понедельник начинается в субботу» писался в другую эпоху: и мы были моложе, и надежды излишние мы возлагали на научного работника. Но научный работник не оправдал наших надежд, он оказался таким же, как и все, ничуть не лучше. Так что возвращаться к бесшабашному веселью «Понедельника...» мы уже не сможем. Хотя технически мы могли бы написать вещь, и, может быть, сильнее «Сказки о Тройке» с «Понедельником...» Увы, не тот возраст. Слишком много пережито, слишком много понято...

Сейчас журнал «Знание — сила» публикует другую нашу повесть — «Волны гасят ветер», заключительную часть трилогии о Максиме Каммерере (после «Обитаемого острова» и «Жука в муравейнике»). Начало — в № 6, и печататься, видимо, будет долго. Журнал «Изобретатель и рационализатор» в июльском и августовском номерах публикует в несколько сокращенном виде наш сценарий «Пять ложек эликсира». Этот сценарий был написан по специальному заказу киностудии имени Довженко, каковая студия, доведя его «до полного совершенства», от него же

и отказалась.

В настоящее время мы пока ни над чем не работаем: у нас сейчас интересы в кинематографе... Кроме того, желательно попробовать свои силы и в театре, хотя это настолько непривычная для нас область, что не знаю уж, что получится. Мы написали для одного театра пьесу по «Трудно быть богом», но сейчас там обстоятельства изменились... Ведь когда пишешь прозаическую вещь, то надеешься, что когда-нибудь она будет опубликована, а когда сценарий или пьесу, то даже этой надежды нет. К нам сейчас, правда, поступает немало лестных предложений от театров, но почему-то чаще всего от кукольных...

<...>

А. Стругацкий: Фантастическое кино — дело очень перспективное, это надо делать. Тем более что вид кинематографа, именуемого фантастическим, еще очень молод.

<...>

А недавно кинематографисты ФРГ вдруг возлюбили нашу повесть «Трудно быть богом» и предложили поставить остросюжетный фильм. Режиссер Фляйшман хочет ставить. А я убежден, что в ФРГ ничего хорошего не сделают — эту вещь надо ставить в СССР. Но вот у нас, видите ли,

недостойны, а вот Фляйшман достоин. Написали они с Далем Орловым сценарий, а нас заставили подписать соответствующий договор на три года. Полтора года уже прошло, есть у меня надежда, что все это дело самопроизвольно изведут. Вот тогда и поговорим о советской экранизации.

А с экранизацией «Малыша» в ЧССР уже все кончилось, ничего не будет. Там на киностудии «Баррандов» сменилось руководство: пришел новый начальник (по слухам, до этого он возглавлял то ли пивзавод, то ли что-то вроде того) и сказал, что надо делать чешское кино, а все эти совместные постановки народу не нужны. Но я этим тоже доволен...22

<...>

Закончив Военный институт иностранных языков, Аркадий Стругацкий служил на Дальнем Востоке, а после демобилизации работал переводчиком с японского и английского языков. Им переведены многие выдающиеся произведения «золотого века» японской литературы, который пришелся на средние века; фантастические романы Абэ Кобо, новеллы Акутагавы Рюноскэ. Кстати, том Акутагавы, выпущенный в Библиотеке всемирной литературы, открывается вступительной статьей А. Стругацкого. Недавно

в его переводе увидел свет роман «Сказание о Ёсицунэ».

А. Стругацкий: Действие романа «Сказание о Ёсицунэ» происходит в XII веке. Здесь рассказывается о страшной и кровопролитной гражданской войне в Японии... Приступая к переводу, я вовсе не начинаю переводить предложение за предложением, абзац за абзацем. Переводу предшествует необходимая подготовительная работа. Она подобна отчасти той работе, которую мне приходится предварительно выполнять, когда я берусь за технические переводы. Например, когда мне надо было переводить много текстов из области цементного производства, я засел за русские тексты по той же тематике, мне пришлось разобраться в технологии, в устройствах цементных печей, и прочее, и прочее...

При переводе японской средневековой прозы (да и более поздних произведений) я должен сначала познакомиться с элементами японской истории соответствующего периода, с семиотикой японского костюма, убранства японского жилья, с вооружением воина — простого солдата и знатного самурая. Я должен точно знать обстановку того времени — вплоть до того, как тогда были одеты крестьяне или ремесленники.

Мне надо представить, о чем вообще может идти речь в японском тексте, мне надо знать, что может быть, а что — невозможно. Я должен знать, что могут означать те или иные церемониалы и жесты, о чем может говорить простолюдин или тот, кто распоряжается его жизнью. В отличие от, скажем, переводчиков с английского, переводчик-японист должен сам «создать», подобрать нужную стилистику произведения. Оригинал может подсказать только степень сложности текста и — в лучшем случае — какими предложениями переводить, короткими или длинными. А диалоги, монологи — это надо будет искать в русской классической литературе, у Достоевского, Чехова, Салтыкова-Щедрина... Работа сложная, такая подготовка к переводу занимает не менее двух лет.

А вот, скажем, современную послевоенную литературу Японии переводить никаких сложностей не составляет. Но она мне не так интересна. Последние десятилетия литература — как и вся культура Японии — испытывает сильное влияние западной литературы, особенно США. Вообще, необычайно интересно специалисту было бы заняться такой темой — «Культурное влияние США на Японию»... Поэтому, кстати, последнее время не читаю японской фантастики,

она слишком американизирована. Лучше уж я буду читать американскую фантастику...

<...>

А. Стругацкий: Будущее фантастики я не могу прогнозировать, но насчет исчерпанности возможностей — это паника. Только на своей памяти я видел уже не одно такое «исчерпание». И ничего — живет... Сложность тут в другом, сложность — в издании. Некоторое время фантасты отечественные разделялись на «старых» и «молодых». Мы числим современную фантастику с 1957 года — не только потому, что в тот год был запущен первый спутник, но и потому, что в нашей стране вышла «Туманность Андромеды». Эта книга, как бы то ни было, родоначальник всей современной советской фантастики, отсюда пошло все разнообразие ее. Так вот, фантастику тогда издавали в основном Детгиз и «Молодая гвардия». В 60-е годы в «Молодой гвардии» подобрался великолепный коллектив умных и ценящих фантастику людей. Они были повивальными бабками советской фантастики, они стали отсекать примитивные и серые произведения, они сознательно шли на установку, что фантастика должна быть до некоторой степени интеллектуальной литературой. И вот на смену им пришла группа

«мальчиков бледных со взором горящим», мало разбирающихся в фантастике, но пытавшихся создать некую «новую струю». И они ее создали... А настоящая интеллектуальная фантастика — книги Савченко, Днепрова, Ларионовой и многих других — остались без базы. Апологеты серой, примитивной фантастики закрыли пути для фантастики интеллектуальной, и появились уже не «интеллектуалы» и «простаки», а попросту издающиеся и неиздающиеся. Так в фантастике и определился нынешний очень сильный раскол — и нечувствительно для меня во главе одной из фракций поставили нас с Борисом Натановичем.

После разгрома советской фантастики в конце 60-х — начале 70-х годов «Молодая гвардия» сумела наладить некий конвейер, выпускающий равномерный и достаточно обильный по нашим масштабам поток НФ. Но литературное качество (да и прочие свойства) этой фантастики оставляет желать много лучшего. Нет, мы не в претензии к «Молодой гвардии» за то, что сколько-нибудь сложные произведения там отказываются брать. В конце концов, эта продукция имеет своего читателя, и не надо заставлять «Молодую гвардию» печатать весь диапазон фантастики — от примитива до вершин фантастического реализма.

Люди там довольно безграмотные, они не смогли бы это сделать, если бы даже и захотели. Выкинуть их? Лучше не будет, ибо не будет базы для упрощенной фантастики, предназначенной для массового читателя. Беда в том, что и с другими издательствами взаимоотношения у нас, скажем, отвратительные. По существу, нет издательств, которые могут и хотят издавать литературную фантастику. Детгиз ограничен возрастными требованиями, «Знание» — необходимостью каких-то научно-технических обоснований чуть ли не в жюль-верновском духе. Надо бы создать новое издательство, ориентирующееся на настоящую художественную фантастику. Но те, к кому мы обращались, понятия о фантастике не имеют и говорят: «У вас есть „Детская литература“, „Знание“, „Молодая гвардия“ — чего же еще?!» А мы, например, для детей писать разучились, научно-техническую фантастику сочинять — тоже, а простачками прикидываться неохота. Вот и печатаемся в журналах...

<...>

— *Какие социальные процессы заставили «изобрести» ваш КОМКОН?*

— В повести «Жук в муравейнике» у нас два КОМКОНа. КОМКОН-1 — комиссия по контактам

— совершенно фантастическая организация. Будет ли она существовать — вопрос. Возможно, будет, если обнаружатся инопланетные цивилизации. А вот КОМКОН-2 будет неизбежно, эта организация нужна. Контроль над увлекающимися учеными, в руках которых будут огромные мощности, необходим. Человек слаб, соблазн велик — нельзя давать ученым лишь то, что они хотят. Надо предвидеть такие ситуации... Все это, разумеется, будет тогда, когда человечество преодолеет все кризисы, поуспокоится, объединится — и к жизни неизбежно будет вызван КОМКОН-2.

— *Осуждаете ли вы поступок Рудольфа Сикорски, убившего Абалкина?*

— Нет, это *вы* мне ответьте, осуждаете ли вы поступок Сикорски! Я писал не для себя, а для вас. Поймите, мы ничего не «разжевываем» в своих вещах, и не ждите, скажем, некоего издания «Жука в муравейнике», где мы бы в каком-то комментарии изложили свое отношение. Думайте! Это вам задача на развитие мышления...

— *Появятся ли, наконец, Странники на страницах ваших произведений?*

— А так ли уж они, Странники, нужны? Не знаю... Впрочем, читайте «Волны гасят ветер»

— там будет о Странниках сколько душе угодно.

— *Есть ли у вас любимый герой?*

— Пожалуй, что нет. К сожалению, нам с Борисом Натановичем до сих пор не удалось создать такого героя, который был бы умнее нас самих.

<...>

— *Как вы относитесь к критике фантастики, в частности — к несправедливым нападкам в ваш адрес А. Шабанова и П. Палиевского?*

— Наша критика и в реалистической прозе оставляет желать много лучшего, а в фантастике и вовсе... Что касается Палиевского, то все его выпады объясняются, смею вас уверить, совершенно не литературными причинами, а тем, что этот критик весьма злоуханная (да простится мне такой неологизм) личность с определенными симпатиями и антипатиями. А Шабанов — это в «Молодой гвардии», да? Да, там нам ставилось в вину, что Стругацкие-де обещаются в предисловии к «Жуку» показать коммунизм, а в «Жуке» коммунизмом и не пахнет, между тем как Стругацкие обещаются... и так далее. Очень неумное и очень наивное выступление. Глупость статьи была настолько ошеломляющей, что я одолел ее с третьего раза, а Борис Натанович вообще не одолел. Именно такие поносные и сколь угодно

глупые статьи обычно предвещают большие неприятности и для автора, и для издательств, с которыми автор работает. Огульное охаивание вообще никогда не считалось добродетелью критика. К сожалению, любое количество положительных статей не имеет никакого значения, а одна самая глупая статья с отрицательными эмоциями будет тут же подхвачена теми, кто не хочет заниматься фантастикой или хочет держать ее во внелитературных рамках.

<...>

— *Как вы относитесь к последним романам А. Казанцева?*

— Никак. У меня нет отношения к ним. Я не могу читать Казанцева — слишком уж много бумаги он занимает. И потом — я пожилой человек, мне волноваться вредно.

<...>

— *Как вы относитесь к произведениям В. Щербакова, Ю. Медведева, С. Павлова?*

— Щербаков и Медведев — вообще не писатели. С Павловым — дело другое. Если бы не его, я бы сказал, болезненное самолюбие, он мог бы сложиться в очень хорошего писателя — вспомните первую книгу «Лунной Радуги»! Но редакторы «Молодой гвардии» оказали ему плохую услугу.

(Кстати, все редакторы там — выходцы, как правило, из Литинститута и писать совершенно не умеют.) Первые двое названных — безнадежны. Павлов же, возможно, еще станет настоящим писателем.

<...>

— Считаете ли вы с братом себя Прогрессорами?

— Прогрессором в том понимании этого слова, которое придаем ему мы, то есть человеком, влияющим на историю человечества, обязан быть каждый писатель. И не только писатель. Любой школьный учитель, если учит добру, понятиям чести и справедливости, — своего рода Прогрессор. Хотя, конечно, встречаются и Регрессоры... Поскольку мы считаемся неплохими писателями, мы — Прогрессоры. Но первые две трети творческой биографии мы и не подозревали, что оказываем определенное влияние на человечество.

<...>

Тогда же саратовские любители фантастики вручили АНу Большую юбилейную медаль КЛФ «Отражение» — за выдающийся вклад в мировую фантастику и в связи с 60-летием.

Юбилей послужил причиной появления интер-

вью с АНом в августовском номере журнала «Уральский следопыт».

Из: АНС. Аркадию Стругацкому — шестьдесят

<...>

— Аркадий Натанович, если смотреть глазами подростка, основного нашего читателя, то 60 лет — это громадная вершина, едва ли не Джомолунгма, достигнув которой невольно окидываешь взором пройденный путь: что сделано и что еще предстоит совершить? Когда начинаешь итожить то, что прожил...

— Худо-бедно, но мы с Борисом, моим братом и соавтором, написали двадцать повестей. Они увидели свет в двадцати двух странах, выдержали полтораста изданий. За количественные, так сказать, показатели можно быть спокойным, а вот качественная сторона... Тут все не так просто.

Начинали мы с Борисом как фантасты-приключенцы, не чужды были нам и романтические веяния, что соответствовало нашим тогдашним убеждениям. От повести к повести усложнялась тематика, усложнялись характеры героев. Я могу ошибаться, но все же думаю: менялся не столько Аркадий Стругацкий (формирование человека, его характера заканчивается к 25 годам жизни),

сколько мир вокруг Аркадия Стругацкого. С годами все труднее воспринимаешь перемены, которые молодежь принимает как должное, естественное, и даже оцениваешь новое критически (это не значит — отрицательно). Растет, я бы выразился так, внутреннее сопротивление жизненного материала, постигать его все труднее. И вот эти неподатливость, сопротивляемость становятся мощным стимулом творчества. Отсюда же проистекает наше горячее желание отразить в своих произведениях сложную тематику века нынешнего и века будущего, отразить ее, естественно, через человека, ибо нас в фантастике всегда интересовал и интересует прежде всего человек. Я и мой брат мало удовлетворены сделанным, нам все думается, что лучшая работа — впереди. Из того, что успели создать, более всего отвечают нашим собственным воззрениям на современную фантастику такие произведения, как «За миллиард лет до конца света», «Второе нашествие марсиан», «Жук в муравейнике», «Волны гасят ветер». Последняя повесть принята к публикации редакцией журнала «Знание — сила».

<...>

5 августа АБС заключают договор с латвийским издательством «Лиесма» о выпуске

сборника под названием ЖВМ.

7 августа выходит интервью БНа в «Литературной газете».

Из: БНС: Больше невероятного в единицу времени

<…>

— Вы написали 23 повести. Это ваш излюбленный жанр?

— Как правило, мы действительно укладываемся в десять авторских листов. Самая большая наша повесть, по-моему, пятнадцатилистная. Видимо, больший объем не вмещается в воображение. Ведь каждая повесть — это маленький мир. А каждый мир фантастического произведения — это обязательно terra incognita, мир, который никто никогда не видел, мир, лежащий за пределами человеческого опыта. Мир, отличающийся присутствием небывалого или вовсе невозможного. Никто не знает, что это такое: мир, в который вторгся человек-невидимка; или мир далекого будущего; или мир, в котором приняли и расшифровали послание сверхцивилизации. А автор должен все детали этого мира, все его, так сказать, закоулки ясно представлять себе в любой момент работы. Иначе будет утрачена достовер-

ность описываемых событий, а фантастическое произведение, лишенное достоверности, немного стоит... Достоверность описываемого мира зиждется на деталях. Писатель-реалист эти детали берет из собственного опыта, он их просто вспоминает. Писатель-фантаст должен эти детали вообразить. Однако же воображение наше конечно, а значит, воображаемый нами мир не может быть и большим, и достоверным одновременно.

<...>

— *Из чего вы исходите, «рождая» главного героя произведения? И как придумываете имена?*

— Герой есть в значительной степени функция замысла. В зависимости от того или другого замысла выбираются те или иные герои. Обычно у нас читатель знает то же и только то, что знает главный герой. И ищет выхода из разнообразных тупиков и ловушек вместе с главным героем. И должен сделать свой выбор вместе с ним...

Такой подход, разумеется, накладывает определенные ограничения. Нельзя делать главного героя гением или суперменом. Дураком его делать можно, но, пожалуй, не очень интересно... Впрочем, и гения, и дурака изобразить, кроме того, еще и очень трудно. В мировой литературе

таких примеров раз-два и обчелся...

Что ж касается имен действующих лиц, то мы берем их обычно из газет или из телефонных справочников, а иногда даже «вычисляем» с помощью программируемого микрокалькулятора.

<...>

В середине августа газета «Неделя» публикует отчет о «Круглом столе» с участием сотрудника сектора психологии личности Института психологии Владимира Асеева, директора Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн Владимира Мигулина, врача-психотерапевта Владимира Райкова, заведующего кафедрой Московского физико-технического института Бориса Раушенбаха, профессора факультета журналистики МГУ Юрия Шерковина и писателя АНа. «Круглый стол» посвящен проблеме увлечения паранаучными, аномальными явлениями.

Из: АНС и др. Жажда чуда

<...>

Начать нашу беседу мы попросили А. Н. Стругацкого.

— Аркадий Натанович, летающие тарелки

люди стали активно «видеть» и принимать их за космические корабли инопланетян в конце 40-х годов — в космос тогда еще не летали, но научная фантастика уже дала представление и о межзвездных перелетах, и об устройстве космических аппаратов — то есть дала словесный портрет чуда, который потом уже трансформировался в «реальный» зрительный образ. Так не кажется ли вам, что именно представители вашего литературного жанра в какой-то степени спровоцировали «появление» разных современных чудес?

Стругацкий. Э, нет-нет, товарищи, художественная фантастика тут ни при чем, если, разумеется, не числить за нею теософических откровений госпожи Блаватской, мистификаций Бержье и Повеля и остального в том же духе. Это все равно, что винить Петра Первого за нынешние надписи на заборах — зачем, дескать, он гражданский шрифт изобрел... Если уж на то пошло, дело обстоит как раз наоборот — не фантастика наводняет сознание людей образами «летающей посуды», морских змеев и прочего, а сама она широко использует для нужд своих эти образы из безбрежного океана пылкого, но не слишком просвещенного воображения современ-

ного читателя. Справедливости ради не станем мы отрицать и того грустного обстоятельства, что определенная — и весьма распространенная — часть литературно-фантастической продукции активно подыгрывает такому читателю и его воображению. А впрочем, бог с ней, с фантастикой; в проблеме, ради которой мы здесь собрались, она играет, как я думаю, третьестепенную роль.

А проблемой для нас являются причины и характер отношения человека к так называемому современному чуду.

Райков. Я хотел бы только сразу заметить, что появление того или иного чуда всегда связано с развитием цивилизации. Когда-то верили в спасение души, теперь — век техники и технологий, и, как следствие, технократизация мышления. Старые лики — маски новые.

Стругацкий. Так, Владимир Леонидович, вы попали в самую точку. Но понятие чуда эволюционировало.

Мы можем достаточно уверенно утверждать, что с доисторических времен и до XIX века представление о чуде было тесно связано с религией, в частности — с верой в бога и дьявола, с убеждением в том, что человек является ареной борьбы этих противодействующих и непримиримых

сил. Причем деятельности этих сил приписывались и явления природы, и прогресс науки и технологии.

Но вот грянуло время великих потрясений, наука, ставшая сама по себе производительной силой, выбила из-под мышек верующих костыли религии, на которых человечество ковыляло в течение многих тысячелетий. И тогда выяснилось, что без костылей человеку приходится трудновато. Исчезла вера в божественное вмешательство, вера в чудо.

А ведь свято место пусто не бывает. На место чуда из арсенала религиозных убеждений пришло чудо из арсеналов научных представлений. Спасительные визиты из космоса. Исцелители с таинственными биотоками. Всевозможные (но непременно научно обоснованные!) варианты «жизни после смерти». Вот они, новые костыли!

Но это еще не все. Эволюционировало и само отношение к чуду. Верующий просто верил в чудо. Случится с ним чудо или нет — на то воля божья. Сейчас положение изменилось.

Видимо, на смену веры пришла жажда. Жажда чуда. Да, бога нет, но очень удобно, очень комфортно верить в существование неких вполне материальных сил, которые способны на многое,

даже и невероятное...

Поразительно и другое: казалось бы, достижения науки, скажем, астрофизики, должны особенно будоражить воображение. Маленькое, чуть заметное пятнышко, с трудом зафиксированное на большом телескопе, содержит информацию столь удивительную, что раньше мы и вообразить себе этого не могли. Однако столь фантастические, хотя и сугубо научные, данные обывателю неинтересны. «Шаровые звездные скопления? — морщит он лоб. — Сколько до них? Полтора миллиона световых лет? Да бог с ними. А вот тарелки — они здесь, на Земле, у меня под боком»...

Прошу заметить, сам я не утверждаю и не отрицаю реального существования космических соглядатаев. Но я отношусь к тем людям, для практической жизни которых, для мировоззрения, для понимания целей существования человечества все эти «чудеса» представляют собой совершенно излишние гипотезы, как сказал в свое время Лаплас, лишние сущности.

Но вот многие и многие жаждут, чтобы чудеса были. Так хорошо бы разобраться, почему столь живучи чудеса, каковы действительные причины, содействующие их появлению?

<…>

Но не только периодические издания обращаются с вопросами к АБС. Обширная корреспонденция поступает и от КЛФ.

Из: АНС: Острые вопросы «круглого стола»

Пояснение к публикации

Осенью 1985 года КЛФ «Параллакс» (Черкассы) по согласованию с КЛФ «Гелиос» (Тбилиси) и «Световид» (Киев) попытался организовать своеобразный заочный «круглый стол» писателей-фантастов. Председатель черкасского КЛФ Андрей Лубенский разослал ряду писателей исходные вопросы, а тех, кто откликнулся, познакомил с мнениями коллег, чтобы вызвать некую полемику. Общей дискуссии, однако, не получилось. Так, А. Н. Стругацкий, ответив на анкету сам, прокомментировал затем фрагмент ответа Г. Альтова, на чем их участие в «Круглом столе», собственно, и закончилось. Более активны оказались Б. Штерн и два оппонировавших ему литератора «молодогвардейской» ориентации, но непосредственно со Стругацким и Альтовым они не полемизировали.

<…>

Мы воспроизводим только ту часть дискуссии, в которой участвовал Аркадий Натанович. Оба его ответа и вопросы А. Лубенского приводятся полностью по имеющимся в архиве группы «Людены» допубликационным вариантам. Второе письмо А. Стругацкого относится лишь к заключительной части ответа Г. Альтова, где тот, не вполне удовлетворенный вопросами анкеты, попытался сформулировать собственные вопросы. Этот фрагмент ответа Альтова печатается по тексту хабаровской публикации.

В. Казаков

Вопросы задает председатель «Круглого Стола» НФ-85 Андрей Лубенский.

1. Редко кем оспаривается сегодня тот факт, что фантастика является полноправным видом большой литературы. Литература же имеет объектом своего изучения человека и человечество. Так вот: что в человеке прежде всего интересует писателя-фантаста?

2. Английская поговорка гласит: «Будущее отбрасывает свою тень». Вероятно, лучше всех эту тень чувствуют писатели-фантасты, именно они чаще других пытаются моделировать будущее. Но еще Эдгар По заметил, что нельзя придумать то, чего нет. Какие же процессы в современной

действительности заставляют фантастов фантазировать, служат основой для фантастических предвидений?

3. Популярность научно-фантастической литературы во всем мире растет. На Западе реакционные силы используют фантастику как инструмент идеологической обработки масс, особенно это заметно на фоне лихорадочных приготовлений к осуществлению программы милитаризации космоса. Но ведь и прогрессивная фантастика является мощным орудием идеологического воздействия. В полной ли мере используются ее возможности?

Аркадий Стругацкий

1. «Что в человеке прежде всего интересует писателя-фантаста?» Можно было бы возразить: если фантастика является полноправным видом большой литературы, то к чему такая дискриминация, зачем в таком вопросе отделять писателя-фантаста от писателя-реалиста? Но внимательный наблюдатель не преминет отметить одну тонкость: у реалистов в большей или меньшей степени превалирует тяга к интимному, внутреннему, у фантастов же — к социальному. Но это, так сказать, в массе: и там, и там возможны и наличествуют всевозможные

исключения. И все же вопрос поставлен слишком общо. Напрашивается контрвопрос: какого именно писателя-фантаста вы имеете в виду? Ибо, скажем, славного Шефнера в человеке интересовало и интересует одно, В. Савченко — другое, С. Гансовского — третье, В. Бабенко — четвертое и т. д. Как говорится, по всему объему того, что понимается под словом «человек».

2. «Какие процессы... заставляют фантастов фантазировать, служат основой для фантастических предвидений?» Опять двадцать пять за рыбу деньги! Уже, кажется, два десятка лет прошло, как все согласились, что прогнозирование в литературную фантастику не лезет никаким боком, и вот снова-здорово... Побойтесь бога, братцы! Ведь этак мы никогда с мертвой точки не сдвинемся! А завтра Вы опять объявите фантастику литературой крылатой мечты или литературой научно-технической пропаганды? Стыдно, нехорошо. А еще «Параллакс»! А еще «Гелиос»!

А какие процессы заставляют фантастов фантазировать... Процессы заставляют фантазировать неумелых чиновников, сидящих не на своем месте. А доброго фантаста они заставляют анализировать, если уж на то пошло, да и то в той мере, в которой эти самые процессы могут воз-

действовать на человека либо подвергаться человеческому воздействию.

3. «В полной ли мере...» и т. п. Мне нравится это ваше «но ведь и». Но это в сторону. Возможности прогрессивной (советской) фантастики в идеологической борьбе используются пока очень скверно. И не по вине советских писателей-фантастов.

30 сент. 85 года.

Генрих Альтов

Вот пример более интересного, на мой взгляд, вопроса. По закону, который бы я скромно назвал законом Г. Альтова, герой не может быть умнее автора (точнее, яркость придуманной личности не может превышать яркости личности выдумавшей). С другой стороны (по моему наблюдению), современные писатели-фантасты нисколько не ярче широкой массы читателей. Спрашивается: как же может существовать НФЛ? Чему она может научить? Что может раскрыть читателю? Не является ли НФЛ — в данных обстоятельствах — просто средством для приятного времяпрепровождения? Вот над чем стоило бы подумать. Привел этот вопрос только для примера, но за ним — серьезная проблема. Писатель должен быть учителем. Между Писателем-учителем и

Читателем должна быть разность потенциалов. А что мы видим?

Аркадий Стругацкий

Вы просите меня ответить на вопрос Г. Альтова. Видимо, речь идет все-таки не о вопросе Г. Альтова: все пять фраз в его последнем абзаце, отмеченные вопросительными знаками, есть фигуры риторические. Речь идет скорее о *мнении* Г. Альтова. Ладно, попробую высказать свое мнение о мнении Г. Альтова. Сразу оговариваюсь: это *мое* мнение.

И допускаю: это *мое* мнение никто, кроме меня, не разделяет.

1. «По закону, — пишет Г. Альтов, — который бы я скромно назвал законом Альтова, герой не может быть умнее автора (точнее, яркость придуманной личности не может быть выше яркости личности придумавшей)». Это высказывание представляется сомнительным. То есть, на первый взгляд, «закон Альтова» несомненно звучит. Но при ближайшем рассмотрении возникают кое-какие возражения. Что это вообще значит — ум персонажа в сравнении с умом автора? Кто умнее — С. Лем или его профессор Хоггарт, каким его Лем изобразил? Еще сложнее с яркостью. Кто для нас ярче — Гашек или Швейк? А. Толстой или

инженер Лось? Шолохов или Григорий Мелехов? Скажу про себя. О личностях Гашека, Толстого, Шолохова я знаю столь мало и недостоверно, что они представляются мне фигурами туманными и расплывчатыми, ассоциирующимися лишь с понятием «классика». А вот Швейка, Лося, Мелехова я знаю с юности, вновь и вновь сопереживаю им при каждом перечтении, они живут во мне и со мною как близкие люди, знакомые до последних черточек.

2. «...по моему наблюдению, — утверждает Г. Альтов, — современные писатели-фантасты нисколько не ярче широкой массы читателей». Я в свое время имел удовольствие лично знать писателя-фантаста Г. Альтова. И я ручаюсь, что личность эта настолько самобытная и уникальная, что яркостью своей отчетливо выделяется в сколь угодно широкой (и даже в специально подобранной узкой) массе читателей. («Ну и что?» — спрашиваю я словами Альтова же.)

3. «Как же может существовать НФЛ?» — вопрошает (риторически) Г. Альтов. Да так и существует. Перефразируем Салтыкова-Щедрина. Да, знаем, и издатели ее курочат, и инстанции рубят в капусту, и бесшабашные критики грязью обливают, но за всем за тем не можем не присо-

вокупить: живет помаленьку! «Чему она (НФЛ) может научить? — продолжает риторический допрос Г. Альтов. — Что может раскрыть читателю?». Конечно, печь хлеб и варить сталь она не научит и тайны пульсаров не раскроет. (Как и «Дама с собачкой», и «Братья Карамазовы», и тот же «Тихий Дон».) В ее ведении специфическое отображение действительности в специфических художественных образах, и Г. Альтову это отлично известно. Ах, речь идет не о «Даме с собачкой» и даже не о «Человеке-невидимке», а о «Долгих сумерках Марса»? Но ведь Г. Альтов пока еще не смог доказать, что НФЛ состоит из сплошных «Долгих сумерек», как не смог бы доказать, что вся реалистическая литература состоит сплошь из «Братьев Карамазовых».

4. «Писатель должен быть учителем, — объявляет г. Альтов. — Между Писателем-учителем и Читателем должна быть разность потенциалов». Мне, например, страшно подумать — взять и объявить себя во всеуслышание учителем сотен тысяч незнакомых людей. В частности, учителем ученых, космонавтов, прославленных мастеров в цехах и на полях. Для этого нужно какое-то особое устройство скромности, мне решительно чуждое. Да при этом еще хвастаться разностью своего

потенциала с читательским. Кстати, потенциала чего? Потенциала эрудированности? Не дай бог, ума? Пресловутой яркости?

5. Наконец, Г. Альтов задает вопрос: «Не является ли НФЛ — в данных обстоятельствах — просто средством для приятного времяпрепровождения?» Я не знаю строго, чего хочет Г. Альтов от художественной литературы. Могу только догадываться (по приведенным выше цитатам), что желает он, чтобы художественная литература его чему-то учила и что-то ему непрерывно раскрывала. Увы, я не такой. Мне нужно от литературы именно то, что он называет приятным времяпрепровождением, а по моей терминологии — духовным наслаждением. Не так уж много у меня в жизни источников высокого духовного наслаждения, чтобы отдавать книгу на откуп исключительно учащим и раскрывающим. И если даже Г. Альтов откажет книге (все равно, реалистической или фантастической) во всех прочих достоинствах, но признает, что она представляет ценность как средство приятного времяпрепровождения, я первый крикну: «Давайте ее сюда, эту книгу! А ту, что только учит и раскрывает, возьмите себе!»

12 окт. 85 года.

Борис Штерн подробно информировал об этой дискуссии БНа. 9 октября он писал:

Из архива. Письмо БНу от Б. Штерна

<...>

Я тут неосторожно ввязался в игру «Ответы на вопросы». Впрочем, почему «неосторожно»... Просто фанаты из черкасского Клуба прислали вопросы, а я ответил. И поехали!

Посмотрите выдержки из ответов Бушкова (есть такой, он из Абакана). Я опять не выдержал и ответил ему (прочитайте тоже).

И все на этом! Ни в каких викторинах я больше не участвую. Попробовал — хватит!

<...>

P. S. Шеф, неохота переписывать ответ Бушкова, там целая простыня. Верните мне Бушкова обратно, я его брошу в архив (он мне нужен, я чувствую, что мне с ним еще придется...). А мой ответ — для Вас.

[приложение к письму:]

Уважаемый председатель «Круглого стола»!

Я хочу ответить Александру Бушкову словами кота Леопольда: «Ребята, давайте жить дружно!»

Давайте внимательно слушать и читать друг друга. Дискуссия еще не успела завязаться, а

Александр Бушков, как видно, невнимательно прочитав ответ своего коллеги, приписывает ему то, чего он не говорил.

Я цитирую Александра Бушкова:

«И потому, мягко говоря, непродуманным выглядит утверждение Б. Штерна о том, что крупных-де писателей у нас, кроме... нет и не будет».

Я никогда этого не утверждал. Вот что я написал в ответе, цитирую:

«Фантастике нужны крупные писатели — после смерти Ефремова братья Стругацкие остаются в одиночестве».

Зачем же передергивать? Честно говоря, я уже сожалею, что принял участие в ответах на вопросы. Эти передерганные ответы начнут гулять по стране, а потом доказывай, что ты не верблюд. На том основании, что фантастика братьев Стругацких нравится мне больше фантастики других авторов, — на этом основании мне уже приписываются РАППовские замашки. Цитирую Александра Бушкова: «Меня настораживают попытки — в том числе и некоторых участников сего „круглого стола“ — возродить, честно говоря, пресловутое „литературное древо“ РАППа».

Александр, меня настораживает Ваша манера вести дискуссию. В народе это называется «шить

дело». Я не возрождаю и не поливаю никаких РАППовских древ. Я сижу за своим письменным столом и пишу разные рассказы — фантастические и нефантастические. И Вы тоже — я правильно понимаю? Наши заслуги перед советской фантастикой совсем никакие. Впрочем, Вашу повесть, если я не ошибаюсь, любители фантастики назвали лучшей повестью-81, а мой рассказ лучшим рассказом-83. Почему бы нам не уважать друг друга?

Посмотрите, как Вы противоречите себе, цитирую:

«...эта возня, эта насильственная прописка на Олимпе... в итоге лишь вредит».

Согласен. И тут же сами прописываете на критическом Олимпе А. Н. Осипова. Цитирую:

«Я могу, увы, назвать лишь одного по-настоящему крупного специалиста по региональной фантастике — А. Н. Осипова, его библиографии серьезны, обстоятельны, и значение их трудно переоценить».

И я, заметьте, не делаю из этого утверждения никаких далеко идущих выводов и не обвиняю Вас в РАППовщине.

Что касается дискуссии. В принципе, мы все говорим правильные вещи. Да — литература. Да

— нужен журнал. Да — писать надо о человеках, а не о проблемах. Да — больше фантастики хорошей и разной.

Давайте жить дружно. Давайте внимательно слушать и читать друг друга. Давайте сидеть за своими письменными столами и писать свои новые произведения. В любой части Советского Союза. Кстати, я не понимаю термин «региональная фантастика». Меня как-то абсолютно не волнует, где живет хороший писатель — в Москве или на острове Врангеля.

Прошу председателя «Круглого стола» довести эти соображения до всех участников дискуссии. И, наверно, бог с ней, с дискуссией.

18 октября БН отвечает Борису Штерну.

Из архива. Из письма БНа Б. Штерну

Дорогой Боря!

По-моему, Вы вполне достойно и даже мудро ответили этому Бушкову.

Забавно. Все это очень напомнило мне события двадцатилетней давности, когда Г. Альтов с горячностью Бушкова наскакивал на всех фантастов СССР, норовя кому штаны порвать, а кому и задницу. А мы с А. Н. его все стремились успо-

коить, все обглаживали, все норовили лаской, словом, уговором... Так ничего и не добились. Всех он искусал, со всеми поссорился и убрался в свою конуру заниматься теорией и практикой изобретательства. А жаль. Человек талантливый. Но считал, что главное в фантастике — чего-нибудь изобрести.

Горячность же Бушкова мне в какой-то степени даже и по душе. Я люблю ниспровергателей. Но при одном непременном условии: ниспровергаешь — предложи взамен, падла, что-нибудь свое, по крайней мере, не хуже. Он как, этот Бушков — могёт? Или, в крайнем случае, м`огет? Я его не читал, а если читал, то не помню.

<...>

24 октября Борис Штерн поясняет в письме БНу.

Из архива. Письмо БНу от Б. Штерна

Дорогой Борис Натанович!

Бушков типичный «молодогвардеец» — и уже поэтому ничего не смогет. Ну, доберется, может быть, до высокого дилетантского уровня Павлова и Щербакова. Его в 81 г. расхвалили клубные фэны, сами же потом и отвернулись, ну а он уже

вкусил и завелся. Типичный щербаковец. Хочет книгу в «МГ». Сибирский валенок, мечтающий о галоше.

Дискуссия продолжается и принимает интересный оборот: уже появился Дмитрук. Этот из той же компании, они с Бушковым прямые родственники. Его ответы я Вам не высылаю, потому что обязательно должен показать их Виталию Бабенко в Дубултах; они не успеют обернуться от Вас ко мне. Но в своем ответе я цитирую Дмитрука, а все остальное, что не цитирую, — официозная правильная болтовня.

Я, кажется, излишне резко ему отвечаю — но он меня больше раздражает, чем Бушков. Все время под боком. Вы читали его книгу «Ночь молодого месяца» в «МГ»? Ужасно.

Я, кажется, приобретаю себе врагов... пора, пора.

<...>

БН, как Вам пришелся мой ответ Дмитруку? Мне важно Ваше мнение — ругань для меня новый жанр. Я киплю (кипю), как чайник (в ругани), а это плохо. Вот.

[приложение к письму:]

Прочитал ответы Андрея Дмитрука. Дискуссия, кажется, еще дышит, а мы с Андреем Дмитруком

нашли интересную форму общения — оба живем в Киеве, а дискутируем через Черкассы.

Сначала Александр Бушков назвал мои ответы «непродуманными», сейчас Андрей Дмитрук называет их «легкомысленными». Цитирую:

«Фантастика строит „миры“ возможные, маловероятные, невероятные. Зачем? Вовсе не для пущего интересу, как немного легкомысленно полагает Б. Штерн».

Я хочу повторить, что воспринимаю фантастику только как литературный прием и, соответственно, пользуюсь им, когда это нужно, для большего эмоционального воздействия на читателя. Или: для большего читательского интереса. Или: для пущего интересу.

Что в этом утверждении легкомысленного? Моя позиция ясна: лично мне фантастика нужна для того, чтобы читатель, не скучая, читал и сопереживал литературным героям.

Почему же у моих коллег возникает ощущение, что я говорю «непродуманно и легкомысленно»? Наверно, дело в том, что я излагаю свои мысли нормальным русским языком, простыми словами. Наверно, разговорное эмоциональное русское выражение (фразеологизм) «для пущего интересу» кажется очень уж несолидным и

легкомысленным. Требуется «глубокомыслие». А глубокомыслие достигается другими словами. Цитирую Андрея Дмитрука:

«С точки зрения социально-психологической, литература — это набор типовых моделей поведения человека в различных обстоятельствах».

Чувствуете, какой повеяло скукой от этого простого по смыслу объяснения «что такое литература»? Комментарии излишни? Цитирую далее:

«„Миры“ фантастики — это тренажеры для форсированной проверки душевных свойств. Согласитесь, ведь это очень важно — останется ли человек Человеком, столкнувшись с грандиозными сюрпризами будущего или получив божественное могущество с помощью науки? Будут ли действовать на галактических просторах совесть и гуманность, верность и мужество, сострадание и благородство?»

Что это? Заумь. А заумь — это вид легкомыслия. Вчитайтесь... очень важно знать... будут ли действовать на галактических просторах... совесть, верность, мужество, благородство...

Будут! Ответ однозначен. Высокие человеческие качества действовали в страшных испытаниях Великой Отечественной войны — еще

как действовали! — почему же Андрей Дмитрук сомневается, будут ли они действовать в марсианских экспедициях или в «галактических просторах»? Он высказался явно необдуманно и легкомысленно.

Отчего же возникают такие ляпы? Все дело в наших теоретических расхождениях: для меня фантастика просто литературный прием, и мне не надо объяснять, зачем я пользуюсь этим приемом — как поэту не надо объяснять, зачем он пишет в рифму. Для Андрея Дмитрука фантастика — это жанр, род, вид, модель, течение, направление (честно признаюсь, что я подзабыл, что в точности означают эти филфаковские термины. Садись, два!), поэтому Андрею то и дело приходится объяснять, что фантастика родственна эпосу, что Одиссей — идеальный НФ-герой и почему космические корабли бороздят просторы Большого театра. А писатели редко бывают хорошими теоретиками литературы. Вот и получается плаванье в просторах галактики. Далее (цитирую):

«Мне глубоко чуждо утверждение Б. Штерна, что у нас нет крупных фантастов, кроме Стругацких. Вот такие-то высказывания и способствуют появлению чуть ли не религиозного фанатизма „фэнов“... „Стругацкомания“ — явление глупое и

вредное, как и всякая мания»... «Абсолютно прав Бушков, утверждая, что современная советская фантастика — это именно море. Есть десятки, сотни региональных авторов».

Опять мне «дело шьют»! Бушков обвинил в РАППовщине, Дмитрук — в «способствовании религиозного фанатизма». От РАППа я открестился, теперь надо доказывать, что я атеист. Так вот: я не вижу какой-то реальной «стругацкомании». Да, это явление было бы глупым и вредным, если бы оно существовало. Но что происходит на самом деле? Да, нормальные любители фантастики знают и читают братьев Стругацких. Выходит очередная книга, ее читают и говорят: «нравится — не нравится». А вот те самые темные «религиозные» «фэны» на киевском черном книжном рынке гоняются сейчас за книгами... кого бы вы думали?.. Головачева, Павлова и Тупицына. А вот к книгам Ефремова и Стругацких относятся весьма спокойно. Это реальность, а не слова. (Очень прошу не объявлять меня книжным спекулянтом — мне эти сведения сообщили знающие люди.) Так что «стругацкомании» в природе не существует, но если уж кого-то раздражает мое мнение, что крупных фантастов, кроме Стругацких, у нас нет, то я готов пойти навстречу и уточнить: но-

вые крупные писатели-фантасты уже на подходе. Ведь у нас десятки... нет, сотни фантастов.

Насчет «моря фантастики»... опять слова. Жутко, когда в литературе так много воды. Нужны плотины (издательства, журнал), чтобы этот бурный поток начал давать электричество.

Товарищи, объясните, наконец, что означают термины «региональная фантастика» и «региональные авторы». Это что, новое направление в фантастике? Фантастика, которая пишется в регионах? Понятно. Хорошие книги всегда писались в регионах — в Вешенской, в Ясной Поляне, в Ялте.

Если дискуссия продолжится, прошу председателя «Круглого стола» дать мне отпуск на один месяц (ноябрь), потому что мне надо дописать повесть. Вообще, может быть, бросим это дело? В принципе, гавкать на Стругацких и друг на друга — интересно... а писать когда?

Можно вспомнить письма АНа к Александру Бушкову шестилетней давности (см. НС-9). Тогда он только начинал, и его «расхвалили клубные фэны». Теперь же он, не будучи формально «молодогвардейским» автором и даже вроде бы конфликтуя с отдельными ее функционерами, фактически выступает почти с тех же этиче-

ских и эстетических позиций. Да, разные книги АБС вовсе не обязательно должны вызывать восторг и полное понимание у любого произвольно взятого читателя. Да, разочарование в каких-то прежних идеалах — вещь не такая уж редкая. Но другое дело, когда все эти неприятия и разочарования — лишь повод для шумных, напористых и целеустремленных пропагандистских акций. Такой акцией стал и текст Бушкова, примерно в то же время рассылавшийся по многим клубам любителей фантастики. Вот его некоторые наиболее характерные фрагменты.

Из архива. Из: Бушков А. Свет угасшей звезды

Ах, как они начинали! Как они, стервецы, начинали! Зависть берет. Но, как говорил герой какого-то романа: «Не у всякой песни конец счастливее начала». Что произошло и в данном случае.

Оговоримся сразу: это — не пасквиль, призванный каким-то образом ошельмовать братьев Стругацких. Моя цель доказать, рассуждая беспристрастно и логически, следующее: а) что творчество братьев можно разделить на два периода; б) что первый был полосой едва ли не сплошных удач, а второй — полосой едва ли

не сплошных поражений; в) что чествуем мы братьев по прошлым заслугам, меж тем как они ныне — не более чем свет угасшей звезды.

Ах, как они, черти, начинали! И как продолжали. «Страна багровых туч», «Путь на Амальтею», «Стажеры», «Попытка к бегству», «Полдень, XXII век», «Далекая Радуга», «Трудно быть богом», «Понедельник начинается в субботу», «Сказка о Тройке», «Хищные вещи века», «Второе нашествие марсиан» — все эти вещи смело можно назвать великолепными. Мы росли на них. От советской фантастики они неотделимы.

А потом... Это случилось не вдруг, а в два этапа. 1966 год — появление одной из частей «Улитки на склоне», 1968 год — другой. И вот эта-то вещь оторвалась, отделилась от советской фантастики и от предыдущего творчества Стругацких — как выработавшая горючее ступень отделяется от космического корабля и, кувыркаясь, летит вниз, вниз, вниз...

<...>

Будь это на Земле, Кандид просто обязан бороться против извращения, захватившего отдаленный уголок планеты, и его экзерсисы скальпелем и все выпады в адрес амазонок оправданны и необходимы. Но на иной планете

стоит и призадуматься — а не есть ли в данных условиях партеногенез необходимым и нужным применительно к местным условиям? Но уточнений не сделано. Амазонки — «где-то там», их прогресс — «где-то там», субъективные законы, обрекающие лесовиков на вымирание, — «где-то там». Абсолютно никаких привязок к реальной действительности, и оттого Лес, хотя и великолепно изображенный, выглядит картонным, а Кандид смешон и нелеп — Арлекин, лупящий Пьеро дубиной (пардон, скальпелем).

<...>

Ради чего все это наворочено, понять, в принципе, несложно — ради того, чтобы напомнить: усилия одиночки-интеллигента перевернуть мир не стоят ни черта. Но стоило ли для того, чтобы доказать, что Архимед из Переца никакой, нагромождать десятки страниц абстракций-фантасмагорий? Многозначительность — ложная, философичность — ложная, и отдельные персонажи, имеющие несчастье выглядеть невоздушными — Стоян со своей одержимостью наукой, бабник Тузик, добрая распустеха Алевтина, беспозвоночное Домарощинер, — выглядят «живыми актерами, просунувшими голову в полотно кинематографа».

<...>

Изменились земные резиденты на других планетах, изменились... Посуровели. Если первые наблюдатели не имели права вообще ничего предпринимать («Попытка к бегству»), если Румата и иже с ним действовали с величайшей осторожностью, то Странник ведет себя на Саракше по-свойски, как шериф в Техасе — вынул пистолет, и нет человека. Деятельность землян на Саракше после уничтожения излучателей не описывается, но по некоторым воспоминаниям Максима в «Жуке в муравейнике» можно понять, что ведут они себя там, как полицейский наряд, отправившийся на облаву в Гарлем. Но это цветочки. Корней, герой повести «Парень из преисподней», действует по принципу Остапа Бендера: «Что, Киса, забьем Мике баки?» и забил — за несколько месяцев прекратил войну на планете Гиганда. Можно себе представить, как он ее прекращал. Хорошо хоть, планета цела осталась...

<...>

«Пикник на обочине». <...> Да, еще перевоспитывается в конце концов приблатненный тип Шухарт. Господи, сколько уж раз в нашей послевоенной литературе, и не обязательно

фантастической, перевоспитывались подобные аморальные типы... Но повторяется история с «институтом» — стоило ли городить увлекательнейший огород, Зону создавать только для того, чтобы перевоспитать одного «ихнего» блатного? Шукшин своего Егора Прокудина перевоспитал без полной чудес Зоны...

<...>

Итак? Несомненно, что прямая, достигшая пика к концу шестидесятых годов, с начала следующего десятилетия падала вниз, как метеорит. Исключение с «Миллиардом» лишь подтверждает правило.

Главная беда, на мой взгляд, в следующем. Из книг второго периода практически исчезли герои периода первого — подобные экипажу Быкова, экипажу Горбовского, Жилину, Румате, Саулу. Все те, кто нравился, кто впечатлял, кто боролся за большое и светлое. Все эти отличные парни, ярко, полнокровно выписанные, выглядящие как живые. Если они и появляются в произведениях второго периода — то всегда почти на заднем плане, торопливо пробегут по сцене и исчезнут за занавесом. Произведения второго периода набиты всевозможной шпаной, как КПЗ после особенно хлопотного дня. Мордатые ландс-

кнехты, гангстеры, маклаки, инспекторы-бяки, с-сексуальные роботессы, пропойцы, шлюшки...

Брр! Так и ждешь появления сурового старшины милиции, который обведет всю эту гоп-компанию умудренным годами взглядом и покачает головой: «Ну что, соколики, доигрались? На кого похожи...» А отличных парней не больше, чем родников в Сахаре...

Но погодите! Появился «Жук в муравейнике». То же светлое будущее, те же слегка постаревшие Максим Каммерер и Странник, ныне Экселенц. Что же, радостно потирать руки — вернулись времена «Полдня»? Увы...

<...>

Вслед за автором одной стихотворной пародии подмывает воскликнуть: «Неужели в тридцатом веке тоже будут дрова лямзить?» А если серьезно — неужели и в XXII веке будет существовать служба, напоминающая то ли тонтон-макутов, то ли подразделение ордена иезуитов? Я не собираюсь смягчать резкость формулировок. По-моему, морально-этическое, что ли, издевательство, которое позволяет себе землянин XXII века против своего собрата, не менее страшно, чем пули тонтон-макута — ведь тонтон-макут, по сути, продукт своего уродливого общества, а здесь мы наблюда-

ем обратное — в том самом светлом-пресветлом будущем, которое так восхищало нас в «Полдне», «Парне», «Радуге», право решать судьбы своих собратьев присвоили себе люди, которых иначе как извращенцами, страдающими разного рода патологиями, порой и не назовешь. Да полно, земляне ли это?

<...>

Финальные сцены. Начнем с того, что Мак грубо нарушает приказ, собираясь самолично похитить Абалкина. Не ахти у вас дисциплиночка, господин Сикорски, и кадры, м-да...

А что до деловых способностей Сикорски, то они, простите, на уровне сержанта милиции из богом и Скотланд-Ярдом забытого уголка.

Впрочем, таким Сикорски сделали Стругацкие. Я говорю о сцене гибели Абалкина. Когда я дошел до нее, как-то сразу вспомнил богомоловских «волкодавов» из «Августа 44-го», исповедовавших принцип: «Даже если тебя будут убивать, стрелять только по конечностям!» А что видим мы?

<...>

Я считаю глубоко ошибочной дискуссию по «Жуку», которую навязали клубам: «Прав был Сикорски или ошибался». Вопрос, коли уж завязалась дискуссия, следовало ставить иначе:

«как получилось, что у руководства „Комкона-2“ оказался такой человек, как Сикорски? Как получилось, что Земля докатилась до жизни такой?» И заодно задать этот же вопрос авторам.

Мы по инерции продолжаем наблюдать на головах Стругацких королевские короны. По инерции считаем их «фантастами номер один», по инерции пытаемся «ставить рядом с ними» кого-то. А стоит ли вообще в литературе «ставить» кого-то рядом с кем-то? Просто — мы наблюдаем банальную, в сущности, ситуацию: два писателя когда-то писали очень хорошо, а потом, то ли увлекшись голым экспериментированием, то ли по другим причинам стали писать гораздо хуже. В истории литературы можно насчитать не один такой случай и даже не десять. Банально...

Бывает: погаснет звезда, но, поскольку она невообразимо далеко от нас, мы продолжаем ее видеть — мчится в пространстве свет, но это уже мертвый свет, звезда-призрак, смерть...

Нечто подобное, кажется, произошло и в нашем случае — мы всего лишь наблюдаем свет угасшей звезды, не зная, что самой звезды давно уже не существует...

Осенью АБС выезжают в Репино на семинар по кинофантастике.

Из: Меридианы фантастики / Вып. 30

<...>

С 25 октября по 3 ноября 1985 года в Доме творчества кинематографистов «Репино», под Ленинградом, состоялся Всесоюзный семинар по приключенческому и научно-фантастическому кино, организованный Советом по приключенческому и научно-фантастическому кино Союза кинематографистов СССР и Советом по приключенческой и научно-фантастической литературе Союза писателей СССР. Тема семинара — «Экран приключенческого и научно-фантастического фильма-85». Таким образом, это было подведение итогов года в двух популярнейших кинематографических жанрах. Семинаром руководил председатель Совета по приключенческому и научно-фантастическому кино Союза кинематографистов СССР В. Я. Мотыль. В числе режиссеров и сценаристов, проявляющих интерес к кинофантастике, на семинаре присутствовали С. Бабаян, В. Дербенев, А. Кайдановский, А. Митта, Г. Николаев, С. Потепалов, В. Рубинчик, В. Спиридонов, В. Тарасов, Э. Успенский и другие. Литературный «цех» фантастов на семинаре представляли заместитель председателя Совета по приклю-

ченческой и научно-фантастической литературе СП СССР Н. М. Беркова, А. Н. и Б. Н. Стругацкие, В. Бабенко (Москва), Ф. Дымов, А. Житинский, В. Рыбаков (Ленинград).

<...>

Рабочий дневник АБС

[Записи между встречами]

«О чем это произведение? Чему оно учит?» Почему-то очень легко ответить на эти вопросы, если речь идет о дерьмовой повести, и очень трудно, — если о хорошей.

Литература выжила, несмотря на все попытки чиновников сделать ее лучше.

Обстоятельная подготовка к Страшному суду (в терминах христианства!).

Герой взят в кач<ест>ве секретаря-переводчика, ему обещано исполнение желаний — изменение законов Природы.

Он заступается за человечество, и ему предлагают «искупить его грехи» (в терминах христианства). История нового Христа.

[25.10 — 3.11.85]

С 25.10.85 по 3.11.85 — сидим в Репине на семинаре.

[Записи между встречами]

Суд над Чел<овечест>вом. Разбираются случаи из жизни: подлость, низость, корыстолюбие, нищета духа. В т<ом> числе странные истории из жизни японцев, новогвинейцев (каннибалов) и т. д. — другая мораль, другие нормы.

7 ноября БН находит время ответить на письмо Бориса Штерна.

Из архива. Из письма БНа Б. Штерну

Дорогой Боря!

Спасибо за информацию.

Пишете Вы ответы всяким Дмитрукам неплохо, но уж больно горячитесь. Плюньте. Никакие дискуссии ничего не изменят. Штерн останется Штерном, Дмитрук — Бушковым, а Стругацкие — Стругацкими. Изложите свою точку зрения и ждите. Пусть вьются вокруг. А в конце дискуссии — шандарахните из главного калибра сразу по

всем по трем. Так я Вам посоветую.

Я собрался, наконец, и ответил Вахтангишвили и Лубенскому. Они обещают присылать материалы дискуссии. Посмотрим, посмотрим.

Я только что вернулся с семинара по кинофантастике, который проходил в Репине. Тоже много дискутировали — с той, однако же, разницей, что здешние бушковы оказались в подавляющем меньшинстве и сидели тихонько, только губки обиженно поджимали... а также и с той, что все время смотрели кино, в том числе и зарубежное, в том числе и потрясающий фильм «Кэрри» (по роману С. Кинга, автора «Мертвой зоны»).

<...>

Молодые авторы фантастики заняты не одними лишь семинарами, их иногда и публикуют. Подборку произведений молодых фантастов в шестом номере журнала «Литературная учеба» сопровождает статья АНа.

Из: АНС. Исполнение желаний

У меня есть три желанья —
Нету рыбки золотой...

Популярная песенка

Я начну с банальности. Практически вся мировая литература ставит во главу угла некое желание и историю исполнения или *не*исполнения его. Желание обрести новую шинель. Желание привести себя в соответствие со своим представлением о себе. Желание ничего не желать. Желание все познать и все испытать.

Этой же поистине каиновой печатью отмечена, естественно, и мировая фантастика — праматерь и современница всех видов литератур, известных в нашем мире. (Почему же — каинова? — спросит дотошный читатель. Да потому, что осознанное желание, желание существа, именуемого «гомо сапиенс», неимоверно усложненное наследие далеких наших хвостатых предков, явилось причиной первого в истории человечества преступления, зафиксированного в мировой литературе.) Я бы сказал даже, что именно в мировой фантастике психосистема «желание и его исполнение или неисполнение» всегда находила наиболее четкое и открытое образное воплощение.

Вероятно, сказанное явится неким даже откровением для многих почтенных литературоведов. (Есть одно маленькое отступление. Мне самому не раз приходилось слышать, что фантастика — литература, точнее — недолитература, которую

жулье пишет для слабоумных на тему «ты лети, моя ракета». Подобно бедняге Журдену, не подозревавшему, что он говорит прозой, думающие так не подозревают, что лучшие образцы отечественной, в частности, фантастики дали Пушкин и Гоголь, Салтыков-Щедрин и Достоевский, Алексей Толстой и Булгаков...) Но всякий умеренно-разумный читатель, чье мировоззрение не исковеркано литературоведческими догмами, кто не проникся желтой мудростью солидных трудов о бабизме-ягизме и о возможной связи золотого петушка с курочкой, несущей золотые яички, всякий разумный читатель, повторяю я, отлично сознает или, на крайний случай, интуитивно чувствует огромную мощь глобальных обобщений, присущую фантастике и — увы! — зачастую недоступную прочим видам литературы.

«Желаю и не желаю». Что получается при исполнении желаний и как оборачивается дело при исполнении нежеланного. «Туманность Андромеды», «451° по Фаренгейту»... Для читателя это откровения. Для упомянутого литературоведа это непосильный труд. Из всего неисчерпаемого богатства «Мастера и Маргариты» он осторожно выберет темочку «Образ Ивана Бездомного как типичного представителя пролетарской интел-

лигенции первого поколения». (И кстати, будет в своем праве. Но какое же это убогое право!)

«Не верю! Чего он меня пугает?» — вопит литературовед, с трудом одолев «Гиперболоид инженера Гарина». А в этот момент над его ухоженными седыми кудрями, в двухстах километрах, мертво и зорко, нестерпимо блестя на солнце, скользит спутник-истребитель, начиненный ядерной взрывчаткой. «Не верю! Не желаю я жить в этом будущем!» — надрывается он, со скрежетом зубовным одолев несколько глав «Туманности Андромеды». Да кто тебя туда пустит? — хочется резонно ему ответить. «Не ве...» — начинает он, перелистав по диагонали «Шагреневую кожу», но тут же спохватывается: его еще в школе учили, что Бальзак — великий писатель.

Все это, может быть, и так, скажет нетерпеливый читатель, но где же обещанный разбор?

Будет сейчас и разбор. Но предварительно еще несколько замечаний. Во-первых. Вышеизложенное должно восприниматься как некий панегирик руководству «Литературной учебы», взявшему на себя ответственность поместить на страницах журнала (за все время существования его был пока один такой случай) подборку произ-

ведений писателей-фантастов. Во-вторых, говоря о литературоведе, я вовсе не имел в виду таких замечательных работников, как В. Лакшин, Л. Яновская, А. Зеркалов и прочих им подобных, с живым воображением, огромной восприимчивостью и страстью к анализу. В-третьих, разбор я начну с самой значительной вещи подборки, с повести В. Бабенко «Игоряша Золотая Рыбка».

Как очевидно читателю, это повесть об исполнении желаний. Тема достаточно традиционная и для фантастики, и для реалистической литературы. Достаточно вспомнить «Сказку о рыбаке и рыбке», «Шинель», «Шагреневую кожу», «Человека, который мог творить чудеса», «Бататовую кашу». (Не будем затрагивать здесь исполинского «Фауста», иначе пришлось бы делать слишком много оговорок и отступлений.) Герои всех упомянутых произведений кончают в достаточной степени скверно — легче всех отделывается Старик, вернувшийся к разбитому корыту, и плюгавый мистер Фодерингей, в ужасе отказавшийся от своего дара и вернувшийся в свое первобытное, «дочудесное» состояние. Творческие задачи, которыми руководствовались авторы (как выразились бы литературоведы), были очень разными. Пушкин создал гениаль-

ную притчу на мотив народного присловья о глазах, которые больше желудка. Исполнитель желаний — волшебная Золотая Рыбка. Гоголь восплакал о «малых сих», ничтожность этих «малых» определяют сугубо реалистические средства исполнения их желаний: многолетнее откладывание по грошу с каждого истраченного рубля... и так далее.

В наши дни за тему «исполнение желаний» взялся молодой писатель-фантаст Виталий Бабенко. (И не надо хихикать, уважаемые читатели: «Ха-ха! А. Пушкин, Эн Гоголь, Гэ Уэллс и... ха-ха... Вэ Бабенко!» Были, были прен-цен-ден-ты, дорогой читатель, помните? «На Парнасе было скучно. — Что-то новенького ничего нет!» — зевая, сказал Жан-Батист Мольер. «Да, скучновато, — отозвался Шекспир...» Помните «Театральный роман»?)

Мы, братья Стругацкие, неоднократно подчеркивали теснейшую, перехлестную связь между некоторыми разновидностями сатиры и фантастикой, некоторое обменное взаимодействие между ними, как сказали бы физики. Во избежание нелепых ухмылок не стану здесь приводить примеры из классики, но берусь утверждать, что «Игоряша» являет собой прекрасный пример этой связи.

С первой же страницы повести перед нами появляется Игоряша во всей своей красе, простой советский мещанин-потребитель, социальное ничтожество, топологический аналог Акакия Акакиевича и сопливого самурая из «Бататовой каши» Акутагавы, российский мистер Фодерингей с поправкой на Великую Революцию и статью 39 нашей конституции. Ежели ему вымажут морду горчицей, он не станет нюнить, как Акакий Акакиевич: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» Нет, он развернется и... смотря кого. Да вы сами знаете его, дорогой читатель: ежели кто сильненький, так он приятно ухмыльнется и тут же намажет горчицей физиономию слабейшему.

Вот он у нас каков, Игоряша. Он все знает про свои права, а идея обязанностей (за пределами уголовного кодекса и других милицейских установлений) ему чужда. При всем том он — фигура нередкая, и только можно поставить в упрек нашим писателям, что выступает он в современной отечественной литературе крайне осмотрительно, замаскированно и редко. Более того, в текущей литературе его порой хвалят и лелеют, он же такой славный, наш скромный труженик, как он болеет за «Спартак», как он успешно лечится от алкоголизма и возвращается

к рыдающей семье обновленным...

Так вот, Игоряша. Поймал он Золотую Рыбку.

Ну, писатель-фантаст не был бы фантастом, если бы он не «объяснил» это диво. Это, оказывается, не совсем рыбка, а вообще-то и совсем не рыбка, а некий информационный модуль, впущенный в наши земные омуты некой метагалактической цивилизацией для... Все в духе эпохи НТР. Пусть модуль. Хотя чем он лучше шагреневой кожи? Или, на худой конец, простого, неизвестно откуда взявшегося дара? Ан нет. Начнем с того, что наш Игоряша если и не начитан, то наслышан о легенде про три желания, на этом он метагалактическую цивилизацию и ловит. А самое главное — этот неудобопонятный модуль дает автору возможность показать безграничность притязаний Игоряши. И многомерность мира вещизма. И обнажить притягательность этого мира для персон, лишенных духовности. Автор разворачивает перед читателем гомерическую картину уже не глобального, а вселенского распространения Игоряши — этой раковой опухоли на земном Разуме.

Любопытно в повести и такое обстоятельство. Известны многие повествования у нас и за рубежом о людях, которые волшебными или

псевдонаучными обстоятельствами получили возможность исполнить три своих желания. Ладно, не будем говорить о сказках «Тысячи и одной ночи» и вообще о сказках. Возьмем современные произведения на эту тему. Ни один из известных мне героев не пожелал истребления всех вооружений и установления мира на нашей планете! Бесталанным писателям такое слишком простое желание не пришло в голову, а писатели, более или менее способные, стыдливо выставили это желание за грань созданных ими фантастических обстоятельств.

А что же Бабенко?

Да он не только не увильнул от решения, он пошел на таран! В полном соответствии с морально-этическим обликом Игоряши, с уровнем его социально-политического мышления Бабенко поставил под его характеристикой жирный черный крест: Игоряша, как оказалось, думал о проблеме войны и мира и решил ее, как ему и подобало: все пущай катится к чертям, а только пусть при этом не заденут меня и мои запасы жратвы. Прости меня, читатель, ты, конечно же, мудрее и опытнее меня, но я не видел в мировой литературе большей сволочи, нежели этот потребитель-дармоед...

Об «Игоряше Золотой Рыбке» можно написать еще много, а я ведь совсем не коснулся других аспектов этой любопытнейшей повести (например, такого: наказание за потребительство. Игоряша, конечно, наказан. Но ведь категорически наказаны и противопоставленные ему двенадцать героев. За что? А за то же потребительство, только, так сказать, второго порядка: ведь эти двенадцать, ничтоже сумняшеся, потребляют самого Игоряшу!), но время! но место! Полагаю, что повесть В. Бабенко — значительное явление в фантастике последнего десятилетия. Она странно и непривычно глубока: я прочел ее за недостатком времени всего два раза и при вторичном чтении обнаружил слои, которых не воспринял при первом. Предвижу, мне возразят: «Да чего там такого особенного? Абсурд какой-то!..» Это скажут те, кто будет читать эту повесть в метро, по дороге на очередной нелепый вернисаж или в магазин дисков. А серьезные читатели будут ее читать, и перечитывать, и ловить то, что упустили раньше.

Перейдем, однако же, к следующему произведению: Михаил Плашкин, «Незамкнутая кривая из семи звезд».

Из всего вышеизложенного легкомысленный

читатель может сделать вывод, будто я — абсолютный апологет фантастики, будто для меня фантастика является абсолютной ценностью — независимо от качества. Ерунда. При всей моей пристрастности к этому виду литературы я все-таки умею отличать зерна от незерен. И я особенно болезненно отмечаю все родовые болезни излюбленного моего жанра (вот и вырвалось у меня это непотребное слово!): тенденцию к выспренности, к ложной многозначительности.

В ущерб «Игоряше» я прочел рассказ М. Плашкина трижды и так и не понял, для чего и о чем он написан.

Да, рассказ живописный. Пластичны и выразительны описания моря и водорослей, неба и песков... Малейшие детали и оттенки изменчивого мира автор подмечает точно и верно. Свое впечатление от рассказа я могу передать только строками Чехова:

«*Гаев*: О природа, дивная, ты блещешь вечным сиянием, прекрасная и равнодушная, ты, которую мы называем матерью, сочетаешь в себе бытие и смерть, ты живишь и разрушаешь...

Варя: Дядечка!

Аня: Дядя, ты опять!

Трофимов: Вы лучше желтого в середину дуп-

летом».

Читаешь рассказ М. Плашкина и думаешь: может быть, действительно лучше что-нибудь такое... желтого дуплетом.

Рассказ Хелью Ребане «Выигрывают все» интересен. Если убрать его концовку (все, что после слов «...я чувствовал, что через мгновение она поглотит меня»), то мы получим рассказ совершенно в духе Эдгара По или позднего Акутагавы. Есть, есть на нем легкий флер того благородного безумия, которым мы все наслаждаемся, читая у Мопассана «Орля», «Руку», «Он?»... Этот флер как патина на старинной бронзе...

Крошечный рассказик Ольги Корнеевой «Моя бабушка» написан грамотно, с отличной выдумкой и с отчетливо выраженным ужасом перед страшными испытаниями, которые, возможно, ожидают человечество в грядущем. Рассказ-антиутопия. Классические образцы такого рассказа дал в свое время Р. Брэдбери, но и у Корнеевой получилось неплохо. Главное — коротко и ясно. Главное — за полутора страничками высвечивается целый мир, чудовищный и неприемлемый. Главное — целая система умело подобранных деталей, страшно естественных для «лирического героя» и страшно отталкивающих для читателя.

Молодец, Корнеева!

«Ах, как нелегки к коммунизму первые шаги...» Построение коммунизма начинается с построения личности коммунистической, а это построение немыслимо без огромной мыслительной работы. Думайте!

Я сам знаю, что думать — труднейшее занятие. Но — думайте! иначе станете Игоряшами...

Рабочий дневник АБС

15.11.85

Вчера Б. приехал в Мск править ХС для «Невы». Сделали: вставки по редзаключению.

16.11.85

Делаем поправки за алкоголь.

Вечером закончили.

17.11.85

Письмо Пастухову насчет 24-томника <«Библиотеки фантастики»>.

18.11.85

Ездили в В<неш>П<осыл>Т<орг>.

19.11.85

Письмо М. С. Горбачеву.

20.11.85

Б. уезжает.

27 ноября внезапно «просыпается» «Литературная газета» и запоздало поздравляет АНа с шестидесятилетием, имевшим место еще в августе.

А. Н. Стругацкому — 60 лет

Почти три десятка лет прошло с тех пор, как появилась Ваша первая (написанная совместно с братом Борисом Стругацким) повесть «Страна багровых туч». Но Ваша литературная биография началась еще раньше — с выхода в свет повести «Пепел Бикини», рассказывающей о трагедии японских рыбаков, попавших в зону испытаний американского ядерного оружия.

С тех пор Вами совместно с братом было написано более 20 повестей, рассказов, киносценариев.

Вы внесли большой вклад в развитие советской научно-фантастической литературы.

В яркой художественной форме в своих произведениях Вы рассказывали о драматических путях научного поиска, поднимали проблемы нравственного выбора, клеймили бездуховность, косность и насилие. Ваши произведения «Стажеры», «Возвращение» наполнены верой в торжество коммунистических идеалов.

Многие из Ваших книг («Трудно быть богом», «Обитаемый остров», «Малыш», «Понедельник начинается в субботу» и другие) нашли признание не только в нашей стране, но и за рубежом. Они были переведены на десятки языков.

Плодотворна Ваша работа как переводчика японской классической литературы.

Ваш талант отмечен первой в нашей стране литературной премией «Аэлита» за лучшие научно-фантастические произведения.

А в декабре «Наш современник» публикует критическую статью Владимира Бондаренко, посвященную «литературе успокоившегося обывателя». Достается в статье и АБС.

Из: Бондаренко В. Игра на занижение

<...>

Черное — это белое, а белое — это черное. Такие парадоксы любят полупросвещенные обыватели. Мол, все на свете относительно, и всегда люди вываляются в грязи, прежде чем взойдут на пьедестал истории, надо ли говорить о чистоте и нравственности? Умеешь жить, и живи спокойно. Потребителю явно выгодна игра на занижение, демонстрация грязного белья, опорочивание любой идеи и истины. Ему лучше спится «в сумерках морали».

Это я уже цитирую из повести о будущем «Жук в муравейнике» братьев Стругацких. Ибо, по их просвещенному мнению, и в будущем нас ожидает то, что было в прошлом, — безверие, цинизм, опустошенность. Одна услада в наслаждении предметами старины. Только какими предметами? В повести «Жук в муравейнике» сверхсовременный аппарат передвижения сконструирован в виде деревянного нужника. В повести «За миллиард лет до конца света» главный герой коллекционирует... экскременты. «Женька Сидорцев привез ему из Антарктиды китовьи, а Саня Житнюк доставил из Пенджи-

кента человечьи, но не простые, а окаменевшие, девятого века». Красота наоборот, «китч» — как высшее искусство. Заметно стало, как сегодня наше «элитарное, авангардное» искусство смыкается с «массовой культурой» самого низшего сорта. Бывшие «прогрессисты» пропагандируют пошлость, зарабатывая дешевую славу и популярность.

<...>

С 11 по 14 декабря в Москве проходит VI Съезд писателей РСФСР, на котором присутствуют АБС. После него Авторы еще немного работают.

Рабочий дневник АБС

[записи между встречами]

Для Миши Ковальчука: «Мир IV тысячелетия» — упор на человека, можно смело о мещанстве и сытости.

Поэт-стукотворец

15.12.85

После съезда Б. поселился у А.

Имена Демиурга: Гончар, Кузнец, Ткач, Плот-

ник... Гефест, Гу, Ильмаринен, Хнум, Вишвакарман, Птах, Яхве, Мулунгу, Моримо, Мукуру.

«...у гностиков Демиург — творческое начало, производящее материю, отягощенную злом».

(Е. М. Мелетинский) Миф<ологический> слов<арь>, т. I, стр. 366.

Вариант названия «Отягощение злом».

«Когда я пришел назавтра...» — «Откуда пришел? Уже более месяца он считался пропавшим» (один из приемов создания загадки).

Комната все время другая — то из прошлого, то из будущего...

«Либо один опыт над миллионами, либо миллион над одним» — выбор.

Человек разумный не всегда разумный чел<ове>к. Homo sapiens — это возможность думать, но не всегда способность.

16.12.85

Работаем над статьей для «Науки и религии».

17.12.85

Продолжали статью.

18.12.85

Закончили статью.

Позвонили из Госкомиздата, попросили материалы по письму Мих<аилу> Серг<еевичу> <Горбачеву>.

19.12.85

Сбиры (в общем — старый арсенал):

1). Ядерная война

2). Лишение страха

3). Уничтожение инородцев (Утопия по Шолохову — Исаеву — Проскурину)

4). Евгенист (переделка на генном уровне чел<ове>ка в ЭВМ)

5). Уничтожение полов (однополость, партеногенез)

20.12.85

Трепались.

21.12.85

Б. уезжает.

В самом конце года, 28 декабря, «Вечерний Ленинград» публикует интервью с БНом, где главное место отведено теме книг.

Из: БНС. Ни дня без книжки

<...>

И обратились к известному писателю-фантасту Борису Стругацкому с вопросами о роли книги в его жизни.

— В одной из наших с братом повестей есть такой эпизод: человека сажают в тюрьму и не дают ему читать. Через некоторое время он умирает от голода. Это гипербола, конечно, но жить сколько-нибудь долго совсем без чтения, на мой взгляд, мучительно трудно и невыносимо скучно. Перефразируя Юрия Олешу, я бы с удовольствием провозгласил: «Ни дня без книжки!» Но это, к сожалению, тоже была бы гипербола.

— А какого рода литературу вы предпочитаете?

— В первую очередь художественную. С большим удовольствием также читаю и перечитываю книги, скажем, Даррелла, или Акимушкина, или Моуэта. Я не любитель фантастической литературы. То же могу сказать и о мемуарной.

Вообще, чтение, по-моему, должно доставлять

почти физическое наслаждение, оно должно оказывать тонизирующее действие. Поэтому, собственно, мы и называем литературу духовной пищей. А вот выбор этой пищи, разумеется, индивидуален.

У меня, как и у многих, существует ежедневная потребность «проглотить» энное количество страниц. В потоке текущей литературы, что греха таить, попадаются и плохие книги. Как ориентироваться? Со временем приходишь к выводу, что следить за хорошей беллетристикой не так уж трудно: это пять-десять названий в год. Причем молва о каждой стоящей книге разносится немедленно.

— *Случается ли, что книга становится как бы импульсом для вашего собственного творчества?*

— Хорошая книга — всегда некий импульс к работе. Она вызывает так называемую «белую зависть» — хочется написать что-нибудь в этом же роде и еще лучше. Я, впрочем, не помню ни одного случая, когда прочитанная книга бросила бы меня за письменный стол, к пишущей машинке, к бумаге... Нет, так не бывает. Но вот что я заметил: есть книги, которые особенно хорошо читать именно в процессе работы — ве-

чером, когда дневная ее порция закончена. Вне работы я перечитываю их редко. Это, например, «Помпадуры и помпадурши» Салтыкова-Щедрина, или «Современная идиллия» его же, или (не странно ли?) трилогия Дюма о мушкетерах. Почему именно эти книги? Почему именно во время работы? Не знаю. Сравнил бы вот с чем: как больная собака по неконкретным приметам разыскивает нужную ей травку, так и моя рука тянется к книжной полке и достает именно то, что нужно.

Ну а когда перечитываешь прозу Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского — испытываешь прежде всего восторг пиитический.

Безусловно, всегда большая радость — любая хорошая книга, созданная писателями-современниками. Для меня одним из лучших советских писателей остается Юрий Трифонов, к сожалению, ушедший от нас в пору расцвета таланта. Представляю, сколько прекрасных книг мог бы он еще написать!

<...>

— *Несколько слов, пожалуйста, о вашей библиотеке.*

— В ней не слишком много книг — тысячи полторы, не более. Я не библиофил и не соби-

раю книги. Я их читаю и перечитываю. Недаром сказано: «Если книгу не стоит перечитывать, значит ее и читать не стоило». Если я обнаруживаю вдруг дома книгу, которую больше года ни разу не достал с полки, — стараюсь от нее поскорее избавиться. Иногда потом жалею об этом, но, в общем, такой принцип формирования библиотеки меня вполне устраивает. В то же время понимаю людей, для которых книга — в первую очередь предмет коллекционирования. Ведь можно любить книгу не только и не столько за содержание, сколько за ее, так сказать, форму: за иллюстрации, скажем, или за редкость, или за пометки на полях, сделанные давно исчезнувшими людьми, или даже за специфический запах старины. А многочисленный сейчас клан потребителей, рассматривающих книгу как разновидность недвижимости или как элемент внутриквартирного дизайна... что ж, книги, как известно, живут дольше людей, так что у каждой из них сохраняется шанс рано или поздно попасть в хорошие руки.

1985-й — год, богатый на издания АБС (сравнительно, разумеется, с предыдущими годами).

В «Советском писателе» переиздан их авторский сборник ЗМЛДКС, включающий, кроме

одноименной повести, ПНО и ТББ.

Издательство «Детская литература» «в связи с 60-летием А. Стругацкого, 50-летием Б. Стругацкого и 25-летием их совместной творческой деятельности» выпустило книгу АБС «Стажеры», где, помимо «Стажеров», были напечатаны ПНА, «Малыш» и ПИП.

«Знание — сила» с 6-го номера начал публикацию ВГВ. «Изобретатель и рационализатор» опубликовал журнальный вариант киносценария ПЛЭ. А в альманахе «Киносценарии» (1/1985) вышел киносценарий «На исходе ночи», написанный К. Лопушанским и В. Рыбаковым при участии БНа.

С 14 ноября газета «Молодой дальневосточник» начинает публикацию ЖВМ (окончание публикации — в следующем году).

Вышедшая в этом году в «Художественной литературе» книга Акутагавы «Новеллы. Эссе. Миниатюры» включает три перевода АНа («Нос», «Бататовая каша», «В стране водяных»).

И в этом же году АБС удостоились удивительной в те времена награды. Международный центр по малым планетам (Кембридж, США) в специальном циркуляре утвердил за новой малой планетой название «3054 Strugatskia (1977 RE7)». Планета открыта 11 сентября 1977 года науч-

ным сотрудником Крымской астрофизической обсерватории Николаем Черных.

Воистину — звездная популярность!

1986

В январе хабаровская газета «Молодой дальневосточник» продолжает публикацию ЖВМ, предваряя ее редакционным предисловием.

[Редакционное предисловие к повести «Жук в муравейнике»]

В наступившем году мы продолжаем публикацию повести Аркадия и Бориса Стругацких «Жук в муравейнике». Она задумана авторами как одна из глав эпопеи о людях XXII века. По сюжету и композиции повесть напоминает психологический детектив. Герои повести — Максим Каммерер и Рудольф Сикорски — сотрудники комиссии по контролю — КОМКОНа, наблюдающей за тем, чтобы наука в процессе своего бурного развития не нанесла ущерба человечеству Земли.

Сюжет повести развивается как бы в двух направлениях. Сотрудник КОМКОНа Максим Каммерер получает задание разыскать на Земле Прогрессора Льва Абалкина, покинувшего при загадочных обстоятельствах одну из удаленных планет. Прогрессор в трактовке Стругацких —

представитель землян, выполняющий особые задания на планетах, где существуют менее развитые, по сравнению с земной, цивилизации. Вторая сюжетная линия — повествование о приключениях Прогрессора Абалкина и его негуманоидного «коллеги» Щекна в городе на далекой планете, оставленном населением после катастрофы.

В конце месяца АБС встречаются для работы — Авторы пишут ОЗ.

Рабочий дневник АБС

[Записи между встречами]

У нас есть чувство глубокого удовлетворения, чувство законного возмущения, а вот с чувством собственного достоинства — дефицит. Поэтому когда наш немудрящий опыт и наша мудрость, глубокая, как глубокая тарелка, сталкиваются даже не с жутковатым Агасфером или его вполне жутким коллегой (хозяином? творцом?), а просто с отпетым хамом или образцово-показательным подлецом — мы теряемся. Нам надо бы опереться на чувство собственного достоинства, раз не хватает опыта. Но его тоже не хватает, и мы ста-

новимся циничными, грубовато-ироничными... Пусть не удивляет никого тот тон, в котором я пишу об этих событиях. На самом деле мне страшно и всегда было страшно. С самого начала.

— ...Должен проводить, помочь одеть пальто...
— «Надеть».
— Что?
— «Надеть пальто».
— А я как сказал?
— «Одеть».
— А надо?
— «Надеть».
— Не ощущаю разницы.
— Тем не менее она есть.
— Хорошо. Тем более мне нужен абориген, воспитанный нестарый чел<ове>к.
— Нынешняя молодежь!

23.01.86

Звонил Гранин о ХС. Затянуто начало и оставляет неудовлетворенным история с Кудиновым. Но в общем — за («ослепительный конец»).

25.01.86

Вчера А. приехал в Лрд.
Сделали 3 стр.
Вечером сделали 2 стр. (5)

26.01.86

Сделали 3 стр.
Вечером сделали 2 стр. (10)

27.01.86

Сделали 5 стр.
Вечером сделали 2 стр. (17)
Б. идет на семинар.

28.01.86

Сделали 4 стр.
Вечером сделали 3 стр. (24)

29.01.86

Демиург решает одну из (возможных) задач:
1). готовит Страшный Суд (ищет Антихриста).
2). Отлаживает Машину познания — чел<ове-

чест>во.

3). Хочет выбрать для чел<овечест>ва оптимальное будущее.

Сделали 1 стр.
Вечером сделали 2 стр. (27)

Будет ли Демиург любопытствовать, почему Колпаков (и др.) приходят к своим крайним решениям? Отечество, честь и т. д.

30.01.86

Сделали 2 стр. (29)
Прервались для размышлений.

Пришла девка, попросила сделать ее ведьмой.

31.01.86

Арк уезжает.

В феврале эстонский журнал «Радуга» публикует интервью с БНом. Одна из его тем — популярность АБС.

Из: БНС. Планета Strugatskia

Перелистывая три десятка лет назад стра-

ницы первой книги братьев Стругацких «Страна багровых туч», тогда еще никому не известных авторов, читатели еще не знали, что это первая ступенька, ведущая в почти реальный мир — мир будущего.

Мир, пространство которого равно Вселенной. Это, конечно, не такая уж новость — мало ли авторов водит своих героев по пыльным тропинкам далеких планет. Но космография Стругацких зрима и ощутима, словно имеешь дело с существующими, а не выдуманными странами, временами и народами.

Мир, уносящий нас на два века вперед, мир, счастливо избежавший золотисто-розовых красивостей, так раздражающих при чтении почти любой утопии.

Мир, в котором происходит невероятное: возможна мгновенная переброска через огромные пространства (для знатоков творчества Стругацких «нуль-Т» звучит так же привычно, как «метро»); чародейство и волшебство, а также каббалистика и ворожба суть научные направления институтов (НИИЧАВО и НИИКАВО), можно в краткий срок найти общий язык с любым инопланетянином (ничего сложного — структуральная лингвистика плюс техника двадцать

второго века), а биоблокада защищает организм землянина практически от любого вируса, яда, излучения (вспомним неуязвимость героя «Обитаемого острова»).

Очень хороший мир. И его создатели завоевали абсолютное признание и любовь читателей, которых — без преувеличения — полсвета: ведь книги братьев Стругацких изданы более чем в двадцати странах.

Хотелось бы задать им много вопросов. От самых наивных, вроде: «Значит, Горбовский не погиб на Радуге? Как же ему удалось спастись?» — до вечных и возвышенных — о счастье, например, о смысле жизни. Вообще-то задавать вопросы писателям непростое дело: ведь все, что они хотели сказать, сказано в их книгах. Но и читателя можно понять — ему хочется узнать как можно больше о любимых авторах. Поэтому будем рады возможности поговорить с одним из них — Б. Н. Стругацким.

— Борис Натанович, выросло второе поколение читателей, воспитанных на ваших книгах. Часто ли вам приходится слышать: «Ваши герои служат мне примером, я стал лучше благодаря им»?

— Да, мы получаем довольно много писем,

которые льстят нашему авторскому самолюбию. Люди разных возрастов пишут, что пытаются как-то сравнивать свои характеры с характерами наших героев, соизмерять свои поступки с их действиями. Это приятно знать; мы, начиная писать, не ожидали такого результата, такой популярности. Что же касается воспитательной функции... Видите ли, нам кажется, что нельзя в вопросах воспитания отводить литературе одну из главных ролей. В первую очередь человека воспитывает непосредственное окружение: родители, друзья, школа, улица... А литература, кино, театр, культура вообще занимают в этом процессе уже какие-то четвертые-пятые места. Все-таки бытие определяет сознание, и мы не очень верим, что литература способна создать определенное мировоззрение. На наш взгляд, она выполняет другую, не менее важную функцию: *поддерживает* создавшееся мировоззрение. Если человек вырос нравственно глухим, ему никакие страницы не помогут, не пробьют эту глухоту. Но если у него есть зачатки правильного мировоззрения, если сложилась какая-то нравственная основа, то литература в формировании такой личности играет огромную роль. Нам кажется, что при чтении человек мысленно восклицает:

«Правильно, и я так думаю. И с этим я согласен. И здесь автор говорит то же, что и я».

Вообще почему-то слишком распространено мнение о литературе как о явлении, ну, скажем, утилитарного характера, подчеркивают преимущественно «пользу чтения»: «Читай больше — станешь умнее», «книга — лучший подарок», «книга — источник знаний». Но ведь литература еще — источник высокого наслаждения. Когда мы перечитываем любимую книгу, то делаем это не с целью извлечь информацию, найти что-то полезное, мы просто получаем наслаждение, как меломан от любимой мелодии.

— Мне приходилось слышать такое мнение: «У Стругацких я нахожу ответы на все вопросы. Там есть все — бесстрашие и трусость, война и мир, любовь и ненависть, верность и предательство...» Как бы вы прокомментировали это?

— Лестное мнение. Но спорное. Во-первых, отметим явное сгущение красок. А во-вторых, ведь в наших книгах можно найти не так уж много ответов. Наоборот — там можно найти, в основном, вопросы. Мы сами ценим свои вещи именно за поставленные вопросы. Можно сказать так: мы тридцать лет размышляем на животрепещущие темы и ставим вопросы, над которыми полезно

поломать голову каждому человеку. И стремимся к предельно четкой постановке: ведь правильно поставленный вопрос — уже наполовину ответ.

<…>

Тоже во втором номере, но уже «Авроры» выходит повесть «семинариста», к которой БН с удовольствием пишет предисловие.

Из архива: БНС. [Предисловие к повести А. Столярова «Мечта Пандоры»]

Разрешите представить вам, уважаемые читатели, Андрея Столярова и его повесть «Мечта Пандоры».

Столяров, эмбриолог по специальности, сотрудник Института геологии и геохронологии докембрия Академии наук СССР, два года занимается в нашем семинаре молодых писателей-фантастов при Ленинградской писательской организации. В фантастику он пришел недавно, но работает много, упорно и весьма, на мой взгляд, плодотворно. Два его рассказа напечатал журнал «Знание — сила». И вот первая крупная публикация: повесть «Мечта Пандоры». Эта повесть построена на остром сюжете и поднимает актуальные вопросы, хотя действие ее и происходит в будущем.

Мы живем в эпоху НТР, когда удивительные научные открытия совершаются буквально ежедневно. Современный человек должен быть готов к тому, что из лабораторий злонамеренных ученых, находящихся на службе у военно-промышленного комплекса, как из ящика Пандоры, может вырваться нечто такое, что поставит мир на грань катастрофы. Пусть молодого читателя фантастической повести не смущают некоторые предположения автора о путях развития сотрудничества стран с различными социальными системами. Жизнь подскажет, насколько быстро и как пойдет этот процесс, какие правовые, научные и иные формы сотрудничества скорее проявят себя на практике.

Повесть Андрея Столярова призывает нас к бдительности. Гуманизм должен уметь защищать свои ценности.

В марте в журнале «Знание — сила» появляется следующая заметка.

[«В 1985 году...»: о планете Strugatskia]

В 1985 году Международный центр по малым планетам утвердил за малой планетой, открытой в 1977 году старшим научным сотруд-

ником Крымской астрофизической обсерватории Н. С. Черных, название Strugatskia, данное астрономом в честь Аркадия и Бориса Стругацких.

Это небесное тело движется, как и другие малые планеты, по орбите, расположенной между орбитами Марса и Юпитера. Большая полуось его орбиты равна примерно 465 миллионам километров, диаметр планеты около 17 километров.

31 марта БН отвечает на письмо Романа Арбитмана, который посылал ему статью об ономастике Стругацких — «Что значит имя?».

Из архива. Из письма БНа Р. Арбитману

Уважаемый Роман!

Извините за долгое молчание. Статью Вашу я давно уже получил и прочитал. Не отвечал же по следующим трем причинам:

1. Болезни,

2. Дела,

3. Нет у меня существенных замечаний. Читать (мне) было интересно, но ничего существенного по этому поводу сообщить Вам не могу. В чем-то Вы правы, кое-что выдумали, как это водится у литературоведов, но поскольку выдумка Ваша обоснована примерами из текста, Вы имеете на

нее полное право, не меньше, чем мы, авторы.

Желаю Вам всяческих успехов,

[подпись БНа]

1986 год — урожайный на публицистику Авторов. Плотину прорвало. Всем стало интересно, что думают АБС по тому или иному поводу.

В апреле журнал «Наука и религия» публикует подборку высказываний разных фантастов о том, каким им видится ближайшее будущее. В 1989–1990 гг. ответ АБС будет использован в несколько измененном виде в качестве комментария Авторов к двухтомнику и трехтомнику избранных сочинений. А в первопубликации он выглядел так.

АБС. Знакомые черты будущего

Вот уже три десятка лет мы пишем фантастику, и ни разу еще не выступали в роли предсказателей. Хотя половина наших повестей — повести о будущем, более или менее далеком, мы всегда описывали не те миры, которые когда-нибудь реализуются, а лишь те, в которых нам самим хотелось бы (или, наоборот, очень не хотелось бы) жить...

Предсказать, каким станет наш с вами со-

отечественник в начале третьего тысячелетия — средний, или, как теперь говорят, массовый человек 2010–2015 года? Задача явно нам не по силам (да кому она по силам!). Однако порассуждать небезынтересно.

Вообще говоря, человек был и всегда будет функцией среды обитания — если понимать термин в самом широком смысле, включая всю сумму социальных, экономических, «ноосферных» и природных сил. Человек изменяется только тогда, когда изменяется среда обитания, хотя и не всякое изменение среды обитания меняет человека.

Мы знаем факторы, способные изменить среду обитания (а вместе с нею и человека) самым радикальным образом. Глобальная ядерная война. Глобальная экологическая катастрофа. Космическая катастрофа — недалекая вспышка сверхновой, например, или даже инопланетное вторжение...

Здесь мы не будем принимать во внимание такие напасти. Космические катастрофы неодолимы, но чрезвычайно маловероятны. Что же касается войны или экологического кризиса, то уже само осознание мировым сообществом этих страшных угроз дает нам определенную уверен-

ность в том, что катастрофы удастся избежать. Да и вообще, предсказывать, каким будет человек в мире, изуродованном катастрофой, слишком просто и слишком банально (хотя, может быть, и небесполезно).

Однако нам известен другого рода глобальный фактор, не разрушительный, но достаточно эффективный и быстродействующий, чтобы существенно изменять нашу среду обитания в исторически короткие сроки. Это научно-технический прогресс (который, кстати, и породил все угрозы и кризисы XX века, включая и угрозу ядерной войны, и экологический кризис).

Научно-технический прогресс (или сокращенно НТП) привел к тому, что буквально на наших глазах, в течение жизни одного лишь поколения, среда обитания изменилась существеннейшим образом.

Мы прекрасно помним такую фигуру городского уличного движения, как извозчик-ломовик — явление ныне не менее редкое, чем кистеперая рыба. Летчик — обыкновенный военный летчик! — мы почитали его по крайней мере так же, как почитаем сегодня летчика-космонавта. А чудо из чудес, объект зависти и восхищения — ламповый радиоприемник в громадном, бо-

жественно пахнущем лакированном ящике, украшенном деревянными финтифлюшками и фигурными вырезами? С чем сравнить его сегодня? С персональным компьютером? Нет, жидковат персональный компьютер для такого сравнения!..

Но вот что любопытно: если отойти назад не на 40–50, а лишь на 25 лет, то среда обитания покажется нам вполне привычной.

Автомобили? Да, их было поменьше, и они были другими, но уже тогда это был привычный атрибут городской улицы. Телевизор? Да, их было меньше, и они были хуже, но уже тогда они никого не удивляли, это был просто товар, на который надлежало накопить деньги. Космические полеты? Человек только-только вышел в космос, но спутники считались уже дюжинами, а фотографии обратной стороны Луны вызывали не изумление пополам с восторгом, а лишь удовлетворение пополам с некоторым разочарованием.

Что же случилось? НТП замедлил течение свое, или разучились мы с вами удивляться? Куда подевалось то восторженно-восхищенное отношение к чудесам науки и техники, столь характерное для конца XIX и первой половины XX века?

Создается впечатление, будто произошло за эти

годы некое привыкание к НТП, к его чудесам и даже к его издержкам. Словно бы НТП, изменяя среду обитания, произвел наконец сдвиг в массовой психологии и сделал массового человека практически невосприимчивым к дальнейшим изменениям. Сейчас трудно, а может быть, и невозможно представить себе такое научное открытие, изобретение или техническое новшество в быту, которое было бы способно поразить воображение массового человека, стало бы предметом размышлений, восхищения или хотя бы сколько-нибудь длительных обсуждений.

НТП более не является источником чуда. Напротив, он убивает чудо, срывая с него яркие привлекательные одежды и ставя его в один ряд с прочими фактами, давно известными и организованными в ту систему, которую называют обыденной жизнью. Так это произошло с ковром-самолетом, волшебным зеркальцем, гуслями-самогудами.

Но человек не может без чуда. Если отвлечься от «страждущих» — отчаявшихся и потерявших надежду, жажда чуда является чисто духовной потребностью. Сенсорный голод, ориентировочный рефлекс (или как он там называется у психологов), этот поразительный механизм че-

ловеческой психики переносит ожидание чуда в те области, до которых НТП еще не дотянулся: «летающие тарелки», парапсихология, реликтовые чудовища, бермудские тайны...

Современное чудо должно поражать воображение, то есть быть одновременно и наглядным, и необъяснимым. Современное чудо ценно само по себе, от него, как правило, не ждут никаких практических выгод. И — что замечательно! — современное чудо вроде бы не имеет никакого отношения к мистике, мистическое толкование чуда — сегодня дурной тон.

Но истинные чудеса XX века — это чудеса для сугубых профессионалов. Настоящие чудеса возникают в виде корявых формул, кое-как нацарапанных мелом на плохо протертой черной доске, чтобы потом нырнуть в мрачные недра гигантских ускорителей или вычислительных чудовищ и вынырнуть на поверхность в виде символов и таблиц на синих полосах термобумаги, и лишь три головы во всей нашей среде обитания способны будут воспринять это именно как чудеса, да и то две головы усомнятся в них и потребуют начать все сначала.

Если когда-нибудь телепатия сделается-таки фактом науки, она предстанет перед своими

нынешними адептами опутанная проводами, облепленная датчиками, загнанная в шершавые кожухи дисплеев, ограниченная десятками неудобопонятных оговорок и условий, — и с огромным разочарованием отшатнутся от нее нынешние ее почитатели.

Равнодушие или сугубый практицизм по отношению к истинным чудесам НТП, с одной стороны, а с другой — бескорыстный жадный интерес к банальным псевдочудесам, превратившимся в мифы современности, — вот характернейшее свойство современного массового человека, порожденное самим же НТП.

Средний человек начала третьего тысячелетия — это сегодняшний школьник, для которого электронный калькулятор — обычный предмет школьного обихода, видеоприставка к телевизору — обычный предмет обихода домашнего, а сверхзвуковой суперлайнер — нормальное транспортное средство. С младых ногтей этот школьник воспитывается в убеждении, что, с одной стороны, наука может все (это очевидно, скучно и всем давно надоело), а с другой стороны — что «есть многое на свете, друг Горацио...» и так далее (это всегда приятно щекочет воображение и обещает новое, интересное, неиспытанное).

К началу третьего тысячелетия НТП, возможно, подарит нам открытия необычайные. Может быть, будет обнаружена жизнь на Марсе. Может быть, запустят искусственный интеллект. Может быть, даже будет создана наконец единая теория поля.

Можно с уверенностью сказать, что на нашего школьника (к тому времени уже активного участника, потребителя и движителя НТП) все эти замечательные открытия особого впечатления не произведут. В лучшем случае, он добросовестно примет их к сведению, в худшем — просто не заметит, как не заметили многие наши знакомые ни великой теоремы Гёделя, ни расшифровки генетического кода, ни возникновения синергетики.

«Наука может все», с одной стороны, и «есть многое на свете, друг Горацио...» — с другой. Вот характернейшее свойство массовой психологии человека начала третьего тысячелетия. Хорошо это или плохо, мы не знаем. Один из нас считает, что хорошо, а другой — что не очень.

Хорошо — для чего и для кого?

Плохо — в каком именно смысле?

Мы позволили себе порассуждать лишь об одной стороне человеческой психологии. Правда,

эта грань представляется нам весьма важной. Способен ли ты удивляться, и если да, то что именно тебя удивляет? Отношение человека к чуду, отношение человека к прогрессу, который он движет своим разумом и своими руками, — своего рода пробный камень его мировоззрения. И, может быть, не только пробный, но и краеугольный.

Но есть и другие грани, не менее важные. XX век дал ответ на старый вопрос: что будет, если массовый человек одет, обут и накормлен досыта; станет ли он добрее, умнее, честнее, вообще — лучше? Оказалось — нет. Удовлетворение потребностей вызывает лишь появление новых потребностей. Каждый новый уровень «сытости» проявляет в человеке новые минусы. Как точно подметил Юрий Бондарев, «труднее всего накормить сытого и одеть одетого».

Человек разумный не всегда является разумным человеком, слишком часто он — вместилище неуправляемых эмоций или попросту тупой болван. Нельзя ожидать сколько-нибудь серьезного изменения человека, пока господствует старая система воспитания и образования. Новый человек будет сформирован только новой педагогикой, до которой, видимо, еще далеко.

Что ж, у человечества впереди еще по крайней мере миллиард лет.

В апреле же «Уральский следопыт» обращается к читателям с предложением задавать вопросы Авторам.

Из: Спрашивайте — отвечают...

<...>

Представьте, что вы — в гостиной «Уральского следопыта»: уютно расположились в кресле (либо, за неимением оного, на обычном стуле), особенно спешить вам некуда — есть время подумать и семь раз отмерить, прежде чем... Впрочем, со временем у вас все ж таки — не очень! Ведь напротив вас, за скромным редакционным столом, сидят в этой же гостиной писатели, представлять которых нет ни малейшей надобности: братья Стругацкие. Оба они — и москвич Аркадий Натанович, и ленинградец Борис Натанович — любезно согласились, по договоренности с редакцией, выслушать любые ваши вопросы и со страниц «Уральского следопыта» ответить на те, что покажутся им интересными.

Среди любителей фантастики не найдется, вероятно, таких, кто не был бы знаком с книгами Стругацких. Как, вероятно, не найдется и

таких, у кого не было бы своего собственного, не заемно-дежурного, привычного по читательским конференциям, нет, именно своего, заветного — из глубины души — вопроса к авторам этих затрепанных, даже если они и не библиотечные, книг... Что ж, спрашивайте! Писатели — вот они, перед вами, спрашивайте же, а если с чем-либо в их книгах, в их публичных выступлениях не согласны — поспорьте! Но — помните при этом о логике спора: ваше мнение должно быть доказательным. Аргументированным. Четким. Лаконичным.

Ваши письма — с вопросами ли, с суждениями ли об отдельных произведениях Стругацких или их творчестве в целом — должны быть отосланы на адрес редакции (с пометкой: Отдел фантастики, А. и Б. Стругацким) до 1 июня 1986 года.

Мы передадим их адресатам в середине июня и рассчитываем в конце 1986-го или начале 1987 года напечатать в журнале ответы писателей.

Итак, спрашивайте! Отвечают — братья Стругацкие...

В апреле Авторы работают в Репино.

Рабочий дневник АБС

[записи между встречами]

Василиск — человек, который страшно мстит обидчику, сам того не желая, инстинктивно, зачастую не зная об этом.

Представить себе мир, где василиски редки, но обычны (как, скажем, мастера спорта или доктора наук).

Наш герой:

1). Пытается сообщить куда следует.

2). Лично <пытается> помешать Демиургу.

9.04.86

Приехали в Репино работать с ОЗ.

10.04.86

Отдельные отрывки:

«А вот и шип сработал...»

Упала картина.

Украли всю одежду из шкафа.

Сцена ссоры Д<емиурга> с А<гасфером> К<узьмичом> — Д<емиург> обжег руки в портфеле и отрывает их от себя, они искусственные, горят,

плавятся, корчатся на полу у его ног.

Великоросс (русск<ий> фашист)

Сделали 3 стр. (32)

Вечером сделали 3 стр. (35)

11.04.86

Сделали 3 стр. (38)

Вечером сделали 2 стр. (40)

12.04.86

Сделали 4 стр. (44)

Что сочинил Иоанн на Патмосе за 40 лет.

1. Жития апостолов «как был предан Учитель».

Все было уничтожено. Подсылались убийцы.

2. Прекратил скотоложество на острове и обратил фригийцев в христианство.

Почему Иоанн написал свое Евангелие так поздно?

Вечером сделали 3 стр. (47)

Демиург выкатился на несколько секунд. Миша отступил на шаг и сделал странное движение рукой — то ли хотел защититься, то ли (несмотря на его уверения) что-то все-таки висело у него под мышкой. Вот тут-то и полился пот.

Демиург выкатил посмотреть: «Обыкновенный

сбир!»

13.04.86

Сделали 4 стр. (51)
Вечером сделали 2 стр. (53)

14.04.86

Сделали 3 стр. (56)
Вечером сделали 2 стр. (58)

15.04.86

Сделали 4 стр. (62)

Тема: подселение души Манохина к душам последовательно трех иерархически стоящих начальников — по восходящей. Подлость, ибо иначе потеряешь место; подлость, ибо иначе не дадут идти вверх; подлость, кот<орая> уже не подлость, а государственное дело.

Ии прервались на 62 стр.

Идея: искушение святого Сергея!

Ведьма и т. д. a la св<ятой> Антоний[23] и пр<очее>.

Праздновали д<ень> р<ождения> Б.

16.04.86

Заявка на сценарий ХС + ГЛ для Кайдановского.

9 апреля Борис Штерн пишет БНу.

Из архива. Из письма БНу от Б. Штерна

Дорогой Борис Натанович!

Поздравляю с днем рождения!

Поздравляю с Планетой! 17 км в диаметре — это хорошая планета, больше Фобоса. Там и особняк можно построить, и дачу, и гараж... да что гараж... это ведь 17 км в диаметре, а площадь поверхности?.. если не ошибаюсь, 2ПД квадрат деленное на два... это будет... $2 \times 3{,}14 \times 17^2$ делить на два... сейчас посчитаю... Это будет 907,46 кв. км! Почти тысяча квадратных километров! Целое удельное княжество, раза в два больше Киева! При чем тут гараж? Это Вы очень удачно приобрели — и недалеко от центра — между Марсом и Юпитером... не в каком-то там облаке Оорта. И сносить не будут! Поздравляю!

<...>

У меня пока без новостей. «Голая девка» выйдет в апрельском номере «Химии и жизни». Кстати,

химики недавно попросили меня: очень вежливо и деликатно спросить у братьев Стругацких — не согласятся ли они дать для «Химии» новую повесть (или рассказ)? Шеф, это вопрос на полном серьезе. Вас в «Химии» любят и ценят.

В «ЛГ» статья о молодогвардейской фантастике... статья правильная, но какая-то вялая... критикует, но как-то равнодушно. А их надо бить с чувством, с толком и с расстановкой.

<...>

29 апреля БН отвечает Борису Штерну.

Из архива. Из письма БНа Б. Штерну

Дорогой Боря!

Спасибо за поздравления и информацию.

<...>

В ХиЖ предлагать нам пока нечего. Будем иметь их в виду. Но вообще-то следующая наша вещь (судя по всему) будет готова нескоро.

Надо сказать, журналы наши сейчас (в связи с безлимитной подпиской) оживились чрезвычайно. Предложения сыплются со всех сторон. Фантастика снова становится в моде. Не теряйте случая!

<...>

В мае в Москве проходит пленум Совета по приключенческой и научно-фантастической литературе при Союзе писателей СССР.

[«В Союзе писателей СССР...»: Рубрика «ЛГ информирует»]

В Союзе писателей СССР состоялся пленум совета по приключенческой и научно-фантастической литературе, который открыл председатель совета А. Кешоков. В докладе Е. Парнова говорилось о роли научно-фантастической литературы в ускорении социального и научно-технического прогресса в свете задач, поставленных XXVII съездом КПСС. На заседании выступили С. Снегов, В. Михайлов, А. Стругацкий, Е. Войскунский, О. Ларионова, А. Казанцев, Г. Гуревич и другие.

АН там выступает с докладом, в котором, как просил Борис Штерн, рассказывает о несообразностях в издательстве «Молодая гвардия» и в Роскомиздате «с чувством, с толком и с расстановкой».

АБС. О положении в литературной фантастике

С начала 70-х годов довольно часто приходится

слышать о наличии в современной фантастике некоего кризиса. В чем суть этого кризиса, остается непонятным, причем не только нам: во время встреч с читателями нас то и дело спрашивают: правда ли, что в советской фантастике существует кризис, и в чем он состоит.

На наш взгляд, кризисом следовало бы назвать такое положение, когда писатели больше не желают писать фантастику, а читатели не желают больше ее читать. К счастью, ничего подобного не наблюдается. По-прежнему часты прискорбные и достойные всяческого осуждения случаи тайного хищения произведений фантастики из библиотек. По-прежнему писателей-фантастов засыпают письмами с просьбами выслать или помочь раздобыть их книги. Писатели-фантасты по-прежнему исправно предлагают издателям свои новые произведения. Наконец, на наших глазах выросла талантливая литературная молодежь, твердо решившая посвятить себя фантастике.

Однако, если понимать термин «кризис» не в строго рациональном его смысле, а как некое эмоциональное звукосочетание вроде «эхе-хе», долженствующее фонетически выразить ощущение определенного неблагополучия, в этом

случае приходится признать, что для разговоров о «кризисе» есть кое-какие основания.

Немного истории.

Годом рождения современной фантастики мы считаем 1957 год — год запуска первого искусственного спутника Земли и выхода в свет новаторского романа Ефремова «Туманность Андромеды». До круглой даты — тридцатилетия — остается всего год.

Сразу же после этого целый ряд издательств и журналов нашей страны взялся за освоение научно-фантастической литературы. Особые заслуги перед отечественной фантастикой принадлежат издательству ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Ее редакцию фантастической и приключенческой литературы можно без преувеличения назвать колыбелью современной фантастики.

Коллектив, возглавляемый Сергеем Жемайтисом и Белой Клюевой — специалистами высочайшего класса, энтузиастами и знатоками, мастерами редакционного дела, глубоко понимавшими суть и назначение избранного ими вида литературы, с самого начала стал ориентироваться на активного, энергичного, восприимчивого строителя нашего общества, как раз и составляющего основной контингент многомиллионного

читателя фантастики. Именно в стенах этой маленькой редакции развились и определились практически все течения и направления современной советской фантастики, получила боевое крещение и возмужала вся когорта авторов, вошедших в литературу вслед за «туманностью Андромеды» и двинувших советскую фантастику на мировую арену. Именно эта редакция создала советскую фантастику и так называемый «бум» в 60-е годы, когда издавалось по десятку книг в год, когда начал выходить ежегодник «Фантастика», во многом возместивший потери от отсутствия специального журнала, когда была задумана и основана «Библиотека советской фантастики», когда том за томом выходила подписная «Библиотека современной фантастики», ставшая, между прочим, образцом для подобных изданий, предпринятых впоследствии в Японии, США и некоторых других странах.

Вдруг на рубеже 60–70-х годов все в одночасье переменилось. Редакция была разгромлена. Прежних работников уволили кого куда, отказались от авторского актива, бережно выращенного на протяжении десятилетия, а вместо книг стали выдавать велеречивые программы и декларации. Непосредственными инициаторами и

исполнителями этого некрасивого дела были тогдашний директор «Молодой гвардии» Ганичев — ныне руководитель «Роман-газеты», Осипов — до недавнего времени почему-то директор «Художественной литературы» и Юрий Медведев — ныне, кажется, заведующий одним из отделов журнала «Москва».

Какие цели преследовались этим бессмысленным разрушением сложившейся и процветавшей системы издания советской фантастики, сказать трудно. Откровенные высказывания авторов этого разрушения настолько одиозны, что в публичном выступлении им не место. Словесные громы насчет «примата сибирской фантастики» над всеми иными «фантастиками» нашей страны принять всерьез нельзя, над ними смеются прежде всего сами сибиряки. И уж очень невнятны обвинения в адрес «старой» фантастики, время от времени появляющиеся на страницах прессы. Мы прочли о «супермодернизированных хулиганах и уголовниках», об «идейках превосходства элиты интеллектуалов», о «засилии иностранных имен вроде Джека и Сола»; прочли и грустно переглянулись: ведь это пишется о Днепрове, о Савченко, о Жемайтисе, о Гансовском, о Громовой... Эхе-хе!

Так или иначе, разрушение прошло успешно.

На месте изгнанного на пенсию Жемайтиса воссел во главе редакции Юрий Медведев. Новые сотрудники редакции, не знающие ни сомнений, ни срама, повели себя неописуемо простодушно, как шкодливые подростки в какой-нибудь подворотне.

Со скандалом был вынужден порвать с редакцией один из сильнейших и опытнейших писателей-фантастов Владимир Савченко.

С 75-го года несколько лет лежал без движения сборник рассказов Дмитрия Биленкина.

С 73-го года несколько лет лежал сборник А. и Б. Стругацких. Этот сборник повестей пролежал с «движениями», и «движения» эти поистине являли собой шедевры редакционно-издательской некомпетентности, граничащие с нарушением УК РСФСР. Его спасло только прямое вмешательство ЦК КПСС.

Для характеристики модуса операнди редакции Медведева следует упомянуть, что сборник рассказов Брэдбери, несмотря на протесты опытнейших переводчиков Н. Галь и Л. Жданова, вышел изрядно изувеченным редактурой, но редактором в выходных данных значится не виновник этого безобразия, а другой, давно уволенный из издательства.

Разумеется, такой модус операнди не мог не сказаться на положении с выпуском книг. За всю вторую половину 70-х годов редакция Медведева выпустила едва десяток названий фантастики. То ли устрашившись дела рук своих, то ли, что менее вероятно, ощутив угрызения совести, Ганичев, Осипов и Медведев кинулись врассыпную из издательства, оставив за собой дымящиеся развалины некогда стройного и мощного редакционно-издательского аппарата.

Во главе «Молодой гвардии» встал Десятерик — сейчас он возглавляет «Мосфильм».

Во главе редакции фантастики встал Владимир Щербаков. Остается он заведующим и сейчас.

К чести Щербакова, надлежит прежде всего отметить, что он очень быстро справился с разрухой, оставленной Юрием Медведевым. Можно посетовать на недоразвитый литературный вкус Щербакова и начисто отвергнуть принципы, которыми он руководствуется в своей работе, но одного у него отнять нельзя: ему удалось наладить достаточно ровный выпуск названий фантастики, сравнимый, кажется, с выпуском в лучшие времена «бума» 60-х годов. И самое главное, он не только активно втягивает в публикации новые имена, имена молодых, но и

вернулся к изданию фантастов нового старшего поколения.

Все бы хорошо, вот только уровень, литературный уровень произведений, выходящих из его редакции!

Именно примитивизм, вторичность, дилетантизм, даже школьничество основной массы этой продукции отмечают почти каждую новую книгу, выпущенную Щербаковым. Главным образом это относится к молодым авторам.

Молодые. Новое поколение советских фантастов. Третье после нас. Без особого труда можно назвать некоторые имена.

Москва: Виталий Бабенко, Эдуард Геворкян, Владимир Покровский, Александр Силецкий, Валерий Генкин и Александр Кацура.

Ленинград: Вячеслав Рыбаков, Андрей Измайлов, покойный Виктор Жилин, Святослав Логинов, Андрей Столяров, Дмитрий Каралис, Ирина Тибилова.

Киев: Борис Штерн, Людмила Козинец, Юрий Пригорницкий.

Крым: Юрий Иваниченко, Даниил Клугер, Наталья Астахова.

Далее и везде: Юрий Брайдер, Николай Чадович, Евгений Дрозд, Борис Зеленский (Минск), супруги

Лукины (Волгоград), Евгений Филенко, Владимир Пирожников (Пермь), Андрей Лазарчук, Олег Корабельников, Евгений Сыч (Красноярск), Алан Кубатиев, Александр Бачило, Геннадий Прашкевич (Новосибирск), Владислав Петров (Тбилиси), Павел Амнуэль (Баку), Роберт Качарян, Карен Симонян (Армения), Абдухаким Фазилов, Людмила Синицына (Средняя Азия)...

Мы тут просим извинения за то, что не упомянули всех, кто достоин упоминания. Например, великолепного писателя и педагога Владислава Крапивина (Свердловск) и его земляка Сергея Другаля... или москвича Александра Мирера, которого трудно уже причислить к «молодым», автора одной из лучших фантастических повестей для подростков и тонкого литературоведа.

Так вот. Эти люди пишут. Уже добрый десяток лет. Пишут романы, повести, рассказы, сказки, даже пьесы, пишут рецензии и статьи, пишут с любовью, от души, со страстью. Пишут, разумеется, по-всякому, в меру таланта и жизненного опыта, но вполне на уровне «публикабельности» и нередко гораздо выше этого уровня.

Мы убеждены, что творческая эволюция писателя теснейшим образом связана с публикацией его произведений. Разумеется, известны

исключения. Были и всегда будут писатели, обладающие столь мощным творческим зарядом, что они способны самосовершенствоваться, всю жизнь работая в стол, и только после их смерти перед изумленным миром появляются их произведения, и мир понимает, что это был талант, вырастивший сам себя в одиночку.

Не будем говорить о таких. Это — единицы из тысяч и десятков тысяч пишущих. Правилом же является писатель, для развития которого жизненно необходим партнер-читатель, причем обязательно массовый. Мы не знаем, в чем заключается магия этой связи, но мы знаем, что, как правило, писатель, независимо от своего таланта, лишенный выхода к широкому читателю, рано или поздно останавливается в своем развитии, начинает повторяться и топтаться на месте. Он еще пишет, пишет много, но он уже только повторяет и повторяет самого себя. Может быть, дело в том, что почти каждый писатель живет определенным кругом идей, образов, приемов, он исключает, исчерпывает этот круг в своем очередном произведении и после этого нуждается в каком-то получаемом от общества свидетельстве того, что работа его действительно закончена и круг идей и приемов действительно

исчерпан. Простейшая (и основная) форма такого свидетельства — публикация. Нет публикации — нет ощущения исчерпанности круга идей и образов, нет стремления выйти в другой круг, на другой уровень.

Иждивением Владимира Щербакова вышеперечисленные писатели-фантасты третьего поколения в большинстве своем лишены возможности получать эти свидетельства от общества. Имеет место впечатление, что, дважды (или уже трижды?) успешно издав самого себя, он допускает к выпуску только такие произведения, которые не могут претендовать на соперничество с его романом «Семь стихий». А ведь все мы, профессионалы, знаем, что писать хуже, чем писаны «Красные кони» и «Семь стихий» В. Щербакова, — занятие для халтурщиков!

Короче говоря, можно смело утверждать, что если редакция фантастики в «Молодой гвардии» кое-как и справляется с заданием по количеству, то она безнадежно проигрывает в качестве. Пресса неоднократно указывала на ущербность произведений, публикуемых редакцией Щербакова, но, насколько нам известно, издательство этим сигналам не вняло.

Тут уместно, видимо, заметить следующее.

Мы с тревогой наблюдали за работой «Молодой гвардии» в области фантастики, и один из нас принялся добиваться встречи с руководителем ЦК ВЛКСМ по идеологии. После долгих и неприятных отсрочек встреча была назначена. Однако, к великому разочарованию А. Стругацкого, товарищ секретарь не счел возможным разговор лицом к лицу, а выслал вместо себя на беседу двух мальчиков-инструкторов, которые с разинутыми от умственного напряжения ртами выслушали навязчивого просителя. Интеллекта их хватило лишь на то, чтобы спросить: а почему, собственно, все замкнулось на «Молодой гвардии»? Нешто нет других издательств? Между прочим, вопрос в своем роде сильный. Мало кому известно, что редакция фантастики в «Молодой гвардии» является по сути *единственной* в нашей стране, призванной по статусу своему издавать фантастику без всяких возрастных и тематических ограничений. «Детская литература» ограничена возрастной спецификой. «Знание» мощно отбивается от фантастики, не содержащей научную и технологическую информацию. Об остальных издательствах и «толстых» журналах речи быть не может, там фантастику за литературу по невежеству не считают, предпочитая публиковать

унылую «реалистическую» серятину. Так вот, все это оказалось ошеломляющей новостью для разинуторотых мальчиков из аппарата руководителя идеологии ЦК ВЛКСМ. Само собой разумеется, никаких последствий эта встреча не возымела.

Это о «Молодой гвардии» и возможностях публикации.

Примерно в середине 70-х годов над отечественной фантастикой заклубились новые тучи. Против фантастики ополчился Роскомиздат. Государственный комитет РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли (судя по положению с издательствами) управляется скверно, однако он вдруг взял на себя цензорские функции.

Как мы понимаем, механика действий Роскомиздата в области отечественной фантастики выглядит примерно так. Есть заместитель председателя Роскомиздата некая Т. Куценко. В фантастике ничего не понимает и склонна считать ее досадным недоразумением. Есть в ее подчинении некая Назарова, вдова безвременно помершего писателя-фантаста Назарова из приближенных Юрия Медведева (напомним: Медведев — один из инициаторов разгрома «старой» редакции фантастики «Молодой гвардии»).

Назарова в фантастике тоже ничего не понимает, но пытается держать марку покойного мужа. И есть круг друзей этого покойного мужа. В некотором смысле — почти семейный кружок.

По установленному правилу в Роскомиздат поступает рукопись отечественного фантаста (или группы фантастов). Назарова отдает рукопись на рецензирование кому-нибудь из друзей покойного супруга. Назовем их по именам: А. Казанцев, Дм. Жуков, Ю. Медведев, С. Павлов, печально известный Семанов и некий Александр Осипов. Рецензии на авторов, не признающих примат взглядов упомянутых господ на фантастику, как правило, разгромные. Рецензии эти неописуемо простодушные, непрофессиональные и одиозные. Мы располагаем образцами, при чтении которых так и подмывает оглядываться и спрашивать себя: а в каком веке мы живем, собственно говоря? Впрочем, рецензии порядочно оплачиваются.

На основании этих рецензий Назарова фабрикует негодующие письма в соответствующее издательство и несет это письмо на подпись Т. Куценко. Т. Куценко подписывает, не глядя (а что ей глядеть?), и через несколько дней руководитель издательства, согнувшись под тяжестью «угроз из центра», дает себе слово никогда впредь

с отечественной фантастикой не связываться.

Мы пытались протестовать. Мы писали письма. Ответы, как нам кажется, писались теми же рецензентами — они были столь же непрофессиональны и безалаберны, как и сами рецензии. А подписывали их, так же безмысленно, как и Т. Куценко, зам. председателя Госкомиздата РСФСР Звягин или некто Кротов, зам. главного редактора Главной редакции художественной и детской литературы. И за сто верст веяло от этих писем некомпетентностью и нежеланием работать.

Впрочем, для того, чтобы получить представление об общем культурном уровне работников Роскомиздата, приведем высказывание заведующего редакцией детской и юношеской литературы товарища Свининникова. В ответ на просьбу руководителя Ставропольского издательства дать его рукопись на рецензию А. Стругацкому товарищ наш Свининников изрек: «Мы Стругацкому не доверяем. Он скрыл в анкетах, что всю войну просидел в японском плену. Там он научился японскому языку и набрался сюжетов». Каков уровень! Полагать, будто трагедия на сопках Маньчжурских и в Цусимском проливе произошла во время Великой Отечественной!

Именно эта и именно такая организация об-

рушилась на молодую советскую фантастику. Старых писателей они трогать опасались, хотя был случай, когда с подачи ловкача Семанова произведение талантливых писателей наших Войскунского и Лукодьянова «Ур, сын Шама» было объявлено едва ли не вражеской пропагандой.

(Евгений Войскунский — фронтовик, прошел войну от звонка до звонка. Но что до фронтового прошлого бумажным воякам Роскомиздата! В своей рецензии на сборник супругов Лукиных А. Казанцев уничижительно говорит о «руководстве товарищей войскунских (с малой буквы!) на семинарах». Впрочем, здесь он здорово дал, товарищ наш Казанцев, маху, так как «товарищ Войскунский» получил высокую награду за свою автобиографическую повесть об обороне Кронштадта. Вообще надо сказать, что Роскомиздат со своими гуляй-рецензиями довольно часто попадал впросак, но на его самочувствии это никак не отразилось.)

Мы, конечно, не претендуем на исчерпывающее знание результатов гульбы Роскомиздата на ниве отечественной фантастики, но кое-что нам известно.

Несколько лет назад в Магадане планировался

выпуск сборника фантастики с предисловием космонавта Г. Гречко. Роскомиздат запретил этот сборник по рецензии Медведева.

Опять же несколько лет назад Калининградское издательство запланировало сборник «морской фантастики» из уже опубликованных произведений. Составитель Вл. Гаков. Сборник был загублен Роскомиздатом на уровне заявки.

Из сборника «Мир приключений-83» иждивением Дм. Жукова, выступившего с политическими обвинениями, была изъята статья Гакова о Брэдбери.

Сотрудник Пермского издательства В. Букур представил состав сборника «Поиск-84». Роскомиздат дал разгромную рецензию, Букура отстранили от составления.

Авторский сборник Сергея Другаля «Тигр проводит вас до гаража» в Свердловском издательстве был затребован в Роскомиздат на контрольное рецензирование и обгажен политическими обвинениями Александра Осипова.

(Интересен этот маленький человек, Осипов Александр, претендующий ныне на монопольное право рецензировать *всю* фантастику в нашей стране! Нам неизвестно, какое у него образование, он нигде не работает, а устроился так, что

числится рецензентом Роскомиздата...)

Далее. Роскомиздат с подачи Ю. Медведева и официальной властью Т. Куценко попытался раскассировать сборник ленинградских фантастов. Тут они дали маху. Как выяснилось, сборник этот был утвержден ленинградскими учеными и одобрен обкомом. С ленинградским обкомом шутки плохи, и Т. Куценко поспешно втянула бессильные щупальца.

Дикая история со сборником супругов Лукиных. Роскомиздат без объяснения отверг положительные рецензии членов Совета по фантастике Биленкина, Парнова и Войскунского и отдал рукопись на разгром А. Казанцеву. Как уже упоминалось выше, рецензия А. Казанцева, исполненная вульгарнейших политических обвинений и личных выпадов в адрес коллег-фантастов, неприлична24.

Роскомиздат запрещает калининградскому издательству выпуск книги Сергея Снегова, приуроченной к его 70-летнему юбилею. Основание: С. Снегов обратился в ЦК КПСС с претензиями к Роскомиздату по поводу губительных действий в отношении литературной молодежи.

Можно было бы привести еще много примеров заботы Роскомиздата об отечественной фанта-

стике. Но, вероятно, достаточно и сказанного. У слабого человека, натерпевшегося от роскомиздатовских забот, не только ощущение «кризиса» появится, но может потянуть слабого человека на поиск крюка покрепче, веревки и куска мыла. Эхе-хе...

Надо отметить, что попытки договориться с Роскомиздатом предпринимались. Писались письма. Ответы получались невразумительные. А вот выписка из краткого протокола заседания бюро Совета по научной фантастике и приключенческой литературе при правлении СП РСФСР. Цитируем: «Пункт 3. Меры по прекращению порочной практики Госкомиздата РСФСР (Роскомиздата) по рецензированию фантастики „Детгиза“ и периферии. Там это дело курирует некая Тамара Куценко. С. Абрамов обязался убедить ее отказаться от случайных рецензентов и взять в качестве рецензентов лиц по списку Совета». Цитата окончена. Заседание это имело место 10 июля 1979 года. Как показали дальнейшие события, убедить Куценко Сергею Абрамову не удалось, если даже он и пытался это сделать.

Таким образом, Роскомиздат и сегодня остался для советской фантастики тяжелой угрозой.

Мы отдаем себе отчет в том, что не сообщили

Пленуму никаких новых фактов и не внесли никаких по-настоящему новых и оригинальных предложений. Более того, мы готовы выразить уверенность в том, что апокалиптические картины нынешней практики «Молодой гвардии» и Роскомиздата очень скоро сделаются достоянием прошлого. После дней XXVII съезда наступила эра компетентности, и мы еще своими глазами увидим, как восстанавливается попранная честь редакции фантастики «Молодой гвардии», а в Роскомиздате фантастикой будут ведать умные, квалифицированные специалисты. И Совет наш будет активно и действенно работать на пользу и славу отечественной литературы. И «толстый» журнал у нас будет.

А пока...

Пока нам хочется посильно выделить и конкретизировать достаточно очевидную, но постоянно ускользающую из поля зрения общественности мысль: если мы хотим, чтобы советская фантастика занимала в советской литературе и мировой культуре место, принадлежащее ей по праву, место действенного пропагандиста самых передовых идей, была бы на деле могучим средством воспитания молодого поколения и действительно острым оружием в идейной схватке двух

миров, если мы хотим, чтобы наша фантастика развивалась и совершенствовалась качественно, мы должны обеспечить ровный, систематический поток ее публикаций. Другого пути просто не существует. У нас есть массовый читатель, умный и благодарный, ждущий этого потока с нетерпением. Но высятся еще на пути этого потока завалы равнодушия, безответственности, дурных предрассудков, незрелых и злобных мнений. Именно они, эти завалы, лишают нас того, что так остро, до душевной боли нам сейчас необходимо — лишают нас *издателя*.

И еще один «семинарист» выходит в печать — БН в журнале «Техника — молодежи» представляет Сергея Казменко.

БНС. [Предисловие к рассказу С. Казменко «Водопой»]

Сергей Казменко по образованию физик-атмосферщик. Он окончил физический факультет ЛГУ в 1978 году и с тех пор работает там же, на кафедре физики атмосферы. Имеет научные статьи. На нашем семинаре Сергей появился совсем недавно. Он еще даже не является «действительным членом» семинара — он всего лишь кандидат,

однако некоторые из его рассказов кажутся мне удачными. В частности, предлагаемый вниманию читателей рассказ «Водопой».

В мае Авторы продолжают работать — обсуждается сюжет ОЗ.

Рабочий дневник АБС

9.05.86

Вчера Б. приехал в Мск. (Дни Чернобыля)

Каждое утро приходит обширная почта. Сергей ее разбирает. Письма из прошлого, настоящего и будущего. (Проблема языков!) Бутылка с письмом. Посылки. Повестки из суда и из органов.

Сергей находит Евангелия с пометками.

— Этот болван Прохор...
— Проктор.
— Прохор.
— Проктор!
— Ну, хорошо. Пусть Проктор...

В совете Строгановых: инкогнито — см<отри> Мастер и Маргарита. Ермак. Гибель Ермака. Почему? Некие недоразумения с Востоком. Там другой Сатана правит бал.

После сражения с пиратами Иоанн с Прохором высаживаются в Малой Азии. Прохор умирает. Иоанн его хоронит — засовывает вместе со всеми пергаментами в какую-то пещеру. Последователи разрывают могилу и пускают Прохоровы документы по миру.

Иоанн — Агасфер — Магомет... и т. д. Он же бандит. Ему личит бедуинская вольница.

Пистолет. Демиург предлагает Сергею оружие. Сергей выбирает пистолет. Зачем? Сергей не понимает, но, естественно, встревожен.

Посылка: рука. Сергей воображает, что это что-то из Мопассана25. Нет. Рука как рука. Высохшая. На пальце — перстень.

Рассуждения: *Зачем я здесь*?

Позавчера Агасфер принес журналы, в кот<орых> подтверждается моя теория. Реакция. Не надо мне этого. Разочарование Агасфера.

Письмо в Детгиз.

10.05.86

Разговариваем.

Что такое фашистское нашествие? Это танки. Вон в кино так лихо тягают по подмосковному снегу, все одинаковые, в 2/3 натуральной вели-

чины, изготовленные (по 50 тыс. за штуку) на Минском автозаводе — десять штук на все студии страны. Ах, то ли было в «Сталинградской битве» по Вирте! «Наступать! Наступать! Большевики уже выдыхаются!»26

11.05.86

Звонили в Минфин. (Кондрацкий Ник<олай> Мих<айлович>)
Звонили Пацинке.

12.05.86

Беседовали с Беном Хеллманом.

13.05.86

А. не пошел на съезд СК27.
Обсуждаем «Роман в письмах».

14.05.86

Подбирали матерьял для РвП.

15.05.86

Б. уезжает.

Не только пресса интересуется мнением АБС. Их приглашают и на телевидение. 12 июня на ТВ выходит очередной выпуск телепередачи «Очевидное — невероятное» с постоянным ее ведущим Сергеем Капицей. В передаче демонстрируются фрагменты кинофильма «Гибель сенсации» (вольной экранизации 1935 года пьесы Карела Чапека «R. U. R» — режиссер А. Андриевский). После просмотра фильма Сергей Капица и АН беседуют: сначала — о роботах, затем о внедрении новых технологий, а в самом конце — о влиянии НТР на человека и человечество.

Из архива. Из беседы С. Капицы с АНом в передаче «Очевидное — невероятное»

<...>

Капица. Как повлияет новая техника на сознание людей, на наше поведение, на нашу систему ценностей, на то, как нам надо будет учить людей, как люди будут работать, — вот что важно.

Стругацкий. Да, вот это самое интересное для меня.

К. Это те вопросы, которые вы, по существу, обсуждаете в ваших произведениях?

С. Да. Стараемся, во всяком случае. Но мы, увы,

тоже только ставим эти вопросы. Только ставим. Ну, действительно, при всей косности социопсихологии, то есть массовой психологии, даже на нашем веку в ней произошли огромные... ну, не огромные, а во всяком случае, крутые изменения в связи с внедрением различных видов техники. В частности, боевой техники. И я как писатель вовсе не уверен, что внедрение роботехники, широкое внедрение ЭВМ (я пока оставлю область технологии, а возьмем область быта, скажем, область социальных отношений) весьма полезно. Совсем не уверен!

К. Вот сейчас много говорят, например, о внедрении ЭВМ в школе...

С. И хорошо, что пока *говорят*! Потому что пока говорят — думают. А когда будут внедрять — это уже значит, что думать перестанут... каковы же последствия, особенно дальние последствия?

К. Ну, начнем с того, что превращаются в абсурд современные учебники арифметики...

С. Вы знаете, у Айзека Азимова есть очень забавный маленький рассказец. Действие происходит там через много веков. Все считают только на калькуляторах, все давно забыли устный счет. И вдруг кто-то делает изумительное открытие, что дважды два — это четыре. Заново открыва-

ется таблица умножения! Этого человека уже рассматривают как гения, потому что всё забыто, предыстория забыта28. Вот вам и калькулятор. Рассказик, конечно, смешной, потешный, но в нем есть урок. Конечно, сам по себе, например, такой факт, как забвение таблицы умножения и перенос всей тяжести механического счета на калькуляторы еще не... Я не знаю, но на первый взгляд ничего страшного в этом как будто бы и нет. Но это только на первый взгляд!

К. Но чему-то детей будут учить? Будут учить их другому. Основам высшей арифметики. Или же теории множеств, которая, по-моему, никому не нужна...

С. Да-да. Не знаю, не знаю. Я, в общем-то, всегда считал, что всегда лучше рассчитывать на худшее. То есть какие-то большие практические выгоды из повсеместного и повседневного внедрения ЭВМ — неизбежность, необходимость. Хотите иметь современного производственника — знакомьте его как можно раньше с ЭВМ.

К. Выясняется, что дети с их нехитрой логикой и такими, по существу, очень простыми программными установками гораздо быстрее осваивают ЭВМ, чем преподаватели.

С. Это тоже, между прочим, любопытная вещь.

Но, с другой стороны, мы же готовим... должны готовить в нашем обществе не просто человека производящего, а человека всесторонне духовно развитого. Так вот, хотел бы я знать...

К. Но в какой мере тогда эта техника может служить идеям совершенствования человеческой природы и идеям развития природы, человека? Давайте так поставим вопрос. Мы будем развиваться не в другом направлении, а в каком-то направлении, которому эти машинки, эта цивилизация, эта технология способствуют...

С. А вот этого я представить себе, честно говоря, не могу. Я не могу представить себе, чтобы вся эта роботехника хоть в какой-то мере способствовала духовному развитию человека. То есть, повторяю, как производственную...

К. Это очень пессимистический вывод!

С. Почему? Духовно он будет развиваться сам по себе, а производственником он будет гораздо лучшим, чем раньше. Вот и всё!

К. Отделить одно от другого?

С. Почему отделять? Мы же сейчас не отделяем, понимаете... Вот у меня дядя — у него образование было шесть классов. Он был замечательный мастер-котельщик. И вот последние тридцать лет жизни он занимался историей испанской инкви-

зиции. А то, что он повышал свою квалификацию как котельщик...

К. Это никого не волновало.

С. Да нет, это волновало! Только это и волновало этих всех его товарищей по цеху, вышестоящее начальство и так далее. А вот то, чем он занимался... его духовные интересы никого не волновали. Но, кстати говоря, одно другому и не мешало. Я не могу сказать, что одно другому помогало. Я привел этот пример для того, чтобы сказать, что отделять одно от другого не надо, оно уже отделено.

<...>

К. Но вернемся обратно к задачам, которые возникают. Эта техника идет, она уже вмешивается в нашу жизнь, хотя вы и говорили, что мы будем как-то замедленно на нее реагировать. Но тем не менее от нее не уйдешь. Каждый из нас, к примеру, располагает очень важной автоматической системой, и мы даже как-то не понимаем ее. А мне кажется, что это могло бы стать интересной моделью для нашего сегодняшнего разговора. Телефон! Уже сейчас мы не представляем себе жизнь без него, правильно?

С. Конечно!

К. Но как мы его используем? Вот мы с вами

договариваемся, что встретимся, уточняем время. Всё понятно. Обсуждать, например, тему передачи я с вами по телефону уже не стал, мне хотелось вас видеть, хотелось с вами говорить.

С. Да.

К. Правда, мы знаем многих людей, которые могут часами говорить по телефону. Я думаю, телефон сейчас привел к некоей эрозии того, что называют эпистолярным жанром. Я не знаю, сколько останется после современных писателей телефонного века писем по сравнению с тем, что было во времена Пушкина и Тургенева.

С. Я думаю, очень мало. Если хотите, живой пример — ваш покорный слуга и мой брат, Борис Натанович. С тех пор как установилась твердая и надежная междугородная телефонная связь, наше письменное общение прекратилось. До этого мы писали друг другу постоянно. Обменивались двумя-тремя письмами за декаду. А сейчас нет совершенно.

К. А письма — это не телефонный разговор, это нечто более серьезное.

С. Вот именно! Письма — это, прежде всего, более ответственно.

К. Может быть, когда-нибудь в Собрании ваших сочинений будет переписка братьев...

С. (*Смеется*). Собрание наших сочинений — это, знаете ли, еще б`ольшая утопия, чем суперуниверсальные машины. Но речь идет не об этом. Речь идет о последствиях, так сказать. Вот вы привели очень хороший пример — одно из последствий телефонизации. И радиосвязи, радиотелефонной связи, так? Ну, мы не будем говорить, хорошо это или плохо, но изменило это жизнь?

К. Изменило. Всю нашу культуру, если хотите.

С. Совершенно верно: изменило нашу культуру.

К. Да. Понимаете, нам очень трудно перешагнуть через рубеж одного поколения. А вот искусство в этом смысле переходит через поколения гораздо проще. Нам гораздо проще читать литературу девятнадцатого и даже восемнадцатого века, чем всерьез интересоваться техникой и даже наукой той поры.

С. И проще, и полезнее, между прочим!

К. И вот поэтому в нашей современной литературной фантастике нас гораздо больше интересует социальная проекция на будущее, чем изощрения в области техники. По-моему, в большинстве случаев вы в основном занимаетесь скорее словотворчеством всевозможным, чем построением какой-либо системы, которая

могла бы отвечать тому, что должно тогда произойти. И правильно, это не ваша задача. Это, по-моему, в каком-то смысле вообще ничейная задача...

С. Да нет, ну пусть забавляются. Кстати говоря, ребятишкам очень нравится такого рода литература. Но на то они и ребятишки, как говорится.

К. Но вот эти ребятишки становятся взрослыми... Что они несут в это будущее?

С. Что несут они? Уже то хорошо, что они несут в будущее привычку к элементам новизны.

К. Новая деятельность их не пугает.

С. Не пугает. Ведь не секрет, что если в 50-х годах, скажем, пытаться взрослому внушить идеи теории относительности, он голову сломает на этом деле. И выясняется, что если с теорией относительности в ее, конечно, так сказать, принципиальных ракурсах столкнуть мальчишку, он ее проглатывает сразу. И когда он будет заниматься ею уже подробно, уже по-настоящему, по-математически и так далее, ему уже это ничего не стоит...

К. И наши студенты гораздо легче ее воспринимают.

С. Совершенно верно.

К. Я считаю, что обучать таким вещам нужно

эволюционно, то есть сначала уча старое, затем производить частичную ломку, кризис, какое-то изменение сознания. И таким образом их вводят в курс новых представлений: им с самого начала говорят, что скорость света не зависит от системы отсчета, что время относительно... И они воспринимают это! У них конфликт будет в другом: когда придет новая теория на смену этой.

С. Сергей Петрович, вы помните, в средневековых университетах Пифагорова теорема называлась «ослиным мостом»?

К. Почему?

С. А потому, что тот студент, который доходил до теоремы Пифагора и одолевал ее, с трудом перетаскивался через этот мост, — он уже становился бакалавром, он был уже готовым ученым.

К. Понятно.

С. А сейчас? С квантовой механикой или с чем-то еще? Таким образом пытаюсь ответить на ваш вопрос, Сергей Петрович: с чем нынешний мальчишка, которого знакомят с калькулятором и так далее, придет в будущее? (В недалекое, правда, будущее.) Мы можем уже ответить достаточно положительно, что он придет уже прирученный, приученный. Его не будут уже пугать роботы,

его уже этими механическими чудовищами не испугаешь, он будет на них показывать пальцем и хохотать: «Эка дядя выдумал! Это, во-первых, нам не страшно, во-вторых, не нужно, в-третьих, это смешно».

(Пауза.)

С. Но какие опасности могут поджидать это самое поколение, которое сейчас либо еще в пеленках, либо только садится за парты, на его жизненном пути? когда начинают меня учить на электронном калькуляторе, я только прихожу на производство — мне подсовывают позитронный калькулятор, а только я овладел позитронным калькулятором — мне, понимаете, предлагают пользоваться энергией соседствующего пространства... и так далее, и так далее. И конца этому нет... может не быть, потому что ускорение технического прогресса — объективная реальность, ничего тут не скажешь.

К. Вот даже когда учили в школе детей языкам программирования, а к тому времени, когда они кончали, языки сменялись...

С. Вот хороший пример, отличный пример! И моя дочь как раз с этим столкнулась.

К. Ну хорошо. Но не заставляет ли нас такая литература, обращенная в будущее, как-то за-

бывать литературу, обращенную в прошлое, и в первую очередь нашу историю? Все-таки для всех поколений моральным источником, я бы сказал, обогащения человека была обычно настоящая история. И, может быть, некое, как говорят, падение морали связано с недостатками нашего воспитания в истории? Мы забываем, что у всех и всегда были и будут корни в прошлом.

С. Знаете что? Борис Натанович, мой брат и соавтор, высказал парадоксальную, на первый взгляд, но, по-моему, совершенно правильную мысль, что у современной социальной фантастики и у исторического романа...

К. ...одинаковые функции?

С. О функциях чуть-чуть попозже. Совершенно одинаковая методология! Когда современный писатель пишет...

К. ...и то и другое оторвано от действительности?

С. Вот именно. И там, и здесь человек пишет о том, о чем никто не знает. Вот что самое главное. И как бы хорошо автор, скажем, ни изучил эпоху Петра Первого...

К. Но мы верим тому, что Толстой написал!

С. А вот в этом уже гениальность Толстого! Конечно, верим.

К. А вы не пробовали писать исторические романы?

С. Ужасно хотелось. И сейчас хочется, но не знаю. Время...

К. Вот Толстой Алексей Николаевич писал и исторические, и фантастические романы...

С. Ну еще бы! Но для Алексея Николаевича Толстого его фантастические романы, как бы мы высоко их ни ценили, это была игрушка, побочная, так сказать...

К. Блестящая игрушка!

С. Ну еще бы. И «Гиперболоид»... А «Аэлита» — господи боже мой! — настоящий роман о любви! Ведь хоть там Марс, хоть там не Марс, все равно, да? Нет, здесь вот что еще более важно: настоящая социальная фантастика является описанием нашего настоящего с позиций какого-то идеального автора будущего. Так?

К. То есть, если перефразировать того, кто сказал об истории, что это есть настоящее в маскарадных костюмах прошлого, здесь это настоящее в маскарадных костюмах будущего?

С. Нет, это уже неважно, это опять же методология, так? Представим себе человека: как посмотрел бы он со стороны, из выси времен, скажем, третьего тысячелетия, из идеально

устроенного сообщества на то, что делается у нас сейчас. Вот это одна из самых любопытных и самых плодотворных задач современной социальной фантастики. И здесь что мы делаем? То же, что делает исторический писатель, автор исторического романа. Он смотрит на прошлое с позиций своего времени...

К. Это такая литературная теория относительности?

С. Как угодно, как угодно, можно и так подойти. Можно развить эту мысль, но у нас очень мало времени... И вот поэтому сказать точно, каковы будут конкретные последствия невероятно интенсивного развития роботехники и невероятно интенсивного ускорения технологических темпов, конечно, никакой добросовестный писатель-фантаст не сможет. Он вам не ответит.

К. Но тем не менее интересны эти вопросы. Я очень рад, что нам сегодня удалось как-то, пусть частично, пусть отталкиваясь от фильма, вызывающего сегодня такие странные ассоциации...

С. Вы знаете, что я вам скажу, Сергей Петрович: а ведь неплохо все сходится к концу нашей беседы. Ведь что такое, собственно говоря, фильм наш? Вот мы его смотрим и видим, как в 35-м году (это, дай бог памяти, полстолетия назад) пред-

ставляли себе сегодняшний день. Вот о чем речь!

К. Вы хотите сказать, что наши сегодняшние картинки будут столь же наивны?

С. Ну, не надо упрекать их в наивности...

(Смеются.)

К. Это, по-моему, самый лучший упрек, который может быть сделан писателю...

С. Может быть, может быть...

К. ...потому что наивному мы верим, потому что мы верим сказкам...

С. Так вы знаете, ведь и эта штука, которую мы сейчас смотрели, — она честными руками сделана, и это самое главное. И она как-то умиляет... Ведь здесь, понимаете, не то, что интересует или поражает, именно *умиляет* вот это самое: и сценарная конструкция, и эти гигантские куклы, верно?

К. Всё правильно.

На VIII съезде писателей СССР в выступлении Андрея Вознесенского тоже упоминаются АБС.

Из: Вознесенский А. [Выступление на VIII съезде писателей СССР]

<...>

Я вижу в зале многоцветье нашей литературы,

лучших писателей Москвы, Тбилиси, Алма-Аты. Но мне представляется, что наш съезд стал бы шире, ярче и многограннее, если бы в зале были Белла Ахмадулина, Булат Окуджава, Юрий Черниченко, Вячеслав Кондратьев, Давид Самойлов, Арсений Тарковский, драгоценнейший наш поэт. Нет в зале братьев Стругацких, нет сатириков Арканова, Горина, Жванецкого... Нет Рощина, нет Руслана Киреева, и еще, и еще... После доклада ревизионной комиссии возникает вопрос — была ли истинная выборность в Московской писательской организации, которой руководит Ф. Кузнецов?.. Я думаю, что без этих писателей наша литература неполная...

<...>

В это время в региональной, в основном КЛФовской, прессе разгорается дискуссия о новой повести АБС. Так, саратовская газета «Заря молодежи» дает место высказаться людям с различными точками зрения. Вот наиболее интересные фрагменты этой подборки.

И вот тут мы поняли...

С самого начала повесть нас ошеломила. Совершенно своеобразный стиль, обилие «до-

кументов», «фактов». И вместе с тем появилось предчувствие беды, приближения неведомой и потому особенно пугающей опасности. Ждали каких-то событий, они произошли, но совершенно не те, что ожидались, а совсем непонятные, на первый взгляд, не имеющие никакого отношения к делу.

Особенно понравилось нам то, что мы знаем о случившемся ровно столько же, сколько герои, и мы смогли самостоятельно подумать и прийти к собственным выводам.

Поскольку повесть печаталась понемногу каждый месяц, у нас было время поломать голову. Мы строили совершенно невероятные гипотезы, ожидали чего угодно, вплоть до вторжения Странников, чувствовали, что намаются еще оба КОМКОНа. Но вот наступил долгожданный март. Пришел последний номер. Развязка наступила неожиданно и привела нас в полное изумление. Мы ожидали чего угодно, но не этого.

Эти людены... и уже ничего не поделать!

Сначала мы негодовали: куда глядели герои, почему бездействовали? Но потом стало ясно: не вмешиваться — это единственное решение. И вот тут мы поняли главного героя. Максим оказался единственным на Земле человеком, который до

конца осознал происходящее. Он имел больше всех возможностей вмешаться, но цена ошибки была бы очень велика, последствия необратимы.

Такое сложное произведение не может не вызвать споров и разногласий. Но оно заставляет о многом задуматься, а это главное.

Из: Соколенко В. Ветер богов и мужество человека

<...>

А вот Аркадий и Борис Стругацкие показывают нам будущее, чреватое разнообразными проблемами, конфликтами, издержками секретности, даже жертвами. Непривычно? Да, безусловно. Сомнительно, как полагают излишне рьяные ревнители «светлого будущего»? Да позвольте! Масштаб, общественное и человеческое содержание, глубина трагедий, вспыхивающих в непредставимой для нас сложности этого титанического общества, требуют особенно внимательного и чуткого контроля. Чем общество сложнее, тем больший ущерб ему могут нанести субъективные ошибки и объективные трудности, тем больше ответственность каждого человека, тем чаще приходится напоминать об этой ответственности. И здесь только два варианта: либо

стальная самодисциплина у всех и каждого (так построено общество у Ефремова), либо развитые механизмы общественного контроля, что мы и видим в повести Стругацких.

<...>

Проблемы небесные всегда решаются на Земле. За неизвестным не нужно далеко ходить, оно «запускает щупальцы» сюда, здесь, сейчас. И Стругацкие показывают нам еще одну коллизию: мужество человека, который находит в себе силы не делать ничего. Как это иногда трудно — не делать ничего, и как это иногда нужно! Ждать развития событий, чуть заметно подправлять их и, зная, что придет и твой час, понимать: какие понадобятся действия — предвидеть нельзя. О, мудрость старости, для которой трагедии ожиданны, жертвы предвидимы, потери привычны, а некролог — жанр автобиографический! И даже правота старости — правота трагическая, правда всегда обходилась человечеству дорого. Максим Каммерер оказывается прав, но за свою правоту он расплачивается потерей близких.

<...>

Чему учит нас общество, созданное в произведениях Стругацких? Прежде всего тому, что техническая мощь и грандиозные возможности

ведут к грандиозным сложностям. Что человеку никогда не будет легче — человеку может быть только сложнее, но интереснее. Что если не подумаешь сам — за тебя подумают другие, и тебе придется сталкиваться в жизни не со своим, а с чужим. Что будущее вырастает из настоящего, и в будущем мы неожиданно можем столкнуться с последствиями того, что сделано нами сейчас. И еще один урок нам. Как-то писатель Даниил Данин сказал о великих физиках: «Они знали трудности титанические, но не знали трудностей идиотических». И мы должны упорно работать и достойно жить, чтобы изжить все наше несовершенство, все то, что уродует нас, мешает нам жить, и в зависимости от того, насколько нам это удастся, настолько достойными звания человека будем мы сами.

Один из героев Стругацких говорил: «Сказали мне, что эта дорога меня ведет к океану смерти. И, дрогнув, повернул я обратно. С тех пор все тянутся передо мной глухие, кривые, окольные тропы...»

Общество, которое рисуют Стругацкие, всегда — нам в пример — идет большими дорогами.

20 августа «Литературная газета» обращается к творчеству АБС, уделив особое внимание их последней повести, ВГВ.

Из: Шалганов А. Вполне земные заботы

<...>

Человечеству свойственно разгадывать тайны. Но до каких пределов? Где та граница, у которой надо остановиться? И надо ли? Герои эпохи «Возвращения» над такими вопросами просто не задумывались. Героям эпохи «Жука в муравейнике» они оказались не по силам. За шаг до разгадки Абалкин гибнет, сраженный выстрелом.

И тут-то обнаруживается, что незаметно для читателя произошла в повести довольно-таки лукавая подмена: обещанное интеллектуальное расследование оказалось на деле размашистым детективом, приправленным космической атрибутикой. Сцепленные друг с другом эпизоды, в которых, казалось, мерцал некий философский смысл, так и остались дублями нерешенного сюжета. Его оттеснил тот, где Максим, пропадая в кабинах нуль-передачи, ищет по всей Земле вечно ускользающего Абалкина и лихо выспрашивает странноватых свидетелей. А глобальная идея моста между чуждыми цивилизациями, на редкость изобретательно реализованная в образах «найденышей», обилие вопросительных знаков, расставленных в произведении, свелись

к до обидного унылому выводу и торопливой концовке, как будто авторы, не зная, как завершить партию, просто смахнули с шахматной доски короля...

«Малыш», «Парень из преисподней» — пожалуй, самые бледные миры Стругацких — были по крайней мере честно равны своему сюжету. Сработанные из материалов, оставшихся от других космических строек их создателей, они не стремились сказать больше, чем имели. Действие «Жука в муравейнике», напротив, все время разбрасывает намеки на некий иной уровень, вторую, и третью, и десятую реальность: так вместо тайны возникает таинственность, вместо загадки — загадочность, а вместо глубины — ее видимость. Заявленные философские проблемы становятся лишь острой приправой, пронесенной мимо стола.

Но партию не выиграть, смахнув фигуру с доски. Выстрел Сикорски не снимает проблем — в новом произведении Стругацких «Волны гасят ветер» они появляются в гораздо более опасном обличье.

«Волны гасят ветер» — это прощальное зазеркалье «космической эпопеи» Стругацких. Задачи и цели, вынесенные землянами в космос, отразив-

шись, возвратились обратно, поменяв свои знаки на противоположные. Все, что раньше мыслилось аксиомой, приобретает вид тревожного вопроса. Герои, провожаемые «приветственным гимном», встречаются настороженным молчанием. Уже не Прогрессор Антон надевает маску Руматы Эсторского на чужой планете, теперь эти маски с мрачной решимостью пытаются отыскать в собственном доме. Идея «прогрессорства», как мания, как больной упрек, бередит душу бывших сотрудников КОМКОНа-1, заставляя в каждом встречном прозревать посланцев сверхцивилизации.

Вооружаясь руководством Бромберга по обнаружению Странников, Тойво Глумов проносит его, как знамя, через всю повесть. Однако трагический комизм ситуации состоит в том, что Бромберг оказался абсолютно прав — вплоть до мелочей — во всем, кроме вывода: в роли Странников выступают земляне, малая часть их, ушедшая далеко вперед по пути биологической эволюции. Так история «Жука в муравейнике» приобретает неожиданное и жестокое завершение.

Оказывается, проблемы, которых у общества не было вовсе, которые затем стал «экспорти-

ровать» космос, на самом деле скрывались на Земле. Увлеченное покорительством и наставничеством, человечество проглядело процессы, происходящие в его собственном организме. Вырвавшись в космос, оно подарило ему свой больной комплекс — странников-людены, этих несчастливых счастливцев Вселенной, оторванных логикой безоглядной эволюции от «дома» и тоскующих по нему. Спроецированный на космос синдром «толпы и элиты» остается-таки на Земле, потому что страдают одни и мучаются вопросами другие. Людены не осознают себя как часть человечества, а потому их существование, становясь самоценным, теряет смысл.

<...>

А что же человечество? Виновато ли оно перед своими сыновьями? Или они виноваты перед ним? «Все вздохнули теперь с облегчением? Или с сожалением?» Как общество встретит блудных своих сыновей, если они пожелают вернуться: тельцами, розгами или глухой неприязнью?

<...>

14 июля Борис Штерн описывает БНу трудности прохождения по инстанциям его первого сборника.

Из архива. Из письма БНу от Б. Штерна

<...>

В рукописи одиннадцать рассказов, Вы их все читали. Все шло тихо-спокойно, как вдруг после съезда СП мои редакторы заторопились и хотят запустить рукопись в производство уже в конце июля или в августе. Значит, через полгода книга может выйти. Гм!

Я с ног сбился и перепечатываю всю рукопись, потому что за четыре года хождения по кабинетам она стала неудобочитаемой.

БН, Ваше предисловие очень нужно из всех соображений, и не последнее соображение такое: Щербаковы-Рыбины в этой «Молоди» так и пасутся, а предисловия им пишет Казанцев (например, «Семь стихий» на укр. языке и др.). Надо же им как-то противостоять! Дмитрук опять книгу зарядил... и так далее.

<...>

Но знаю точно одно: предисловие Бориса Стругацкого к книге Б. Штерна — это принципиально важно не только для меня, но и для хороших порядочных молодых писателей, работающих в НФ. Посмотрите: Балабуха пишет положительную рецензию на Гуданца в Риге; Щербаков издает

Дмитрука и Тесленко; Бердник переводит рассказы Рыбина... Они не стесняются и гнут свою грязную линию.

28 июля БН пишет предисловие и отправляет его автору.

Из архива. Предисловие БНа к книге Б. Штерна

Откровенно говоря, я не думаю, что эта книга нуждается в предисловии. И дело не только в том, что любая фантастика в наше интересное время «обречена на успех» и раскупается мгновенно, — плоха она или хороша, с предисловием или без. Дело в том, что почти все рассказы этого сборника опубликованы на протяжении последнего десятилетия в популярнейшем журнале «Химия и жизнь», в различных НФ-альманахах и сборниках, переведены на языки народов СССР и прекрасно известны любителям фантастики. А рассказ «Спасти человека!» был даже признан любителями лучшим НФ-рассказом 1983 года.

Вообще, знатоки и ценители фантастики давно уже заметили и признали Бориса Штерна. Он запоминается. Нынче (как, впрочем, и во все времена) считается в порядке вещей, когда молодой писатель подражает кому-нибудь из классиков.

Этот старательно копирует Лема, этот — Ефремова, а этот силится подражать Брэдбери.

Борис Штерн не подражает никому. Он вполне самобытен, такой фантастики у нас еще не было, он идет по своей дороге первым.

Пристальнейшее внимание к языку, никаких стилистических небрежностей, никаких штампов, тщательная разработка сюжета, беспощадное отбрасывание необязательного и — разумеется, конечно же, в первую очередь! — юмор. Как известно, «человечество, смеясь, расстается со своим прошлым», а нам сейчас есть с чем расставаться, ведь застойные явления 70-х годов происходили, между прочим, и из-за того, в частности, что на разных высоких и не очень высоких постах оказалось недостаточно людей остроумных и с чувством юмора. Замечу, кстати, что людям без чувства юмора читать рассказы Бориса Штерна не имеет никакого смысла. Более того, это им противопоказано. И как тут не подчеркнуть, что издательство «Молодь», выпуская эту книгу, проявило и решительность, и принципиальность, и изрядное чувство юмора. Низкий ему за это поклон! Всегда бы так.

Здесь собрано, наверное, все лучшее из того, что Борис Штерн написал за последние годы. И

это в самом деле отборный материал. Читатель не обнаружит тут ни одного серого рассказа. (Штерн, между прочим, вообще не пишет серых рассказов, они у него почему-то не получаются.) Некоторые же из рассказов просто-таки отменно хороши. Например, я, не колеблясь ни секунды, включил бы, скажем, «Производственный рассказ № 1» или «Чья планета?» в любую антологию советской фантастики.

Кажется, эта книга Бориса Штерна — первая. Что ж, счастливого ей пути к умам и сердцам наших читателей!

Предисловие это практически без изменений было опубликовано 31 декабря этого же года в киевской газете «Комсомольское знамя» (как предисловие к публикуемым рассказам Бориса Штерна) и в следующем году в книге Бориса Штерна «Чья планета?» (Киев: Молодь, 1987).

Продолжают АБС и кинематографическую деятельность. 16 июля они предлагают киностудии «Ленфильм» заявку на сценарий.

Из архива. Заявка в Ленфильм

Предлагаем вниманию студии сценарий фантастического кинофильма под условным

названием «Парадиз-99». Фильм будет посвящен проблеме экологического кризиса.

В последние годы стало ясно, что у человеческого будущего есть по крайней мере два страшных врага: ядерная катастрофа, способная это будущее убить, и катастрофа экологическая, грозящая его необратимо искалечить и изуродовать до неузнаваемости.

Безудержное, зачастую не поддающееся контролю, развитие экономики (и на Западе, и у нас) уже привело к целой цепи микротрагедий, микрокатастроф. Будущее уже лишилось Великих Американских озер, Кара-Богаз-Гола, тысяч и тысяч малых рек, рощ, голубого Рейна, сверхчистого Байкала, сотен навсегда исчезнувших видов животных, птиц, насекомых.

Самое страшное в этом процессе — его бездушность и неконтролируемость. Сплошь и рядом Природу уничтожают на глазах у всех, под протестующие вопли средств массовой информации, вопреки здравому смыслу, вопреки всеобщему, казалось бы, желанию сделать так, «чтобы было лучше».

Нам представляется чрезвычайно важным и полезным проанализировать сложившуюся ситуацию средствами художественного кино.

Мы не раз уже обращались к теме неосторожного вмешательства человека и научно-технического прогресса в естественную историю — например, в повестях «Далекая Радуга», «Улитка на склоне», «Жук в муравейнике» и др. Мотивы этих произведений, как нам кажется, можно было бы использовать в предлагаемом сценарии. Однако действие надо будет перенести в наше время, во всяком случае — в наш век, в некую промышленно развитую страну Запада, и строить сценарий не на базе научно-фантастической посылки, а, скорее, на основе общепонятной метафоры: «Человечество калечит Природу, калечит свое Будущее — Природа и Будущее защищаются».

Фильм такого рода, можно надеяться, одновременно и остросюжетный и несущий в себе благородную и актуальную идею, будет с интересом воспринят сейчас всеми слоями нашего общества.

Ориентировочный срок окончания первого варианта сценария — декабрь 1986 года.

В это же время на экраны выходит фильм «Письма мертвого человека». Сам БН, значившийся в сценаристах («при участии Бориса Стругацкого»), оценивал свою роль в создании фильма так.

Стругацкий Б. Офлайн-интервью, 19.11.04

Хочу спросить вас о фильме «Письма мертвого человека». В разделе экранизаций этого сайта вы указаны как один из авторов сценария (пускай только как «участие»). Расскажите, как вы попали в авторы сценария, какие у вас лично были причины на оказание помощи в написании сценария? Ну и нравится ли вам сам фильм? (Александр, Россия).

Фильм был фантастический и по тем временам, мягко выражаясь, необычный, и, чтобы увеличить шансы прохождения его через Госкино, на Ленфильме решили выбрать «паровозом» (или «ледоколом») какого-нибудь известного писателя-фантаста, который и должен был ручаться перед высоким начальством, что все это идеологически выдержано: и атомная катастрофа, и гибель человечества, и прочие ужасы. Выбрали меня. Я согласился, потому что мне симпатичны были ребята: Слава Рыбаков, писатель, сценарист, и Костя Лопушанский, молодой тогда режиссер, но участие мое в общей работе было невелико: две-три сцены для сценария, ну и, конечно, участие в обсуждении деталей. И бессмысленные разговоры с начальством, которое очень хотело,

чтобы это был антивоенный фильм, но, пожалуйста, без войны, и чтобы это было об ужасах ядерной катастрофы, но, пожалуйста, без ядерной катастрофы. Фильм проходил мучительно трудно, но получился недурен, особенно по тем временам.

Из: БНС. Комментарии к пройденному

<…>

Безусловно интересно было работать с Константином Лопушанским. Но я знаю его, главным образом, по работе с фильмом «Письма мертвого человека», сценарий которого на девяносто процентов написал Вячеслав Рыбаков, а БН был там, скорее, на подхвате, — «для придания весу». (Прекрасно помню несколько последних авральных дней, когда до окончания всех сроков остается всего ничего, киноматериал уже отснят, но еще не смонтирован, и совершенно непонятно, как его монтировать, начальство стоит на рогах, требуя, чтобы фильм был антивоенным и «антиядерным», но чтобы, в то же самое время, ядерной катастрофы и духу в нем не было, — и вот мы втроем — Лопушанский, Ролан Антонович Быков и БН — трое суток подряд, по четырнадцать часов в сутки, сидим, запершись, в номере Быкова в

ленинградской «Астории», и думаем, и сочиняем, и мучаемся в поисках хитрого и одновременно простого хода, чтобы вырулить из тупика...)

Толку, впрочем, от этого мозгового штурма оказалось чуть: понадобился еще один мозговой штурм — с участием Арановича и Германа, — чтобы довести материал до ума.

<...>

Ролан Быков, исполнитель главной роли, профессора Ларсена, оставил следующие дневниковые записи об этой встрече в номере «Астории».

Из: Быков Р. Я побит — начну сначала!

<...>

09.09.85 г. Понедельник

Три дня в Ленинграде. <...>

Говорил с Борисом Стругацким. Создалось впечатление, что он приехал спасти от меня Костю [Лопушанского].

Показалось даже, что все это разыграно. Он был готов к тому, что я предлагаю: и к эксперименту, и к героическому поведению Ларсена. Ответ на эксперимент — это будет картина рангом ниже, о звездных войнах, и не надо Ларсена-героя. Это картина о конце света, это символическая кар-

тина и т. д.

Вот тебе и Юрьев день! Если он настроен Лопушанским и Смородинской, то я еще понимаю, но если нет, то он, думается, застрял в современном мышлении где-то в семидесятых годах. Война уже идет, есть две стороны и нет третьей. Быть выше обеих сторон — это быть в стороне. Я понимаю, если бы он всерьез уважал то, что сделано Костей, — но он только «снисходит» к нашей работе и совершенно непосредственно толкует о том, что он ожидал худшего, а в материале есть замечательные вещи.

Я несколько пал духом. У Стругацкого все сложилось в голове в довольно стройную, хотя и уязвимую позицию. Это фильм о конце света, а финал с аварией — откровенная увертка. То, что Ларсен сохранил в себе человеческое, — вполне достаточно для подвига. А героя в фильме нет, герой — ситуация (т. е. конец света).

<...>

1. Герой — ситуация? Плохо понимаю, что это такое. Могу себе вполне представить картину без основного героя, но, написав и сняв центральную фигуру, возложив на нее некие самые серьезные задачи, вряд ли можно толковать о герое-ситуации. Ларсен оказывается рикшей, в коляске

которого барски развалилась Ситуация. Я и толковал о том, что Ларсен в фильме — китайский рикша (только я его называл конферансье).

2. Остаться человеком — это то, что вроде бы объединяет мои позиции со Стругацким, но это только словесно. Он согласен лишь с тем, что можно остаться отцом, мужем, братом, соседом, но это, наверное, мало. Да и гражданином, милостиво соглашается Борис Натанович — вот в конце он поступает как гражданин. Итак, Ларсен — гражданин лишь местами. Оттого что: «А что можно сделать? Всё! Кончилось!» — вот его слова. Вспоминается анекдот: «Во время атомной войны надо взять простыню и, укрывшись ею, медленно ползти по направлению к кладбищу».

3. «Ну хорошо, пусть в двух, трех местах будет стыдно, пусть во всем виноваты „проклятые империалисты“»... Та-а-ак... Стругацкому неприлично опускаться до такой трактовки событий — так надо понимать! Обвинением «проклятых империалистов» заняты Казанские и прочие... «Эта фраза снижает картину по рангу»...

Да отчего же это, ети его мать?! Отчего такое чистоплюйство? Отчего это мне нельзя плюнуть в рожу тем, кто готовит войну, даже если неприлично, с точки зрения Стругацкого, ругать

«проклятых империалистов»? Понимаю, что объяснять атомную войну происками врага пошло. Это кризисная ситуация, тут и виноватых не будет. Но они есть уже сегодня. Тема эксперимента — это обвинение человечеству, науке как таковым. Планетарность сознания требует полного взгляда на вещи. Я понимаю мир с точки зрения планетарного сознания и для меня будущая война — война гражданская, война одной планеты, война братоубийственная.

Хочет того Стругацкий или нет, он со своим гуманизмом ни за кого.

4. «Вы зря так уповаете на науку», — говорит он. «Не ученые, это я науку идеализирую... Я астроном...» Я попытался ответить, но встретил стену и полное нежелание даже попытаться понять другого. Он заранее видел во мне примитив, ограниченность и беспочвенные претензии на немыслимое для артиста понимание.

И о науке ерунда. То, что он знает о науке, я, конечно, не знаю. Но то, какою может стать наука, не знает и он. Кентавр — наука — вера не представляется ему реальностью. Он видит в искусстве и науке вечное и даже закономерное разделение на два несливаемых начала. (Речь шла о вере и науке.) Поэтому, как он утверждает,

и нет науки о человеке.

«Джульетта для одного — одно, для другого — другое, а для третьего — ноль, потому что он женщин вообще за людей не считает», — говорит Б. Н. и обвиняет мою точку зрения, что Джульетта — единица.

<...>

Как только я встречаюсь с учеными, Коном, а в этом случае со Стругацким, я всегда спотыкаюсь об убеждение, которое для этих людей не вызывает сомнения: о пропасти меж искусством и наукой и о том, что искусство живет в субъективном восприятии и оттого не может претендовать на объективность, как это делает наука. Даже то, что Стругацкий — писатель, и при этом замечательный, не помогло ему преодолеть в себе ученого.

И о фильме все неверно:

1. *Исходные:* Стругацкий мной и Костей вполне доволен, он от нас этого не ожидал. Он видит хорошие вещи в материале и, собственно говоря, по-барски считает: «Какого вам еще рожна?!» У меня другая мера требований в фильме. Вспоминаются слова А. Д. Дикого, сказанные якобы В. И. Немировичу-Данченко: «Это вы думаете, что спектакль талантливый, а спектакль гени-

альный!»

2. *Исходные*: Стругацкий считает, что героем фильма является ситуация. (Дескать, у фильма нет главной задачи в решении этого образа.) Это тоже для меня неприемлемо: для этого Ларсен слишком много болтается в кадре, слишком много ему отдано в экспозиции, в финале и т. д. Герой-ситуация — это не инженерное соображение, оно абсолютно не созидательно. Это уже для искусствоведческих разборов. Тем более что нет никакой надобности противопоставлять героя и ситуацию.

3. *Исходные:* в определении задачи и жанра будущего фильма Б. Н. Стругацкий откровенно двойственен до порога проституции: фильм-то о конце света, но... к счастью, мир не погиб, главное — остаться человеком, но... не каким-то там героем...

<...>

Из: БНС. Борис Стругацкий — президентский лауреат

<...>

— *Прежде вы не получали никаких государственных наград?*

— Это не совсем так. Если вы помните, в 1986

году вышел фильм «Письма мертвого человека», за который дали Государственную премию. Поскольку я был участником написания сценария, мне премию тоже вручили. Я ужасно отбивался, поскольку считал свою роль очень маленькой, даже пытался отказываться, но мне объяснили, что ежели я откажусь, то будет грандиозный скандал и премии за фильм не получит вообще никто. «Дают — бери, бьют — беги». Так что эту премию я никогда не считал своей, поэтому будем считать, что президентская премия — первая, которая отмечает творчество Стругацких. Всякий понимающий положение дел человек понимает, что это премия не Б. Стругацкому, а писателю по имени «Аркадий и Борис Стругацкие», которого давно уже принято сокращенно называть АБС. Этого писателя государство, наконец, отметило — чего раньше никогда не было.

<...>

В архиве БНа сохранилась телеграмма, полученная 4 октября 1986 года. Текст телеграммы таков: «УВАЖАЕМЫЙ БОРИС НАТАНОВИЧ УКАЗОМ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР 22 АВГУСТА 1986 ГОДА ВЫ НАГРАЖДЕНЫ МЕДАЛЬЮ ЗА ТРУДОВУЮ ДОБЛЕСТЬ СЕРДЕЧНО

ПОЗДРАВЛЯЕМ ВЫСОКОЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ НАГРАДОЙ ЖЕЛАЕМ ЗДОРОВЬЯ НОВЫХ ТВОРЧЕСКИХ УСПЕХОВ = ЧЕПУРОВ».

Фильм «Письма мертвого человека» вызвал многочисленные отклики в прессе. Высказался по его поводу и АНС.

АНС. Не должно быть

Это фильм о конце света.

Конец света. Светопреставление. Армагеддон. Пралая. Рагнарек. По-современному — термоядерное самоистребление человечества.

К тому моменту, когда зал погрузится в темноту, зрителю надлежит взять себя в руки и сосредоточиться. Во-первых, потому, что в огромной массе своей наш зритель (и мировой зритель) все еще относится к кинематографу как к средству пассивного, почти бездумного развлечения, призванному вызывать чувство душевного комфорта и уж никак не отягчать душу ощущениями тяжкими, переживаниями неприятными, раздумьями непривычными. Во-вторых, это первый в истории советской кинематографии опыт на такую тему и такого экранного воплощения.

Фильм, завязкой которого выступает ядерная

катастрофа. Фильм без надежды.

Кто-то где-то нажал на пресловутые кнопки. Под ударами адских бомб гибнут в тысячеградусном пламени города, средоточия культурных, исторических, национальных ценностей, гибнут целые страны, гибнет человечество. Конец. Помощи ждать неоткуда. Да и кому помогать?

Вот случайно уцелевшие кварталы какой-то столицы. Они уцелели не более, чем Герника, Ковентри, Сталинград, Варшава. Неистовые пожары среди рухнувших стен, вопли боли и ужаса, тлеющие трупы, горит одежда на бегающих в панике людях. Бесплодно-героические усилия пожарных, что-то пытаются предпринять полубезумные медики, мечутся утратившие руководство остатки военного гарнизона, но это только судороги, так бессмысленно дрыгает лапками обезглавленный труп лягушки при прикосновении проводов батарейки. Загнать уцелевших в метро. Отделить уцелевших от тех, кто все равно обречен, несет свою смерть в себе и погибнет через несколько дней или часов.

С таких вот сцен начинается действие, хотя начало это режиссер парадоксально и умно поместил в середину картины как ретроспекцию, и сцены эти представляются мне органичными

и уместными. Высказываются и иные взгляды. Один из моих друзей, отличный специалист по кинематографу, нервно заметил: «А вот все эти ужасы показывать бы не надо...» Но он так и не смог объяснить мне, почему не надо. Кажется, органичными для фильма он их не счел. Но я-то убежден: при всех прочих равных условиях (талант создателей фильма и так далее) надо либо все, либо не надо фильма.

Не будем здесь рассматривать подробно содержание фильма. Это странный и вызывающий глубокое волнение рассказ о том, как жили (и умирали) несколько уцелевших в течение нескольких дней после катастрофы. Укрывшись в подвале, давным-давно превращенном в атомное убежище, они лишь время от времени делают вылазки в страшный и отравленный мир, который так недавно был их привычным миром, чтобы попытаться раздобыть медикаменты и еду, карабкаются по развалинам, неуклюжие в непременных противогазах и защитных накидках, прячась от осатаневших солдат, действующих грубо и беспощадно по какой-то неведомой «инструкции». И эти люди не просто страдают, хоронят и умирают. Они пытаются подвести итоги. Итоги истории (которая навсегда прекратила

течение свое), жизни (которая прекратится не сегодня-завтра), своим прежним убеждениям (которые теперь не имеют никакого значения). И оглушенные, обреченные, все так или иначе тронутые безумием, они до конца сохраняют честь, любовь, чувство ответственности друг перед другом... Да, несмотря на невиданно мрачную фантасмагоричность антуража, фильм «Письма мертвого человека» выдержан в лучших традициях высокого гуманизма русской классики, в лучших традициях бессмертного русского реализма.

Коль скоро речь зашла об оценках, не могу не признаться, что мне представляется, что фильм «Письма мертвого человека» являет собой одну из вершин в мировой кинематографии. Задуманный в свое время как ответ на задорный вызов американцев — снять ленту о том, что может произойти с населением провинциального городка в случае возникновения ядерного конфликта, он в щепки разметал детские рамочки зарубежного «фильма катастроф», оперирующего, как правило, сверхъестественными ситуациями и безликими героями («Вирус», «Падение Нью-Йорка», «Землетрясение», «Гибель Японии» и так далее), и взошел на экран как умная и жестокая

драма о современных людях в ситуации, для исключения которой из истории человечество должно употребить все свои силы. Американский аналог этого фильма, снятый год назад, «На следующий день», видится в сравнении аляповатой картинкой на обложке проходной книжонки. И если есть в зарубежной кинематографии фильм на эту тему, достойный встать рядом с «Письмами», то это только великолепная работа Крамера «На последнем берегу».

Так, по моему мнению, молодой режиссер К. Лопушанский первым своим фильмом начисто перечеркнул известную пословицу о первом блине.

Видимо, плодотворно сказалось и его участие в создании сценария в соавторстве с тоже молодым и тоже талантливым писателем-фантастом В. Рыбаковым. (Между прочим, литературное творчество Рыбакова мало известно широкому читателю из-за двусмысленного положения фантастики в нашей стране, организованного некоторыми издательствами и особенно Госкомиздатом РСФСР, но это уже разговор особый, не для «Советского экрана».) И еще я горжусь, что к драматургии «Писем» причастен мой брат и соавтор Б. Стругацкий.

Вдохновенно и точно работал при создании фильма оператор-постановщик Н. Покопцев. И хотя его имя значится в титрах более десяти картин, нигде еще (попробуйте доказать мне, что я ошибаюсь) не достигал он такого уровня мастерства.

Нетривиально и уверенно состоялся дебют художников-постановщиков Е. Амшинской и В. Иванова.

Заглавную роль в «Письмах» сыграл Ролан Быков. Я люблю и почитаю этого замечательного артиста с его редкостным умом и тактом, с необычайной способностью к перевоплощению, с громадным ролевым диапазоном. Честно говоря, для меня он один из десятка лучших артистов мирового кино. Я с увлечением смотрю его даже в фильмах, которые мне не нравятся. И опять-таки не могу не заявить: роль его в «Письмах» на сегодня самая лучшая из всех его ролей.

И отменно сыграл весь остальной актерский ансамбль — И. Рыклин, В. Михайлов, А. Сабинин, В. Лобанов, Н. Грякалова, В. Майорова, В. Дворжецкий, С. Смирнова, Н. Алканов — каждый на свое лицо, каждый теперь и навсегда незаменим. Существеннейший момент: каждый играет человека потрясенного, ошеломленного, сдвинутого

катастрофой. И каждый сдвинут по-своему, в соответствии с характером своим, нормальные отправления которого остались за кадром, остались *до*.

Отличная режиссура. Отличная постановка. Отличная игра. Ни единой фальшивой ситуации. Ни единого фальшивого слова. Ни единого фальшивого жеста. От первого до последнего кадра нигде нет и следа пресловутого «сойдет за мировоззрение» и иных пошлостей.

Успех. Несомненный успех.

И вот, когда я кропотливо перебирал факторы, этот успех определившие, пришло мне в голову такое соображение.

Талант, вдохновение, самозабвенная работа — это само собой. Но сработал, думается мне, и еще один фактор, который далеко не всегда присутствует в творческой деятельности. Это жгучее сознание социальной необходимости данного дела.

Известно, что назначение искусства — отражение в художественных образах и исследование человеческой жизни во всей ее многогранности и (наверное, в особенности) духовного состояния социума, чаяний и опасений, владеющих умами и душами. В нашем случае речь идет о чувстве

опасности, с каждым днем все сильнее овладевающем миллионами и миллионами людей.

Вот что писал Лев Толстой: «При приближении опасности всегда два голоса одинаково сильно говорят в душе человека: один весьма разумно говорит о том, чтобы человек обдумал самое свойство опасности и средства для избавления от нее; другой еще разумнее говорит, что слишком тяжело и мучительно думать об опасности, тогда как предвидеть все и спастись от общего хода дел не во власти человека, и потому лучше всего отвернуться от тяжелого, до тех пор, пока оно не наступило, и думать о приятном. В одиночестве человек большей частью отдается первому голосу, в обществе, напротив, — второму».

Приняв во внимание по-толстовски тяжеловесную иронию фразы «еще разумнее», снова в который раз склоним голову перед великим писателем: утверждение полностью сохранило беспощадную действенность для эпохи ядерной угрозы. Оставим в стороне мысли, одолевающие нас порой в часы одиночества, но в самом деле, многим ли из нас в дружеской или деловой среде вспоминается, что вот мы, дальние потомки крыс, промышлявших кражей яиц у некрупных динозавров, мы, выкормыши и воспитанники

великих цивилизаций, поставили сегодня доставшийся нам в наследство мир на грань гибели. Что, может быть, впереди у нас не диковинная Вселенная с необъятными горизонтами и неведомыми надеждами, а тесная юдоль мрака, где при вспышках угрюмых молний отражается в исполинских стеклянных проплешинах забитое радиоактивным пеплом небо...

Никто никому не запрещает думать о приятном. Но выразить угрозу в зримых образах, заставить отчетливо ее осознать, подвигнуть на активное противодействие — в этом была цель, в этом, как мне представляется, увидели свой долг создатели фильма «Письма мертвого человека». И их убежденность в том, что фильм этот нужен как можно скорее, сейчас, сыграла для его свершения немаловажную роль наряду с талантом, работоспособностью, вдохновением.

Но следует подчеркнуть вот что. Фильм о мировой катастрофе не может быть столбовой дорогой нашего кино. Середнякам за это дело браться не стоит. Пусть они не обижаются, для них по-прежнему остается широчайшее поле деятельности. Зрителям по-прежнему нужны и всегда будут нужны добротные детективы, веселые музыкальные комедии, грустные мелодрамы. Темы же,

подобные той, на которую сняты «Письма мертвого человека», мы оставим самым талантливым и самым одержимым. Темы под девизом *этого не должно быть*.

И между прочим. Не исключено, что наши славные теоретики киноискусства зададутся целью отклассифицировать фильм Лопушанского, определить его место в типологии кино. Беру на себя смелость подсказать им название для его типологической ячейки: фильм-предупреждение. По аналогии с романом-предупреждением в литературной фантастике. Ибо «Письма мертвого человека», слава богу, есть все-таки фильм фантастический. Как в литературе «451 градус по Фаренгейту» Рэя Брэдбери, как «Час быка» Ивана Ефремова, как «Гимн Лейбовицу» Уолтера Миллера-младшего.

И все равно. Люди, будем бдительны.

22 августа Авторы подписывают договор с «Ленфильмом» на написание сценария «Парадиз-99», а 26 августа подают заявку в издательство «Советский писатель» на сборник «Волны гасят ветер» (УНС, ВГВ, ХС).

«Изобретатель и рационализатор» в сентябрьском и октябрьском номерах публикует выдержки из ГЛ. Чтобы не напоминать о скан-

дальной истории повести, ее переименовывают: публикация имеет название «Прекрасный утенок»; сообщается также, что это отрывок из повести «Сезон дождей». Публикацию сопровождают предисловия редакции и Всеволода Ревича.

Ревич В. [«Известно, что фантастика...»: Предисл. к выдержкам из повести «Сезон дождей»]

Известно, что фантастика моделирует действительность. С этой целью она может заглядывать, например, в прошлое, что, однако, бывает сравнительно редко: прошлое уже состоялось, и трансформировать его трудно. Куда чаще фантастика отправляется в будущее. Но, сказать по правде, при всем своем разнообразии фантастика всегда строит только одну модель — модель настоящего. Вглядываясь в него под непривычным углом зрения (на то она и фантастика), она помогает нам вдуматься, разобраться, что же представляет собой современное человечество, куда оно движется, к чему стремится. Взгляд как бы со стороны, взгляд наблюдателя, отнесенного от нас на сотни лет или на сотни парсеков, позволяет выделить, укрупнить противоборствующие тенденции, которыми столь богата наша сего-

дняшняя жизнь.

Впрочем, поставив перед собой в повести «Сезон дождей» именно такие задачи, братья Стругацкие не стали удаляться в космические дали. Действие повести происходит на Земле, хотя описываемую страну и не найти на карте. Но при желании отыскать ее все-таки можно — социальные реквизиты указаны вполне определенно. Можно также более или менее точно высчитать и время действия: не так давно закончилась великая война, в которой участвовал главный герой повествования писатель Виктор Банев.

В вымышленной стране льет непрерывный дождь — это художественный образ, с помощью которого авторы хотят передать ощущение промозглости, неуюта, обреченности. Но в раздираемом противоречиями, стоящем на грани катастрофы обществе зреют могучие силы обновления. Фантастическая повесть изображает представителей этих сил даже по физическому облику несколько непохожими на «обыкновенных» жителей, но это лишь иносказательное подчеркивание их новой социальной функции. Старый мир (как и положено старому миру) встречает «очкариков» в штыки — пытается изолировать, загнать в резервации, затравить.

Есть, конечно, в нем и лучшие люди, например, врач Голем, который сразу становится на сторону тех, за кем будущее. А такие разочарованные интеллигенты, как Банев, постепенно приходят к пониманию моральной правоты «очкариков», их морального превосходства, хотя у Виктора уже не осталось душевных ресурсов, чтобы окончательно порвать с взрастившим его городом, с привычным образом жизни. Строить новый мир будут другие. Другие — это прежде всего дети, они и поданы в повести как радостный символ грядущего. Разлагающийся мир приговорен самым страшным для него судом — судом собственных детей. Они отказались от него, сбросили его прах со своих ног. В фантастике это можно осуществить буквально — дети построились в колонны и просто ушли.

Старый мир, к несчастью, не удалится со сцены так легко, так дружно, по мановению руки авторов, ненавидящих его. Он будет яростно огрызаться, этот мир крылатых клопов, мордастых легионеров с дубинками и обожествленных атомных боеголовок. Впрочем, что это я путаю вымысел с действительностью? В повести Стругацких об атомных боеголовках — ни слова. Ведь перед нами всего лишь фантастика...

С 19 сентября рижская газета «Советская молодежь» публикует СОТ, предваряя ее предисловием писателя Владимира Михайлова, незадолго до того ставшего главным редактором журнала «Даугава».

Михайлов В. [«Фантастика, как и поэзия, в лучших своих проявлениях всегда была барометром времени»: Предисл. к повести «Сказка о Тройке»]

Фантастика, как и поэзия, в лучших своих проявлениях всегда была барометром времени; она доносила до нас ощущение надвигавшихся перемен и на своем языке говорила о том, что волновало общество.

Одним из самых характерных в этом плане произведений последних десятилетий является повесть ведущих советских фантастов братьев Стругацких «Сказка о Тройке».

Сюжетно она связана с широко известной «сказкой для младших научных сотрудников» «Понедельник начинается в субботу», но фактически представляет собой совершенно самостоятельное произведение.

Судьба ее является косвенным подтверждением мудрой истины, что «рукописи не горят».

Написанная почти двадцать лет назад, и сегодня она является как нельзя более актуальной, ибо ее сатирический пафос, ее едкая разоблачительная ирония направлены против того, на что сегодня ополчилось общество: против тупого бюрократизма, косности и равнодушия.

Два героя, знакомых нам по «Понедельнику...», Саша Привалов и Эдик Амперян, попадают во владения Тройки, где с ними происходят удивительные события... Впрочем, не будем лишать читателей удовольствия знакомства с героями «Сказки о Тройке». Она возвращается к нам, и время не властно над нею. Впрочем, таковой и должна быть настоящая литература, не говоря уж о фантастике...

Популярность АБС в то время проявляется не только в публикациях. 16 октября у БНа просят разрешения на постановку пьесы по ЗМЛДКС.

Из архива. Из письма БНу от эстонского переводчика

Уважаемый Борис Натанович!

Беспокоит Вас Матти Вага из Эстонии, из города Пярну. Дело в том, что в течение нескольких лет я имел удовольствие перевести на эстонский язык

некоторые Ваши произведения («Хищные вещи века», «Обитаемый остров», «Жук в муравейнике», «Второе нашествие марсиан»). Перевел я также «Миллиард лет до конца света». Случилось так, что рукопись перевода прочел режиссер нашего местного театра Прийт Педаяс. Он прямо загорелся идеей поставить это произведение в нашем театре. Он сам инсценировал книгу, и теперь уже идут репетиции.

Товарищи из театра просили меня связаться с Вами и просить у Вас разрешения и согласия на эту постановку. Могу Вас заверить, что Педаяс проделал свою работу профессионально и с любовью. Премьера намечается в конце ноября.

В случае Вашего согласия мы просили бы Вас написать небольшое обращение к эстонскому зрителю, что будет напечатано на программке. Хорошо было бы также получить фотографию, где Вы вместе с Аркадием Натановичем.

Также прошу меня извинить за возможные ошибки — мой родной язык все-таки эстонский.

<...>

Разрешение было получено, и в намеченный в письме срок состоялась премьера спектакля.

Авторов приглашают на всевозможные конгрессы и конференции. К примеру, в Венгрию, на

конвент фантастов.

Из архива. Письмо БНу из СП Венгрии

Уважаемый Борис Натанович!

Рад Вам сообщить, что в августе 1988 года в Будапеште организуем конгресс Мировой и Европейской Ассоциации писателей научных фантастов (Ворльд СФ и ЭУРОКОН). От имени организаторов просим, согласитесь стать членом оргкомитета конференции. Это для Вас никаких практических забот не значит, должность чисто формальная, но нам нужна для репутации. Ваше имя будет фигурировать на официальной бумаге конференции (среди других известных писателей-фантастов). Естественно, мы и Вас пригласим.

Следующая просьба: Ворльд СФ без гонорара предложил нам по поводу конгресса выпустить свою антологию (западные писатели). Параллельно мы хотели бы такую же антологию выпустить с авторами соц. стран и отдельную антологию с писателями из СССР. Прошу Вас, какой рассказ можете предложить и готовы ли дать разрешение на публикацию без гонорара. Разрешение относится лишь к этому изданию, при переиздании за рубежом или при венгерской публикации

потом все ваши права действительны.

В заключение: перевожу ваши повести «Волны гасят ветер» и «Хромая судьба» — они прекрасные вещи.

С уважением

Иван Фельдеак

АН переписывался с киевским писателем Владимиром Савченко. 7 октября тот писал АНу.

Из архива. Из письма АНу от В. Савченко

Аркадий,

посылаю тебе свой опус этого лета, о котором говорил, не «радпысовский». Предупреждаю: вещь сильнодействующая. <...> Во всяком случае, прими для профилактики пироксилин... или нитроглицерин? — ну, что вы там, сердечно-сосудистые, глотаете. Можешь показать или переслать Борису, числа ему больше скажут.

Что же до нашего последнего разговора, то, при всем душевном влечении к тебе, не могу не отметить, что ты, извини, малость пошляк: уже решил, что я тебя охмуряю на предмет благоприятной рецензии. У меня действительно «Письма мертвого человека» ассоциировались с вашим и Тарковского «Сталкером». И Грекова-

Вентцель, при всем уважении к ее книгам, кои я перечитываю, в данном случае действительно проявила себя как старая ведьма: не могла же она, писательница, не понимать, что 22-листовая рукопись — это чей-то год (и м. б., не один) работы, что с этим у другого человека связаны какие-то планы, надежды, т. п. и — если бы не позвонил — еще бы год лежали. Ну, трудно или накладно отослать бандероль — но открытку-то в издательство бросить можно.

Сейчас за это дело взялась Света Михайлова из ВААП. Она либо уговорит старуху, либо передаст рукописи тебе. Ты, разумеется, целиком в своем праве — писать, что думаешь. Если вздумаешь отказаться от рецензирования — тоже твое дело. Благодетельствовать меня не надо.

Эхе-хе! Мы вламываемся в амбиции, сваримся, мелочимся, заботимся черт знает о чем... а времена, браток, наступают сомнительные. Последние, может быть, времена.

Всех благ, не обижайся. Твой [подпись В. Савченко]

АН ответил 18 октября.

Из архива. Из письма АНа к В. Савченко

Владимир,

я прочел «Штормовое предупреждение», спасибо. Твое опасение, что числа мне скажут меньше, чем Борису, не совсем оправдано: в свое время мне пришлось несколько лет заниматься этими делами.

Позволю себе изложить некое резюме, чтобы ты мог судить, правильно ли я тебя понял.

Анализ измерительных данных за последние несколько десятилетий дает право утверждать, будто во вполне обозримом прошлом возник и продолжает действовать некий фактор (скорее всего, космического происхождения, этакий перепад «эфирного давления»), который неуклонно увеличивает вероятность а) спонтанного развала тяжелых радиоактивных ядер, б) выброса альфа-частиц из ядер традиционных радиоактивных элементов и в) такового же выброса из ядер элементов, традиционно считающихся стабильными. Постулируя (произвольно, но почему бы и нет?) прямую зависимость между величиной критической массы и длительностью П<ериода> П<олураспада>, можно таким образом объяснить некоторые аварии на АЭС, объявленные

причины коих совершенно не соответствуют ужасным их последствиям, и опасаться еще более ужасных явлений на складах — концентрациях расщепляющихся материалов. И еще более пессимистическая картина возникает при мысли о превращении в радиоактивные ныне стабильных элементов. С другой стороны, по-видимому (в статье об этом не говорится), не исключена возможность, что подобные «эфирные перепады» возникали уже не раз, но все обошлось, а возможно, что были и такие периоды, когда уран, торий, радий и пр. радиоактивными не были.

(Небольшой ляп в статье: насколько мне известно, разница в восприимчивости разных биовидов к радиации может быть объяснена — и объяснена-таки — без привлечения гипотезы об изменении радиационного фона.)

Так или иначе, я решительно не понимаю, для чего бы это мне понадобился нитроглицерин, пироксилин или тринитрофенол, он же пикриновая кислота, он же мелинит, он же лиддит, он же симосэ-каяку (в просторечьи шимоза). По-моему, ты писал свое письмо в сильном подпатии. Неужели ты в трезвом уме мог допустить, будто человек моего возраста, моей биографии и моих убеждений может выскочить из колеи

из-за новой концепции светопреставления? Да, мне было интересно. Да, я тобой восхищен. Но принимать нитроглицерин? Холоднокровнее, дядя Вова, выпивайте и закусывайте, и нехай вас не волнуют эти концы света. Подумаешь, сомнительные времена. Да на моей памяти они всегда были сомнительными! Пусть они будут хоть распоследними. Жалко, конечно, всех и всё, так ведь и всегда было жалко...

<...>

Ну, к нашим баранам. К нашим, а не к вселенским.

Полторы недели назад получил из «Радписа» письмо, подписанное некоей Н. Стеблиной. Просят прорецензировать твою рукопись. Письмо есть, а рукописи нет. Как только будет рукопись, постараюсь сделать как можно быстрее. Без благодетельствования.

Все.

Желаю всего доброго. Ты тоже не обижайся.

[подпись АНа]

Во второй половине октября АБС встречаются в Репино — они пишут сценарий «Парадиз-99» (будущую «Тучу») для Лопушанского.

Рабочий дневник АБС

[Записи между встречами]

Для Лопушанского. Имеется некая туча с молниями и дождями. Расползается a la Волна. Ее удерживают ракетами. Война с тучей. Город из ГЛ — дожди. Гипотезы о туче: результат выбросов АЭС; начало Страшного Суда; Пришельцы; люди Будущего. После ударов молний выжившие люди рассказывают о странных видениях (дети, стучащие в каменную стену, в железные ворота).

Обыватели готовятся к Страшному Суду — запасаются справками и свидетельскими (лжесвидет<ельскими>!!) показаниями.

Герой мечется. Приехал по вызову жены. Потом пошел «на фронт». Дезертировал от ужаса. Встретился с Детьми. Попытка прилепиться к ним.

В городе бардак a la ХВВ.

Символ: на мир надвигается Нечто, а мы отбрыкиваемся беспорядочно, и убаюкиваем друг друга, и покупаем друг друга матер<иальными> благами.

Наркотеки (a la дрожка). Срывает крышу и — дождь на очумевших.

Конец: три коня Апокалипсиса.

Конь белый: у всадника — лук и венец — «победоносный, чтобы победить».

Конь рыжий: у всадника — меч, чтобы «взять мир с земли, чтобы убивали друг друга».

Конь вороной: у всадника — мера в руке.

Конь бледный: всадник — смерть, ад за ним, «власть над четвертью земли убивать мечом, голодом, мором и зверьми».

Гл<авный> герой в конце молит сам не знает кого за человечество (a la «Отягощение злом»). Храм, грязные жалкие люди ждут чуда. Идет снег, и из снега — кони. Дети, милые, приятные, но *абсолютно равнодушные*. У них свои дела, они не видят своих отцов.

Центр города (где туча) затоплен! Крыши небоскребов. И во всех домах — вода, из-за дождя.

21.10.86

А. и Б. прибыли в Репино писать сценарий для Лопушанского.

Эпизоды:

1). Сцена с Лолой и Ирмой (Расписки для Суда).

2). Сектанты избивают Бол-Кунаца.

3). Сцена с молнией и реанимац<ионной> машиной.

4). Пустой отель, встреча со швейцаром (отец

Бол-Кунаца) и с Квадригой (Банев).

). Разговор с Квадригой — точки зрения на тучу научная и философско-поэтическая (Будущее).

). Школа, встреча детей с Квадригой.

). Слежка за детьми, уходящими в тучу.

). Обстрел тучи, а в него ударяет молния (видения).

). Летит на вертолете искать детей. Потоп.

). Нападения сектантов на:

a) реанимац<ионные> машины,

b) артиллеристов.

Квадрига рассказывает притчу про химзавод: так возникла туча.

— Но туча возникла там, где никакого завода не было. Была центральная площадь.

— Да. Но что было на центр<альной> площади? Жгли еретиков, расстреливали заложников, расстреливали демократов, бардак леваков-наркоманов... Такое даром не проходит.

Первая сцена. Подъезд к Городу. Колонны автобусов стоят. Мокнущие вертолеты, радарные установки, ракеты в сторону города, танки. В штабе, над картой, уточнение места обстрела рассеивающими снарядами. «Проспект Детей».

Герой — бабник, после серьезного разговора — к официантке.

Герой — высокомерный, презрительный.

22.10.86

Сцена у Лолы:

1). Лола — светская баба, разговор о пансионе. «Я пригласила тебя... Сейчас придет мой адвокат...»

2). Приходит адвокат — пастырь секты. Подпись под документами.

3). Врывается Ирма. Пастырь и Лола встают. Короткий странный разговор с Ирмой. («Я 20 раз просила не закрывать окно в моей комнате».) Ирма уходит.

4). Истерика Лолы о Страшном Суде.

Эпизод: группа сектантов, уходящих в тучу с пением псалмов (затихают голос за голосом). Это сразу после реанимации Банева.

Эпизод: проповедник о Страшном Суде и всадниках Апокалипсиса.

Эпизод: Павор и Банев в ресторане. Грохот. Что-то обрушилось. Врывается Квадрига: «Освободите ребенка!» Сцена. «Идемте, я покажу, он живет в роскоши, и ему ничего не грозит!» Распахивает дверь. Там мальчик — кровать, кольцо людей и мальчик.

23.10.86

Адочкин29 д<ень> р<ождения>. Надо выпить!

Доктор = Банев
Лола
Ирма — дочь Банева
Бол-Кунац — сын швейцара
Валерьянс — сын Квадриги
Полковник
(сан)инспектор = Павор
Трубадур, куплетист, писатель = Квадрига
Швейцар
Проповедник — адвокат

1. Проезд профессора. Лимузин, шофер, помощник и три фургона со снарядами. Выезд из пригорода, готовящегося то ли к атаке, то ли к эвакуации. Герб города — человек с ослиной головой поражает гидру с тремя головами — две мальч<ишечьих> и одна девчон<очья>.

2. Штаб. Карта. Обстрел завтра. «Проспект Детей». Фото собора. «Павор — начальник санитарн<ой> разведки». (Солдаты волокут сектанта.)

3. Проезд по городу. Дождь и молнии. Спецмашины. Группы сектантов. Проповедник в толпе. («Очищайтесь!»)

Спецмашины в работе. Стена в упор на пр<оспекте> Детей.

4. В квартире Лолы (см<отри> выше).

5. Киднеппинг. Бол-Кунац приводит в себя Банева. Везет его в отель.

6. В отеле. Бол-Кунац и швейцар. В номере — Ирма. Уговаривают Банева выступить в гимназии.

7. Ресторан. Квадрига, Павор, Банев. Философия: восторг и сладкий ужас перед будущим; ненависть и стремление контролировать будущее; прагматизм. Рассказ о заводе.

8. Утро. Установка орудий на позиции. Эвакуация района стрельбы. Спор с офицером. Тот не желает подчиняться штатскому. (Зародыш будущего инцидента.) Полет на вертолете над тучей. Потоп.

9. Гимназия. Директор (старый учитель) встречает Банева с главной целью: подписать бумагу, что ученики его любили и он их никогда не обижал. Тут же появляется адвокат.

10. Выступление Банева. Разговор о кражах детей — оправдано ли? Банев изумлен.

11. Проспект Детей. Банев, командир артиллерии и командир охраны на I этаже триумф<альной> арки с гербом. Под ними — позиция. Вокруг охрана и толпы сектантов.

Банев видит детей. Никто больше не видит. Банев мчится на авто. Залп. Коридор в туче. Сложенная детская одежда. Коридор заливается тучей. Свалка на позициях.

12. Банев и Павор в ресторане. Беседа о детях. «Они тебя не пожалеют...» См. ГЛ. Грохот. Квадрига. Гибель мальчика. См. выше.

13. Ночь. В вестибюле Банев и швейцар. «Это ты их убил. Ты их видел и убил. А те, офицеры, ничего не видели, они и не видят ничего... Они здесь ходят по этому проспекту — туда и обратно...»

«Может, породнимся!» (Насчет Ирмы и Бол-Кунаца.)

Полное перерождение Банева.

(«Туча притягивает. Дети сгорают. Обратно приходят призраки, мороки».)

14. Банев на пр<оспекте> Детей сидит у Тучи на брошенном диване. Кругом следы эвакуации. Идут детские видения Банева. Потом рев проповедника. Потом цепь сектантов-самоубийц уходит в Тучу.

15. Подходят дети. Он пытается их остановить. Они зовут его с собой. Его бьет молния. Видение. Спецмашина. Павор его допрашивает.

16. Исход детей.

17. Бегство города идет под текст Апокалип-

сиса.

18. Всадники. Герб города, поваленный, треснувший.

24.10.86

1. Скорость движения ~20–25 м/сутки, растет.
2. Действует только огнемет.
3. Напоследок посмотрел с вертолета.
4. Фото.

Сделали 5 стр. (5)
Вечером сделали 2 стр. (7)

Это животное настолько медлительно, что часто застигает человека врасплох30.

25.10.86

Сделали 5 стр. (12)
Вечером сделали 2 стр. (14)

26.10.86

Сделали 6 стр. (20)
Вечером встречались с Э. Успенским.

27.10.86

инквизиция
восстание ткачей
оккупация
бунт сытых
Сделали 6 стр. (26)
Вечером сделали 2 стр. (28)
[Рисунок — схема проспекта Реформации. См. вклейку в НС-8.]

28.10.86

1). О Туче. — Не интересно.
2). Как не интересно? А страх? — Мы не боимся Тучи.
3). Какими вы хотите нас видеть?
Что такое, по-вашему, прогресс?
Что такое справедливое общество?
В чем цели человечества?
Можно ли извлечь уроки из истории?

Сделали 3 стр. (31)

А. заболел — простуда.

29.10.86

Арк болеет.
Сделали 4 стр. (35)
Вечером сделали 2 стр. (37)

30.10.86

Сделали 3 стр. (40)
Прервались на 40 странице.
Человек получает то, что он желал ближнему своему.
Уезжаем.

Сразу по прибытии БН заключает договор с «Невой» на публикацию ГО. О подготовке этой публикации БН позже вспоминал.

Из: БНС. Комментарии к пройденному

<...>
И даже сама первая публикация (в ленинградском журнале «Нева») прошла не просто, а сопровождалась какими-то нервными и судорожными действиями: роман был разбит на две книги, подразумевалось, что книга первая написана давно, а вот книга вторая закончена,

якобы, только что; почему-то казалось, что это важно и помогает (каким-то не совсем понятным образом) забить баки ленинградскому обкому, который в те времена уже не сжимал более издательского горла, но по-прежнему когтистой лапой придерживал издателя за полу; «первую книгу» выпустили в конце 88-го, а «вторую» — в начале 89-го, даты написания в конце романа поставили какие-то несусветные... Перестройка еще только разгоралась, времена наступали дьявольски многообещающие, но и какие-то неверные, колеблющиеся и нереальные, как свет лампады на ветру...

<...>

1 ноября в рижской газете «Советская молодежь» публикуется интервью Илана Полоцка с АНом.

АНС. У кого учился первый сапожник

— Аркадий Натанович, мы с вами встречаемся уже не в первый раз. И в конце каждой нашей беседы вы выражали, как бы это поточнее сказать, определенное недовольство тем, что... речь у нас идет, в основном, о литературе, о ваших произведениях. Чем это вызвано?

— Тем, что все, что мы считали нужным, мы сказали в своих книгах: имеющий глаза да читает... Есть хороший журнал «Уральский следопыт», работают там отличные люди, и мы с братом, можно сказать, попались на их предложение — ответить на вопросы читателей, которые те будут задавать нам через журнал. Вопросов собралось больше сотни, и если даже отбросить те, которые задают меньше трех человек, отвечать на все — нелегкая работа, тем более что большинство из них касаются того, что нами уже сказано и написано. Правда, выяснилась одна любопытная вещь: читатели двух наших последних вещей «Жук в муравейнике» и «Волны гасят ветер» разделились на два лагеря. Одни считают, что мы изменили самим себе, «засушили фантастику», другие же оценивают окончание трилогии самым лестным для нас образом.

— *А как вы сами считаете?*

— Ну, это уже не мне судить... И давайте вообще договоримся: только не о литературе! Разве что постольку поскольку...

— *Попробуем так сформулировать тему нашей беседы: современный интеллигент в современном мире. Согласны?*

— Это может быть интересно...

— Что, на ваш взгляд, включает в себя это понятие?

— Я вспоминаю рассказ одного хорошего писателя о простой деревенской женщине, прожившей очень трудную жизнь, в которой с избытком хватало всего: и горя, и голода, и жестокости окружающего мира; блага цивилизации, скажем так, прошли мимо нее. Но она сохранила такую доброту к людям, такую чистоту и ясность души и сердца, что не могу не думать — будь мы все такие, как эта старуха, давно бы пришли к коммунизму...31

Наша «сказка для младших научных сотрудников» «Понедельник начинается в субботу» писалась во времена становления целого мощного класса создателей материальных и духовных ценностей. В жизнь входило поколение здоровых и талантливых молодых людей, которые должны были стать — и стали — главной мозговой силой научно-технического прогресса. На них возлагались надежды — по крайней мере, нами, — что их морально-этические представления станут примером для всей страны. Но... пока примера не получилось. Духовный мир новой генерации интеллигенции не стал примером. И, пусть это звучит резко, «младшие научные сотрудники»

предали тех, кто верил в них. Много вы видели людей, которые от комбайнов и станков шли к прилавкам, в сферу обслуживания? А среди интеллигенции таких примеров, увы, более чем достаточно, и одной ссылкой на материальные потребности тут не отделаешься...

— Помнится, во время нашей встречи в Дубулты, в Доме творчества, когда я спросил, что вас волнует больше всего в окружающем мире, вы не стали далеко ходить за примерами и предложили просто посмотреть в окно, за которым таких примеров было более чем достаточно: загрязнение окружающей среды, неблагополучное положение с молодежью и так далее. Но должен ли писатель принимать все так близко к сердцу? Не лишает ли его эта пристрастность объективности и ясности взгляда? «Добру и злу внимая равнодушно...»

— Будем считать этот вопрос провокационным... Так жить невозможно. Невозможно. Когда хотят испакостить мою Родину — как можно быть равнодушным? Мы практически потеряли Байкал. Буквально в последнюю минуту удалось остановить работы по повороту северных рек — нравственные, духовные потери от такого «преобразования природы» были бы неисчислимы!

А теперь мы узнаём, что из Невской губы создан зловонный отстойник сточных вод — результат непродуманных работ по сооружению дамбы.

Как ни страшно это признать, но мы вырастили целую когорту академических холуев, которые ради чинов, наград и премий готовы продавать свою Родину оптом и в розницу, по малейшему мановению власть имущих, которым хотелось бы запечатлеть свое имя в истории Родины. Достигается это чрезвычайно простым путем: власть имущий призывает академика имярек и говорит: а хорошо бы что-то такое перегородить или пустить наоборот.

Тут же на подхвате оказываются академики-халтурщики, для которых главное — получить ордена и звания. И ни его шефу, ни ему самому в голову не приходит — и по природе их не может прийти, — что он наносит страшный вред своей собственной Родине, убивает свою мать.

Мы знаем о чудовищном проекте поворота рек. Мы знаем об отвратительных намерениях в отношении Ладожского озера. Мы знаем о Байкале. Но хотелось бы знать: о чем мы еще не знаем?..

Я верю, что у нас наступает эра социальной справедливости, и каждый, буквально каждый — я, вы, моя жена — должен жить так, чтобы

хоть на миллиметр приблизить ее приход. А нас триста миллионов.

— Пожалуй, сейчас самое употребительное слово — перестройка. Как вы понимаете ее смысл?

— Экономику перестроить можно — даже в исторически незначительный срок. Трудно, но можно. Огромной сложности задача встает, когда заходит речь о перестройке психологии — и каждого отдельного человека, и общества в целом. Это фантастическая по своим масштабам задача — максимально понизить массовую энтропию, которая напрямую связана с массовым же равнодушием и страхом. Каждый должен изживать в себе то, что накапливалось и культивировалось десятилетиями, — но каждый ли готов к такой работе? Никуда ведь не деться от того, что старая тенденция пока еще сохраняет свою силу: жрать побольше, делать — поменьше. И в основе ее лежит огромная любовь к себе. Любовь, которую надо преодолеть. И дело тут в «хищных вещах века»...

— Почему они обрели и сохраняют такую силу?

— Потому, что человеку всегда хотелось получать больше благ, чем затрачено усилий. Существует масса возможностей, затратив одну

копейку, получить рубль. Или даже сто рублей. Человечество открыло для себя новые источники наслаждений, для получения которых не надо прилагать ровно никаких усилий. И тут мы сталкиваемся со старой, но так и не решенной проблемой — отсутствием всеобъемлющей педагогики.

— Это ваша старая тема. Во всех ваших книгах, когда речь заходит о воспитателе, об Учителе, вы пишете о них с огромным уважением. Учителя у вас — герои и первопроходцы космоса, люди высочайших морально-этических кондиций...

— XXVII съезд открыл законодательную эру социальной справедливости. Через распахнутые шлюзы экономических усовершенствований пошли новые идеи. Но человек по-прежнему остается производителем. При всех достоинствах новой школьной реформы, ее основная задача — готовить человека к производству. Как успешно готовить человека к жизни в коммунизме, «человека коммунистического», мы не знаем, не представляем себе. И не космонавты должны стать героями нашего общества — при всем уважении к их труду, — а учителя, врачи, воспитатели, сестры милосердия... те, кто воспитывают и совершенствуют личность.

— Но ведь сознание определяется и проверяется бытием. А ведь бытие наше, будем говорить откровенно, пока таково, что порой все вложенные в ребенка нравственные установки не выдерживают столкновения с ним. Что тут делать?

— Не знаю. Пока не знаю. Да, так бывает... Я думаю... я думаю, что если удастся добиться разоружения, обеспечить для всех мир и спокойную жизнь, у нас хватит сил и возможностей решить и эту задачу...

— Мы хотим, чтобы каждый человек был борцом. Газетные статьи, многочисленные публикации буквально требуют от него несгибаемости и мужества в борьбе за справедливость. Но борьба эта не всегда, увы, увенчивается успехом, порой она требует от человека проявления незаурядного мужества и стойкости, которыми он не обладает в силу своей индивидуальной природы. Имеем ли мы право требовать от него такой жертвенности?

— Требовать от него мы не имеем права. Мы должны добиться того, чтобы высокие морально-этические нормы стали наравне с законом — таково условие реализации принципа социальной справедливости, о котором я уже говорил. Никакие самые тщательно разработанные кодек-

сы не в состоянии этого сделать, никакие уставы. Я пятнадцать лет провел в армии и знаю, что устав армейский — это свято. Но в то же время, если в поле ты будешь действовать строго по уставу — ты погиб, ты не выполнил задачу.

Я хочу надеяться, что кончается время личной и персональной безответственности. Я хочу надеяться, что наступает время личной ответственности. Всех и каждого. И первым делом за самого себя.

Ни орошение Кара-Кумов, ни голубые огни Ямбурга, ни нефть Тюмени не должны быть самым главным для нас. Воспитать личность, для которой не будет никаких морально-этических допусков, — вот о чем я говорю...

— *Это огромная и прекрасная задача. Но... кто воспитает учителей, тех, кто в свою очередь...*

— А у кого учился первый сапожник? Начните с себя.

В ноябре АБС встречаются в Репино на киносеминаре.

Из: Меридианы фантастики / Вып. 32

С 11 по 20 ноября 1986 г. в Доме творчества кинематографистов «Репино» под Ленинградом

проходил ставший традиционным семинар по приключенческому и фантастическому кино, организованный Советом по приключенческому и фантастическому жанрам Союза кинематографистов СССР и Советом по приключенческой и научно-фантастической литературе Союза писателей СССР. Данный семинар, названный «Фантастика и приключения-85», был посвящен итогам 1985 г. Со стороны Союза писателей СССР в работе семинара приняли участие А. Н. и Б. Н. Стругацкие, Н. М. Беркова, В. Т. Бабенко, Э. В. Геворкян, Ф. Я. Дымов, В. М. Рыбаков и другие.

На семинаре Авторы продолжают работать.

Рабочий дневник АБС

11.11.86

Прибыли в Репино — на семинар и продолжать сценарий.

Сделали 4 стр. (44)

12.11.86

Сделали 3 стр. (47)

13.11.86

Сделали 5 стр. (52)

14.11.86

Сделали 3 стр. (55)

15.11.86

Сделали 3 стр.
И закончили I вар<иан>т на 58 странице.

Вариант Лопушанскому не понравился. Принято решение: взять за основу ГЛ в чистом виде.
Лопуш<анский> приедет в Репино 14.12.86.

3 ноября в газете «За советскую науку» (Ростов-на-Дону) публикуется статья, резко критикующая СОТ. Позже о ней писали так:

[От редакции]

3 ноября 1986 г. университетская газета «За советскую науку» (Ростов-на-Дону) опубликовала материал, красноречиво озаглавленный «Западня». Автор, Т. Засорина, высказывала свою обеспокоенность тем, что часть студентов

склонна к увлечению йогой, мистикой и т. д. Помимо всего прочего, в «Западне» отмечалось, что студенты уделяют чрезмерное внимание не заслуживающей того повести Стругацких «Сказка о Тройке», превращенной, по словам Т. Засориной, в некий символ «непартийной литературы». Была сделана попытка проанализировать и, соответственно, развенчать повесть, наглядно продемонстрировавшая степень компетентности Т. Засориной в обсуждаемой теме.

Любители фантастики не оставили «Западню» своим вниманием (см., например, «За советскую науку» от 24.11.86 г.). Текст материала Т. Засориной был передан А. Н. Стругацкому, который направил в редакцию газеты открытое письмо, содержавшее однозначную оценку «открытий» автора «Западни». Письмо опубликовано не было (за исключением крошечного фрагмента, выдернутого из контекста, — в номере от 15.12.86 г.). Тем не менее протест сыграл свою роль — вздорные обвинения в адрес «Сказки...» были фактически дезавуированы, а сама одиозная «дискуссия» тихо сошла на нет...

Нам представляется, что содержание письма А. Н. Стругацкого не ограничивается рамками сиюминутной полемики. Это часть истории оте-

чественной фантастики, часть борьбы за честь и достоинство писателей Стругацких. А историю надобно знать...

<...>

АНС: «Бывает и так в литературе...»

В газету «За советскую науку» РГУ.
От писателя Стругацкого А. Н.

Открытое письмо

Уважаемые товарищи!

С удивлением и не без еще менее лестных чувств ознакомился я с материалом Татьяны Засориной «Западня» («За советскую науку» № 33 от 3 ноября 86 года).

Не берусь судить о статье в целом. Есть в ней отдельные, вполне — на мой взгляд — здравые мысли, хотя и желательно было бы... Словом, о статье в целом судить не берусь.

Но вот высказывания Т. Засориной о нашей «Сказке о Тройке» — тут уж, простите, не могу молчать. Тут что ни фраза, то передержка.

«Я читала эту вещь, — пишет Т. Засорина. — Она откровенно слаба в художественном отношении и в творчестве Стругацких вряд ли занимает

сколько-нибудь заметное место».

Автору трудно возражать против читательской оценки. Тут уж кому что нравится. Т. Засорина считает «Сказку» творческим провалом писателей; специалисты (в частности, Е. Строгова) полагают «Сказку» едва ли не лучшим со времен Салтыкова-Щедрина сатирическим произведением; студенты РГУ зачитали библиотечный экземпляр «Сказки» до дыр. Бог им всем судья. Тут ни обижаться не приходится, ни хвалиться не стоит. Коемуждо по грехам его.

Но вот утверждение: «Не зря же почти за два десятилетия Стругацкие ни разу к ней („Сказке“) не вернулись и ни разу не переиздали. Большие художники (это — мы! — С.) ...вычеркнули „Сказку о Тройке“ как неудачу. Это реальность».

Очень лестно, разумеется, что Т. Засорина держит Стругацких за больших художников, но все остальное в этом утверждении тоже не совсем правда.

Во-первых, на протяжении упомянутых десятилетий Стругацкие неустанно пытались переиздать «Сказку», но безуспешно.

Во-вторых, мы никогда не считали «Сказку» неудачей.

В-третьих, «Сказка» наконец переиздана — см.

рижскую комсомольскую газету «Советская молодежь» с 19 сентября по 11 ноября сего 1986 года. Вот это — реальность. В настоящее время мы готовим «Сказку» для публикации в книжном издании.

Здесь ведь в чем дело? Распространенное мнение, будто бедная наша «Сказка» отнесена в разряд запрещенных, «непартийных» книг, едва ли не намеренно инспирировалось издательскими политиканами, ставившими в течение упомянутых десятилетий рогатки перед сатирической литературой вообще и перед сатирической фантастикой в частности.

Этого Т. Засорина, далекая от литературно-издательской борьбы, могла и не знать (как наверняка не знает этого упомянутая ею наивная девушка-читательница), но вот что она, Т. Засорина, пишет дальше:

«Что касается „Сказки“... страсти вокруг нее были понятны восемнадцать лет назад, когда многое из нашей реальной жизни оставалось „за кадром“ литературы и журналистики. Сейчас наша печать, радио и телевидение открыто говорят обо всем. „Сказка“ в сравнении с этим — просто детский лепет».

М-да.

Не будем здесь останавливаться на том в общем-то прискорбном факте, что Т. Засорина, как и подавляющее большинство наших пропагандистов и контрпропагандистов, из рук вон скверно разбирается в сути и целях сатирической и фантастической литературы. Бедняжка, видимо, всерьез убеждена: ежели в печати появилась заметка о бюрократизме некоего директора НИИ, то надобность в литературной сатире на бюрократов от науки совершенно отпадает.

А остановимся мы вот на чем. Восемнадцать лет назад никаких страстей вокруг «Сказки» не было и быть не могло. «Сказка» была направлена против вопиющих издержек научно-технического прогресса в нашей стране, вызванных чудовищными ненормальностями во взаимоотношениях между наукой и администрацией (читай — бюрократией). Восемнадцать лет назад на эти обстоятельства обращали внимание очень немногие, да и те считали, что все как-нибудь утрясется. И «Сказка» была тогда принята довольно спокойно. Огонь по ней открыли только чиновники от издательских организаций, ничего в ней решительно не понимая, исходя из единственного принципа: сатира, бей ее, иначе как бы чего не вышло.

И лишь теперь, когда у многих и многих открылись настежь глаза, «Сказка» обрела для читателя, особенно для читателя-научника, истинный смысл. Бывает и так в литературе, дорогие товарищи. И еще как часто бывает-то!

Разумеется — и мы частенько испытываем это на собственной шкуре, — всегда находятся граждане, которых хлебом не корми, а дай нагнести нездоровый интерес вокруг замалчиваемого произведения — будь то книга, или фильм, или театральная постановка, или полотно живописца... Но помилуйте, товарищи! В наше интересное, революционное время газете пристало бы обрушиваться не на произведения, а на замалчивающих!

И последнее. Неприятным, затхлым душком тянет от того обстоятельства, что критика «Сказки о Тройке» (какой бы она ни была, эта критика) объединена в одной статье с критикой мистицизма и йоги. Мы, старые писатели, это уже проходили. Вспоминается с отвращением.

Благодарю за внимание.

25 ноября 86 года.

А. Стругацкий.

В середине декабря Авторы вновь в Репино.

Рабочий дневник АБС

10.12.86

Прибыли в Репино. Лопуш<анский> не готов, поэтому будем работать над ОЗ.

На о<стро>ве Патмос Агасфер:
1). Становится эрудитом. Знает всё — историю, физику, астрономию и т. д. Единственный вывод: человечество — это жемчужница и годится только для сбора жемчуга.
2). Начинает свою коллекцию.

— Возможно абсолютно все. Все, что вы можете придумать, — возможно. Единственно невозможное — это придумать что-нибудь такое, что было бы невозможно.

Критическая масса человечества. Не превышает 5 999 507 006.

Притча Аг<асфера> Лук<ича> о будущем. Не вопрос: пример из будущего.

11.12.86

— Как объяснить Прохору, что такое: пищаль,

ТВЭЛы, флаер...

1. Образ жизни.

2. Продолжаются видения; открытие в себе всезнания; эпизод с пастухами; эпизод с Юстом Тивериадским.

3. История Апокалипсиса (кешер). Прохор слушает всё, но использует только то, что он понял, и так, как он понял — применительно к политическим борениям с Римом. Плохо знает арамейский. У Иоанна не хватает слов. У Прохора — воображения. Прохор — великий литератор (архитектоника, ритм). Предшественник Данте. Два гениальных политических памфлета. Откровения Лукича — только толчок к написанию великого произведения: великого литературно и строгого политически.

«Железная саранча» — это худ<ожественный> образ (и римская пехота, и крестоносцы, и колонны Гудериана), а не огромные насекомые.

А<гасфер> Л<укич> плохо помнит, но, м<ожет> б<ыть>, Апокалипсис был закодированным планом всеобщего восстания против Рима. На Патмосе было много заключенных и пересыльных.

4. Открывает смысл жизни: собирание душ. На о<стро>ве душ мало. Остается только Прохор,

кот<орый> продает душу за бессмертие имени. А<гасфер> Л<укич> отдает ему свое имя, свое авторское право и уходит на материк.

Язык Прохора — койне.

Сделали 1 стр. (63)
Вечером сделали 3 стр. (66)

[на отдельном листе]

1). Найти время жизни.
Тит Лукр<еций> Кар
Овидий
Аристотель (?)
?

[список обведен справа фигурной скобкой с надписью: «I век? 36–98»]

1 — родился Иоанн.
15 — стал учеником Крестителя.
20 — стал учеником Христа.
33 — распятие Хр<иста>.
35 — убивает Агасфера и принимает его имя.
36 — братьев ловят и казнят; Яков умирает от яда, а Иоанн хоть бы хны (даже варенный в масле) — доказательство избранности. Ссылают на Патмос. Появляется ученик его Прохор.
68 — в ссылке на Патмосе, диктует Апокалипсис

Прохору.

Это совсем бессмысленно. Как ты можешь верить в эту чушь?

Потому и верую, что абсурдно.

Это все противоречит чувствам.

Киш мир ан...

12.12.86

Сделали 2 стр. (68)

Вечером сделали 3 стр. (71)

13.12.86

1. Рассуждение о жемчужницах.
2. Открытие И<оанна>-А<гасфера>.
3. Положение с Прохором, Апокалипсисом и колонией. Одиночество И<оанна>-А<гасфера>.
4. Первые опыты с «тенями».
5. Опыт с Прохором. Уход на материк.
6. Судьба Прохора-Иоанна. Евангелие. Смерть в Эфесе.

Морская жемчужница — P. margaritifera.

Речная жемчужница — Margaritana margaritifera.

Сделали 3 стр. (74)
Вечером сделали 2 стр. (76)

14.12.86

Сделали 1 стр. (77)

Ждем Лопушанского.
Лопушанский обещал звонить до 8.01.87.

Вечером сделали 2 стр. (79)

15.12.86

Сделали 2 стр. (81)
Утопия от Парасюхина и т. д.

16.12.86

Жуткий мороз (–21°). Разговариваем об истории и политике.

17.12.86

Обсуждаем меры по возрождению ф<антасти>ки: создание редакции лит<ературной> ф<антасти>ки при каком-нибудь изд<ательст>ве.

18.12.86

«Внимание! Завтра в 12 часов ровно состоится открытие Страшного суда. Все справки по телефонам...» Далее следовал список телефонов, обширный, как таблица тиража погашения.

Миф о непогрешимости начальства.

Миф о единстве общества.

Миф о превосходстве.

19.12.86

Написали заявку на ЖвМ-С для Грамматикова.

14 декабря в дневнике записано: «Ждем Лопушанского» и «Лопушанский обещал звонить до 8.01.87». Вероятно, между этими двумя записями произошел разговор Константина Лопушанского с Авторами, после чего в тот же день было отправлено письмо АБС, адресованное директору 1-го творческого объединения киностудии «Ленфильм».

Из архива. Письмо АБС в Ленфильм

Уважаемый Олег Александрович!

В соответствии с договором первый вариант

сценария художественного фильма «Парадиз-99» (название условное) нами закончен и может быть представлен в любой момент.

Однако в связи с тем, что режиссер Лопушанский К. С., ознакомившись с этим вариантом, предложил ряд интересных соображений, мы полагаем целесообразным учесть эти замечания уже в первом варианте сценария.

В связи с этим просим пролонгировать срок представления первого варианта до 1 февраля 1987 года.

8 декабря Адольф Урбан пишет рецензию на сборник АБС, поданный в «Лениздат».

Из архива. Из: Урбан А. Рецензия на сборник

<...>

Все три повести Стругацких — «Улитка на склоне», «Волны гасят ветер», «Хромая судьба» — это повести-испытания. И какими бы разными они ни были, все они в нестандартных ситуациях взывают к нашей совести, интеллекту, деятельной стороне натуры: как поступили бы вы, какое бы решение приняли.

«Улитка на склоне», на первый взгляд, кажется произведением очень странным. Люди столк-

нулись с неведомым. Не абстрактные люди, а вполне обыкновенные, разные, хорошие и плохие, умные и глупые, честные и прохиндеи. И неведомое — не только символ, но конкретно разработанная форма таинственной и непонятной жизни «Леса», с его горячими «хлебными» болотами, съедобной землей, за ночь вырастающими огромными растениями, которые, политые «бродилом», тут же готовы в пищу, гигантскими грибами, возникающими и исчезающими озерами, островами, прыгающими деревьями. Это целый континент бурлящей, бродящей, изобильной жизни, щедрой и опасной, то пластически податливой, то агрессивной. С таким же непонятным населением, загнанным и поделенным на почти не сообщающиеся между собой деревни, сытым изобильной почвой и подавленным, напуганным всеми этими проваливающимися трясинами, озерами с таинственными голыми русалками, лежащими в прозрачной воде, не то мертвыми, не то уснувшими, нелюдями-мертвяками, из-под ног которых вырывается горячий пар, похищающими их женщин.

С другой стороны — в параллельном сюжете, — противопоставленная или сопоставленная с этим миром организация людей. Управление,

нарисованное с таким же «остранением», человеческое сообщество, в котором действуют столь же противоречивые силы. Лес — как некий огромный континент жизни, энергии, изобилия — и интересен, и привлекателен, и опасен, потому что живет по своим законам, оберегает свои тайны, даже мстит за слишком смелое вторжение. Поэтому нет к нему единого отношения. Одни его изучают. Другие готовятся к «инженерному проникновению», к «искоренению». Третьих влечет непонятная любовь к этой увлекательной форме жизни. Четвертых занимает идея «помощи населению».

Как и во всяком сложном процессе, сталкиваются противоречащие друг другу намерения. Каждый «специалист», каждый «отдел», исходя из своей рационалистической схемы, гнет свою линию. Оттого, что не выработана общая нравственная оценка, нет комплексного понимания проблемы, не осознана суверенность сторон.

Стругацкие рисуют Управление сатирическими красками. Если искать близкие жизненные аналоги, их можно найти в так называемых «ведомственных барьерах», во взаимных неладах и разногласиях «смежников», в той клеточной структуре громоздких учреждений, где левая

рука не знает, что творит правая.

Но все эти явления могли дать Стругацким лишь материал для фантазии. Не фельетонным обличительством они заняты. Не узнаваемость их привлекает. Это был бы самый легкий и дешевый путь. Напротив, они стремились, как в системе Управления, так и в образе Леса, дать уникальные фантастические структуры, емкость которых была бы куда большей, чем те или иные аналогии, сумма намеков.

В конечном счете, речь идет о нравственной готовности понять то, что не похоже на известные нам формы жизни, о способности, не нарушая равновесия, встретить будущее, которое станет иным, чем наше сегодня, о гибкости мышления, об осторожности обращения с теми явлениями, которые мы плохо знаем, о предвидении последствий нашей деятельности, с какими бы благими намерениями она ни проводилась.

Это делает модель повести актуальной по отношению к современности, не только к отдельным ее явлениям, но и к глобальным проблемам.

«Улитка на склоне» подготавливает ко многим нравственным выводам, самым широким, приближающимся к философским категориям, и самым непосредственным житейским. Но сила

повести не столько в поучительных выводах, которые можно извлечь, сколько в ее образной материи, очень плотной, пластичной, эмоционально насыщенной. В характерах — прежде всего Молчуна (Кандида), Переца, Колченога, Алевтины. В изобретении ситуаций поистине фантастических, но захватывающих своей «достоверностью». Весь тот интеллектуальный и нравственный потенциал, который раскрывается перед читателем, заложен не в декларациях, которые мы вынуждены досказывать, анализируя смысл повести, а в самой фантастической модели ее. Думается, что «Улитка на склоне», написанная 20 лет назад, не утратила своего значения и относится к числу лучших произведений Стругацких.

Есть у меня все-таки претензии к 9-й главе. Она мне кажется затянутой. Подслушанный Перецем разговор вещей малоинтересен и кажется вставным эпизодом. Следовало бы эту главу несколько укоротить и почистить.

Хотелось бы также иметь какую-либо, пусть фантастическую, пусть парадоксальную, пусть сатирическую «мотивировку» исчезновения первого директора и водворения на его место Переца. Иначе оно выглядит как механическая перестановка фигур, произведенная волей авторов.

Творческая изобретательность Стругацких проявилась в повести «Волны гасят ветер». Это довольно редкая попытка создать «документально-мемуарную» фантастическую повесть.

Что, казалось бы, дальше отстоит друг от друга, чем документ и фантастика? Стругацкие, однако, объединяют многочисленные служебные отчеты, записки, инструкции, юридические акты, результаты обследований, фонограммы, письма в стилизованный таким образом мемуарный очерк о том, как было совершено значительнейшее для человечества открытие («Большое откровение»), изменившее его представление о самом себе, о своих возможностях. Открытие, разумеется, фантастическое.

Но такое построение не случайно. Эта повесть — своего рода морально-философский трактат о воображаемой ситуации, когда научный прогресс приводит к новому качественному скачку в человеческом обществе, раскалывая его в переломную пору на две неравные части — тех, кто этот скачок совершают первыми, и тех, кто остается в уютной колыбели традиционных представлений и чувствований. Ситуация в истории человечества известная.

Но фантасты, они ее обостряют, связывая не

с технологическим прогрессом — он зашел уже далеко: покорен космос, установлены связи с другими цивилизациями, человечество, как можно понять из повести, стало гармоническим сообществом людей, уже стремящихся оказать помощь гуманоидам других планет, дать науку, модель общественного мироустройства, мораль. Дать то, что не все еще способны и готовы принять. Но, с другой стороны, могут и сами очутиться в столь же зависимом положении, когда другая сверхцивилизация окажется на куда более высокой ступени развития не только в технологическом, но и в интеллектуально-эмоционально-нравственном отношении. Так что люди будут выглядеть рядом с ними неразумными детьми.

Человечество опасается Странников, таинственных пилигримов Вселенной, превосходящих его в своем технологическом и умственном могуществе. Но происходит нечто совершенно неожиданное: из среды самих людей в силу эволюционного процесса начинают возникать индивидуумы, наделенные «третьей импульсной системой», внутренний мир, потребности, интеллектуальные стремления, космические эмоции которых резко отделяют их от других

людей, уводят их — «люденов», «зачеловеков» — из колыбели человечества.

Модель, конечно, фантастическая, но, опять же, не лишенная нравственной проблематики. Она, прежде всего, в той несовместимости просто хороших, умных, интересных, но обыкновенных людей с людьми непонятными, стремительно выламывающимися из ряда, имеющими свой пункт — даже систему — несходства со всеми остальными. Если переводить с языка фантастических метафор и символов — это одиночество талантливых и гениальных носителей новизны в переломные для человечества моменты.

Таков итог, финальный мотив повести. По ходу ее сюжета — много боковых линий: тут и встреча с неведомым, и напряжение научного поиска, и аналитические усилия мысли, и страсти познания. Наконец, разного рода гипотезы о типах возможных цивилизаций. О взаимоотношениях между ними. О путях предполагаемых вариантов развития человечества. Иными словами, объемный фантастический мир с главной художественной мыслью.

Впрочем, с моей точки зрения, эта повесть написана с несвойственной Стругацким суховатостью. Она слишком задокументирована.

Слишком приближена к трактату. Ее отчетно-статистическая основа, не воспроизводя *реального* научного открытия, а лишь стилизуя открытие фантастическое, хотя и изобретательна, но скучновата, растянута. Большинство ее служебных помет, грифов, адресов, анкет — лишь просматривается глазом, но не читается как текст художественный. Оттого и главные герои — рассказчик и Тойво Глумов, не говоря уже о второстепенных, — даны достаточно бегло, силуэтно, видны их деловые качества, объяснена интеллектуальная хватка, но по-человечески они не слишком увлекательны. Они задавлены служебной перепиской. Эмоциональные же, шоковые состояния от столкновения с «людена-ми», по существу, лишь названы, но не изображены. Вообще хотелось бы, конечно, чтобы этот путь превращения человека в «людена» был дан не столько как трактат или мемуар о фантастическом открытии, а как драма. Как душевное потрясение.

Конечно, повесть уже написана и напечатана, но было б, мне кажется, не бесполезно несколько успокоить ее отчетно-бюрократическую суету (особенно на вялых начальных 50-ти стр.) и еще порисовать главных героев, связать их более

бурными конфликтами, показать душевные мучения, документально обозначенные, но оставленные за кадром. От этого повесть немало выиграла бы.

И наконец, большой и сложный роман «Хромая судьба», в котором переплетаются два сюжета. В центре их два писателя — Феликс Сорокин и Виктор Банев, — существующих в разных мирах, в разных социальных условиях, смоделированных Стругацкими. Причем один сюжет как бы реальный с реальным героем Феликсом Сорокиным, другой — придуманный им, населенный вымышленными персонажами во главе с Виктором Баневым, персонажами из неопубликованной рукописи Сорокина, хранящейся в заветной синей папке.

Сюжеты развиваются параллельно, чередующимися главами, причем они настолько самостоятельны, что практически могут существовать и врозь, как это доказали сами Стругацкие, опубликовав один из них в «Неве». Это тоже теперь довольно распространенный тип романа в романе, узаконенный «Мастером и Маргаритой» М. Булгакова, на которого авторы честно ссылаются.

У Стругацких нечто подобное: сатирико-быто-

вой современный сюжет, развернутый вокруг Сорокина, не лишенный, впрочем, фантастического элемента, накладывается на откровенно вымышленную условную страну, в которой живет и действует Банев, страну, в которой узнаются обобщенные черты тоталитарных режимов — от гитлеровского до пиночетовского фашизма.

Такое, казалось бы, достаточно усложненное и искусственное строение романа, однако, внутренне и внешне мотивировано. Сорокин прошел Великую Отечественную войну и войну с Японией, он боролся с фашизмом и самурайским империализмом. Как писатель он принадлежит военному поколению, разрабатывает военную тему.

Но его творческие интересы шире и глубже. Он — сочинитель «Современных сказок», писатель-моралист, мыслящий о последствиях «коричневой чумы», о тех ядовитых корнях, которые не вырваны до конца. О той половинчатой буржуазной демократии, которая в своих корыстных интересах возрождает те или иные формы тоталитаризма, приобретает новые разновидности и модели.

Одна из них нарисована в его рукописи из заветной синей папки, которая, может быть,

является главным делом жизни Сорокина.

Другой момент связи — центральные герои — Сорокин и Банев. Оба они участники войны с фашизмом. Оба его ненавидят в любых проявлениях. Оба стали писателями, которые честно стремятся смотреть в глаза правде. Обоим свойственен хемингуэевско-ремарковский комплекс «возвращения», в котором есть и элемент ностальгии по утраченной молодости, и гордость участников больших событий, и некоторая душевная усталость, так и не позволившая им полностью слиться с новыми временами, безоглядно шагнуть в будущее, часть их души, может быть большая и лучшая, осталась в прошлом. Впрочем, зная или чувствуя правду, они не сдаются и в решительный момент умеют делать правильный и достойный выбор.

В этом сходстве, однако, есть и различие, некая иерархия: они вернулись в разные миры. И это Сорокин создает и анализирует своего «двойника», оказавшегося в опасной и ненавистной ему атмосфере неофашистского режима, созданного Президентом, поддерживавшегося его холуями, подкупленными художниками, послушными парламентариями, отрядами порядка, героями тайного сыска.

<...>

Можно подробно вникать в ситуации романа, в споры его героев, интерпретировать его метафоры и символы.

Но главное в нем все-таки люди. Их много, они — живые, полнокровные, зримые, за их злоключениями следишь с интересом. Пластика этой — наиболее фантастической и условной линии романа — выразительна и многозначна. Идейный ее пафос целенаправлен, благороден и в сегодняшнем противоречивом и конфликтном мире очень актуален.

Прибегая к литературной терминологии, можно сказать, что Сорокин написал прекрасный и во всех отношениях достойный роман-предупреждение. Он как раз созвучен той борьбе, которую ведут народы всего мира за свободу, за право строить свою жизнь на основаниях социальной справедливости и гуманизма.

Менее выразительна и как-то измельчена сюжетная линия Сорокина. Он как раз больше «рассказан», чем показан, особенно это касается его видимо незаурядного прошлого, мелькающего, как слайды, локальными эпизодами. Разные его литературные опыты и жанры — это какое-то метание, суета, заготовки.

Не в том дело, что он нереален, что это неправда или фальшь. Он и впрямь взят из жизни. Речь о том, что вся эта линия не достигает уровня той фантастической, связанной с Баневым. Творец рукописи из синей папки, рукописи яркой, озорной, смелой, кажется человеком более скованным, комплексовым, задавленным рутиной так, что приходит на мысль, будто не он Банева написал, а Банев Сорокина.

Парадоксально, но факт, что Сорокин все-таки ремесленник, отважившийся на творческий акт — об этом под занавес упомянуто, — Банев же, при всех его склонностях к компромиссу, битый, тертый и пуганый, несомненный талант, который не принудить к ремесленничеству. Как он ни уговаривает себя проникнуться идеологией Президента, он может писать только, когда его начинает от нее тошнить, то есть писать, что чувствует и думает. К тому же постоянно «бренчит», «болтает», взрывается, выходя из рамок принятого и дозволенного. Сорокин, как ни хорохорится, как ни презирает «литературную шатию», все время оказывается на побегушках то у Михеича, то у совсем уже ничтожного Кудинова, то маниакально травмирован везде возникающим клетчатым пальто. (Кстати, это литературный

штамп, реальность же — безукоризненный костюм клерка с белой сорочкой и строгим галстуком и среднестатистическое правильное лицо робота.)

Вообще в большинстве случаев действия Сорокина пассивные, то есть кем-то инспирированные и направленные, что снова ставит его в невыгодное положение по сравнению с Баневым, если и подчиняющимся, то любви к Диане, возмущению сердца, темпераменту.

При всем том эти герои подобны, но подобны невыгодно, как оригинал и копия. Тут что-то надобно предпринять, либо резче их расподобить, либо острее связать и сопоставить, перелив энергию друг другу.

Не подумать ли и о таком варианте? Назвать, скажем, весь сборник «Повести из синей папки», приписав Сорокину и две других и отведя ему какую-то роль в них, может быть, даже пунктиром отождествив с Кандидом. Ему не хватает тайны или хотя бы намека на более мощные, пусть и нереализованные потенции. Или озорства, или яркости, или бзика, которые убедили бы нас, что именно он автор «Хромой судьбы», что он мог ее написать. Пока что его создание кажется настолько выше, сильнее и значительнее автора, что

мы вправе заподозрить не вполне органический конструктивный момент соединения двух линий разной интенсивности и творческого уровня, при всем том, что, как уже говорилось, есть обоснованные внешние и внутренние мотивировки для этого.

Кое-что в двух линиях следовало бы и в деталях расподобить. В фантастическом, по всем признакам «западноевропейском» сюжете едва ли уместна скрытая цитата из Горького «человек — это звучит гордо» (134); «Внимание! При обстреле эта сторона особенно опасна» (384) — из блокады Ленинграда; «черносотенцы» (205) — организация русская; «кровь христианских младенцев» (235) — формула из дела Бейлиса.

Думается, в фантастической модели должны быть и более обобщенные понятия, связанные с националистическими предрассудками, национальной враждой, ксенофобией. В сегодняшнем мире все есть и на всякий вкус: ненависть к белым, и ненависть к черным, и ненависть к желтым, к арабам, евреям, латиноамериканцам, янки, русским... Нужны более емкие формулы, осуждение самого принципа, а не локализация его.

Режет ухо Сортир Сортирович Унитазов (285)

и некоторые другие фамилии и прозвища, в них больше брани, чем фантазии. Не изменяет ли тут авторам вкус?

Каков общий итог?

Есть книги читаемые, малочитаемые и нечитаемые вовсе. Фантастика читается вся, и самая хорошая, и самая плохая. Одним своим крылом она касается высокого эпоса, как Гомер и Библия, другим уходит в массовую культуру, где владычествуют рокамболи, пинкертоны, фантомасы.

<...>

Фантастика Стругацких серьезна. Это социальная фантастика, по своему происхождению связанная с многовековой традицией утопической литературы, сыгравшей такую важную роль в истории общественной мысли, ищущей пути в будущее. Наконец, фантастика Стругацких по художественному уровню может соперничать с лучшими образцами этого жанра.

Большинство указанных недостатков относится не к категорическим требованиям переделки, а носит характер пожеланий, которые могли бы сделать талантливые произведения, с моей точки зрения, более цельными и совершенными. Хотя, я понимаю, такие пожелания не обязательно могут совпасть с внутренним ощущением и намерени-

ем как самих авторов, так и других читателей.

Книгу Стругацких рекомендую издательству. Не сомневаюсь, что она будет заметным явлением в литературе вообще, а не в коммерческой фантастике, часто измеряемой по другой, заниженной шкале ценностей.

В декабре в Ленинграде в Доме детской книги проходит конференция на тему «Современная фантастика. Ее друзья и противники». Выступает на ней и БН.

Из: БНС. Разговор о фантастике

<...>

Б. Стругацкий: У нас, писателей, была и остается одна сложность: где найти издателя? Есть в стране талантливые авторы, есть опытные критики. Есть чуткие и вдумчивые читатели. Мало издателей с хорошим вкусом. Мало редакторов, которые понимали и любили бы научную фантастику, уделяли ей самое серьезное внимание. Издает регулярно книги «Молодая гвардия», а другие? От случая к случаю. Появился редактор доброжелательный — приветил, а нет — отверг.

Возьмите Лениздат. Были годы, когда выходили здесь в свет сборники ежегодно. Теперь издают-

ся такие в пять-семь лет один, и то с большой неохотой. Хотя секцией научной фантастики подготовлено их несколько, есть интересные произведения. Готовят издательства «Советский писатель» и «Детская литература», но не Лениздат. А ведь произведения такого жанра очень нужны молодому поколению. Научная фантастика пробуждает творчество, заставляет задуматься о будущем, предостерегает об опасности войны.

<...>

Возможно, вследствие этого выступления Лениздат предложил БНу выпустить еще один сборник. 23 декабря АБС подают соответствующую заявку.

Из архива. Заявка АБС на сборник в Лениздат

Предлагаем издать в серии «Ленинградская повесть» сборник наших повестей в составе «Пикник на обочине», «За миллиард лет до конца света» и «Далекая Радуга».

Объем сборника около 23 а. л.

1986 год оказался для Авторов урожайным на публикации в региональной прессе. В этом году в Риге вышла книга «Жук в муравейнике», содержащая ЖВМ, ПКБ и рассказы. Минск выпустил

ПНВС. В хабаровской газете «Молодой дальневосточник» окончилась публикация ЖВМ. Рижская «Советская молодежь» напечатала СОТ. В казанской газете «Комсомолец Татарии» вышел отрывок из ПХХIIВ.

Оживились и центральные журналы. В этом году опубликованы два новых произведения АБС: в «Знание — сила» — ВГВ, в «Неве» — ХС. Отрывок из ХС печатает «Литературная газета», а «Изобретатель и рационализатор» — выдержки из ГЛ.

1987

В этом году к читателю прорываются произведения, долгое время бывшие запретными.

В январе рижский журнал «Даугава» начинает публикацию ГЛ под названием «Время дождя». Об истории публикации рассказывает занимавший тогда должность главного редактора этого журнала Владимир Михайлов.

Из: Михайлов В. Хождение сквозь эры

<...>

Одним из способов «раскрутить» журнал я считал фантастику. Но не только ее. Вышли на поверхность мощные пласты литературы, ранее закрытой для читателя. И если двадцать с лишним лет назад, в газете, я смог заинтересовать читателя публикацией автобиографической книги Чарли Чаплина, то на этот раз не было надобности прибегать к заграничным источникам. Хватало своих. И мы начали черпать из них. Публиковали тексты, доступные нам по объему, с хорошим литературоведческим аппаратом. Кроме того, журнал в своей «гостиной» начал

публиковать интервью с известными людьми.

Первое время мне не мешали. Публикации фантастики я начал с повести Георгия Гуревича, политически нейтральной. Но замыслы были куда более «коварными»: в фантастике тоже существовали запреты и «закрытые районы». И у меня возникла идея опубликовать «Гадких лебедей» Стругацких, до той поры существовавших лишь в самиздате.

Я поехал в Москву. У меня было две цели: уговорить «Союзпечать» объявить «Даугаву» во всесоюзную подписку и выпросить авторскую рукопись «Гадких лебедей». «Союзпечать» удалось уговорить достаточно быстро, хотя мне и сказали, что денег на экспедицию пока не будет и придется нам рассылать номера подписчикам своими силами. Я согласился. Потом созвонился с Аркадием Натановичем. Он усомнился:

— Не дадут, Володя...

Я напомнил ему, что у нас не Москва и не Питер; может и пройти. Он дал мне экземпляр рукописи. И сказал:

— Только название надо изменить. Старое само по себе вызовет у них противодействие: слишком уж его склоняли.

Я попросил, чтобы он придумал новое название

сам. Он ответил сразу же — возможно, у него уже была заготовка, а может быть, название возникло в этот самый миг:

— Пусть будет «Время дождя».

Я привез рукопись в Ригу, и мы сразу же поставили ее в план. Мы не могли закончить ее публикацию в 1987 году из-за малого объема журнала. К тому же переход этой вещи на 1988 год должен был способствовать росту подписки[32].

Повесть пошла — и ни с каким официальным противостоянием я не столкнулся. Хотя грехам моим уже велся счет, но предъявили мне его несколько позже.

Тиражи наши и так уже росли, но главным образом за счет розницы. И я волновался, ожидая результата подписки на 1988-й: оправдаются мои расчеты или будет провал?

Подписка оказалась даже выше, чем мы в редакции предполагали. Но и до того она увеличивалась с каждым месяцем. Так что, когда выходил очередной номер, вся редакция шла в экспедицию издательства. Там мы запечатывали журналы в конверты, чтобы отправить их подписчикам по почте.

Аркадию Натановичу я отсылал по пятнадцать экземпляров каждого номера с их повестью. <...>

Также в январе таллинский журнал «Радуга» начинает публиковать переработанный отрывок из ГО под названием «Экспедиция на Север». Текст предваряло предисловие Авторов.

АБС. От авторов: [Предисл. к повести «Экспедиция на Север»]

Представьте себе горный уступ бесконечной длины, шириною в несколько километров. С одной стороны он ограничен скалистой стеной непостижимой высоты, а с другой — обрывается в бездонную пропасть, вечно затянутую серо-голубой мглой. Ровно в восемь утра над уступом, всегда в одной и той же точке небосвода, зажигается жаркий слепящий диск, а через шестнадцать часов гаснет, погружая мир в непроницаемую тьму. Вдоль уступа тянется Город. Никто не знает, когда этот Город возник и кем он был основан, ясно только, что он существует в течение многих веков местного времени. Город этот непрерывно растет, медленно движется на юг в погоне за водой, в погоне за отступающими непроходимыми джунглями и оставляет за собою сотни и сотни километров покинутых кварталов.

Город населяют люди, земляне, несколько сот тысяч человек. К каждому из них в бытность его

на Земле в свое время явился некто, назвавший себя Посредником, и предложил принять участие в Эксперименте. Что это за Эксперимент — тайна. Какова конечная цель Эксперимента — тайна. Кто ставит этот Эксперимент — тайна. Эксперимент есть Эксперимент, и больше о нем ничего не должно быть известно, ибо любое знание об Эксперименте неизбежно исказит его результат.

Те, кто согласился на предложение Посредника, неведомым путем попадают в Город. Одни соглашаются потому, что им дано понять: Эксперимент этот необычайно важен для судеб человечества. Другие соглашаются из любопытства, третьи — потому что их преследует полиция... Город населен очень разными людьми.

От них, впрочем, не требуется ничего особенного — они просто должны жить в Городе в соответствии со своими вкусами и понятиями о целях существования. И, конечно, в соответствии с законами того общества, которое они образуют.

Очень быстро каждый горожанин обнаруживает фантастичность и необычайность окружающего мира. В Городе время от времени происходят очень странные вещи, иногда даже кажется, что все привычные законы природы отменяются некоей неведомой силой. А про Север, про сотни

километров кварталов, покинутых века и века назад, ходят слухи еще более фантастические и невероятные... Проходят годы, а Эксперименту не видно конца, и перед людьми встают во весь рост фундаментальные вопросы. Что же все-таки с ними происходит? Зачем они здесь? Где они?..

Последнее время мы работаем над циклом повестей об этом Городе и о людях, его населяющих. Одну из этих повестей мы предлагаем вниманию читателя. Речь в ней идет об экспедиции на Север — за водой, нефтью и информацией.

По-прежнему идет переписка АБС, но, увы, уже не друг с другом (теперь им достаточно телефонных разговоров). 4 января БНу пишет переводчик Эрик Симон. Он переводит ВГВ на немецкий, и его вопросы наглядно демонстрируют сложности перевода на другие языки фантастического произведения, насыщенного как реальными, так и псевдоцитатами.

Из архива. Письмо БНу от немецкого переводчика

Дорогой Борис Натанович,

Прерывистый характер нашей переписки Вам уже известен и привычен, и вот после долгого

затишья — новый порыв, и причина тому тоже привычная уже: я закончил первый, рабочий вариант перевода «Волн» и теперь, надеясь на Вашу помощь, буду предлагать Вам длинный список неясных мне слов, названий и цитат. Заодно пользуюсь случаем вообще обновить контакт с Вами, обмениваться новостями; именно поэтому пишу Вам, а не Вашему брату — его-то я иногда (правда, редко — каждый второй год примерно) сам посещаю в Москве, а с Вами придется держать связь эпистолярным способом.

Но сперва — работа, т. е. мои вопросы. Вы уже знаете мое желание писать, в частности, нерусские имена правильно, т. е. так, как они пишутся в исходном языке или как их следует транскрибировать согласно принятым правилам. А в «Волнах», как и в «Жуке», таких имен много. (В «Острове», где я был редактором перевода, эта проблема практически отсутствовала, поэтому мне и не пришлось беспокоить Вас тогда запросами.) Место в оригинальном тексте (по ж-лу «Знание — сила» обозначаю так: номер журнала; страница, столб №, левый и т. д.); номер строки или другое обозначение места в столбе.

Итак:

6; 46, л; 23: «злобные псы воспоминаний» — ци-

тата ли это? Откуда? (И где точно ее там найти.)

6; 47, л; середина: разум... геронический — что это значит? Или это опечатка от «гедонический»?

6; 48 ср; 19 снизу: Иоганн Сурд — Sourde ли? Фиктивная или реальная личность?

6; 48, п; 13 сн.: «блага богов — это ветер» и т. д. из Верблибена — фиктивная ли это цитата фиктивного ли поэта? Или они реальные?

7; 46 л: Сандро Мтбевари — африканская ли фамилия?

7; 46 ср; середина: Максим = «Белый Ферзь» = Биг-Баг. «Ферзь» в переводе придется переименовывать в другую шахматную фигуру, ибо по-немецки ферзь называется дамой, королевой (Dame), что явно неуместно. А все другие фигуры — мужского рода. «Биг-Баг» — это прозвище с Саракша, наверное?

7; 48; справка «Кривоклыков»: база «Лембой» — писать как английское слово (Lemboy, Lamboy) или как русское? Или как?

8; 45 л; середина: сыворотка УНБЛАФ — имеет ли это сокращение определенное значение, или оно произвольное?

8; 45 ср; внизу: Дж. Тосивилл — будет ли это Toceyville?

8; 46 л; 26 снизу: Говекай (ская гинеклиника) — реальное место ли?

8; 46 л; внизу: проф. Деруйод — из какого языка фамилия?

8; 48 л; 32 снизу: «багинеты» — это слово я не нашел в словарях. Что оно значит?

8; 48 п; середина: Азгирский агрокомплекс — как называется поселок (если он реальный) — Азгир? Азгирск? В десятитомном словаре географических названий СССР такого нет, но первый том уже, может быть, устарел.

9; 46 п; вверху: «на плитах облицовки»... Где находится эта облицовка? Ведь наружные стены домов упоминаются отдельно.

9, 46 п; вверху: Опечатка ли там? Если считать, то девять маршрутов заканчивается в десяти коттеджах!

9, 46 п; середина: Дуремар и тетка Тортила — из какого произведения?

там же: Есть ли у Вас представление, что делает ортомастер, или можно переводить это произвольно?

10; 46 ср; 34 сн.: ПО — производственное объединение ли?

10; 46 п; вверху: принцип «сяо» — китайское или японское это слово? Как пишется латиницей?

10; 47 ср; вверху: индекс О/Т: что значит это сокращение?

10; 47 ср; § 1: что значит мера давления «СЕ»?

10; 47 ср; § 6: ГД — имеет ли это определенное значение, или чисто фиктивное ли это сокращение?

11; 45 л; середина: что тут значит «исповедник»?

а) делающий исповедь? б) принимающий исповедь? в) что-то вроде проповедника?

11; 45 ср; 17: Что тут значит, что Горбовский пытался приветить Камилла? Я не понимаю слово «приветить» в этом контексте (и в контексте, может быть, «Далекой Радуги»).

11; 46 ср: середина: Что значит и как образовано слово «алапайчики»?

11; 46 п: середина: «Мир прекрасен, как цветочек. Счастьем...» и т. д. — откуда цитата?

11; 47 л; середина: Гужон — писать по правилам какого языка? Goujon (франц.) ли?

11; 47 п; середина: Прошу переименовать Марфу — по-немецки слово «бабочка» — мужского рода.

12; 45 п; вверху: Лебей Маланг, К. Мовсон: какие языки?

12; 46 л; 19: курорт Розалинда — реален ли? Как пишется? (Rosalinda? Rosalinde?)

12; 46, п: внизу: Чжан — китайская фамилия ли?

12; 47; внизу: Фар-Але — арабская фамилия?

1; 46 л: внизу: Алеша Попович, Идолище Поганое и Локи (скандинавские саги) — из какого произведения?

1; 46 л; док. 16: Мауки — какой язык?

1; 46 п; внизу: Алескинская СО — что значит «СО»? «...область» ли?

Там же: Пхьяпоун — где это? Как пишется латиницей?

1; 47 ср: середина: туфлеобразный нос Горбовского раньше ли таким описался, или только в «Волнах»?

3; 45 ср: середина: *людены*. Оставлять русское название в переводе нельзя: игра словами не работает, и еще слово сильно напоминает нем. жаргонное «der Lude», мн. ч. «Luden», т. е. сволочь, поганый человек (от «Luder», падаль). Я долго искал структурный эквивалент, но нашел только приближение люден = Ment. Тогда получится: «Горбовский: Простите, вы сказали „Menten“ („люденов“)? Логовенко: [...] Во первых, это перекликается со словом „Menshen“ („люди“), во-вторых, одним из первых Menten (люденов) был Павел Ментов, это наш Адам. Кроме того,

существует латинское „mens“, „mental“... Комов: „Дух“, „умственно“... Лог.: Да. Действующий через ум духом. И потом есть еще имя „Ментор“, тоже со своим значением. Но это уже менее соответствует... Так вот, Максим [...]» Заменение ассоциации с «человеком играющим» ассоциацией с латинским словом «mens» (дух, ум), которое в немецком языке встречается именно как латинизм, и его производным прилагательным «mental», которое намного чаще употребляется, привычнее звучит, мне кажется удачным; заменение же анаграммы «не-люд» упоминанием Ментора меня не совсем удовлетворяет, и еще там пришлось более изменить текст. Но я думаю, при всех других возможных конструкциях потерялось бы еще больше, и звучали бы они намного менее естественными (как и само русское слово в немецком тексте).

3; 45 ср; середина: мизит? мизитом? Какие языковые корни в этом слове? Что оно значит точно?

3; 46 л; середина: «И тех, кто меня уничтожит...» — цитата откуда? (Что-то звучит, как Брюсов...)

3; 47 ср; вверху: «ухмыляясь, приближаются с ножами» — цитата ли это? Откуда?

3; 48 л; док. 13: людены играют — вследствие

трансформации люденов в «ментен» (менты) это потеряло смысл, да и то это единственное упоминание в тексте, что людены именно играют. Что делать с этим словом?

3; 48 п; середина: Человечность — имеется ли тут в виду свойство (но как оно может быть несчастным?) или Человечество?

Там же: «Волны гасят ветер» — реальна ли эта цитата? Откуда она? В каком там стоит контексте? Как звучит продолжение, которое упоминается? Есть ли связь с цитатой «из Верблибена» (6; 48 п)? Все это и важно для перевода названия повести — слово «гасить» можно передавать разными немецкими эквивалентами, у которых разные оттенки значения.

Вот и мои вопросы. Весной я буду сдавать перевод; книга должна выходить в 88-м году. Переводом интересуется и изд-во «Суркамп» в ФРГ (это то же самое изд-во, которое выпускает альманах «Полярис», десятый том которого Вы, вероятно, знаете — он целиком посвящен фантастике Стругацких).

«Хромую судьбу» я еще не читал (нет у меня «Невы»), но услышал, что в «Неве» вещь почти наполовину сократили, т. е. вынули «внутреннюю» повесть. Правда ли это? Если да, можно ли через

ВААП получить полный вариант рукописи?

Изд-во «Фольк унд Вельт» полтора года назад хотело переводить и издавать в ГДР (в одном томе) «Понедельник» и «Сказку», а ВААП им не дало права на публикацию «Сказки» (и текста тоже не дало), вследствие чего изд-во отказалось и от «Понедельника». Это странно, что ВААП не разрешило публикацию в ГДР «Сказки», ведь в Чехословакии, насколько мне известно, «Сказка» перевелась и то ли повесть недавно вышла, то ли готовится к выпуску. Я рекомендовал коллегам в «Фольк унд Вельт» (т. е. госпоже Менке, которую Вы, может быть, знаете) пока ждать выхода «Сказки» в Праге и потом опять обратиться в ВААП. Но это было в 85 г., а с тех пор, может быть, и в ВААПе кое-что изменилось, и они вдруг теперь вообще менее бюрократичны? Вот мое изд-во примерно два года назад тоже обратилось в ВААП с просьбой послать нам (для ознакомления) рукопись «Лебедей» и полный текст «Улитки», а они там на одну просьбу (не помню уже, на какую) вообще не реагировали, а насчет другого произведения писали, что авторы переделают теперь его и что нас просят ждать этого нового варианта. Это вообще у них такой стандартный ответ был. А если теперь что-то будет в «Даугаве», то что именно

и под каким названием? (Я-то и «Лебедей», и «Сказку», и другую составную «Улитки» знаю, но хотелось бы иметь, так сказать, официальный вариант текста.)

«Пять ложек эликсира» теперь переводится тоже в изд-ве «Фольк унд Вельт», причем они уже продали перевод федерально-германскому изд-ву «Хохенхайм», где он может вообще выходить раньше, чем в ГДР, раз они там печатают быстрее. (Т. е. печатают они, разумеется, так же быстро, как и у нас, только у них рукопись вряд ли будет лежать полгода в типографии и ждать свою очередь.)

А предвидится ли опубликование какого-нибудь совсем нового Вашего произведения? Я бы и не спрашивал, не будь у меня впечатления, что в последние годы Вы с Аркадием стали немного охотнее, чем в 70-е годы, говорить о Ваших планах и проектах.

И даже если говорить о конкретном произведении еще рано, меня бы интересовало, собираетесь ли Вы дополнить, достраивать новыми текстами Мир Полдня? Первое мое впечатление после чтения «Волн» было, что дальше в будущее Вы этот свой мир вряд ли будете прослеживать, во всяком случае, это значительно бы изменило

впечатление, которое у меня осталось от «Волн». Но теперь я уже не так уверен в правильности своего впечатления (кроме того, всегда есть еще места и время в этом мире до «Большого Откровения», где могут произойти другие, но столь же значительные истории). Вообще у «Волн» то же свойство, как и у «Жука» — сперва текст кажется как-то неполным, в последних главах недоделанным; действие и сюжет преобладают в начале и середине повести, а в конце, после раскрытия «основной загадки», в очень густом (и более абстрактном) потоке следуют проистекающие из нового (т. е. только что понятого) положения идеи, проблемы, конфликты, аспекты — как правило, в дискурсивном виде, и многое только намеками. Вследствие этого текст продолжает развиваться уже в голове читателя, и тот — если проблематика его затронула — будет видеть в повести мысли и образы, которых там просто нет — но есть в повести (и именно в конце) некий механизм, генерирующий эти мысли и образы или инициирующий этот процесс. То есть уже читатель сам додумает (порою — в путаном, эмоциональном, подсловесном виде) повесть, причем его толкования и дополнения для него будут неотрывны, иногда даже неотличимы от того,

что он на самом деле, черным на белом, читал.

А теперь (раз страница кончится) буду обрывать мои интерпретации и ждать Вашего ответа.

С сердечным приветом

Ваш

[подпись Э. Симона]

<...>

9 января АНу пишет Владимир Савченко.

Из архива. Письмо АНу от В. Савченко

Аркадий-джан!

«Рад. пыс.» задерживал выплату тебе за отзыв из-за того, что не было рукописи. Я им дал вторые экземпляры, так что на днях они выплатят и переведут. А та, что у тебя, пусть лежит до тепла, до весны — буду в Москве, заберу.

Почему ты не назвал свои три странички «рецензией»? Теперь эти жлобы придираются к слову «отзыв» и стремятся дать на рецензию здесь.

Кстати, если у тебя осталась копия, пришли, пожалуйста. Я отзыв твой не видел, узнал, что он есть, только позвонив тебе, и не знаю, у кого он сейчас.

Жаль, что ты не получил моего письма — содер-

жательное было. Я отправил его в начале ноября — может, залежалось где-то у тебя? Там я сообщал, в частности, что оформил по «Штормовому предупреждению» две заявки в Госкомизобретений — на открытие физических явлений «Нарастание радиоактивного распада (нарастание дестабилизации нуклидов)» и «Порывистость радиоактивного распада». И ты знаешь: поманежили-поманежили (ну, еще бы — писатель претендует на открытия в ядерной физике!..), но приняли к рассмотрению. По их статистике такое случается с одной заявкой из десяти. (Правда, и признают открытие в одной из десяти рассматриваемых.) Я-то уже уверен, что так все и есть, материалу доказательного набралось во много раз больше, чем в том «Шторме», — но интересно, что скажет Академия наук.

Есть ли какие-то «перестройки» по фантастике в Москве? Не от хорошей ведь жизни в «Рад. пыс.» и прочее здешнее приходится давать.

В Киеве тоже собачий холод, даже не помню такого за 30 лет.

Будь здоров, обнимаю.

Если раскачаешься на ответ во второй половине января, то лучше на Полтаву (314000, Полтава, Ленина <...>), я буду там.

[Подпись Савченко]

14 января АБС подписывают договор с ленинградским отделением «Советского писателя» на издание авторского сборника «Волны гасят ветер», после чего работают над редактированием чистовика ГО.

Рабочий дневник АБС

16.01.87

Репино. Съехались работать над ГО.

17.01.87

Сделали 10 стр. (12) 10
Вечером сделали 4 стр. (17) 14

18.01.87

Сделали 10 стр. (28) 24
Вечером сделали 5 стр. (34) 29

19.01.87

Сделали 10 стр. (46) 39
Вечером сделали 4 стр. (51) 43
Принято решение не перепечатывать, а просто

редактировать.

20.01.87

Сделали 34 стр. 77
Вечером сделали 30 стр. 107

21.01.87

Сделали 54 стр. 161
Вечером сделали 20 стр. 181

22.01.87

Сделали 58 стр. 239
Вечером сделали 37 стр. 276

23.01.87

Писали письмо в Госкомиздат, копия в Детгиз — «подписывать договор на наш том в таком виде не будем».

Проект письма Воронову с просьбой помочь выпустить «Избранное».

24.01.87

Думаем над игрой «Сталкер».

Был Сокуров по поводу ДЗ-С.

По-прежнему публикуются «семинаристы» БНа. К сожалению, вступительное слово наставника к первой публикации бывает и печальным.

БНС. [Предисловие к повести В. Жилина «День свершений»]

Повесть «День свершений» — первая крупная публикация Виктора Жилина и, по всей видимости, последняя. Следующую свою повесть он закончить не успел. Торопился, зная, что его ожидает, работал жадно, много — и не успел.

Всегда горько, если из жизни уходит молодой, полный оптимизма, душевных сил сорокалетний человек. Много горше, если это человек талантливый. Виктор Жилин был талантлив. Он был талантлив по восходящей, он последовательно набирал и уже набрал силу. Он был на взлете.

Он преданно любил фантастику, знал обо всем и всё в этом прекрасном и увлекательном мире будущего, прошлого, настоящего. Он не был гостем, заглянувшим на минуточку в этот мир. Он был своим.

Его любили, к нему тянулись. Он умел так искренне радоваться успехам других. Его люби-

ли друзья, его любили все, с кем ему довелось общаться по службе, и те коллеги-фантасты, с которыми он сошелся на Всесоюзном семинаре в Малеевке, а потом вел оживленную, увлеченную переписку — Москва, Волгоград, Душанбе, Ростов, Саратов... Его любили коллеги-фантасты по ленинградскому семинару, старостой которого он был. Его любили.

До последнего дня многие его друзья не знали, что это его последние дни. До последнего дня он работал, работал, работал, работал.

Он ушел молодым. Он оставил после себя любящих и помнящих, и фантастику, которой отдал лучшее в себе, и эту повесть, которая оказалась последней.

Из архива. Письмо АНу от В. Савченко

Душа моя Аркадий!

Вернувшись из Полтавы, нашел в п/я твое письмо. Отзыв хороший и по существу, какого черта им еще надо! Благодарю. Вчера на одном рауте памяти Пушкина встретил Стеблину, он заверил, что тебе уже выплатили. (Кстати, «уважаемая товарищ Стеблина», к которой ты обращался с таким мужским шармом, носит имя Николай Федотович. Это красивый хорошо сложенный самец

средних лет. И зам. Предсовмина СССР Щербина, прославившийся в Чернобыле, тоже не дама. И даже поэт Тычина был мужчина — рифма не хуже, чем у него.)

То, что меня не включили в Совет, мне — честно! — так же безразлично, как и то, что в Спилке меня в такую комиссию включили: ни разу еще не был и не планирую. Главная вонючка там у вас, конечно, <...>, это его работа. Вон и вас с Борисом на съезде не было, а он едва ли не в правление вошел. Что за чертовня!

Только не расходуй ты на них свои вставные клыки, Аркадий, не стоит. Думать надо о другом: *о кооперативном издательстве фантастики*. Послабляют и способствуют индивидуальному и мелкокооперативному труду в области быта, хозяйства, питания — дойдет дело и до области пищи духовной. Ясно же, что в нынешних застывших формах литература (и не только) из дерьма не вылезет.

Вон я перечитываю сейчас последний томик Есенина. Оказывается, у них, имажинистов, было не только свое издательство (с казенной, правда, типографией, кою то давали, то нет), но и кооперативное кафе «Стойло Пегаса». Все это несмотря на то, что их очень не любил и не уважал нарком

Луначарский.

В орг. рамках официальной литературы, соцреализма, мы всегда были и всегда будем, с одной стороны, чужеродным телом, а с другой — из-за популярности — опасным конкурентом. Чего ж от них ждать?

Вот и надо обдумывать и готовить эту идею, подбирать ребят. Но... но! — с большим разбором. Среди нынешних молодых фантастов, я это вижу и в Киеве, хватает таких, что ради успеха и денег легко зажарят собственную бабушку.

Что же до моих «штормовых» заявок, то у меня и у самого от них сейчас душа зябнет. Сначала-то был запал: Чернобыль, что они, суки, из себя корчат, вставить фитиль нашим славным физикам, т. п. — а теперь, если бы их раздолбали вчистую, сам бы обрел покой. Боюсь, однако, что это не произойдет, к идее незыблемого постоянства распада вернуться уже не удастся. Но, знаешь, в этом есть и оптимистический момент: в умах укрепится не только, что все нуклиды могут стать нестабильными, но и альтернативное — что все они могут стать стабильными. И интересно поискать: как?

Ну, «виврон — веррон».

Придавая значение этому письму, пошлю-ка я его тебе заказным.

15-го, в воскресенье, выпей за мое здоровье: мне 54.

Обнимаю, привет Маше.

[Подпись Савченко]

Во второй половине февраля АБС вновь работают вместе.

Рабочий дневник АБС

[Записи между встречами]

Для ЖвМ-С: парад старинных машин (новейшие кадиллаки и мерседесы, добрые улыбки прохожих).

Надо: лист с автографами разных размеров.

Гурьянов напрашивается в соавторы ХВВ-С. Будем заниматься или продадим право экранизации.

15.02.87

Прибыли в Комарово работать над ОЗ.

Иуда все эти 2 тыс<ячи> лет занимается самооправданием. «Если бы не я, вообще бы не было христианства; и вообще Иисус сам попросил, чтобы я его предал».

[Записи на отдельных листах]

От Матфея

Вечеря. Едят пасху. Он говорит: «Опустивший со Мною руку в блюдо, этот предаст Меня». Все спрашивают: неужто я? И Иуда спрашивает. И он говорит ему: «Ты сказал».

Гефсимания. Он молится: да минует меня чаша сия. Ученики спят.

Потом приходит Иуда с толпой. «Радуйся, Равви!» — и поцеловал Его. (Это был условный знак.) Он спросил: «Друг, для чего ты пришел?»

Один из апостолов отрубает ухо рабу.

Когда Его повели к Пилату, Иуда раскаялся и возвратил 30 сребреников первосвященникам и старейшинам: «Согрешил я, предав Кровь невинную». Они: «Что нам до того? Смотри сам!» Он бросил сребреники в храме, вышел и удавился.

От Марка

(При вечере все то же, но без эпизода с Иудой.)

(арест — то же, но Иуда, целуя, говорит: «Равви! Равви!»)

(ухо)

(Судьбы Иуды — нет)

От Луки

(На вечере: «и вот рука предающего Меня со Мною за столом». И они начали спрашивать друг друга, который это сделает.)

(Иуда целует. Он говорит: «Иуда! целованием ли предаешь Сына Человеческого?»

Апостолы стали спрашивать: «Господи! не ударить ли нам мечом?» Ухо)

(О судьбе Иуды — ни слова)

От Иоанна

(На вечере — «один из учеников Его, которого любил Иисус, возлежал на груди Иисуса»)

«Ядущий со мною хлеб поднял на меня пяту свою». «Истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст меня».

Все изумленно озираются и спрашивают у «возлежащего» — о ком это Он?

«Тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам». И подал Иуде. И после этого вошел в Иуду сатана, и Иисус сказал ему: «Что делаешь, делай скорее». Никто не понял, о чем речь, а Он послал Иуду за покупками, и тот ушел в ночь.

(Сцена ареста: никакого поцелуя нет. Ухо (правое) отрубает Петр — рабу по имени Малх)

О судьбе Иуды — ничего.

[Конец записей на отдельных листах]

16.02.87

1). Сцена в прихожей.
2). Бартольд.
3). Исповедь Агасфера-Раххаля.
Муджжа ибн-Мурара
Раххаль = Нахар ибн-Унфува
Раххаль («бродяга», «шлющийся33 человек», «странник»)
Саджах из Джезиры
Демон — Абу-Сумама
[Рисунок — схема коридора квартиры во время появления Муджжи ибн-Мурары. См. вклейку в НС-8.]

— Пусти меня к Рахману.
— Ты не нужен Рахману.
— Я нужен Рахману. Я залью кровью Египет во имя его.
— Это сделал Амр ибн-ал-Ас, нисколько не хуже тебя.
— Амр жалкий пес. Сестра его наложница Омара, сам же он ничто.
— А у тебя и сестры нет, не говоря уже о бра-

тьях.

— Пусть Рахман оставит меня здесь. Меня убьют там.

— Ты то-то и то-то... На что ты можешь надеяться? Иди и верши свою судьбу...

— Я узнал тебя... По отрубленному уху. Не прикасайся ко мне, а то я отрублю тебе другое.

— Ты не в Йемаме. Здесь ты никому ничего не отрубишь. Смотри, как бы тебе не отрубили... Уходи сам или я прикажу своим ифритам...

Оскорбления:

1. Ты предал Мухаммеда и перешел к Мусейлиме.

(«Я помню, ты почтительно звал его Масламой».)

2. Ты предал Мусейлиму, бросил войско у Акрабы.

(«Это было так давно...»)

3. Ты предал ради бабы... Бежал к ней по первому ее зову. Северная шлюха, которую ты подложил под Мусейлиму, чтоб получить его душу. И остался и без души, и без бабы.

(Агасфер становится серым: «Перед смертью люди говорят то, что думают. В данном случае ты ошибаешься. Этого не было».)

4. «Записку, кот<орую> ты получил, она писала,

сидя на суку моего человека...»

(«Ты позволил себе недозволенное. Ты должен быть строго наказан».)

17.02.87

Сделали 4 стр. (85)

Вечером сделали 2 стр. (87)

18.02.87

Сделали 2 стр. (89)

Пришла корресп<ондентка> из «Огонька», отняла 2 часа.

Вечером сделали 2 стр. (91)

19.02.87

Сделали 3 стр. (94)

Вечером сделали 2 стр. (96)

20.02.87

Сделали 1 стр. (97)

И прервались на 98 стр.

21.02.87

«40 лет спустя»: Учитель, проповедующий права людей, живущих в свое удовольствие и никому не мешающих. Общество его ненавидит. Уходят ученики, грозят родители, директор, РОНО, Академия педнаук. Мир 20.. года.

«Остров перевоспитания» — гений, создавший теорию и практику воспитания человека, попавший на остров для особо опасных преступников.

В городе — травля «иждивенцев» («неедяк»). Семьи иждивенцев, кот<орые> не работают, а только воспитывают детей.

Переходный период к состоянию, когда матобеспечением общества занимается едва 10 % его членов.

Учитель — новый Христос с новой моралью.

Суть жизни — быть счастливым, жизнь должна быть полна.

Заполнители жизни зависят от генотипа и воспитания.

1). Наполнитель — труд сам по себе: удовлетворение таланта.

2). Наполнитель — материал<ьные> блага — тогда изволь работать в поте лица.

3). Желающие матблаг и не желающие работать

— преступники.

4). Не нужны матблага и нет талантов к производит<ельному> труду — созерцатели природы, потребители духблаг, воспитатели своих детей.

5). Квазитворцы — графоманы, изобретатели вечных двигателей, делатели ужасных игрушек и т. д.

Составить таблицы:

a). + и — нововведений.

b). Общественные силы — тайные и явные.

22.02.87

Придумывали игру «Сталкер»!

Сломали машинку!

Перерыв!!!

23 февраля киностудия «Ленфильм» информирует Авторов.

Из архива. Письмо к АБС из Ленфильма

Уважаемые Аркадий Натанович и Борис Натанович!

22.08.86 студия заключила с Вами договор на написание сценария «Парадиз-99». Сценарий «Туча», представленный 23 января с. г., обсужден

в 1-м творческом объединении и не принят. К сожалению, сценарий неясен по мысли, перенасыщен диалогом, не вполне убедительной представляется драматургическая организация материала, схематичными выглядят персонажи. Возможно, причина в том, что необходимо было включить в сценарий идеи режиссера К. Лопушанского, отсюда и Ваша творческая несвобода.

Учитывая отсутствие совместной программы переработки сценария и не имея ясной производственной перспективы, мы с Вами лишены возможности плодотворно продолжить работу. Исходя из этих обстоятельств и на основании п. 10 типового сценарного договора студия расторгает договор на сценарий «Парадиз-99», сохранив за Вами полученный аванс.

С уважением

Директор киностудии «Ленфильм» Ю. Хохлов.

27 февраля «Книжное обозрение» публикует интервью с АНом. Интервью выходит в рубрике «Интервью по просьбе читателей».

Из: АНС: «Думать — не развлечение, а обязанность...»

<...>

— Как вы относитесь к фантастике развлекательной, приключенческой?

— Мне претит пуританство некоторых наших критиков: развлекательность — смертный грех. Я считаю, что читателю должно быть интересно читать, — и это может вовсе не противоречить идейному содержанию произведения. Более того, острый сюжет способствует лучшему усвоению идеи — ведь психология, мышление многих, особенно молодых людей, таковы, что даже самые глубокие мысли они воспринимают через сюжетную динамику.

<...>

— Говорят, что большая часть читателей фантастики — молодежь. Считаете ли вы, что ваши произведения адресованы какой-либо определенной аудитории? Каким вам представляется ваш читатель?

— Едва ли аудитория, в которой наши книги находят отклик, определяется возрастом читателя. Скорее — определенным типом мышления, литературного вкуса. Больше всего нам импонирует читатель, который любит сюжетную литературу, наводящую на размышления, — и мы рассчитываем прежде всего на людей, для которых, как сказал один наш герой, «думать

— не развлечение, а обязанность».

Свою задачу мы видим в том, чтобы поставить определенную проблему и передать читателю свои мысли и чувства по поводу нее. А дальше надеемся на восприятие читателя. Конечно же, мы хотим вызвать у него сопереживание, а оно невозможно без работы воображения. И чем активнее работает воображение читателя, тем, я считаю, мы успешнее выполняем свою задачу.

— *Будете ли вы продолжать разрабатывать проблему, поставленную в «Жуке в муравейнике» и в повести «Волны гасят ветер», — взаимозависимость человечества и человека?*

— «Жук в муравейнике» и «Волны гасят ветер» — вещи разные по тематике. Если в «Жуке...» мы говорим об ответственности перед обществом (бремя ответственности ложится на Сикорски), то «Волны...» написаны о другом. Содержание повести выражено в заглавии повести: какие бы волны ни колебали человечество, эти же волны все равно погасят ветер, который их вызывает. Человечество уничтожить невозможно.

— *Ваши Странники... Кто они?*

— Странники — это всего лишь символ, символ всего непознанного для человечества, неизбывная надежда и неизбывная угроза. Никто не знает,

какие они. К этому образу мы больше обращаться не будем.

— Некоторым любителям фантастики показалось, что Стругацкие в последних вещах «Волны гасят ветер» и «Хромая судьба» — «какие-то не те...»

— Да, эти вещи написаны в иной манере, нежели ранние произведения. Здесь мы пробовали новую стилистику. Ведь каждая вещь должна быть экспериментом, поиском нового.

<...>

— Думаете ли вы об экранизации трилогии «Обитаемый остров», «Жук в муравейнике» и «Волны гасят ветер»?

— Из трилогии можно было бы сделать многосерийный телефильм, мы уже дали заявку в соответствующие инстанции. Возможно, за это возьмется отличный наш режиссер Владимир Грамматиков. Несколько лет назад режиссер из ФРГ Петер Фляйшман, владелец кинофирмы «Аллилуйя», обратился в Госкино с предложением поставить «Трудно быть богом». Сценарий готов, вероятно, получится остросюжетный боевик... Посмотрим.

<...>

В начале марта АН участвует в пленуме Со-

вета НФП.

Из: Меридианы фантастики / Вып. 32

<...>

2–3 марта 1987 г. состоялся пленум Совета по приключенческой и научно-фантастической литературе Союза писателей СССР на тему «Роль приключенческой и научно-фантастической литературы в борьбе против реакционной пропаганды». Заседание открыл секретарь Союза писателей СССР Ю. Н. Верченко. В прениях выступили: Е. И. Парнов, С. А. Снегов, А. П. Казанцев, А. И. Шалимов, А. Н. Стругацкий, А. П. Кулешов, К. А. Симонян, Х. Диванкулиев, Д. А. Биленкин, В. К. Пеунов, Г. И. Гуревич, О. Н. Ларионова, А. Я. Громов, Е. Л. Войскунский, С. Шермухамедов, Т. К. Гладков, В. Т. Бабенко, В. А. Ревич, И. М. Росоховатский, В. Л. Гопман, А. В. Кацура.

Выступления упомянутых ораторов были посвящены анализу состояния научной фантастики в стране. Пленум выдвинул более двух десятков предложений, направленных на расширение и улучшение издания научно-фантастической, приключенческой и детективной литературы. Было избрано Бюро Совета в составе: А. П. Кулешов (председатель), Е. И. Парнов (председатель),

Н. М. Беркова (зам. председателя), Г. А. Анджапаридзе, В. Т. Бабенко, А. А. Безуглов, Д. А. Биленкин, Т. К. Гладков, Л. Т. Исарова, В. Д. Михайлов, А. Н. Стругацкий, А. И. Шалимов, П. А. Шестаков.

<...>

11 марта об этом пленуме писала «Литературная газета», приводя отрывки из выступлений, в том числе — АНа.

Из: Тосунян И. Разговор по существу

<...>

А. Стругацкий: Много талантливых, активных молодых писателей-фантастов у нас не состоят членами Союза писателей. В этом, конечно, вина совета, но теперь оказывается — и беда самого жанра: крайне мал приток новых сил.

<...>

В выступлениях А. Стругацкого, Е. Войскунского, О. Ларионовой (Ленинград), В. Ревича, И. Росоховатского (Киев), А. Шалимова (Ленинград), С. Шермухамедова (Ташкент) и других прозвучала острая критика в адрес Госкомиздата СССР. Так, к примеру, речь шла о неудовлетворительном или, более того, некомпетентном рецензировании рукописей, об отношении к

научно-фантастическим и приключенческим произведениям как к литературе второго сорта. Назрела насущная необходимость, отмечали писатели, в специализированном журнале (Советский Союз является единственной развитой страной, в которой нет такого журнала). <...>

После пленума АН уезжает в Репино — там АБС снова работают.

Рабочий дневник АБС

[записи между встречами]

— Единство! Вы против единства?

— Нам не единство сейчас нужно. Единство хорошо, когда «либо-либо». А нам нужна терпимость, терпение. А единство — это ненормальное, экстремальное состояние чел<овечес>кого общества.

Бытовой дурак.

Милиционер, пришедший разбирать жалобу, снимает в прихожей сапоги и идет в галифе со штрипками.

13.03.87

Прибыли в Репино.
Думаем над сценарием ЖвМ.

14.03.87

Решили переложить ЖвМ-С на режиссера.
У Б. болит зуб, к работе почти не способен.

Действие происходит в райцентре Степное.

Рукопись ОЗ попадает автору от его Учителя, найдена при сносе древней гостиницы при обсерватории. Рукопись обрывается на эпизоде, как Агасфер Лукич однажды приводит человека, очень напоминающего по описанию Учителя, и представляет его Манохину: — Это, Сережа, познакомьтесь, наш новый друг Вален... На этом рукопись обрывается.

В конце 40ЛС Учитель при ученике-антииуде встречается с Агасфером Лукичом.

Именно поэтому Ученик целиком включает ОЗ в свой рассказ «40ЛС».

(В ОЗ не забыть: сцена разговора Манохина с Ужасным Иисусом. «Ты готовишь страшную кознь и казнь человечеству. Зачем это тебе?»

— «Мне все равно. Возьми на себя. Один эксперимент над миллиардами или миллиарды экспериментов над одним...»)

Ужасный Иешуа понял, что его эстафетная палочка попала новому Иисусу, и можно отложить Страшный суд еще на 2 тысячи лет.

15.03.87

В ОЗ. 1) Диалог (стенограмма) Демиург — проектант лишения человечества страха. Только диалог. В конце — описание этого человека и имя. Всё.

Общая идея: все апостолы-соискатели предлагают улучшать человечество путем ампутаций — либо части самого человечества, либо присущих ему страстей.

2) Демиург ищет точку, силу, рычаг, с помощью коего можно изменить путь человечества, стремительно катящегося к гибели. Уже было в 33-м году, казалось — новые цели, новые надежды, но строптивое человечество перемололо учение Христа и к концу 20-го века повисло над пропастью. В 2033 году появился новый Христос, Великий терапевт, кот<орый> тоже дал начало спасительной тенденции. Где-то в глубинах будущего человечество перемололо и это и к концу

4-го тысячелетия вновь оказалось над пропастью. А в 4033 появился новый Христос (?), кот<орый> указал новый путь... и т. д.

В параллель Иоанну Предтече — Карл Предтеча (Маркс). (Правильный прогноз может быть основан только на абсолютно неверных предпосылках.)

Обвинения: деятельность, несовместимая с высоким званием народного Учителя; проповедь ложных утверждений, противоречащих высоким идеалам социализма; проповедь мира между трудом и тунеядством; претензия на роль некоего гуру, проповедующего новую религию, проповедь взглядов, идейно разоружающих строителей коммунизма.

Наиболее мощные силы против Учителя: ветераны (труда и армии), наробраз, комсомол, университет, рабочие, а также напуганные размахом событий сами «неедяки».

Московскому эмиссару, секретарю горкома и кому-то еще все это страшно не нравится, но они уступают напору гласности.

Приговор:

1) запрещена преподавательская деятельность,

2) выдворение на пенсию,

3) административная высылка.

Такой вой, что про Флору забыли. М<ожет> б<ыть,> Г. А. и хотел их отвлечь на себя. Ан нет.

Ц<ентральный> О<рган> отметил: «Запущена третья очередь комбината по высококачественным брынзам».

[Записи на отдельных листах]

На протяжении текста 40ЛС, начиная с определенного момента, на заднем плане должен 3–4 раза промелькнуть Агасфер Лукич. В полный рост он возникает в последнем эпизоде.

Аналог Каифы — заведующий гороно.

Понтий Пилат — уполномоченный ЦК КПСС.

Сторонники Учителя из университета с факультета социологии и прогностики.

Эпизод: менестрель-неедяк, поет только под открытым небом, категорически отказывается петь «перед трубками» на студиях.

Очень известен, весь город сбегается на загородный стадион, где он выступает — с шапкой по кругу (вернее, шапка лежит у его ног).

Неедяки: люди с очень малыми потребностями.

1) Семейные неедяки — очень благородные, любят детей и отдают все свое время им, не доверяют воспитание ни детским садам, ни школам,

ни пионерам, ни комсомолу. Главное воспитание детей — дошкольное.

2) Их антиподы — подростки, ничего не хотят делать, ни учиться, ни работать. Балдеж, тусовки, секс. Лень.

Но это не организация, это «рыбак рыбака».

3) Неедяки-художники, большей частью графоманы, работа для себя: живопись, скульптура, шитье и т. д. Гл<авным> обр<азом> непризнанные.

4) Бродяги по убеждению. Талант к бродяжничеству.

5) Доморощенные философы, «натуралисты» (любовь к природе и ненависть к цивилизации).

Наркомания, проституция, алкоголизм.

Учитель: Григорий Александрович Носов.

Представитель 1-го поколения учителей, обучающих учителей, человек фантастический.

Преподаватель одного из классов учительского колледжа, созданного 20 лет назад, был там даже и завучем. М<ожет> б<ыть,> он и сейчас директор.

Называют учеников коллегами, а учебное заведение — лицей. Лицеисты, а преподаватели обращаются — коллеги, и между собой тоже.

Отбирают из пятых классов педагогических школ. Через наблюдение, тестирование, практику в детсадах.

Школы:

с педагогическим уклоном,

с математическим,

с естественнонаучным,

с медицинским,

с гуманитарным,

с технологическим уклоном.

Педология: забота о психич<еском> и физич<еском> воспитании детей. Воспитание высококачественного гражданина стоит дорого!

Корчак: человечность против рационализма.

Антииуда, верный ученик Носова: Лева Мытарин.

Лицей отворачивается от Носова. Это последний удар. Но осталось с Носовым несколько ребят, один из них Мытарин. Что дороже: человечность или принципы человечности? Эта группка «апостолов» плюет на принципы, им не важно, прав Носов или нет, они остаются при нем из любви к нему.

Я поинтересовался: действительно, «звездные кладбища» существуют, были открыты именно Манохиным и получили название от его имени.

А сам Манохин исчез, видимо, разочаровался и ушел из астрономии.

Дать специалистам почитать про апокалипсис и о Мусейлиме.

Половина лицеистов — на двухгодичных курсах подготовки учителей из взрослых: бывш<их> командиров армии и флота, политработников, мастеров производства, космонавтов и т. д., выказавших способности к воспитанию.

16.03.87

Флора (система) — фауна (трудовики).

Крайнее крыло флоры — фанатики («блаумы») — полное пренебрежение физическим кайфом, бездумье сладостное, отключение от комфорта полное, могут замерзнуть в поле зимой, их с проклятьями вытаскивают; кочуют по стране, питаются сырыми овощами и фруктами.

Флора — по возрасту от 12–13 по 20 лет. Это 90 %. После 20 лет часть становится профессиональными бродягами, гибнет от наркотиков, основная масса возвращается в сферу производства — постоянного или по найму. Остальные 10 % — аристократы флоры, их цимес — воспитание детей, они не собираются видеть в труде дело

доблести и геройства. Это оседлые, зарабатывают от случая к случаю, потребности мизерные.

Наличие флоры — результат того, что систематическая теория и практика педагогики не создана (еще), и есть мнение, что она и не будет создана. Лозунг, что не должно быть лишних людей, в условиях изобилия жратвы не работает пока, КПД — очень мал.

Пока еще цветочки — нужны массы неквалифицированного труда и сферы примитивного обслуживания. А что будет лет через 50, когда разовьется бытовая кибернетика.

Переходный период! Социолог говорит: сейчас мы еще имеем моральное право стукнуть на блаума кулаком: нужны рабочие, а ты филонишь! А через 50 лет? Блаум скажет: ладно, хрен с вами, давайте работу. А какую работу мы сможем ему предоставить?

Гор<од> Ташлинск.

Региональный университет: Степной университет, возникший на базе Степной обсерватории — физмат, геологический, сельскохозяйственный, астрономия, геодезия, геология, педагогический факультет. 2 тыс. студентов, 200 преподавателей. Обучение платное на физмате и геологич<еском>. Платное лично. На педагогич<еском> и сель-

скохоз<яйственном> — за счет агропрома и агропоселков.

Заводы: мясокомбинат и молочный комбинат, 3 пекарни. Два театра, два концертных зала, видеотеатры (они же закусочные-интимы) — десятки.

Кооперативные: кафе и т. д.

Газеты:

Ташлинская Правда (партийная),

Городские известия (советская),

Университетский вестник (университетско-учительская),

Ташлинский Агрохозяин (промышленных рабочих и сельских),

Кооператор (кооперативная),

Молодежные новости (молодежная, ЛКСМ)

и т. д.

Население Ташлинска — ок<оло> 50 тыс.

Мощная автострада — от Курска на Актюбинск. Железная дорога.

Аэробусный аэродром.

Клубы по интересам: КЛФ, книголюбов, десяток клубов компьютерных игр, филателистов, два женских клуба, три мужских клуба, клуб пенсионеров.

Городской телерадиоцентр.

Показать атмосферу неприязни к пьяному человеку. Не будет сочувствия, напр<имер>, в транспорте, а высадят со злостью.

Коньяк, шампанское, вино — в свободной продаже, но берут мало.

Типичная сценка в автобусе: вошел слегка поддатый, не рассчитавший сил, забился в уголок. Но некий пенсионер учуял и принялся распекать, и недоброжелательный нейтралитет в автобусе к выпившему, и выпивший удирает на первой же остановке.

Особый вид флоры: талантливый потребитель духовных благ: читатель, слушатель, зритель, вообще ценитель. Работать, создавать не годен. Но он нужен творцам больше, чем кто-либо другой. Казалось бы, готовые критики. Но у них алексия, двух слов на бумаге связать не могут. Болтать — сколько угодно. Для творца это необходимый измерительный инструмент.

С точки зрения трудяги это типичный неедяк-паразит. Но это редкий талант, люди-резонаторы.

Флора — это люди, талант которых на данном уровне развития педагогики не обнаруживается.

Проявления преступности:

1) Производство наркотиков на вывоз в лабораториях Университета и молочного комбината.

2) Местное:

а) рэкет (по кооперативам),

б) кооператоры подкупают должностных лиц в исполкоме (напр<имер,> подряд на поставки стройматериалов),

в) частные налоги с кооператоров чиновникам,

г) мухлеж чиновников на границе между государств<енными> и кооперативными предприятиями,

д) хулиганство (немотивированное).

Туристы, ездящие за рубеж.

Отток молодежи в другие районы страны — гл<авным> обр<азом> на Север и Северо-Восток, где много платят. Миграционная проблема.

С другой стороны — приток денег от тех, кто возвращается. Возвращалось 30–40 % — и со строек, и из армии. А также с отпускниками. Отель «Отпускник».

Кредитные пластины! Все на сберкнижку, каждому выдается кредитная пластина.

Важнейший элемент воспитательской системы Носова — тыкать своих учеников (старших) в

самые грязные углы жизни. Он невероятно много знает о городе. И водит учеников за кулисы даже в самые острые моменты подпольной жизни этих кулис.

1) проститутки,

2) рэкетиры,

3) тусовки,

4) концерт великого фловера,

5) подпольная наркофабрика,

6) на свои споры и дискуссии со своими противниками,

7) подсаживает их в тюрьму,

8) школа дефективных детей,

9) в семьи, где ругаются из-за детей. Вообще в неблагополучные семьи.

Везде учит сочувствию к страданию: утихомиривать буйных хулиганов, перевязывать раны, утешать обиженных, стараться понять проституток и т. д.

Лев Матвеев сопровождает Носова, так как делает дипломное сочинение «Мой любимый учитель в истории».

Всегдашняя готовность переходить из одного состояния в другое. С веселой вечеринки вдруг берет ученика и отводит в тюрьму: посидеть два-три дня.

«Учитель не имеет покоя. Он как врач. Всегда должен быть готов на выезд, как милиция или скорая помощь».

У Носова неудачный сын. Или бешеный честолюбец, пропагандист и теоретик Флоры. Прирожденный оратор, а ораторы в это время не нужны. Где применить этот талант? Перед рабочими — плюнут. Перед студентами — засмеют. Нет знаний. Великолепный имитатор убежденности. В революцию он бы полки на смерть посылал. Великий Артист. Славолюб.

Когда терзают Носова — ставят ему в вину: 1) своего сына не сумел воспитать, какой же он воспитатель? 2) выгораживает флору из родственных побуждений.

Реакция Матвеева на расправу над Носовым. Он возмутился. Ему: «Вы разделяете взгляды Носова?» — «Конечно, нет». — «Так чего же вы залупаетесь?» — «Он лучший из людей. Даже его ошибки в сто раз грандиознее в позитивном значении своем, чем ваша казенная правда».

Он покинул Лицей. Вот почему его дипломное сочинение о Носове так и не было написано. А теперь, 50 лет спустя, он хочет восполнить этот пробел в своей жизни и выполнить свой долг.

17.03.87

Трагедия «Хиуса». Победная реляция о высадке. Он побледнел и сказал: «Они обречены».

Лева Матвеев. Уподобление себя Агасферу. Лежал на груди Учителя, чтобы закрыть от стрелы.

В Лицее с 7–8 класса начинается тщательное приобщение к внутренней политике.

Лицеи были тогда экспериментальными, не серийными учреждениями. Всего-то по стране их было не более полутора десятков, и ставили на них самых отчаянных, самых дерзких преподавателей.

Соответственно, и программы их были уникальны, в соответствии с воззрениями руководителей.

...внутренняя политика. Помнится, я тогда был еще в пятом классе, Носов поставил на обсуждение старших «Проект о...»

Старшие ни хрена в этом не понимали, но Носов разогнал их по предприятиям, учреждениям, семьям и заставил писать отчеты и мнения.

«Милость к падшим...»? Да нет, не то это. Он их падшими не считал, вот в чем дело. [Этот абзац сбоку обведен фигурной скобкой с надписью:

«оч<ень> важно».]

Вроде как бы пропагандировал равенство негров и белых. Но какое м<ожет> б<ыть> равенство между тунеядцем и трудовиком?

Наступило время, когда трудиться — право, а не обязанность.

Уполномоченный ЦК: Морий Сергеевич Филатов.

Уполномоченный ЦК Филатов остановился в «люксе» отеля «Отпускник». Администратор сообщил об этом соседним «люксам», кот<орые> занимали «северяне», и там воцарилась уважительная тишина.

На Северо-Востоке зона «Интернацио», «ураноникелевая республика» — кап<италистических> и соц<иалистических> стран. В «Отпускнике» живет уроженец Ташлинска, оператор легендарных «урановых машин». Гульба гульбой, а главное — непрестанные споры и ругань — и не по теме, а по социологии. Нужно — не нужно, кому выгодно, отток ребят из Ташлинска и т. д.

Потому и не остановился у родителей.

«Надо помнить, что произошло это всего через полтора десятка лет после 35-го съезда и постанов-

ления „О приоритетных министерствах“, когда были весело и бешено раздавлены разлагающиеся чудовища — медлительные, своекорыстные — Академия меднаук, Академия педнаук...»

Суеверий нет. Но!

Стаи ворон. Нашествие сусликов. Муравьи.

Никто не обращает внимания, а Носов озабочен.

Оружие у Флоры: едят ворон и сусликов.

Проблема оружия.

...прозвучали слова об академиках-холуях.

ГБ: известно, что Носов с учениками в прошлом году посетил хим<ическую> лабораторию Университета, где как раз была встреча изготовителей с транспортниками.

Носов: Было.

ГБ: Вы не донесли об этом. Почему?

Носов: Надо было показать будущим учителям, как это выглядит.

ГБ: Спасибо.

Носов: Я не утверждаю, что, нарушив закон, я поступил правильно, но...

ГБ: Позвольте справку. Тогда-то, два месяца спустя, группа учеников Носова взяла и доставила три эшелона транспортников...

Носов этих ребят не одобряет.

Огромная дифференциация закон — не закон. Промежутка почти нет.

— Комсомольская организация Лицея выражает вам недоверие, товарищ Носов.

— Нужен еще один вертолет, а вы покупаете дерьмовые плитки для облицовки!

— Дерьмовые? А вам хотелось бы, чтобы город был как сортир прошлого века?

— Товарищи. Напоминаю вам, что речь идет о делах государственной важности, а не о ссоре детской об игрушках. 50 лет прошло, а вы так ничему и не научились...

Отвратительно навязывание своего принципа другим. Человечность много больше принципов человечности. Поносив башмаки, ты скорее сожжешь их, чем отдашь флоре, которая ничего от тебя не требует: «Иди и сам заработай на эти башмаки!» Этим ты унижаешь не только флору, но и себя.

Учитель говорит на тему: как поступать с преступниками. Кого мы наказываем? Никогда закон не наказывает человека, кот<орый> совершает преступление. Тот, кого ставят к стенке, — это не тот, который совершил насилие. Либо уже не тот,

либо еще не тот.

Георгий Антонович Носов
Олег Матвеев
август 2033 года.
Определить фазы луны по числам августа.

Шествие детишек-младшеклассников по безопасной полосе с лозунгами «Тунеядцев вон из города!». Бешенство Носова.

Носов живет в 2-комнатной квартирке. Очень чистой. Каждый день начинает с того, что тщательно ее прибирает.

Известен случай, когда два лицеиста — парень и девушка 18 лет не имели где полежать, и он отдал им квартиру на месяц.

18.03.87

Эпизод: дискуссия между теоретиком «флоры» и Носовым. Теоретик (впоследствии оказывается, что это сын Носова) пропагандирует «флору» как *наивысшее* доступное человеку счастье. Носов упрекает теоретика: есть и другие состояния, не менее дающие счастье, и, отрицая это, он, теоретик, берет на душу большой грех. Олег Матвеев только потом с изумлением узнает, что теоретик — сын Носова.

В городе есть частник-сапожник, кот<орый> шьет для фловеров «шузы» (фирменные), на этом сколотил состояние.

«Флору» поддерживают те, кто на ней наживается: распространители наркотиков, самогонщики, сапожник, портной, интендант, торгующий списанными комбинезонами десантников. Это потом ставится в вину Носову.

Носова на дискуссии поддерживает зав<едующий> отделом культуры горисполкома, главарь тайной мафии. Носов решительно отмежевывается от него: «Я знаю, о чем вы сейчас думаете. Лучше не иметь никакой поддержки, нежели поддержку от вас...»

«Бытие определяет сознание. Но, к счастью, случается и так, что сознание опережает бытие, иначе мы бы до сих пор сидели в пещерах».

Георгий Антонович Носов. Род<ился в> 1980 году. Уроженец Ташлинска, из семьи ветеринара. Окончил городской педтехникум. В 2013 году в Ташлинске открылся Лицей.

16 лет (1996) — кончил десятилетку.

19 лет (1999) — кончил педтехникум.

24 года (2004) — после пятилетней работы в нач<альной> школе — поступил в Оренбургский педвуз по русскому языку и литературе.

30 лет (2010) — кончил институт (6 лет).

Еще в институте включается в движение за новую школу. Оренбургский институт — один из центров этого движения. Возвр<ащается> в Ташлинск преподавателем в новую школу, 3 года пробивает Лицей.

33 года (2013) — становится директором Лицея. И с тех пор директором школы, готовящей учителей.

Набираются особо одаренные в области педагогики дети. Отбираются особой системой тестирования и наблюдения в обычных школах с 5-го класса.

В Лицее учатся 6 лет — с 6-го по 12 класс.

В 6 классе — 100 чел. по 20 чел. в классе, до 12 класса доходят 20 чел. Один класс. Остальные — отсев.

Отсеянные за первые 4 года отлично изучены на предмет выяснения их талантов и идут с преимуществом в любой ВУЗ.

Остальные 5 и 6 классы — уже учительская элита.

В стране пока десять Лицеев, оттуда идут в спецпединститут, по окончании коего идут преподавателями новых Лицеев.

В Лицее 1 преподаватель на 10 учеников,

т<аким> о<бразом> там 30 преподавателей.

После окончания спецпедвуза ежегодно открываются три новых Лицея.

Вся новая система пребывает под непрерывным огнем Академии педнаук:

1) закрыть лицеи как элитную систему;

2) всемерно расширить систему лицеев, надо не 3, а 33 ежегодно.

Система лицеев подчинена некоему членкору, секретарю ЦК с аппаратом на правах госкомитета.

Каждый старшеклассник имеет в младших классах 2–3-х подопечных. Они непрерывно заняты. Свои уроки, внеклассная работа с младшими, практика в детских домах и яслях и т. д.

Обстановка в Лицее очень демократичная, все делают общее дело и в этом смысле равны.

Найти цитату из «СС в действии»34 по поводу сексуального возбуждения полумертвого человека.

«Петька утверждает, будто откровенные разговоры на сексуальные темы освобождают подсознание и помогают в смысле облегчения, так что обсуждение статей девиц необходимо, а кто против — тот ханжа и дурак».

Две рукописи лежали передо мною, когда я

задумал начать эту книгу.

Сюжет:

1. Необходимые пояснения.

2. [текст отсутствует]

3. Тусовка, диспут между Носовым и Проповедником (сыном).

4. Битва на стадионе (с великим менестрелем).

5. Сцена рэкета.

6. Фловер прибегает к Носову и сообщает, что узнал от отца о готовящейся в городе акции против «флоры».

7. Носов у мэра города. При этом заходит главный мафиози и встает горой за «флору», а мэр отмалчивается. Носов склочничает с мафиози. Визит кончается ничем.

8. Сцена с инициатором — Ревекка, Рива Ивановна Гинзбург, сторонница ликвидации элитарности Лицеев и удесятерения их числа. Это честная фанатичка.

9. У дружинников.

10. У секретаря горкома.

11. Неудача с «флорой»: предложат им уходить, а они отказались.

12. В печати: сначала репортаж о погроме на стадионе. На следующий день — «Доколе?» — статья Гинзбург. И на следующий день — подборка

писем: три «за» и одно Г. А. Носова — против. А также статья университетского социолога: в статье Носова (кстати, почему редакция не сочла нужным прямо указать, кто такой Носов, один из самых уважаемых людей города?) содержатся мысли, над кот<орыми> мы должны задуматься...

Заключит<ельный> эпизод: Носов рано утром в день «акции» приходит к фловерам, чтобы его выслали вместе с ними. Фловеры шарахаются от него, считают его виновником, перепуганный сын пытается его увести. Уже движутся громадные автобусы к ним.

И тут появляется Агасфер Лукич.

Олег накануне идет к Филатову и там дает свое кредо: ошибка Носова в миллион раз более нужна народу, чем вся ваша дешевая правота.

19.03.87

4 стр. «Необходимых пояснений» для 40ЛС.

[Конец записей на отдельных листах]

20.03.87

Находимся в Репино. Пишем 40ЛС.

Обязательно надо в ОЗ:

1. Предложение Демиурга: «Мне все равно: один опыт над миллионами или миллион опытов над одним».

2. Разговор Демиурга с проектантом «Лишения страха» (в виде стенограммы-диалога).

3. Концовка. Знакомство Манохина с Г. А. Носовым.

4. Сцена с Иудой. И рассказ о Демиурге (Вар-Равван и пр<очее>).

Обсуждаем общие дела ф<антасти>ки: 30-томник.

5. Идея уничтожения злобных апостолов.

21.03.87

Обсуждаем встречу бюро Совета с Госкомиздат<ом>.

22.03.87

Домой.

24 марта между Авторами и Центральной студией детских и юношеских фильмов имени М. Горького заключается договор на написание литературного сценария «Жук в муравейнике».

В апреле «Уральский следопыт» выполняет свое обещание — публикует ответы АБС на вопросы, присланные читателями. Ответы предваряются обращением к читателям.

Из: АБС. Многие из вас спрашивают…

Дорогие читатели УС! Дорогие любители фантастики! Дорогие товарищи!

Писем от вас пришло числом 95 — размерами от половинки тетрадного листка до двух десятков машинописных страниц, исписанных с обеих сторон весьма убористым почерком.

Такая масса корреспонденции никогда прежде не рушилась на нас в одночасье, и мы, признаться, впали было в некоторую оторопь, но нам удалось преодолеть малодушие, и вот мы пытаемся ответить вам — если и не всем, то, по крайней мере, большинству.

Для начала введем некоторые ограничения.

Прежде всего мы оставляем в стороне вопросы, заданные в одном-двух или, много-много, в трех письмах.

Далее, сочли мы за благо отказаться от изложения своих биографий. Жизнь у нас, как и у многих людей нашего поколения, была довольно разнообразной, и описание ее отняло бы слишком много места.

В-третьих, не станем мы отвечать и на вопросы вроде: «Почему бы вам не написать о...?», «Что вы хотели сказать такой-то повестью...?», «Что побудило вас написать эту повесть так, а не иначе?..» Помнится, у Киплинга: «И он спрашивал свою тетку Страусиху, почему у нее перья в хвосте растут так, а не иначе, и тетка Страусиха клевала его своим твердым-претвердым клювом».

В-четвертых, многие из вас спрашивают, где и как можно приобрести наши произведения. (Один читатель из подмосковного Голицына с завидным прямодушием пишет: «Очень хочу иметь все ваши произведения. Ведь не успели еще их раздарить друзьям?») На такие вопросы мы ответить не в состоянии. Тут и нам самим иногда приходится нелегко. Например, чтобы выбить из издательства «Азернешр» (Баку) хотя бы десяток экземпляров вышедшей там нашей книги, пришлось обращаться в ЦК Компартии Азербайджана.

Далее, не станем мы отвечать и на вопросы,

что мы думаем о летающих тарелках и о прочей жизни на Марсе, потому что мы свое давно уже отдумали, а теперь думайте вы сами, и пусть вам будет от этого много пользы и удовольствия.

И, наконец, воздержимся мы и от высказываний по поводу ваших оценок нашей скромной работы. Это было бы делом неблагодарным. Посудите сами. Офицер запаса из Иркутска полагает все у нас превосходным и только «Улитку на склоне» и «Сказку о Тройке» считает произведениями, недостойными таланта нашего и чуть ли не порочными. Санитарный врач из Тувы доволен у нас всем, а особенно — «Улиткой». А ученик из физматшколы в Ленинграде без обиняков заявляет, что «Улитка» есть единственное наше произведение, которое стоит читать. Или вот шофер из Рязани превозносит фильм «Сталкер» как чуть ли не вершину кинофантастики, ленинградский слесарь-монтажник определяет «Сталкера» как неудачу по всем статьям. Или, например, член КЛФ «Алькор» (Омск): «Окончание вашей повести „Волны гасят ветер“ выглядит скомканным. Почему?» Да откуда нам знать — почему? Может, оно, это окончание, только выглядит скомканным? А может, оно не выглядит, а действительно скомкано? А то и еще чище: один

ленинградец с набережной Фонтанки выражает мнение, будто мы — писсимисты. Выражает трижды на одной страничке. А мы с раннего детства этим не грешили, честное слово...

Вот такие ограничения.

И еще одно принципиального характера условие. Ваши вопросы адресованы нам. Естественно, и отвечаем на них — мы. Отвечаем — в меру своего понимания взаимовлияний литературы и жизни, сообразуясь с собственными пристрастиями, коих не навязываем ни редакции «Уральского следопыта», ни читателям журнала.

Теперь, благословясь, приступим.

<...>

13 апреля на очередном заседании ленинградского семинара писателей-фантастов БН делает обстоятельный доклад, в котором рассказывает об истории написания УНС. Позднее этот материал был опубликован в фэнзине «Сизиф», а еще позже частью его БН воспользовался, когда писал для собрания сочинений «Комментарии к пройденному», поэтому приведем из него лишь выдержки.

Из архива. БНС. Из доклада на ленинградском семинаре писателей-фантастов

Может возникнуть вопрос, почему я взял именно «Улитку...» Ну, во-первых, «Улитка...» — это повесть необычная для нас, стоящая особняком. Повесть, которая явилась определенным тупиком, повесть, повторить которую оказалось невозможным и которая, вероятно, не нуждается в повторении. В этом смысле она необычна. Во-вторых, «Улитка...» — повесть, необычная по методике ее написания. Вообще говоря, всякий человек, который написал в своей жизни хотя бы двадцать авторских листов, знает, что существует всего две методики написания фантастических романов. Методика номер один — это работа от концепции. Вы берете откуда-то, высасываете из пальца, эвристически подходите к какой-то концепции, к какой-то теореме, к некоей формулировке, которая касается свойств общества, мира, Вселенной, а затем создаете ситуацию, которая наилучшим образом демонстрирует эту самую концепцию. Второй путь, сами понимаете, обратный. Вы отталкиваетесь от ситуации, которая почему-то поражает ваше воображение, и, исходя из этой ситуации, создаете мир, одной

из граней коего обязательно будет определенная концепция. Если ситуация интересная, полная, захватывает большие куски мира, то рано или поздно откуда-то выделится концепция и станет если не стержнем вещи, то, во всяком случае, значительной, важной его частью.

Ну, чтобы не говорить голословно... Характерный пример повести, которая возникла из ситуации, это «Далекая Радуга». Вот возникла совершенно не новая, заметьте, очень старая ситуация — катастрофа, да, человечество гибнет, то есть маленькая часть человечества, но гибнет целиком — как ведут себя люди в этой ситуации? Сама по себе ситуация породила все остальное: там появились потом концепции, связанные со свойствами коммунистического общества, там... появились, ну... образы, появились люди, появились приключения, все что угодно. Возникло все. Из ситуации. Второй пример, противоположного типа — это, скажем, «Хищные вещи века». Там все возникло из концепции, из представления о том тупике, в который попадет человеческое общество, если оно будет развиваться по тому пути, по которому оно развивается сейчас. Если мы не научимся делать так, чтобы большинство, пусть не все, но хотя бы большинство людей находили

счастье в удовлетворении духовных потребностей, то мы влезем вот в тот тупик, который в конце концов был описан нами в «Хищных вещах века». Началось все с концепции, с определенного представления о ходе человеческого развития, и на базе этой концепции была построена ситуация, целый мир, люди, детектив, все что угодно.

Хотя мне кажется, что *управлять* методикой нельзя. Нельзя поставить задачу: вот теперь напишу-ка я концептуальную повесть и придумаю-ка я концепцию. Нельзя придумать концепцию, она приходит откуда-то, из разговоров и споров, из книг — она откуда-то приходит, и тогда, если она возникла, если она содержательна, вы рождаете из нее ситуацию. То же самое — с ситуацией...

«Улитка на склоне» в этом плане тоже представляет определенный интерес. Потому что эта повесть, если угодно, *третьего* типа. Это повесть *кризисная*. Не знаю, все ли присутствующие знакомы с таким, достаточно жутким, явлением в жизни каждого автора — состоянием кризиса. Когда автор мечется между концепцией и ситуацией, не понимая, что выбрать за основу. Сначала ему нравится концепция, но из этой концепции не получается интересной ситуации. Когда же он находит интересную ситуацию, он

не видит в ней никакой концепции, а просто там какое-то развлеченчество... И вот он мечется между двумя этими фундаментальными методиками, как тот самый господь бог, которого спросили, может ли он создать камень, который сам же не сможет поднять. Автор начинает «зуммерить» — и это кризис. Это очень болезненно и неприятно для него. Это делает написание произведения похожим на самые обыкновенные роды. А опыт показывает, что чем мучительнее «роды», тем любопытнее получается результат. Так вот, «Улитка...» — вещь кризисная, и этим она отличается от упомянутых выше «Далекой Радуги» и «Хищных вещей века», которые, в общем, родились благополучно, у них была легкая судьба, родились они легко, спокойно. Требовалось только трудолюбие и не требовалось какой-то жуткой эмоциональной потогонии, если можно так выразиться. Итак, «Улитка на склоне»...

<...>

Нам очень понравилось, что мы придумали нашему герою местную кличку — Молчун. Почему, собственно говоря, Молчун? Он не молчал, он говорил. Дело в том, что по своей земной привычке он говорит раз в пять меньше, чем окружающие. Для того чтобы высказать мысль, ему достаточно

одной фразы. Деревенские говорят ему: «Да ты говори-то поподробнее, только начнешь тебя понимать, а ты уже замолчал»...

Я очень рад был вставить это, потому что нечто подобное я заметил на заседаниях нашей секции. Заметил, что мои выступления как-то, в общем, оставляют... Потому что, принадлежа к людям-научникам, я привык говорить коротко и только то, что нужно для дела. У меня не было предисловия, завязки, кульминации, развязки. Я просто вставал и говорил то, что думаю. И садился. Я сначала не понимал, думал: может, я невнятно или несвязно говорил? Но потом пришла именно эта мысль, что люди просто не успевают! Они только приготовились слушать, а он уже сел...

<...>

В 14-м номере периодического издания «Блокнот агитатора» публикуется интервью с БНом, взятое Андреем Измайловым. Они говорят о будущем.

БНС. Вопросы остаются

Братья Аркадий и Борис Стругацкие в своих книгах о близком и отдаленном будущем вот уже четверть века пытаются ответить на вечные

вопросы, которые были, есть и будут актуальными именно потому, что они вечные.

Но разве можно сказать о будущем ***все****? Оно ведь только будет. И сколько бы о нем ни было написано книг, вопросы остаются. И Борис Натанович согласился на них ответить.*

— Понедельник, как известно из вашей повести, начинается в субботу. И будущее начинается сегодня. Это — дети. Какими мы их вырастим, таково и грядущее. В книгах «Полдень. XXII век», «Далекая Радуга», «Стажеры» потомки, отдаленные от нас веками, избавлены от комплекса отрицательных качеств, который в каждом из нас еще есть. Каким видится вам путь к Человеку Будущего?

— Мне кажется, что сейчас единственный путь — это создание теории Воспитания Человека. Должна быть выработана методика превращения человеческого младенца, несмышленыша в существо разумное в самом высоком и широком смысле этого слова. Человечество должно научиться безошибочно (или хотя бы почти безошибочно) воспитывать в своих детях доброту, честность, благородство, душевную щедрость. Мне очень хочется верить, что такая теория и такая Методика будут рано или поздно открыты

и сформулированы.

Ведь существует уже почти безотказная методика превращения человека в боевой механизм, в машину уничтожения себе подобных. Рейнджеры, пресловутые «береты» всех мастей... Значит, воспитывать в человеке жестокость и беспощадность земляне уже научились. И поставили свою планету на грань гибели. Не пора ли все свои силы бросить на отыскание алгоритма воспитания Доброты и Благородства, алгоритма столь же безотказного и эффективного?

— Допустим, выработали искомую методику, в человеке воспитали доброту, и с детства он добр. Но вот наступает переходный возраст, когда подросток хочет самоутвердиться тем или иным образом...

— Это фундаментальная проблема, стоящая перед Теорией Воспитания. Как найти в молодом человеке его талант, его умение делать что-то лучше других. Такой талант есть в каждом здоровом человеке, если иметь в виду все возможные сферы приложения рук, ума или души. Талант портняжить или слесарить, талант решать абстрактные задачи, просто талант к сопереживанию, равно необходимый всем.

Подросток мучается, шарахается из стороны

в сторону, всячески изгаляется прежде всего потому, что им владеет почти инстинктивное желание самоутвердиться, выделиться, стать самостоятельной и совершенно особенной личностью. Но свой главный талант он, как правило, обнаружить в себе сам, без посторонней помощи, не способен. Вот он и ломится в открытые двери, толпой валит по проторенным дорожкам, хватает то, что ближе всего лежит: поярче и помоднее вырядиться; погромче заорать — желательно с применением технических средств; похлеще выразиться. Не в силах обнаружить в себе свой талант, он стремится заменить его каким-нибудь ярко раскрашенным «протезом».

Теория Воспитания должна уметь находить талант в подростке и взращивать этот талант наиболее эффективным и естественным образом. Заметьте: не штамповать из живых детей неких биороботов с заданными функциями, а всячески способствовать тому, чтобы человек нашел себя, свое главное умение, свое призвание. И прежде всего надо будет научиться находить талант Учителя, самый важный из талантов. Ибо по-настоящему широко Теория Воспитания начнет развиваться только после появления мощного социального слоя Учителей.

— Предположим, уже существует Теория Воспитания, уже появился слой Учителей, умеющих найти в каждом только ему присущий талант. Всякий ли труд при этом найдет своих поклонников?

— Иначе говоря: как быть с неприятными, традиционно «малоаппетитными» профессиями? Два обстоятельства внушают определенный оптимизм в этом вопросе. Во-первых, человеческие пристрастия и склонности воистину безграничны. А во-вторых, человек всегда делает хорошо ту работу, которая у него «идет». И чем лучше у него получается, тем с большим удовольствием и самоотдачей он трудится... Я кое-что знаю о труде патологоанатомов. Знаю, что существуют знаменитые мастера и великие энтузиасты этой страшноватой даже (с точки зрения подавляющего большинства) профессии.

Источник неприятных коллизий и даже трагедий мне видится, скорее, в другом. К сожалению, частенько бывает так, что человек с особой страстью стремится применить себя как раз в той области, где никаких способностей у него нет. Таковы «графоманы» всех видов — актеры, вообразившие себя писателями; инженеры, ударившиеся вдруг в самую абстрактную матема-

тику; географы, занявшиеся изобретательством, и так далее. Имя им легион, и судьба их воистину печальна... Это — тоже работа для теории Воспитания: направить устремления человека в русло доступного, помочь ему установить гармонию между желаниями и возможностями, научить его трезво взвешивать свои способности и не превращаться в мономана.

— Утверждаться всегда сложнее, чем самоутверждаться. Себя обманывать — это и проще, и приятней. Сначала, в подростковом возрасте, ярко раскрашенными «протезами», как вы сказали. В более зрелом возрасте — наличием денег, квартиры, машины. Слово «престижность» давно приобрело отнюдь не уничижительный оттенок. Не потому ли, что это проще всего, столь обширную массу людей охватил «вещизм», страсть к накопительству?

— По этому поводу у нас в «Понедельнике...» есть очень даже неплохие слова о том, что для развития духовных способностей нужен талант, а вот для развития материальных потребностей никакого таланта не нужно, они развиваются спонтанно. И ведь действительно! Получать побольше, работая поменьше, — это, к сожалению, заложено в нашей обезьяньей природе. Вот с чем

надо бороться до тех пор, пока не произойдет перестройка в сознании и мы станем уважать человека исходя из того, сколько он отдал, а не сколько и чего потребил.

— Пока же произошла несколько иная перестройка в сознании — человек труда в некотором роде перестал быть «маяком», если можно так выразиться. Не потому ли, что понятие «труд» было в последние годы, десятилетие затаскано в многочисленных лозунгах, которые, по строгому счету, — ни уму, ни сердцу?

— Труд — это серьезно. И труд — это прежде всего тяжело. «В поте лица твоего будешь есть хлеб». Десятки веков миновали, но, по существу, нечего пока нам добавить к этой суровой формуле. Легкого труда вообще не бывает. Если, разумеется, человек работает добросовестно. Труд может приносить и радость, и деньги. Труд может приносить только одни деньги. Но всегда он — в поте лица. Разумеется, не одна лишь необходимость добывать себе хлеб насущный является движителем нашей трудовой деятельности.

Скажем, энтузиазм. Прекрасный, благороднейший, достойный всяческого восхищения порыв! Но он годится лишь в экстремальных ситуациях, и энергия его быстро иссякает — так

уж, видимо, устроен человек. Творческое горение — идеальный движитель, и мощный, и долгодействующий. Он замечателен еще и тем, что служит сам по себе наградой творцу, ибо творческий труд дарует высокое наслаждение, с которым немногие, так сказать, материальные наслаждения могут сравниться. Но, увы, это встречается сравнительно редко. Мы пока не умеем обнаруживать в людях творческую жилку, она сплошь и рядом пропадает втуне.

Вот и оказывается, что наиболее распространенным движителем в наше время являются самые прозаические деньги. Поэтому не будем витать в облаках. Будем исходить из того, что еще много десятилетий главным стимулом для хорошей работы будет хорошая зарплата. И если мы хотим, чтобы из человека вырос труженик, а не разгильдяй и нахлебник, надо создать такую ситуацию, чтобы работать во всех отношениях было выгоднее, чем не работать. Чтобы не на словах, а на деле реализовался бы прекрасный принцип «любой труд хорош и почетен, если он нужен обществу». Тогда человек труда — это будет звучать!

— *Собственно, изменения, происходящие сегодня в нашей экономике и в повседневной жизни,*

как раз и направлены на это. Не так ли? Но это сегодня. А в будущем?

— Нынешнее состояние экономики наводит на мысль о человеке, который живет и движется, управляясь лишь прямыми командами своей центральной нервной системы. Ну, например, чтобы взять со стола ложку, ему приходится действовать примерно так: «Внимание! Рука у меня опущена, значит, ее надлежит согнуть в локтевом суставе. Для этого надлежит сократить плечевую мышцу, одновременно расслабляя трехглавую мышцу... Плечевую кость закрепить! Напрячь мышцы, идущие от лопатки к плечевой кости и от грудной клетки — к лопатке! Что-то плохо дело идет... А! Кровеносная система, а ну-ка — поддать свежей крови в плечевую мышцу! Так, хорошо... Стоп-стоп-стоп! Куда тебя понесло — выше головы! Назад!» И так далее... Разумеется, организм действует не так. Мозг отдает только приказы самого общего вида, а все частности берут на себя вегетативная нервная система и подкорка, действующие автоматически, без участия нашего сознания.

Точно так же разумно устроенная экономика должна представлять собой самоорганизующую систему, сплетение прямых и обратных связей,

гигантский автоматически работающий механизм, нацеленный на производство оптимально необходимого количества материальных и духовных благ. Каждый элемент этого механизма (будь то отдельный производственник, или отдельный завод, или отрасль) должны управляться немногими ясными принципами. Например: «Хорошая работа — это работа, удовлетворяющая некую общественную потребность». Или: «Хорошая работа очень хорошо оплачивается, плохая работа наказывается, вплоть до увольнения». Партийные документы последнего времени, постановления о нетрудовых доходах, об индивидуальной трудовой деятельности, проект Закона о государственном предприятии — как раз и есть те шаги, очень верные, на пути к экономике Будущего. И таких шагов, думается, предстоит еще сделать немало.

— В повести «Хищные вещи века», написанной братьями Стругацкими более двадцати лет назад, изображено некое западное общество, в котором, судя по обилию материальных благ, экономика «работает как часы». Тем не менее, общество это, мягко говоря, весьма далеко от совершенства. Маловнятные группы различного толка, признающие закон кулака, алкоголизм,

наркомания...

— С детства нам объясняли, что алкоголизм и наркомания — следствие нищеты, забитости и невежества людей. Вероятно, когда-то так и было. Двадцатый век среди прочих сюрпризов и парадоксов преподнес нам и этот: уровень жизни растет во всех своих параметрах, и одновременно с ним растут алкоголизм, наркомания, лавина преступности и самоубийств. Это явление глобальное, и единого объяснения «почему?» пока нет. Я лично думаю, что наркомания всех видов — это действительно следствие нищеты, но не материальной, а духовной. Нищие духом люди, которых не научили духовной жизни. Люди, которым нестерпимо скучно. Люди, которые ничего не умеют и ничего не хотят, — вот тот слой, в котором растет и размножается вирус наркомании. И рост материального благосостояния не уменьшает, а увеличивает этот слой.

И если мы хотим разорвать порочный круг, то... Видите, мы снова возвращаемся к Теории Воспитания как к некоей социальной панацее...

В середине апреля Авторы вновь встречаются и работают над ОЗ.

Рабочий дневник АБС

[Записи на отдельных листах]

Газеты

«Ташлинская правда», орган горкома — статья социолога

«Городские известия», горисполком — начали кампанию

«Университетский вестник» — публикует статью Носова

«Ташлинский агропром», профсоюзная газета — самая реакционная

«Кооператор»

«Молодежные новости», либеральная газета ВЛКСМ

Что ты сделал, чтобы твой друг не ушел во Флору?

Не только наша беда, но и наша вина.

Выводы: 1). Горком еще ничего не решил насчет акции.

Георгий [«Антонович» — перечеркнуто] Анатольевич Носов, Серафима Петровна

лицеисты: Игорь Мытарин, Михаил, Ирина, Кирилл, Аскольд, Зоя

Петр Викторович, пред<седатель> горисполкома

Михаил Тарасович Кроманов, майор, гормилиция

Ревекка Самойловна Гинзблит, зав<едующая> гороно

Иван Дроздов, Сергей Сенько — молодые рабочие

Всеволод, «нуси», сын Носова

Геннадий Алексеевич Ляпишев, зав<едующий> телецентром

Санька Ёжик, Сева Кривцов — младшеклассники, подопечные Игоря.

Флора и [1 слово нрзб]

Флора и дикари

Либо м. б. — и я сказал на [1 слово нрзб] этому — на наших глазах возникает новая компонента чел<овеческой> цивилизации — нервы, боль, нечистоты — роды! Младенец непригляден, уродлив, вопит и гадит, но он обречен на рост и в обозримом будущем он займет свое место в структуре чел<овеческой> цивилизации.

И тогда — упаси нас бог от нечистоплотных повивальных бабок и деловитых подпольных абортмахеров.

Флора не есть что-то отдельное от нас — некий

зверь из джунглей, которого нужно прогнать или убить. Это наша боль. М. б. это болезнь, м. б. это первая гноящаяся рана, тогда нужен врач, профессионал, никакого шаманства, никакого самолечения.

Кто больше всех кричит?

ВОПЛ

по 12 страниц на промежуток
10 июля — 12 июля
12 июля — 14 июля
14 июля — 16 июля
16 июля — 17 июля
17 июля, утро — 17 июля, вечер
17 июля, вечер — 18 июля
18 июля — 19 июля
19 июля — 20 июля
20 июля, 15.00 — 20 июля, 17.30
21 после полуночи — последняя запись
10 промежутков

Новая компонента чел<овеческой> цивилизации.

Новый образ жизни.

Новая самодовлеющая культура.

Охотнорядцы

Политикос

Принципиальные консерваторы (против *любого* нового)
Ревнители порядка (вроде Аскольда)

[Конец записей на отдельных листах]

17.04.87

Приехали в Репино.
Собирались писать 40ЛС, но, видимо, придется сочинять план ЖВМ-С для Грамматикова.

18.04.87

Планировали сценарий ЖвМ.

19.04.87

Сделали план ЖвМ-С. Писать сценарий будет Арк. Думаем над 40ЛС и ОЗ.
Учитель, прощаясь, целует Иуду. А сам бледный.
Иуда — мальчишка, сутулый, костлявый, грязноватый, вечно голодный, неухоженный. Влюблен в Учителя и слепо верит ему.

— А как же проповедь?

— Во-первых, почти не было народу. А во-вторых, ему было очень больно!

20.04.87

Сделали 5 стр. ОЗ (102)
Вечером сделали 1 стр. (103)

21.04.87

Пишем 40ЛС
Сделали 3 стр. (7)
Вечером сделали 1 стр. (8)

22.04.87

Сделали 2 стр. (10)
Вечером сделали 1 стр. (11)

23.04.87

Сделали 2 стр. (13)

24.04.87

Сделали 2 стр. (15)
Вечером сделали 1 стр. (16)
Мэр жалуется еще на проблему «неедяк».

Туристы со всего света.
Столовая «НЕЕДЯКА».
Ценитель («пришелец Константин»).

Концовка сцены с Ревеккой:
Г. А.: А что, Рива, мерзко чувствовать себя Макиавелли?
Рива (покрываясь красными пятнами): Не понимаю, о чем речь.
Г. А.: Приговор себе и моему делу читаю я на лице твоем.

25.04.87

Сделали 3 стр. (19)
Вечером сделали 1 стр. (20)

26.04.87

Написали врезку к «Туче» в Х<имии> и Ж<изни>.
Составили сборник в «Лумину».

Секретарь горкома *сам* приходит к Г. А. — это знак того, что дело Г. А. проиграно и что секретарь уже решил дело в пользу города (подавляющего большинства). Пилат!

22 апреля «Литературная газета» информирует об участии БНа в юбилейном вечере, посвященном И. Ефремову.

[«Вечер, посвященный 80-летию...»: Рубрика «ЛГ информирует»]

Вечер, посвященный 80-летию со дня рождения И. Ефремова, состоялся в Ленинградском доме писателя им. В. В. Маяковского. В вечере приняли участие А. Бритиков, Б. Стругацкий, С. Снегов, В. Сафонов и другие, председательствовал А. Шалимов.

В майском номере «Авроры» публикуется беседа БНа с Дмитрием Каралисом о семинаре молодых фантастов.

Из: БНС. Фантастика — сегодня, завтра...

Два раза в месяц в Красной гостиной Ленинградского дома писателя им. В. В. Маяковского собираются молодые литераторы-фантасты — члены семинара, которым руководит Борис Натанович Стругацкий.

Предлагаем вашему вниманию запись беседы нашего корреспондента с участниками семинара,

которая состоялась после одного из заседаний.

— Борис Натанович, расскажите, пожалуйста, о семинаре и об условиях приема в него.

Б. С. Нашему семинару пошел двенадцатый год... В семинар принимается любой, не обязательно молодой человек, который пишет фантастические произведения на определенном, достаточно высоком уровне. Такой человек объявляется кандидатом в действительные члены семинара, и ему дается испытательный срок, в течение которого он должен написать несколько художественных фантастических произведений. Если он не опустится ниже своего первоначального уровня, то остается кандидатом. Если же напишет что-то более значительное, то его обсуждают на очередном заседании и принимают в действительные члены. При этом он получает право оценки произведений своих товарищей. Оценка производится по тринадцатибалльной системе. Единица означает: «худшего произведения в жизни не читал», а тринадцать: «никогда не читал ничего лучшего».

При обсуждении произведения назначаются «прокурор» и «защитник» — кто-нибудь из членов семинара. Сейчас у нас 20 действительных членов и 15 кандидатов.

— И много хороших рукописей вам довелось прочитать за одиннадцать лет руководства семинаром?

Б. С. Думаю, процентов двадцать рукописей были неплохие.

— Что побудило вас взяться за работу с молодыми авторами? Ведь вы со своим братом Аркадием Натановичем много пишете, и свободного времени, должно быть, остается не так уж много...

Б. С. Много лет назад моя мама, заслуженная учительница РСФСР, сказала, что есть во мне педагогическая жилка. Вероятно, она была права. Мне нравится «возиться с молодыми», я люблю читать хорошие рукописи, иногда мне удается дать полезный совет, это меня радует.

— А что дает молодому автору участие в семинаре?

Б. С. Молодому автору необходима литературная среда. Иначе он теряет ориентиры, перестает понимать, хорошо он пишет или плохо, нужна его работа кому-то или не нужна. Рядом должны быть коллеги, заинтересованные ценители, мнение которых важно услышать, даже если оно спорно. Молодой автор должен быть окружен людьми, с которыми он может спорить, отста-

ивать свою точку зрения, с людьми, которые доброжелательны, но не упустят случая ткнуть носом в его ошибки, а ошибки неизбежны, более того — они полезны, без ошибок не бывает роста.

<...>

— А как обстоят дела у членов семинара с публикациями?

Б. С. В 1984 году вышел сборник «Синяя дорога», почти целиком составленный из произведений наших авторов. Попали члены семинара и в сборник «Белый камень Эрдени», выпущенный Лениздатом в 1982 году. Феликс Дымов и Вячеслав Рыбаков публиковались в сборниках фантастики братских стран: ЧССР, Болгарии, Венгрии, ГДР.

Андрей Столяров несколько раз публиковался в центральных журналах, например, в начале 1986 года с его повестью «Мечта Пандоры» смогли познакомиться читатели «Авроры», сейчас она вышла в Чехословакии. Вообще говоря, костяк семинара работает много и плодотворно.

— Можно ли сказать, что в фантастику пришли новые имена?

Б. С. Новые имена в фантастике безусловно появились. Одиннадцать лет назад, когда начинался наш семинар, о них никто и не слышал. Сейчас же, пусть не все они известны широкому

читателю, но многие хорошо известны любителям фантастики — «фанам».

Однако качественно нового скачка в фантастике еще не произошло. Пусть члены семинара меня поправят, если я ошибаюсь...

<высказывания членов семинара, в том числе — Андрея Столярова>

Б. С. Я имел в виду не совсем это. Вопрос ставился так: герои Немцова, Сапарина и Охотникова — писателей-фантастов сороковых-пятидесятых годов — действительно занимались изобретением всевозможных технических новинок — самоходных тракторов, нестирающихся ботинок и т. д., и т. п. Это была определенная литературная ситуация: ученый или изобретение рассматривались в узком кругу людей, идей или событий. Потом пришла фантастика Ефремова. Его герои летают к звездам, осваивают новые планеты, живут в коммунизме, через 200–300 лет. Это уже совсем новая ситуация, качественно новая. Не путайте литературную ситуацию и сюжетный ход. Перенос событий в будущее — это создание особой литературной ситуации; прошлое как арена событий — это литературная ситуация, глобальная земная катастрофа — это ситуация, человек-невидимка — тоже ситуация. И вот в

этих различных ситуациях, как на разных сценах, разыграно действие множества романов.

Да, у нас появились молодые, талантливые ребята. Прекрасно! Но создадут ли они переворот в фантастике, «раздавят ли предыдущее поколение», как вы, Андрей, предполагаете, — не знаю, не уверен. И не потому, что они недостаточно талантливы — нет, они талантливы достаточно, но вот новых литературных ситуаций я у них не вижу. И, быть может, это самое печальное обстоятельство. Я занимаюсь фантастикой уже около тридцати лет и за последние пятнадцать лет не встретил ни одной новой ситуации в фантастической литературе...

<...>

С пятого номера «Знание — сила» начинает публикацию киносценария «День затмения», предваряя его предисловием редакции.

[«В 1976–1977 годах...»: Редакционное предисловие к киносценарию «День затмения»]

В 1976–1977 годах наш журнал печатал повесть Аркадия и Бориса Стругацких «За миллиард лет до конца света». Теперь перед вами киносценарий по мотивам этой повести. Многое изменилось

при переводе с языка «собственно прозы» на язык «прозы для кино». Исчезли некоторые старые мотивы и герои, возникли новые черты и обстоятельства. Тем, кто читал повесть, будет интересно проследить за такими изменениями. А те, кто не читал ее, будут, наверное, разыскивать в библиотеках старые подшивки.

5 мая БН пишет Борису Штерну.

Из архива. Из письма БНа Б. Штерну

Дорогой Боря!

Я получил Вашу книжечку. Спасибо!

Вот и еще один птенец оперился. Летите, голуби, летите...

Да книжечка-то какая хорошенькая! Прямо-таки покетбук.

Поздравляю! Нехай не последняя!

Еще раз спасибо.

Всегда Ваш [подпись БНа]

13 мая АБС заключают договор с «Ленфильмом» на написание сценария «День затмения». В договоре значится и третий соавтор — Юрий Арабов.

С 15 мая Авторы вновь работают в Репино.

Рабочий дневник АБС

15.05.87

Приехали в Репино.

16.05.87

Подробности для вставок:

I. В тексте до финальной сцены должен промелькнуть 2 раза Агасфер.

1) 17 июля утром Агасфер выходит из кабинета Г. А., поражает воображение Игоря, он спрашивает Г. А., кто это. Г. А. сам выглядит смущенным и озадаченным: «Собственно, это страхагент... Но странный какой-то... Ладно, там видно будет...»

2) Сцена в вестибюле лицея: Игорь ждет возвращения из кабинета Г. А. секретаря горкома и инструктора ЦК, тут же неприметно в уголку стоит Агасфер. Игорь знает, что они пришли к Г. А. потому, что дело Г. А. проиграно. И он накидывается на них: «Вы его предали, а он так надеялся на вас!» Они: «А ты что, разве на его стороне?» Игорь: «Нет, я уверен, что он ошибается. Но его ошибка грандиознее и выше, чем все ваши правильные решения!»

3) Встреча с Агасфером в поле посреди Флоры перед акцией.

[Сбоку текста: «Агасфер Лукич35»]

II. N-е июля.

Только что вернулся из патруля. Ходил опять с ребятами с мясокомбината, с Ваней и Симкой. Произошла дискуссия.

Я: о «неедяках».

Они:

III. Отец Мишеля — «неедяка»-резонатор. Под большим секретом Мишель пригласил Игоря на встречу у отца с крупным иностранным поэтом.

Типы «неедяк».

а. Резонаторы, доморощенные философы, графоманы, неудачливые художники и т. д.

б. «Неедяки»-воспитатели, целиком посвятившие себя семье и детям.

в. «Неедяки»-буколисты, главная потребность у них — слиться с природой, современные отшельники.

г. Люмпены: «дикобразы», Флора, кусты — абсолютно бесталанные и ленивые люди.

Всех их объединяет одно: очень низкие потребности, что выводит их за пределы цивилизации как не участвующих в процессе возрастания

потребностей.

IV. Выступление социолога по поводу Г. А.: он против Г. А., но как честный ученый не может не отметить некоторых тревожных и вполне оправданных моментов: «Пока мы имеем моральное право осуждать Флору (нужен неквалифицированный труд). А через 50 лет, когда разовьется бытовая кибернетика, Флора скажет: „Ладно, давайте работу“. И что мы ей дадим?»

V. Атмосфера общественной неприязни к подвыпившим людям.

VI. Язвы города, в которые Г. А. вкладывает персты своих лицеистов.

а. Проституция.

б. Рэкет.

в. Наркомафия.

г. Тюрьма.

д. Заведение с дефективными детьми.

е. Неблагополучные семьи.

ж. Коррупция властей.

з. Коррупция кооператоров.

VII. Носов — аналог Вечеровского. («Воевать с законами природы — глупо. Подчиняться им — стыдно. Надо их изучить и взять на вооружение».) Способ: милосердие и понимание, вот

инструмент, а не сопли и меч.

Ты не имеешь права ни на отвращение, ни на ненависть.

Сын Носова — великолепный оратор, но родился в эпоху, когда ораторы не нужны. В революцию он бы полки на смерть посылал. Ему нужна аудитория, и он нашел ее во Флоре. Пример человека с талантом, в котором время не нуждается.

IX. «Милость к падшим...»?

Да нет, не то. Он не считает их падшими, вот в чем дело. Он вообще не признает понятия «падший». Все, что порождается обществом, порождено его законами — в этом смысле не делится на плохое и хорошее. На плохое и хорошее делим *мы*, тоже управляясь при этом какими-то законами.

Понимание и милосердие.

Понимание — это орудие, рычаг, которым учитель пользуется в работе.

Милосердие — этическая позиция учителя в отношении к объекту его работы.

X. Экологические пертурбации. Знамения, как считает Носов:

а) нашествие ворон,

б) суслики,

в) муравьи.

XI. Пункты общегородской кампании против Флоры (разжигание общественного мнения):

а) Демонстрация детишек-младшеклассников под лозунгами: «Долой тунеядцев из города», «Мы в опасности», «Спасите нас от заразы». (Бешенство Г. А. по поводу вовлечения несмышленышей во взрослые дела.)

б) Журнально-газетная, радиотелевизионная кампания.

в) Пикетирование частных магазинчиков и обжорок, обслуживающих «неедяк». Стычки между пикетчиками и частниками и «неедяками».

Мысль Игоря: «Конечно, бытие определяет сознание. Однако, к счастью, сплошь и рядом случается так, что сознание опережает бытие, иначе мы до сих пор бы сидели в пещерах».

Общий план:

1. Необходимые пояснения.
2. Разговор о «неедяках» в патруле (10 июля).
3. Флора. 12.07.
4. Концерт Джихангира и первые стычки. 14.07.
5. У мэра и у Ревекки. 16.07.
6. У Мих<аила> Тарасовича. 17.07.

От Ревекки Г. А. с Игорем идут в милицию, но не доходят. Возвращаются в Лицей.

Ночью экспедиция в лабораторный корпус университета. Избиение Г. А. Перепуганному парню: беги к таким-то, немедленно садитесь в машину и чтобы духу вашего в городе не было. (ночь на 16-е)

17.07: Поход в милицию, разговор с начальником милиции. 1-я часть разговора открытая, вторая — Игоря выпроваживают.

18.07. Утром известие: раскрыта в университете подпольная лаборатория, арестованы 28 человек, взят зав<едующий> отделом культуры.

Разговоры лицеистов (Мишель и Игорь). Гипотезы о случившемся.

17.05.87

Сделали 3 стр. (23) — 40ЛС
Вечером сделали 2 стр. (25)

18.05.87

Сделали 3 стр. (28)
Вечером сделали 2 стр. (30)

19.05.87

Сделали 2 стр. (32)
Вечером сделали 2 стр. (34)

ТЕОРИЯ ПВТ — поиск врожденного таланта.

Мих<аил> Тарасович его предает: «Как не стыдно! А если я расскажу о нашей договоренности?» — «Не было договоренности. И вообще помалкивайте, а то я возбужу против вас дело о сокрытии материалов и пособничестве преступникам»... — «Но не беспокойся: главных охотнорядцев я окоротил, особых эксцессов завтра не ожидаю...»

Возбуждение дела об отзыве из депутатов.

Пикетирование лицея. Драка с лицеистами — тоже предмет травли: «Фашиствующие аристократы против простых рабочих».

Разговор с сыном. Флора отказывается добровольно уходить.

Угроза закрыть лицей и превратить в нормальный педтехникум № 4.

Игорь встречает своих подопечных на демонстрации.

20.05.87

7.

18.07. Сообщения об арестах наркомафии.

Начало газетной кампании.

Пикетирование магазинов неедяк, стычки.

Рассказ Иришки о попытке зама Ривы вывести на демонстрацию дефективных детей.

Дискуссия между лицеистами (6 человек).

Игоря занесло в дортуары к малышам.

8.

19.07. Демонстрация детей.

Статья Г. А. и комментарий социолога.

Посещение телецентра. Начальник — сторонник Г. А., держится из последних сил. Надеется, что удастся уклониться. Не дает эфира: 1) Лучше не будет, будет хуже. 2) Если дать эфир Г. А., значит дать эфир десяткам его врагов.

9.

20.07 Пикетирование лицея.

Возбуждено дело о лишении мандата.

Об уничтожении лицея.

Приход секр<етаря> горкома с референтом.

Выступает мэр и благословляет акцию.

Вызывает сына и просит Флору добровольно

уйти. Отказ.

Разговор с Мих<аилом> Тар<асовичем>.

10.

21.07. Раннее утро. Г. А. во Флоре. Аг<асфер> Лукич. Конец.

Для дискуссии:

1) Г. А. учил их: следуй своим убеждениям.

2) Они ненавидят Флору, т. е. на стороне большинства.

3) Они любят Г. А., но не понимают его.

Игорь и Мишель: им не нравится, что они оказались вместе с большинством.

Иришка: ей очень жалко Г. А. Она за него просто потому, что его жалко, а на остальное — наплевать.

Кирилл: у него билет на 20-е и он уезжает, хотя был главным среди лицеистов теоретическим сторонником Г. А. «Верую, ибо это абсурдно»36.

Днем 20-го Мишеля увозит в Оренбург его отец на машине. («Мать в истерике, я все бросил... проклятый брат, это он сбил тебя с панталыку...»)

Разговор Игоря с пикетчиками. Они неплохие люди. Там и Ваня Дроздов.

Аскольд — холодный и убежденный ненавистник тунеядцев. «Г. А. не прав. Он гений, но и гении

ошибались — Ньютон, Эйнштейн и т. д.»...

Зоя — до фригидности чистая. Ее тошнит от Флоры, от ее распущенности. «Это уже животные... Они вне моей сферы... Вне закона...»

Сделали 1 стр. (35)

21.05.87

К статье Носова:

1) Парафраз постулата Вечеровского. Бороться с законами природы глупо, а пасовать перед ними — стыдно. Надо учиться их использовать.

2) Отличие Флоры от преступного мира:

— преступники на нас паразитируют, а Флора — отдельна,

— преступники нам ближе, чем Флора: ценности у нас и преступников одинаковые, представления (иерархические) — тоже.

3) Флора — племя тунеядцев, вышедшее из цивилизации, в отличие от дикарей, не достигших цивилизации.

4) Вы хотите переправить Флору к соседям.

Сделали 1 стр. (36)

Вечером писали вступление к ЖвМ-С.

22.05.87

Писали статью для «В мире книг».

23.05.87

Кончили статью для ВМК.
Итоги сезона. Встречались 8 раз (80 дней).
Сделано:
1). «Туча-С» — 58 стр.
2). Отредактировали ГО.
3). ОЗ — 41 стр.
4). 40ЛС — 36 стр.
5. План ЖвМ-С.
6). Статья для ВМК — 5 стр.

24.05.87

Уезжаем.

24 мая интервью с АБС публикуют «Московские новости».

Из: АБС. Осторожно войти

<...>
Наверное, все-таки они увидели что-то раньше

нас. Сейчас они это отрицают. Машут протестующе руками: «Мы не пророки!»

Они действительно не пророки, умеющие вызывать дух будущего. В них ничего нет калиостровского. Они просто честные люди, вглядывающиеся в мир более пристально.

Кто-то другой, но не они, воскликнул бы: мы же предупреждали! Кто-то, но не они... Больно. И тогда, и сейчас, и всегда. Угадывание — не их задача, не их цель, даже если предупреждение попало в «яблочко».

И торжество, и раздражение братьям Стругацким не присущи.

Желая того или нет, но любой писатель находится в положении учителя к ученику — обществу. Ведь общество всегда обязано учиться, хотя бы у впередсмотрящих, иначе оно перестанет расти, развиваться духовно. А учитель не имеет права раздражаться от того, что ученик чего-то не знает или отказывается понимать.

<...>

Примечательна статья о Стругацких в американском журнале «Квест» «О России с любовью»: «Что за деление советской литературы на неофициальную и официальную, написанную под диктовку? Кто диктует Стругацким? Так

невозможно диктовать. Если они что-то и критикуют, то из-за того, что им больно за Россию. Они настоящие коммунисты!»

Их книги изданы почти во всех странах мира. Более двухсот наименований.

— Вы уверены, что за рубежом вас понимают так же, как здесь?

— Конечно, нет! Даже уверены в обратном. Там понятен, пожалуй, первый пласт, авантюрный, который присущ любой фантастике. Второй пласт — социальный, к сожалению, скорей всего скрыт от зарубежного читателя, а к «духовным раскопкам» он не совсем приучен. Наш читатель вообще лучше подготовлен к восприятию мировой литературы. Во-первых, из-за высокой культуры перевода, а во-вторых, из-за глубокой осведомленности. Наш настоящий читатель как соотечественников воспринимает Фолкнера, Хемингуэя. Поищите где-нибудь такого квалифицированного читателя на Западе, чтобы он как своего читал Толстого, Достоевского и понимал их так же глубоко, как и мы.

После того как на Запад обрушилась русская классика, возник миф о загадочной русской душе, а потом и о загадочной советской. То есть миф в квадрате. Поэтому зарубежный читатель попал

под мрачное очарование этой «непознаваемости» и вот, погружаясь в миры, созданные нашими классиками (Толстым, Достоевским, Чеховым, Булгаковым, Шолоховым), этот читатель волей или неволей ищет в нашей литературе ответ: чем же этот мир отличается от привычного ему?

Совсем иная картина с нашим читателем. Он давно уже отверг дешевые обывательские стереотипы типа: «немец любит сосиски с капустой», или «француз привычен к „клубничке“ и вину», или «англичанин гордец и любит пиво». В героях Томаса Манна, Голсуорси, Хемингуэя, в ситуациях, связанных с поведением этих героев, наш читатель ищет не различия, а сходства с ситуациями из своей жизни. Ищет и справедливо находит. Короче, советский читатель — потребитель мировой культуры и поэтому знает Запад лучше, чем западный читатель нашу страну.

— И все же читатель дотошен и там, и здесь. Его одинаково интересует вопрос, как можно писать вдвоем. В четыре руки можно даже играть на фортепиано, но как писать? Как печатать на простой пишущей машинке?

Стругацкий-старший: «Когда мы садимся за машинку, это уже конец, а не начало работы. Самое тяжелое — это размышления, попытки уловить

те или иные тенденции.

Мыслить вдвоем — это глупость. Борис размышляет у себя на диване в Ленинграде на улице Победы. А я — здесь, на своем диване в Москве, на проспекте Вернадского. Съезжаемся только тогда, когда все продумано».

— И герои не двоятся? Не приобретают не свойственных им черт? Как, например, возник образ Малыша из повести «Малыш»?

— У Бориса было свое представление об этом звереныше. У меня — свое. Постепенно в ходе работы возник иной герой — не мой и не его, а наш, не имеющий никакого отношения к первоначально задуманному. Предполагалось попасть в общество гигантских пауков на планету с тройным, по сравнению с земным, притяжением. Значит, и живущий там человек должен был бы обладать тройной мускулатурой, иметь костяк, выносящий тройную нагрузку. Он ткал бы паутину и спал на потолке...

Потом все эти глупости отпали сами по себе. Мы пришли к выводу, что цивилизация, которая спасла Малыша, вообще недоступна нашему представлению. Это — особое общество, которое далеко ушло от нас вперед. Оно слилось в единое существо, в некий сверхорганизм со сверхвоз-

можностями. Как только мы все это поняли — Малыш ожил, слился в единый для нас образ космического Маугли.

Вообще выдумывать образы для них совсем нетипично. Малыш, может быть, — единственное исключение. Все их герои — наши соседи, друзья, враги. Отсюда пронзительная достоверность. Отсюда угадывание читателями себя в поступках литературных героев из XXI века. Какими мы идем туда? Какими мы туда придем? Век грядущий будет не милостивее. Он будет еще беспощаднее к нашим ошибкам, к вольному или невольному злу. Реакция на наши просчеты не задержится, как бывало, на годы, не растянется на десятилетия — она будет взрывчато-секундной.

<...>

В конце мая АН принимает участие в международном конгрессе.

Из: Меридианы фантастики / Вып. 32

С 29 мая по 1 июня в Москве проходил VII конгресс международной организации «Врачи мира за предотвращение ядерной войны». Впервые в рамках конгресса состоялся коллоквиум «Научная фантастика и ядерная реальность», который

вел критик Вл. Гаков (СССР). В коллоквиуме приняли участие фантасты Йозеф Несвадба (ЧССР), Р. С. Йерсилд (Швеция), Пол Брайанс (США), а также советские писатели А. Н. Стругацкий, В. Д. Михайлов, В. Т. Бабенко, Э. В. Геворкян, В. А. Заяц, В. М. Рыбаков.

С 11-го, июньского, номера журнал «Смена» начинает публикацию первоначального варианта СОТ, «китежградского». Текст предваряется редакционным предисловием.

[«В славном Китежграде...»: Редакционное предисловие к повести «Сказка о Тройке»]

В славном Китежграде герои народных сказок, легенд, мифов и преданий чувствуют себя так же свободно и вольготно, как и герои Рабле, как и вымышленные персонажи, хорошо известные каждому из нас из опыта своей жизни, полной проблем, забот, борьбы, требующей поступков и веры в свои силы...

Китежград и его обитатели знакомы многим читателям по популярной повести братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу» (изд-во «Детская литература», 1979 г.), по телефильму «Чародеи», снятому по их сценарию.

«Сказка о Тройке» — продолжение повести «Понедельник начинается в субботу», герои которой и здесь не вешают нос, столкнувшись с глупостью и пошлостью, но с весельем и отвагой вступают в отчаянную схватку с ними. В лукавом и потешном сказочном обличье, в карнавальном круговороте фантасмагорических персонажей и ситуаций предстает перед нами противоборство молодых творческих сил с бюрократическим консерватизмом, громыхающим столь хорошо знакомым всем нам привычным набором фраз, штампов, бесплодных резолюций, продиктованных единственным желанием запретить все необычное, живое, свежее, плодотворное.

Сказка весело и заразительно смеется над этими отжившими свое застойными явлениями, борьба с которыми в наши дни приобрела такую остроту и значение.

«Сказка — ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок». Уроки «Сказки о Тройке» очевидны и не подлежат сомнению. Жизнь не остановить, это не по силам никаким параграфам и регламентациям. Она идет вперед, движимая усилиями людей, полных сил, замыслов и веселой отваги.

Актуальность этого произведения, его ненатужное, изящное остроумие, пронизанный

бодростью и оптимизмом юмор наверняка привлекут к сказке-сатире внимание читателей, и прежде всего молодых, кому хочется пожелать идти по жизни с отважным весельем.

14 июля АБС заключают договор с киностудией имени Горького на экранизацию ПНО.

В июле журнал «Даугава» заканчивает публикацию «Времени дождя», а в августе печатает большое и очень личное интервью с Авторами, взятое супругой главного редактора Еленой Михайловой.

Из: АБС: «Жизнь не уважать нельзя»

Их авторитет безусловен даже для тех, кто терпеть не может фантастику.

Уровень философского мышления и безукоризненной художественности текста Стругацких приносит высокое интеллектуальное и эстетическое наслаждение, они давно — несомненные «мэтры» отечественной фантастики, за границей их издавали и переиздавали полтораста раз... Их имена окружает ореол очень большой читательской любви. Все это так... Но один писатель «братья Стругацкие» — два разных человека, столь несхожих и в то же время соединенных

чем-то незримым, но настолько родным и узнаваемым, что их глубокую внутреннюю общность чувствуешь кожей, и традиционный вопрос о том, как же они пишут вдвоем, кажется ненужным и неважным... Такие независимые, яркие люди, но вот это их общее ощущается внезапно уязвимой болью внутренней чистоты, интеллигентности и порядочности.

Я уже несколько лет была знакома с бурным, ярко эмоциональным Аркадием Натановичем и только что познакомилась с очень внутренне закрытым при внешней легкости и изяществе общения Борисом Натановичем, но при всей разности этих контактов испытываю сейчас чувство равной нежности и надежды на добрые ветры для них... Чувство это возникло и окрепло именно в общении с братьями Стругацкими.

...Ирония слегка защищает их усталость и стойкость. «Классики» — как зовут их молодые фантасты — обладают нечастым достоянием: четкими духовными ориентирами. «Нравственный стержень» — так говорили раньше.

Братья Стругацкие — у нас в гостях.

— Аркадий Натанович, мне хочется начать с вопроса о вашем читателе. Чувствуете ли вы своего читателя, постоянную взаимосвязь с ним,

меняется ли он? В каком качестве ощущаете вы себя сейчас? Человека развлекающего? Учителя? Идеолога? Философа?.. Меняется ли ваш прежний любящий, преданный читатель и если да, то как? В общем... все о взаимоотношениях с читателем.

— Вопрос сильный, должен тебе сказать... Знаешь, вот первые наши книги, которые мы сами очень не любим, — «Страна багровых туч», рассказы первые — вот они, пожалуй, и были рассчитаны на развлечение... то есть мы писательски относились к своей теме так же, как читательски когда-то относились к Жюль Верну и Уэллсу, не подозревая, что у Уэллса есть такие философские глубины. Но открылись они нам значительно позже, когда мы сами стали уже зрелыми писателями... Здесь помогла, конечно, и родившаяся в нашей стране философская фантастика Ивана Антоновича Ефремова, и социально-эмоциональная фантастика Рэя Брэдбери... Это — о нашем восприятии своей, так сказать, развлекательности. Сейчас, конечно же, нет — иные, скажем, цели. И давно уже — нет. Хотя развлекательный элемент обязательно должен быть, чего слова-то пугаться... Понимаешь, мы никогда не забываем про троянского коня и позолоту на пилюле. Если

ты хочешь сообщить мысли, кажущиеся тебе новыми и необычными, читателю неподготовленному, приходится строить острый сюжет. За ним-то он, свеженький читатель, побежит, а мы ему и вложим философский борщ с трагическими выводами в легкой и удобочитаемой форме. А потом противники фантастики всех мастей и расцветок еще будут говорить о легком чтиве...

— Хотя как раз именно вы и делаете ту самую просветительскую работу — молодого читателя, жадного до интриги и сюжета, окунаете в высокую литературу и философию. Здесь-то он прочтет! А вещь другого жанра, заведомо «высокого», может и в руки не взять... Но — это лишь одна часть ваших читателей, хотя традиционно, именно на нее оглядываясь, и рисуют портрет читателей фантастики. Но он же совсем не таков! Сколько крупных ученых, мыслителей ищут и находят в ней отражение острых, глобальных и больных вопросов самого что ни на есть сегодняшнего дня... Георгий Михайлович Гречко, столь неординарно мыслящий человек, говорил мне, что без большой фантастической литературы своей духовной жизни просто не мыслит... И Маркес, Стругацкие и Булгаков в этом списке рядом...

— Ну спасибо ему. Нет, правда спасибо, он наш

верный читатель. Но меня не надо агитировать; я давно — «за»! Ты это тем скажи, кто без мордобоя и шишек жизнь братьев Стругацких видеть не желает.

— *И скажу.*

— Скажешь, скажешь... — верю. Но... ох, это громобойный разговор, еще вернемся, а сейчас давай я про развлекательность договорю, а то понесло нас с тобой к привычным болячкам. Оно и понятно, впрочем... Да, так вот, слово «развлекательность» для нас не ругательство, как раз ее нашей литературе очень не хватает, я не только о фантастике говорю. Что же касается читателя, то он, безусловно, заметно изменился за эти тридцать лет, что мы работаем. Читатель стал образованнее, интереснее, раскованнее, по моему мнению, наши читатели очень выросли. То ли мы их за собой тянем, то ли они нас — не знаю, но получается так, что мы пока идем голова в голову... Вот я вчера выступал в одной школе по соседству... ребята там ставили в школьном театре такие сложные наши вещи, как «Жук в муравейнике» и «Хищные вещи века»... Меня поразило, как они точно уловили все самое важное в них! И зрители — такие же ребята — реагировали абсолютно адекватно.

— А вы нуждаетесь в этом ощущении обратной связи? Зависимы от нее или нет?

— Честно говоря... объективных признаков такой зависимости мы у себя не замечаем... А потом, что такое обратная связь? Слава богу, критика нас не трогает, в душу к нам не лезет, разве что лягнут изредка, ну так чем им еще и заниматься...

— Не только же такая критика есть...

— Верно, есть и другая. Но нам с этим не везло. Просвещенным и мудрым критикам было как-то не до нас, а вот те, что облают, — они всегда пожалуйста. Наши единомышленники-критики печатаются крайне редко, за всю нашу писательскую карьеру мы можем насчитать 5–6 выступлений, о которых стоило бы говорить.

— Вам мешало отсутствие критики или нет?

— Помогало! Как только они за нас взялись, нас перестали печатать, вообще посыпались неприятности...

— То есть умных, глубоких критических выступлений практически не было вообще?

— Конечно. Эти пять-шесть, о которых я говорил... — ну, не поливали грязью... пытались «в чем-то разобраться», но — «помогали»? Нет!.. Есть, правда, один человек, который нас очень хорошо понимает и прекрасно пишет, но ему

пока не удалось пробиться ни строчкой.

— *Кто?*

— Это Олег Шестопалов, очень сильный математик, доктор наук, лауреат Государственной премии... Ну, представь себе самых лучших и достойных наших главных редакторов, которые взяли бы у математика литературную рецензию?! Это ж профессионалы от злости удавятся...

— *...Я совершенно не воспринимаю вас именно как фантастов, да-да... Для меня братья Стругацкие — большая литература, и все. По-моему, литературный процесс есть нечто неделимое, единое целое... К чему заниматься игрой в подведомственные жанры... есть просто литература — или ее нет. Остальное все от лукавого, придумано теми, кому не дано созидать собственно литературу...*

— Абсолютно согласен.

— *Так вот, насколько вы сами ощущаете себя частичкой мирового литературного процесса, либо... Иные ваши поклонники служат вам дурную службу... те, кто кричат, что вот им интересно фантастику — Стругацких — и еще детективы, а неинтересно Достоевского и Цветаеву... Итак, ваше восприятие того, что вы делаете, и ваше понимание фантастики.*

— Начну с того, что я очень неприязненно отношусь к тем почитателям братьев Стругацких, которые не любят Достоевского. Это прежде всего. Но этот читатель — не главный наш читатель, нет... Мы уже давно для себя установили некое кредо... символ веры: писать можно либо о том, что ты знаешь лучше всех других, либо о том, чего никто, кроме тебя, не знает. Это во-первых. Фантастика и исторический роман в этом отношении очень сходны. Во-вторых, фантастика — это литература огромных социальных и этических обобщений. Нам не нужно задумываться о том, ходил ли в период, описываемый нами, троллейбус № 5 по кольцевой дороге или нет, нам это не важно; ситуация, антураж — это целиком дело нашей фантазии, и в этом я вижу наше преимущество перед писателями-реалистами... потому что мы можем всю нашу энергию... творческую вложить в самую суть, в то, что мы по-настоящему хотим сказать. Не отвлекаясь ни на что.

— *Фантастические обстоятельства нужны вам, дабы свободно наполнить форму психологической и философской начинкой... так?*

— Конечно. Собственно, научная фантастика нас давно уже не волнует, только человек со всеми его «измами» — цель, а идти к ней, к разным

его глубинам и допускам, для нас естественно путем фантастики. Вот и все.

<...>

— Я не буду задавать вам традиционный вопрос о том, как вы работаете вдвоем, кто из вас лежит на диване, а кто сидит за машинкой — в конце концов, если авторы считают нужным оставлять это в тайне, то это их дело и лезть в чужую кухню неприлично, но все же спрошу вот о чем...

— Но это действительно так, очень точно ты сказала: один валяется на диване, а другой сидит за машинкой, ничего не поделаешь! В четыре руки на машинке не поработаешь...

— Наверное, чаще всего все-таки за машинкой сидите не вы?

— А вот и нет, как раз я! Да — к твоему сведению... По одной простой причине — Борис Натанович очень рассеян и делает много ошибок.

(Забегая вперед, скажу, что на аналогичный вопрос Борис Натанович иронически, чуть обиженно произнес:

«Аркадий — аккуратист и педант невероятный, все ему кажется, что я не так внимателен, ну и на здоровье, пусть тогда сам и сидит...» *— Е. М.)*

<...>

— Аркадий Натанович, а что произошло с 24-томным изданием мировой фантастики?

— Это издание наш дорогой Госкомиздат затеял втайне от всех. У них, значит, было два лозунга. Один: там должны быть опубликованы произведения давно известные, по сто раз издававшиеся, с «безупречной» репутацией. Другой: должна быть история мировой фантастики. Эти два положения друг другу противоречат — как можно сочетать, например, сочинения князя Одоевского с требованием «зарекомендованности»? Мы пытаемся бороться, мы хотим развернуть весь парад советской фантастики, учитывая такую малость площадей, но понимая — это именно то, что нужно читателям и у нас, и во всем мире, а не перепечатки сотый раз Беляева37.

<...>

— Аркадий Натанович, в чем вы находите утешение от естественных человеческих страхов — болезни, смерти, беды, ядерной катастрофы, то есть всего того, от чего человеку страшно? Всего, от чего он может отгородиться дневной суетой, но ночью спрятаться некуда, он беззащитен... В одном очень неплохом фильме Ролан Быков, игравший крупного театрального режис-

сера, говорил: «Но наступает возраст, когда по ночам ты лежишь и думаешь о гражданской панихиде. О своей. О том, кто придет и что скажут. И что не скажут».

— Ну давай начнем с глобального... Я готов с кем угодно спорить на ящик коньяка, что ядерной катастрофы не будет. И я не проиграю, потому что если проиграю, то мне отдавать будет некому... А всерьез... Дело в том, что жить в ожидании конца — преступление перед жизнью. На мой вполне серьезный взгляд, знать нам ничего о будущем не дано, но жить надо достойно, без страха... Со мной многие несогласны, но я думаю так. Это — о ядерном крахе... Что касается прочих человеческих страхов, знаешь, у меня их просто нет, мне не от чего защищаться.

— *Даже так?*

— Даже так. От смерти не защитишься все равно... В конце концов, что такое смерть? Смерть, дорогие товарищи, это самое интересное приключение, которое мы испытаем в жизни. Болезни? Ну есть врачи, пилюли, в крайнем случае хирургический нож.

— *Тоже не боитесь?*

— Не-ет, от ножа я попытаюсь сачкануть... а все остальное, господи боже, я стараюсь не избегать

радостей жизни — начиная от любви вкусно поесть до всей человеческой палитры: очень люблю общаться со своим внуком, книги — какая радость жизни! И наконец — работа, все та же вечная работа... У меня, наверное, природно здоровая психика, если выдержала и ленинградскую блокаду, и много разных... дивертисментов потом... и — ничего!.. Долго не печатали, поливали критики как могли, но держусь, держаться-то надо прилично, я ведь, кроме всего, старший!

— *Сдвинутость психики, распад... каких-то краеугольных камней, на которые опирается душа человеческая, когда ей трудно и больно, — это повсеместное явление сейчас, к сожалению, уже почти норма, а ваш внутренний статус-кво — это прекрасно, но так редко у человека просвещенного и с открытыми глазами... Понимать и не страшиться... Этого почти не бывает.*

— Дергаться перед неизбежным мы не будем!

— *Достоинство?..*

— Конечно... Нужно честно и с честью... помнить, кто были отцы, и не терять лица перед внуком... Как же это так, что это я буду сопли распускать... да и перед собой как-то невместно.

— *Вы с оптимизмом смотрите в наше социальное будущее? Верите в перемены?*

— Я понимаю скептиков — очень много душевных мозолей накопилось у людей, очень много рушилось надежд. Но слова «верить» нет в нашем лексиконе. Делу перестройки надо активно помогать — вот это я знаю.

— *Вы легко работаете?*

— Нет, очень тяжело. Особенно последние вещи нам очень трудно даются, потому что сложная проблематика... она все усложняется, и все больше времени надо тратить на размышления... споры...

<...>

...Спустя неделю после разговора с Аркадием Натановичем я поехала в Ленинград — к Стругацкому-младшему. Меня предупреждали, правда, что в отличие от старшего брата Борис Натанович очень замкнут, сдержан, откровенен бывает чрезвычайно редко и только с близкими друзьями, что, в общем, не надо питать иллюзий... ибо в данном случае контраст традиционен — московская раскованность одного и петербургская корректная сдержанность другого. К тому же знакомы мы не были. «Да-да, все именно так и есть!» — смеясь, периодически утверждал Борис Натанович в течение нашего... четырехчасового разговора. «Да-да, вот так и напишите,

пожалуйста, что не повезло вам со мной ужасно, такой эмоциональный скупердяй попался, только на интеллектуальный треп и способен». Это он поспешно вставлял в редкие паузы столь насыщенного всеми человеческими слагаемыми разговора: мудро-ироническими размышлениями и неподдельной болью, когда речь шла о наших всеобщих бедах; воспоминаниями детства; мыслями о литературе и вечной горькой надеждой подлинно мужественного человека... Так что, по-моему, мне как раз очень повезло, все было в этом прекрасном разговоре, и четырех кассет хватит не на одну запись беседы. Здесь же, сейчас — отрывки, кусочки, то, что показалось мне нужным и важным именно теперь.

— Борис Натанович, я сейчас буду говорить громкие слова, а именно: мне хотелось бы побеседовать с вами как... с художником... мыслителем... философом, но не как с человеком, имя которого абсолютно привязано к слову «фантастика»...

— Послушайте, а у меня к вам встречный вопрос: вот вы читали, конечно, наши книжки. У вас как у читателя были какие-нибудь вопросы к нам?

— Разумеется.

— Я вот почему спрашиваю: дело в том, что Аркадий и я — мы оба читаем всю жизнь и, надеюсь, будем читать до смерти, мы «профессиональные» читатели, но... Ну, есть у меня любимые писатели. Ну, я очень жалею, что не привелось мне познакомиться с Юрием Трифоновым, которого я считаю блистательным писателем... Но у меня нет к нему вопросов! Мне просто хотелось бы на него посмотреть, посидеть и послушать, если бы он захотел говорить... Но — вопросов нет, вот в чем штука.

— *А к кому есть?*

— Да ни к кому, наверное. Но это у меня от возраста берется — раньше разговор на общие темы был мне нужен... еще как... а с возрастом иногда останавливаешься от мысли о бессмысленности всего, что мы скажем, даже самого важного вроде... Разговор на общие темы доставляет интеллигентному человеку такое же удовольствие, как сытому человеку ломтик чего-нибудь вкусного после обеда.

— *Не могу согласиться с вами. По-моему, даже в самые тяжкие моменты жизни талантливая беседа с достойным партнером подобна допингу, когда ты уже выдохся... Бывает время, когда она нужнее обеда.*

— По-моему, это все-таки больше в молодости, хотя, наверное, все зависит от характера... вот Эйдельмана только тронь — и из него польется высококачественный текст... Дар.

— Борис Натанович, а спросить я вас хотела вот о чем: насколько в том, что вы пишете, вы видите возможность объяснить себе ли самому или людям, ждущим этого от вас... объяснить и найти выход из тысячи современных тупиков... Видите ли вы какую-либо миссионерскую роль в том, что делаете? Или вы просто пишете, как разговариваете... как жизненное формовыражение?.. Считаете ли вы, что можете добавить свой кирпич к... зданию надежды?

— С одной стороны — да, считаю. С другой — я прекрасно понимаю, что кирпичик этот очень маленький, и все-таки, пожалуй, если честно, пишу я не для этого. Нет, конечно, я понимаю, что наши книги помогают людям жить... ведь помогают же мне любимые книги... почему же не предположить того же... Я считаю, что некая миссия нашими книгами выполняется, хотим мы этого или нет, так уж устроена наша российская жизнь — у нас литература играет совершенно необычную по масштабу роль, нигде в мире ничего подобного нет. Но пишем мы не для ка-

кой-либо, пусть самой благородной, цели — нет. Я не могу даже сразу ответить, почему. Работать ведь всегда тяжко... мучительно...

— *Работать всегда трудно... Наверное, только графоманы пишут легко.*

— Но я вспоминаю времена, когда мы начинали работать... бывали, конечно, счастливые и светлые часы, когда все шло само собой, когда мы, заливаясь хохотом, писали строчку за строчкой... Но чем дальше, тем труднее. Наверное, это все-таки было в то время, когда мы еще считали литературу делом не очень серьезным, относились ко всему несколько легкомысленно... Было молодое желание утереть нос профессионалам... Вначале мы просто стремились показать, как, по нашему мнению, надо писать. Дело в том, что фантастику мы всегда любили и наше разочарование ее уровнем в пятидесятые годы было огромным. Понадобилось, наверное, пять книг, чтобы мы поняли, что занялись-то делом серьезнейшим... На самом деле, конечно, вот вопрос, который интересовал нас всегда — с шестидесятых годов и по сей день: куда мы идем? Асеевские стихи: «А интересно, черт возьми, что станет, наконец, с людьми...» В конце пятидесятых, после XX съезда партии, казалось, что за разоблаче-

нием культа вот-вот наступит светлое будущее. В начале шестидесятых уже стало ясно, что все не так просто. Было абсолютно непонятно, кто это светлое будущее создаст... где эти люди? Нет, они были вокруг, но их было очень мало — как раритеты, как редкие марки. Десятки из тысяч, десятков и сотен тысяч. Стало ясно, что тех, кто мешает, гораздо больше тех, кто помогает. Наступил естественный период разочарования. Мы потеряли ориентировку тогда...

— А сегодняшний день? Что вы думаете о будущем нашей долгожданной перестройки?

— Очень непросто все это. Перестройка — это просто слово, которое на самом деле означает только одно: жить дальше так, как мы жили до сих пор, *нельзя*. <...>

— Мне это рассказывать не нужно, ибо на вашу жизнь пришлись разные времена, а взять мое поколение — нынешних тридцатилетних — вся его сознательная жизнь пришлась на период застоя... Я видела, как мальчики в шестом классе уже начинали делать карьеру. Да-да, это называлось именно так, а детский цинизм — это совсем страшно.

— Да, конечно, первый глоток свободы вы уже не застали, маленькой были... Пять лет назад я ни

на что не надеялся, а сейчас я надеюсь еще что-то увидеть. Пять лет назад я говорил своему сыну, безумному поклоннику рок-музыки: «Ничего ты не увидишь в своей жизни. Я не увижу точно... Ты, может быть, к концу жизни еще чего-то дождешься»... А ныне у меня появляется надежда, что и я, если повезет, еще что-нибудь новенькое застану. Хотя обольщаться не надо — все трудно и будет трудно. Исторических переломов легких не бывает. А мы сейчас на совершенно типичном переломе истории.

— *Борис Натанович, а если вернуться к первому вопросу, к литературе, к выводу, к которому мы пришли: вы работаете с ощущением, что вот началась колея, вы уже вошли в нее и вам из нее не выйти...*

— Безусловно, колея — вы очень точное нашли слово... Ты вперся в колею для того, чтобы что-то или кому-то доказать, а потом уже вылезти из нее ты не можешь — тащишь свой груз. Но при этом, естественно, будучи человеком порядочным, стараешься делать это как можно лучше.

— *Конечно. А дальше уже работа диктует сама.*

— Да.

— *...и выводит к тем обретениям, к которым*

вы сами, без нее, никогда не пришли бы... Работа вас сама вывезет.

— Ты становишься не то чтобы рабом своей работы, но... у вас устанавливаются с ней специфические отношения... ты не только не можешь, ты не хочешь ее бросить, потому что прекрасно понимаешь, что если ты ее бросишь, то у тебя же ничего не останется. Это как... литературная жена... Пропал уже первый азарт, первые порывы, но уйти от нее ты не можешь, связан с ней навсегда. Твоя задача состоит только в том, чтобы сделать все как можно лучше в рамках возникшей ситуации.

— *Борис Натанович, вы давно возглавляете ленинградский семинар молодых фантастов. Аркадий Натанович с несомненной радостью рассказывал мне о ваших педагогических талантах...*

— Да мне просто нравится возиться с молодыми ребятами. Многие из них талантливы, и хотя я прекрасно понимаю, что научить писать никого нельзя, но помочь чему-то хочется, хотя бы избавить от повторения самых традиционных ошибок... Вообще удовлетворение этого желания — помочь — очень благотворно действует, какой-то такой витамин жизненный... Я вообще

человек по натуре очень замкнутый, у меня есть либо друзья, с которыми я встречаюсь регулярно и близко, — их очень мало, либо знакомые, с которыми общаюсь крайне редко.

— *Вы нуждаетесь в общении, в дружбе?*

— Я нуждаюсь не столько в общении, сколько в дружбе, я бы так сказал. Я привык к друзьям, у меня всю жизнь были близкие друзья со школы. Это были очень талантливые ребята, славные, умные, все они страшно интересовались окружающим миром, все они были дьявольски любознательными, массу всего читали... мы выпендривались друг перед другом и любили друг друга... мы все время спорили о частностях, будучи согласны друг с другом в чем-то главном, и споры эти были той благотворной микросредой, которая и дала первотолчок творческий! Это продолжалось восемь лет — до окончания нами своих институтов. Потом жизнь развела, конечно, но такая юность питает очень долго, если не всегда.

<...>

— <...> Менялись они, группы этих людей, менялись. Своего рода конгломерат... Когда распалась одна группа друзей, возникла другая, с которой ныне я счастлив во взаимной любви... Это очень важно — это вот та самая референтная группа,

о которой любят говорить социологи. Они под этим термином понимают группу людей, чье мнение для тебя ценно. Ну, для меня это более узко: я этих людей должен обязательно любить, не только уважать.

— А что вам помогает в минуты тяжкие?

— Мне лично по-настоящему тяжко бывает только тогда, когда что-нибудь не в порядке с моими близкими людьми... Тогда мне ничего не помогает... Тогда мне может помочь только исправление ситуации.

— При этом наша жизнь очень богата на всяческие мерзости рангом поменьше... Вы достаточно хорошо закалены, да?

— Ну, нас столько били, колотили, молотили, у нас было столько чисто писательских неприятностей, что надо было либо пропадать, либо выработать некий внутренний барьер. Мы выработали, так как поняли, что все это ерунда текущих сиюминутных страстей, всегда было и будет, а нам наше дело делать надобно, вот и все. <...>

В августе «Химия и жизнь» начинает публикацию сценария «Туча». Представляют сценарий сами Авторы.

АБС. От авторов: [Предисл. к сценарию «Туча»]

Недавно в журнале «Даугава» закончилась публикация нашей повести «Время дождя». Мы написали ее двадцать лет назад, тогда она называлась «Гадкие лебеди». Предлагаемый вашему вниманию сценарий «Туча» использует некоторые мотивы этой повести. Читатель заметит, безусловно, что проблематика сценария отличается от проблематики повести двадцатилетней давности, хотя и не так сильно, как можно было бы ожидать в нашу эпоху быстрых перемен. Так или иначе, мы рады случаю опубликоваться в журнале, который любим и читаем уже много лет.

В августе же рижский журнал «Родник» публикует проникновенное эссе, посвященное творчеству АБС.

Из: Кузнецов А., Хрусталева О. Сказка о Двойке

<...>

С первых шагов Стругацкие были верующими людьми. Они верили в возможность создания Эдема на Земле и во Вселенной. Но что-то неизъ-

яснимо грустное нет-нет да и проскальзывало в их первых повестях, пронизанных иногда режущим светом полдня XXII века. Солнце стояло в зените, и мир, освещаемый им, мир без теней, казался ясным и прекрасным в своей ясности. Стругацкие радовались открывавшимся перед человечеством возможностям и верили, что строительство Эдема в конечном итоге — всего лишь техническая задача, пока над далекой Радугой, планетой, превращенной коммунарами в райские кущи, не нависла черная волна, поднятая развитием науки «без берегов». Человечество было готово к решению этических проблем в экстремальной ситуации, грозившей гибелью его части, но едва ощутимые царапины тронули окуляр телескопа, обращенного к светлому будущему. Высочайший технический уровень цивилизации не снимал вопросов, извечно стоявших перед людьми. «Потемки» человеческой души были первой тайной, настигшей Стругацких в их странствиях по будущему.

<...>

«Улитка на склоне» и «Пикник на обочине» были темными вехами художественной эволюции мысли Стругацких. Тайна входила, властно и неотвратимо разверзая трагическую пропасть

перед только что готовым раскрыть врата Эдемом. Она еще не была названа, но ее присутствие наполняло мысль о будущем липкими образами ночного кошмара. Тем более что реальные темпы приближения к сияющей вершине вдруг оказались равными ходу улитки. Родилась страшная догадка, что желанная цель может предстать в виде чуждом и пугающем, вроде биологической («лесной») цивилизации, а сам человеческий мир превратится в лужайку для пикника каких-нибудь жутких нелюдей. Человек сталкивался с загадкой творения, и это столкновение преображало душу до неузнаваемости. Вырывая из лап технократии, заповедная Зона подминала, калечила людей. И чтобы выжить в двойной переделке, двойной мясорубке, нужно было поверить в нее, не пытаясь разгадать и вычислить. Научному знанию творящее начало противилось с поистине нечеловеческой жестокостью. Но проклиная Зону, убившую славного парня Кирилла, Рэдрик Шухарт — Сталкер — не мог ее не любить, не мог в нее не верить. Потому она и дала ему силы на последний крик — мольбу о счастье человечества.

<...>

Чудеса происходили не по, а против желания

человека. Даже не происходили, а просто обрушивались в нормальную жизнь ученых Дмитрия Малянова, Валентина Вайнгартена, Филиппа Вечеровского, за миллиард лет напоминая о возможном конце света. Стругацкие еще раз вернулись к конфликту с природой, может быть, потому, что не могли не любить науку. Их корабль лавировал между Сциллой биологического хаоса и Харибдой технократического космоса. Для детей цивилизации уклонение в одну из сторон означало гибель, поворот на «глухие, кривые окольные тропы». Стругацкие назвали тайну и тем самым убили ее. Разгаданная, она уже не пугала. И Фил Вечеровский забрал незаконченные работы собратьев по науке вместе с проклятьем, которое насылала на них природа за вторжение в ее заповедные зоны, насылала в виде рыжих карликов, одурманенных красавиц, ударов молний и пр. Он выстоял право на владение тайной. Но самим Стругацким, похоже, оно уже не доставляло удовольствия, и позже устами Максима Каммерера было произнесено: «Я даже стараюсь никогда не употреблять принятого термина — „раскрыть тайну“, я говорю обычно „раскопать тайну“ — и кажусь себе при этом ассенизатором в самом первоначальном смысле этого слова».

<...>

«Трудно быть богом» выламывалась из литературы 60-х и воспринималась (позже и до сих пор) с болезненной обостренностью. В первый и последний раз лирическим героем повествования стал человек, сердце которого разрывалось от Любви. Оно разрывалось на протяжении всех мытарств Руматы Эсторского — прогрессора, милого мальчика Антона (не он ли так доверчиво пытался переубедить гитлереныша с планеты Саула, угощая его вареньем?). И оно разорвалось. «Душа не выстрадала счастье», но отстрадала право на Любовь.

Стругацкие никогда больше не давали восприятия мира такими горячечными от любви и ненависти глазами. Все описания в повести располагались на двух точках: или нежной жалости, той жалости, которую знает только большая Любовь, или презрительной Ненависти, даже брезгливости... <...> Стругацкие истекли любовью в эту повесть, как истекают кровью смертельно раненные пониманием несовершенства мира люди. О ней можно было бы сказать, что она написана трясущимися от гнева руками, как лучшие романы Достоевского и Салтыкова-Щедрина. Никогда больше, если не считать социально-

разъяренной «Сказки о Тройке», Стругацкие не позволяли себе «взрывать» сердце, ибо его осколками можно ухайдакать очень много априорно любимых людей.

<...>

Нелюди появились почти сразу. Существование в человеке нечеловеческих возможностей начало мучить Стругацких еще на Далекой Радуге. Камилл — один из 13-ти (чертова дюжина!), сравнивших себя с машинами, — был первым Агасфером человеческого мира. Посмотрев на него, Стругацкие поняли, что, выходя за пределы людских возможностей, теряя способность потерять жизнь, новорожденный бог обрекал себя на кромешное одиночество. И тосковал, как Малыш, превращенный цивилизацией другой планеты в нелюдя, по человеческим контактам; и метался, как Лев Абалкин, под воздействием программы, заложенной в него неведомыми космическими Странниками; и негодовал, как Тойво Глумов, пытаясь отловить контрпрогрессоров, вмешивающихся в земные дела; и все-таки уходил, потому что был homo ludens'ом — человеком играющим. Не живущим, а играющим в жизнь или множественность жизней.

Что-то претило Стругацким в самой идее игры

с людьми. Может быть, потому, что она казалась им нечестной, как игра Бога с человеком, где ставкой одного была собственная жизнь, а другой не ставил на карту ничего, уверенный в заведомом выигрыше. (Не потому ли Стругацкие разлюбили институт прогрессоров, что эта программа оберегалась застрахованным результатом?)

Может быть, потому, что людены — новая генерация, родившаяся, сформировавшаяся в недрах человечества и ушедшая от него в повести «Волны гасят ветер», — были не способны на страдание и сострадание.

Может быть, потому, что в этих ангелах космического Эдема проступили черты вечного скитальца и выяснилось — не только люди неинтересны ангелам, но и ангелы неинтересны ангелам.

Может быть, потому, что в этих люденах было нечто, пугавшее даже зверей.

Может быть, потому, что в людях было нечто, отличавшее их от нелюдей.

Милосердие — вот главное для человека, поскольку предполагает возможность и радость от сосуществования других, на него не похожих. И оно предполагает невмешательство в дела других до первого призыва о помощи. И тогда человек

способен пожалеть человека. Он способен пожалеть ангела. Он способен пожалеть Агасфера. Он способен пожалеть даже бога с поистине божественной широтой.

Они сказали что-то очень важное. Настолько важное, что при чтении порой кажется: самое главное они оставили в зонах молчания; они просто не хотят говорить прежде, чем человек дойдет до этого сам. А уж когда дойдет, ему не потребуется дополнительных объяснений.

<...>

О творчестве АБС писали не только благожелательно (сторонники) или только негативно (недруги). Иногда страницы одних и тех же журналов отражали то, как постепенно приходят к пониманию произведений Авторов.

К примеру, популярный перестроечный журналист Татьяна Иванова в 15-м номере журнала «Огонек» в своем обзоре современной советской литературы утверждала, что не все произведения даже самых известных писателей удачны. В качестве примера она привела «Время дождя» (ГЛ). Полугодом позже, в 35-м номере, рассматривая последние выпуски «Уральского следопыта», она писала:

Из: Иванова Т. Не сотвори себе кумира

<...>

Невозможно не сказать еще об одном материале этого номера: братья Стругацкие отвечают на письма читателей. Это очень интересно. Все, кого волнует судьба фантастики, все, от кого она зависит, думаю, прямо должны прочесть этот материал: Стругацкие, во всяком случае, имеют право быть выслушаны. Журналам, ищущим, что бы опубликовать, тоже надо обратиться к этому материалу, если они доверяют вкусу Стругацких: братья называют имена и адреса тех, кто, по их представлениям, пишет отличную фантастику. А я воспользуюсь случаем, чтобы поправить одно свое опрометчивое заявление. В одном из обзоров я достаточно скептически отозвалась о «Времени дождя», публикующемся в журнале «Даугава». После первых номеров что-то не вызвал он у меня энтузиазма. Читатели прислали письма протеста: им очень нравилось! Я стала читать дальше, вчиталась и вижу теперь, что они были правы. <...>

В начале августа проводится очередной телемост «СССР — США». Его тема — «Вместе к

Марсу». В числе приглашенных с советской стороны был и АН. Его мнение о нецелесообразности в обозримом будущем полета на Марс было встречено остальными участниками телемоста буквально в штыки.

Из: Лесков С. Вместе на Марс

<...>

В прошлом году американский профессор Карл Саган, репутация которого в научных кругах очень высока (ученый, в частности, руководил программой «Викинг»), выступил в журнале «Пэрейд» со статьей, где выдвигал идею совместной экспедиции СССР и США на Марс. Сегодняшний телемост во многом рожден на волне успеха той статьи. <...> Ученый называет дату, когда могли бы начаться работы по совместной экспедиции, — 1992 год. Год юбилейный для обеих стран. 500-летие открытия Америки и 75-летие Октябрьской революции. Пилотируемый полет, как полагает профессор, станет технологически осуществимым к началу XXI века.

Ученые поддержали призыв Карла Сагана. Какие могут быть сомнения? Лететь! И если сегодня экспедиция еще невозможна, то, чтобы она стала возможной завтра, именно сегодня

надо ее планировать и разрабатывать. Впрочем... Полное единодушие в невиданном предприятии было бы подозрительным. Так вот, нашелся в павильоне «Космос» неверующий. То был... известный писатель-фантаст Аркадий Стругацкий. Слушая его контраргументы, я подумал о том, что самое характерное для фантаста, быть может, не безоглядная лихость в прожектах, а нетрадиционность мышления, умение увидеть проблему в ином, чем все стоящие рядом, свете. И о том еще, что ученые в своих сухих теориях часто опережают свободный полет писательской фантазии, а если мы и думаем иначе, то виной тому их замкнутость и недоступность научных формулировок. Но, как бы то ни было, говорил А. Стругацкий о вещах отнюдь не легковесных.

— Да, я — пессимист. При нынешнем состоянии экономики, социальных отношений, науки приниматься за столь чудовищно дорогостоящий проект рано. Сначала надо договориться о теснейшем сотрудничестве на Земле, исправить положение, когда добрая половина человечества думает лишь о желудке, который ноет в ожидании пищи. Программу освоения космоса целесообразно ограничить пока околоземным пространством. Полет на Марс — овчинка, кото-

рая не стоит выделки. Придется преодолеть около 200 миллионов километров, да еще неизвестно, сколько сидеть на планете в ожидании благоприятного момента для возвращения. Слишком слабы двигатели, на химическом топливе далеко не уедешь. Надо создать материалы, которые максимально обезопасят людей и приборы в столь длительной экспедиции. Не обойтись без аккумулирующих энергию сверхпроводников. Но пока всего этого нет, я резкий противник разработки любой долгосрочной марсианской программы. И без того бюджеты наших стран достаточно отягощены.

Ученые с энергией бросились в атаку на Стругацкого, и с таким любопытством поглядывал он на воспламенившихся оппонентов, что закралось подозрение: не поддразнивает ли знаток человеческих душ «спецов» с целью выудить из них побольше? Особенно обиженными за Марс выглядели астронавт Э. Олдрин, уже ступавший на Луну, и космонавт В. Кубасов, участник полета «Союз» — «Аполлон». Для космических мореплавателей экспедиция воспринимается как личное, кровное дело.

<...>

Но как же все-таки быть с доводами А. Стру-

гацкого о том, что на Земле еще дел непочатый край и они куда важнее, чем межпланетные экспедиции за синей птицей? Оставим в стороне то, что затраты на разработку новых технологий и конструкций окупились бы многократно после повсеместного внедрения в земных условиях. И неужели сейчас средства используются лучшим образом? По словам академика Р. Сагдеева, стоимость осуществления проекта вдвое меньше планируемых Соединенными Штатами до 1993 г. затрат на программу СОИ. С коллегой согласен К. Саган: при нынешнем уровне развития науки экспедиция на Марс окажется дешевле даже полета на Луну 20-летней давности.

Но почему все-таки на Марс? Лично я не могу не согласиться со Стругацким по крайней мере в одном. На нашей планете достаточно проблем, которые требуют совместных усилий держав. И проблемы эти столь остры, что сказать о заземленности обращения к ним язык не повернется. Но реалии нашей земной жизни таковы, будем откровенны, что СССР и США сегодня едва ли не легче договориться о полете на необитаемую планету, чем о том, как накормить голодных в Азии и вылечить больных в Африке. Сотрудничество на Земле пока более фантастично, чем сотруд-

ничество в космосе. Но разве нельзя именно на неземных, воспринимаемых куда менее болезненно, делах найти общий язык и заговорить на нем внизу, на старой доброй планете? Такой путь возможен, и он заманчив.

Так что же, переубедили ученые неверующего фантаста А. Стругацкого? Не знаю. Но, судя по довольной улыбке, хитрец писатель узнал для себя много интересного.

16 августа АН пишет рецензию на книгу Владимира Савченко, выпускаемую в «Советском писателе». На друга писать рецензию всегда непросто, и АН не раз отвлекается от узкой темы на более общие соображения.

Из архива. Рецензия АНа на книгу В. Савченко

Несколько слов об авторе. Владимир Иванович Савченко принадлежит к тому отряду писателей, который вслед за Иваном Антоновичем Ефремовым возрождал и выводил на мировую арену отечественную художественную фантастику. Первая же его повесть «Черные звезды» (1960) обратила на себя внимание всех любителей жанра как новаторская не только по «научно-фантастическому антуражу», но и героями своими

(современные научные работники), и местом действия (современная научная лаборатория). Надобно вспомнить, что в те времена разве что один лишь Даниил Гранин обращался к таким героям и к такой обстановке.

В последующих своих произведениях Савченко регулярно и с нарастающим мастерством обращался к теме драмы идей, научного поиска, а главное — к психологии, к исследованию поведенческих характеристик, к самой философии бытия современного «научника». Сам крупный исследователь в области полупроводников и микроэлектроники, половину жизни проведший среди прототипов своих героев, он без восторженной сопливости, с суровой взыскательностью и с не менее суровой самокритичностью зорко наблюдал своих товарищей и врагов в мире научного поиска, трезво и пристрастно наблюдал и себя в этом мире. Идеальное положение для писателя! А Савченко был, есть и останется незаурядным писателем.

Вид литературы, в котором он работает, именуется научной фантастикой. Другими словами, сюжетным движителем его произведений почти всегда является ситуация, возникшая в результате появления в нашем обыденном мире некоего

научного или инженерного открытия, либо еще только созревающего в недрах нашей технологии, либо только чаемого современной наукой, либо даже вообще невозможного с точки зрения современных научных представлений.

Как научный фантаст Савченко и коварен, и простодушен. Ему доставляет огромное наслаждение смаковать подробности созданных им систем и положений квазитехнологии, в которых причудливо и изящно переплетаются элементы реально существующих и выдуманных им факторов движения материи и разума. Фантастическая технология у Савченко — это однородный сплав точно известного и воображенного, настолько однородный, что не-специалисту (не-специалисту по полупроводникам, не-специалисту по кибернетике, не-специалисту по бионике) подчас трудно, а то и вообще не под силу отделить одно от другого. В этом Савченко решительно уникален в мировой фантастике.

Да, в этом он уникален, но не в этом его главная сила. В конце концов, как я уже говорил, фантастическая технология — это антураж у него, всего лишь движитель внешнего сюжета. Способ, при помощи которого Савченко ставит своих героев «под микроскоп».

Сила Савченко — в его великолепном знании людей, о которых он пишет.

В способности анализировать их психологию и мотивы их поведения.

В способности типизировать их «здесь и сейчас». В сущности, литература, создаваемая Савченко, это литература о реальных типических людях в фантастических нетипических ситуациях.

Прибавлю сюда отчетливо выраженную склонность Савченко к беспощадной сатире.

Прибавлю присущий ему блистательный юмор на самом высоком уровне. (Большинство присяжных юмористов наших ему в подметки не годятся.)

Прибавлю жадный интерес к самой современной социальной проблематике.

Вот это и есть Савченко, один из талантливейших писателей-фантастов нашей страны, а значит — и мира.

Недаром его роман «Открытие себя», роман неожиданный, ни на что из ранее написанного в фантастике не похожий, удостоился отдельного тома в многотомнике «Библиотеки современной фантастики» (кроме него в этом собрании отдельных томов удостоились только И. Ефремов

и братья Стругацкие) и переведен во многих странах.

Передо мной два новых его произведения: «Пятое измерение» и «Похитители сутей».

Ну, новых — это только так говорится. Судя по свидетельству на заглавном листе, «Пятое измерение» было закончено шесть лет назад. Не знаю, как насчет «Похитителей», но и им тоже несколько лет, не сомневаюсь.

Проклятье нашей издательской политики в области художественной фантастики! Талантливый писатель, член Союза писателей, а издаваться до последнего времени было негде... Впрочем, это уже другой разговор.

Итак, «Пятое измерение» и «Похитители сутей».

Собственно, после всего, что было сказано выше, добавить остается немного. Оба эти произведения — несомненно, еще один шаг вперед. Они еще более интересны, нежели «Открытие себя», роман, который я очень люблю и перечитывал несколько раз.

«Пятое измерение» — повесть глубоко философская. Да, и в ней действуют современные молодые ученые, и в ней действие происходит главным образом в стенах лаборатории, и в ней разят

савченковские сатирические стрелы и звучит благородно-грубоватый савченковский юмор. Но, как мне представляется, в этой повести Савченко подводит итоги своим трудным и парадоксальным размышлениям о сложных и неоднозначных связях между ходом истории и социопсихологическими движениями человеческих масс. Всем известно замечательное утверждение Маркса: «Общественное бытие (подлежащее) определяет общественное сознание (дополнение)». Но уже на наших глазах эта формула начинает переворачиваться. Мы живем в такое время, когда только изменение (ухудшение или улучшение) качества общественного сознания может ускорить, затормозить, а то и вовсе оборвать общественное (и вообще любое) бытие. Герои Савченко с помощью фантастической технологии исследуют варианты человеческой истории, возникающие в зависимости от состояния общественного сознания.

И повесть звучит отчаянным призывом к людям: не будьте пассивны, нет никаких хат с краю, если не поднимете голос сегодня, завтра будет поздно! «Пятое измерение» — это редкая попытка воплотить современнейшие социальные идеи в художественные образы. И на мой взгляд, попытка эта хорошо удалась.

«Похитители сутей» — совершенно новая для Савченко тенденция. Это социальная сатира по преимуществу. Естественно, с научно-фантастической подоплекой. По форме — детектив. А все вместе — блестящая разработка темы Подарка. Кажется, первым образцом этой трудной, но чрезвычайно плодотворной темы был «Человек, который мог творить чудеса» Уэллса. Помните? Некие высшие силы наделяют даром чудотворца маленького клерка в провинциальной Англии, тупого мещанина без воображения и силы воли. У Савченко это шире. Некая суперцивилизация одаряет человечество — современное человечество, вот в чем самое интересное! — технологией отщепления и отчуждения индивидуальной психики от физического тела.

Что происходит в результате — можно прочесть в повести. Ясно одно: Подарок сделан слишком рано, при всех его приятных и полезных качествах, могущих, казалось бы, облагодетельствовать человечество, он начинает разъедать человечество изнутри. Характерно, что Савченко не замкнул сюжет. Он как бы предложил читателю довообразить, что может случиться дальше.

Вот такой и должна быть настоящая фантастика. Не бездумное чтиво, а настоящая литература,

заставляющая думать, развивающая воображение, возбуждающая социальную смелость и готовность к жестоким чудесам грядущего, как сказал С. Лем.

«Советский писатель» просто должен опубликовать этот сборник Владимира Савченко.

Авторы неоднократно приглашались на зарубежные конвенты писателей-фантастов. Зачастую им, как «невыездным», Иностранный отдел СП даже не удосуживался сообщать о поступивших приглашениях. Но вот времена изменились — и в августе 1987 года АБС принимают участие во Всемирном фантастическом конвенте, состоявшемся в английском Брайтоне. Чуть позже АН делится впечатлениями от поездки.

Из: АНС. Фантастика учит гражданственности

<...>

— В Брайтон мы приехали как почетные гости съезда (кстати сказать, это была наша с Борисом Натановичем первая поездка за границу). В качестве почетных гостей там еще были шведский фантаст Сэм Люндваль и хорошо известный нашим читателям американец Гарри Гаррисон. Съехалось в Брайтон, по-моему, несколько тысяч

любителей жанра. Организовано все было превосходно, особенно запомнилась выставка-продажа фантастических книг — прямо-таки феерия названий и авторов, широчайший диапазон периодов и стран. Каждый день был насыщен до отказа — встречи, интервью, выступления, разговоры на разные темы. Принимали нас прекрасно, интерес к нашей фантастике, вообще к нашей стране, культуре огромный. Расспрашивали обо всем, причем исключительно дружелюбно. Вообще, люди там радушные, очень доброжелательные.

<...>

АНС. «Заговор-87»

С 27 августа по 1 сентября 1987 года в английском приморском городе-курорте Брайтоне (час езды на электричке почти напрямую на юг от Лондона) состоялся так называемый Конвент мировой научной фантастики — 45-й по счету.

Конвент не является постоянно действующей организацией. По сути дела, это съезд энтузиастов-любителей фантастики со всего мира, организуемый, как правило, группой крупных издателей фантастики в довольно откровенных целях пропаганды и распространения своей

книжной продукции. Принять участие в таком Конвенте может любой желающий, внесший в кассу Конвента 30 фунтов стерлингов. Естественно, проезд туда и обратно, а также содержание на время Конвента (оплата жилья и питания) идет за счет такого желающего. Руководство Конвента, как я понял, только бронирует участникам места в гостиницах.

Ядром Конвента является группа издательских работников и более или менее известных писателей-фантастов. На нынешнем Конвенте это было несколько десятков человек, а всего участников съехалось около пяти тысяч. (Примечание: первый Конвент состоялся накануне Второй мировой войны, в нем участвовало около 400 человек и около десятка издателей и писателей.)

На Конвент приглашаются несколько почетных гостей, которые пребывают там на полном иждивении Конвента. На нынешний, 45-й Конвент такими гостями были приглашены: Дорис Лессинг — почти неизвестная у нас, но чрезвычайно популярная в Англии писательница; Альфред Бестер — писатель-фантаст, довольно хорошо известный нашим любителям (он в Брайтоне не присутствовал по болезни); Аркадий и Борис Стругацкие — очевидно, известные не только

читателям «Уральского следопыта»; от кино — режиссер Рэй Харрихаузен и артист Джим Бёрнс; от фэнов — супруги Джойс и Кен Слейтеры, Дэйв Лэнгфорд. Представительствовал от всех почетных гостей известный писатель Брайен Олдисс.

Очень смешно (как нам показалось), что «прозвищем» 45-го Конвента было объявлено выражение: «Конспирэси-87». Понятно, почему «87», но почему «Конспирэси», что по-русски означает «заговор»? Оказывается, шутка. Взят первый слог от слова «Конвент» и образовано от него «ударное слово». Я задал вопрос нашему хозяину, руководителю известного издательства «Голланц» Малькольму Эдвардсу:

— А не привлечет ли такое вызывающее название внимание Интеллидженс сервис?

Малькольм небрежно махнул рукой и ответил:

— А! Они уже привыкли. И без нас хлопот полон рот.

По сути дела весь Конвент представлял собой непривычно (для нас) огромное, шумное и несколько безалаберное шоу. Все друг с другом встречались, все друг с другом разговаривали (язык Конвента был английским), и что самое поразительное — все чувствовали себя как дома. Еще более поразительно — все, как нам показа-

лось, понимали друг друга с полуслова.

Кроме англичан и американцев съехались в Брайтоне фэны из Японии, ФРГ, Польши, Чехословакии, Югославии. Был даже тамилец с Цейлона (Шри Ланка); арабы, негры, мулаты, метисы. Поражала и бодряще действовала простота в обращении, простота в одежде, удивительная неприхотливость в бытовых условиях. И еще жадный, неподдельный интерес к происходящему, а также неутомимое, чистосердечное стремление не только принять участие в как можно большем числе мероприятий, но и оказывать посильную помощь устроителям Конвента. Как я понимаю, Конвент проходил чрезвычайно организованно, хотя штатных организаторов (платных) было очень мало и заняты они были главным образом обслуживанием почетных гостей и вообще «взрослых» участников Конвента.

Мероприятия (которые язык не поворачивается называть «мероприятиями»):

Великолепный костюмированный бал, куда практически не допускался никто из участников Конвента, не облаченный в костюм какого-нибудь популярного героя из фантастических фильмов, комиксов, мультяшек.

Публичные интервью, когда кто-нибудь из

руководителей Конвента в присутствии 300–400 любителей интервьюировал известного писателя, режиссера, актера и т. п.

Многочисленные просмотры кинофильмов.

Многочисленные «партии» — неформальные вечеринки в залах, барах, а то и просто в номерах гостиниц.

И так далее.

Для нас с Борисом Натановичем «гвоздем» всего Конвента была гигантская выставка-распродажа НФ литературы. Представьте себе несколько залов, каждый из которых не уступает по величине большому залу свердловского ДК автомобилистов (хорошо знакомому участникам ежегодного праздника — вручения приза «Аэлита»). Да что там «не уступает» — вдвое больше, это настоящие ангары, гигантские двусветные помещения, в которых расположились бесчисленные прилавки и полки, битком забитые сотнями тысяч, а может, и миллионами книг (все на английском языке). И не только книг. Здесь журналы, сборники комиксов, настольные игры с НФ-тематикой... Несколько прилавков с сувенирами: куклы, куколки, куклища, изображающие популярных героев книг, фильмов и комиксов.

Мы с Борисом Натановичем проводили на этой

необычной ярмарке почти все свободное время, отрываясь только на короткие прогулки в столовую (в сущности, ресторан, конечно, но нам он служил столовой).

Насколько можно было судить, все это издательское богатство — и новенькое с иголочки, и букинистическое — представляло едва ли не всю историю изданий англоязычной фантастики (точнее, фантастики на английском языке) от первых, еще конца прошлого века изданий Уэллса и до завтрашнего дня. Я не оговариваюсь — на распродаже были представлены книги и журналы, еще не поступившие в розничную продажу в США и Англии.

Вот так это выглядело. И нас глодала черная зависть. Кстати, по условиям приглашения мы примерно полтора часа торговали в одном из залов свежим изданием нашего «Обитаемого острова» (издательство «Пингвин», Лондон). К нашему огромному изумлению, за эти полтора часа мы распродали около сотни экземпляров. Не знаю, как у Бориса Натановича, а у меня на пальцах были мозоли от подписей.

Чем мы еще занимались? Выступили в трех публичных интервью (см. выше). Дали дюжину интервью индивидуальным газетчикам и

корреспондентам радио. Неустанно разъясняли направо и налево, что по законам нашего государства мы не можем заключить личные контракты с иностранными издательствами и заинтересованным лицам следует обратиться в ВААП. Участвовали в «партии», которую устроили писатели для издателей. Участвовали в «партии», которую устроили издатели для писателей. Съели несколько обедов, которые давали нам как издатели, так и писатели.

Вот, пожалуй, и все, чем официально занимались двое советских почетных гостей на 45-м Конвенте. Согласитесь, что это немало для двух пожилых людей, впервые очутившихся в капиталистической стране.

Должен сказать, что принимали нас очень радушно. Борис Натанович как человек скептический и осторожный склонен относить это радушие за счет некоторой экзотичности для участников Конвента наших фигур. А мне кажется, что радушие это объясняется и неподдельным интересом к тому, что происходит в Советском Союзе вообще и в советской фантастике в частности. Соответственно были и вопросы, которыми нас засыпали: о перестройке, об Афганистане, о видах на отношения СССР и США. Естественно,

о перспективах совместных космических исследований. И все же большая половина вопросов (Конвент-то — мировой научной фантастики!) касалась наших издательских дел в области НФ-литературы, интереса к фантастике у советской читающей публики, положения наших любителей фантастики. Не скрою, мы были откровенны. И когда Борис Натанович рассказал о том, что потребность советских читателей фантастики удовлетворяется не более чем на 10 %, в зале пронесся рев мистического ужаса, после него наступила минутная тишина, немедленно напомнившая мне печальную минуту молчания...

Уже дома, в Москве, меня настойчиво спрашивали: какие же вопросы решались на Конвенте? Так вот, я вам со всей прямотой и откровенностью скажу, товарищи: если не считать контрактов, которые отдельные писатели заключали в кулуарах с отдельными издателями, никаких вопросов Конвент не ставил и не решал. Конвент (и этим, кроме всего прочего, похож на него свердловский праздник «Аэлиты») — это свободное, дружелюбное общение нескольких тысяч людей, интересующихся мировой НФ-литературой. Это свободный обмен мнениями, обмен информацией, обмен книгами, завязывание знакомств,

ну и, конечно, возможность получить высокое духовное наслаждение от общения с единомышленниками.

Конечно, Конвент — это не самый здоровый способ времяпрепровождения для пожилых людей. Очень все это было утомительно. Спали по 5–6 часов в сутки, не больше. Выматывались до изнеможения. Но я все же испытываю огромную благодарность организаторам Конвента за их любезное приглашение, за их несравненное гостеприимство, за то, что они дали нам возможность своими глазами увидеть, кто он такой — молодой любитель фантастики на Западе. Очень, очень хорошая фигура.

И еще. На 45-м Конвенте нам с Борисом Натановичем вручили приз Всемирной организации научной фантастики с девизом: «За независимость мысли».

19 сентября в саратовской газете «Заря молодежи» публикуется статья Романа Арбитмана «До и после „Сказки...“».

Из: Арбитман Р. До и после «Сказки...»

«Сказка о Тройке» Аркадия и Бориса Стругацких принадлежит к числу произведений, которые в

60-х клеймили и склоняли. Ее называли вредной в «идейных отношениях», «идейно несостоятельной», обвиняли в «глумлении» над «дорогими для советского человека идеалами» (не уточняя, впрочем, какими именно). Она принадлежит к числу тех произведений, которые вернулись к нам в конце 80-х, после XXVII съезда КПСС.

<...>

Прошло совсем немного времени после выхода «Понедельника...», а Стругацкие уже поняли, что были слишком оптимистичны в своих прогнозах. Человек науки, рядовой НТР, в котором писатели уже видели почти человека будущего, в массе своей таковым не оказался. «В... миллионном научном работнике обнаружились все те же недостатки, которые по-человечески свойственны всем другим общественным прослойкам», — признает потом Аркадий Стругацкий.

Разочарование писателей в человеке науки болезненно отозвалось в их последующих произведениях. Если в «Далекой Радуге» (1963) коллектив талантливых ученых почти сплошь состоял из романтиков и альтруистов, готовых не раздумывая отдать жизнь ради торжества истины, то в повести «За миллиард лет до конца света», написанной полтора десятилетия спустя,

даже из небольшой группы ученых лишь один, математик Вечеровский, откажется продать право научного «первородства» за «чечевичную похлебку» материальных благ, карьеры, славы, степеней, личного комфорта. И это — самые умные, самые талантливые, на которых (по сюжету повести) обратило внимание само Мироздание! Горько? Безусловно. Жизненно? К сожалению: практика вновь и вновь подтверждала грустную истину, что талант в науке далеко не всегда сопрягается с нравственным максимализмом и даже с обыкновенной порядочностью.

В «Понедельнике...» коллектив НИИ жил по законам творчества: работать было интереснее, чем развлекаться. А уже в «Управлении по делам леса» (повесть «Улитка на склоне», 1968 год) — своеобразном антиподе НИИЧАВО — царит совершенно иная атмосфера: взаимного недоверия, подозрительности, фискальства, бессмысленной секретности.

<...>

В «Сказке о Тройке» мы встречаем тех же героев, что и в «Понедельнике...», — магов из НИИЧАВО. Всемогущие, способные воду обратить в вино, они теперь — чтобы поработать с экспонатами колонии необъясненных явлений (одному из магов

необходим Черный Ящик, другому — говорящий Клоп и т. д.) — вынуждены искать окольные пути, то и дело ставя под угрозу чувство собственного достоинства, хитрить, ловчить, заискивать даже... Перед кем? Кто стоит между ученым и объектом приложения его сил? Тут-то и вырастает зловещий образ комиссии «по рационализации и утилизации необъяснимых явлений» — Тройки.

Название многозначительное. Есть здесь явственная отсылка к приснопамятным «тройкам» — скоротечным судам сталинских времен над «врагами народа» (не случайно в повести члены тройки, жестоко искусанные комарами, квалифицируют это как «террористический акт», а один из них требует за это «приговорить коменданта Зубо к расстрелу с конфискацией имущества и поражением родственников в правах на двенадцать лет»). Есть и другая, более неожиданная, сатирически «перевернутая» параллель — с евангельской святой троицей, причем если в обличье властного «бога-отца» постоянно выступает глыбоподобный Лавр Федорович Вунюков со своей вечной «Герцеговиной Флор», то роли «сына» и «святого духа» попеременно — в зависимости от расположения начальства — делят двое ретивых чиновников: невежда и крикун Хлебовводов и

ловкий демагог и провокатор Фарфуркис.

Любопытная деталь: в известном романе В. Дудинцева «Не хлебом единым» (1956) есть сцена «суда» над изобретением инженера Лопаткина, где мы встретим пару ближайших предшественников Хлебовводова и Фарфуркиса: малограмотного «эксперта» Тепикина, напиравшего в своих разговорных речах на «хто его знаеть», и краснобая Фундатора, замазывающего суть дела казуистикой и наукообразием. Литературная параллель очевидна, и Стругацкие ее не скрывают. Но если у Дудинцева «эксперты» все же номинально являются учеными, хоть как-то разбираются в сути дела, и борьба идет здесь «между консерваторами и новатором», то в повести «Сказка о Тройке» и Хлебовводов, и Фарфуркис, и сам Вунюков не просто аморальны, но и к тому же абсолютно не имеют никакого понятия о науке, которой им надлежит «ведать». Вот в чем истоки многих бед, подчеркивают писатели.

<…>

Жанр сатирической фантастики позволил Стругацким довести ситуацию столкновения интересов науки и административного невежества до абсурда, до рокового предела, показать опасные последствия такого столкновения. В

60-е годы от предостерегающего голоса писателей-фантастов можно было отмахнуться, их тревогу объявить злопыхательством и списать на издержки жанра. Но что такое прогресс? Это, заметил один юморист, «когда последствия ошибок становятся все серьезнее». В 80-е годы, когда оказалось, что из-за некомпетентности управления в запущенном состоянии находятся целые отрасли науки и производства, после трагедии Чернобыля, исчезновения Кара-Богаза и чуть было не свершившегося «исторического поворота» северных рек, стало ясно, что не напрасно писатели били тревогу.

<...>

Роман отсылает вышедшую статью БНу. 27 сентября БН в ответном письме комментирует ее:

Из архива. Из письма БНа Р. Арбитману

Уважаемый Роман!

Спасибо за статью — и за то, что написали ее, и за то, что прислали. Читал и думал: надо же, какие времена настали наконец-то!!

Что касается *окончательного* варианта «Сказки...», то это вопрос сложный. Мы с АН уже

согласились в том, что следовало бы засесть основательно и состыковать оба варианта так, чтобы сохранить все самое лучшее из обоих. Но вот когда мы это сделаем, сказать сейчас трудно. Одно могу сказать: никто пока нас не подгоняет с криком: «Скорей! Машины простаивают! Давайте окончательный текст! Ну, чего же вы тянете?..»

Поживем — увидим.

Еще раз спасибо.

С уважением [подпись БНа]

Октябрьский номер журнала «В мире книг» в рубрике «Читатель — журнал — читатель» публикует два материала о положении в современной фантастике. Письмо в редакцию подписано просто: «Р. А., преподаватель, член КЛФ г. Саратова». Почему Роман Арбитман был вынужден скрываться за инициалами, сам он рассказывал так: «Эта моя статья для журнала „В мире книг“ была подписана, разумеется, Р. Арбитман, без всяких сокращений. Но когда я увидел журнал, то с удивлением обнаружил, что фамилия была заменена инициалом. Я предположил, какой логикой (идиотской и трусливой, естественно) руководствовались публикаторы. Мол, сначала Арбитмана текст, потом Стругацких... Не слишком ли, дескать, много евреев? А поскольку

ку Аркадия Натановича и Бориса Натановича никак нельзя было бы обозначить как „А. С., писатель из Москвы, и Б. С., писатель из Ленинграда“, то секвестировали меня. Эта трусость самому журналу „В мире книг“ вышла боком. Противная сторона за инициалы немедленно ухватилась, и вместо того, чтобы опровергать факты, Щербаков неоднократно радостно объявлял, что на него написали анонимку».

Из: Р. А. Кто поднимет шлагбаум на дороге в неведомое?

Уважаемая редакция!

Статьей Еремея Парнова «Нужен ли шлагбаум на дороге в неведомое?» (№ 11, 1986) вы начали своевременный рассказ о нынешних проблемах научно-фантастической литературы. Соглашаясь со справедливостью поставленных в статье вопросов, считаю, что некоторые из них могли бы быть сформулированы еще более жестко.

Во-первых. Почему 24-томная «Библиотека фантастики» на 80 процентов составлена из ставших классическими произведений, и так постоянно переиздающихся центральными, республиканскими и областными издательствами (романы А. Беляева, А. Толстого, В. Обручева, К. Чапека,

Г. Уэллса и других)? Не в ущерб ли это современной фантастике, которой выходит сегодня явно недостаточно?

Кто же принимал решение об утверждении именно такого состава? Вспомним, что журнал «В мире книг» неоднократно рассказывал о том, как в стране активно работают многочисленные клубы любителей фантастики (КЛФ), объединяющие сотни, тысячи «квалифицированных», если можно так выразиться, читателей НФ-литературы. Интересовалась ли редколлегия «Библиотеки...» (председатель — А. Казанцев) мнением членов КЛФ, массового читателя о возможном составе книг этого многотомника?

Во-вторых, Е. Парнов справедливо пишет о необходимости создания «института высокопрофессиональных редакторов такой литературы». Пока же профессионализма не хватает. Кто, например, определяет компетентность редакторов и рецензентов фантастики крупнейшего нашего издательства «Молодая гвардия», которые способны пропустить в печать не только халтурные, но и идейно ущербные произведения? Судите сами:

<...>

Надо признать, что в ряде случаев изгибы издательских пристрастий понять не так сложно.

Достаточно вспомнить, что В. Щербаков сам занимает ответственный пост заведующего редакцией фантастики «Молодой гвардии»; что В. Фалеев, чья книга вышла в 1987 году, сотрудник той же редакции фантастики; что В. Рыбин — в то время редактор «Искателя»... Критик С. Плеханов, составляя сборник фантастики «Остров пурпурной ящерицы» (1984), не только включает в него слабый рассказ, но и называет книгу его заглавием. Не потому ли, что автор этого рассказа... сам С. Плеханов? Таких примеров можно привести еще немало.

А как обстоят дела в «Молодой гвардии» с изданием книг молодых писателей-фантастов, участников всесоюзных семинаров, организуемых Союзом писателей СССР? Практически никак. Одним словом, вопросов к издателям фантастики предостаточно, будут ли ответы?

Вторая статья в журнале — самих АБС.

АБС. Кое-что о нуль-литературе

Редакция фантастики издательства «Молодая гвардия»...

Остановимся. Напомним читателям, что эта редакция издает основную массу книг научной

фантастики. Вероятно, что-то около восьмидесяти процентов в нашей стране. И еще напомним, что это единственная в нашей стране редакция, которая обязана издавать фантастику. Кстати, она, эта редакция, издает ныне не только фантастику. Но речь у нас будет лишь о ее фантастической продукции.

Итак, редакция фантастики издательства «Молодая гвардия» уже имеет свою историю. К сожалению, это история блистательного взлета и катастрофического падения. Это история того, как в начале 60-х годов редакция, руководимая блестящими знатоками и профессионалами, возвела стройное здание молодой тогда советской фантастики, как в начале 70-х это здание было обращено в руины человеком безграмотным и некомпетентным, а теперь, в 80-х, представляет собой трясину, оглашаемую лишь невнятными криками унылых реликтовых существ.

В соответствии с предложением журнала мы высказываем свое личное мнение и не намерены извиняться за резкость выражений. Слишком много значит эта редакция в нашей жизни, эта альма-матер наша, и не только наша, а всего поколения 60-х, тот плацдарм, с которого советская фантастика начала завоевание мирового чита-

теля, да так и свернулась на половине дороги, сраженная ударом в спину.

И мы не намерены лишить себя удовольствия назвать конкретные имена.

Людей, которые строили здание советской фантастики в 60-х годах, зовут Сергей Жемайтис и Бела Клюева. Ныне они, конечно, на пенсии.

Человека, который обратил это здание в руины, зовут Юрий Медведев. Ныне он значительное лицо в редакции журнала «Москва».

А человека, сами руины эти превратившего в болото, зовут Владимир Щербаков. Он и сейчас возглавляет злосчастную редакцию.

За последние пятнадцать лет редакция:

— выпустила собрание сочинений И. А. Ефремова;

— опубликовала дюжину книг апробированных авторов;

— открыла одно новое имя.

Все.

За полтора десятка лет своей деятельности редакция не сделала больше ничего такого, что можно было бы поставить ей в плюс.

А ведь издательский конвейер налажен и работает исправно. Общая продукция редакции — это многие десятки книг. Романы. Повести.

Персональные сборники. Сборники-ежегодники «Фантастика». Переиздания. Целая библиотека, целая картотека авторов.

Так вот все это изобилие известный критик, блестящий знаток советской фантастики, человек отменного литературного вкуса Всеволод Ревич чрезвычайно удачно назвал «нуль-литературой» (см. «Юность», № 9, 86). Это литература, которая вызывает неудержимое желание высказаться, не давая в то же время никакого материала для высказывания. Клокочущая пустота.

Нельзя сказать, что нуль-произведение не содержит мыслей. Но это мысли заимствованные, старые, жеваные-пережеваные, раздражающе банальные либо до уныния нелепые.

Нельзя сказать, что нуль-произведение лишено героев. Но герои эти плакатные, неправдоподобные, это кое-как размалеванные марионетки, переходящие из сюжета в сюжет, их нельзя даже назвать банальными, ибо банальность все же предполагает какой-то более или менее приличный литературный прототип.

Нельзя сказать, что нуль-произведение написано плохим языком. Его язык вообще не имеет отношения к художественной литературе. Это язык посредственных школьных сочинений. Или

дурной публицистики. Или вошедшего в раж, наслаждающегося графомана.

Нельзя сказать...

Ничего нельзя сказать. Мы снимаем шляпу перед В. Ревичем, который нашел в себе силы и энтузиазм подлинного профессионала, чтобы проштудировать всю эту гору макулатуры и хоть как-то проанализировать прочитанное.

Ознакомившись с нуль-произведением, испытываешь желание говорить и даже кричать.

О загубленных деревьях, которые превратили в бумагу, не подозревая о том, как именно эта бумага будет использована.

О типографских мощностях, которых так всегда не хватает, когда надо напечатать что-нибудь достойное.

О несчастных любителях фантастики, в особенности — любителях неискушенных, для которых эта нуль-литература может стать нормативом и определит их литературный вкус в дальнейшем.

О десятках молодых, действительно талантливых писателях-фантастах, отвергнутых редакцией В. Щербакова для того, чтобы толпа нуль-литераторов подменила собой в глазах массового читателя и поколение 70-х, и поколение 80-х.

И, наконец, о том, какой страшный удар по престижу нашей фантастики нанес этот поток псевдолитературы в глазах каждого мало-мальски квалифицированного читателя — в первую очередь того, кто к фантастике либо равнодушен, либо относится скептически. Разве не клокочущую пустоту нуль-литературы имела в виду та московская учительница, которая объявила своему классу: «Фантастику пишут жулики, а читают идиоты»?

Не избежать нам риторических вопросов: как это могло случиться? куда смотрело начальство? где была литературно-критическая общественность? каким дурным волшебством на глазах у всех — у читателей, у писателей, у начальства — третьестепенный литератор В. Щербаков ухитрился наладить издательский конвейер таким образом, чтобы сходили с этого конвейера только произведения третьестепенные или вообще лежащие за пределами оценок. Ведь вся нуль-литература существует в строгих и жестких рамках одного третьестепенного литературного вкуса, если, конечно, можно так назвать эту вопиющую, воинствующую безвкусицу.

Теперь уже поздно оправдываться и говорить, что литературно-критическая общественность

вовсе не молчала, что писались и ядовитые рецензии, и письма в самые высокие инстанции, и гневные речи произносились с трибун (не слишком, правда, высоких, на высокие нас не пускали)... Поздно. Спишем все неудачи этих выступлений, торжество нуль-фантастики за счет ныне окончательно уже осужденных застойных явлений недавнего нашего прошлого.

Сейчас все и всюду перестраиваются. Самое время перестраиваться и издательской политике в области фантастики. Это лишь малый участок огромной арены общественной и государственной жизни. Но нам этот участок дорог, и мы, как и раньше, чувствуем определенную ответственность за положение дел в этом маленьком вопросе. Как-никак, а из поколения 60-х мы едва ли не самые старшие.

Оптимально работающая редакция фантастики издательства «Молодая гвардия» видится нам примерно такой.

Во главе редакции стоит человек с апробированным литературным вкусом, знающий, понимающий и принимающий фантастику во всех ее ипостасях — от Брэдбери до Ж. Верна, от Булгакова до Ефремова, от Чапека до Лема.

Сотрудники редакции обладают хотя бы ми-

нимумом интеллигентности и литературной грамотности. Желательно, чтобы они были специализированы по основным направлениям современной фантастики (фэнтези, социально-философская фантастика, собственно научная фантастика и т. д.).

Чрезвычайно важно, чтобы редакционная коллегия была составлена из самых видных, опытных, широко мыслящих писателей и критиков, профессионально и успешно работающих в области фантастики. Они должны быть истинным штабом редакции, первыми помощниками заведующего, его ангелами-хранителями, способными предостеречь его от опрометчивых действий. Авторитет членов редколлегии должен быть высок и в глазах заведующего редакцией, и в глазах любого автора, какого бы высокого мнения о себе он ни был. И никаких «почетных» членов! Редколлегия должна состоять из людей, готовых по первой просьбе редакции читать рукописи и высказывать свое квалифицированное мнение о них — желательно в письменном виде. Она же должна принимать самое активное участие в составлении тематических планов и стоять на страже интересов редакции и фантастики в случае конфликта с руководством издательства.

Чрезвычайно важным звеном работы редакции является корпус рецензентов. Никаких случайных людей! Никаких «дать человеку подзаработать»! Рецензент должен быть опытным литератором-профессионалом, не обязательно в области фантастики, но относящимся к фантастике как минимум лояльно. Он должен обладать достаточным авторитетом в глазах как редколлегии, так и рецензируемого автора. Редколлегия обязана беспощадно вычеркивать из списка рецензентов людей, хоть раз скомпрометировавших себя халтурой или сговором с рецензируемым.

(Мы испытываем чувство определенной неловкости, ибо все, предлагаемое нами, — это азы, тот минимум миниморум необходимых условий, без которых нормальное течение редакционной деятельности просто невозможно. Что делать! Реальность такова, что теперь приходится начинать с азов.)

Редакция фантастики обязана быть организмом открытым. Никакой келейности. Никакой кулуарности. Никаких интриг и редакционных тайн. Редакция, помимо административной подчиненности руководству издательства, обязана отчитываться и перед Советом по фантастике

Союза писателей СССР, объединяющим в себе наиболее достойных и авторитетных писателей и критиков со всех концов страны. Ежегодное обсуждение редакционных планов на совете должно стать нормой и традицией. Мнение бюро совета по частным вопросам должно учитываться как заведующим редакцией, так и редколлегией.

Наконец, о редакционном портфеле.

Традиционными поставщиками литературной продукции по-прежнему остаются апробированные авторы и в какой-то, достаточно малой степени, самотек. Однако редакция должна на пятьдесят процентов ориентироваться на появившиеся сравнительно недавно новые, богатые, мощные источники рукописей. Мы имеем в виду постоянно действующие семинары молодых литераторов-фантастов Ленинграда и Москвы, а также ежегодные всесоюзные семинары молодых фантастов в Малеевке и в Дубултах. Редакция (и редколлегия, разумеется) обязана внимательно следить также и за региональными публикациями, «вылавливая» наиболее талантливых авторов периферии. Регулярно черпая из этих источников, редакция, во-первых, одарит читателя самыми свежими новинками в области фантастики, то есть будет идти в ногу

со временем, а во-вторых, не на словах, а на деле поможет подняться и расцвести новой поросли отечественных фантастов.

Еще раз повторяем. Все вышеизложенное — азы. Однако же, как известно, все новое есть только основательно забытое старое. Давайте вспоминать и восстанавливать. Только искоренение некомпетентности и келейности, привлечение к издательскому делу самого широкого круга широко (и по-разному) мыслящих профессионалов-литераторов, самая щедрая гласность хотя бы в пределах писательской общественности, — вот гарантия того, что вкусовщина и групповщина будут ликвидированы и на месте нынешнего болота в «Молодой гвардии» вновь выстроится сверкающее здание советской фантастики.

3 октября в газете «Крымский комсомолец» публикуется интервью с АНом, взятое Андреем Чертковым.

Из: АНС: «Будем драться!»

<...>

— В настоящее время, как я заметил, начался какой-то новый этап, новый виток в вашем творчестве, связанный с такими более усложненными

по форме, по замыслам, вещами, как «Волны гасят ветер» и «Хромая судьба». Не могли бы вы прокомментировать эти повести?

— Ну, это разные вещи. «Волны гасят ветер» — это заключительная повесть трилогии о Максиме Каммерере. Нас просто поразила однажды такая довольно тривиальная мысль, что научно-техническая революция, если она будет продолжаться такими темпами, как сейчас, не может не привести к биологической эволюции человека. Вот как, например, в радиоактивном пепле островов Бикини появляются новые разновидности растений и животных, как в серных источниках на дне кратеров Курильской гряды появляются анаэробные виды животных, так и здесь — сама среда начнет подталкивать эволюцию. Причем дело здесь не в том, что мы выступаем, так сказать, против дарвиновских идей, ламарковских идей, дело в том, что в человеческом организме, по-видимому, скрыта масса потенций, которые только и ждут повода, чтобы проявиться. А потом... потом нам пришла в голову вторая идея, которую мы нашли возможным сочетать с первой. То есть, какие бы ветры ни задували человечество, какие бы ураганы — поднятые этими ураганами волны эти же ветры и погасят. То есть, короче говоря, ежели все

у нас будет благополучно в военном, экологическом и социальном смысле — нет таких ураганов, нет таких гроз, которые могли бы человечество сдвинуть хотя бы на шаг. Это очень стабильная система. Вот вам типичный пример применения фантастики к социальным проблемам... Ну, а «Хромая судьба»... Ну, как может, в конце концов, писатель не написать когда-нибудь о писателе?

— Аркадий Натанович, я знаю, что вы не любите вопросов о ваших планах на будущее. Тогда, быть может, расскажете о планах на настоящее? Что закончено, что будет публиковаться?

— Ничего не закончено. Правда, сейчас будет опубликован, по-видимому, в «Неве» в начале следующего года наш здоровенный, самый большой по объему роман, который называется «Град обреченный». Кусочек из него будет опубликован, по-видимому, в «Огоньке» в скором времени, еще два небольших кусочка — в «Знание — сила». Что еще? Журнал «Смена», видимо, с февраля месяца опубликует «Улитку на склоне». Полностью. Они недавно закончили публикацию «Сказки о Тройке», и теперь ее хочет еще раз опубликовать — вот недавно мне позвонили — один очень странный журнал; в первый раз слышу, — «Социалистический труд».

— В журнале «Знание — сила» печатается сейчас ваш сценарий по повести «За миллиард лет до конца света», который называется «День затмения». А в «Советском экране» промелькнуло сообщение, что фильм по этому сценарию будет снимать режиссер Александр Сокуров. Что вы можете об этом сказать? Ведь сценарий сильно отличается от повести.

— Ну, сейчас еще неизвестно, что будет в фильме, потому что Сокуров, если вы видели, что он сделал с Шоу в фильме «Скорбное бесчувствие», будет снимать фильм свой. Там от Стругацких ничего нет, кроме основы. Кроме повода.

Сейчас мы сделали — не знаю, как это примет Грамматиков — сценарий по «Жуку в муравейнике». Вернее, это первая прикидка, черновик. Мы не хотим пока отдавать его на студию. Сначала мы его с Грамматиковым обсудим, Грамматиков даст свои замечания... то есть выполнит как раз те требования, какие мы предъявляем к режиссеру. Свой талант вложит в сценарий. Тогда мы все послушно сделаем по его пожеланиям... «Пикник на обочине» взялся сейчас снимать режиссер Кара. Он недавно сделал очень неплохую картину «Завтра была война». Оказывается, у него уже давно лежит свой сценарий «Пикника на обочине», ни-

какого отношения к Тарковскому не имеющий. И он попросил студию купить у нас право на экранизацию. Ради бога. И это будет фантастический фильм, а не притча, которую сделал Тарковский. Вряд ли он, конечно, затмит фильм Тарковского, но поскольку Кара режиссер очень добротный, то можно надеяться на интересный фильм.

— *Что бы вы могли пожелать нашим читателям?*

— Побольше читать. И не только фантастику. Но и фантастику тоже, ведь она обостряет ум, учит рассуждать совершенно по-другому, совершенно с других сторон. И смелее становишься. А это очень важно в жизни. Так что читайте больше. И будьте смелее.

В этом интервью АН не упомянул еще один фильм — «Трудно быть богом», договоренность о съемках которого на базе киностудии Довженко и на немецкие деньги уже была достигнута.

Алексей Герман, хотевший снимать ТББ еще в 60-х, весьма болезненно отнесся к совместному советско-германскому проекту.

Из: Петр Вайль — Алексей Герман. «Трудно быть богом», — сказал табачник с Табачной улицы

<...>

А. Герман. Не вышло, а через много лет я вдруг выяснил, что в Киеве эту картину снимает Петер Фляйшман — европейский режиссер. Почему не я? Уже горбачевская весна, уже выпущен «Лапшин», выпущена «Проверка на дорогах», и у меня, по-моему, уже две Государственные премии — хлоп-хлоп. Рывком можно уйти — то ли кирпичом приложат, то ли госпремия. У меня две, у Светки третья — дождь, который может присниться только папе Михалкову. Я пишу Камшалову, нашему тогдашнему министру: как же это — меня не уважают, а какого-то немца уважают, ему разрешили, а мне запретили. Камшалов вызывает меня и говорит, что этот немец вообще нехороший и чтобы я ехал в Киев и принимал картину.

Я поехал в Киев и увидел декорацию... Рядом с ней то, что мы тут в Чехии построили и что ты видел, — ничто. Там был просто средний областной город — Усть-Илимск. Но чем больше хожу по нему, тем больше понимаю, что он построен

бредово, потому что в нем ни ударить мечом, ни проехать на лошади, ни драку устроить. А от меня все скрываются, никто не хочет со мной работать, потому что от Фляйшмана пиво, подарки, а от меня — советские постановочные. В этот момент из декорации выходит маленький симпатичный человек и говорит: «Вы Алексей Герман?» — «Да». — «Я очень рад. Я хочу вас нанять». — «Так вас же, вроде, того». — «Ладно, бросьте вы, я продюсер этого фильма, они ничего не могут сделать, мои деньги, я вас с удовольствием найму, я здесь сойду с ума, удавлюсь, я не могу здесь работать. Видите, что они построили». Я говорю: «Пожалуйста, нанимайте меня, только давайте сценарий перепишем, потому что он глуповатый — не про то». Он говорит: «Тут — стоп, деньги от банков получены под этот сценарий». Я говорю: «Ну тогда ничего не выйдет».

П. Вайль. Тот сценарий был Стругацких?

А. Герман. Нет, Стругацкие продали право экранизации, надругавшись над своим творчеством, — почти гоголевский поступок со сжиганием романа, но это их дела. Стало быть, я опять поехал к Камшалову кляузничать.

П. Вайль. Все-таки непонятно, почему так упорно хотелось снимать фильм именно по этой

книге, на этот сюжет?

А. Герман. На том этапе просто потому, что мне запретили, а тому разрешили... С советской властью не то что боролись, с ней никто не боролся, но укусить за одно место было приятно, а там сплошные покусы. Камшалов говорит: «Мы тебе денег дадим, а ты снимай параллельный фильм — это будет здорово. Он снимет, и ты снимешь. А ты сними лучше». Знаешь, эти комсомольские штучки. Я говорю: «У него денег в сто раз больше, а я сниму в два раза лучше? Так не бывает». — «Бывает, докажи, что все дело в искусстве». — «А сколько дадите денег?» — спрашиваю. Он говорит: «600 тысяч». Мы со Светланой сели писать, и ничего не идет абсолютно.

П. Вайль. Вот это самое интересное, хотя и предсказуемое, — что шестидесятническая книга не идет через десятилетия. Почему она не читается сейчас — по крайней мере, с тем же энтузиазмом, — это понятно: известный «эффект Таганки», все эти кукиши и намеки. Но ты ведь знал, на что идешь, почему же не пошло?

А. Герман. Потому что «Трудно быть богом» означает, что богом быть трудно. А тут пришел Горбачев и на каждом шагу демонстрирует нам, что нет ничего проще, чем быть богом: этих сей-

час раскидаю, этого уберу, Лигачева потесню, и все у нас получится. К сентябрю будем жить не хуже, чем в Англии. А что? Страна большая. Нефти много. У англичан и нефти никакой нет. Смотрите, как на каждом шагу побеждают прогрессивные силы, народ безмолвствует — в том смысле, что поддерживает власть. Байку стало скучно писать. Раньше все понимали, что у Стругацких дон Рэба — это Берия или там Андропов, а теперь так и пиши: Берия или Андропов. Чего намекать? Поди и скажи. <...>

В октябре Авторы продолжают работу над ОЗ.

Рабочий дневник АБС

[Записи между встречами]

В ОЗ: Демиург заставляет каждого из апостолов придумывать мир-мечту, а потом отправляет «творца» в этот мир. Парасюхин возвращается с разбитой мордой, недоумевающий. Задумывается.

— Ты врач. Болезнь поражает только подлецов. Твои действия?

— Было. Сначала венерические, потом СПИД.

Поражало безнравственных.

— Не то. Там поражало всяких. Страдали и невинные. А здесь — *только* подлецы.

— Письмо молодых врачей (студентов) в «Огонек».

— Людей делят по-разному. Рабочий — капиталист. Черный — белый. Русский — еврей. Так ведь врач должен делить на тяжелых и легких. Тяжелым помогать — в I очередь.

17.10.87

Прибыли в Репино писать 40ЛС.

Разговаривали.

18.10.87

Последняя сцена — отъезд Г. А. во Флору.

Игорь решительно садится в машину.

Иришка рвется — Г. А. запрещает ей и Зое. Зоя дисциплинированно остается. Аскольд держит И<ришку> за локти: «Ничего, я ее подержу. Езжайте». Обмен взглядами на прощанье.

Сделали 3 стр. (39)

Вечером сделали 2 стр. (41)

19.10.87

Сделали 3 стр. (44)

Поздно вечером Игоря вызывает Саня Дроздов. Была демонстрация детей. Вопреки Риве. Рива их разогнала, детей спешно отправили смотреть новую серию «Термократора». Статья Г. А. вызвала взрыв. Завтра будут пикеты. Убрались бы вы по-доброму. Игорь — к Г. А., а там все сидят и обсуждают статью.

Вечером сделали 2 стр. (46)

Аскольд: Вы выступили как поэт и социолог. И никудышный политик. Вы не утихомирили, а возбудили.

Г. А. Я не собирался утихомиривать. И не сумел [нрзб] думать.

Аскольд: Стали думать 10, а оскорбили 10 тыс. человек, бунтуют 10 тыс.

Г. А. 10 — не так уж мало!

«Я не называл имен, хотя я мог бы их назвать. Я был резок, м<ожет> б<ыть>, даже груб, но я не прошу прощения за это. Все, что я сказал здесь, обращено к людям, добрая половина которых — мои ученики и ученики моих учеников. Все, что я сказал здесь, обращено к ним в той же мере,

в какой я обращаю это к себе. Стыд и горе мучили меня последние дни, ибо вину за происходящее я принимаю на себя в той мере, в которой может принять ее отдельный человек. И я прошу вас только об одном: замолчите и задумайтесь. Ибо настало время, когда ничего другого делать пока нельзя».

20.10.87

Сделали 3 стр. (49)
Вечером сделали 2 стр. (51)

21.10.87

Сделали 3 стр. (54)

1 запись. 7–11 — пикеты, газеты.
2 запись — 12–13 — отбытие Мишеля.
3 запись — 14–15 — посещение I секретаря.
16 — выступление мэра.
16.30 — разговор с Мих<аилом> Тарасовичем.
17 — звонит мальчику, чтобы тот вызвал сына.
20 — разговор с сыном.

Вечером сделали 2 стр. (56)

В мегафон читают порочащие статьи; разыгрывают угрозы «Выходи по одному...»; музыка

Джихангира.

Г. А. Нет. Я не люблю их сейчас. Я не хочу с ними разговаривать.

22.10.87

Сделали 3 стр. (59)
Вечером сделали 2 стр. (61)

23.10.87

Сделали 3 стр. (64)

Аскольд: Что означают эти слова про сокрытие преступления и прочее?

Г. А. Это означает, что много раз бывали случаи, когда ученики предавали учителя, но я что-то не слыхал, чтобы учитель предавал учеников.

Хотел спросить (ядовито) Дроздова, будут ли они участвовать в акции, но уже все разошлись.

Вечером сделали 2 стр. (66)

24.10.87

Сделали 3 стр. (69)
И закончили черновик дневника на 69 стр.

25.10.87

Треплемся.

26.10.87

«Не мир я несу вам, а меч/ту о мире».

— Но в оригинале же — по-арамейски!

— Не говорите мне про оригинал, там еще хуже: «Не сытость брюха принес я вам, а вечный голод духовный».

Объяснения:

1). Подготовка к Страшному суду (не подходит по фактам, не те апостолы)

2). Огромный эксперимент над чел<овечест>вом (герой предлагает себя)

3). Хочет оттянуть на себя зло, разлитое в мире, раз уж не удалось затопить мир добром.

Надо: из наших старых дневников набрать интересных цитат (Шпенглер, Габор, Ницше, Рассел...) и их прокомментировать.

Известные журналисты, критики начинают обращать внимание на творчество АБС, но, как и в случае с Татьяной Ивановой, зачастую не справляются с не совсем привычным для себя

жанром.

28 октября в «Литературной газете» публикуется обзор современной советской сатиры.

Из: Чупринин С. Похвала злословию

<…>

Сейчас — с публикацией «Сказки о Тройке» Аркадия и Бориса Стругацких в «Смене» (№№ 11–14), романа-фельетона Михаила Жванецкого «Жизнь моя, побудь со мной!» в «Авроре» (№№ 4–6), сатирической повести Михаила Успенского «В ночь с пятого на десятое» в «Енисее» (№ 2) и философской сказки Фазиля Искандера «Кролики и удавы» в «Юности» (№ 9) — в полку злословящих и, если можно так выразиться, зломыслящих, готовых действительно, а не понарошку выжигать «все отрицательное, прогнившее, отжившее», явно прибыло. И, говоря о них, первым делом надо указать, что вещи это очень разные — и по времени создания, и по материалу, и по характеру его обработки, и по целевой установке.

<…>

Припоминание — только на сей раз о «шестидесятых дрожжевых» (Д. Самойлов) — придется кстати и при чтении «Сказки о Тройке»: эта повесть Стругацких, появившаяся впервые лет

двадцать назад в малотиражной и малодоступной «Ангаре», многим памятна хотя бы по молве, ей сопутствовавшей.

<…>

Вещи, словом, разные, но все они — сатиры:

и веселая история М. Успенского о том, как некий добропорядочный гражданин мыкался по учрежденческим коридорам в поисках яда против цимекс летулярии, а в просторечии — клопов домашних;

и невеселая история Ф. Искандера о том, как едва не рухнуло на диво сбалансированное равновесие между сообществом простодушных кроликов и сообществом столь же простодушно пожирающих их удавов;

и монолог М. Жванецкого, рассказывающего о многом, но преимущественно о том, чего он в нашей жизни стыдится и что он и в себе, и в нас с вами, читатель, люто ненавидит;

и озорная притча Стругацких о том, можно или все-таки невозможно простым, но, естественно, бесправным людям победить или хотя бы объегорить упыреобразную «Тройку», наделившую себя всеми и всяческими правами…

И сатиры эти нужно научиться читать.

Не пугаться по крайней мере, когда у членов

«Тройки» обнаруживается опасное портретное сходство с небезызвестными историческими личностями, когда герой-повествователь у М. Успенского называет — нет, обзывает! — недавнее наше прошлое эпохой «попустительства и развитого алкоголизма», а Ф. Искандер с брезгливым сочувствием рассказывает, например, о королевском Поэте, который так часто воспевал ворон вместо буревестников и столь долгие годы готовился воевать с тиранией, что — при всем своем вывесочном вольнолюбии — как-то незаметно для себя стал и ее стыдливым нахлебником, и ее бесстыдными вольнонаемными устами.

Что делать? Сатира движима недобротою, она вопиет и бранится там, где мы привыкли говорить шепотом и входить в положение тех, кто сам ни в чье, кроме собственного, положение входить не намерен. Сатира беззапретна и правилам хорошего тона не обучена. Грубость и прямота сарказма, не останавливающегося перед «пощечинами общественному вкусу», ей более к лицу, чем уступчивая деликатность и щадящая ирония. Сатира не знает табу и потому не ищет эвфемизмов. Она внутренне свободна от мифов и предрассудков, и нет для нее, пожалуй, более притягательного объекта, чем «святыни»,

обесценившиеся в процессе нещадного злоупотребления, чем иллюзии, за которые мы пока еще цепляемся, чем «сон золотой», который, как выясняется при ближайшем рассмотрении, навевают отнюдь не «безумцы», а очень даже здравомыслящие и очень даже высокооплачиваемые профессиональные лжецы.

<...>

Вот почему, полностью разделяя гнев, с которым М. Успенский говорит о вознесшейся над простыми смертными Управе, а братья Стругацкие рассказывают о Лавре Федотовиче Вунюкове «со приснымиˮ, пребывая в мечтах, что хорошо бы действительно поломать обычай, при котором на каждого с сошкой приходятся семеро не просто с ложкой, но еще и с инструкцией, я вижу и неполноту, урезанность их сатиры. Неполнота в том, что все зло, вся скверна материализуются в этих повестях именно в «начальствеˮ, и это, с одной стороны, порождает надежду на то, что одним только «обновлением кадровˮ можно вправить все структурные вывихи, а с другой, разводя народонаселение на дистанцированных по отношению друг к другу виноватых «начальниковˮ и безвинных «подчиненныхˮ, как бы освобождает «подчиненныхˮ от ответственности

— хотя бы за их собственное бесправие.

И вот почему «Сказка о Тройке» и «В ночь с пятого на десятое» при всей резкости, правдивости и социальной определенности содержащихся в этих повестях обличений приносят по прочтении большее эмоциональное удовлетворение (когда бранят не тебя, а тех, кого ты и сам бранишь, всегда приятно) и даже отчасти облегчение (радостно чувствовать, что сам-то ты безгрешен), чем трагическая — при всей ее лукавой невозмутимости — философская сказка Ф. Искандера.

<...>

В конце ноября Авторы вновь встречаются в Репино.

Рабочий дневник АБС

20.11.87

Приехали в Репино.

1. Сцена предложения себя для экспериментов. (Три объяснения деятельности Демиурга. Он сам говорит об оттягивании зла.)

2. Разговор с автором проекта «Лишение страха».

3. Концовка. Знакомство Манохина с Г. А.

4. Почему не было проповеди на кресте (мало народу, и очень больно).

На стр. 81. Агасфер приносит статью и разговор: «Что-то вы грустный...» Читает мысли Манохина — его объяснения. Гипотеза насчет утопления зла. Обещание нового настоящего чел<ове>ка.

М<ожет> б<ыть,> на стр. 37. Агасфер рассказывает, почему не получилась проповедь. Начать разговор: «...какая же непротиворечивость, если сказано „не мир, но меч...“»... Разные толкования... А<гасфер> Л<укич> сказал, что вообще не так...

Последняя запись:

1). «Проект о лишении страха».

2). Путешествие Парасюхина в мир его мечты.

3). М<ожет> б<ыть,> — знакомство с Г. А.

Комментарий: «Г. А. извлек все, что говорили о *нем*...»

Параллельные миры, 481 измерение...

«Вселенная слишком велика, даже для него. Он, вы могли заметить, частенько путает времена и обстоятельства».

«Мы ровесники, но я-то — от мира сего, вечный житель этого шарика, а каково ему?»

21.11.87

«ОЗ» Сделали 3 стр. (106)
Вечером сделали 2 стр. (108)

22.11.87

Сделали 2 стр. (110)
Вечером сделали 3 стр. (113)
И закончили черновик ОЗ на 113 стр.
«Из десяти девять не знают отличия тьмы от света, истины от лжи, чести от бесчестья, свободы от рабства. Такоже не знают и пользы своей». Трифилий, раскольник, сжег себя в 1701 г.38

23.11.87

Произвели разбивку глав.
1). Из «Сталки и Ко» — о семейном учителе по-англ<ийски>.
2). Рассуждение об Учителе как главаре банды. Это легко, но это не то, что надо.
3). Учитель-ангел: ничего дурного не знает о детях; чист; чистота заразительна.
Учитель-дьявол: все знает; видит на 3 м под учеником, способен предвосхищать, предупре-

ждать.

24.11.87

Цитаты для 40ЛС. Из Гейбора.

«The uncommon man wants to leave a world different from what he found; a better, enriched by his personal creation. For this he is willing to sacrifice much or all of the happiness that the common man enjoys». (стр. 67)

«We must find a way... to make indifferent and lazy young people sincerely eager and curious — even with chemical stimulants if there is no better way»39.

Из Ницше: «Человек — это канат, протянутый между животным и сверхчеловеком... В человеке велико то, что он — мост, что он — не цель: он восход и закат — вот что можно любить в человеке»40.

«...не к народу он должен говорить, но к спутникам. Многих и многих отманить от стада — для того пришел я»41.

По сути, это вопль отчаяния. Но как тут не завопить? Ведь, по сути, мы обязаны чуть ли не любой ценой создать человека с заданными свойствами. У Шкловского почти об этом сказано: «если бы некто захотел создать условия для появления на Руси Пушкина, ему вряд ли пришло бы в голову

выписывать дедушку из Африки»42. (на стр. 33 — на самом деле стр. 5).

25.11.87

Б. ездил в Лрд.
Вечером выпивали.

26.11.87

Парасюхин: «Истребление русских талантов — Вампилов, Шукшин... 3-я мировая война (сионизм против всего мира, прежде всего россов)».

27.11.87

Треплемся.

28.11.87

Треплемся же.
«И весь свет узнал!..43 Откуда?»

29.11.87

Последний день.

С 29 октября по 9 декабря в Монпелье проходит 11-й Еврокон — конвент фантастов стран Евро-

пы. АБС там отсутствуют, но награду все же получают, о чем 9 декабря сообщает «Литературная газета».

[Рубрика «Писательские контакты»]

29 октября — 2 ноября во французском городе Монпелье проходил 11-й конгресс Европейского общества научной фантастики (Еврокон) и 14-й конгресс французских писателей и любителей фантастики. Обсуждалось состояние и развитие научно-фантастической литературы в разных странах — Болгарии, Венгрии, Италии, Португалии, Румынии, СССР, Франции и других.

Состоялись выборы нового исполкома.

Президентом Еврокона стал советский писатель Еремей Парнов.

Были присуждены международные премии 1987 года. Среди награжденных: космонавт Георгий Гречко — за цикл телевизионных передач «Этот фантастический мир», издательство «Детская литература» и журнал «Простор» (Казахстан) — за издание научно-фантастической и приключенческой литературы, писатели Аркадий и Борис Стругацкие — за творчество, Виталий Бабенко — за лучший научно-фантастический рассказ, Мария Осинцева — за художественный

перевод.

Следующий конгресс Еврокона состоится в 1988 году в Венгрии.

В конце года Авторы вновь работают — правят ОЗ.

Рабочий дневник АБС

18.12.87

Прибыли в Репино писать ОЗ.

Сделали 4 стр. (4) 5

Мы обязаны изыскать способ… превращать безразличных и ленивых молодых людей в искренне заинтересованных и любознательных — даже с помощью химических стимуляторов, если не найдется лучшего способа44.

Вечером сделали 4 стр. (8) 11

19.12.87

Сделали 10 стр. (18) 21

Вечером сделали 4 стр. (22) 28

20.12.87

Сделали 9 стр. (31) 38

Вечером сделали 7 стр. (38) 44

21.12.87

Сделали 9 стр. (47) 54
Вечером сделали 5 стр. (52) 60

22.12.87

Сделали 10 стр. (62) 71
Вечером сделали 6 стр. (68) 78

23.12.87

Сделали 9 стр. (77) 88
Вечером сделали 6 стр. (83) 94

24.12.87

Сделали 9 стр. (92) 105
Вечером сделали 6 стр. (98) 112

25.12.87

Сделали 11 стр. (109) 123
Вечером сделали 5 стр. (114) 129

26.12.87

Сделали 9 стр. (123) 139

Выяснить у Юльки45 «Мотоцикл...»
Вечером сделали 4 стр. (127) 144
И прервались временно на 144 стр.

27.12.87

Проверить про о<стров> Патмос.

В декабре к БНу обращается болгарское книжное издательство.

Из архива. Письмо БНу из болгарского издательства им. Христо Г. Данова

Уважаемый Борис Натанович!

Пишем Вам из пловдивского издательства им. Христо Г. Данова, где выйдут в течение трех лет три тома Ваших с братом произведений.

У нас к Вам просьба. Как знаете, Пловдив и Ленинград — города-побратимы. Сотрудничество между нами осуществляется и по линии культурного обмена. Так, например, в нашем издательстве уже вышли из печати два сборника

ленинградских прозаиков и поэтов, а теперь хочется издать сборник ленинградских фантастов. Уже догадываетесь, наверно, почему обращаемся к Вам — помочь нам в подборке произведений — повестей и рассказов — авторов-фантастов из Ленинграда, за что, конечно, заключим договор, если не имеете ничего против.

Будем ждать Вашего, надеемся, положительного ответа.

Желаем всего самого наилучшего.

Зав. редакцией сов. литературы: С. Яневска

Главный редактор: Ат. Мосенгов

В этом году у Авторов помимо одного переиздания (ПНВС+ПИП+ЖВМ — Фрунзе, 1987) состоялись публикации новых и старых, но не изданных ранее произведений — пока лишь в периодике.

Рижский журнал «Даугава» — «Время дождя» (ГЛ).

Журнал «Смена» — СОТ-1.

Таллинская «Радуга», «Знание — сила» и газета «Ленинградский рабочий» — отрывки из ГО.

Публикуются киносценарии: в «Знание — сила» — «День затмения», в «Химии и жизни» — «Туча».

В этом году АБС получают две международные награды любителей фантастики: на 11-м Евроконе в Монпелье — международная премия 1987

года за вклад в фантастику, на 45-м Конвенте научной фантастики в Брайтоне — приз всемирной организации НФ «За независимость мысли».

1988

В прошедшем году перестройка развернулась полным ходом. В начале нового года журналисты спешат услышать мнение многих популярных людей о переменах в жизни страны. 1 января сразу три газеты публикуют высказывания Авторов. «Учительская газета» спрашивает АНа.

АНС. Телефонный разговор

Писатель Аркадий Стругацкий: Процесс перестройки оказался парадоксально противоречивым. Выяснилось, что большая часть людей не подготовлена ни к свободе слова, ни к свободе действий. Пример — отсутствие культуры дискуссий. Кроме того, иные члены общества понимают свободу слова как возможность откровенно, а чаще под прикрытием фраз из лексикона перестройки высказать свои лжепатриотические взгляды. Что ж, о таких умонастроениях надо знать непременно, если есть у общества потребность жить в согласии со здравым смыслом. Но в истории есть немало примеров тяжкой расплаты за ошибочно поддержанные идеи. В сегодняшней

острой идеологической борьбе от прогрессивных сил общества требуется сплоченность, мужество, последовательность в разоблачении позиции тех, на кого свежий ветер действует отравляюще.

Но я очень хочу думать, что новое мышление победит. Пусть сегодняшний авангард перестройки не такой уж многочисленный, но его духовный, нравственный, интеллектуальный потенциал очень силен. Меня не удивляет, что бойцами перестройки стали С. Залыгин, В. Быков, Г. Бакланов, А. Адамович. Этих людей я неплохо знал и раньше, был уверен, что только так они и могут поступать в нынешних условиях. Но то, что Виталий Коротич, Егор Яковлев создали самые читаемые журнал и газету, для меня открытие. А со сколькими другими замечательными современниками познакомило новое время! Удивительно, как ярко оно проявило людей. И сколько вопросов набросало... Почему, например, деятели кино и театра сегодня — наиболее передовая часть художественной интеллигенции? Почему в творческих союзах музыкантов, писателей, художников, архитекторов лелеют привычки застойной жизни?

Лично мы с братом, Борисом Стругацким, живем и работаем, наслаждаясь работой и жизнью.

И беспрерывно тревожимся. И радуемся, что застали такое удивительное время. Никогда еще мне не было так интересно жить, как сейчас!

Из событий года, безусловно, самое значительное — первый в истории человечества договор о разоружении. Это самый важный результат двухлетнего процесса перестройки. Надеюсь, что это не последний договор о разоружении при моей жизни.

«Советская культура» публикует подборку «Спор оптимиста с пессимистом», где дает высказаться и Авторам.

АБС: Три кита

Что внушает оптимизм? Вопрос для целой книги. Скажем только, что все решится в ближайшие год-два. Если перестройка не изменит своему поступательному движению, то хорошо будет не только в недалеком будущем, но и в следующем веке. Фантазии вообще больше присущи молодым. Нас же порой «вынуждает» на то профессия. Хотя мы всегда считали, что прогнозирование не есть задача фантастики и если фантастам что-то удавалось угадать, то это, как правило, случайность. О будущем, особенно в наше время,

нужно не фантазировать — его надо рассчитывать. Угадать его просто невозможно. Реальность окажется все равно невероятнее.

Разум и нравственность отвоевывают позицию за позицией: недавние события — подписание Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности — мощное тому подтверждение.

Мы все успешно учимся говорить и слышать правду, хорошо бы на основе этого энергичнее переходить к делу, действию, поступкам. В искусстве пока еще положение весьма типичное. Есть творцы, а есть потребители. Творцы, соответственно, творят, но вот потребители не всегда получают их произведения. Сложности существуют с передаточным механизмом. У литераторов — это издатели, а в кино — кинофикаторы. Надо, наверное, поменять механизм.

Мы верим в фантастические возможности человека. К тому же мы оба большие оптимисты. А поскольку пессимисты в наше время не доживают до старости, то из нас самый большой оптимист — Аркадий, как старший брат.

Хотелось бы пожелать всем крепкого здоровья, что всегда необходимо. А еще радостной и счастливой личной жизни, которая покоится на «трех китах» — дружбе, любви и работе.

Что внушает пессимизм? Иногда ряды противников перестройки, вольных или, что еще хуже, невольных, кажутся несокрушимыми. Ужасаешься при мысли о том, какую же работу надо сделать, чтобы перестройка давала свои плоды. Огромные массы людей еще остаются на своих позициях, как будто ждут команду: «Все назад». Вот это пусть останется в области их фантазий.

«Литературная газета» публикует мнения писателей, в том числе и АБС, по поводу прошедшего года.

АБС. 1987-й литературный: предварительные итоги. Что запомнилось особенно?

Главное литературное событие прошедшего года — это появление Издателя. Мы и раньше догадывались, что рукописи не горят (во всяком случае, некоторые) и что хорошие писатели неистребимы (хорошее всегда хорошо, жаль вот, что плохое не всегда плохо). Но только теперь мы осознали всё это вполне, когда появился Издатель и к нам наконец прорвался поток первосортной литературы. И хотя Издатель заявил себя только в периодике, а кооперативные издательства признаны, по слухам, нецелесообразными (каким

целям несообразными? Преодолению пропастей и завалов между писателями и читателями?), всё же хочется воскликнуть: «Остановись, мгновенье, ибо и такого мы не видывали никогда в жизни и увидеть при всем нашем оптимизме не чаяли».

Январский номер журнала «Знание — сила» публикует еще один отрывок из ГО.

[«В двенадцатом номере...»: Редакционное предисловие к публикации отрывка из романа «Град обреченный»]

В двенадцатом номере нашего журнала уже был опубликован другой отрывок из этой повести. Целиком ее печатает журнал «Нева». Напоминаем, что в повести «Град обреченный» участвуют люди разных стран и разных времен, вовлеченные некими таинственными Наставниками в эксперимент, конкретные цели и движущие силы которого самим героям не ясны.

Немало времени Авторы отводят общению с иностранными издательствами. 4 января БН пишет ответ в Болгарию.

Из архива. Письмо БНа в болгарское издательство «Христо Г. Данов»

Уважаемые товарищи!

Спасибо за любезное предложение. Однако прежде чем дать какой-либо ответ, я хотел бы ясно представить, что именно от меня требуется?

Должен ли я полностью организовать сборник ленинградской фантастики или только дать рекомендательный список авторов и произведений? Должен ли я обращаться в ВААП, или этим займется ваше издательство? Какой именно сборник интересует вас? Одна только научная фантастика или фантастика в широком смысле этого понятия, включая фэнтези, сатиру, философскую фантастику, мениппею и т. д.?

Сборник признанных, апробированных авторов или, наоборот, сборник молодежи?

В Ленинграде сейчас активно работают и признанные мастера жанра, такие как Александр Шалимов, Александр Щербаков, Ольга Ларионова, и большая группа молодых, но уже заявивших о себе авторов — Вячеслав Рыбаков, Андрей Столяров, Андрей Измайлов, Ирина Тибилова, Святослав Логинов, Феликс Дымов... Кроме того, многие известные писатели-ленинградцы не счи-

тают себя фантастами, хотя пишут превосходную фантастику — Даниил Гранин, Вадим Шефнер, Александр Житинский, Нина Катерли, Валерий Попов, Наталья Галкина...

Я был бы рад получить от вас письмо, где предложения ваши были бы полностью конкретизированы.

С уважением [подпись БНа]

10 января БН пишет рецензию на готовящийся сборник Андрея Измайлова — очередную книгу очередного «семинариста».

Из архива. Рецензия БНа на книгу А. Измайлова

Четыре повести Андрея Измайлова открывают перед читателями мир, одновременно и вполне знакомый, и совершенно необычный. Все приметы времени налицо, и налицо знакомые люди — пестрый хоровод таких привычных, таких обыкновенных, таких надоевших даже... Граждане квартиросъемщики во всей неистребимой красе — со своими привычными, обыкновенными, надоевшими заботами, страстишками, проблемками...

Нетрудно заметить, однако, что мир этот при

всей его обыденности и знакомости отнюдь не тускл и не скучен. Он странноват. Он все время пребывает как бы на границе чуда и зачастую нечувствительно соскальзывает по ту сторону этой границы. То вдруг ухнул в невесомость и поплыл по воздуху главный герой, то некие таинственные шушарики, не описанные никаким Линнеем, забегали по коммунальному обиталищу, а вот и новый Хоттабыч появился — современный, отнюдь не сказочный, а вполне даже научно («анабиоз — манабиоз») обоснованный, и не волшебник какой-нибудь, а всего лишь регулировщик на перекрестках судьбы...

Свойство нашего мира постоянно пребывать на грани странности отметили еще Гоголь с Гофманом. Уже они не могли и не хотели обходиться без фантастики, описывая самые, казалось бы, банальные жизненные ситуации.

В отличие от многих и многих, кто сегодня полагает фантастику лишь неким эзоповым языком XX века (годным только для построения кукишей в кармане), А. Измайлов ясно видит *все* замечательные возможности этого литературного приема и использует прежде всего способность фантастики делать тусклое ярким, банальное свежим, пресное острым. И он *умеет* пользо-

ваться этим приемом, так что фантастическое у него входит в повествование легко, изящно, как бы между делом, но всегда вовремя и всегда уместно.

Фантастика обостряет сюжет, а Измайлов любит острые сюжеты. Он умеет создать для своих героев экстремальные ситуации и без всякой фантастики, средствами вполне реалистическими. Тут главное, чтобы герой не знал ни минуты покоя, чтобы поток событий швырял его и так и этак, беспощадно перебрасывая от одного житейского рифа к другому, чтобы галдела вокруг шумная толпа граждан квартиросъемщиков, или Дедов Морозов, или каких-нибудь гидр-гидшгидов женского пола... Сюжет всегда закручен до отказа умелой и решительной рукой, так что герою (и читателю вместе с ним) приходится успевать поворачиваться, чтобы не отстать от событий. (Это — чудесное свойство всех повестей Измайлова, к сожалению, оно не часто встречается в нашей молодой прозе.)

Герои Измайлова все как на подбор молоды. Это та самая нынешняя молодежь, которая к тридцати годам успевает перебрать пять профессий, трех спутниц жизни, десять мест работы, пятнадцать тысяч друзей — и странным образом

ничему толком не научиться и ничего толком не понять в жизни. Главные герои Измайлова не блещут никакими особенными достоинствами, но они безусловно честны, они надежны, они дьявольски симпатичны. При этом они неустроены, непрактичны и сами толком не знают, чего им хочется.

Впрочем, они никогда и нигде не пропадают. Да и чего ради пропадать? Ведь мир вокруг, по сути своей, так интересен, забавен, так добр! Во всей книге читатель не найдет ни единого безусловного мерзавца, подлеца, негодяя, но зато он обнаружит целую толпу диккенсовских персонажей. Строго говоря, все без исключения герои Измайлова — диккенсовские персонажи, нелепые, забавные, каждый со своей «загогулиной», каждый чудак чудаком и при этом искренне полагает чудаком не себя, а соседа.

В этом мире всегда торжествуют юмор и смех. Причем не желчный юмор и не ядовитый смех. Никакой горечи! Так смеются и шутят над теми, кого любят, на кого можно рассердиться (дело житейское), но всегда готовы простить, потому что ясно же — все люди славные существа, даже те из них, кто не умеет быть славным. Так смеются (посмеиваются) в дружной семье или в старой

доброй компании с многолетним стажем.

И смех побеждает. В мире Измайлова смех побеждает всегда и всё и всех.

Пестрый, яркий, знакомый и странный мир... Мне кажется, сейчас Андрей Измайлов представляет собою вполне самостоятельное явление в нашей молодой литературе. Он, пожалуй, один такой — совершенно ни на кого не похож, никому не подражает, совершенно оригинален в своей литературной манере и в своем виденье мира. И как такое самостоятельное явление, он, безусловно, заслуживает, на мой взгляд, самого профессионального и тщательного разбора и анализа. О нем, безусловно, будут писать. А пока его надобно издать. И чем скорее, тем лучше, — и для него лучше, и для издательства, и для читателей.

Вообще в этом году много предисловий БНа к публикациям «семинаристов». В февральском «Литературном Киргизстане» (к А. Щеголеву), в мартовском казахском «Просторе» (к А. Карапетяну, А. Измайлову, А. Столярову), в августовском питерском «Костре» (к А. Тюрину и А. Щеголеву). В ленинградском отделении «Советского писателя» — целый сборник молодых авторов «День свершений», к которому БН пишет предисловие «Что такое фантастика?»...

В середине января АБС встречаются в Репино — они дописывают ОЗ.

Рабочий дневник АБС

[Записи между встречами]

Юлии-Клавдии:
Тиберий (14–37)
Калигула (37–41)
Клавдий (41–54)
Нерон (54–68)

Из ГО восстановить для «Невы»: стр. 1–20, 193–218.

В Томске не могут найти приличную типографию. Будут печатать без ВГВ.

«Дас моторрад унтер дем фенстер ам зонтагсморген».

15.01.88

Прибыли в Репино писать ОЗ.
Сделали 4 стр. (131) 149
Вечером сделали 6 стр. (137) 155

16.01.88

Сделали 9 стр. (146) 165
Вечером сделали 5 стр. (151) 171

17.01.88

Сделали 10 стр. (161) 182
Вечером сделали 6 стр. (167) 189

Незаурядный человек хочет оставить мир иным, нежели тот, в который он явился, лучшим, обогащенным его собственным творчеством. Для этого он готов пожертвовать большей частью радостей или даже всеми радостями, которыми наслаждается человек заурядный46.

18.01.88

Сделали 10 стр. (177) 200
Вечером сделали 5 стр. (182)
И закончили ОЗ на 205 стр.

19.01.88

Обдумывали ЖвМ-С.

1). Мы не верим людям, профессионалам,

лит<ературному> вкусу.

2). Мы готовы принять участие в восстановлении здания Ф<антастики>, но не плечом и ногой, [1 строка нрзб]

3). Мы понимаем, что перестройка необходима, но начинать надо с того, что заменить всех.

Писали ответ Федорову.

20.01.88

Написали начало ЖвМ-С.
Вечером Б. уехал за рукописью.

21.01.88

Заболела Ленка.

22.01.88

Болеет Ленка. Не работаем.

23.01.88

Написали рекомендацию В. Рыбакову.

24.01.88

Валяемся. (Настроение дрянь — из-за Каляма.)

Вернувшись домой, день 25 января БН посвящает ответам на письма. Пришло письмо из немецкого издательства.

Из архива. Письмо к АБС из немецкого издательства Volk und Welt

Дорогие Аркадий Натанович и Борис Натанович!

Недавно у нас вышла из печати — в сборнике — Ваша повесть «Пять ложек эликсира». Надеемся, что авторские экземпляры уже дошли до Вас.

Теперь мы вернулись к вопросу об издании «Сказки о Тройке», на которую мы когда-то не получили договора через ВААП. Тогда мы — без «Сказки о Тройке» — отложили всю идею издания романа в повестях «Понедельник начинается в субботу». А теперь мы издадим сперва «Сказку о Тройке» отдельно, в нашей авторитетной серии «Спектрум», а потом уже вернемся к вопросу о всем романе.

«Сказку о Тройке» мы переводим по публикации в журнале «Смена», № 11–14/1987, переводчиком является Хельга Гуче. Известно ли уже, в каком издательстве предусматривается книжное издание?

Конечно, нам хотелось бы впредь оставаться

«издательством братьев Стругацких» в ГДР, где мы Вас впервые представили нашим читателям уже в 1961 году («Страна багровых туч»). Для этого было бы желательно узнать: как обстоит дело с «Извне», с «Улиткой на склоне»? Мы читали «Хромую судьбу» в «Неве», ждем полной рукописи, которую нам обещал ВААП. Какие у Вас на будущее планы?

Жаль, что во время ММКВЯ-87 не удалось повидаться с Вами в Москве. Вы могли бы нам предоставить хотя бы новые Ваши фотоснимки? А на будущее надеемся все-таки и на «персональную» встречу.

С большим интересом мы прочли Вашу статью «Многие из вас спрашивают» в «Уральском следопыте» № 4/1987.

С уважением

Юрген Грунер, директор

Лео Кошут, зав. отд. сов. лит.

На письме пометка БНа об ответе: «25.01.88. Сообщил про ГО и ОЗ».

Вскоре пришло письмо от немецкой переводчицы Хельги Гуче.

Из архива. Письмо БНу от немецкой переводчицы

Дорогой Борис Натанович,

Только сейчас, под Новый год, окончила черновой перевод вашей «Сказки о Тройке» для издательства Volk und Welt. Это очень интересная работа, которая доставила мне большое удовольствие, но для переводчика это «твердый орешек». Поэтому я была бы Вам очень благодарна, если бы вы мне помогли его раскусить. Надеюсь, что моя просьба Вас не слишком затруднит, извиняюсь за глупые вопросы и благодарю Вас заранее за Ваш ответ.

В прошлом году я перевела вашу повесть «Пять ложек эликсира», которая уже вышла в Берлине и Гамбурге — произведение тоже очень интересное, но при переводе я там с такими трудностями не встретилась.

Поздравляю Вас и Вашего брата с Новым годом и желаю Вам всего доброго, крепкого здоровья и много новых творческих успехов.

С глубоким уважением Helga Gutsche

Вот список непонятных слов и вопросов «Смена» 11/1987:

стр. 26/3 (в середине) преобразование *Киврина-Оппенгеймера* / определитель *Жемайтиса* (Это ист. личность или придуманные фамилии?)

26/3 число *Одина* (Один фамилия или цифра 1?)

27/1 (31-я строка) хватать и тикать

27/1 (36-я строка) рвануть когти

27/2 (20-я строка) *номенклатурный* бювар

28/1 (21-я строка снизу) *гыгыкал* как в цирке

28/3 Когда поэт сказал: «И на ответы нет вопросов» (Какой поэт это сказал?)

30/1 (третий абзац) ...как «*непупок*» вскарабкался по «*жандарму*» и *запилил* по гребню и как потом «*ланцепупа*» «*пробило на землю*»

30/1 (28-я стр. снизу) Говорун *выпендривался* перед Эдиком.

«Смена» 12/1987:

26/1 голубяван (это название снежного чел. на каком языке?)

26/1 Клавдии-*Публии*-Аврелии

26/3 (в середине) штемпельная печать (четырехугольная?)

27/3 (40-я стр.) во избежание *имперсонаций*

29/2 (27-я стр.) магодетерминант *Иерусалимского* (придуманная фамилия?)

29/2 (29-я стр.) Роже де Понтреваль (ист. личность?)

30/1 (6-я стр.) Кин (ист. личность?)

30/1 (28-я стр.) домушник

30/2 Ойра-Ойра (от какого слова эта фамилия произведена?)

«Смена» 13/87:

27/1 (23-я стр. снизу) Николай Вавилов (ист. личность?)

28/2 (23-я стр.) прокол

28/2 (40-я стр.) белые китежградские *черемушки*

29/3 (14-я стр.) мы миновали *овсы*

31/2 (38-я стр.) в бозе почил

31/3 (15-я стр.) Таврий Юбеллий (ист. личность?)

«Смена» 14/1987

21/1 (32-я стр. снизу) известные строки «Хочу быть дерзким, хочу быть смелым...» (кого это строки?)

26/3 (в сер.) выбивали ему бубну

26/3 (18-я стр. снизу) мастера-крупчатники

27/2 (в сер.) как ты его проверишь, читает он или кемарит, сачок?

28/1 (в сер.) Волосянис, Л. А. / Тьмутараканов (ист. личности?)

30/1 (31-я стр.) дух некоего Винера (ист. личность?)

30/3 (в середине) Мари Брийон и барон де Водрейль (ист. личности или герои литературы?)

31/2 (2-й абзац главы девятой) Хороший у нас председатель, молодца, молодца!

32/1 (7-я стр.) сто девятнадцать (опечатка? 190?)

32/1 (26-я стр.) бухгалтером ВНИТАГОРА

На письме опять же рукописная пометка БНа: «Ответ 25.01.88».

Есть письмо и от Марка Амусина.

Из архива. Письмо БНу от М. Амусина

Уважаемый Борис Натанович!

Посылаю Вам, как и договаривались, свою статью. К сожалению, первые два экземпляра находятся в редакции «Невы». Вопрос о публикации статьи решается вот уже четверть месяца, что, несомненно, свидетельствует о высоком чувстве ответственности, присущем сотрудникам редакции и ее руководству. Замечу, кстати, что по ходу соглашений и увязок статья подвергалась некоторой — не слишком существенной — переработке, шлифовке. Например, суждения о «Жуке в муравейнике» сведены в одно место.

О том, что статья прочитана, Вы можете сообщить мне по телефонам: <...>

С уважением,
[подпись]

Сама статья была опубликована во втором номере «Невы». Марк Амусин позднее неоднократно обращался к творчеству АБС, а в 1996 году даже издал книгу «Братья Стругацкие: Очерк творчества» (Иерусалим: Бесэдер, 1996). Литературные изыскания Марка Амусина, иногда спорные (каждый любитель творчества Авторов имеет свой взгляд на произведения АБС), но неизменно основательные и обоснованные, требуют вдумчивого чтения. Из-за их объемности здесь приводятся лишь некоторые выводы статьи. В ней Марк Амусин уделяет основное внимание тематике творчества АБС и изменениям индивидуализации их героев.

Из: Амусин М. Далеко ли до будущего?

<...>

[О первых произведениях] Как и подобает рыцарям, они закованы в доспехи — доспехи своих добродетелей, которые делают их похожими друг на друга, несмотря на добросовестные попытки авторов их индивидуализировать. Лишь иногда мелькнет из-под забрала своеобразное выраже-

ние лица — и тут же скроется. Общность цели, необходимость ради ее достижения складывать силы вдоль одной оси неизбежно оттесняют на второй план психологические различия, делают их малосущественными.

Эти люди еще не до конца отделились от той могучей и прекрасной техники, которая помогает им покорять пространство и время.

<...>

В «Стажерах», «Попытке к бегству», «Трудно быть богом» писатели выходят к теме превратностей исторического развития, драматической его диалектики. Конфликты всех этих произведений имеют общую основу: столкновение представителей коммунистической цивилизации, духовно зрелой и высокогуманной, с социально-историческим злом, с реальностью, к которой неприложимы мерки и критерии гуманизма.

<...>

<...> НИИЧАВО — выступает в повести символом современного научного учреждения, а его сотрудники — маги — явно представительствуют от лица молодой интеллигенции, столь активно и победительно входившей в жизнь на рубеже 60-х годов. Интеллигенция эта несла с собой дух абсолютной преданности делу, непочтитель-

ности к любым авторитетам, кроме авторитета точной научной истины, дух бескорыстия, независимости, оптимизма. Немало наивного, не выдержавшего испытания временем было в упованиях и декларациях этого поколения. Но можно ли отрицать его искренность, убежденность, нравственный максимализм?

<...>

Как видим, в середине и конце шестидесятых годов Стругацкие в своих произведениях поднимают вопросы, актуальные и для того времени, но особенно громко резонирующие сегодня — вопросы демократизации общественной жизни, раскрепощения творческой энергии народа. Они ведут борьбу с самыми различными проявлениями косности, социальной рутины. Они берут «социальный интеграл» конформизма, эгоизма, безответственности, они рассматривают эти качества «под знаком вечности» и обнажают их несовместимость с идеалами коммунизма, с родовыми интересами человечества. И не случайно противники всего живого, честного, мыслящего наносят в это время Стругацким несколько ощутимых ударов — не полемической шпагой, а дубиной.

<...>

Слишком смело было бы утверждать, что именно Стругацким лучше других удается справиться с духоподъемными задачами. А все же постоянный читательский интерес к их книгам говорит о небезуспешности усилий писателей. Какие же особые средства воздействия призвали они себе на помощь? Тут не обойтись без того, чтобы заглянуть в их творческую лабораторию. Ведь лаборатория «магов» — место интересное.

Прежде всего Стругацкие побуждают читателя удивиться, заинтересоваться, стряхнуть с себя инерцию восприятия — будь то восприятие литературы или самой жизни. И здесь им на помощь приходит фантастический «хронотоп» — сочетание обстоятельств времени и места действия. Кабина космического корабля, экзотические инопланетные реалии, далекое будущее Земли — все эти неотъемлемые принадлежности фантастического жанра сами по себе мобилизуют читательское воображение. Но и заслуга авторов тут несомненна. Они владеют даром особо выразительной передачи атмосферы необычного. И добиваются они этого отнюдь не «экстенсивным» путем, не механическим нагнетанием фантастического, что часто встречается в тривиальной литературе. Стругацкие верят: эффект необычно-

го тем ярче, чем больше разность потенциалов между этим необычным и объемлющим его обыденным, привычным.

<...>

Раз уж это слово прозвучало, поговорим об игре — еще одном существенном элементе поэтики Стругацких. Игра в их творчестве присутствует в самых различных формах и обличьях, на разных уровнях организации повествования. Прежде всего игровое начало воплощено в самих героях, особенно молодых. Избыток сил, радость жизни, удовольствие от занятия любимым делом — все это отливается в абсолютную раскованность поведения, в постоянную готовность к шутке, каламбуру, веселому розыгрышу.

<...>

Любят писатели и подразнить пуристов, радетелей чистоты и иерархического разделения жанров. Отсюда — маскарады, переодевания, перекройка устойчивых жанровых схем и стереотипов. В романе «Трудно быть богом» костюмы, реквизит, весь фон действия взят напрокат из рыцарских и мушкетерских романов. «Обитаемый остров», роман воспитания, наполненный к тому же интересными и острыми размышлениями о методах социального действия, обряжен в одеж-

ды авантюрного, «шпионского» повествования, наполнен погонями, схватками, резкими переменами декораций и так далее.

А сколько в произведениях Стругацких внутрилитературной игры — изящной и озорной! Писатели не скрывают своего пристрастия к хорошей литературе и не упускают случая вкрапить в свой текст «чужое слово», строки и фразы любимых авторов. Открытые и скрытые цитаты, реминисценции, лукавые отсылки к источникам обогащают повествовательную ткань новыми смысловыми «капиллярами», активизируют литературную память читателей.

<…>

Активность художественного мира Стругацких, его «агрессивность» по отношению к читательскому сознанию подчинены ясной цели — раскрепостить энергию восприятия этого сознания, освободить его от тянущих вниз вериг эмпиричности, от праздной созерцательности. Но и этим дело не ограничивается. В художественном строе прозы Стругацких выражается авторская концепция бытия, к которой писатели стремятся нас приобщить. Под цветистыми покровами фантастической условности здесь явственно ощутима упругая материя жизни, исполнен-

ной драматизма, внутренней напряженности. Жизнь эта волнует и влечет своей загадочностью, незавершенностью, она бросает человеку свой извечный вызов, требуя от него напряжения всех его сущностных сил в поисках достойного ответа. Стругацкие словно говорят нам: да, жизнь сложна, Вселенная безмерна, природа не расположена к человеку, путь социально-исторического развития изобилует мучительными противоречиями, благополучный итог не предрешен. Но только осязая неподатливость субстанции бытия, преодолевая ее сопротивление, мы обретаем смысл существования, утверждаем свое человеческое достоинство. Стругацкие заражают нас своим неутолимым интересом к многодонности жизни, к ее непредсказуемости, к безмерности, отразившейся в зрачке человеческого глаза. Их герои — истинные герои — живут жизнью, полной борьбы, телесных и нравственных усилий, они испытывают радость деяния, боль утрат, стыд за ошибки, они остро ощущают — и заставляют ощутить нас — реальность и необходимость своего присутствия в мире.

<...>

С неопровержимой наглядностью — но и без дидактического нажима — выступает в финале

романа [ПНО] мысль о жестоком несоответствии индивидуализма как мироощущения современному состоянию мира, о необходимости усвоения нового, планетарного мышления всеми людьми, находящимися на борту «корабля по имени Земля».

Что ж, в этом и состоит одно из важнейших свойств «феномена Стругацких» — они делают жгуче увлекательной, насущной для нас социальную, этическую, философскую проблематику высокого уровня общности. Стругацкие умеют придать отвлеченным и абстрактным на первый взгляд категориям — будущее человечества, судьбы цивилизации, нравственная самостоятельность личности — живую плоть, претворить их в жизненную практику своих героев. А средством «концептуализации» сюжетного материала в зрелой прозе писателей все чаще становится ситуация выбора.

<...>

Что ж, полемика, споры, откровенное высказывание несовпадающих мнений стали в последнее время привычными явлениями нашей жизни, не только литературной, но и общественной. И разве нет в этом заслуги братьев Стругацких, книги которых всегда внушали нам, что думать

— не право, а обязанность человека? Да и на сегодняшнем, сложном и многообещающем этапе нашего развития творчество Стругацких остается в высшей степени актуальным. Ведь их книги, помимо прочего, — отличные «тренажеры» мысли, социального воображения, чувства нового. Они вновь и вновь напоминают нам о «неизбежности странного мира», помогают нам готовиться к встречам с будущим, которое ведь наступает с каждым новым днем.

Не забывают АБС и о своей кинодеятельности. 5 февраля они пишут письмо на киностудию «Ленфильм».

Из архива. Письмо АБС на киностудию ленфильм

ЗАЯВЛЕНИЕ

Предлагаем внести некоторые изменения в титры кинофильма «Дни затмения».

1. Добавить текст: «По мотивам повести А. Стругацкого и Б. Стругацкого „За миллиард лет до конца света“».

2. Авторов сценария логичнее расположить в следующем порядке: «Сценарий Ю. Арабова при

участии А. Стругацкого, Б. Стругацкого, П. Кадочникова» (не изменяя договорного распределения гонорара).

Позже Юрий Арабов вспоминал о перипетиях кинофильма.

Из: Арабов Ю.: «„Звездные войны“ похоронили всю советскую фантастику»

<...>

— С картиной «Дни затмения» была другая ситуация. В основе лежал сценарий, написанный братьями Стругацкими, режиссером выступил ваш постоянный соавтор Александр Сокуров...

— Да, эта картина стоит особняком. Александр Сокуров вообще очень осторожно относится к фантастическому элементу, и в этой картине происходила, я бы сказал, борьба с фантастикой. В повести «За миллиард лет до конца света», которая легла в основу сценария, гениальный сюжет! О том, как что-то в природе, в космосе препятствует интеллектуальной деятельности человека и ставит ему планку. В первом варианте сценария так и было: ученый делает открытие, но кто-то или что-то бьет его по рукам. Режиссер приступил к съемкам и вдруг понял, что не хочет

снимать этот сюжет, а желает рассказать о том, как социальная и культурная жизнь бьет человека по рукам. Не космический закон, а вот эта социальная и культурная жизнь ставит запреты, потому что ты не такой, как другие, потому что ты более тонкий человек, чем другие, и они, эти другие, тебя уничтожают. Близкий сюжет, но иной. Для такого поворота мне пришлось прекрасную повесть Стругацких «перелопатить». Сокуров захотел провести съемки в Красноводске, где прошла его молодость. Его привлекла эта идея: иноязычная среда, мусульманская культура и внутри — русский человек. Фантастические элементы, имеющиеся в этом фильме, суть «атавизмы» Стругацких, которые режиссеру и сценаристу не удалось до конца перебороть. Так что, если смотреть с точки зрения фантастики, то это несчастная картина.

— Но, кстати, был ведь еще один соавтор сценария — Петр Кадочников.

— Сценарий, написанный Стругацкими и Петром Кадочниковым, долгое время лежал на «Ленфильме». Я уже не помню — то ли Петр сам хотел его снимать, то ли он был только соавтором, а режиссера не было. А потом он погиб. Он полез на сосну смотреть закат, а ветка под ним

обломилась. Вот такая поразительная и ужасная история. Вообще вокруг этого сценария все время происходили какие-то мистические события. С авторами картины начали случаться примерно такие же истории, как с их героями. Но в фильме роль мистического элемента снижена.

<...>

Февральский седьмой номер газета «Книжное обозрение» посвящает фантастике. Начать разговор предлагается Авторам.

АБС. Слово писателя

Есть идеал — коммунистическое человечество; вот с этих позиций и надо пером вытаскивать из всех щелей сегодняшнюю дрянь. И не удивляться ее шипению, а то и укусам. Ведь если советские фантасты будут искать спокойных бережков над речкой, у общества одним гребцом станет меньше. А этого быть не должно.

Мы рады, что «Книжное обозрение» свой специальный выпуск посвящает фантастике. Нам представляется это и своевременным, и симптоматичным.

Тридцать лет назад мы написали свою первую статью о положении в советской фантастике. Она

не была напечатана, и слава богу, ибо читать ее сегодня было бы, наверное, и странно, и неловко.

То было время, когда девяносто пять процентов издательских работников и литературоведов искренне полагали, будто фантастика — это такая специальная научно-популярная литература для подростков. И что характерно — большая часть писателей-фантастов понимала фантастику так же. Издательства выпускали в год не более полдюжины названий — главным образом переиздания классиков (Жюль Верн, Г. Уэллс, А. Беляев), а писательский актив составляли авторы, имена которых сегодня помнят только специалисты да коллекционеры.

Впрочем, любителей фантастики было много уже и тогда, но никто из них не слыхал в те времена имен А. Днепрова, Е. Войскунского и И. Лукодьянова, С. Гансовского, И. Варшавского, В. Савченко, М. Емцева и Е. Парнова, Д. Биленкина, В. Михайлова, Кира Булычева. Михаила Булгакова знали только библиофилы. А. Азимова, Р. Брэдбери, С. Лема — только те, кто читал по-английски и по-польски. Р. Шекли, К. Воннегута, С. Кинга — вообще никто.

Как видите, кое-что все-таки переменилось за эти тридцать лет. Появились новые имена, наша

фантастика пережила небывалый взлет 60-х и сокрушительный разгром в 70-х. Престиж ее внутри нашей страны и за рубежом неизмеримо вырос. Заявили о себе специалисты-теоретики этого вида литературы. Фантастика пришла в кинематограф.

И в то же время количество проблем не уменьшилось, а вроде бы даже возросло.

Казалось бы, названий литературной фантастики, издаваемой ежегодно, не так уж и мало, но *хорошая* фантастика по-прежнему остается дефицитом.

Казалось бы, авторский актив увеличился на порядок, но буквально десятки талантливых авторов пробиться к читателю так и не могут.

Казалось бы, уже и сами инстанции, от которых зависит издание высококачественной фантастики, на словах признали роль и важность этого вида литературы, но на практике не делают ничего для его успешного развития, а зачастую попросту мешают этому развитию.

И сегодня, как и тридцать лет назад, приходится объяснять, убеждать и ругаться.

В конце февраля АБС встречаются в Москве. Они собираются работать над сценарием ЖВМ, но отводят время и правке черновика ОЗ.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

фотохромные очки

20.02.88

Вчера Б. прибыл в Мск писать ЖвМ-С.
Сделали 5 стр. (7)
Вечером сделали 5 стр. (10) (22)

21.02.88

Сделали 8 стр. (18) (53)
«Симон же Петр, имея меч, извлек его, и ударил первосвященнического раба, и отсек ему правое ухо. Имя рабу было Малх».
Евангелие от Иоанна47.
Вечером сделали 5 стр. (23) (71)

22.02.88

Сделано 10 стр. (33) (107)
Вечером сделали 5 стр. (38) (137)

23.02.88

Сделали 11 стр. (49) (161)
Вечером сделали 6 стр. (55) (180)

24.02.88

Сделали 7 стр. (62) (209)
Вечером сделали 7 стр. (69) (217)
«…порожденные страхом, подозрениями и тайной»48.

25.02.88

Сделали 6 стр.
И закончили сценарий на 76 стр-це.

26.02.88

Составляем планы изданий и вообще подбиваем всякие бабки.
1. Человек, который мог все.
2. Антиутопия. Конец перестройки.

27.02.88

Б. уезжает.

В мартовском номере журнала «Детская литература» выходит еще одна умная и основательная статья о творчестве АБС.

Из: Канчуков Е. ...Каждый город и весь мир принадлежал им по праву: Детство в прозе Стругацких

<...>

Интеллект, способный к детальному анализу заданного предмета (костяк прозы Стругацких); развитое воображение, несомненные литературные данные, в частности склонность к игре, к мистификации, к актерству; упорное творческое совершенствование и, как следствие, успех у широкого читателя — все это обусловило создание уникального мира прозы Стругацких. Предметом своего исследования Стругацкие, повторяюсь, раз и навсегда избрали социум.

<...>

В начале шестидесятых «наступил естественный период разочарования. Мы потеряли ориентировку тогда», — скажет впоследствии Борис Стругацкий. Потеряли ориентировку не только Стругацкие. Проза тех лет дала резкий крен в сторону лиризации, романтизации действительности. Это как раз заставило Стругацких все

более осознанно искать, моделировать «трезвые» варианты объективно-возможного будущего. Именно это, в конце концов, определило место и роль детства в их прозе. Детства — не возрастной категории, не розового периода развития личности, но категории философской. Воплощенного будущего. Принципиальной новизны в этом нет, но... Стругацких интересует неожиданная грань взаимодействия этих величин: мера и формы воздействия будущего на настоящее.

<...>

Детство как таковое присутствует уже в первой повести Стругацких («Страна багровых туч», 1957). Пока вполне номинально. Довольно уверенное тогда ощущение «коммунизма — в четыре пятилетки» как единственно возможного варианта будущего снимало какие бы то ни было споры о детях. Могут ли в коммунизме быть плохие дети?.. Конечно, нет, а поэтому и внимание Стругацких коснулось детства лишь однажды. И то вполне традиционно по тем временам: «Вообще назначение человека, — скажет Дауге, — превращать любое место, куда ступит его нога, в цветущий сад. И если мы не доживем до садов на Венере, то наши дети доживут...»

Но уже через семь лет, в шестьдесят четвертом,

Стругацкие вполне сориентировались в ситуации, и, как следствие, доктор Опир из «Хищных вещей века» надует великолепный мыльный пузырь, внешне совершенно безобидный, но будящий странные ассоциации: «Еще несколько десятков лет, — провозгласит он, — и мы достигнем автоматического изобилия, мы отбросим науку, как исцеленный отбрасывает костыли, и все человечество станет огромной счастливой детской семьей. Взрослые будут отличаться от детей только способностью к любви, а эта способность сделается опять-таки с помощью науки — источником новых, небывалых радостей и наслаждений...»

А чтоб ассоциации эти обрели нужную интонацию, тут же соображения доктора Опира будут сведены к широко обобщенным понятиям: «Неооптимизм... Неогедонизм и неокретинизм... Неокапитализм... — брезгливо подумает Жилин, слушая его монолог. — Нет худа без добра, сказала лиса, зато ты попал в Страну Дураков. Надо сказать, что процент урожденных дураков не меняется со временем. Интересно, что делается с процентом дураков по убеждению». Действительно...

Что же до умственных построений доктора

Опира на предмет «способности к любви», то к этому вопросу обратится через три года герой «Гадких лебедей» Виктор Банев. Глядя на детишек, он подумает с отчаянием: «Жалко их... подрастут... полезут друг на друга, размножатся, и начнется работа за хлеб насущный...»

Но это, напомню, случилось некоторое время спустя, а в пятьдесят седьмом отсутствие детей (будущего) в «Стране багровых туч» обозначит грядущее, превращенное в утопию. И это грядущее отчетливо проявится в «мечтании» героя.

<...>

«Полдень. XXII век. Возвращение» (1960–1966) — книга, оказавшаяся для Стругацких необыкновенно важной. Собранная из рассказов, которые писались в течение почти десятилетия, она вдруг явственно обнаружила у Стругацких развитие. Развитие творчества Стругацких как такового, направление этого движения.

<...>

Мир детства, нарисованный как взрослый в миниатюре, — очень важная и принципиальная ступень в творчестве Стругацких: детский мир, идущий вслед за взрослым, здесь наконец догнал его и впоследствии уже неизменно будет впереди, вплоть до полного отъединения будущего от

настоящего.

Здесь же, пожалуй впервые, Стругацкие осознанно разделили своих героев на «людей действия» (Кондратьев и иже с ним) и «философов» (Панин и другие). Отныне центр тяжести прозы Стругацких будет ощутимо смещаться в сторону духовного бытия человечества.

В «Полдне...», кроме того, появится формула, сути которой впоследствии авторы будут придерживаться неукоснительно: «...цель — это только средства... Счастье не в самом счастье, но в беге к счастью».

И уже в «Гадких лебедях», вслед уходящему будущему, Банев, герой повести, произнесет с чувством: «Трудность в том, чтобы представить себе их (детей. — *Е. К.)* работу, идеи, возможности — куда уж мне... Это вообще невозможно. Шимпанзе не может написать роман о людях. Как я могу написать роман о человеке, у которого никаких потребностей, кроме духовных?»

«Лебеди», на мой взгляд, — лучшее из всего написанного Стругацкими. По сути, это материализация извечных надежд отцов на то, что дети будут умнее их, нужнее. Дети не хотят больше жить так, как живут отцы. Не хотят они вырасти пьяницами и развратниками, мелкими людиш-

ками, рабами, конформистами...

«Лебеди», в целом, может быть, одна из самых земных повестей Стругацких, одна из самых горьких... Сказалось, конечно, и время их написания.

<...>

«...все это прекрасно, но вот что, не забыть бы мне вернуться».

Они не забудут вернуться. Они останутся с настоящим — всматриваться в окружающих, пробуя различить «щупальца» и угадать по ним будущее. Как сказал бы один из героев Стругацких времен «Далекой Радуги» Леонид Горбовский: «...их занимает вопрос об эволюции человека, и они строят модели».

Модели эти, выстроенные последовательно, при всей их внешней несхожести, укладываются тем не менее в определенную систему. Долго и трудно разрабатывая тему детства (дети как спутники будущего, дети как свидетели настоящего, его жертвы; дети как модельки взрослых, их мира; наконец, дети как предвестники будущего), Стругацкие в итоге сумели выделить из своего опыта очень важную мысль («внутри вида зарождается новый вид») и выразить эту мысль в необычной литературной ситуации. Терминологическое обозначение («вертикальный

прогресс») она получит в «Малыше» (1970).

Намечена была эта ситуация еще в шестьдесят втором в «Далекой Радуге», потом откликалась в «Улитке на склоне» (достаточно посмотреть на эпиграфы), в «Хищных вещах века», в «Трудно быть богом», в «Полдне...»

«Лебеди» сумели подойти к решению многих вопросов, кроме, пожалуй, одного: этики взаимоотношений стремительно расходящихся отцов и детей, настоящего и будущего. Введя между отцами и детьми разницу таких масштабов, что она показалась сопоставимой с разницей между обезьяной и человеком, Стругацкие, естественно, не смогли снять единство земного происхождения этих видов. То есть отцы и дети неизбежно получались, с одной стороны, как бы очень разными, а с другой — совершенно одинаковыми.

Распутывать подобный узел оказалось нелегко. Его разрубили в «Малыше», введя в повествование, помимо землян, негуманоидную инопланетную цивилизацию, спасшую после катастрофы звездолета человеческого ребенка. Вырастившую его. Отталкиваясь от этого обстоятельства, можно было уже решать земные проблемы.

<...>

Спустя почти пятнадцать лет в повести «Волны

гасят ветер» у изголовья умирающего «дедушки Горбовского» будут произнесены важные слова: «Он был как из сказки: всегда добр и поэтому всегда прав. Такая была его эпоха, что доброта всегда побеждала. „Из всех возможных решений выбирай самое доброе“. Не самое обещающее, не самое рациональное, не самое прогрессивное и уж, конечно, не самое эффективное — самое доброе!»

Примерно этим и разрешилась ситуация «Малыша». Но, одновременно, возник следующий вопрос. Стась Попов, один из героев «Малыша», будет мучительно и совершенно бесполезно биться над ним уже тогда, в семидесятом: «Ведь нельзя же ставить вопрос: будущее Малыша или вертикальный прогресс человечества. Тут какая-то логическая каверза... Или не каверза? Или на самом деле вопрос так и следует ставить? Человечество все-таки...»

Зная за Стругацкими потребность в логической завершенности начатого, можно было предвидеть такой исход — разговор поднялся на общечеловеческий уровень и получился, на наш взгляд, не совсем мотивированным, скорее спонтанным, но он получился.

Из вопроса Стася Попова в значительной мере

вырос «Жук в муравейнике». Только здесь уже Малыша звали Лев Абалкин, а его будущее стало синонимом будущего человечества. Судьба же его решалась человеком по имени Рудольф Сикорски, человеком, вольно и невольно исповедующим принцип, провозглашенный в «Лебедях»: «Будущее — это тщательно обезвреженное настоящее».

<...>

Постепенно настали новые времена, и времена эти заставили Стругацких, а вслед за ними и их героев иначе взглянуть на собственное прошлое, на эпоху.

В определенном смысле «Жук...» (равно как и «Полдень...» в свое время) — книга, подводящая итоги, завершающая второй цикл развития Стругацких.

«Волны гасят ветер» (1984) — уже начало следующего витка (так же, как «Лебеди» когда-то). В традиционной для Стругацких ситуации раскола человечества авторский интерес смещается в сторону новой расы — детей человечества.

«Боже, спаси взрослых, — истово произносит „господин беллетрист“ в „Гадких лебедях“, глядя на детей, — боже, спаси их родителей, просвети их и сделай умнее, сейчас самое время... А то по-

строят они себе вавилонскую башню, надгробный памятник всем дуракам, которых ты выпустил на эту Землю плодиться и размножаться, не продумав как следует последствий акселерации. Простак ты, братец».

...Времена меняются, и Стругацкие очень тонко предчувствуют эти изменения. То, что было сказано «господином беллетристом» в шестьдесят седьмом, — в восемьдесят четвертом, когда писались «Волны...», повторено быть не могло и не было. Вместо насмерть испуганного «господина беллетриста» слово было передано Горбовскому.

«Да-а, — сказал он, будто назад оглянулся, — это серьезный вызов нашему оптимизму. Но если подумать, человечество принимало вызовы и пострашнее... И вообще я не понимаю вас, Геннадий (опять Комов. — *Е. К.).* Вы так страстно ратовали за вертикальный прогресс. Так вот он вам — вертикальный прогресс! В чистейшем виде! Человечество, разлившееся по цветущей равнине под ясными небесами, рванулось вверх. Конечно, не всей толпой, но почему это вас так огорчает? Всегда так было. И будет так всегда, наверное... Человечество всегда уходило в будущее ростками лучших своих представителей. Мы всегда гордились гениями, а не горевали, что вот

не принадлежим к их числу...»

Ну, что ж, новые времена действительно наступили. Как-то они будут осмыслены Стругацкими?..

Не забывают имя Стругацких и критики «почвеннического» толка. В мартовском номере журнала «Молодая гвардия» публикуется статья Михаила Лобанова «История и ее „литературный вариант“», критикующая историческую прозу Б. Окуджавы. Дважды упоминаются и АБС. Оба раза практически всуе.

Из: Лобанов М. История и ее «литературный вариант»

<...>

Знакомясь со студентами [Литературного института имени А. М. Горького] нового семинара, я обычно спрашиваю каждого из них о любимых писателях. И нередко можно слышать ответы вроде: «Толстой, Паустовский, братья Стругацкие»; «Достоевский, Ильф и Петров, Катаев»...

Как это возможно? Впрочем, подобное смешение в одном ряду великих имен с именами, мягко говоря, отнюдь не великими стало общим местом в литературной печати. Читатель уже привык

к этому, и то, что казалось еще недавно диким, сейчас примелькалось. И если извинительна такая несообразность для молодого, начинающего автора, по неопытности еще не разбирающегося в ценностях (есть надежда, что со временем может разобраться), то уже совсем не так безобидно, когда нелепость такой всеядности не понимает человек вполне взрослый, с «литературным стажем». В науке немыслимо утвердить себя в качестве ученого, невозможно вообще работать, оперируя только арифметическими правилами сложения и вычитания. А в литературе, оказывается, можно и писать, и рассчитывать на известность, усвоив самые элементарные правила сочинительства, беря за образец посредственных авторов, даже не догадываясь о духовных глубинах подлинной литературы.

<...>

Вообще нет удержу авторскому «черному юмору». Один из офицеров говорит: «А знаете, почему князь Барятинский помчался на Кавказ сражаться? Великая княжна Ольга Николаевна предпочла ему, по желанию, естественно, своего папаши, принца Вюртембергского, и бедный князь вынужден был сделаться патриотом». «Патриот» здесь произносится со своим смыслом.

В этом Окуджава не одинок. В свое время братья Стругацкие в одном из своих фантастических сочинений о будущих космических цивилизациях с той же многозначительной иронией поминали «патриотизм» в качестве дикого атавизма человечества.

<...>

9 марта БН пишет в болгарское издательство «Христо Г. Данов».

Из архива. Письмо БНа в болгарское издательство

Дорогие товарищи!

Я готов составить для вашего издательства сборник рассказов молодых советских писателей-фантастов.

Ориентировочное название: «Мы, поколение семидесятых».

Ориентировочный объем: 20 авторских листов.

Ориентировочное содержание: рассказы ленинградских молодых писателей, членов Ленинградского постоянного семинара при Союзе писателей. Большинство рассказов опубликовано, но попадаются и неопубликованные.

Ориентировочный список авторов: Вячеслав Рыбаков, Андрей Измайлов, Андрей Столяров, Святослав Логинов, Феликс Дымов, Наталия Никитайская, Андрей Карапетян, Николай Ютанов и др.

Не исключено, что я расширю географию сборника и включу туда молодых писателей Москвы и других городов, в частности, Виталия Бабенко, Владимира Покровского, Эдуарда Геворкяна, Михаила Веллера, Бориса Штерна и других.

Если такого рода сборник может вас заинтересовать, заключайте договор с ВААПом, причем с Северо-Западным (Ленинградским) отделением ВААПа, — они свяжутся со мной, и я возьмусь за дело.

Разумеется, я напишу к сборнику небольшое предисловие, в котором расскажу о судьбах советской молодой фантастики и об авторах сборника.

Всего доброго.

Б. Стругацкий

С 15 по 20 марта под эгидой ЦК ВЛКСМ в Киеве проходит Всесоюзная конференция Клубов любителей фантастики. Три дня в Киеве находится и АН. На конференции планируется рассмотреть организационные вопросы.

Из: Федоров И. Как построить машину времени?

<...>

По многим параметрам КЛФ можно отнести к тому, что сейчас называется «неформальными объединениями». Однако, как шутят сами члены клубов — «самые формальные из неформальных». Судите сами. Клубам по роду своей деятельности, так сказать из-за объекта любви, постоянно приходится иметь дело с бумагой — читать, собирать, писать. А фантастика, кроме всего прочего, воспитывает логику мышления, «дисциплину ума». Поэтому «фантасты» научены четко отличать бюрократизм от порядка, анархию от демократии. Еще одно важное отличие КЛФ от многих нынешних неформалов — активная жизненная позиция, обеспокоенность судьбами как всего мира, так и своих ближайших соседей. Этому тоже учит фантастика.

До недавнего времени это движение существовало несколько неоформленно, стихийно. Тому виной и неготовность к полному объединению некоторых клубов, и сомнения вышестоящих инстанций. Для полного объединения движение должно было «созреть». <...>

Нынче клубам предстоит выбрать центральный совет, утвердить типовое положение.

Проекты документов, разработанные рабочей группой, снимают много вопросов и сомнений. У будущего объединения четыре организации-учредителя — Союз писателей, ВЛКСМ, Общество книголюбов и Федерация космонавтики. Согласно проекту документов, в Центральном Совете КЛФ две трети мест обеспечены клубным делегатам.

Всесоюзная конференция КЛФ проходит так.

Из: Харламов И. I Всесоюзная конференция КЛФ

<...>

На конференцию, организованную киевскими КЛФ «Световид» и «Перевал» при помощи ЛКСМ Украины, приехали представители около 100 КЛФ со всего Советского Союза, писатели-фантасты: А. Н. Стругацкий, В. Д. Михайлов, С. Ф. Гансовский, Е. И. Парнов, Б. Штерн, А. Дмитрук, И. Росоховатский, П. Амнуэль, Ф. Дымов, В. Головачев, Л. Козинец, В. Заяц, О. Бердник, В. Щербаков, А. Больных, представители общественных организаций — заведующий отделом

культуры ЦК ВЛКСМ М. А. Шмойлов, заведующий отделом пропаганды ВОК А. Симонян, заместитель заведующего главной редакции художественной литературы Л. В. Ханбеков, главный редактор издательства «Молодая гвардия» А. Вышовец, работники журналов «Уральский следопыт», «Техника — молодежи», «Советская библиография», ЦК ЛКСМ Украины. Конференция проходила в здании издательства ЦК ЛКСМ Украины «Молодь».

16 марта и первую половину дня 17 марта с докладами выступали участники конференции. В большинстве выступлений прозвучало много добрых слов в адрес любителей фантастики и КЛФ. Было сказано, что КЛФ являются одним из наиболее плодотворно работающих воспитателей подрастающего поколения. Движение КЛФ привлекает много способных людей, которые стремятся развивать фантастику в нашей стране. КЛФ помогают в развитии технического творчества.

Но были отмечены и проблемы — как движения КЛФ в нашей стране, так и советской фантастики в целом: отсутствие материальной базы, недостаток помещений у клубов, малые тиражи книг фантастики, отсутствие помощи со

стороны комсомольских организаций на местах, незначительное количество названий книг, низкое качество выпускаемой фантастики.

Одна из наиболее острых проблем КЛФ в нашей стране — отсутствие собственного периодического органа КЛФ, несмотря на уже более чем двадцатипятилетние разговоры о нем. <...>

Прозвучало много критики в адрес издательства «Молодая гвардия». Выпускаемые в последнее время годовые сборники «Фантастика» и книги серии «Библиотека советской фантастики», за редким исключением, очень низкого качества.

<...>

В конце дня 16 марта проходила встреча с известным советским писателем-фантастом Аркадием Натановичем Стругацким. На встрече он рассказал о 45-м конвенте мировой научной фантастики, проходившем в Брайтоне (Великобритания) с 27-го августа по 1-е сентября 1987 года, на который он был приглашен вместе с братом Борисом Натановичем в качестве почетных гостей. На конвенте братьям Стругацким был вручен приз «За независимость мысли». Затем А. Н. Стругацкий ответил на вопросы, рассказал о творческих планах, о ближайших публикациях в

журналах. В 1989–1990 годах планируется выпуск двухтомника их произведений.

Вторая половина дня 17 марта была посвящена выборам Всесоюзного Совета КЛФ. В Совет вошли 31 человек, из которых 20 человек от КЛФ, 4 человека от творческих организаций (их избирала конференция), 7 человек от организаций-учредителей. От КЛФ были избраны: И. Г. Халымбаджа (Свердловск), Б. А. Завгородний (Волгоград), М. А. Якубовский (Ростов-на-Дону). Л. Куриц (Николаев), В. Борисов (Абакан), А. Лукашин (Пермь), Р. Арбитман (Саратов), В. Орлов (Москва), М. Исангазин (Омск), В. Черник (Горловка), А. Белошистая (Мурманск), А. Сидорович (Ленинград), Л. Ткачук (Одесса), И. Вахтангишвили (Тбилиси), А. Ливенцев (Краснодар), Ю. Шмаков (Хабаровск), Л. Хаес (Кемерово), Б. Сидюк (Киев), В. Пидоренко (Ставрополь), Г. Береснявичус (Вильнюс). От творческих организаций были избраны: редактор журнала «Уральский следопыт» В. И. Бугров (Свердловск), писатели А. Н. Стругацкий и В. Д. Михайлов (Москва), критик В. Гопман (Москва).

18 марта в первой половине дня проходила встреча участников конференции с писателями-фантастами. Во встрече участвовали

писатели: В. Д. Михайлов (Москва), С. Ф. Гансовский (Москва), Б. Штерн (Киев), А. Дмитрук (Киев), П. Амнуэль (Баку), Ф. Дымов (Ленинград), В. Головачев (Днепропетровск), В. Заяц (Киев), О. Бердник (Киев), В. Щербаков (Москва), А. Больных (Свердловск). На встрече писатели ответили на вопросы и рассказали о своих творческих планах.

Во второй половине дня 18 марта театр пантомимы показал спектакль «Люди и роботы» (автор сценария А. Дмитрук), затем были показаны фантастические мультфильмы киностудии «Киевнаучфильм» и японский мультфильм «Корабль-призрак».

<...>

Из: Ермолаев А. Великое кольцо КЛФ: Заметки со всесоюзного совещания в Киеве

<...>

Громом аплодисментов встретили участники совещания Аркадия Натановича Стругацкого, занявшего свое место в президиуме вместе с другими писателями и представителями общественных организаций. Первое заседание открыл М. А. Шмойлов, зав. отделом культуры ЦК ВЛКСМ. Два дня сменяли друг друга на трибуне

писатели и издатели, члены различных клубов — любители фантастики в возрасте от 20 до 50 лет. Они говорили о том громадном значении, которое имеет фантастическая литература для развития подрастающего поколения, о влиянии ее на формирование личности человека эпохи НТР, о той огромной работе, которую ведут КЛФ среди молодежи, и о задачах КЛФ-движения. К сожалению, у многих молодых людей чтение книг перестало быть социальной потребностью, и необходимо использовать все возможности, чтобы противостоять этому мировоззренческому инфантилизму.

Немало слов было сказано о необходимости иметь в нашей стране журнал, специализирующийся на фантастике. Говорится об этом давно, и мы надеемся, что теперь ЦК ВЛКСМ примет соответствующее решение. Скорее всего, НФ-журналом станет «Уральский следопыт», который и сейчас уже ведет «журнал в журнале» — фантастический раздел «Аэлита».

Не были обойдены и проблемы издательской политики, так как проблема снабжения читателей хорошей фантастикой сегодня стоит очень остро. (По меткому выражению М. А. Шмойлова, «чтобы быть любителем, надо иметь, что

любить».) Заслуженные упреки в свой адрес выслушало издательство «Молодая гвардия» в основном за то, что издаваемая им серия «Библиотека советской фантастики» давно уже не соответствует уровню современной литературы. Выяснилось, например, что это издательство не сотрудничает с лидерами отечественной фантастики братьями Стругацкими и по всей видимости не собирается налаживать контакта с ними в дальнейшем (как сказал редактор издательства В. Щербаков, «я никогда не видел автографа Стругацких»). Таким образом, судьба «Библиотеки советской фантастики» вызывает серьезные опасения.

<...>

АН на Совете выступал так:

Из: За фантастику действия

<...>

А. Н. Стругацкий: Я никого не представляю, кроме писательских масс братьев Стругацких. Я ехал сюда в легкой растерянности и не вполне представлял, чем вы тут собираетесь заниматься. Мы не представляли, каков истинный объем деятельности КЛФ. Вы — клубы профессиональ-

ных читателей, элитных читателей. Поэтому мне было весело, когда академик К. М. Сытник рассказывал вам, что такое фотосинтез. Он перепутал: наверное, думал, что выступает перед писателями-фантастами — вот они, действительно, часто не знают... Я с облегчением понял, что работа идет. И еще какая большая работа. Где-то проводятся Ефремовские чтения, фестивали. Журнал «Уральский следопыт» стал прообразом печатного органа клубного движения. Тогда вокруг него может складываться все остальное.

После конференции АН возвращается в Москву, туда же приезжает БН — они готовят рукописи для двухтомника в издательстве «Московский рабочий».

Рабочий дневник АБС

23.03.88

Б. прибыл в Мск организовывать объединенный вариант СоТ.

Был Мирер.

24.03.88

Закончили обработку СоТ.

25.03.88

Сделали коррекцию СоТ.

26.03.88

Сделали коррекцию ГО и ПкБ.

27.03.88

Сделали коррекцию зМЛдКС.
Сделали коррекцию ТББ.

28.03.88

Б. уезжает.

29 марта БН, вернувшись домой, уделяет время почте. Среди прочего он пишет ответ на очередное письмо от немецкой переводчицы Хельги Гуче.

Из архива. Письмо БНу от немецкой переводчицы

Уважаемый Борис Натанович,

Спасибо большое за Ваше письмо и за объяснения. Разрешите еще раз обратиться к Вам с некоторыми вопросами к «Сказке о Тройке» и к «Повести о дружбе и недружбе», которую перевожу для журнала «Сов. литература».

Сначала еще раз к «Сказке»:

Вы согласны следующие имена и фамилии латинскими буквами писать таким образом:

Christobal Junta

Gian Giacomo

Janus Poluektowitsch

Kin (он русский?)

«Смена» номер 13 стр. 31/2:

Плеть сломалась раньше духа (или плоть?)

И вот вопросы к «Повести о дружбе и недружбе» («Мир приключений», изд-во «Детская лит-ра», М., 1980).

Стр. 400 Если человек дал списать контрольную, человеку ставят «*банан*» за то, что он списал...

Грибановская караулка (местечко так называется? домик Грибановых? домик в Грибановском?)

стр. 400 декабрь — последний месяц *второй*

четверти?

Стр. 403 в позе *Багиры*, Черной Пантеры

421 хоть рыбы не есть, зато и в воду не лезть (смысл мне непонятен)

421 только здесь вам не *отломится*

421 теорема о бесконечном количестве *пар*

424 опять тебя, родимого, *зациклили*

424–425 *филуменисты, бонисты*

431 густые и кудрявые (*оч-чень попсовые!*) волосы до плеч

434 И был еще там попсовый — нет, не просто *попсовый*, а прямо-таки *забойный* молодой человек

434 роскошная зажигалка «*ронсон*»

<...>

В апрельском номере журнала «В мире книг» продолжилось обсуждение издательства «Молодая гвардия». Было помещено открытое письмо В. Щербакова.

Из: Щербаков В. О нуль-критике фантастики

Следует ли отвечать на анонимное письмо? Вопрос вновь актуален в связи с публикацией «Кто поднимет шлагбаум на дороге в неведомое?» («В мире книг», № 10, 1987).

В письме «преподавателя Р. А.», пожелавшего скрыть свое имя, речь идет о фантастике. Казалось бы, разговор на страницах журнала мог быть открытым: тема его простая, ясная и интересная. Однако, дав высказаться Р. А., журнал не предоставил такого же права издательству «Молодая гвардия», выпускающему фантастику, а ведь именно к ней Р. А. предъявляет претензии. Пригласив в арбитры братьев Стругацких, ссылающихся на критика В. Ревича и др., журнал лишил слова автора этих строк, работающего в жанре с начала шестидесятых годов по настоящее время, причем в последние годы в качестве руководителя редакции той самой фантастики, которой посвящено письмо. Можно было бы закрыть глаза на неравноправие с автором анонимного или полуанонимного письма, — а именно в этом неравноправном положении оказался автор этих строк. Но дело не только и не столько в этом. По милости журнала я был лишен возможности ответить и автору анонимки, и братьям Стругацким, и критикам, упоминаемым в публикации.

Как это могло получиться в условиях гласности и демократизации? Ответ на этот вопрос мне неведом. После письма «преподавателя Р. А.»

помещено сообщение «От редакции», и тоже без подписи.

<...>

Аноним «шьет политику», говоря простым языком. Ему помогают братья Стругацкие, избранные некой верховной инстанцией. Они, в свою очередь, избирают в эксперты В. Ревича. Ни в одном из справочников Союза писателей имени критика В. Ревича не значится, но ссылок на его публикации предостаточно. <...>

Сама логика автора анонимного письма вполне соответствует временам средневековой инквизиции. Перечисляя писателей, по которым «ударила критика», скажем, в семидесятых — начале восьмидесятых годов, он «законно возмущается», что спустя несколько лет увидели свет их новые книги.

Немалая роль в письме, статье Стругацких и репликах «критиков» отведена автору этих строк и его книгам. Не хотелось бы отвечать на обвинения, продиктованные желанием свести счеты, да, видно, пора.

В. Ревич обвиняет, к примеру, меня в том, что герой романа «Семь стихий» подглядывает за купающейся девушкой. Между тем эта девушка и герой романа любят друг друга. Однако, наряду с

«пустячком», В. Ревич обвиняет автора романа и в чудовищном отношении к экологии, в том, что он хочет перегреть океан с помощью Солнца. Но вспомним: солнечная энергия — самая экологичная, и в романе к тому же сказано: «солнечная энергия поможет сохранить ледники». Критик фантастики не знает, что именно сжигание топлива может привести к перегреву атмосферы и океана, как не знает, видимо, принципа действия холодильника: чтобы получить холод, нужна энергия.

Не завидую писателям и редакторам, которые окажутся в моем положении или в положении моих коллег, которым анонимщики и нуль-критики выдают «аттестации», не гнушаясь мелким подлогом, крохотными «репликами», передержками, внешне правдоподобными ярлычками и ярлыками, например: «Слабо в художественном отношении». Поверят. Книг-то не достать! Верит же кто-то заочно в непорочное зачатие. <...>

Аноним приписывает мне «нелепость и странность концепций» и угрожает: «Критика еще скажет слово о новых „открытиях“ автора». Стругацкие назвали меня третьестепенным литератором. Да, ни одна из моих книг не переиздавалась на русском, несмотря на миллионные

заказы и заявки. Это мое горе, моя беда. За восемь лет работы в редакции я лишь однажды попросил договор на издание книги. Это была «Чаша бурь». Но что касается ее «степени» и уровня в сравнении с многократно переизданными повестями Стругацких, то я доверился бы мнению читателей и любителей фантастики, которые читают книги, а не организуют письма в инстанции под руководством иных нуль-критиков и штатных поборников групповщины и травли.

Стругацкие обвиняют сотрудников издательства в разрушении «стройного здания» фантастики шестидесятых годов. Вот уж поистине странная концепция. Ведь хорошо известно, что даже рукописи не горят, как же можно разрушить здание литературы? Его, очевидно, можно лишь достраивать или перестраивать.

Авторы шестидесятых годов продолжали и продолжают ныне выступать в жанре прежде всего в «Молодой гвардии». Разве не свидетельствуют о том книги Г. Гуревича, С. Гансовского, Д. Биленкина, З. Юрьева, О. Ларионовой и других фантастов шестидесятых?

<...>

7 апреля журнал «Простор» посылает БНу свой мартовский номер с публикациями «семинари-

стов» Андрея Измайлова и Андрея Карапетяна.

Из архива. Письмо БНу из журнала «Простор»

Здравствуйте, Борис Натанович!

Посылаю Вам номер с публикацией Ваших славных питомцев. Спасибо Вам за поддержку журнала и доброжелательное отношение к нам. Очень надеемся, что однажды получим и рукопись братьев Стругацких: пусть это будет не объемная вещь, пусть рассказы или же фрагмент какого-либо произведения — мы рады будем всему. Что Вы на это скажете?

В № 5 выходит В. Рыбаков. Со Столяровым у нас тоже возникли хорошие контакты. Так что, с Вашей легкой руки, дело движется.

Всего Вам самого наилучшего!

Н. Чернова

16 апреля к Авторам обращается директор киностудии им. Горького.

Из архива. Письмо к АБС с киностудии им. Горького

Уважаемые Аркадий Натанович и Борис Натанович!

Как Вы, вероятно, знаете, на киностудии имени М. Горького произошли организационно-структурные изменения, в результате которых образовались новые объединения.

Таким образом, Ваш сценарий трехсерийного телевизионного фильма по одноименному роману «Жук в муравейнике» рассматривало вновь созданное объединение телевизионных фильмов, а не расформированное нынче I творческое объединение, которое заключало с Вами договор.

Начатая Вами работа по экранизации романа, как нам представляется, еще далека от завершения. К сожалению, на наш взгляд, с Вами произошло то, что нередко происходит с авторами романов или повестей при экранизации своих произведений.

Вам не удалось пока найти драматургическую форму, перевести роман из прозаического произведения в драматургическое.

Пока получился еще не сценарий, а сокращенный роман, причем при сокращении размылась и проблематика романа.

Вот почему объединение не может принять этот вариант сценария.

Мы готовы рассмотреть и обсудить Ваши пред-

ложения по дальнейшей работе.

С уважением,

директор киностудии А. Г. Рыбин

И 11 мая киностудия расторгает договор с Авторами.

Из архива. Письмо к АБС с киностудии им. Горького

Уважаемые Аркадий Натанович и Борис Натанович!

Сообщаем Вам, что по договоренности с Вами договор № 222 от 24.03.87 г. на написание литературного сценария «Жук в муравейнике» трехсерийного телевизионного фильма по Вашей одноименной повести расторгается по причине творческой неудачи (с оставлением за Вами полученного аванса).

Директор киностудии А. Г. Рыбин

В мае АН едет в Свердловск на очередной фестиваль «Аэлита».

Из: Молодцов С. «Аэлита»-88 — фант-праздник для всех

Три дня — с 13 по 15 мая — продолжался тра-

диционный праздник любителей фантастики «Аэлита»-88. В этом году вручение приза за лучшее произведение фантастики совпало со знаменательным событием — 30-летием журнала «Уральский следопыт», того, что по праву считается «родителем» ежегодного праздника фантастики «Аэлита».

Поздравить редакцию любимого журнала, обменяться опытом, встретиться с журналистами и писателями приехали более трехсот гостей из шестидесяти четырех городов страны.

Чествование журнала и вручение приза «Аэлита-88» писателю-фантасту из Томска В. Колупаеву состоялись в первый день праздника во Дворце молодежи. В президиуме — члены редколлегии журнала, известные писатели А. Стругацкий, В. Крапивин, Б. Рябинин, А. Балабуха, В. Бабенко, К. Симонян, В. Головачев, В. Станцев, представители ЦК ВЛКСМ, издательств...

В этот вечер были присуждены и специальные призы имени Ивана Ефремова. Их удостоены писатель-фантаст Д. Биленкин (посмертно) и заведующий отделом фантастики журнала «Уральский следопыт» В. Бугров.

Если первый день был «ритуальным», торжественным, то на следующий началась работа:

съехавшиеся на праздник представители клубов любителей фантастики (КЛФ) занимались по секциям фант-семинара. А до этого — утром в обкоме ВЛКСМ состоялась пресс-конференция с писателями, работающими в жанре фантастики. Кроме того, специальный семинар (и, заметим, впервые проведенный на «Аэлите») с молодыми авторами прошел в редакции «Уральского следопыта».

В Доме культуры автомобилистов, где «фэны» обменивались мнениями на занятиях по секциям: «Фантастиковедение», «Библиография», «Развитие творческого воображения и реализация фантастических идей», «Работа с детьми», «Кино» и «Изо», была развернута выставка художников-графиков и живописцев, представивших свои произведения в жанре фантастики.

Вечером Дом культуры превратился в необычный игровой зал, вернее — в лабиринт «Зона», устроенный членами свердловского КЛФ «Миф» по мотивам произведений братьев Стругацких. Выбравшийся из фантастического лабиринта получал право участвовать в необыкновенном карнавале. Были здесь и викторины, победители которых получали памятные сувениры, и книги с автографами авторов, и состязания в ловкости, находчивости, знании фантастики, даже в...

везении.

Последний день праздника был посвящен клубной работе, завершались занятия по секциям. Любители фантастики обменивались адресами, книгами, газетными вырезками.

<...>

АН на пресс-конференции «Аэлиты-88» отвечал на записки. Позже разные издания публиковали отрывки из этого выступления АНа.

АНС. Ответы на записки («Аэлита-88»)

С. Мешавкин: На вопросы отвечает Аркадий Стругацкий. (Аплодисменты.)

А. Стругацкий. Товарищи, тут многие вопросы одинаковы. Поэтому записки я читать не буду — это заняло бы слишком много времени. Помните, Остап Бендер жаловался, что, когда он выступал в роли пророка Самуила, аудитория задавала ему, по преимуществу, два вопроса: «Еврей ли вы?» и «Будет ли в продаже сливочное масло?». Это, конечно, шутка, но вопросы более или менее совпадают. *(Аплодисменты.)*

Группа вопросов касается нашего литературного творчества. Например, такой, так сказать, подвопрос: насколько произведения, опублико-

ванные в последнее время, соответствуют тому, что мы написали? Я должен вам прямо сказать, что на редакции — во всяком случае, в последнее десятилетие — нам жаловаться не приходится. Если редакции что-то просят или требуют заменить, то это такие мелочи, на которые обращать внимание ну просто не следует. Конечно, имеют здесь место и некоторые, так сказать, вкусовые симпатии, да и потом, мы люди грубые, позволяем себе порой некоторые выражения, как говорится... Например, когда в журнале «Знание — сила» публиковалась повесть «За миллиард лет до конца света» — там у нас жена Малянова, вернувшись домой, обнаруживала женский лифчик. Это редактору не понравилось, и поэтому мы заменили его рубашечкой *(Смех.)*, но согласитесь, что особого урона от этого повесть не потерпела. Ну, а уже при книжной публикации, там, конечно, будет женский лифчик, как и было...

Как я понимаю, эти вопросы вызваны главным образом некоторыми недоумениями в связи с манерой нашего письма, изменившейся по сравнению с прошлыми нашими произведениями. В частности, мы теперь не даем развернутые развязки сюжета, мы обрубаем развязку, что и вызвало, например, такой вопрос: «Почему так

внезапно закончилась повесть „Волны гасят ветер“?». Начались подозрения в адрес редакции. Нет, товарищи, таков замысел, он может нравиться читателю, может и не нравиться, но он нравится нам. И так мы, с вашего разрешения, будем продолжать работать и дальше. Вот такой же совершенно рубленый конец будет и в новом нашем произведении, которое будет опубликовано в журнале «Юность» в 6-м и 7-м номерах за этот год, и которое называется «Отягощенные злом, или Сорок лет спустя». Кстати, эту повесть у нас прямо со сковородки схватили, впервые в жизни с нами такое случилось. Так вот, там тоже развернутая экспозиция, как это всегда у нас делается, затем, так сказать, кульминация, и обрублен конец. В этом вы сами убедитесь, когда прочитаете. Это по вопросу о вмешательстве издателей в наши произведения. Когда вмешательство более грубое... более, так сказать, насильственное, когда оно касается уже не мелочей, а принципа произведения, то мы просто забираем рукопись и уходим, не обижаясь, потому что я и сам был, так сказать, в шкуре редактора, и многие мои друзья тоже были редакторами... и мы отлично понимаем, какое положение было с этой работой еще два-три года назад...

<...>

Из: АНС. И снова — встреча...

<...>

Теперь о том, где и что у нас появится в ближайшее время.

На протяжении пяти номеров, начиная с 11-го, в журнале «Смена» будет полностью опубликована повесть «Улитка на склоне».

«Юность» в шестом-седьмом номерах за этот год будет печатать повесть «Отягощенные злом, или Сорок лет спустя», которую журнал принял к публикации практически сразу же после ее написания.

В журнале «Нева» запланирована повесть «Град обреченный». Это огромная повесть, самая большая по листажу из всего нами написанного — примерно 18 авторских листов. Редакция по каким-то своим соображениям «разрубила» повесть пополам: первые три части, названные «первой книгой», запланированы на 2-ю половину 1988-го года, а «вторая книга» (остальные три части) — на 1-ю половину 1989-го.

Вы спрашиваете о повести «Экспедиция на Север», опубликованной в прошлом году. Это предпоследняя часть «Града обреченного», силь-

но переработанная для отдельной публикации.

Издательство «Московский рабочий» действительно собирается опубликовать наш двухтомник. Меня просят сообщить состав. В первый том войдут примерно следующие вещи: дилогия «Понедельник начинается в субботу» — «Сказка о Тройке», повести «Трудно быть богом» и «Парень из преисподней». А вот у второго тома состав интереснее: «Отягощенные злом», «Град обреченный», «Второе нашествие марсиан». Первый том обещают выпустить в конце 1989-го года, второй — в начале 1990-го. Это первый в нашей стране случай появления какого-то издания Стругацких «во множественном числе». Возможно, будет даже подписка.

Что касается заявления журнала «Природа и человек» о намерении печатать Стругацких, то я первый раз слышу, что «Природа и человек» собирается нас публиковать.

Спрашивают о возможности сотрудничества братьев Стругацких с братьями Вайнерами. Действительно, братья Вайнеры очень ловко пошутили как-то на эту тему, но потом мы все четверо приняли шутку всерьез и даже успели кое-что сделать. До конца дело доведено не было, а то, что мы успели сделать, частично вошло в

нашу повесть «Отягощенные злом».

Теперь о некоторых вопросах, связанных с кинематографом.

Как известно, П. Фляйшман, владелец западногерманской фирмы «Аллилуйя», задумал снять фильм по нашей повести «Трудно быть богом». Сами мы сценарий писать отказались. То, что появилось затем под названием сценария, было страшно читать. Правда, это неважно — вопреки поговорке «что написано пером, не вырубишь топором» в кинематографе все это еще как вырубается! Фляйшман вложил в фильм немалые деньги, в Крыму были построены дорогостоящие декорации. На них, кстати, пока съемки затягивались из-за нераспорядительности нашего кинопроизводства, успели снять два других фильма: «Янки при дворе короля Артура» и еще что-то. Сейчас, судя по сообщению в «Советском экране», Фляйшман снимает вовсю. Правда, это будет «боевик»...

Над режиссерским сценарием другой киноверсии «Трудно быть богом» работает Алексей Герман, наш (и в особенности Бориса Натановича) давний и хороший знакомый. Сценарий по «Трудно быть богом» был написан нами и Германом еще в 1968 году — это один из самых первых

наших киносценариев. Что сейчас из всего этого получится — не знаем.

Еще меня спрашивают о «Дне затмения» А. Сокурова. Я этот фильм не видел, а видевший его Борис Натанович отозвался о фильме неодобрительно, сказав, что это опять снято «по Стругацким без Стругацких».

И, наконец, вас интересует, почему фильмы «Сталкер» и «Чародеи» столь разительно отличаются от «оригиналов». Дело в том, что режиссер — такой же творческий работник, как писатель, и он имеет право на свое видение проблемы. Особенно это справедливо в отношении покойного А. А. Тарковского, который снял, не побоюсь этого слова, подлинный шедевр. <...>

Из: АНС: «Главное — мысль»

<...>

— Жаль, что ваш творческий метод еще не проанализировала как следует литературная критика, которой, кстати, так и не было по вашим произведениям, настоящей-то, не считая огульного охаивания на протяжении многих лет, когда каждой очередной вашей повести ставилась в пример предыдущая ваша же вещь, охаянная в свою очередь в свое время. Критики

эти прекрасно видели, как далеко вы можете зайти, вот и хватали за пятки, чтобы остановить, вернуть назад, не дать набраться силы...

— Да, настоящего литературоведческого анализа нашей работы еще не было. Хотя попытки такие случаются. Интересные рецензии пишут молодые ребята — члены клубов любителей фантастики. А однажды пришла ко мне студентка, обливаясь слезами — она писала о нас диплом. Пришлось половину за нее написать...

— *Аркадий Натанович, вот вы в общении веселый человек, я вас слушал на нескольких пресс-конференциях — вы часто шутите...*

— Нет, на пресс-конференциях приходится говорить и очень серьезные вещи. Например, в Брайтоне, на международном Конвенте фантастики один тамилец с тревогой меня спросил, не собирается ли Советский Союз угнетать другие народы. Я сказал, что нет, а к тамильцам мы особенно доброжелательны. Он вскочил и бросился меня лобзать...

— *...Вот и говорю: вы часто шутите. А между тем, современная критика утверждает, что в ваших книгах последних лет все чаще прорывается пессимизм. Так ли это? Или это отголоски прежней критики, ностальгия по окрикам и за-*

претам?

— И то, и другое. Возраст действует на писателя, так что лучше его запретить, чем убирать пессимистические ноты.

<...>

В третьем, майско-июньском номере журнала «Советская библиография» публикуется беседа Владимира Гопмана с АНом. После разговора о прошлом они переходят к дню сегодняшнему.

Из: АНС. Фантастика учит гражданственности

<...>

— И все же в 1987 году «Гадкие лебеди» появились в журнале «Даугава» (хотя и под другим названием — «Время дождя»), а «Сказку о Тройке» полностью напечатала «Смена». И тогда стало ясно, что эти вещи современны, как и десятки книг, снимаемых сейчас с «запретной полки». Сотни тысяч читателей получили возможность увидеть, насколько ваши повести, написанные двадцать лет назад, точно указывали на симптомы болезни общественного организма: чиновный бюрократизм, голое администрирование. Нынешнее положение дел в науке, экономике, народном хозяйстве демонстрирует, каким пророческим

было ваше предупреждение.

— Конечно, то, что «Сказка...» и «Гадкие лебеди» увидели свет, говорит о переменах в общественной атмосфере, духовном, нравственном климате страны, связано это с демократизацией всех сторон нашей жизни. Но демократия не рождается из ничего, она — следствие усилий честных, мужественных людей, обладающих высоким уровнем гражданской ответственности — таких, например, как Владимир Михайлов, талантливый писатель, бывший главный редактор «Даугавы».

— Какой интересный журнал он сумел создать буквально за считанные месяцы из унылого, безликого ежемесячника! А потом его «сняли». Для читателей это было шоком, я знаю, что многие отказались из-за этого от подписки.

— Перестройка идет очень непросто, сопротивление управленческой структуры в области культуры мощное. Для чиновников от литературы Михайлов, работавший честно и высокопрофессионально, был бельмом на глазу. А сколько пришлось вынести создателям фильма «Письма мертвого человека» и студии? Если бы не вмешательство высоких инстанций, например «Комитета советских ученых в защиту мира,

против ядерной угрозы» во главе с академиком Велиховым, едва ли удалось бы сломить сопротивление Госкино и мы могли бы не увидеть эту прекрасную ленту, получившую Государственную премию.

<...>

— Именно в середине 70-х годов начались разговоры о кризисе фантастики, разговоры, которые не смолкают и поныне.

— Основаниями для таких разговоров послужил тот поток псевдолитературы, который стал главной, доминирующей чертой советской фантастики последних полутора десятков лет и который складывается, в основном, из книг «Молодой гвардии». Фантастика безликая, серая была очень по вкусу чиновникам от литературы. Чем серее, тем безопаснее, спокойнее — и удобнее для благостной отчетности. А то, что ярко, необычно, талантливо, не укладывается на прокрустовом чиновничьем ложе, надо резать. И резали...

— В прошлом году вы писали об этом в «Уральском следопыте» и в журнале «В мире книг».

— И никакого толку. Критики возмущаются низким художественным уровнем научно-фантастических книг «Молодой гвардии», читатели шлют гневные письма в издательство, в газеты и

журналы — в одну «Литературку» сколько писали, да куда только не пишут...

— В апреле 1987 года в Свердловске на ежегодном празднике вручения премии «Аэлита» представители 58 клубов любителей фантастики из 62 городов направили письмо в ЦК ВЛКСМ.

— Необходимо совещание — открытое, демократическое, с участием Госкомиздата, «Молодой гвардии», писательской и читательской общественности. Только так, предав все факты искажения книгоиздательской политики гласности, можно решить проблему. Нельзя, чтобы фантастика находилась и дальше в таком состоянии.

— А какова в этой ситуации позиция Совета по приключенческой и научно-фантастической литературе СП СССР?

— До недавнего времени совет возглавлял А. П. Кешоков. Автор романов на историко-революционную тему, своеобразных стихов, Алим Пшемахович фантастику не знал и не интересовался ею. А потому и проблемы ее были ему чужды. Сейчас структура совета изменена, создано бюро. Надеюсь, что оно выведет совет из спячки.

— За то время, что началось оздоровление

нашего общества, произошли, на ваш взгляд, какие-либо ощутимые перемены в НФ?

— К сожалению, нет. Правда, сняты ограничения на выпуск фантастики в республиках. Много сейчас говорится об увеличении издательских мощностей, но разговоры — это еще не книги. Сейчас выходит предпринятая Госкомиздатом СССР библиотека фантастики. Великолепно оформленные тома, отлично изданные, а содержание? Уж сколько раз писали о том, что состав библиотеки не отражает нынешнее состояние НФ-литературы и в мире, и в нашей стране, но гораздо проще выпускать тысячный раз Жюля Верна. Необходимы другие серии фантастики; на хозрасчет переходят многие издательства, вот им-то и выпускать НФ.

<...>

— В некоторых ваших произведениях ощутима недоговоренность. Это делается специально?

— Недоговоренность, недосказанность необходимы литературе как воздух. Читатель должен получать пищу для самостоятельных размышлений, мы стремимся заставить его думать, стать нашим соавтором, работать с нами.

— «Думать — не развлечение, а обязанность». По-моему, в этих словах вы выразили ваше пони-

мание творчества.

— Может быть... А договоренность, досказанность хороши, мне кажется, только в книгах по уходу за комнатными цветами. Чем больше противоречивых мнений вызывает художественное произведение, тем активнее оно вызывает столкновение читателя с самим собой. Человек, таким образом, приучается мыслить, расти — через духовные, нравственные усилия.

<...>

— Ваше отношение к книге многие читатели знают по вашим интервью и различным выступлениям в печати. А каково ваше отношение к библиографии, ее роль в вашей работе?

— Библиография, по-моему, один из самых важных факторов в развитии человечества, значение ее огромно и возрастает с каждым годом. Это тот цемент, который скрепляет кладку здания духовной культуры. В нашей работе мы постоянно обращаемся к различным указателям, библиографическим справочникам, источниковедческим пособиям.

— А что вы думаете о библиографии НФ-работ и критики по ним — насколько, по вашему мнению, нужны такие публикации?

— Я убежден, что по фантастике должно выхо-

дить как можно больше пособий — самых разных. Ведь справочных, библиографических изданий по фантастике, не считая книги Б. В. Ляпунова и нескольких тощеньких указателей, изданных малыми тиражами, практически нет. Вышел недавно указатель «Мир глазами фантастов», солидно изданный, большим тиражом, с красивой картинкой на обложке, а под ней... Повторюсь: нет у нас никаких справочных изданий по фантастике, а они совершенно необходимы широкому читателю, а не только для развития критики, теории, которые, кстати сказать, находятся сейчас в личиночном состоянии. <...>

— В настоящее время в стране действуют около двухсот клубов любителей фантастики (КЛФ). Движение КЛФ существует почти двадцать лет, в его развитии были и взлеты, и падения. Каково ваше отношение к КЛФ, их целям и возможностям, наконец, каким вам представляется их будущее?

— Для меня КЛФ — это прежде всего культурное движение. Клубы объединяют людей культурных или стремящихся таковыми стать. Из многочисленных встреч с членами клубов любителей фантастики из разных городов я вынес твердое убеждение: это люди, объединенные,

в своем большинстве, благородными целями, честные, мыслящие. Фантастика — жанр социально активный, она учит гражданственности, ответственности за будущее, поэтому у нее так много поклонников. К сожалению (что делать, говоря о фантастике и ее состоянии, который раз приходится начинать с этого слова), сейчас клубное движение носит хаотичный характер. Нужен центр — организационный, научно-методический, без него разброд будет продолжаться. Однако клубами никто всерьез не занимается[49].

<...>

Шестой номер рижского журнала «Даугава» публикует интересный материал. В письме в редакцию автор письма сообщает о партийном взысканиц, полученном им за «потерю политической бдительности, выразившуюся в попытке размножить книгу идеологически вредного содержания» — «Гадкие лебеди». Поскольку этот роман был в 1987 году опубликован в журнале «Даугава» под названием «Время дождя», А. Кладовщиков просит выдать ему справку об этой публикации, для снятия вышеупомянутого взыскания.

Ниже напечатана справка: «Дана настоящая Кладовщикову А. В. в том, что опубликованный

нами роман Стругацких „Время дождя“ („Даугава“, 1987 г.) имел ранее название „Гадкие лебеди“». Редколлегия журнала выражает возмущение действиями партийных чиновников и надеется, что «их время окончательно кануло в прошлое».

24 июня АНу пишет Владимир Савченко.

Из архива. Письмо АНу от В. Савченко

Аркадий-джан!

До чего же меня тронуло это «Ты меня любишь?». И хоть, как я понял, ты был малость поддатый, но все равно.

Нам не стоит сомневаться друг в друге. Вычеркни меня, себя, Бориса — кто остается-то? В общении с остальными надо переходить на четвереньки. Так что какие мы ни есть разные — с норовами, амбициями, настроениями, — мы заодно, ибо такова природа вещей.

«...И сам Николай Хрисанфыч Рыбаков положил мне вот так руку на плечо (интермедия Счастливцева) и сказал: ты, брат, да я, брат... умрем, брат!»

И замечательно, что, когда мне не приходит в голову отнестись к тебе, подсказывают другие. Вот и с этим делом: нашли, в сам деле, авторитетных «ядерщиков» братьев Стругацких! А куда денешься? Сидели мы с этим Ярмышем, гл. ре-

дактором, гадали: дать физикам — на зарубон. Значит, фантастам... кому? Он считает, что ваше имя произведет достаточно гипнотическое действие на «лит». Дай-то бог.

Когда в мае мне вернули из «Сов. писа» рукописи с твоей (и еще двумя) рецензией, я читал ее — с удовольствием, но и с обидой не только за себя, но и за тебя. Ты им все расписываешь по высшему классу, с глубоким пониманием и знанием Мастера — а я читаю и морщусь: перед кем он бисер мечет!

Потому что после маститого профессионала Стругацкого дали на зарубон некоему Ст. Гагарину. Сей Гагарин-не-тот в январе-86 в Голицыно набился на знакомство, выражал восхищение романом «За перевалом», «Откр. себя», чем-то еще — ценитель. Осенью 86-го, после Чернобыля, когда я ему в том же Голицыне показал «Штормовое предупреждение», он возбужденно орал: «Надо поднимать людей! Я к маршалу пойду!..» — у него маршал знакомый.

А осенью следующего года, когда в «Сов. писе» решалось его включение в план-89 тиражом аж 30.000 и намекнули, что надо сделать, он обгадил вещи любимого автора, как с дерева. Рецензия просто воняет. А затем для полной компенсации

Стругацкого дали еще совершенно неведомому мне Ткаченко.

В общем-то хрен с ним. В мае я подписал верстку «Похитителей», к сентябрю книга будет. «Пятое измерение» та же «Радуга» выдала этой зимой в трех номерах. Но противно, что без необходимости испачкался об «Сов. пис», да еще тебя в это дело втянул.

А в мае ты зря на мое душевное «Ну, как ты?» буркнул по телефону «Тринадцать». Мог бы я дохромать и к тебе — но вспомнилось, что в прошлом году ты общался со мной с матерком (что я лично по отношению к гостям никогда не практикую), и расхотелось. Может быть, и напрасно. <...>

Ну, обнимаю тебя

[Подпись Савченко]

Вспоминал о посещении АНа в это время и другой известный писатель — Владислав Крапивин.

Из: Крапивин В. След ребячьих сандалий

<...>

Дома у Аркадия Натановича, на проспекте Вернадского, я был только раз. Причем я не просто в гости зашел, а с каким-то делом от «Следопы-

та». Аркадий Натанович жаловался на хвори. Извинился, что не может угостить коньяком и вынужден ограничиться газировкой. Посидели, поговорили о делах в издательствах, поругали редакторов. Он вдруг спохватился: что подарить гостю?

— Да что вы, Аркадий Натанович, у меня все ваши книги есть!

— Жаль. А то я хотел тебе вот эту... — И достал «Обитаемый остров» в пунцовой обложке детлитовской приключенческой библиотеки — в «рамке».

— А вот этой как раз нет! То есть была, но дал почитать — и...

Он быстро написал на титуле: «Дорогому Славе Крапивину с любовью. 26.06.88.»

Видно было, что ему нездоровится. Я допил газировку, и мы распрощались. Это оказалась наша последняя встреча... <...>

30 июня БНу посылается письмо из Правления Союза писателей РСФСР.

Из архива. Письмо БНу из СП РСФСР

Уважаемый Борис Натанович!

Совет по приключенческой и научно-фанта-

стической литературе сообщает, что Вы избраны членом бюро объединения писателей-фантастов.

Председателем объединения является т. Можейко Игорь Всеволодович.

Приглашаем Вас принять участие в заседании объединения, которое состоится в Союзе писателей РСФСР (Москва, Комсомольский проспект, 13) 12 июля с. г. в 15 часов.

С наилучшими пожеланиями

Ответственный секретарь Совета А. Свиридов

Седьмой номер минского журнала «Парус» полностью посвящается фантастике. Публикуется там и интервью с БНом.

Из: БНС: «Берусь составить библиотеку молодой фантастики»

<...>

— *Мы говорим о молодых писателях, то есть о будущем фантастики как рода литературы. Однако есть ли у фантастики будущее? Не исчерпала ли она саму себя бесконечным варьированием тем, повторением раз найденных приемов, сюжетных ходов? Только что на вашем семинаре молодых фантастов мы видели, что разбор произведений неизбежно включает в себя*

и выяснение источников вдохновения. Эту идею, говорят «семинаристы», автор взял из такой-то книги и переиначил, а здесь сознательно подражает такому-то известному писателю...

— Мы с Аркадием Натановичем Стругацким на подобные вопросы уже отвечали не раз. Повторю снова: фантастика очень разнообразна.

Фантастика научная исследует, главным образом, проблемы взаимоотношения человека и природы, человека и науки, а фантастика реалистическая (назовем ее так) — отношения человека с человеком, человека и общества.

Очень долго вся литература без исключения была фантастической: в древних мифах, легендах действуют боги, дьяволы, происходят волшебные события, которые воспринимались читателями или слушателями того времени как совершенно достоверные. Позже литература расщепилась, а собственно научная фантастика возникла совсем недавно, она порождена была уже эпохой научно-технической революции. И более того, такая фантастика существует лишь до тех пор, пока продолжается эпоха НТР. Если мы представим себе ситуацию, что эта эпоха кончилась, то есть темпы развития науки предельно замедлились, проблемы НТР отошли на второй план,

то неизбежно человечество потеряет интерес к научно-фантастической литературе. Реалистическая же фантастика — вечна, она будет существовать столько времени, сколько существует человек и, следовательно, существует у него интерес к самому себе.

— Советское общество вступило сейчас в переломный период своего развития. Как фантастика отражает наш интерес к тому, что происходит в стране?

— По идее, перестройка должна привести прежде всего к революционному преобразованию экономического механизма. Прежде всего. Поскольку экономика — основа всех основ. И пока этого не произойдет, говорить об успехах рано. Другое дело, что перемены в экономике должны сопровождаться переменами в общественных отношениях, в сознании людей. И поскольку литература может способствовать этому процессу, постольку и фантастика может принимать участие в перестройке.

Конечно, перестройка возможна и без фантастики, но, согласитесь, это было бы скучно. Классик говорит: «Человечество смеясь расстается со своим прошлым». Давайте и мы будем, смеясь, расставаться с негодным экономическим

механизмом, со всем, что в обществе уродливо.

— Известно, что в Америке в некоторых учебных заведениях фантастику преподают как предмет, развивающий воображение. С другой стороны, существует мнение, что тот же самый предмет способствовал становлению антинаучного мышления...

— Что касается второго — полная чушь! Ученые самого высокого ранга — верные поклонники фантастики. Самый известный пример — Георгий Михайлович Гречко, космонавт, доктор наук, дважды Герой Советского Союза. Он не раз говорил, что фантастика позвала его в космос. Не надо забывать, что фантастика — это разновидность литературы. То, что она используется для развития творческого воображения на курсах изобретателей (это делается и у нас), очень мило, но это вовсе не главное. Главный козырь фантастики тот же, что и у всей остальной литературы, — фантастика создает и поддерживает мировоззрение. Только фантастика «хватает за горло» с самых ранних лет, и поэтому ее влияние может быть особенно велико.

Я вижу одну из задач фантастики еще и в том, чтобы приучать человека к чтению. Любовь к книге начинается ведь со сказок... Если б это

зависело от меня, я бы полностью переделал школьный курс литературы: не с Тредиаковского начинал, как мы когда-то (вот, кстати, верный способ отбить охоту к чтению), а со сказок и фантастики; потом переходил к реалистической литературе — к Пушкину, Гоголю, Толстому.

— Что можно сказать о советской фантастике, сравнивая ее с зарубежной?

— Недавно мы с Аркадием Натановичем были в Англии, на съезде всемирной ассоциации любителей фантастики. Точнее, любителей англоязычной фантастики — другие страны их мало интересуют. Вот там я немножечко увидел, что такое фантастика за рубежом. Это громадный самостоятельный кусок культуры, целая страна, целое государство. Свои живопись, кино, музыка, свой пантеон героев и авторов — все, что угодно. На этом фоне советская фантастика, скажем прямо, теряется. И хотя в последнее время целый ряд книг наших писателей появился на западном рынке, вес советской фантастики ничтожен...

— По количеству или по качеству?

— Я имею в виду сейчас очень простую вещь: если какой-нибудь Джон Смит приходит в книжную лавку и хочет купить что-нибудь из фантастики, вероятность, что ему попадется советский автор,

очень мала. Хотя я сам видел там один сборник Ивана Ефремова, наши книги, томик Кира Булычева, Еремея Парнова и Михаила Емцева. Вот и все, пожалуй.

Качество? Считаю, что лучшие произведения лучших советских авторов вполне конкурентоспособны.

<...>

Очередной этап перестройки обозначила XIX конференция КПСС, оказавшаяся для правившей семьдесят лет партии последней. Ее решения и резолюции бурно обсуждались в прессе.

29 июля газета «Тюменский комсомолец» публикует подборку «Обсуждаем итоги партконференции», где слово предоставляется и АНу.

Из: АНС. Гласность отточит перья

<...>

— Аркадий Натанович, в чем вы видите, прежде всего, ценность состоявшейся конференции?

— Прежде всего, пример для всех последующих партийных съездов и конференций — как их надо проводить.

— По-вашему, оправдано ли было столь концентрированное внимание конференции на

выступлениях Б. Н. Ельцина и Е. К. Лигачева?

— В высшей степени оправдано. Лично я и многие мои товарищи, с которыми имею дело, очень разочарованы выступлением Е. Лигачева. Он ровным счетом ничего не объяснил нам в так называемом «деле Ельцина».

— Кто и за что, по вашему мнению, хотел «согнать с трибуны» Григория Бакланова?

— Совершенно очевидно, что среди делегатов имелось достаточное количество людей, которые были готовы освистать Бакланова. Ведь он говорил чрезвычайно неприятные для них вещи. Я и мои друзья возмущены поведением части делегатов по отношению к писателю Бакланову. Мы ему благодарны за его честность и стойкость.

— Какими вы видите основные моменты Закона о печати?

— Прежде всего, в основе закона должны лежать принципы несомненной гласности. В конечном счете, все возражения против Закона о печати — это возражения тех людей, которым чрезвычайно невыгодно выставление на позорище их «подвигов». Я полагаю, что фундаментом для нового закона должно стать право любого человека выступать в печати по поводу любых фактов борьбы за перестройку. Любому должны

быть гарантированы все политические права.

Закон, на мой взгляд, должен основываться на Уголовном кодексе. То есть за зажим выступлений необходимо привлекать ко всем видам ответственности. Вплоть до снятия со всех постов. Вплоть до уголовной.

— По-разному сегодня истолковывают выступление на конференции Юрия Бондарева... Не могли бы вы объяснить «простодушному» тюменскому читателю — в создавшейся ситуации, — что такое хорошо и что такое плохо?

— Высказывания Юрия Бондарева меня страшно разочаровали. Чрезвычайно ретроградные высказывания. Деятельность того же Викулова, главного редактора «Нашего современника», положительно охарактеризованная Бондаревым, меня не радует. Но, с другой стороны, такие обскуранты сталинского времени, как С. Викулов или А. Иванов, главный редактор «Молодой гвардии», являются достойными оселками, на которых наша гласность отточит свои перья...

«Простодушный» писатель Стругацкий для «простодушного» тюменского читателя может сказать вот что: выступление Бондарева является провокационным. Оно, на мой взгляд, основано не на каких бы то ни было идейных или полити-

ческих позициях, а на горьких обидах бывшего «генерала» Союза писателей, на которого перестали обращать внимание.

— Ваше мнение по поводу фразы Бондарева: «Мы как бы предаем нашу молодежь, опустошаем ее души скальпелем анархической болтовни, пустопорожними сенсациями, всяческими чужими модами, дешево стоящими демагогическими заигрываниями». Кто же эти — «как бы предатели»?

— Бондарев обрушивается на формальные и неформальные объединения молодежи... Если вас интересует мое мнение, то я еще пока не разобрался в этой мешанине, но считаю ее, эту мешанину, бокалом шампанского по сравнению с кружкой протухшего пива брежневских времен.

Вообще, наша молодежь понесла слишком много потерь за последние два десятка лет, чтобы в одночасье во всем определиться. И не Бондареву об этом судить.

— Что вы пожелаете читателям «Тюменского комсомольца»?

— Думать. Читать и думать. И еще учиться. И еще раз думать.

Заканчивая беседу с известным писателем-фантастом, я спросил: «Сколько вам выслать

экземпляров газеты?» «Что за вопрос? — удивился Аркадий Натанович. — Вы что, серьезно думаете, что мои ответы напечатают? Я за последнее время дал четыре интервью, и ни одно не напечатали. С какой стати я должен поверить именно в вас?»

В августовском номере журнала «Знание — сила» выходит еще одна глубокая и основательная статья о творчестве АБС. Автор ее — писатель и литературовед Александр Мирер. Без всякого преувеличения статью можно назвать выдающейся. Она блестяще анализирует УНС: рассказывается история опубликования повести, рассматриваются ее структура, литературные связи, проблематика, выделяется «стилистический блеск» повести. Статья приурочена к окончанию первой полной публикации повести в журнале «Смена».

Из: Зеркалов А. За поворотом, в глубине

<...>

Так уже в первых двух главах даются характеристики обоих миров. Лесу нет дела до Управления, Управление зря пытается командовать Лесом — оно не может ничего понимать в лесных делах

и лучше бы ему сюда не соваться. Во второй главе наполняется смыслом не очень значительный, на первый взгляд, диалог из первой главы:

«— Когда выйдет приказ, — провозгласил Домарощинер, — мы двинем туда не ваши паршивые бульдозеры и вездеходы, а кое-что настоящее, и за два месяца превратим там все в... э-э... бетонированную площадку, сухую и ровную.

— Ты превратишь, — сказал Тузик. — Тебе если по морде вовремя не дать, ты родного отца в бетонную площадку превратишь. Для ясности».

Сейчас, в конце восьмидесятых годов, этот диалог кажется достаточно заурядным: очередная разработка экологической темы... Хочу, однако, напомнить, что в начале шестидесятых эта тема в нашей литературе не существовала, что едва-едва проходили первые научные публикации. Стругацкие же, изобразив биологическую цивилизацию, сделав своих «аборигенов» полностью зависимыми от живой природы — и столкнув ее с домарощинерами, — сразу, выпукло и отчетливо, раскрыли суть понятия экологической катастрофы: вместе с природой под «кое-чем настоящим» погибнут люди, спасения не будет... если самим себе «по морде вовремя не дать»...

Итак, в первых двух главах «Улитки» читатель

знакомится с главными героями и как будто начинает понимать суть происходящего. Но шагом дальше, уже в третьей главе, появляется ощущение, что понять пока не удалось ничего, что суть много страшнее, чем мы заподозрили вначале. Так будет до конца книги, ибо и Перец, и Кандид до самых последних страниц будут рваться к истине, к пониманию — падая, поднимаясь, расшибаясь в кровь... Оба они «больны тоской по пониманию» — вот что делает их столь необычными для фантастико-приключенческой литературы. Они не любят и не хотят атаковать, преследовать, убегать, они ученые, то есть люди мысли, внутреннего действия. Они очень разные — Перец — гуманитарий, мягкий, созерцательный характер; Кандид — полевой биолог, активный исследователь; Перец несколько напоминает заглавного героя «Идиота» Достоевского, Кандид — умных и человеколюбивых героев Фолкнера.

И в финале романа оба они получают возможность влиять на ту часть мира, в которой они живут. Это очень важно и символично: не мускулы супермена, не козни интригана, не воля властителя, а мысль, понимание приводят к успеху, весьма и весьма относительному, прав-

да... Филолог Перец получает право издавать директивы, пользоваться словом; биологу Кандиду попадает в руки предмет, в лесу неведомый: скальпель, хирургический нож. Двойной символ; знаки слова и ножа не просто отвечают профессиям героев, они давно вошли в русскую классику; например, в «Идиоте» оба символа пронизывают все действие. Великолепный пример истинной литературной преемственности и — живой и подвижной! Если у Пушкина и Достоевского слово было символом горнего пророчества, то здесь оно — символ устроения жизни людей. А нож, этот, по Достоевскому и Булгакову, знак черных, разрушительных сил, обернулся спасительным орудием хирурга. Ему возвращен первоначальный, пушкинский смысл: скальпель в руках Кандида — благородный кинжал, орудие рыцаря без страха и упрека.

Итак, два героя продвигаются по роману, глава за главой; снова и снова Управление сменяется Лесом. И мы видим парадоксальную картину. Управление, которое поначалу выглядело организованной системой — пусть устроенной дурно и нелепо, — оказывается хаосом, машиной, которая *сама по себе неуправляема*. И напротив, сквозь рисунок Леса — хаотический и бессмысленный

— постепенно проступают контуры диктатуры, твердо знающей свою жестокую цель.

Лес, воплощение идеи свободного развития, и Управление, раз и навсегда устроенная организация, поменялись местами. Противоположности более чем сошлись; это — *знак равных возможностей*. То, что происходит в Лесу, могло случиться в Управлении; хаос Управления с легкостью мог завладеть Лесом. Нам как будто демонстрируют два вида ловушек, подстерегающих весь спектр людских организаций и обществ. <...>

Если окинуть книгу взглядом — так сказать, отодвинуть ее на нужную дистанцию, — то окажется, что все подчинено единой цели — возбудить познавательный интерес, заставить нас непрерывно ориентироваться — настороженно оглядываться, выбирать, куда поставить ногу, — воистину, как в тропическом лесу. И читатель, который поддается этому литературному колдовству, пытается — более или менее безнадежно, а потому нескончаемо — разобраться в делах загадочного Управления и таинственного Леса. Это в высшей степени увлекательно, но с какого-то момента читатель незаметно для себя перестает доискиваться, кто такие, скажем, «гиппоцеты» или «рукоеды», почему завгаражом называет-

ся менеджером, а сотрудники «инженерной охраны» носят картонные маски, на которых карандашом нацарапаны имена... Мы обживаемся в странном мире «Улитки» и тогда задаем книге и себе главный вопрос — о людях. Почему такие реальные, узнаваемые и в большинстве хорошие люди покорно принимают заданные им правила дурной игры? И в Управлении, и в Лесу? Как эти правила забрали такую силу? Тогда, сменив направление ориентировки, мы и начинаем понимать, что книга рассказывает не о дурных системах управления, а о людях, которые эти системы создали и удерживают их у власти.

<...>

Методично, глава за главой, без нажима нам показывают, что люди везде одинаковы, да так и говорит Алевтина. Все они заслуживают сочувствия — еще одна традиционная идея русской литературы.

Утверждая глобальное единство человечества, Стругацкие как бы ставят этнографический эксперимент: Кандид, подобно Миклухо-Маклаю, помещен в абсолютно чуждую европейцу среду. Такая едва заметная черточка: «аборигены» даже не черные и не желтые, а пятнистые. Но отличает их от типичных европейцев Управления всего

лишь более высокая степень гражданской пассивности. Кандид колотится об эту пассивность, как муха о стекло.

«Аборигены» отлично знают дела своей деревни и знакомы с ее ближайшими окрестностями, но дальше ни шагу: остальной мир представляется им ирреальным. Писатели как будто объясняют такую пассивность, задав им райские условия жизни. В самом деле, о чем беспокоиться, если еда и одежда растут под ногами?

Но в Управлении-то ничего подобного нет, а его служащие во многом подобны лесовикам. Они толкуют о «спецобработке» с такою же тупой покорностью, как те о «дрессировке»... <...>

Но картина на деле шире. Рядом с Лесом идет Управление, жесткая структура, казалось бы, не восприимчивая ни к каким новым веяниям; не тирания, а бюрократия. Вспомним, однако, что люди там также заражены пассивностью, что блокнотики Домарощинера уже ведутся — почва для тирании готова... Человеческое сообщество, не устремленное к доброй цели, лишается нравственного иммунитета и может поддаться любой инфекции.

Мир «Улитки на склоне» сущностно диалектичен. Противоположности сливаются в единство;

глубинное содержание вступает в диалог с сюжетной поверхностью. Ведь на поверхности мы видим Переца и Кандида, личности, противоборствующие общественному устройству. Но их борьба — во благо, их личности прямо противоположны личностям тиранов, их добрый коллективизм противопоставлен дурному коллективизму «подруг».

Социофилософия Стругацких принадлежит к марксистской диалектической школе во всей ее гармонической сложности. Они не дают рецептов, они как будто ничего не объясняют; их дело — показать, описать, раскрыть неимоверную сложность человеческого бытия. Может быть, предупредить нас об угрозе, скрытой в пассивности и невежестве, а может быть, заодно — о трудах и опасностях, подстерегающих тех, кто берется переделывать людей. Лес жизни — «место опасное, гибельное, куда многие ходили, да не многие назад возвращались, а если возвращались, то сильно напуганные, а бывает, и покалеченные...» В этом смысле «Улитка на склоне» действительно роман-предупреждение. Поразительно, сколь точны бывают в этой философской вещи конкретные предостережения: столько лет назад Стругацкие уже писали: «Демократия нужна,

свобода мнений, свобода ругани <...> всех и скажу: ругайте! Ругайте и смейтесь... Да, они будут ругать. Будут ругать долго, с жаром и упоением, поскольку так приказано, будут ругать за плохое снабжение кефиром, за плохую еду в столовой, дворника будут ругать с особенной страстью: улицы-де который год не метены, шофера Тузика ругать будут за систематическое непосещение бани...» Перечитав это место, я вспомнил горькие слова Юрия Власова, знаменитого спортсмена, сказанные им в телевизионном интервью, — его больше всего оскорбляет в нашей сегодняшней жизни то, что все принялись критиковать, по команде, дружно...

В полифоническом романе трудно отыскать центральную тему — это как с лесом, главного дерева в нем не бывает. Тем не менее мне кажется, что, при всей многомерности «Улитки на склоне», в романе есть центральный ствол, классический стержень русской прозы — совесть, сострадательность, нравственность вообще. В конце романа говорится: «Здесь не голова выбирает. Здесь выбирает сердце. Закономерности не бывают плохими или хорошими, они вне морали. Но я-то не вне морали!» Вот пробный камень, на котором поверяется все. <...>

В сентябре журнал «Литературное обозрение» публикует обширное интервью с АБС.

Из: АБС. Между прошлым и будущим

<...>

— Опять беседа, — насмешливо произнес Борис.

— Если вы настаиваете... — пожал плечами Аркадий.

<...>

Корр. Да, но попутно, выводя фантастику из резервации, вы ведь решали вопросы самостановления, самоосознания. Насколько зрячим в этом смысле было движение Стругацких?

Б. С. Если вообще говорить на эту тему, то я вам могу сказать только одно: мы старались, чтобы каждая новая наша повесть была непохожа на предыдущие...

Корр. Внешне или внутренне?

Б. С. Чем более непохожа, тем лучше. Между собой мы могли рассуждать на самые разнообразные темы, мы могли смотреть на мир с самых разных точек зрения, в голову нам могли приходить самые непохожие друг на друга фантастические ситуации, но когда мы, наконец, останавливались на чем-то и садились писать, главным

критерием — главным! — была непохожесть того, что пишется сейчас, на все предыдущее. И чем больше была эта непохожесть, тем с большей охотой мы садились работать.

А. С. Понимаете, очень страшно написать скучную книгу. Наш любимый Уэллс в конце своего жизненного пути, в последнее двадцатилетие своей писательской деятельности, стал писать страшно скучные книги, хотя и гораздо более глубокие, чем те, что принесли ему известность... У него есть роман, показывающий английского политикана-мещанина, «Бэлпингтон Блэпский». Роман скучнейший. И время от времени, когда у нас что-нибудь не ладится, мы с братом, показывая друг другу палец, говорим: долой бэлпингтонизм-блэпкизм! И начинаем сначала. Читатель должен глотать!..

Б. С. И чтоб нам самим-то при этом интересно было писать!

А. С. Ведь это, может быть, самое тяжелое дело: написать интересно. У нас так долго корили писателей за «дешевую развлекательность», что, кажется, почти совсем отучили их писать интересно.

<...>

Б. С. <...> Но дело в том, что «Жук» не детектив.

Это повесть о выборе. И выбор этот читатель должен делать вполне серьезно и вместе с героем. Мы построили повесть таким образом, чтобы в каждый момент времени читатель знал ровно столько же, сколько знает герой. И вот на таком основании изволь делать выбор. Поэтому многое в повести так и осталось нераскрытым — Максим, герой ее, просто не узнал этого по ходу дела.

А. С. Мы когда-то подсчитали, что внимательный читатель по ходу повести наберет к нам одиннадцать вопросов. Ответов на них в повести нет. Их не может знать ни читатель, ни Максим. Нам хотелось заставить читателя таким образом сделать нравственный выбор.

Б. С. Все дело в том, что жизнь каждого реального человека представляет собой непрерывный выбор в условиях нехватки информации. Книги, как правило, дают нам несколько облегченную ситуацию. Если в книге читателя ставят перед проблемой выбора, то в этот момент читатель знает больше, чем герой. Он имеет информацию, достаточную для верного выбора. Так устроена литература. Читатель как бы проверяет героя... Возьмите любое классическое произведение... Да хоть бы судьбу Раскольникова. Мы знаем о нем больше, чем кто бы то ни было из героев. Мы

знаем мысли Раскольникова, мы знаем все обстоятельства убийства, поэтому и все моральные и нравственные проблемы, связанные с Раскольниковым, мы имеем возможность решать на основании полной информации. В то время как если б мы встали на точку зрения, скажем, Порфирия Петровича, мы сразу бы обрубили для себя огромный кусок информации. И здесь именно Порфирий Петрович, делающий свой выбор относительно Раскольникова, находится в реалистической ситуации. Он знает только часть из того, что произошло. О чем-то еще догадывается, а о чем-то и догадываться не может.

«Жук» — книжка, оказавшаяся совершенно новой для нас как раз в смысле установления равноправия между читателем и героем. Впрочем, это только наше мнение, не знаю, разделят ли его читатели. Для нас же, повторюсь, это одна из самых главных, поворотных вещей. <...>

Корр. Во что верят братья Стругацкие?

Б. С. Это очень непростой вопрос... Братья Стругацкие, наверное, во что-то верят... потому что человек устроен так, что он без веры существовать не может. Если человек думает, значит, он уже верит, хотя бы потому, что думать, размышлять можно только на основании неких аксиом,

а аксиома это всегда вера — утверждение, принимаемое без доказательств.

Но вот во что именно верят братья Стругацкие, сказать очень трудно...

Мы неоднократно беседовали о том, что человеку, который верит в Бога и в соответствующие догматы, скажем, христианской религии, в рай, в ангелов, в дьявола, в ад, — такому человеку жить легче, чем тому, который базируется на строго материалистических представлениях о мире. Потому что, раз мы верим в Бога, значит мы верим в чью-то защиту, значит мы предоставлены не самим себе и можем на кого-то надеяться. Если мы верим в рай — это значит мы верим в вечность, это значит мы не боимся смерти или, скажем, боимся меньше, чем остальные люди.

Рассуждая о таких вещах, мы неоднократно сетовали друг другу на то, что мы лишены всего этого. Как бы хотелось верить в личное бессмертие. Как бы хотелось верить в переселение душ. Насколько проще и легче, наверное, стало бы жить. Но этой веры нет. Увы. Мы вынуждены жить, прекрасно понимая, что мир, Вселенная, окружающая нас, — нечто равнодушное к человеку. Надеяться не на кого. Кроме себе подобных, никто не поможет. А себе подобные? Может быть,

некоторые из них более могущественны, чем мы, но ненамного. Так что нас окружает холодный и неприветливый мир. От этого никуда не уйдешь. И в будущем — соответственно: старость, смерть — это все очень неприятные вещи.

Но как-то с этим надо жить. Как-то к этому надо приспосабливаться, потому что веры нет... <...>

Б. С. <...> Я бы сказал, что герои наших последних повестей — это просто повзрослевшие и хлебнувшие лиха герои ранних повестей. Это те же самые люди, только им уже не 20–30, а 50–60. Они всякого повидали и многое поняли в жизни. В частности то, о чем в молодости и не подозревали. Оказалось, что труд, даже любимый, совсем не всегда приносит радость. Это открытие очень серьезное. Если вы помните, один из наших ранних героев, Дауге, говорит, что человеку дано три радости в жизни: работа, дружба и любовь. С любовью у нас все благополучно. Поскольку о ней мы почти не пишем, то и открытий или существенных изменений здесь нет. Что же касается дружбы, то и старые наши герои, и новые одинаково высоко ценят ее.

Корр. Ну, для поздних героев этот вопрос несуществен, поскольку они одиночки... Взять, скажем, Сорокина из «Хромой судьбы».

Б. С. Вы не правы, у него есть друг: его, если помните, Шибзд [зовут]. Только это другая дружба. Это дружба шестидесятилетнего человека. «Хромая судьба» — это повесть о старости, не забывайте... не пропустите эпиграф: «Осень рвется в дом»!

Корр. Я могу только поверить вам на слово. Но даже в этом случае мне хотелось бы возразить против определения ваших поздних героев как «постаревших» ранних. Я не ощущаю у них за плечами той дружбы двадцатилетних, которую вы писали в своих ранних повестях и которой я верил.

Б. С. Может быть, они и подзабыли уже друзей своей юности... <...>

Б. С. Дело здесь, наверное, еще и в том, что в той истории будущего, которую мы пишем последние тридцать лет, нет сквозного героя. Поэтому эволюцию проследить очень трудно. Но, с нашей точки зрения, герои ранних Стругацких — люди очень общительные, очень добрые, очень легкие на знакомства, очень контактные... Герои поздних Стругацких — люди более замкнутые. Это чисто возрастное. Чем старше человек, тем он индивидуалистичней. Так уж он устроен, и это, по-видимому, нормально. Старик всегда суще-

ство много раз битое. Это, как правило, человек, который не раз уже раскрывал объятия, а его взамен хлестали по морде. Поэтому старик не очень любит раскрывать их.

Корр. Насколько автобиографичны ваши герои?

А. С. Чтобы далеко не уходить от жизни, мы стараемся придерживаться собственных биографий. Во всяком случае, стремимся не выдумывать героев, а брать их готовенькими из нашего окружения, *вытаскивать* их из наших друзей, знакомых. <...>

Корр. Отсюда естественно было бы возвратиться к третьему киту ваших героев — к работе.

Б. С. Да, наши герои меняются в этом смысле очень сильно. Для героев ранних Стругацких работа — это высшее наслаждение, высшее счастье. Ничего более интересного они просто не знают. Они везде тащат с собой на развернутых знаменах лозунг: «*Работать интереснее, чем развлекаться!*» Потом, со временем, они начинают медленно понимать, что работа прекрасна и интересна только тогда, когда она получается. Иначе из наслаждения она превращается в муку. Здесь есть некоторая аналогия с любовью: любовь прекрасна, когда тебе отвечают взаимностью,

но любовь — это неописуемая мука, когда она не разделена.

Герои наших последних повестей зачастую уже относятся к работе как к тяжелому и неприятному труду. Человеку, оказывается, бывает мучительно трудно работать. Вспомните, как пишет тот же Сорокин в «Хромой судьбе». У него ничего не выходит, он себя разогревает, садится — вот сейчас напишу! — опять не выходит. И от этого ему еще горше становится, еще больнее. То есть работа перестала быть *абсолютным счастьем*, убежищем. Именно это ощущение характерно для героев поздних Стругацких. Так что если вернуться к нашим определениям героев Стругацких, то наиболее емким все-таки будет: *постарели*.

Корр. Получилось, что все три опоры, на которых держались ваши герои, под нажимом времени как бы съежились, стали занимать гораздо меньше места. Но тогда должна была образоваться некая пустота?

Б. С. Да... это та самая пустота, которая так характерна для старости.

Корр. Она ничем не заполняется?

Б. С. Она заполняется чем-то... Она заполняется, во-первых, вспышками, назовем их вдохновени-

ем, хотя я терпеть не могу этого слова. Человек продолжает работать. Работа перестает быть для него источником постоянного наслаждения. Это уже некий рутинный процесс, который иногда вдруг дает вспышку удовольствия. Вот ради этих вспышек имеет смысл месяц за месяцем, год за годом писать формулы, рвать бумагу, писать тексты, рвать тексты, рвать на себе волосы, кричать: «Я уже ни на что не способен! Все кончено!» Но продолжать писать. И вот, через год, через два — вспышка! И ты снова на коне. Нечто аналогичное — в любви. Нечто аналогичное — и в дружбе. Правда, в дружбе с возрастом начинаешь больше всего ценить вспышки нежности, которые возникают к другу. Они прекрасны, и они бывают до глубокой старости — я уверен теперь в этом. Только с годами друга ты ценишь уже скорее за постоянство, за то, что он как бы твое alter ego... как будто на Земле есть еще один экземпляр тебя самого. А наслаждение, которое получаешь от понимания с полуслова? Это великое наслаждение! В молодости мы не способны оценить, как это прекрасно!

И любовь, конечно, с годами меняет свою окраску, все больше превращаясь во что-то подобное дружбе. И ценятся в ней с годами не столько радо-

сти соития плоти, сколько — соития духа. Когда для тебя женщина становится прежде всего другом, а уже потом существом противоположного пола... Это просто другое отношение к жизни. Но это тоже *естественное* отношение к жизни, и нам интересно писать о нем. Если же говорить об оппозиции нынешних героев Стругацких к ранним героям, то степень та же, что и во взаимоотношениях старости и молодости. Это ведь тоже своеобразная оппозиция, хотя и здесь все далеко не так просто, как черное и белое.

<...>

Корр. Ну, что же, тогда последний вопрос. Если бы волею фантастических обстоятельств вам, Борис Натанович Стругацкий, и вам, Аркадий Натанович Стругацкий, случилось бы сейчас повстречаться соответственно с Боренькой и Аркашей Стругацкими, что бы вы им хотели сказать?

Б. С. О-о! Боюсь, я бы ему ничего не сказал... Потому что, пожалуй, все бы ему пошло во вред. Боренька Стругацкий рос и развивался в соответствии с собственной судьбой, то есть в полном соответствии и единении с тем обществом, в котором он жил. И всякая попытка предварить его ошибки обязательно выбила бы его из этой

колеи, сделала бы его несчастным... Так мне сейчас кажется. Ведь уберечь мальчика от чего бы то ни было словами — нельзя, а вот сбить с панталыку очень даже можно. Действительно, что бы я ему мог сказать? Что Сталин, перед которым он преклоняется, — кровавый палач, загубивший для многих саму идею коммунизма? Ну и что? В лучшем случае Боренька просто не понял бы этого, в худшем — понял бы и побежал доносить на себя самого. Вот и все.

Корр. А вы, Аркадий Натанович?

А. С. Я бы от Аркаши бежал без задних ног.

В конце августа в 35-м номере газеты «За рубежом» публикуется информация о съемках ТББ.

«Кто боится трудностей, пусть сидит дома...»: о первом опыте совместной кинопостановки СССР, ФРГ, Италии и Франции

Непростое, необычное дело «затеял» западногерманский режиссер Питер Фляйшман, решив однажды во что бы то ни стало экранизировать силами киностудий нескольких стран полюбившийся ему роман братьев Стругацких «Трудно быть богом». И, тем не менее, многолетнее упорство приносит сегодня плоды: несмотря на все сложности, фильм обретает плоть и кровь.

«Коррьере делла сера», Милан

Трудно вообразить ту суету, которая царила в номере «люкс» киевского отеля «Днепр», где расположился западногерманский режиссер Питер Фляйшман, автор известного фильма «Охотничьи сцены в Нижней Баварии», сценарист, продюсер, многолетний президент Европейского союза сценаристов-постановщиков. Сегодня он посвятил себя осуществлению кинопостановки совместными силами СССР и Запада, — грандиозного производства, которое финансируют советская, французская, итальянская и западногерманская фирмы.

Фильм называется «Трудно быть богом». Это экранизация одноименного романа братьев

Стругацких.

— История, рассказанная в романе, гениальна, ибо она опрокидывает классические каноны научной фантастики, — увлеченно объясняет Фляйшман. — Здесь пришельцами и инопланетянами являются люди с Земли. И никаких «банальных» космических приключений и уродцев с заостренными ушками.

Режиссера всегда привлекал именно такой тип фантастики. Поэтому он твердо решил перенести на экран эту книгу, написанную двумя писателями-фантастами. Аркадий — социолог, Борис — астрофизик. Они живут в разных городах на расстоянии около тысячи километров друг от друга. Но каким-то чудом (может быть, при помощи телепатии?) братья ухитряются писать в «четыре руки».

— Роман создан 24 года назад, — продолжает режиссер. — Многие русские кинематографисты, включая Тарковского, в прошлом намеревались его экранизировать, и даже Коппола пытался увести его у меня «из-под носа».

Эта книга — символ, своего рода библия для целого поколения советских читателей. И в то же время это — зеркало, отражающее наше общее прошлое, нашу общую историю. В романе пока-

зана другая планета, где существует разумная жизнь и обитатели похожи на землян. Но они переживают стадию средневековья. Поэтому человек с Земли, вооруженный современной техникой, чувствует здесь себя... марсианином. Он всемогущ.

Фильм «Трудно быть богом» поведает нам историю Руматы, пришельца с Земли, который в этом средневековом мире находит чувства, казалось, навек утраченные: любовь, дружбу, сострадание. Но там есть и ненависть и желание убивать — «во имя справедливости». Используя свою «сверхъестественную» силу, Румата становится во главе восстания, направленного против местного диктатора. Причем диктатор изображен не отпетым злодеем, а скорее заурядным недалеким бюрократом.

Румату играет 32-летний польский актер Эдвард Зентара из краковского Старого театра, снимавшийся у Вайды. Кроме него, в фильме заняты французская актриса Анн Готье, немецкая актриса Кристина Кауфман, а также Олег Янковский, известный нам по ленте Тарковского «Ностальгия», многие другие советские актеры.

— Сила романа именно в том, что он универсален, написан на все времена. И поэтому очень

хорошо, что его экранизирует не русский, а иностранец, — поясняет Фляйшман. — Как иностранец, я вижу в образе диктатора не только намеки на сталинизм, а нечто большее — размышление о тирании вообще. У меня возникают ассоциации и с Гитлером, и с Хомейни, и с Пиночетом...

«Трудно быть богом» — это, по сути, первое совместное производство эпохи гласности и перестройки, причем беспрецедентное по своим масштабам.

— Четыре года я тщетно пытался договориться об этой постановке, — объясняет режиссер. — За это время в СССР трижды менялось руководство... Чтобы добиться разрешения, пришлось вести переговоры с министрами, послами, с целыми делегациями.

Фильм — так называемая суперпродукция с бюджетом в 25 миллионов марок. Но на Западе он обошелся бы вдвое дороже. В картине заняты 200 актеров и 10 тысяч статистов. Грандиозные декорации созданы в Ялте и в Киеве. А еще «создан» пухлый том инструкций, предписывающих, когда и как поступать в каждом отдельном случае — в строгом соответствии с правилами бюрократии. Было бы неплохо ознакомить с этим томом

Серджо Леоне, который собирается совместно с русскими снимать фильм «Блокада».

— Конечно, нам приходится нелегко, но кто боится трудностей, пусть сидит дома, — комментирует Фляйшман. — Две разные политические системы, два разных образа жизни: все это я понимал и предвидел. Уже в ФРГ мне пришлось столкнуться с предубеждениями: «Хочешь снимать кино вместе с русскими? Значит, ты — коммунист!» Потом — проявление недоверия в Москве: «А не будет ли фильм, чего доброго, направлен против нас?»...

Итак, в Ялте, у самого Черного моря, был выстроен Арканар — город на далекой планете, где разворачивается действие фантастического фильма. Этот «русский Диснейленд» привел в восторг жителей Ялты, охотно согласившихся участвовать в массовке. А в павильонах студии им. Довженко в Киеве был создан интерьер королевского дворца — подобие средневековой крепости с запутанным лабиринтом комнат, переходов, тайников. Здесь мимо вас проплывают женщины, похожие на римских матрон, мужчины в длинных серых париках и со свежим номером «Правды» в руках — чтобы было чем заняться во время томительных пауз, постоянно

возникающих из-за каких-то мелочей, из-за вовремя не оформленной по всем правилам заявки на что-то и т. п.

Взлохмаченный, вымазанный в пыли, с толстой сигарой во рту, Фляйшман нетерпеливо следит за ходом переговоров, идущих на непонятном ему языке. Но когда он кричит: «Ахтунг!» — все его понимают, и съемка возобновляет свой трудный путь.

Кино — это искусство, которое не может существовать без соответствующей технологии. Но, с другой стороны, разве западные фильмы 20-летней давности, снятые «по старинке», были хуже, чем то, что мы снимаем сейчас?

— Русская действительность далека от нас, но не дальше, чем американский кинематограф, — говорит Фляйшман. — Меня интересует европейское кино: как нам совместно защищаться от наступающего на нас Голливуда.

Следующее интервью с АНом, опубликованное 8 сентября в тульской газете «Молодой коммунар», перепечатывалось достаточно широко в региональных комсомольских газетах: рижской «Советской молодежи», «Красноярском комсомольце», кемеровском «Комсомольце Кузбасса», челябинском «Комсомольце», «Орловском комсо-

мольце», донецком «Комсомольце Донбасса». А в 11-м номере журнала «Трезвость и культура» была опубликована переработанная, более полная версия этого интервью.

АНС: «Личность превыше всего!»

Что больше всего интересует фантастов? Их интересует реальная сегодняшняя жизнь. Чтобы убедиться в этом, прочитайте в июньском номере «Юности» новую вещь Аркадия и Бориса Стругацких «Отягощенные злом». «Она не случайно имеет подзаголовок „Сорок лет спустя“: мы попытались предположить, что будет через сорок лет с момента начала перестройки, причем в области, которая представляется нам важнейшей, — в области отношений между трудящимися и нетрудящимися», — *говорит наш собеседник Аркадий Натанович Стругацкий.*

— *Итак, своего рода прогноз на перестройку?*

— И прогноз дальний. Как много мы сейчас слышим причитаний: три года прошло, а у нас так ничего и не происходит — в экономике, в искусстве... Только ведь три года — ничтожный срок. У нас происходит революция, которая должна привести страну к процветанию. Либо мы скатимся на положение третьестепенной державы.

— То есть альтернативы нет?

— Ну почему? Я думаю, очень многих устроит как раз пребывание на положении третьестепенной державы. Одно из самых страшных последствий сталинизма и периода застоя — из людей выбили гордость за свою Родину. Иногда встречаюсь с прежними товарищами — бывает, пути в свое время разошлись, — и слышу: а пропади все оно пропадом, вот водку не продают — это плохо, вот колбасы в магазине нет; и что это за перестройка, когда колбасы не купишь... «Где сахар?» — вот что они спрашивают. «Где гордость за Родину?» — не спрашивают.

— И как переделать обывателя?

— Это вообще не вопрос. Сталиниста не переделаешь. Не переделаешь и тунеядца. Можно, конечно, его заставить вкалывать, но что это будет за работа? Вся надежда на то, что мы сумеем воспитать новых людей, свободных от предрассудков прежних лет. Когда я говорю «мы», даже не знаю, кого имею в виду. У нас катастрофическое положение с педагогической наукой.

— Но если рассчитывать на тех, кто сейчас только подрастает, то даже самых первых результатов перестройки можно ждать лет этак через двадцать?

— Чтобы построить другое общество, нужно два-три поколения, не меньше. И воспитывать их надо совсем по-другому, не так, как у нас сейчас принято. А ведь есть талантливые, яркие педагоги! Надо создавать для них условия максимального благоприятствования — и тогда за ними потянется учительский «середняк». Каждый из таких учителей-новаторов, обрастая единомышленниками, способен создать свое направление, свою школу, из совокупности которых и должна родиться Школа — та самая, что формирует не среднеарифметического обывателя, а личность. Единая для всех школьная программа — вздор. Она готовит всего лишь очень посредственного участника производства.

И еще: педагогические таланты выявлять надо в самом раннем возрасте. Академик Колмогоров отбирал ребят с математическими способностями, кто-то занимается отбором детишек с шахматными наклонностями. Но никто до сих пор не додумался отыскивать потенциальных педагогов — тех, кто любит и умеет возиться с младшими. Что до государственных дотаций, то на образование они должны направляться даже прежде, чем на армию.

— Сейчас мы откровенно говорим о социальном

расслоении в нашем обществе. Чьим же идеалом служил долгие годы миф о единстве?

— А это воплощение армейского идеала. Солдаты могут сколько угодно бить друг другу морду в казармах, но в строю они все — в одной форме, одинаково острижены. Какой офицер согласится командовать необученной, галдящей толпой, в которой каждый со своим мнением, своим взглядом на вещи? Это же противоречит главному армейскому принципу — принципу шеренги. Вот Сталин и выстроил весь народ в шеренгу. А кто чуть-чуть завертел головой — в лагеря: там, в опутанном проволочной колючкой строю, не повертишься.

— *Но возможность иметь и высказывать свое мнение, плюрализм взглядов пока у нас приводит чаще к конфликтам, барахтаемся в демократии подчас очень неловко...*

— А учиться надо — другого выхода нет. Мы еще не умеем спорить: из-за непривычки к демократии. Если уж дали возможность, то не напишешь: «Мне кажется, что предложение тов. Иванова несколько неразумно». А напишешь: «По-моему, Иванов — дурак. И осел в придачу». Редактор «осла» вычеркнет. А «дурак» останется.

— *Но не опасна ли такая, мягко говоря, некор-*

ректность для самой демократии?

— Грош цена той демократии, перефразируя Ленина, которая не умеет защищаться. Пусть учится.

— И какую же роль писатель «братья Стругацкие» отводит сегодня себе?

— Мы будем писать. Возникают новые идеи, новые люди, ситуации. Обобщить все это — вот что от нас требуется.

Главный для писателя вопрос — как внешний мир, события влияют на личность? Живем ведь пока скверно, страшно неуютно. Так, наверное, не живут ни в одной из цивилизованных стран. Все — проблема. Ремонт, детский садик, квартира, переезд на дачу, сахар, водка, горячая и холодная вода... Что бы ни потребовалось, всюду натыкаешься на свинцовое мурло большого и крошечного начальника: не положено!

Больше воздуха, больше свободы — вот что сейчас нужно. Красный свет старому мерзкому лозунгу: государство превыше всего. Мы уже знаем, к чему это приводит. Нет. Нашим нынешним лозунгом должно быть: личность превыше всего.

9 сентября АБС предлагают издать двухтомник своих повестей издательству «Детская литература».

Из архива. Заявка АБС на 2-томник в издательство «Детская литература»

Предлагаем издать двухтомник наших избранных произведений, посвященных изображению людей и общества XXII века. Идея двухтомника: собрать воедино все наши повести такого рода, написанные на протяжении последних тридцати лет, объединенные многими общими героями, идеями и событиями в некий единый цикл.

Состав двухтомника:

том первый
«Полдень, XXII век»
«Попытка к бегству»
«Далекая Радуга»
«Трудно быть богом»
«Малыш»

том второй
«Обитаемый остров»
«Парень из преисподней»
«Жук в муравейнике»
«Волны гасят ветер»

Объем каждого тома — ок. 40 а. л. Общий объем «Избранного» — ок. 80 авторских листов.

Все названные повести неоднократно издавались и переиздавались в СССР и во многих странах мира.

Июльские интервью с АНом, Булатом Окуджавой и Вениамином Кавериным в «Тюменском комсомольце» по поводу партконференции имели продолжение.

Из: Тихомиров К. С кем ты

<...>

Невозможно было обойти этот вопрос и в моей беседе с Аркадием Стругацким («ТК», 29 июля). Высказывания известного фантаста неожиданно разъярили местную писательскую организацию, о чем свидетельствовала статья О. Казанцевой «Как они „хоронят“ нас» («ТК», 10 августа). Последовали негативные отклики со стороны патриотического объединения «Отечество», и вообще — вдруг в нашей дискуссии о времени и месте тюменской литературы образовался националистический душок... Статью О. Казанцевой и ряд других материалов я переслал А. Стругацкому, Б. Окуджаве и В. Каверину — в надежде на то, что «снизойдут» до ответа на страницах областной «молодежки». Снизошли. Правда, Булат

Шалвович в те дни был в отъезде... Ныне же, когда газета сворачивает порядком надоевшую дискуссию, вряд ли было бы этичным просить отклика — еще более запоздавшего, нежели публикуемые ниже. «Да и стоят ли эти граждане серьезного разговора», — таков был смысл недавней нашей с Булатом Шалвовичем беседы.

Несколько по-другому поступил Аркадий Натанович. В начале сентября я позвонил ему: «Прочитали?» — «Да-а... Впечатление такое, как будто таракана во время еды раздавил... Ну, это все ладно. Я бы и не стал вмешиваться, если б они только меня честили. Тут другое: надо газету защищать...» И вот мы имеем перед глазами труд, специально предназначенный для читателя «Тюменского комсомольца»...

С Вениамином Александровичем Кавериным, старейшим русским писателем и историком литературы, беседа была коротка: вопрос — ответ. Тут уж ничего не попишешь: 86 лет — не шутка. Но первое, что он мне заявил — и по телефону, и в письме — касательно литературных страстишек, взыгравших вокруг партконференции: «Я с вами совершенно согласен...»

Что ж, именно партийная конференция показала, что в нашей литературе пролегла трещина.

Трещина эта, разделившая на два лагеря и деятелей искусства и культуры, возникла не вчера, и даже не весной 1987 года (на писательском пленуме) — это все были лишь отголоски давней борьбы. Но возобладание группировок среди тех же литераторов принароднее всего случилось на XIX партконференции. Я имею в виду выступления Ю. Бондарева — с одной стороны, и Г. Бакланова — с другой.

АНС. «...И будь здоров!»

Должен признаться: я испытал удовольствие от того, что навлек на себя неприязнь О. Казанцевой, З. Тоболкина, Н. Денисова и С. Шумского. Правда, имена их я слышу впервые, но их высказывания в статье «Как они „хоронят“ нас» вполне позволяют составить представление об их политических, культурных симпатиях и антипатиях. И если бы они отозвались обо мне хорошо, я ощутил бы определенное неудобство.

И дело не в том, что их статья проникнута неуместной злобностью и даже, не побоюсь этого слова, остервенением, это бы еще четверть беды. Главное — не обнаруживается в ней ни логики, ни здравого смысла. Ведь авторам, насколько можно судить по ходу этой маленькой дискус-

сии, всего-навсего и надо было, что выразить в нескольких фразах, пусть даже крайне резких, свое категорическое несогласие с мнением Б. Окуджавы и А. Стругацкого о любимом журнале «Наш современник». Но в какого диковинного публицистического монстра вылилась эта понятная задача!

О. Казанцева вдруг заявляет: «Какие, должно быть, „молнии“ метали не так давно в сторону Ельцина те же Окуджава и Стругацкий, когда Борис Николаевич, будучи первым секретарем Московского горкома партии, принял делегацию общества „Память“...» (Оговорюсь: ниже я буду говорить только за себя. Булат Шалвович Окуджава, если сочтет нужным, ответит от своего имени. Я не имею чести быть в числе его близких знакомых, что, разумеется, никак не мешает мне глубоко и благоговейно почитать его как писателя, барда и гражданина.)

Так вот, я поправляю О. Казанцеву: «тот же» я никогда не метал никаких «молний» в сторону Ельцина. Ни по поводу его встречи с делегацией «Памяти», ни по какому-нибудь иному. Начать с того, что я и сейчас не имею толком понятия об этой организации. А если бы даже и имел? Какое мне дело до того, с кем встречается первый

секретарь Московского горкома? Я ему не сторож. У меня своих дел по горло. Кстати, надеюсь, что равномерно и секретарю, прошлому ли, нынешнему или будущему, тоже нет дела до того, с кем встречаюсь я.

О. Казанцева «просто и прямо, во благо читателей» задает вопрос: «Почему Тихомиров сделал судьями советской литературы именно этих писателей (Окуджаву и Стругацкого. — *А. С.*), чей образ мыслей и идейная платформа агрессивно направлены против „Нашего современника“? То есть против лучших советских писателей. Если он действительно ищет истину, то почему не поговорит с русскими писателями или ханты, манси, ненцами?»

Опять-таки возникают возражения.

1. Тихомиров обвиняется в совершенно непосильном для него грехе. Полагаю, даже О. Казанцевой надлежит знать: судьями советской (и всякой иной) литературы могут быть только Читатели во Времени. Впрочем, как я понимаю, О. Казанцева выдвинула это странное обвинение в полемическом запале, спутав советскую литературу с журналом «Наш современник». Бывает. Иногда кое-кто путает понятие «Отечество» с понятием «Ваше превосходительство».

2. Я никак не могу определить свое отношение к «Нашему современнику» таким активным словом, как агрессивность. Да, журнал этот в его нынешнем состоянии мне противен, но не до кровомщения же! И напрасно утверждает Николай Денисов, будто бы они (надо полагать, те же Окуджава и Стругацкий) «исходят бешенством и рады хоть сегодня его („Наш современник“) закрыть». Во-первых, как выражено, парнишка? Ведь ты говоришь о людях, которые по меньшей мере вдвое старше тебя. А во-вторых, это настолько несправедливо, что и оспаривать не хочется. Нет, пусть «Наш современник» живет и здравствует. Его читают несколько сотен тысяч человек. А кроме того, он довольно регулярно поставляет материалы для полемических выступлений «Огонька», знакомиться с каковыми поучительно и полезно.

3. Как явствует из контекста, О. Казанцева относится к образу мыслей и идейной платформе Б. Окуджавы и А. Стругацкого крайне неодобрительно. Мне представляется маловероятным, чтобы О. Казанцева имела сколько-нибудь ясное представление об образе мыслей и идейной платформе Стругацких, но уж творчество Окуджавы знать она должна. И должна она сердцем, сове-

стью, разумом, наконец, сознавать, каким благом было бы для нашего общества, если бы наши дети и внуки причастились к образу мыслей и идей Булата Окуджавы.

4. Повторяю цитату из О. Казанцевой: «...агрессивно направлены против „Нашего современника“... то есть против лучших советских писателей...» (Оставим в стороне забавное обстоятельство: только что О. Казанцева обвиняла Тихомирова в выдвижении Окуджавы и Стругацкого на роль судей советской литературы и тут же, в том же абзаце, выступила в качестве судьи сама.)

Итак, дано: выступать против «Нашего современника» значит выступать против лучших русских советских писателей. И далее: выступать против «Знамени» («Невы», «Урала», «Сибирских огней» и т. д.) значит выступать против плохих русских советских писателей.

Конечно, никому не возбраняется ассоциировать журнал с его главным редактором, с его редколлегией, с его авторским активом. Но, с другой стороны, я, например, при всем моем неприятии культурно-политической позиции «Нашего современника», очень высоко ставлю талант Распутина и Астафьева и готов утверждать,

что писатели эти прибавили немало славы советской литературе и мощно работают в развитии общественной мысли в стране. Что же до их членства в редколлегии «Нашего современника», то какое мне дело? Как и им, я надеюсь, до моего членства в редколлегии, скажем, «Уральского следопыта».

Пятый пункт.

О. Казанцева упрекает Тихомирова в том, что он предоставил слово Окуджаве и Стругацкому, а не *русским* писателям или, на худой конец, писателям народов ханты, манси и ненецким.

Упрек опять несостоятелен. Я, например, именно *русский* писатель. Мои предки жили в России. Я думаю и пишу именно на русском языке, а не на английском и не на японском. И, если я правильно понял Ваш любезный намек, О. Казанцева, не на еврейском, из которого знаю всего одно предложение: «Куш мир ин тохес унд зай гезунд», что означает, кажется, «поцелуй меня в ... и будь здоров (здорова)». Это предложение я выучил недавно со слов одного моего приятеля-украинца.

О. Казанцевой вторит З. Тоболкин: «...я не понял, это наша газета или чья? Почему мне, русскому литератору, приводят сплошь нерусских

божеств?» (Бог знает что. Где З. Тоболкин учился русскому языку? В Одессе на Привозе? Или это такой юмор?)

Оно, пожалуй, и лестно, когда тебя публично обзывают божеством. Но опять-таки, зачем же нерусским? Нет уж, лучше я не буду божеством, а останусь, как и был, простым русским литератором. И что означает слово «сплошь» в применении к двум индивидуумам? «Иванов и Петров были сплошь членами кооператива»?

Или вот страшащийся захоронения Николай Денисов...

Впрочем, и так ясно.

Как ни посмотри, нелепая получилась статья. И я повторяю: мне приятно, что авторы ее меня не любят. Должен признаться, мне они тоже не нравятся. Истеричные они какие-то. И с большими претензиями при ограниченных данных. Если все литераторы, выступающие за «Наш современник», на таком уровне... Но этого, конечно, быть не может. К счастью для «Нашего современника».

На этом и заканчиваю.

Спасибо за внимание.

г. Москва 31.08.88.

А. Стругацкий

16 сентября, как явствует из пометки на письме «Ответ 16.09.88», БНу приходится отвечать на очередное письмо от немецкой переводчицы Хельги Гуче. Право же, по одним этим вопросам можно смело утверждать: АБС именно и только ***русские*** *писатели.*

Из архива. Письмо БНу от немецкой переводчицы

Уважаемый Борис Натанович,

благодарю Вас за письмо, которое Вы мне писали 29-го марта. Осмелюсь еще раз беспокоить Вас и попросить Вас помогать мне в устранении трудностей, с которыми столкнулась при переводе сказки «Понедельник начинается в субботу».

У меня издание «Библиотека современной фантастики», седьмой том, 1966:

194. Где Гоголь это сказал?

197. (внизу) От добра добра не ищут

201. По здорову ли, баушка

206. А. Уэда

208. Лежнёво?

210. Тинктура... Магифтериум... Как это выглядит лат. буквами?

211. От кого стихи?

211. В. В. Битнер русский?

214. В песне: Ото так копають мак
215. А. Свенсон и О. Вендель
220. доставил в *Е. И. В.* академию наук
224. играли в *чижа*
224. Стиляга!.. *Папина «Победа»*!
224. бревенчатые избы-*редуты*
225. кинофильм «Козара»
225. ФЦУ
225. искра — зверь, слона убьет, а ни шиша не схватывает (насчет машины?)
229. принять в багинеты
240. Раньше я *левитировал* как Зекс
241. Бальзамо в юности *сматрицировал* себя
241. просочиться через канализацию на *десяток лье*
243. умклайдет
244. кинопогони
248. «Устремив свои мысли...», «Бхагават-Гита»
249. Что вы все *сепетите*?
249. Дёмин?
253. Лев бен Бецалель (ист. личность? Где в литературе можно встретить его?)
250. Змей Горыныч... (похоже на скелет *диплодока*...)
267. не забивай мне баки
272. (седьмая стр.) *брякни*

273. (внизу) ...так ты его по *сусалам*

275. (первая стр.) уравнение Стокса. Stoks?

277. Кристофер Лог. Log?

279. Хома Брут

288. ...отловил и зачаровал *дюжину дюжин* ифритов

289. Питирим Шварц

290. Мария Тринидад (*см.*) Португалец

296. (внизу) принимать *телепатемы*

298. гомеостат Эшби

302. (внизу) хороший дубль, *развесистый*

311. где Пушкин это писал?

315. (девятая строка внизу) Милай!

319. (пятая стр. снизу) и оно бы этот магнитофон *заимело*

333. ...где отряхнул бы вам пыль с ушей и *проткнул насквозь*

333. *кафолин* недорезанный

344. где Бёль это сказал?

345. набрал полную грудь *праны*

346. девица Ленорман

350. В задних рядах резались в *функциональный морской бой* в *банаховом* пространстве

353. под сень *струй*

357. робот на тригенных куаторах

373. Попугай крикнул: «*Проксима Центавра!*»

374. Вдруг попугай заорал: «*Оверсан!*»
385. (первая стр.) побрекито
388. Драмба
394. Ришар Сэгюр (как лат. буквами?)
403. село Карелинское?

Благодарю Вас сердечно и заранее за Вашу помощь и желаю Вам всего доброго.

С глубоким уважением
Ваша Helga Gutsche.

Редактор издательства «Фольк унд Вельт» Ханнелоре Менке 18 сентября пишет письмо Авторам.

Из архива. Письмо к АБС из немецкого издательства

Уважаемые Борис Натанович и Аркадий Натанович!

К сожалению, не застала Аркадия Натановича по телефону. Была на командировке в Москве с 25 августа до 14 сентября. Хотела рассказать Вам о планах издательства «Volk und Welt» и спросить Вас, над чем Вы сейчас работаете и каковы Ваши дальнейшие писательские планы.

Наш перевод «Сказки о Тройке» в типографии. Сказка должна выходить в серии «Спектрум»

в начале следующего года. В конце этого года переводчица Хельга Гуче окончит работу над романом «Понедельник начинается в субботу», он должен выходить в начале 90 года.

К нашему большому сожалению, мы не смогли принять в наш план Вашу прекрасную повесть «Время дождя», так как изд. «Neue Berlin» заказало, видимо, раньше нас. NB хотел отдать нам «Хромую судьбу», но раз обе книги принадлежат вместе, пусть NB издает и «Хромую судьбу».

«Отягощенные злом» прочла в Москве, но надо сознать Вам, что не в восторге из-за этих двух линий. Старую рукопись не совсем поняла, часто не видела связи с дневником, но это мое личное мнение, ждите решения издательства. «Отягощенные злом» и «Обреченный город» чем-то связаны между собой?

Нас интересует «Улитка на склоне». В редакции журнала «Смена» мне сказали, что печатали полный текст.

Берлинское
издательство для детей «Kinderbuchverlag» хочет издать Вашу «Сказку о дружбе и недружбе», но объем слишком маленький. Они хотели бы составить сборник объемом не меньше чем 150 страниц. Можете ли Вы рекомендовать

«Kinderbuchverlag»'у другие рассказы или повести из Вашего пера или из пера других советских писателей-фантастов для пополнения сборника? Он должен обратиться к детям 12–14 летним.

Пожалуйста, не забывайте написать нам о Ваших планах.

С большим уважением
Ханнелоре Менке

На это письмо АБС отвечают только в декабре. Копия письма в архиве отсутствует, но пометка на письме гласит: «Ответ 10.12.88. „Московский рабочий, 1988. Уч.-изд. ≈10. Экспедиция в преисподнюю (совр. сказка). С. Ярославцев“».

Тем временем наметившийся ранее раскол среди писателей-фантастов все углубляется. Его обрисовывает БНу Борис Штерн.

Из архива. Из письма БНу от Б. Штерна

<...>

Вы, конечно, слышали про новосибирские «Румбы-юмбы», про ВТО МПФ, про его директора Пищенко и про детей лейтенанта Шмидта, разделивших СССР на зоны-регионы, назвавших себя ответственными секретарями и начавших получать зарплату (нет, жалованье) в 300

р., паразитируя на этих самых МПФ (молодых писателях-фантастах). От этой ситуации явно распространяется этакий литературно-фельетонный душок. Надо подождать выхода в свет первых «Румбов», чтобы окончательно убедиться, что «Молодая гвардия» решила тиражировать свою халтуру в двойном, а то и в тройном размере. Я посмотрел на Суркиса в Одессе и послушал его (в начале сентября там состоялся «фестиваль КЛФ»). Впечатление: ого! Молодой писатель Дымов. Хорош. Толст. Энергичен. На зарплате. Зазывает в ВТО. Решает вопросы. Которые сам же и создает. Обещана ему книга (правда, одна на пару с Силецким. Но все равно, книга). Жалуется, что нет времени для писательства — потому что дела, дела... Я его понимаю.

В общем, идея этого ВТО как идея неплоха, но люди, осуществляющие ее... Ах, какая полезет халтура!

Бабенко сзывает в этом году в Дубултах тех, у кого уже вышли первые книги и есть крепкие публикации (и не продавшихся еще Медведеву с Пищенко). Оно правильно. Надо бы потолковать. <...>

В октябре АБС пишут предисловие к так и не состоявшейся публикации статьи Владимира

Савченко в журнале «Радуга».

Из архива. АБС. Предисловие к публикации В. Савченко в «Радуге»

Период застоя (который мы еще недавно именовали «развитым социализмом») не миновал и фундаментальные науки, в коих накопилось немало требующих разрешения принципиальных проблем — см. на этот счет, например, статью академика Р. З. Сагдеева в «Известиях» № 119 за 1988 год. Поскольку же дистанция от теорий до практического воплощения как идей, так и заблуждений ученых все укорачивается, ситуация эта драматична не только для теоретиков.

В свое время, в 50-е и 60-е годы, в фундаментальных науках, особенно в физике, решение трудных проблем стимулировали так называемыми «безумными идеями» — в соответствии с высказыванием великого физика XX века Нильса Бора: «Перед нами безумная теория. Весь вопрос в том, достаточно ли она безумна, чтобы оказаться правильной?»

Возрождение жанра «безумных идей» невозможно без участия в этом деле писателей-фантастов. Поэтому закономерна публикация в журнале «Радуга» нижеследующей статьи живущего

и работающего на Украине писателя-фантаста с мировым именем Владимира Ивановича Савченко — кстати сказать, наиболее научного из всех ныне здравствующих советских фантастов, по предыдущей профессии исследователя-физика, автора научных трудов и изобретений.

Читатели вправе воспринять излагаемые в его «Штормовом предупреждении» идеи как «безумные» — потому что по своей необычности они являют вызов устоявшимся представлениям, а для присяжных физиков просто оскорбительны: радиоактивные постоянные — непостоянны, распад ядер не извечное явление, а «молодое» (в геохронологических мерках) и только еще набирающее силу! Но в то же время, учитывая вес ядерных установок в оборонных делах, в энергетике... да и в морском транспорте, было бы непростительным легкомыслием не изучить все приводимые автором доводы, не задуматься над ними.

В плане же фантастики «Штормовое предупреждение» лежит в том же русле работ Владимира Савченко, как и его повесть «Черные звезды», приобретшая международную известность еще в 60-е годы, и актуальная поныне повесть-пьеса о гонке ядерных вооружений «Новое оружие»

(1966).

В ноябрьском номере «Студенческого меридиана» публикуется интервью с БНом, главными темами которого являются теория воспитания и будущее.

Из: БНС. О настоящем во имя будущего

<…>

— Где же спасение?..

— Спасение, сказали мы себе, в создании теории воспитания. Но как она должна выглядеть, что это должна быть за теория — мы не знали. В «Далекой Радуге» у нас полуосознанно вырвалась одна мысль: человеку нужен не хороший отец, а хороший воспитатель. И постепенно мы приходили к выводу, что это вообще единственный путь. В «Трудно быть богом» мы попытались выделить тот класс, который, как нам казалось, поведет человечество в будущее. Класс интеллигенции. Вопреки теории о том, что самым передовым и прогрессивным является рабочий класс, мы утверждали, что существует другой класс, без которого жить нельзя, класс интеллигенции.

— Однако впоследствии и от этой теории пришлось отказаться?

— Конечно! Интеллигенция в дальнейшем показала себя не лучшим образом.

— *Настолько не лучшим, что сейчас вместо того, чтобы переосмыслить ее движение, пытаются уточнить формулировку, кого же считать интеллигентом в новых условиях...*

— Да, но если без шуток, то нет такого единственного, универсального класса, который возьмет и поведет нас в будущее. И класс интеллигенции так же грешен, как любой другой. «Деревенщики» хотят возвысить крестьян, а... сейчас я уже, правда, не знаю, кто возвышает рабочий класс, но, наверное, такие тоже есть... Мы когда-то воспевали интеллигенцию. Смешно воспевать! Не надо никого воспевать! Надо критически, внимательно изучать окружающую действительность... И делать выводы.

<...>

— *Это ведь невероятно трудно, должно быть: «история будущего, написанная с точки зрения прошлого». Но именно это, на мой взгляд, сквозная тема творчества братьев Стругацких.*

— Мы сами сравнительно недавно поняли, к собственному удивлению, что о чем бы мы ни писали, мы фактически все время либо впрямую пишем о будущем, либо имеем его в виду.

Писатель сродни актеру. Он сам представляет себя на месте действующих лиц, представляет себе сцену, на которой он играет эти роли. Поскольку у нас действие многих произведений развивается на фоне будущего, надо стараться представить его себе как можно более реально. Но это не самоцель, конечно. Задачи, которые мы перед собой ставим, как правило, совершенно конкретны и в каждом случае свои. Но будущее является неизбежным фоном, на котором разворачиваются события, а значит — с фоном все должно быть о'кэй. Все должно быть предельно достоверно. Никакой лажи, никакого картона. Если, скажем, люди будущего говорят о чем-то, значит, темы их разговоров должны быть, помимо прочего, еще и достаточно правдоподобными с точки зрения сегодняшнего человека. А раз так, тогда нужно, грубо говоря, придумать — о чем они могут говорить... Ну о чем они могут говорить?.. Они, конечно, интересуются проблемами собственного будущего. Какое же может быть «собственное будущее» у них? Вот, например, теория вертикального прогресса. Мы развиваем ее уже в нескольких наших произведениях, но она при этом — я подчеркиваю — не служит самоцелью. Для нас это только одно из средств

придания достоверности описываемому миру.

— *Все это, наверное, правда, но ведь все ваши книги последних лет не только и не столько собственно о будущем, сколько о том, как можно распознать наступающее будущее уже сегодня...*

— Здесь следовало бы сказать примерно следующее. Пишем мы всегда о настоящем, но при этом всегда в уме держим будущее. Для нас настоящее не существует отдельно от будущего как нечто самостоятельное. Оно всегда — только ступенька к будущему. И когда мы пишем о настоящем, сравнивая его с будущим, мы, безусловно, ищем ростки отсюда — туда. <...>

— *Иными словами, герой братьев Стругацких — это всегда человек в момент выбора. И выбор этот он вынужден делать, находясь под непрерывным давлением не только внешних обстоятельств, но еще и будущего?*

— Да, пожалуй...

— *Но давление такого будущего чувствует в той или иной мере каждый из нас. Насколько оно, с вашей точки зрения, позитивно?*

— Давайте сначала установим, откуда берется это давление. Что это такое: давление будущего... Дело здесь в том, что человеческая психика устроена таким образом, что она не признает бес-

цельности существования разумного существа. Не забывайте, что каждый из нас на протяжении всей нашей жизни так или иначе обсуждает вопрос ее смысла. Мы начинаем впервые обращать на это внимание в студенческие, даже в школьные годы и уже не успокаиваемся до конца своих дней.

В чем смысл жизни? Зачем мы живем?

Мы вырастаем, мы умнеем, мы начинаем понимать, в конце концов... Сейчас я, например, совершенно отчетливо понимаю, что вопрос — в чем смысл жизни? — совершенно бессмыслен. Это вопрос, поставленный некорректно, — сказали бы в таком случае физики или математики. Он звучит как будто бы разумно, но на самом деле это не так. Далеко не всякий вопрос имеет смысл. Например, вопрос — почему у привидений ногти синего цвета? — по всем правилам грамматики вроде бы поставлен правильно, но смысла он не имеет, потому что привидений нет. Можно задать миллионы таких вопросов, и один из них — как раз о смысле жизни. У человека нет смысла жизни. И не может быть. Человек — это явление природы, он произошел помимо своей воли, возник из клетки, живет. Вне человека смысла его существования нет. Другое дело, что

каждый человек, каждая личность может придать своему существованию смысл. Это — другое дело. Я могу объявить, что смысл моей жизни... ну, я не знаю там... решить теорему Ферма. Это мое личное дело.

Я могу так поставить вопрос. А другой человек скажет, что смысл его жизни — выпить двести тысяч бутылок водки. Он будет всю жизнь стремиться к этому. То есть каждый человек может придумать себе смысл, но нет Бога, который бы сказал: смысл твоей жизни в том-то и том-то... А психика человеческая отталкивается от этого обстоятельства. Человеку всегда кажется: ну как же так: я — мыслю! Я — существую! Я — испытываю чувства! Я — мыслящее существо, я разумен, наконец! Не может быть, чтобы я появился просто так! Возник, просуществовал какой-то микроквант времени и исчез навсегда совершенно бессмысленно... Не может быть, чтобы так было!..

Вот из таких или приблизительно таких мыслей и воплей, по существу, и складывается представление, даже уверенность в том, что человеческая жизнь имеет смысл. Тем более, когда додумаешься, хочется понять, что есть смысл человечества. Ладно, готов человек осознать, что такое в конечном счете один человек? Отдельная

мошка. Но человечество — это грандиознейшее явление природы?! Неужели и оно не имеет смысла, как не имеет смысла... Ну, я не знаю... Тихий океан?!

В какой-то момент возник Всемирный океан. Какой смысл океана? А хрен его знает. Возник Кавказский хребет. Какой смысл Кавказского хребта? Неизвестно. Возникло человечество. В чем смысл человечества?.. Можем ли мы задавать такой вопрос? В общем, ясно, конечно, что не можем. Нет смысла... То есть, повторюсь с невольным каламбуром: нет смысла в том смысле, что нет некоего сверхсущества, которое могло бы сказать нам: «Вот я вижу, куда идете вы... Вы возникли для того, чтобы через полтора миллиарда лет произошло то-то и то-то... Если бы вы не возникли, этого бы не произошло. Значит, ваш смысл как бы в том, что произойдет это событие».

Такого высшего существа нет. Догадаться, зачем возникло человечество, нельзя. И, следовательно, само понятие смысла жизни, смысла существования как бы тоже становится бессмысленным. Но... Как я уже сказал выше, никакому отдельному человеку, отдельной личности не зазорно придумать смысл жизни для себя лично. Точно так же, как никому не зазорно представить

себе аналогичный смысл для всего человечества. Никогда не удастся обосновать корректность постановки этого вопроса...

— *Но и опровергнуть...*

— Но и опровергнуть, действительно... Так вот, если вообще можно говорить о смысле существования, то он, конечно, заключается в том, чтобы строить будущее. Определенное будущее. Отсюда как раз, из презумпции этого смысла, проистекают все бесконечные утопии, которые создавались на протяжении истории человечества. Это, по сути, попытки человечества построить для себя ту цель, к которой имеет смысл идти. Потому что идти просто так представляется... обидным!

Огромное количество мыслящих существ прет куда-то, непонятно куда, неизвестно зачем... Как стадо баранов... Дико как-то. Обидно! Вот и приходится говорить себе: давайте построим облик того будущего, к которому могли бы идти. Так у нас появится цель. Дальняя. Только не все ее видят. Вот одна из задач писателя состоит в том, чтобы определенное будущее сделать целью движения человечества. Хотя бы на короткий промежуток времени. Но это должно быть непременно светлое будущее. Только в этом смысле то, что вы назвали давлением будущего на человека,

будет позитивным.

— И формы такого будущего определяются настоящим?

— Безусловно.

— Иными словами, для того, чтобы сделать верный выбор, мы должны внимательно всматриваться в окружающую действительность, пробуя различить в ней те самые «щупальца будущего», которые вот уже на протяжении двух десятилетий путешествуют из одной повести братьев Стругацких в другую?

— Можно и так истолковать... Хотя, опять же, при этом каждый человек должен понимать, что то будущее, которое наступит, обязательно будет отличаться от того, к которому мы стремимся. Это неизбежно. И когда, скажем, Белинский писал в 1842 году — цитирую по памяти: «Завидую внукам и правнукам нашим, которым суждено увидеть Россию через сто лет...» — вряд ли он бы обрадовался, если бы его вдруг перенесло в 1942 год, куда-нибудь под Сталинград...

<...>

4 ноября публикуется информация о пресс-конференции БНа в ленинградском Доме писателя.

Из: Смирнов Л. Встреча в Красной гостиной

<...>

Недавно в Красной гостиной Дома писателя состоялась пресс-конференция крупнейшего советского писателя-фантаста Бориса Натановича Стругацкого для ленинградских писателей в рамках секции фантастической и приключенческой литературы ЛО СП СССР. В течение двух часов писатель отвечал на многочисленные вопросы аудитории.

Разговор шел о судьбе таких произведений, как «Хромая судьба» и «Град обреченный», напечатанных в позапрошлом и нынешнем году в журнале «Нева».

<...>

Демократический процесс, происходящий в нашей стране, позволил в этом году увидеть свет роману «Град обреченный». У Стругацких впервые не осталось ни одного произведения, ожидающего публикации.

Особый интерес вызвал вопрос о существовании 80 неопубликованных работ братьев Стругацких. Писатель ответил, что ему действительно известно о существовании примерно такого количества подделок «под Стругацких».

В размноженном виде они продавались на «черном» рынке. Пик их фабрикации пришелся на начало 70-х годов, когда книги Стругацких практически перестали издаваться. Реакция чиновников на произведения, обличающие пороки бюрократии и преступления культа личности (повести «Улитка на склоне», «Сказка о Тройке», «Гадкие лебеди»), была однозначной — запретить. Одновременно в печати прокатилась волна злой и некомпетентной критики.

<...>

В ходе встречи речь зашла и о романе «Отягощенные злом, или Сорок лет спустя» (журнал «Юность», № 6, 7 за 1988 год), включающем два разных сюжета. Оказывается, существовала договоренность с известными писателями братьями Вайнерами о совместном написании фантастического детектива. Стругацкие принялись за дело. Так возникла история человека, скупающего людские души. Поскольку чрезмерная занятость Вайнеров не позволила им принять участие в работе, Стругацкие стали самостоятельно развивать этот сюжет.

После апрельского (1985 года) Пленума ЦК партии, положившего начало перестройке, у писателей родилась идея описать события, про-

исходящие в начале XXI века в одном из провинциальных городов России. Б. Стругацкий сказал, что еще пять лет назад видел четкую (и предельно мрачную) перспективу развития нашей страны, а сегодня будущее впервые стало многовариантным. Писатель смотрит на перестройку с большой надеждой. Стругацкие захотели описать наше, еще совсем туманное, близкое будущее. А потом эти две линии переплелись, и на свет появилось новое интересное произведение. Очень рекомендую вам прочесть его.

9 ноября киностудия «Беларусьфильм» заключает договор с Авторами об уступке права на экранизацию ОЗ. Замысел киностудии, к сожалению, не осуществился.

23 ноября заключается договор с томским издательством на сборник «Волны гасят ветер».

26 ноября Свердловская киностудия направляет Авторам заключение по первому варианту сценария УНС.

Из архива. Заключение по первому варианту сценария УНС

Сценарно-редакционная коллегия, рассмотрев представленный вариант литературного сцена-

рия «Улитка на склоне», принимает его в качестве первого варианта. Тема эта, представляющая для студии исключительный интерес, поставлена в план выпуска 1991 года. При работе над вторым вариантом коллегия рекомендует:

1) Сократить объем сценария до 1 серии, избавившись по возможности от литературности изложения.

2) Более четко выявить отношения Переца и Алевтины, как это сделано в литературном первоисточнике.

Студия обязуется в ближайшее время найти режиссера, который мог бы подключиться к работе над вторым вариантом.

Срок подготовки второго варианта — 30 мая 1989 г.

Главный редактор сценарно-редакционной коллегии Л. П. Толстой.

Редактор Ю. А. Спасский

В самом начале декабря АБС встречаются в Москве — они обсуждают сюжет пьесы ЖГП.

Рабочий дневник АБС

[Записи между встречами]

Квинт Септимий Тертуллиан

— Буду через 20 минут...
— 20 минут промелькнули как один час.

Хорошо бы написать статью «Поговорим о будущем» (см<отри> мой дневник).

Откуда преклонение, жажда преклонения перед Сталиным?
Это — жажда преклонения перед великой личностью.
Зачем? А затем, что великая личность дарит нам иллюзию, что можно управлять ходом истории, что за время одной человеческой жизни можно сделать мир таким, каким хочется.
На самом деле великие люди не управляют историей, они просто ломают человеческие жизни. Большего им не дано. До тех пор, пока не научатся менять природу человека.

Доброволец по испытанию каких-то военных средств. Что-то с ним случилось в результате. И начинается на него охота. И всесилье мафии.

Поправки в ОЗ

1). Вставить абзац, явно намекающий на тождество Демиурга и И<исуса> Х<риста> (в последнюю речь Агасфера).

2). Объяснить, что Манохин пользуется богатой справочной библиотекой Приемной.

3). Выбросить «с неописуемым простодушием Прохор...»

4). Выбросить упоминание, что это 2033 год — просто «начало тридцатых».

Аль-Кутейба — X век. Почему он рассказывает о закопании Прохора? Ибн-Куттаба.

У Мудджаха была дочь. (На ней женился Халид.)

20.11.88. Тройке поручено решать межнациональные отношения методом моделирования в НИИЧАВО, Китежграде и окрестностях.

Пренебрежение предложением ученых. Главное — чтобы Тройка ничего не теряла — фунд<аментальное> условие. Поэтому все модели ведут к чуши.

— Гласность! — произнес Л<авр> Ф<едотович>, и все замолчали и выкатили на него зенки преданно и восторженно.

— Демократизация! — провозгласил он с напором, и все встали руки по швам и выразили

на лицах решимость пасть смертью храбрых по первому требованию председателя.

— Перестройка! — проговорил Л<авр> Ф<едотович> и поднялся сам.

Тишина была такая, словно...

Мучительные и опасные поиски бюрократа. Нет таких. Кругом — только жертвы бюрократизма.

1.12.88

Б. прибыл в Мск обсуждать ситуацию.

Пьеса: «Веселенькие беседы при свечах».

2.12.88

1). Попытка найти тот поворот истории, где можно было сойти с пройденной дороги.

2). Отказ молодежи работать из идейных соображений. Надо не обществу служить, а ловить *кайф*.

3). Армия — прежде и теперь. Парадокс: студенты и чернозадые. Чтобы поддерживать армию на уровне, приходится снижать интеллектуальный потенциал.

4). Национальный вопрос.

5). Какое будущее мы, собственно, хотим. Человек из будущего, который меняется в зависимости от поворота разговора.

Все начинается так:

1). Телевизор — детектив.

2). Выключ<ается> свет.

3). Разговоры о неуютности жизни.

«В Англии овцы съели людей50, а в Ср<едней> Азии хлопок съел людей». Попытка социализма создать первонач<альное> накопление (за счет крестьянства). Социалистический феодализм.

Театральный бонвиван — провозглашает время от времени, нарочито помпезно и театрально, те идеи, кот<орые> мы хотим выразить: «Это было время, когда люди с коротенькими мыслями…»51 и т. д.

3.12.88

Б. уезжает.

5 декабря Борис Штерн продолжает информировать БНа о ситуации с молодыми писателями и ВТО МПФ.

Из архива. Из письма БНу от Б. Штерна

<...>

В Дубултах был забавный семинар. Малеевские сливки съехались. ВТО ругали, «Румбы» ругали. Попытались было осуществить идею ассоциации фантастов (то, о чем говорили вы еще в Репино в прошлом году), но дело как-то не пошло. Идея хороша, но конкретно не очень понятна. Статус, декларация, состав, организация — все неясно, размыто. Из ВТОшных тузов (Пищенко, Суркис, Силецкий — хотя какие они тузы!) никого не было.

<...>

Позднее в новогодней поздравительной открытке Борис Штерн еще раз оценивает последний семинар.

Из архива. Из письма БНу от Б. Штерна

<...>

О последних Дубултах впечатление двойственное. Наверно, из всех семинаров этот был самый интересный, но и самый легкомысленный. Новичков не было, все друг друга знали, и общение в

нумерах было качественное; а вот официальные обсуждения — не ходили, не читали, манкировали... Может, так и нужно.

Насчет ассоциации фантастов дело не пошло. Было, кажется, три собрания — два в нумерах, одно в зале, официальное. Но застряли на статусе. Решили, что ассоциация нужна, а вот что она будет делать — это никому не известно. Правильно замечено, что добрые люди не умеют объединяться.

<...>

Продолжает БН участвовать и в общественной жизни. 7 декабря на севере Армении произошло разрушительное землетрясение, были большие жертвы. В архиве сохранился черновик письма от 10.12.88 главному редактору центрального телевидения, составленного БНом и подписанного группой ленинградских писателей.

Из архива. Черновик письма БНа на ЦТ

Дорогие товарищи!

Обращаюсь к вам с просьбой и предложением не только от себя, но и от тех жителей Армении, с которыми поддерживаю постоянную связь.

Нам кажется, было бы в высшей степени умест-

но и своевременно именно сейчас организовать цикл передач центрального телевидения, посвященных истории, культуре, народу Армении. Это могут быть киноленты о природе, или архитектуре, или старинных обычаях этой страны, фильмы типа Параджанова «Цвет граната», концерты армянских артистов, выступления армянских писателей и поэтов.

Крайне желательно выпускать эти передачи в эфир вечером, когда вся страна собирается у телевизоров. Это послужило бы значительной моральной поддержкой всему народу Армении, подняло бы его дух, убедило бы лишний раз, что мы все помним о нем, гордимся им, верим в него.

И конечно, такой цикл надо организовывать не откладывая, буквально завтра, пока раны еще свежи и бывает особенно мучительно, пока мертвые еще не похоронены, а живые подавлены и отчаялись.

На письме пометка: «Отправлено по телефону 10.12.88, вечером (ок. 18 ч.)». И перечислены подписавшие: Гордин, Катерли, Конецкий, Никольский, Стругацкий, Чулаки.

В конце года АБС вновь встречаются.

Рабочий дневник АБС

[Записи между встречами]

Наркоманы не подают на больницу.

Не людей надо сейчас менять, а условия их деятельности. Создавать условия, когда невыгодно быть лентяем, подлецом, бюрократом, трусом, вором.

«Если б все работали честно и хорошо...»

Если б гимназисточки по воздуху летали, все бы гимназисты летчиками стали52.

«Разговорчики при свечах». Действие происходит спустя лет 10. Полный развал, все вырубается одно за другим, тихий разгул органов, абсурд кромешный.

21.12.88

Б. прибыл в Мск.

1). Островки кап<итали>зма в нархозе. Пусть райкомы выбивают зубы не колхозникам, а агропрому, если тот вмешивается в дела «особого сектора».

2). Национальный вопрос. (Друг сына — негр-

русский.)

3). О границах демокр<атических> свобод. Слово и дело.

22.12.88

Арк болеет простудой.

23.12.88

То же.

1). Если бы гос<ударст>во было человеком: лживый, подловатый, абс<олютно> лишенный благородства, беспощадный к слабому и трусливый перед сильным...

Был Юрочка53, выпивали и трепались до 3.30.

«Вино на 19 оборотов».

24.12.88

Б. уезжает.

30 декабря в «Книжном обозрении» публикуются ответы ряда писателей на анкету газеты. На вопрос «Каким трем писателям он присудил бы премию своего имени» Давид Самойлов ответил так.

Из: Самойлов Д. [Ответ на анкету]

<...>

Премию я дал бы братьям Стругацким, если бы у них был третий брат. Еще есть один вариант: премию дать тем трем писателям, которые больше всего этого хотят. Но как это установить? Нет, уж лучше братьям Стругацким.

<...>

1988 год — пока не богат на книги АБС, вышел лишь авторский сборник «Повести» (ЗМЛДКС, ПНО, ДР) в «Лениздате» да ЭВП в «Московском рабочем», но заключено немало договоров на книги — в центральных издательствах, в периферийных, в иностранных.

БН об этом периоде вспоминал так.

Из: БНС. Я продолжаю пилить бревно двуручной пилой. Но уже в одиночку...

<...>

— Ваши книги издаются до сих пор и большими тиражами, и гонорары сейчас вроде бы не такие нищенские, как были когда-то, но, извините меня, ваша квартира не похожа на дворец, да и вы

как-то не производите впечатление богатого человека.

— А я и в самом деле небогатый человек. Мы никогда не были богатыми. Очень смешно было слышать от знакомых, что Стругацкие, оказывается, миллионеры. Помню, где-то в середине 1975 года у меня произошел замечательный разговор с одним знакомым писателем, который с самым серьезным видом перечислял наши издания в СССР и на Западе и убеждал меня в том, что мы просто обязаны быть миллионерами. А у меня как раз тогда на сберкнижке было ровно сто рублей. И ни одного подписанного договора. И никакого договора в перспективе. И как жить дальше — было совершенно непонятно. Аркадий вынужден был тогда вернуться на службу, редактором, я продал коллекцию марок, чтобы хоть как-то продержаться, но общественное мнение всегда было безапелляционно: Стругацкие миллионеры... Между прочим, мы действительно были богаты — один год за всю нашу жизнь. Это было то ли в 87-м, то ли в 88-м году. Тогда нас принялись активно издавать (в 1987 году у нас вышло больше книг, чем за предыдущие 15 лет), а деньги тогда еще чего-то стоили, т. е. открытая инфляция еще не началась. И я вдруг обнаружил, что у меня на

книжке 100 с лишним тысяч рублей. Сумасшедшие по тем временам деньги! Я, помню, позвонил Аркадию и спрашиваю: слушай, что у тебя на книжке? А он мне отвечает: да, действительно, черт знает что делается, даже страшно. А потом началась инфляция и все это богатство быстро превратилось в ничто.

<...>

Три публикации у Авторов в этом году в сборниках: ВГВ в «НФ. Сборник научной фантастики. Вып. 32», ПНВС в кишиневском сборнике «В круге света», ПЛЭ в московском сборнике «Современная фантастика». И много — в журналах: ЗМЛДКС — «Человек и природа», ГО — «Знание — сила» (отрывок) и «Нева» (первая книга), УНС — журнал «Смена», ОЗ — «Советская библиография» (отрывок) и «Юность», ГЛ под названием «Время дождя» — «Природа и человек», СОТ — «Социалистический труд»...

Авторы удостоены очередной награды от любителей фантастики. Омский КЛФ «Алькор» по итогам междугородного анкетирования (лучшие произведения, опубликованные в 1986 году) объявил, что по разделу «большая форма (роман, повесть)» лауреатами стали АБС за повесть ВГВ.

1989

14 января в областной молодежной газете Ростова-на-Дону публикуется интервью Анны Тетельман с АНом.

Из: АНС: «Мы не знаем вещей, ради которых следует отказаться от фантастики»

<...>

— А над чем вы сейчас работаете?

— Мы сейчас, как и многие писатели, настолько поражены тем, что делается в нашей стране, особенно после голодного пайка недавнего времени... Могу провести аналогию: когда меня вывезли из блокадного Ленинграда, я начал дико... скажем, кушать — и заработал себе кровавый понос. Нет, поймите правильно — я не разделяю мнения тех, кто считает — поговорили о Сталине, и хватит. Но сейчас время публицистов — они на коне. Нам же публицистика противопоказана, мы не умеем абстрактно мыслить в терминах морали, политики, экономики... Нам подавай конкретный художественный образ.

Но могу сказать, что неделю назад состоялась

историческая встреча с Борисом Натановичем. Подчеркиваю — историческая. Была предпринята попытка со скрежетом повернуться к сегодняшнему дню. Мы собираемся написать пьесу. Называться она будет, по-видимому, «Веселые беседы при свечах». Действия в ней не будет никакого, одни сплошные разговоры.

— *Но фантастика-то в ней будет? У нас в клубе популярна ваша фраза из какого-то интервью: «Мы не знаем вещей, ради которых стоит отказаться от фантастики».*

— Конечно, будет! Неизбежное столкновение времен, призраки из прошлого и будущего... Возвращаюсь к вашему вопросу — почему-то главное внимание нам сейчас приходится уделять фильмам. На нас «упали» кинематографисты... Но это — «отработанный пар», не имеющий отношения к литературе.

— *Раз уж речь зашла о кинематографии: что вы думаете о фильме Сокурова «Дни затмения» по вашей повести «За миллиард лет до конца света»?*

— К сожалению, фильма я еще не смотрел. Сокуров показал страшную жизнь нашего провинциального города... Фильм классический, но нам не нравится, что этот фильм — опять не Стру-

гацких. Либо получается классический фильм, не имеющий отношения к литературному источнику, как у Тарковского, либо чистой воды иллюстрация...

— *Как в фильме «Отель „У погибшего альпиниста“»?*

— Да, пожалуй... Но имеется еще один вариант — прекрасный фильм на основе слабой книги. Литературный примитивизм, наверное, очень хорошо укладывается в киноизображение.

— *А западная кинофантастика? Конечно, я говорю о видео в основном.*

— Нам очень понравился фильм «Нечто».

— *По Кэмпбеллу?*

— Да, правильнее было бы перевести название как «Эта штука». И еще один. Там идет экспансия цивилизаций, земной и инопланетной, космический бой, сбивают корабль над планетой...

— *Наверное, «Враг мой» — по Лонгиеру? Кстати, эту повесть любители фантастики назвали лучшим переводным произведением 1986 года — по результатам голосования, проведенного омским КЛФ «Алькор».*

— Да, да, но, по-моему, фильм сильнее книги. Еще вспоминается японский фильм «Провал во времени». И прекрасный фильм для детишек

— «Звездные войны». Непонятно, почему его у нас не показывают?

— Почему же, в видеотеке нашего объединения «Досуг», например, мы его спокойно посмотрели. Кажется, он все-таки попал в список разрешенных к показу...

— Не знал. А вот «Одиссеей 2010 года» по Кларку я был сильно разочарован. Первый фильм был еще туда-сюда — показ, так сказать, возможностей техники. А второй откровенно слаб.

— Кстати, о технике. Не хотели бы вы использовать ее в писательском труде — скажем, печатать, как А. Кларк, сразу на компьютере?

— Нетушки, нетушки! Вот у В. Охотникова (писателя в целом весьма слабого) есть один неплохой рассказ: технарь, решивший стать писателем, изобретает все более сложные агрегаты для этого. В конце концов он вспоминает, что Пушкин писал гусиным пером... Западногерманский режиссер Петер Фляйшман предлагал нам редактирующую машинку. Не хотим мы машинок, напишем и отредактируем все сами! Лишь бы редактор потом не трогал...

— Конечно, сами... А чье-то чужое произведение вам никогда не хотелось написать? Вот Ст. Лем считает, что ваш «Пикник на обочине» должен

был бы написать он...

— Э-э... М-м-м. Я как-то не совсем готов к этому вопросу...

— *Хочется ведь задать нестандартный вопрос!*

— Ну вот, пожалуй... Мы посмотрели американский видеофильм «Зомби». Идея в том, что ад переполнился грешниками и больше не принимает мертвых. Безмозглые мертвецы пошли по земле с одной страстью — добраться до живых и сожрать. Сама идея о переполненности ада грешниками — такую повесть, сценарий нам было бы интересно написать.

— *Аркадий Натанович, в свое время я делала в клубе доклад «Взаимоотношения полов в фантастике». Один из разделов назывался «Женщина — друг человека». Вот в ваших произведениях женщина выступает исключительно в этой ипостаси, а самостоятельного значения не имеет. Обидно...*

— Честный писатель должен писать о том, что он знает. А женщины для меня как были, так и остаются самыми таинственными существами в мире, хотя женат не один десяток лет. Они знают что-то, чего не знаем мы. И повторяю, что сказал Л. Н. Толстой: «Все можно выдумать, кроме

психологии». А психологию женщин мы можем только выдумывать. <...>

В январском номере «Уральского следопыта» публикуется большое, знаковое, «перестроечное» интервью АНа журналистам Николаю Белозерову и Сергею Молодцову.

Из: АНС: «За державу обидно...»

<...>

— *Аркадий Натанович, как вы относитесь к гласности?*

— Наверное, как все. Привыкаю, учусь. Нравится учиться, интересный предмет. Сегодня мы — и большинство граждан, и общество в целом — наконец-то двинулись расти до понимания и принятия глубоко диалектичного и конструктивного (да-да, и нигилизмом здесь не пахнет!) любимого Марксом девиза: «Подвергай все сомнению». Мог ли кто представить себе еще год назад, что отменят экзамены по истории в десятом классе! Учебники не годятся. Идет переоценка истории. И нечего здесь зря опасаться: чистое и ценное богатство прошлого не потускнеет, а шлак и накипь отстанут.

— *Какие могут быть, по-вашему, гарантии*

необратимости перестройки?

— Я таких гарантий не знаю. Ни-ка-ких гарантий не знаю. Потому что эволюция, точнее — деградация хрущевского прообраза «перестройки» сделала лично меня пессимистом. Произошло все очень просто и, увы, неуклонно: бюрократизация именно тех самых верхов, которые и были поначалу заинтересованы по тем или иным причинам в возрождении экономическом, культурном, начала набирать обороты уже тогда... Причем в культурном, литературном деле процессы разложения происходили быстрее, чем в экономике, потому что это легче.

Ну, а потом что получилось? Руководителями тогда были люди доброжелательные. О самом Никите Сергеевиче можно много доброго сказать: развенчание культа личности, жилищное строительство — ведь впервые с двадцатых годов люди вылезли из подвалов и бараков и начали, пусть и в «хрущобах», но все-таки жить как люди...

А затем у Хрущева появились всевозможные услужливые советчики, и началось все по-старому. Возомнил, полез на пьедестал, решил, что его мнение (а на самом деле часто мнение его советчиков) — единственно правильное... И начал лупить всех по очереди. Сначала уязвил

творческую интеллигенцию, и опять вылезли попрятавшиеся было «лозунгисты». Затем умудрился запутать партийный аппарат, разделив на сельский и промышленный. Не додумался Никита Сергеевич, что обкомы не должны заниматься конкретным руководством народным хозяйством, что они должны осуществлять общеполитическое, а не обще-общее руководство — получилось двоевластие и разнобой. Затем умудрился обидеть военных, отменив высшему и среднему комсоставу высокие пенсии... Все это накапливалось одно к другому, и в итоге сослужило ему же самому соответствующую службу. Никиту Сергеевича сняли, и своевременно сняли. Но сняли как? Кулуарно, втихую. Переворот произошел внутри партэлиты, как будто и не народова ума это дело... Так и дальше пошло: народ — тут, верхи — там, связь через резолюции, указы да парадные съезды. Это уже не история — скорее, дворцовая хроника. Поставили «нашего дорогого» Леонида Ильича; Брежнев того «подкормил», тому дал Героя, то-се, пятое-десятое — глядишь, и армия за него, и КГБ в надежных руках. Словом, построил вокруг себя крепостную стену, лег и задремал... А от его имени отдавались приказы, один разрушительнее другого, возоб-

новилось разложение в культуре, в педагогике, пошел ускоряться распад экономики. Ну, дальше вы помните.

— *...И вот настал день сегодняшний.*

— И перестройка началась, надо сказать, сразу глубже, на новом витке. Главным образом, мне кажется, потому, что сегодня шире социальная опора — и реформ, и реформаторов. Хотя дело идет, конечно, очень трудно. Это же борьба, а значит, будут и победные реляции, и отступления, и грязь, и жертвы.

Первая атака перестройки удалась: это когда авангард нашел проходы и прорвал кольцо инерционного, сидевшего в глухой обороне политического мышления масс. Я, например, апрельского Пленума не понял поначалу, — не понял всего его значения и всего масштаба того, что произошло на XXVII партсъезде. Настолько мы привыкли в газетах вату жевать, что этот крик души Горбачева просто не дошел до меня. Я ведь читал его сначала по-брежневски, так сказать. Наши вожди в свое время повадились писать чудовищным размером, да и язык-то был — помните: «Наряду с имеющимися недостатками имеются...» Та-ак, про кого здесь? А, про рабочего... ага... это все еще про рабочего... А вот:

«В педагогике мы имеем не совсем отрадную картину...» Ну, это я и без тебя знаю... И только потом, когда вчитался — да ведь сквозь старые слова пробивается такое новое, честное, откровенное, горькое содержание!.. — понял, что пахнет боем.

— *А какие из боев в этой борьбе оказались не в нашу пользу?*

— Что получилось с Ельциным, честно говоря, не знаю. Из выступления Лигачева, кроме непарламентских выражений, ничего не усвоил. Видимо, дело в том, что Ельцин кажется мне человеком горячим и страстным, он еще более Горбачев, чем сам Михаил Сергеевич... После Гришина в Москве осталась широко разветвленная сеть номенклатурщиков... И Ельцин решил как можно скорее их разогнать. Они же сумели консолидироваться, нашли методы борьбы, предприняли мощное контрнаступление... Видимо, и Ельцин дал им в руки кое-какие факты. Во всяком случае, все происшедшее с Ельциным я никак не могу отнести к достижениям на кадровом фронте перестройки.

Всем известное письмо Н. Андреевой — это контратака на другом фронте, на идеологическом. В чем смысл ее? Смысл совершенно очевиден: показать всем, всему народу, что, дескать, то, что

говорит Горбачев, — это еще бабушка надвое сказала. Увы, многие этого не поняли. Вот я член двух творческих союзов. Союз писателей выступил на стороне Андреевой как организация, — значит и от моего имени тоже. А первая творческая организация, которая выступила с протестом, был Союз кинематографистов. Так на чьей я стороне?! Наверное, нечего выступать «от имени». Пусть люди, коли захотят, сами воспользуются своим именем.

<...>

— *Аркадий Натанович, как на ваш взгляд, появилось ли новое поколение — «перестроечное»?*

— Вы рассуждаете как-то странно, как тот школьник о палеонтологии: «Да, вот жили позавчера динозавры, да померли вчера... А как человек появился? Сидела шимпанзе в клетке в зоосаду, пришел срок — елки-палки, у шимпанзе уже вся шерсть вылезла, обезьяна газету подобрала и читает...»

Слушайте, три с половиной года прошло всего, и каких три года! Да плюс влияния разные: семья — раз, школа, чаще всего отвратительная — два, улица со своими подростковыми законами зла и справедливости по отношению друг к другу... И вы хотите, чтобы та борьба, которая идет между

бюрократами и истинными коммунистами, которая идет над головами взрослых людей, — чтобы она успела проникнуть в сознание молодежи?! Инерция, социальная инерция будет продолжаться еще десятки лет, не надейтесь на скорые результаты. Единственное отличие молодежи — в ее среде нет бюрократии. Но структура похожа: есть ребята с чистыми, светлыми идеями, пусть порой наивными; есть всякие «паханы» и поклоняющиеся им, скрепленные улично-уголовной романтикой; и есть огромная масса равнодушных, которым вообще на все наплевать. И задача в том, чтобы перетянуть эти «две трети», образно говоря, к Крапивину. Как это сделать? Мировая педагогика две тысячи лет думает и не додумалась, а вы хотите, чтобы в три с половиной года все было додумано!..

— Вот еще вопрос, из серии ранее немыслимых, а сегодня поднимаемый и в партийной печати. Вопрос о кризисе доверия к...

— К партии? На мой взгляд, довольно естественная вещь, поскольку и было, и есть у нас много не коммунистов, а числящихся в партии. И в самых различных перипетиях, в больших, глобальных и в будничных, они показали себя именно числящимися, а не истинными партий-

цами, верными идеям коммунизма. Членство в партии для одних стало источником привилегий, другим гарантировало, так сказать, прибавку общественного веса, третьим служило политическим щитом, четвертым — мечом, а пятым и шестым давало больше прав в использовании даже элементарных гражданских прав. А люди-то видят членов партии при всех обстоятельствах, как голенькими... И будет совершенно в духе времени рассматривать мнение народа как стрелку компаса, тогда и путь будет без таких долгих петляний с жестокими потерями.

— Как вы думаете, может ли у нас в стране быть несколько марксистско-ленинских партий? Если вспомнить историю, при едином методологическом подходе, единой стратегии лидеры большевиков существенно различались во взглядах на тактику революции и Советской власти...

— Нет. Давайте не будем заниматься маниловщиной. В реальных конкретных условиях, с нашим историческим багажом и нашими демократическими рефлексами этого, на мой взгляд, быть не может. Изобретать велосипед не возбраняется, но лучше отремонтировать старый. Мое мнение: сегодня и далее должна быть руководящая роль истинно коммунистической

партии — сосредоточенной главным образом на вопросах воспитания, образования, науки и здравоохранения. Плюс — хозрасчетная, основанная на сметке и предприимчивости экономика, плюс классическая, веками испытанная (жаль, не у нас) демократия, плюс широчайший спектр мнений и взглядов... Как видите, путь вперед на уровне программных лозунгов мы все выучили. Весь вопрос в том, когда и как это случится? А тогда, когда под демократией мы научимся понимать не сумму голосов, а неисчерпаемую по богатству совокупность личностей. Без учета мнений даже одной из них наш общий взгляд на мир станет беднее. Есть у одного прибалтийского поэта прекрасная мысль: «Чем талантливей мы порознь — тем гениальней сообща». <...>

— Аркадий Натанович, теперь все-таки немного о фантастике. Согласитесь, что если кто и двинул перестройку мощно вперед — так это публицистика. Хотя можно сказать и наоборот: перестройка двинула вперед публицистику. Во всяком случае, во многом способствовало делу и активное включение писателей-мастеров. Если посмотреть по именам: Бакланов, Распутин, Астафьев, Залыгин и другие — это все писатели-реалисты. Выступлений писателей-фантастов

мало, да и они как-то все больше — о проблемах узкоцеховых. Показательны, на наш взгляд, и дискуссии читателей и писателей на свердловской «Аэлите»-88: все те же круги своя — тиражи, противные дяди-редакторы, «мои творческие планы» и т. д. Мы же всегда гордились: фантастика — самая впередсмотрящая литература. А наступили те самые «завтрашние пределы» — где фантасты?.. Почему фантастика сегодня робче реалистики?

— Гм... Внешне дело обстоит именно так, но давайте посмотрим на причины.

Да, Бакланов, Лакшин, Залыгин, Карякин, Астафьев, Битов и другие замечательно выступают, что и говорить... А вам никогда не приходило в голову, что они выступают потому, что им есть где выступать? А фантастике выступать *негде*. К фантастам *никто* не обращается. Из всех статей, заметок, прочих эпистолярных обращений в газеты и журналы, авторами которых являются писатели-фантасты, на страницы просачиваются лишь единицы. И только по поводу собственно жанра, что вы и заметили.

Прежде всего это обусловлено, во-первых, тем обстоятельством, что упомянутые корифеи располагают информацией. Я не знаю, каким образом

это достигается. Я, скажем, не знаю, каким образом Залыгин смог ворваться в тылы злосчастных министерств — Минэнерго, Минводхоза и иже с ними. Другие авторы очень хорошо знакомы с истинным положением дел в агросекторе, третьи остро чувствуют или не прерывают связь с простыми людьми. Фантасты же «ан масс» являются по происхождению интеллигенцией из научно-исследовательских институтов, лабораторий и т. д., где они имели возможность видеть, в лучшем случае, что собой представляет советская наука.

Далее. Бюрократия вообще умеет хранить свои тайны. И нужно счастливое стечение обстоятельств, с одной стороны, и с другой стороны — очень большая пробивная сила, большой творческий авторитет, чтобы пробить ее каменные заборы. И тут вторая закавыка, которая имеет масштабы и последствия для нашего жанра трагические. Как бы ни были остры противоречия, которые раздирают сегодня традиционную литературу (а в ней, как всегда во времена революций, имеются крайне левое крыло, крайне правое и все остальное, то есть масса, которая заботится только о том, чтобы издаться), все-таки для власть имущих, в том числе и для тех, кто

олицетворяет для нас перестройку, даже для прогрессивных партийных и хозяйственных руководителей фантастика как жанр по-прежнему ничто, фантастика — забава, писатель-фантаст «ничего умного» сказать не может. «Фантаст» — и сразу начинается хихиканье: «Да-а, он тут нафантазировал у нас...» Писателю Залыгину так не скажут.

И не в обиду лидерам перестройки это будет сказано, но к нашей общей досаде. Потому что отношение к фантастике у нас в стране традиционно еще со сталинских времен, и оно совершенно не изменилось. Фантастика просто не имела возможности полноценно проявить себя. А вот так называемые писатели-«деревенщики» начали проявлять себя еще в самые глубокие годы застоя. Они уже тогда выходили, могли пробиться, потому что тайно или явно, но находили себе поддержку доброжелателей, «спонсоров» даже в среде той бюрократии, которая влияла на средства массовой информации и, обладая каким-то минимумом гражданской совести, не могла не видеть и стыдилась за то, что вокруг происходит; порой рискуя и своим положением (самое главное для номенклатуры), все-таки давала возможность для таких выступлений.

А что такое «застойные явления» для фантастики? Для фантастики это, прежде всего, полное подавление всякого движения, начатого Иваном Антоновичем Ефремовым. Одно время это движение называли «социальной фантастикой». Мы уже не будем говорить о том, что одно из самых мощных произведений Ефремова «Час Быка» было буквально раздавлено. И до сих пор, при всех восхвалениях и лицемерных воплях, которые издают определенные издательские круги по отношению к Ефремову, нашему единственному абсолютному классику в фантастике, они все равно стараются замолчать «Час Быка»!

Надо сказать еще об одном обстоятельстве. Дело в том, что, по моему глубокому убеждению, фантасты, как писатели, так и любители, — это читательская и писательская элита (не вся, конечно, но в большой массе своей). И их способ мышления, методология и мировоззрение в значительной мере определяются поисками, характерными для Достоевского и других больших русских классиков: в чем смысл жизни, каково соотношение между обстоятельствами и совестью, как я должен относиться к человеку, который меня бьет... Вот эта самая «интеллигентская элитарность» (ох, как часто у нас путают и

подменяют *элитарность* и *адресность*, адресованность определенному читательскому кругу), при всей привлекательности для меня лично, — сослужила нам очень неприятную службу. Вот мы сейчас непримиримо деремся с застойными явлениями в издательской политике в области фантастики, и дело наше правое. Деремся и при этом интеллигентно мучаемся: ну, куда эти «застойщики» пойдут, если нам удастся согнать их с теплого места? А вот они — «более покрепче», чем мы. Им сомневаться нечего, потому что есть что терять.

Что, собственно, нужно любителю фантастики от жизни? Чтобы появлялись книги, которые он мог бы читать с интересом, — не обязательно фантастические, но во всяком случае — Литературу. Для него в этом смысле, обратите внимание, перестройка уже произошла. То есть у него на работе безобразия могут, конечно, продолжаться, у него могут быть тысячи осложнений с жильем, с продуктами — но духовное питание он уже имеет! Видите, как непросто... «Элитчик» по определению обязательно должен встать на борьбу. Но борьба в духовной сфере для него сегодня более результативна, чем в иных. Потому что сегодня он читает Бека, завтра — Айтматова,

послезавтра — Залыгина... Такие духовные, интеллектуальные, гражданские залежи выходят на свет божий!

И я так же наслаждаюсь, как и любой подготовленный, элитный читатель, тем, что появляется в прессе и изданиях. И это здорово снижает накал протеста — не уничтожает его, но снижает. Потому что, как бы там ни было, для «элитчика» один из господствующих принципов его мировоззрения — «За державу обидно!». Но вот как раз буфером между «За державу обидно!» как посылом к действию и самим действием, борьбой является рефлексия: «Ладно, обидно-то обидно, но, черт подери, смотри, какие книги выходят, какую правду пишут — думал ли я дожить до такого дня?!»

— Ну, это естественная «кислородная эйфория», но ведь она должна пройти, и тогда наступит адаптация?..

— Вот-вот, именно... Как долго это будет продолжаться, я не знаю. Как скоро количество новой, небывалой, оглушающей информации перейдет в качество и станет из буфера толчком, импульсом, «импетусом» к активным действиям — сказать трудно, и предсказывать не берусь.

Но можно быть твердо убежденным, что наша

читательская элита — любители фантастики, эти несколько миллионов человек да плюс несколько десятков писателей — это, можно сказать, гвардейский резерв перестройки.

— Аркадий Натанович, нужно констатировать: как жить сегодня — знают пока немногие, как жить завтра — еще более немногие. Главным для фантастики до недавних пор был «анализ отрицания», то есть попытка понять, «что не нравится», понять и разложить по...

— Наоборот! Выразить! Не понять, а выразить — свое недовольство и попытаться его проанализировать! А не сначала — он понял, почему он недоволен, а потом начинает писать об этом... Большая ошибка многих читателей в том, что они думают так: писатель ходит, подсматривает — а! о! — реки собираются повернуть? Дай-ка я вот напишу, как они собираются повернуть Атлантический океан или Гольфстрим... Нет, наоборот все. Мне стало холодно, например, или комары заели... Или у меня ребенок заболел бруцеллезом. Или жена заболела бронхиальной астмой, а рядом завод дымит. И начинает писатель рефлексировать (да я и сам подписывал непрерывные петиции). Ведь яснее ясного для каждого человека: раз эта громадина воняет,

отравляет людей — значит это не советское дело. Кто же здесь хозяин, в чем дело, почему? И вот от этого он начинает писать. Не дожидаясь, когда он все поймет! А уже в процессе писания к нему начинают приходить разные мысли, порой очень крамольные... Здесь накручена масса разных проблем.

— *Вот вы, Аркадий Натанович, в своих книгах чрезвычайно часто обращаетесь к теме выбора, а затем борьбы в одиночку. Вы говорите, что ваш оптимизм основывается на вере, что один человек может выстоять против машины принуждения, против системы, если он достаточно твердо убежден, а не говорит: «Что, мне больше всех надо?» Но ведь, по вашему же раскладу, этот «один» — случай малоправдоподобный.*

— Всякая революция — это не только преобразование экономической системы. Революция — это война за души! Перевес войны за экономику над войной за души дал нам Сталина и все, что было после. Ежели наше руководство, прогрессивное коммунистическое руководство, не возьмется за это *революционно*, то даже если мы будем лет через десять... м-м... объедаться сахаром, запивая шампанским, — все равно толку не будет, к коммунизму мы не приблизимся. Коммунизм — это

результат борьбы за души! И поэтому, образно говоря, я отдам с десяток прежних партийных секретарей за одного талантливого коммуниста-педагога.

Вот к вопросу о программе духовной перестройки общества. По-моему, этой программы сейчас быть пока не может.

Программа эта должна явиться результатом огромного перелома и огромного прогресса в педагогике, которой у нас сейчас нет. Когда мы овладеем ею — совершенно невозможно сказать. Видите ли, в чем дело. У нас порядка полутора миллионов людей, так или иначе связанных с народным просвещением. А кто из них годится в педагоги? Вы что, своих учителей не помните? Как сменить эту гигантскую армию, кто их будет готовить — новых педагогов?!

— Значит, по-вашему, даже первый, подготовительный этап духовной перестройки откладывается или, точнее, растянется на десятилетия? Но ведь борьба во всякой революции скоротечна?

— Революция... Революция, как видите, только еще разгорается по-настоящему. Вот уже 70 лет она идет. Были времена: Колчак наступал — красные отступали, красные наступали — Колчак отступал. Но разгромом Колчака, как ни был он

труден, сколько жертв ни взял, революция завершила только одну, крохотную фазу. Это же самое скоротечное — взять власть, самое легкое. Затем начинается борьба за удержание власти. После борьба экономическая: здесь тоже наступают, отступают, но этот процесс занимает десятилетия. И вот сейчас, после XIX партконференции, начнутся процессы, уже рассчитанные на полстолетия. Лично я от конференции особенно хотел одного — я называю это правильным решением.

— *В чем оно?*

— В обеспечении максимума благоприятствования всем экспериментаторам, прежде всего в педагогике. Сегодня эти смелые люди появляются не *потому что*, а вопреки. Значит, существуют в массах какие-то неведомые нам социально-психологические процессы, порождающие вдруг алмазы...

— *Алмазы всегда рождаются в условиях сильного давления, высокой температуры...*

— Вот мы и должны стремиться к такому положению, чтобы алмазы появлялись у нас при комнатных температурах. Безо всяких давлений. Вот тогда такое будет достигнуто!.. Да только не будет ни вас, ни нас, — будут наши внуки. Может быть, тогда можно будет сказать, что коммунизм

удался.

— Аркадий Натанович, что бы вы могли назвать «первой ласточкой перестройки» в вашей жизни? Конкретно.

— А-а-а... Первая живая ласточка! Это когда у нас сразу из двух журналов одновременно потребовали любую вещь — «какую дадите, такую и издадим». Ну-с, ладно, думаем... Н`а тебе «Сказку о Тройке»! Никогда в жизни, понимаете ли, не поверил бы! Через месяц звонят: «Будем печатать в следующем году». — «Что-о?!» — говорю. Ну, и пошло... А сейчас ощущение такое, что так и надо, так и должно быть. А может, это и правильно, может, так и должно быть! Наступила блаженная пора здоровой конкуренции между журналами...

<...>

В обзоре журнальной прозы прошлого года, опубликованном в первом номере журнала «Знамя», рассматривается и ОЗ.

Из: Чупринин С. Предвестие: Заметки о журнальной прозе 1988 г.

<...>

...что если «памятники» наши неугомонные сумеют-таки заморочить головы хотя бы малой

части двадцатилетних ветеранов [«афганцев»]?

Не скажу, что роман Аркадия и Бориса Стругацких «Отягощенные злом, или Сорок лет спустя» («Юность», № 6–7) написан именно об этом. Но, вычленяя в проблематике романа, в чрезмерно, как мне показалось, прихотливых ходах авторской мысли наиболее актуальное, живое звено, могу утверждать, что он и об этом. О том, как опасны разбуженные инстинкты толпы. О том, с какой легкостью клюет толпа на любую приманку, с какой беспечностью дает она себя науськать на «врагов внутренних» — будь то евреи, неформалы, интеллигенты или просто, скажем, рыжие. О том, что врачевание насилием еще никогда пользы обществу не приносило.

Круг идей, как видим, не нов для Стругацких. И недаром же, начиная с повести «Трудно быть богом» (1964), эти чуткие к требованиям дня писатели бьют в одну и ту же точку. Недаром доказывают, что недопустимы, нравственно преступны эксперименты над человеком и обществом, даже если экспериментаторы движимы самыми вроде бы добрыми побуждениями (выразительная картина такого зловеще благородного Эксперимента развернута, в частности, в их романе «Град обреченный», с первой книгой

которого познакомились читатели журнала «Нева» — №№ 9–10). Недаром, не боясь повториться, убеждают, что добро, породнившееся с насилием, неминуемо перерождается в зло — и тем более опасное, что оно-то по-прежнему считает себя добром.

Есть, выходит, оппоненты у этих, казалось бы, простых, казалось бы, очевидных истин. И есть, значит, кого учить науке социальной терпимости, искусству доверия к жизни и к человеку, к естественному ходу вещей.

<...>

Еще четвертого января АБС разослали в несколько адресов открытое письмо по весьма болезненному для них уколу «молодогвардейцев» — беспрецедентному навету Юрия Медведева.

Из архива. Открытое письмо АБС

В Совет по фантастике СССР
В Совет по фантастике РСФСР
В Совет КЛФ
В совет ВТО
Всем клубам любителей фантастики

В сборнике «Простая тайна» («Молодая гвардия», Москва, 1988) на страницах 3 и 4 Юрий

Медведев в своей повести «Протей», не называя имен, излагает памятную историю обыска в квартире покойного И. А. Ефремова и, опять же не называя имен, но совершенно недвусмысленно, обвиняет нас, Аркадия и Бориса Стругацких, в том, что это мы, оказывается, написали лживый донос на мертвого своего учителя и благодетеля.

Мы понимаем, что многочисленные наши устные и письменные публичные выступления по поводу деятельности Ю. Медведева, разрушительной для советской фантастики, не могли не вызвать у него крайней к нам неприязни.

Мы понимаем, что ответить по существу на наши выступления ему было нечего и это обстоятельство должно было накалить его до последнего градуса ненависти.

Однако клеветнический пасквиль тиражом 75000 экземпляров — это уже слишком! Это ответ труса и подонка. Это не может быть прощено.

Мы пока еще не решили, станем ли передавать дело в суд. Пасквиль составлен умело. Так что ответ на вопрос «Who is who в этом пасквиле?», совершенно очевидный для каждого «фэна», совсем не столь очевиден для суда, далекого от истории отечественной фантастики. Кроме того, в соответствии со статьей 130 УК РСФСР «клевета

в печатном произведении наказывается лишением свободы на срок» (всего лишь) «до трех лет или» (даже) «исправительными работами на срок до одного года». Так что любой пакостник может рассчитывать отделаться лишь легким испугом.

Однако нам кажется совершенно очевидным, что все наше «фэнство», все организации, так или иначе связанные с советской фантастикой, должны сказать свое слово, не дожидаясь суда.

Мы обращаемся к советам всех этих организаций с просьбой обсудить поступок литератора Ю. Медведева и выразить свое отношение и к клеветническому пасквилю, и к его автору.

Есть такая старая немецкая пословица: «От каждого свинства можно отрезать кусочек ветчины», или, говоря по-русски, с паршивой овцы — хоть шерсти клок. Наш пасквилянт напомнил всем нам, что и странный обыск в квартире покойного, и воспоследовавшее затем искусственное забвение И. А. Ефремова — и по сей день остаются не только мрачным, но и весьма загадочным событием в истории нашей фантастики. Нам кажется, сейчас наступило, наконец, время попытаться расшифровать эту загадку.

Мы предлагаем всем Советам объединить усилия и от имени всех советских писателей-

фантастов, а также от имени всех любителей фантастики обратиться в КГБ СССР с соответствующим запросом. По сути дела речь идет о *гласной* реабилитации И. А. Ефремова (негласная, слава богу, произошла уже давно).

Пусть нам объяснят:

— Какое такое ужасное преступление совершил крупнейший фантаст СССР, что много лет после его смерти имя его находилось фактически под запретом?

— Что искали в его квартире — на самом деле золото или (ходила и такая версия) рукопись некоего таинственного романа?

— Сейчас всем ясно, что произошла некая ошибка. Кто автор доноса? Имя? Должность? Какое понес наказание за ложь и клевету? Да и понес ли?

25 января БНу пишет Борис Штерн.

Из архива. Из письма БНу от Б. Штерна

Дорогой Борис Натанович!

До меня добралась эта грозная ВТОшная книжка «Ведмедев-Грушко-Бачило».

И мне показали умное, справедливое открытое письмо Славы Логинова к Пищенке. Молодец

Слава! Я, конечно, буду везде и вслух и громко поддерживать его позицию. ВТО хотело войны — оно ее получит.

Очень хочу побыстрее опубликовать «Записки динозавра», чтобы Казанцев, Щербаков, Медведев и др. узнали себя — они узнаваемы. Сейчас отрывки из «Записок» взяла в № 1 «Советская библиография» (Володя Гопман пристроил). Там несколько острых кусков на двадцати страницах.

<...>

Волна публикаций в защиту АБС прокатилась по фэн-прессе. 1 февраля была опубликована статья в газете «Светлана», ведомственном издании одноименного ленинградского объединения электронного приборостроения.

Из: Угрюмов В. 10 лет забвения. Кто виноват?

<...>

Задето не просто честное имя писателей. Вызов брошен всем советским «фэнам» (так именуют себя любители фантастики всего мира). Открытый раскол грозит всей советской фантастике.

Вот почему 18 января в Ленинградском Дворце молодежи собралась конференция КЛФ Ленин-

града и области. Представители всех пяти клубов единогласно присоединились к предложению привлечь внимание общественности и средств массовой информации к событиям, произошедшим после смерти И. А. Ефремова. Под вторым же письмом, требовавшим осудить деятельность Ю. Медведева, клуб «Метод-87» свою подпись поставить отказался.

Ленинградские «фэны» сказали свое слово. В этом их поддержали писатели-фантасты А. Ф. Бритиков, А. Д. Балабуха. Что же дальше? Затянется ли «черная дыра»?

Клубы любителей фантастики в своем большинстве поддержали Авторов. Формы этой поддержки были разнообразны — от вполне официальных открытых писем до стишков и песенок с обидными, а порой и неудобными для печати высказываниями в адрес автора «Протея» и ВТО МПФ. Несколько месяцев спустя на очередном конвенте «Аэлита» в Свердловске многие любители фантастики участвовали в стихийной акции протеста, дружно украсив свою одежду перевернутыми значками с олимпийским медведем...

Можно сказать, что у многих в отношении ВТО наступил тогда момент истины. Если при создании этой организации кто-то еще мог со-

мневаться в морально-этических установках людей, диктующих правила игры в этой организации, то теперь никаких оснований для иллюзий не осталось.

БН высказывал следующее предположение об одной из возможных причин навета Медведева.

БНС. Воспоминания, сентябрь 2008

Сост.: В своем ответе на наш вопрос об одноклассниках Вы упомянули Марка Л. И дали ему исчерпывающую характеристику: приверженец русского национализма, державник, юдофоб. Можно ли сделать вывод о том, что Марк Л. явился прообразом Марека Парасюхина?

БНС: Безусловно. Но это — не для печати. Не хочу никого обижать, — все-таки он птенец из нашего гнезда, пусть даже и паршивый. Между прочим, Марека Парасюхина (говорили) примерил на себя небезызвестный Медведев. Страшно, говорили, обиделся и именно в отместку нам написал свой «Протей». Вот дурак. Мы о нем и думать не думали.

Другой возможной причиной могло быть его желание отомстить АБС за их упорство в издании «Неназначенных встреч», за обращения в оба

ЦК, и в итоге — за принуждение к выходу вставшей поперек горла издательству книги. А впрочем, людям такого сорта совсем не обязательно мстить ***за что-то****. Они просто ненавидят.*

Годом позже Андрей Измайлов в статье «Туманность», опубликованной в журнале «Нева» (№ 5 за 1990 г.), пытался разобраться в причинах обыска, проведенного КГБ в ноябре 1972 года в квартире только что скончавшегося Ивана Ефремова, того самого обыска, который в клеветнических, как мы видели, целях упоминал Юрий Медведев в своей повести «Протей». Измайлов встречался с вдовой Ефремова, Таисией Иосифовной, с сотрудниками органов, даже с самим Медведевым, однако никакой ясности внести так и не удалось.

Для полноты картины следует также заметить, что взрыв возмущения писателей и любителей фантастики руководство ВТО перенесло с олимпийским спокойствием, а скандальный опус Медведева был успешно переиздан в других сборниках этого объединения еще дважды...

И все же жизнь идет своим чередом. Вернемся вновь к началу 1989 года.

АБС продолжают заниматься привычными делами — пишут предисловия ко все множащимся

публикациям молодых фантастов, общаются с зарубежными переводчиками...

Шестым февраля помечено предисловие к будущему изданию повести Андрея Столярова.

АБС. Аркадий и Борис Стругацкие представляют

Сравнительно недавно вошел в обиход новый термин «жесткая фантастика». Происхождение его неясно. Не исключено, что идет он от английского «hard SF», которое в свою очередь восходит к теперь уже международному «хард року». Никто не определил точно, что такое «жесткая фантастика», однако ясно, что речь идет о произведениях с резко обозначенной фабулой, ясной и конкретной социальной, философской или даже чисто научно-фантастической идеей, что произведения эти захватывают с первой страницы и не отпускают читателя до конца, но, вместе с тем, рассчитаны на интеллигентное воображение, превыше всего ценящее достоверность деталей и характеров.

Новое поколение нашей фантастики, поколение 70-х и 80-х, с удовольствием и небезуспешно отдает дань этому направлению, причем Андрей Столяров здесь — среди первых. Собственно,

он начал сразу же с «жесткой фантастики», и большинство его опубликованных до сих пор рассказов сработаны именно в этой манере.

Ни одного лишнего слова, жеста, эпизода, — но и ни единого потерянного звена фабулы. Никаких туманных изысков в области психологии, минимум рефлексии, но это — совершенно необходимый минимум, без которого наступила бы атрофия художественного образа. Благородная скупость и отточенность детали, никакой кудрявой витиеватости, никаких сюжетных излишеств — только то, что абсолютно необходимо для создания достоверной и непротиворечивой картины мира, искаженного фантастическим допущением.

Почти канонический образец «жесткой фантастики», в известном смысле — эталон манеры.

Лично нам эта манера нравится чрезвычайно. Столярову, видимо, тоже. Недаром же, как мы полагаем, он решил выбрать из своих (теперь уже обширных) архивов именно эти произведения для своего первого серьезного сборника. Мы приветствуем это его решение.

Мы также надеемся, что читатели со временем увидят и другие ипостаси Столярова, — он писатель талантливый, разнообразный и умеет

практически все. От научной фантастики — до магического реализма. От новаций абсурда — до вещественности «жестокой сказки». Но знакомство с новациями еще впереди. А сегодня мы предлагаем: Андрей Столяров — жесткая фантастика высокого класса!

Приятного чтения!

Между тем продолжается переписка немецкой переводчицы с БНом. Дата письма Хельги Гуче не проставлена, но имеется помета БНа: «Ответ 5.02.89».

Из архива. Из письма БНу от немецкой переводчицы

<...>

Осталось еще несколько вопросов насчет «Понедельника»:

стр. 211 откуда стихи «чины, краса...»?

стр. 240 (16-я строка снизу) кто такой Гонзаст?

стр. 240 (9-я строка снизу) кто такой Зекс?

стр. 253 откуда стихи «Видел я сам...»?

стр. 335 (15–16-я стр.) летательные мутанты или летальные мутанты?

(издание Библ. совр. фантастики, 7–1966)

Вы спросили, что могу сказать о качестве пе-

ревода «Понедельника», который издавался неоднократно в ФРГ. Я читала перевод Германа Бухнера и могу сказать, что «перевод» никуда не годится: переводчик, к сожалению, не знает ни русского, ни немецкого языка. (То же самое впечатление произвел, между прочим, и тамошний перевод — другого переводчика — «Сказки о Тройке».) Всё, что трудно переводить, он просто — как Выбегалло — вымарывает, многое неправильно переводит, и имена, даже исторических личностей, и персонажи греческой мифологии свободно изменяет. Или у него был совсем другой вариант текста «Понедельника».

После «Понедельника» переведу содержание «синей папки», а всё, что вокруг — «Хромая судьба», — переведет другой переводчик. Это уже для издательства «Das Neue Berlin». <...>

Пятого февраля АБС предлагают издательству «Советский писатель» начать новую серию книг.

Из архива. Заявка АБС на серию «АБС предлагают» в «Советский писатель»

Предлагаем издательству выпустить серию произведений современной фантастики под общей рубрикой «Аркадий Стругацкий и Борис

Стругацкий предлагают...»

Главная цель такой серии — создать достаточно мощный и равномерный поток хорошей фантастической литературы, которой так не хватает нашему читателю последнее время.

Серию можно было бы развернуть в трех основных направлениях:

1. Регулярные сборники лучшего, отборного материала, как бы подводящие итоги достижений жанра за определенные периоды времени. Первые три тома (по 25–30 а. л.) могут быть составлены из рассказов и небольших повестей трех основных поколений современной советской фантастики: поколения 60-х, 70-х и 80-х.

2. Небольшие (8–10 а. л.) сборники новых и наиболее интересных произведений молодых писателей. Отдельными сборниками уже сейчас достойны быть представлены молодые писатели со всех концов страны: А. Измайлов, В. Жилин, С. Казменко, С. Логинов, В. Рыбаков, А. Столяров, И. Тибилова, А. Тюрин, И. Шарапов, А. Щеголев (Ленинград), В. Бабенко, Э. Геворкян, А. Лазарчук, А. Молчанов, Б. Руденко, В. Покровский (Москва), М. Веллер (Таллин), Е. и Л. Лукины (Волгоград), Ю. Брайдер и Н. Чадович (Минск), В. Пирожников (Новосибирск), Б. Штерн (Киев) и многие другие.

[на полях рукописно: А. Зинчук]

3. Небольшие сборники лучших и новейших произведений маститых авторов. В первую очередь это сборники А. Житинского, Н. Катерли, В. Шефнера, А. Щербакова (Ленинград), К. Булычева, Е. Войскунского, С. Гансовского (Москва), В. Савченко (Киев), Г. Прашкевича (Новосибирск) и т. д. [на полях рукописно: И. Варшавский]

Мы ни минуты не сомневаемся, что серия такого рода — по сути, серия отборной, лучшей, истинно *литературной* фантастики — способна принести издательству, как говорится, и честь, и деньги.

В конце февраля БН приезжает в Москву. Пока еще не для работы.

Рабочий дневник АБС

25.02.89

Вчера приехал в Мск Б<орис> — говорить, а также на Пленум Совета по ф<антасти>ке СССР.

26.02.89

Сюжет: в мир ПХХIIВ вторгаются уэллсовские марсиане. Что делать?

27.02.89

Едем на пленум Совета по ФиП СССР.
Были на пленуме и в ресторане.

28.02.89

Б. уезжает.

Полемика с «молодогвардейцами» не прекращается. Во втором номере журнала «Советская библиография» опубликовано интервью Кира Булычева Владимиру Гопману.

Из: Булычев К. В «обойме» или вне ее?

<...>

...Разгорается борьба, по удачному выражению одного критика, «за право писать плохо». Если вчера тебя превозносили, а сегодня читатель предпочитает тебе настоящих писателей, то перестаешь быть «признанным и известным», да и вообще рискуешь выпасть из «обоймы» (слово-то какое придумали...), в которой так долго и так уютно жил. Отсюда борьба, на которую толкают ощущение своей художественной неполноценности, страх за свое будущее, и если

раньше в руках у тебя был издательский процесс, ты руководил издательством или журналом и чувствовал себя в полной безопасности — всегда можно было организовать восторженный отзыв о собственном сочинении или сочинении соседа по «обойме», то теперь надо спасать монополию.

— Как оцениваете подобные процессы в фантастике?

— Здесь также обостряется противостояние, усиливается «поляризация сил». Например, Стругацкие выступают с критикой научно-фантастических книг, выпускаемых «Молодой гвардией». Раньше бы такие выступления никто не напечатал, а если бы они и увидели свет, то можно было бы олимпийски их проигнорировать — монополии это не угрожало. Теперь необходимо спешно отвечать, стараясь уничтожить «критиканов» любыми способами, даже в собственном ежегоднике «Фантастика-87».

От имени анонимных, но «известных» писателей, ученых и космонавтов Стругацкие обвиняются в «откровенной ругани», напористом стремлении навязывать свои «вкусы и групповые симпатии», в «передергиваниях, подтасовках и даже фальшивках», что в душе они «рапповцы», применяющие дубинку и оглоблю. Но и этого ма-

ло. Чтобы не оставалось сомнений в том, каково же истинное лицо этих авторов, дается оценка их творчества с помощью цитаты из статьи дружественного критика. Оказывается, искусство Стругацких «смыкается с массовой культурой самого низшего сорта», а сами они «пропагандируют пошлость, зарабатывают дешевую славу и популярность».

Я читал эту реплику и думал, что еще вчера подобный окрик был поистине «дубинкой и оглоблей» с последующими выводами. А сегодня такое выступление напоминает крики из осажденного обоза, охваченного паникой... Надеюсь, что Стругацкие воспринимают подобные наскоки с юмором и не обижаются на брань — она свидетельствует лишь об испуге бранящихся. Можно захватывать места в редколлегиях и редакциях, можно уподобиться легендарному голландскому мальчику, бегающему вдоль плотины и пытающемуся заткнуть пальчиком отверстия в ней, но процесс, объективно происходящий в обществе, остановить нельзя. Кстати, интересно было узнать, кто те космонавты, которые обвиняют Стругацких в фальшивках и пошлости. Может быть, они отзовутся? Или это мифические космонавты? Скажем, пришельцы из космоса...

<...>

25 марта в волгоградском «Молодом ленинце» печатается интервью БНа Юрию Флейшману.

БНС. Веселые беседы при свечах

— Борис Натанович, в интервью, данном недавно газете «Железнодорожник Поволжья» (Саратов), писатель А. Вайнер сказал, что братья Стругацкие и братья Вайнеры работают над совместным произведением. Так ли это?

— Эта история началась в 1986 году. Действительно, тогда мы с братьями Вайнерами решили написать совместное произведение. Мы должны были написать фантастическую часть, в конце которой герой попадает в тюрьму, откуда Вайнеры его вытаскивают.

Мы придумали такой ход: в некоем современном городе ходит человек и скупает души. Властям не нравится его деятельность, но они никак не могут придумать, какую статью уголовного кодекса применить в данном случае. Наказание за такую деятельность у нас не предусмотрено.

Эта идея нас увлекла, была сделана подробная разработка сюжета. Вайнерам все это страшно

понравилось, они говорили нам: «Давайте, ребята, продолжайте в том же духе, а там и мы...» К сожалению, по ряду причин идея не была доведена до конца. Нам же стало жалко своего труда, и одна из линий написанного была вставлена в «Отягощенные злом».

Идея написать что-нибудь совместно окончательно никем не отброшена. У нас она находится на стадии обдумывания. Видимо, этим и объясняется фраза А. Вайнера.

— В интервью, которое Аркадий Натанович Стругацкий дал газете «Комсомолец» (Ростов-на-Дону), было сказано, что вы сейчас работаете над пьесой под условным названием «Веселые беседы при свечах». Хотелось бы узнать об этом подробнее.

— Да, есть такой замысел. Но пока это только замысел, не больше. О чем пьеса? О живущих сейчас людях, их проблемах, перестройке. Как сказали бы в рецензии или статье, пьеса на современную тему.

— А фантастика в ней будет?

— Конечно. Только фантастика дает такую большую возможность взглянуть на все под необычным углом зрения.

— Это ваш первый опыт подобного рода?

— Нет! Одну из написанных нами пьес хотели поставить в некоем облдрамтеатре, но... не поставили.

— Выступая перед читателями, главный редактор «Невы» Б. Н. Никольский сказал, что журнал ведет с вами переговоры о публикации вашего нового произведения в 1990 году.

— Мы обещали «Неве», что новое произведение будет предоставлено им в первую очередь.

— Какие новые ваши книги ожидают читателя в 1989 году?

— Скажу только по Ленинграду. «Художественная литература» планирует выпустить «Град обреченный», причем иллюстрировать его предложено очень талантливому, на мой взгляд, художнику и члену ленинградского семинара фантастов А. Карапетяну. В Ленинградском отделении «Советского писателя» должен выйти наш большой том «Волны гасят ветер». Кроме заглавного произведения, в него также войдут «Отягощенные злом», «Улитка на склоне» (обе части и в нужной последовательности) и «Хромая судьба», в которой содержимым «Синей папки» будут «Гадкие лебеди», как мы и планировали сделать на определенном этапе.

— И последний вопрос. Среди «фэнов» ходят

упорные слухи, что вы работаете над еще одним романом о приключениях Максима Каммерера, действие которого происходит в Островной Империи. В нем будут сведены воедино многие линии, которые намечены в трилогии, даны ответы на ряд вопросов как общего плана, так и частных. Например, таких как: «Почему сорвался Лев Абалкин». Или: «Кто такие хонтийские проникатели». Не могли бы вы рассеять или подтвердить этот слух?

— Сюжет такого романа продуман нами довольно давно. Но по ряду причин я не уверен, что мы его напишем. Могу сказать точно: если он будет написан, то мы не будем касаться мелких вопросов, вроде хонтийских проникателей или чего-то подобного. Что же касается остального...

Роман действительно посвящен приключениям Максима Каммерера в Островной Империи. Это операция «Вирус» (или операция «Белый Ферзь», откуда Максим получил свое прозвище) — о ней мы упомянули в повести «Волны гасят ветер». Одна из главных задач Максима — выяснить, что произошло с Львом Абалкиным и Тристаном; время действия — несколько лет после событий «Жука в муравейнике». И вообще имейте в виду: чем больше вопросов вы зада-

ете, тем меньше шансов, что этот роман будет написан.

— В таком случае я умолкаю.

29 марта «Литературная газета» дает слово одному из «молодогвардейцев». Конечно, у него — свое мнение об ОЗ.

Из: Плеханов С. Когда все можно?

<...>

Если напечатанное «Даугавой» на рассвете перестройки «Время дождя» братьев Стругацких еще читалось как нечто значительное или уж во всяком случае многозначительное, то вышедший годом позже роман «Отягощенные злом, или Сорок лет спустя» («Юность», №№ 6 и 7, 1988) воспринимается как некий анахронизм: а стоит ли намекать на некие толстые обстоятельства, если и так все можно сказать, открытым текстом? Не был ли порожден интерес к так называемой социальной фантастике ее генетическим родством с идеологией застоя? Пишу «так называемая», держа в уме контекст мировой фантастики. Лучшие книги Стругацких также были составной частью этого контекста: в таких произведениях, как «Трудно быть богом» или «Улитка на склоне»,

впервые в отечественной НФ были поставлены под сомнение социально-политические аксиомы, много десятилетий господствовавшие в сознании людей. Это и определило популярность авторов, обеспечило доверие к ним — ведь факт, что любая их новая повесть и роман вызывали широкий резонанс, несмотря на то, что печатались иные из них в малотиражных провинциальных журналах. Помню, как лет пятнадцать назад на книжном рынке мне предлагали фотокопию «Улитки...», опубликованной в «Байкале». Помню, с каким наслаждением разгадывали поклонники Стругацких намеки и головоломки в «Миллиарде лет до конца света»... Но то, о чем раньше только намекалось, нынче говорится впрямую, в открытую. И иносказания уже «не звучат». Эзопов язык недаром создан рабом, а навык к разгадыванию его культивировался в рамках сообщества несвободных. Думаю, одна из назревших задач историков — выяснить, не было ли падение рабства трагедией для скоморохов, специализировавшихся на «организации досуга» невольников...

Стругацкие взяли сюжет из времен первохристианства и параллельно ему протянули линию поступков и поучений некоего Учителя из бли-

жайшего грядущего (оно до скуки похоже на то настоящее, которое в последнее время явлено газетами и еженедельниками). «Терпимость и милосердие» — написано на знамени мессии близкого завтра. Благая Весть новоявленного Богочеловека, который будет вознесен в иное измерение промыслом Демиурга (он же Саваоф, Сатана, Воланд и подобные им ипостаси), не расшифровывается. Скорее всего, в разъяснение ходячего лозунга авторам сказать нечего. Оттого и образ не получился: марионетка с этикеткой. Оттого, наверное, и понадобилась грубая подсказка в конце романа: Агасфер Лукич, один из свиты Демиурга-Саваофа-Сатаны, рекомендует вознесшегося с грешной земли милосердца: «Эссе хомо!» Теми же словами («се Человек») определил Пилат выведенного на суд иудейской толпы Христа. Не будь откровенного нажима со стороны авторов, читателю и в голову не пришло бы уподобить добродушного педагога евангельскому Спасителю.

Параллель из времен становления христианства выдержана в стилистике оживляжа: Иоанн Богослов, любимый ученик Иисуса, изъясняется на идиш («киш мири ин тухес»), жаргоне, представляющем собой испорченный немецкий

язык, занимается воровством, проводит время со шлюхами, а ежели последних нет под рукой — скотоложествует. Измышления Агасфера Лукича о земном пути Иисуса и его учеников поданы как свидетельства очевидца, как некая объективная истина. Хотя замешаны они на заурядном полуинтеллигентском невежестве. Чего стоит хотя бы утверждение о том, что во время ареста Иисуса Иоанн вступил в схватку с людьми первосвященника и потерял при этом ухо. Ведь во всех четырех евангелиях говорится, что ухо было отрублено у раба первосвященника, а евангелист Иоанн (тот самый, который выведен у Стругацких в личине уголовника) свидетельствует: меч поднял Петр, будущий апостол.

Об уровне историзма этого сочинения Стругацких говорит и такой факт: автором знаменитой фразы «Верую, ибо нелепо», издревле приписываемой Тертуллиану (II в.), назван Блаженный Августин (IV в.). По приговору римского суда героя романа ссылают «в одну из самых занюханных колоний Рима, в Азию, а именно — на островок Патмос». А ведь на деле-то Асия (так правильнее) была одним из райских уголков империи. Достаточно сказать, что здесь находились богатейшие и культурнейшие города — Эфес, Милет, Смирна,

Пергам, Сарды. В тамошнем Иераполе — любимом курорте императоров — собирался весь цвет римской державы. Одна, другая неточная деталь такого рода — и возведенная на зыбком фундаменте домыслов романная постройка начинает разрушаться.

Пожалуй, единственное, что безусловно удалось авторам, — это достоверно передать накал злобы по отношению к «почвенникам», «широким славянским натурам». Один из героев Стругацких с мазохистским удовольствием перечитывает роман «Во имя отца и сына». Похоже, поэтика забытого памфлета настолько заворожила наших фантастов, что они, позабыв о читателе, решили совершить некое магическое действо для изничтожения зловредного арийско-славянского фантома. Его воплощением на сей раз становится Марек Парасюхин — еще не видя его, мы (по авторскому замыслу) пропитываемся ненавистью: «Кто-то поднимался по лестнице, да так бодро, с энергичным, напористым ширканьем одежды, мощно, по-спортивному дыша и даже напевая что-то классическое — „Рассвет на Москва-реке“, не то „Боже, царя храни“. И я (главный герой — alter ego Стругацких. — *С. П.*) подумал злобно: это же надо, какой веселый энергичный клиент

у нас пошел, наверняка с какой-нибудь особенной гадостью, с гадостью экстра-класса, с такой гадостью, чтобы уж всех вокруг затошнило, чтобы женщины плакали, сами стены блевали и сотня негодяев ревела „Бей! Бей!“...» Ну, а затем следует целая пригоршня определений: фашист, педераст, тля, «сючка», дрянь поганая и т. п. ...Не только элементарная воспитанность оставлена, но и забыто, похоже, ради чего сие писано, какое отношение имеет все это к фантастическому повествованию. Желание уколоть, погуще мазнуть грязью во имя групповых амбиций — зачем приобщать к этой возне три миллиона читателей (таков тираж «Юности»)?

Аборигены Австралии в недавнем прошлом рисовали на земле желаемую добычу, а затем поражали ее копьями. Они полагали, что это принесет удачу в охоте на означенного зверя. Но сегодня даже аборигены стесняются этой примитивной магии. Очень неловко за опытных прозаиков, когда попадаешь на устроенное ими убогое камлание... <...>

15 апреля, в свой день рождения, БН выступает перед участниками слета любителей фантастики в Сосновом Бору. Публикация записи имела место во втором номере фэнзина «Измерение-Ф».

Первый же вопрос был задан о недавней статье Плеханова.

Из: БНС. Фрагменты выступления Б. Н. Стругацкого на региональном слете любителей фантастики в Сосновом Бору 15 апр. 1989 г.

<...>

Вопрос: Недавно в «Литературной газете» была опубликована статья Сергея Плеханова о повести «Отягощенные злом». Что вы думаете по этому поводу?

Стругацкий: Что я могу вам сказать по поводу этой публикации... Во-первых: Плеханова я знаю довольно давно, и его прежние работы производили на меня впечатление скорее положительное. Мне казалось, что это довольно интеллигентный молодой человек, который умеет логически мыслить и ему есть что сказать. Не всегда, конечно, я был согласен с его выступлениями, но тем не менее относился к нему, в общем-то, вполне доброжелательно, хотя понимал, что он из когорты молодогвардейской...

От этой публикации у меня осталось впечатление довольно странное... У меня сложилось впечатление, что Сергей Плеханов до такой степени был возмущен образом Марека Парасюхина

несчастного, что эта ненависть, раздражение и гнев совершенно залепили ему очи, как говорят на Украине. Он даже, собственно, и не прочитал повесть, такое у меня ощущение. Он ее не понял абсолютно. То, что он прочитал повесть невнимательно, очевидно каждому читателю, который прочитал ее внимательно. Он даже не заметил эпиграфа к повести, который взят из Евангелия от Иоанна: «Симон же Петр, имея меч, извлек его, и ударил первосвященнического раба, и отсек ему правое ухо. Имя рабу было Малх». Эпиграф этот был поставлен авторами совершенно сознательно, как раз на тот случай, если кому-то из читателей покажется вдруг, что Стругацкие не знают Евангелия. Плеханов просто не заметил этого эпиграфа, поэтому он и обвиняет нас в том, что мы не знаем, кто кому там отрубил ухо... А в самом деле ведь эпизод с ухом — очень любопытный эпизод. Это один из немногих эпизодов, которые почему-то повторяются во всех четырех евангелиях. Каждый человек, который пытался сравнивать разные евангелия, вдруг обнаруживал, что везде присутствует этот, согласитесь, второстепенный эпизод. За что ему такое внимание всех четырех евангелистов? Во всех четырех евангелиях присутствуют меч, раб и отрублен-

ное ухо. Отрубают ухо разные люди, иногда они названы, как в Евангелии от Иоанна, в других евангелиях имен нет. Но всегда этот эпизод присутствует. Нам показалось это знаменательным, и мы специально вынесли эти несколько строчек в эпиграф. Не заметив этого эпиграфа, Плеханов не понял и всей вещи. «Отягощенные злом» в общем-то повесть многоплановая, в ней нет одной-единственной идеи, не содержится какого-то одного-единственного смысла, и одна из идей этой вещи как раз и состоит в том, что история — это чрезвычайно недостоверное знание человечества. Недаром мы вынесли в эпиграф цитату из Евангелия с очень странным эпизодом. Недаром у нас несколько раз повторяется фраза: «Не так все это было, совсем не так».

Человек, который не заметил этого, конечно, много теряет. Он перестает понимать, о чем речь, о чем авторы пишут, что они хотят сказать. Вот с Плехановым это и произошло.

Вопрос: Почему, по-вашему, Плеханов написал статью не летом, не осенью, даже не зимой, а именно сейчас? Может, что-то уже случилось и что-то готовится против вас? Мы приучены, что просто так ничего не происходит.

Стругацкий: Ну, видите ли, мы не знаем, когда

Плеханов написал статью. Может, он написал ее летом, а опубликовали только сейчас, это вполне возможно. Почему «Литературка» вообще опубликовала эту статью? Это, конечно, вопрос не праздный, потому что для «Литературки» статья, прямо скажем, не находка. Я знаю многих людей, которые мне звонили и писали, которые обрушат, по-видимому, на «Литературку» сейчас поток возмущенных писем, поскольку статья Плеханова — это, можно сказать, «непроверенный материал». Она открыта не для полемики, а буквально для разгрома. «Литературку» будут спрашивать: «Как же так, вы напечатали статью человека, который вообще не читал повести, как вам не стыдно?» Но почему «Литературка» все-таки решилась на это? Дело темное... Тут, по-видимому, какая-то политическая игра. Вы, наверное, замечали, что «Молодую гвардию» частенько ругают в «Литературной газете». Вероятно, «Литературку» пилят за то, что она все время ругает «Молодую гвардию», молодогвардейцев, почвенников. Вот, чтобы соблюсти некий баланс, она и решилась предоставить им слово.

Что же касается «готовится против вас»... Вы знаете, я как-то уже больше ничего не боюсь. Понимаете, застойные годы — это не времена

сталинские. В застойные времена человеку, как правило, не грозили ни отсидка, ни высылка. То есть нужно было пойти на прямой конфликт с государством, чтобы посадили в тюрьму или выслали из страны. Максимум, что тебе грозило, — это потеря работы. Для писателя это угроза довольно серьезная — непослушные писатели лишались возможности печататься. Сейчас же, сегодня, этой угрозы, по-моему, нет. Я боюсь только одного: что меня не будут печатать, а такой угрозы я пока не ощущаю.

<...>

Вопрос: В последнее время опубликованы произведения, написанные вами около двадцати лет назад. Были ли они переработаны под влиянием сегодняшнего дня?

Стругацкий: Нет, они сохранены в первозданном состоянии. Ну, единственное, что мы могли сделать, это отредактировать отдельные фразы, а по сути никаких изменений нет.

Вопрос: Какое все-таки произведение завязано с «Хромой судьбой» — «Град обреченный» или «Гадкие лебеди»?

Стругацкий: Первоначально, когда мы писали «Хромую судьбу», предполагалось, что туда в качестве Синей Папки будет вставлена первая

часть «Града обреченного». Потому что тогда нам казалось, что «Град» вообще никогда не будет опубликован, да и «Хромая судьба» — вряд ли. Так мы и сделали, в первом варианте там была первая часть «Града обреченного». Потом нам стало нестерпимо жалко «Града». Ну, просто жалко раздергивать вещь: зачем, в чем смысл? И мы вставили туда «Гадкие лебеди». Тем более что это очень хорошо получалось, очень ловко: здесь писатель и там писатель. Писатель пишет о писателе. Советский писатель сегодняшнего дня пишет о писателе в некоей стране с очень похожим режимом и очень похожими условиями существования. Очень реалистическая ситуация, она нам понравилась. Но когда мы принесли в таком виде роман в «Неву», — это было самое начало перестройки, самое-самое, — Борис Николаевич Никольский сказал, что «Хромую судьбу» он точно возьмет, а что касается «Гадких лебедей», то он «посоветуется». Он посоветовался там где-то, насколько я понимаю, решение было, в общем, отрицательное, и он сказал: «Вы знаете, давайте опубликуем пока только „Хромую судьбу“, а потом, через некоторое время, если станет немного полегче, отдельно опубликуем и „Гадких лебедей“». Таким образом «Гадкие лебеди»

выпали из «Хромой судьбы». Сейчас, если ничего страшного не произойдет, «Хромая судьба» выйдет с «Гадкими лебедями» в качестве Синей Папки в издательстве «Советский писатель».

Вопрос: <...> Не могли бы вы рассказать о своем отношении к персонажу романа Изе Кацману?

Стругацкий: <...> Значит, как я отношусь к Кацману? Люди, которые пытаются обвинить братьев Стругацких в проповеди сионизма, конечно, заблуждаются, а в данном случае ведь был и такой упрек. Смотрите, говорят они, кого Кацман перечисляет: Бенвенуто Челлини у него, значит, вор — представитель итальянской нации; Франсуа Вийон у него висельник — представитель французской нации; Петр Чайковский у него гомосексуалист — представитель русской нации; Хемингуэй у него пьяница — представитель, так сказать, англосаксов. А где хоть какой-нибудь урод из евреев?.. Знаете, существует целая группа людей, у которых сейчас мозги набекрень в этом вопросе, они представляются мне не совсем нормальными, и мне трудно с ними разговаривать. Как известно, трезвому и здравомыслящему человеку очень трудно разговаривать с пьяными и сумасшедшими. Просто разные плоскости и сферы восприятия. Разумеется, когда мы писали

Иосифа Кацмана, мы вовсе не имели в виду никакого прославления еврейства. Более того, нам всегда казалось, что мы изобразили Кацмана в достаточно неприглядном виде. Не потому, что мы плохо относимся к евреям, упаси бог, просто Иосифа Кацмана мы писали с совершенно конкретного человека, нашего знакомого. Человека, которого мы, в общем, очень любим, он действительно «имеет несчастье» быть евреем, и он человек очень милый, очень умный, и в то же время он неряшлив, он некрасиво одет, у него всегда расстегнута ширинка, что-нибудь в туалете у него обязательно не в порядке, когда с ним разговаривают, он всегда норовит перебить собеседника — бывают такие люди, малоприятные при первом общении, ну вот он как раз такой. Но мы-то его знаем давно, и он нам мил, вот мы его и взяли в качестве прототипа. Точно так же есть прототип у Андрея Воронина, точно так же есть прототип у дяди Юры и еще у некоторых персонажей... Так вот и получилось, что единственную положительную программу в романе излагает человек еврейской национальности. Ничего тут плохого нет, и это, между прочим, не первый случай в истории человечества, не надо в этом видеть какой-то символ. Абсолютно никакой

символики здесь нет. Кстати, внимательный читатель заметит, что авторы вовсе не стоят на стороне Иосифа Кацмана. Положительная программа, которую излагает Иосиф Кацман, оказывается, заметьте, неприемлемой для главного героя... Авторам было важнее всего показать, как происходит перелом в психологии, как происходит перелом в мировоззрении человека, который начинает как верующий раб, потом теряет веру, теряет бога, теряет хозяина и остается в безвоздушном пространстве, без опоры под ногами. И выясняется, что без мировоззренческой опоры жить чудовищно трудно. Вот эта ситуация с Андреем Ворониным нам очень важна, очень ценна. Книга писалась в те годы, когда мы сами потеряли опору под ногами. Мы очень хорошо Воронина понимали. И вот — предложенная Кацманом, по сути дела, надчеловеческая философия: «Что такое человек? Человек — тля, мелкая вошь! Люди приходят, умирают и уходят навсегда, а вот Храм Культуры остается!» Это звучит здорово, красиво, можно представить, как человек себе делает из этого цель жизни, но в этой теории есть некоторая ущербность, некоторая гипертрофированная элитарность, которая не нравится нашему герою, не нравится Андрею Воронину. И он отказывается

от нее. Так что те люди, которые хотят сказать, что мы сделали Кацмана проводником собственных идей, заблуждаются. При внимательном чтении можно убедиться, что это не так.

Вопрос: Предполагались ли другие варианты концовки «Града обреченного»?

Стругацкий: Вы знаете, концовка «Града обреченного» построена на самом деле на некоей главной тайне Города. Это та самая главная тайна, которую выбили из Иосифа Кацмана в пыточной камере и которую наш герой не знает. Она нигде не сформулирована в романе, но догадаться, что это такое, теоретически можно. И поскольку все было построено именно на этом главном свойстве Города, то и концовка могла быть только одна, та, которая имеет место на самом деле, и никаких других вариантов не было. Правда, может быть, стоит сказать, что в том варианте, который опубликован, эта концовка сделана более определенно, потому что в ранних вариантах было непонятно, что происходит с героем, а в новом варианте ясно, что он застрелен.

<...>

Третьим апреля датировано предисловие к роману Вячеслава Рыбакова.

Из архива. БНС. Предисловие к «Очагу на башне» В. Рыбакова

Перед вами — фантастический роман о любви.

Не правда ли, совершенно необыкновенное сочетание слов? Ведь мы же привыкли: если о любви, то никак не фантастика, а если уж фантастика, то о чем угодно, но не о любви.

Роман Рыбакова необычаен. Такого еще не было в советской литературе. Да и в мировой, пожалуй, тоже.

К сожалению, фантасты редко пишут о человеческих судьбах, о человеческих чувствах, о борении человеческих страстей, а если и пишут, то в фокусе их внимания оказываются обычно страсти и чувства, так сказать, социально значимые: властолюбие, жажда познания, стремление к славе... Происходит это, видимо, потому, что, представляя себе подробности вторжения фантастической науки в реальную жизнь и вообще вторжение будущего в настоящее, фантаст — вольно или невольно — стремится изобразить макросоциальные последствия, перемены грандиозные, «социотрясения» многобалльные. И тогда если уж ненависть — то классовая, если любовь — то ко всему человечеству, если, скажем,

страх — то глобальный...

Между тем, микропотрясения социума, возникающие в «роковые минуты» мира, не только более интересны с чисто психологической (да и с социологической) точки зрения, — они представляют собою гораздо более благодарный материал для создания действительно художественного произведения. Ведь подлинная литература — это всегда отражение общества в судьбе самых малых его (общества) элементов. Вот ахиллесова пята подавляющего большинства писателей-фантастов: они не умеют или не хотят понять, что фантастика только тогда получит шанс стать частью большой литературы, если опустится — наверное, правильнее сказать «поднимется»! — до уровня «малых» судеб, «мелких» страстей, каждодневных забот, — но, разумеется, в мире, искаженном вторжением необычайного.

Будущее может быть грандиозным и фантастичным, но вторгается оно всегда в мир привычный, обжитой, обыкновенный до скуки. Поэтому последствия вторжения (по крайней мере, вначале) всегда кажутся не более чем странноватыми отклонениями от привычного хода вещей. Однако сколько горя, боли, ужаса, недоумения, слез, яда открывается для внимательного наблюдателя

за этими «странноватыми отклонениями»!..

В отличие от многих и многих, Вячеслав Рыбаков все это давно знает и умеет. Роман его написан лет десять назад и нисколько не устарел за эти годы. Он и не может устареть — во всяком случае, до тех пор, пока мир вокруг нас населен знакомыми людьми, обуреваемыми знакомыми нам чувствами и вполне обыкновенными страстями и страстишками. Ибо этот роман не только (и не столько) о Молохе прогресса, — это прежде всего роман о нас с вами и для нас с вами.

В апрельском номере «Огонька» (№ 13) публикуется письмо Авторов в редакцию, посвященное уже несколько устаревшей январской новости. В перестроечное время события несутся вскачь...

АБС. Атака против гласности

Если вообще можно говорить о каких-то гарантах перестройки, то первым таким гарантом следует считать гласность. Сама по себе гласность не накормит, не напоит и дома не построит, но если прекратится гласность, то уж точно не будет нам ни еды, ни дома, ни перестройки, — ничего нам не будет, кроме всевластия ведомств да старого, знакомого, застойного болота.

Гласность — единственное пока *реальное* достижение перестройки. Страшно подумать, но стоит сейчас сменить редколлегии десятка журналов и газет, и мы моментально окажемся отброшены на десяток лет назад: словно и не было ничего — ни новой оттепели, ни надежд, ни забрезжившей было перспективы. Гласность надо беречь: у нас пока, кроме нее, ничего нет. И она торчит поперек глотки тайных и явных певцов застоя, словно кость, которую они не могут ни выплюнуть, ни проглотить. А как хотелось бы!

Январское «Положение о порядке допуска и пребывания представителей средств массовой информации в местах проведения мероприятий по обеспечению общественного порядка» — это очередная атака против гласности, слегка лишь прикрытая розовым туманом успокаивающих комментариев. От слов по поводу «распоясавшейся прессы» заинтересованные ведомства переходят к делу. Не нужно особенно напрягать фантазию, чтобы представить себе, как теперь будут развиваться события. Ведомства начнут делить журналистов на хороших и плохих (со своей, разумеется, ведомственной, точки зрения). «Хорошие» журналисты получат пропуска, плохие не получат, а если «хороший» позволит себе на-

печатать лишнее, его пропуска лишат на самом что ни на есть казенно-законном основании...

Впрочем, все это детали. Суть же дела состоит в том, что очередное ведомственное положение *не* служит расширению гласности, *не* помогает работе средств массовой информации, оно служит ведомствам, оно им удобно, оно помогает им дозировать информацию, а значит, набрасывает на гласность новую узду.

Поразительна позиция Союза журналистов! Он не просто позволил взнуздать себя ведомствам, он с готовностью помог им это сделать! Конечно, это не может быть позицией всего Союза, конечно, сотни и сотни настоящих журналистов, подлинных бойцов за перестройку, сознающих свой долг и понимающих опасность, поднимут свой голос против этой ведомственной акции. Мы присоединяемся к ним и зовем присоединиться всех, кому дорого свободное слово и дело подлинной перестройки нашего общества.

Вышедшее в Томске издание трилогии Авторов сопровождалось послесловием Геннадия Прашкевича.

Из: Прашкевич Г. Братья по разуму

<...>

Вокруг известных людей всегда роится множество мифов. Не избегли этой участи и братья Стругацкие. Но могу заверить, что, кажется, они все же не людены и, в любом случае, не подкидыши Странников, и, как с каждым здоровым и нормальным человеком, с ними интересно поговорить не только о судьбах мира, но и просто о новом фильме или даже о погоде, если уж так случилось... Помимо всего прочего, они очень внимательны ко всему, что происходит вокруг. Наверное, поэтому их книги так широко наполнены дыханием наших собственных (вечных и не вечных) проблем, наверное, поэтому они так широко и глубоко читались и в конце 60-х, и в 70-е, и в 80-е годы, — ведь их произведения всегда несли в себе истинную мораль, которой чужды и ненависть, и корысть, и национальное чванство, и любая жажда власти или насилия.

<...>

Пятым мая датировано предисловие БНа к сборнику Ильи Варшавского.

Из архива. Из: БНС. Несколько слов об Илье Иосифовиче Варшавском

<...>

По-моему, у него не было врагов. Более того, у него не было даже самых обыкновенных недоброжелателей. Каждый, кто попадал в сферу его обаяния, как бы автоматически становился его другом или хотя бы добрым знакомым.

Он был остроумен и доброжелателен одновременно — сочетание редкостное. Впрочем, характер его вообще был соткан из противоречий. Его мудрый, основанный на большом жизненном опыте и на знакомстве с человеческой историей скептицизм по поводу прошлого, настоящего и будущего замечательно сочетался у него с удивительно радостным и солнечным мироощущением. Он был великим пессимистом и великим оптимистом одновременно. (Он любил слушать, рассказывать и придумывать анекдоты и частенько повторял знаменитое: «Хуже, говорите, быть не может? Экий вы, однако, пессимист. Уверяю вас: может быть и хуже, гораздо хуже!»)

<...>

Я не знаю, сколько всего рассказов написал Илья Иосифович за свою жизнь. Может быть,

сотню, а может быть, и больше. Среди них есть замечательные, теперь уже классические, без всякой скидки — мирового класса. А слабых нет совсем. Илья Иосифович не писал слабых рассказов. Каждый его рассказ, даже проходной, был миниатюрным мысленным экспериментом, пристальным и внимательным взглядом, проникающим в хитросплетения нашего интересного мира, неожиданным изыском мудрого и веселого воображения.

И все же я рискну утверждать, что лучшей своей вещи Илья Иосифович так и не написал. Он готовился к ней, он мучился ею, он ждал ее, не раз он говорил мне: «Надоело это все — все эти смехохушки (он употреблял словцо значительно более энергичное и емкое). Хочется сделать что-нибудь настоящее, сильное...» Он считал ненастоящими и недостаточно сильными свои последние рассказы, которыми зачитывались и стар и млад. Которые принесли ему всесоюзную, да и европейскую славу!.. Я, помнится, не соглашался с ним, пытался спорить, но при этом понимал, что мастеру всегда виднее. Истинный Мастер всегда недоволен собой, и Мастер всегда прав. Он искал новые пути, но не успел найти их. Не успел.

<...>

В пятых номерах (поступивших, однако, к подписчикам в июне) передовых, «перестроечных» журналов «Новый мир» и «Знамя» синхронно публикуются две критические статьи, претендующие на анализ всего творчества АБС. Можно сказать, статьи были долгожданными: во времена застоя большинство критических работ о Стругацких носило обвинительный характер. Настали новые времена — вполне логично было бы прочесть АБС спокойно, без заказного шельмования. Но, оказывается, просто поменялся политический ветер, повернулся послушный ему критический флюгер, и Стругацких принялись «бить» с совершенно неожиданной стороны. И для пущего эффекта — залпом.

Вот фрагменты из статьи Ирины Васюченко в «Знамени».

Из: Васюченко И. Отвергнувшие воскресенье: заметки о творчестве А. Стругацкого и Б. Стругацкого

<...>

Математики и историки, геологи и астрономы, врачи и пилоты космических кораблей, персонажи Стругацких прежде всего отличные парни, бесстрашные, находчивые удальцы. Для писате-

лей важно, что любая из этих профессий может потребовать от героев не меньшей доблести, чем требовала от мушкетеров королевская служба или от пиратов — погоня за сокровищами. Историк Антон, представитель грядущей земной цивилизации, проводя Эксперимент на планете, погруженной во мрак средневековья, должен выступать в роли искателя приключений, дуэлянта и обольстителя дона Руматы («Трудно быть богом»). Коллектив НИИ Чародейства и Волшебства от лаборантов до маститых ученых занят утилизацией вурдалаков и джиннов, Змея Горыныча и гекатонхейров, Колеса Фортуны, волшебной палочки и других сказочных и мифических существ, явлений, предметов («Понедельник начинается в субботу»). Астроному Малянову и его друзьям, чтобы продолжить свои мирные кабинетные штудии, нужно проявить неслыханное мужество (повесть «За миллиард лет до конца света»). Железными бицепсами и нервами наделен и Максим Каммерер, который в «Обитаемом острове» пробует совершить на чужой планете государственный переворот, а в повести «Жук в муравейнике» выполнит головоломное спецзадание. Бесстрашны Иван Жилин, по поручению международного разведцентра

изучающий нравы одной крайне неблагополучной страны («Хищные вещи века»), и Питер Глебски из повести «Отель „У погибшего альпиниста“», поскольку этот Глебски — полицейский инспектор.

Стругацких интересуют не просто приключения, а приключения профессионалов. Напряженность фабулы, острота конфликтов, обилие загадок — все в их книгах связано с профессией, дающей герою самое для него насущное: ясную цель.

В творческой манере фантастов вольно и причудливо сочетаются элементы самых различных традиций: от восточной литературы до кинобоевика, от русского фольклора до Дюма, от кафкианских фантасмагорий до романов Ильфа и Петрова. Все это создает дразнящее мелькание отражений и отзвуков, по которому безошибочно узнаешь стиль авторов. Между тем, вопреки внешнему разнообразию в их прозе угадывается один, самый главный герой — активный, я бы даже сказала, воинствующий разум. И цель у него одна: рациональное переустройство мира. Это особенно заметно, когда читаешь книги Стругацких подряд. За похождениями героев проступают комбинации идей, и кажется, будто наблюдаешь

за серией художественных экспериментов. Пожалуй, это напоминает завораживающие игры, каким предается Малыш — юный инопланетянин из одноименной повести, — раскладывая на песке узоры из камней и палок. Ему они помогают думать, а в души наблюдателей-землян вселяют безотчетную тревогу.

Однако тревога, которую будят в сознании книги Стругацких, не безотчетна. В их вопросах и ответах не забавы ума, а обостренная чуткость к злобе дня. Поэтому немудрено, что бесхитростная картина мира, намеченная в «Стране багровых туч», вскоре усложнится. Даже по таким, на сегодняшний взгляд, наивным повестям, как «Стажеры», «Полдень, XXII век» и т. п., заметно, что недавние иллюзии дают трещину. В повестях «Обитаемый остров», «Трудно быть богом», «Хищные вещи века» трещина эта становится все глубже, болезненней. Героям противостоят уже не трясины и скалы дальних миров, а коварство и тупая свирепость людей.

<...>

Итак, жестокость во имя гуманизма предстает как нравственная норма. Жизнь в книгах Стругацких — всегда борьба, в них действуют законы военного времени. «Между мной и Вечеровским

навсегда пролегла дымно-огненная непереходимая черта, — так представляется Малянову из повести „Миллиард лет до конца света“ его расхождение с другом. — Я остановился на всю жизнь, а Вечеровский пошел дальше сквозь разрывы, пыль и грязь неведомых мне боев». Заметим: действие повести происходит в наши дни, и речь в ней не о воинской службе, а о служении науке. Сближение одного с другим не случайно. Ведь идет битва за прогресс, то есть, по Стругацким, за устранение всех препятствий, мешающих людям жить интересами познающего духа.

<...>

Пренебрежение к человеку, если он не боец передовых рубежей, — вот что смущает меня в книгах Стругацких. Не скрою, мне бы хотелось, чтобы это смущало и юных читателей, тех, кто учится у их героев упорству и отваге. Иначе можно научиться и высокомерию, даже вообразить, будто в мире есть сверхлюди, которым все позволено, и просто люди, чей удел подчиняться. Противоречие в творчестве фантастов заключается в том, что они, ненавидя эту агрессивную античеловеческую идею, посылают своих героев на бой с ней, а те в азарте поединка пускают в ход ее же — испытанное боевое средство. По-моему,

бесполезно рассуждать о Стругацких, игнорируя это обстоятельство. Но и признать его до недавнего времени было боязно: существовала опасность сыграть на руку тем, кто предпочел бы оградить юношество от противоречивых книжек. Заговор молчания, окружавший Стругацких, был не только враждебным, но порой и оберегающим. В тогдашних условиях было куда как сложно подступиться, скажем, к повести «За миллиард лет до конца света». А между тем эта повесть, своей неоднозначностью обескуражившая многих поклонников фантастики, заслуживает и даже требует анализа.

<...>

Честь земной науки спасена, нашелся титан, которому по плечу небывалый подвиг. Казалось бы, читатель вправе гордиться величием человека, гром победы должен раздаваться в его душе. А ему, напротив, не по себе. Смутная тревога побуждает вдумываться в события, происходящие в книге, где сталкиваются, пусть в фантастическом обличье — такие силы, как мироздание и наука, разыгрываются — пусть не совсем всерьез, но и не одной потехи ради — драмы идей. Может, вся печаль в том, что из четверых ученых трое отступили? Нет, дело куда серьезнее. Если при-

нять предлагаемые условия игры, тогда, значит, опасность грозит не только героям и их родне, но самой жизни планеты. Что делать ученым, понявшим это? Вопрос не из тех, какие решают в зависимости от личной доблести. Но вот курьез: этим-то вопросом герои повести не задаются. Для Вечеровского и его коллег существует выбор лишь между своим благополучием и опять-таки своим открытием, все прочее непостижимым образом выпадает из поля их зрения. Их раздирают противоречивые страсти, жажда борьбы, гордость, страх. Нет только беспокойства о судьбе природы. Похоже, они ее... ненавидят.

<...>

Чтобы понять, что здесь к чему, стоит поискать ответа в книжках Стругацких, пленявших молодежь шестидесятых. Малянов и иже с ним — это те же повзрослевшие персонажи тогдашних повестей. Правда, те казались гораздо привлекательнее. Взять хотя бы Румату. Благодетельный для друзей, грозный для врагов, обладающий пылким сердцем и таинственными знаниями... Верилось, и влюбленная Кира, и мудрый доктор Будах, и коварный Рэба могли его принимать за высшее существо.

Однако вспомним: и мушкетеры двадцать лет

спустя уже не те. Дружба поизносилась, одни страсти остыли, другие, не столь романтические, заняли их место, поменялись нравы и времена, так что даже и читатель-подросток дивится перемене, постигшей его любимцев. Задумавшись же серьезно, он, очевидно, не без грусти убедится, что это закономерно: те юные удальцы должны были стать такими, какими стали.

Тем паче взрослый читатель, смолоду безоглядно принимавший бравых героев Стругацких, ныне, перечитывая повести, поражается, сколь многое он тогда проглядел. К примеру, в «Далекой Радуге», где ученые так мужественно встречают смерть на гибнущей планете. Да ведь они сами ее загубили!.. А неподражаемый Румата? Фанфарон, вечно переоценивающий свои силы, ставящий под удар не только себя, на месте Филиппа он бы тоже непременно рискнул мирозданием. Вспомним: когда жертвой его недомыслия становится Кира, Румата не терзается муками совести, что не уберег любимую. Как заправский средневековый дон, герой жаждет мести и, забыв моральные и профессиональные запреты, начинает крошить всех на своем пути. А мечом он орудует впрямь как бог, земная спецподготовка не пустяки.

Итак, посланец победоносного разума не сумел

остаться человеком в той мере, какой требовала его миссия. Между тем в повести есть герой, с честью выдерживающий все испытания. Будах выходит из застенков Рэбы, сохранив достоинство горькой, но не ожесточенной мысли. А ведь у него нет обеспеченного тыла инопланетной цивилизации. Трудно быть богом? А легко ли Будаху быть гуманистом в мире, где бесчинства диктатуры даже самонадеянного командировочного бога превратили в озверевшего убийцу? Увы, это тоже вопрос взрослого. Юноша, утверждающий, что многому учится у Стругацких, вряд ли заметит невзрачного Будаха. Румата интереснее: он активно действует, за ним — сила, а мир Стругацких устроен так, что только сила делает героя значительным.

Отсюда и привлекательность героев «Понедельника...» Шутка ли: сверхъестественными силами распоряжаются. Но стоит приглядеться, и становится тошно от бездушия и черствости блистательных кудесников. Мне возразят: книжка юмористическая, зачем ее героям сложный внутренний мир? Нет, помню о законах жанра, но тут дело в другом. Только начисто освободившись от чувствительности, молодцы из НИИЧАВО могут быть теми задорными работягами, что так нра-

вились нам когда-то. Ведь изучаемую природу символизируют томящиеся в виварии живые существа, наделенные речью, но беззащитные перед любознательностью магов, с шутками и прибаутками творящих свои небезболезненные опыты. Не так уж это потешно, что, например, джинна «стегали высоковольтными разрядами», а он «выл, ругался на нескольких мертвых языках» и т. п. После этого легко поверить, что сотрудники НИИЧАВО опасны и для коллег: если в момент творческого горения им помешать, они превращают ближних «в пауков, мокриц, ящериц и других тихих животных».

Жестокость здесь волшебная, невзаправдашняя и потому вроде бы забавная. Она пронизывает атмосферу книжки, придавая ей своеобразную остроту и являясь важным свойством героев, их жизненной позиции. Джиннов-то, положим, не существует, зато безжалостность — вещь реальная и необходимая в мире повести, персонажи которой до того целеустремленны, что для иных человеческих особенностей просто не остается места. Ими жертвуют без колебаний, такой ничтожной кажется эта плата за восхождение к высотам знания.

<...>

Принято считать, что «Понедельник...» — книжка по преимуществу смешная. Нет, думаю, патетики в ней не меньше, чем юмора. Как запальчиво сказано — у Людей с большой буквы, оказывается, нет культурных интересов, нет друзей и любимых. Да что там: нет даже элементарного представления об осмысленном досуге. Жалость берет, как они наивно убеждены, что за стенами НИИ только и можно кутить да приударять за девицами. На то, как им кажется, только и существует этот бесполезный день — воскресенье.

<...>

Главная беда этих адептов цивилизации — недостаток культуры, узость духовного кругозора. Невежды во всем, кроме своих схем, «интегральчиков» и пр., они мечтают быть благодетелями человечества, о котором не имеют понятия. Малянов в трудный час обнаруживает, что не знает даже своей жены: что она за человек, точно ли любит его, захочет ли поддержать? А ведь за плечами годы супружества. Видно, не было времени интересоваться этим. Воскресенья не было.

<...>

Пока очевидно одно. Соглашаясь или споря со Стругацкими, надобно признать, что их творче-

ство накрепко связано с реальностью, эпохой. Читателям старшего возраста, на чьих дорогах если не гремели разрывы, то пыль и грязь скапливались в угрожающих количествах, понять Стругацких просто. Но хочется все же надеяться, что поколениям, подрастающим сегодня, мир героев прозы братьев Стругацких покажется не столь близким.

Однако также важно, чтобы они разглядели в книжках нашей юности не одни приключения, но и упорную работу мысли, ищущей выхода. В ней есть сходство с усилиями узника, роющего подземный ход. Такой труд требует бодрости и мужества, он не знает воскресений, в нем мало доброты, но удивляться этому не стоит. <...>

А это — отрывки из статьи Вячеслава Сербиненко в «Новом мире».

Из: Сербиненко В. Три века скитаний в мире утопии: Читая братьев Стругацких

<...>

Уже не одно поколение подростков успело вырасти, сопереживая страданиям Антона, благородного дона Руматы Эсторского, которому так трудно было быть богом в захлестнутом волной

средневекового фашизма королевстве Арканар. Трудно ему было прежде всего не взяться за меч в защиту униженных и оскорбленных арканарских интеллектуалов, преследуемых бандами окончательно озверевшей местной «серой» и «черной» нечисти. И читатели узнали, что колебался он недаром. Когда дон Румата вынужден был все же взяться за дело, пострадал не только мерзкий тиран-фашист дон Рэба — за спиной героя остались горы трупов. Что ж, как благосклонно выразился один из критиков, «здесь его по-человечески понять можно», ибо, идя навстречу ожиданиям юных читателей, он наконец отомстил «злодеям» за все сразу, и в первую очередь за гибель возлюбленной.

Сложнее понять некоторые другие поступки «бога» Руматы... Ему пришлось потрудней классических героев-разведчиков, вынужденных в «тылу врага» постоянно оберегать собственное целомудрие. В арканарском «тылу» аборигены и особенно аборигенки вызывают исключительное отвращение землянина не столько даже своими нравами, сколько физической нечистоплотностью. В отчаянии герой твердит: «Грязь лучше крови, но это гораздо хуже грязи!» Однако долг повелевает ему вступить в непосредственный

контакт с «неумытым» средневековьем. И в конце концов несчастный Румата отправляется в альков выведывать государственные секреты, чтобы затем, так и не сумев преодолеть божественную брезгливость и не выполнив задание, сбежать, позабыв и о грязнульке доне Окане, и об ожидающей ее неизбежной гибели от руки ревнивого и могущественного покровителя.

«Новые люди» Стругацких изо всех сил стараются справиться с трудной ролью справедливых и милосердных богов, спасающих немногочисленных местных праведников, носителей «искры разума», тех, кто в будущем сможет способствовать, как мечтает Антон, созданию «Арканарской Коммунистической Республики». Им очень хочется не нарушать гуманистические табу, что так просто в идеальном мире Утопии и так сложно за ее пределами, в мире, об обитателях которого благородный дон Румата говорит, что «все они почти без исключения были еще не людьми в современном смысле слова, а заготовками, болванками, из которых только кровавые века истории выточат когда-нибудь настоящего гордого и свободного человека... Психологически почти все они были рабами — рабами веры, рабами себе подобных, рабами страстишек, рабами

корыстолюбия». О том, что сам он в данном случае оказывается рабом двойной морали, делящей мир на своих и чужих, следуя которой «богом» быть легко, а остаться человеком крайне трудно, Антон-Румата не задумывается. И неудивительно, что «в своих горячечных снах землянина, прожившего пять лет в крови и вони, он часто видел себя именно таким вот Аратой (предводитель восставших. — В. С.), прошедшим все ады вселенной и получившим за это высокое право убивать убийц, пытать палачей и предавать предателей». Романтический герой и не заметил, что, так и не став Аратой, он оказался способным на предательство, не «своих», конечно, а всего лишь «похотливой кошки» — доны Оканы. Право же на убийство ему было предоставлено вполне буднично — высшим земным начальством в лице дона Кондора: «Убить, физически убрать... При чрезвычайных обстоятельствах действенны только чрезвычайные меры».

Хотя очевидная недостижимость утопических целей гуманными средствами и заставляет колебаться юного супермена, но подлинный выбор для него, в сущности, невозможен. Отсутствие элементарной независимости мысли неотвратимо оборачивается для героя подчинением, самым

что ни на есть прямым и грубым. Полубог Румата — почти уже идеальный винтик набравшего космические обороты механизма Утопии.

<...>

Только в одной книге («За миллиард лет до конца света»), действие которой происходит в наше время, герои-рационалисты лишены и последней надежды. Торможение представляется им ни больше ни меньше как законом самого мироздания, действующим неотвратимо и тотально и пресекающим все попытки человека создать «сверхчеловеческую цивилизацию». Молодые интеллектуалы, остро ощущающие свою оторванность от «человеческого стада» и допускающие возможность вновь «стать в его ряды» лишь в случае «ужасной космической агрессии», могут рассчитывать в борьбе с этим глобальным тормозом исключительно на себя. И у героя повести, рыцаря прогресса, действительно не остается иного достойного выбора, кроме как забраться на мистический Памир и продолжить там свои запрещенные «механизмом торможения» исследования. Другой путь избрал в не менее безнадежной, пожалуй, ситуации, как мы помним, Кандид, но это уже не был путь Утопии.

<...>

Проще всего упрекнуть писателей, воспользовавшись известной присказкой классика: «Пугают, а нам не страшно». Но дело в том, что и в данной повести и в более поздних книгах Стругацких «чертовщине», всем этим черным спутникам, таинственным странникам и прочим фантомам земного и космического происхождения отводится роль в духе вполне традиционной «демонологии»: они не столько наводят ужас, сколько провоцируют и искушают героев. Если же что-то и должно здесь пугать, так это готовность трезвых, отнюдь не мистически, а скорее даже суперрационалистически настроенных героев идти на контакт с кем и с чем угодно, будь то очевидно безразличная к добру и злу космическая сила или сатана собственной персоной. Что там слегка помешавшийся на НЛО инженер Лозовский, которому и черные собаки-роботы не смогли помешать проникнуть в «летающую тарелку». Лучший писатель-бард державы Банев («Гадкие лебеди»), «с некрасивым, но мужественным лицом бойца, с квадратным подбородком», млеет от похвалы «мокреца» Зурзмансора, склоняющего его к сотрудничеству, хотя прекрасно видит, кто перед ним («Тьфу... Изыди, нечистый дух», — мысленно говорит герой, наблюдая за

«страшными» превращениями с лицом собеседника). Обман зрения, легко успокаивает себя «прекрасный утенок» Виктор Банев, оказываясь ничуть не лучше откровенного конформиста Аполлона из «Второго нашествия марсиан», также не пожелавшего заметить зеленых марсианских щупалец.

<...>

Утопическая программа, которую реализуют мокрецы и помогающие им таинственные земляне-«архитекторы» вроде Голема и эмансипированной сексапильной красавицы Дианы, буквально содрогающейся от отвращения к нашему «лучшему из миров» и его обитателям («Все люди — медузы, и ничего в них такого не замешано... Медузы... черви в сортире»), — программа эта отнюдь не внеземного происхождения. Мокрецы, соблазняющие и похищающие детей Земли, лишь осуществляют в жутковато-магических формах старую утопическую мечту о чистых, юных строителях «нового мира». Эта идея, как мы помним, навязчиво преследовала еще Ивана Жилина в Стране Дураков, а затем обрела у Стругацких новую жизнь в символических образах другой мрачной легенды — о гаммельнском Крысолове, уводящем вместе с

крысами и детей из обреченного града; это не только мокрецы с аккордеонами, но и Странники («Жук в муравейнике»), выманивающие детей с гибнущей планеты с помощью кукол-муляжей, и, наконец, в «Малыше» — история космического маугли, ребенка, воспитанного «в некотором смысле спрутами» на «некротической Планете» и вознагражденного за утрату человеческих черт сверхспособностями (суперинтеллект, левитация и пр.). Стругацкие вводят оккультные мотивы в традиционные для НФ сюжеты, конечно, не случайно и не для пущего эффекта. Они изображают утопический рационализм в роковые для него минуты, когда сомнения в возможности осуществления утопических идеалов достигают предела и любая помощь «извне» (все равно откуда — из космоса или из преисподней) начинает казаться благом.

<...>

И в последних своих сочинениях, в повести «Хромая судьба» и в романе «Отягощенные злом», Стругацкие явно стремятся сойти с проторенных путей Утопии. Более того, тема традиции становится здесь едва ли не ведущей.

Однако сам подход, как мне кажется, во многом остался тем же, что и раньше, — «утопическим»:

прошлое осмысляется и оценивается как пролог к «просвещенному» и «прогрессивному» будущему. В такой перспективе и традиция оказывается лишь пьедесталом к грядущему совершенству. И Стругацкие, судя по всему, не сомневаются в своем праве и своих возможностях судить о прошлом культуры с некой «высшей» точки и быть на «ты» с ее творцами. То, что на их последних книгах лежит тень знаменитого романа М. Булгакова, доказывать нет нужды. Стругацкие ведут перекличку с любимым ими автором и его произведением, что называется, впрямую. В «Хромой судьбе» некто Михаил Афанасьевич возникает перед главным героем писателем Сорокиным, в частности, и для того, чтобы прямо и недвусмысленно оспорить мысли, изложенные в «Мастере и Маргарите». Этот Михаил Афанасьевич уверяет: «Мертвые умирают навсегда... Это так же верно, как и то, что рукописи сгорают дотла. Сколько бы Он ни утверждал обратное». В дальнейшем «дух» Булгакова, окончательно перевоплотившись в Воланда, конфиденциально сообщает бедному Сорокину: «Не ждите вы для себя ни света, ни покоя. Никогда не будет вам ни покоя, ни света». Стругацкие явно недооценили дистанцию и слишком решительно вступили на

чужой творческий берег как на свой собственный («О Булгакове уже и говорить нечего, это такое наше», — сообщает А. Стругацкий на страницах «Даугавы», 1987, № 8). Их сверхсерьезный Михаил Афанасьевич, подправляющий героев Булгакова, потому и воспринимается как пародия, что напоминает самоуверенного чужака, пытающегося действовать в мире, для него неблизком и малознакомом.

Начатый в «Хромой судьбе» опыт прямого контакта с булгаковским романом был продолжен (хочется сказать: к сожалению) Стругацкими в «Отягощенных злом». Михаила Афанасьевича собственной персоной здесь уже нет, зато Воланд действует весьма активно, обретя статус всекосмического и всеязыческого Демиурга (Ильмаринен, Вишвакарман, Птах и прочие). Претензии у Демиурга в романе соответствуют его громким титулам, но сквозь всю «божественную» атрибутику легко просматриваются знакомые «рога и копыта»... пришельцев-провокаторов многих книг Стругацких. А главное, зря Стругацкие пошли навстречу своему герою, писателю-барду Баневу из «Гадких лебедей», осуществив вынашиваемый им во время «второго потопа» замысел: «А вообще интересно было

бы написать, как Христос приходит на Землю сегодня, не так, как писал Достоевский, а так, как писали эти Лука и компания».

Братья отнеслись к этой задаче увлеченно, однако результат был, в сущности, предопределен самой идеей, пришедшей из их «утопического» фонда. Апокриф от одноухого Агасфера Лукича в романе «Отягощенные злом» — пока, вероятно, самая большая творческая неудача писателей. Да и как иначе оценить все эти разухабистые и претенциозные истории о похождениях евангельских героев, изначально «сущих сукиных сынов» и «кобелей-разбойников» (речь идет об Иоанне Богослове, имя которого традиция сделала символом целомудрия, и его брате Иакове), а в дальнейшем (уже после голгофской трагедии) убийц («...дельце было пустяковое, они зарезали поддатого горожанина»). Упоминается в досье, составленном тут на псевдо-Иоанна, и скотоложество. Очевидно, что писатели не ставили цель — создать еще одно из серии «забавных евангелий», однако история псевдо-Иоанна в их романе и по духу и по характерному стилю близка к тому, чтобы занять место именно в этом ряду.

<...>

Само творчество Стругацких заставляет подой-

ти и к их последним опытам с мерками отнюдь не фантастико-приключенческого жанра. Социальных экспериментов за последние десятилетия у нас было более чем достаточно. Стругацкие относятся к немногим, кто всерьез и упрямо в так называемый застойный период экспериментировал с утопическими идеями не на колхозных полях и грандиозных стройках, а в своей интеллектуальной писательской лаборатории. И братьям удалось многое прояснить в современном утопизме, желая того или нет, они показали читателям сумрачную пустоту, скрывающуюся за привычным фасадом броских лозунгов и благих пожеланий. Возможно, эрозия коснулась и центральной идеи — идеи Эксперимента, и предстоит подлинный прорыв за пределы Утопии? Что ж, по крайней мере одному из их персонажей, Кандиду, такая «попытка к бегству» удалась. Может быть, и для жителей «обреченного града» еще не все потеряно. Впрочем, шанс на спасение есть всегда, и уже от мысли и воли авторов зависит предоставить его своим героям.

24 мая выходит интервью, взятое у АНа корреспондентом газеты «Комсомолец Киргизии» А. Князевым.

Из: АНС: «Оптимизм… взамен наград»

<…>

— *Хорошо. Так вот, и традиционная, как вы говорите, проза пытается заглянуть в будущее, содержит в себе некий момент предвидения. Фантастика, надо полагать, просто обязана. Вот сейчас мы открываем для себя то, что иногда называют «сундучной» литературой…*

— Лучше стольной, из стола… Я понимаю, о чем вы хотите меня спросить. Знаете, даже те произведения, о которых вы завели речь, не дают оснований говорить о каком-либо предвидении. Давайте возьмем их и посмотрим — поскольку всем уже знакомы великолепные произведения Андрея Платонова и Евгения Замятина — у нас, а Джорджа Оруэлла — за рубежом; ведь все это не что иное, как попытки разработать — литературно, художественно — те тенденции, которые представлялись важными самим авторам в том обществе, в котором они жили. Да и мы в этом смысле, пожалуй, не особенно отличаемся от них, стараемся идти в русле этой великолепной линии: Герберт Уэллс — Алексей Толстой — Иван Ефремов. Теперь вот с наслаждением читаем Платонова, Оруэлла — мы-то его и раньше, поль-

зуясь знанием языка, читали, но только теперь это делается массово... Вот Замятин — меньше нравится, он нас с братом несколько разочаровал, послабже будет, нежели Платонов. Но зато сама его идея — очень интересна! Очень интересна!..

<...>

В конце мая БНу приходит письмо немецкой переводчицы Хельги Гуче. На нем помета БНа: «Ответ 30.05.89».

Из архива. Письмо БНу от немецкой переводчицы

<...>

Сейчас перевожу «Гадкие лебеди», и здесь тоже у меня появились вопросы. Была бы Вам очень благодарна, если бы Вы еще раз помогли мне. Перевожу текст, который написан на машинке.

Вопросы такие:

Гейбор — это Dennis Gabor?

стр. 45 — Срам! — с негодованием сказал доктор Р. Квадрига. — *Чешуя! И головы.* (Смысл последних слов мне непонятен.)

стр. 62 *шерочка с машерочкой*

стр. 69 Хорошо бы придумать, как спросить. *Как-ниб<удь> облически.*

стр. 74 *шесть углов на шее*
стр. 116 *хамло*
стр. 125 ...довелось однажды играть *Озрика*.
стр. 144 *хватит с меня и газет*
стр. 229 *пьявки, кочки*
стр. 244 ...что-то вроде болезненного физиологического *отправления*
стр. 320 *туесок*
стр. 382 Нора королева столичных *клопов*
стр. 385 ханурик
стр. 398 «*зас...ц ты*»
стр. 405 *драп*

4 июня выходит интервью АНа в «Тюменском комсомольце», взятое Константином Тихомировым.

Из: АНС: «Мы никогда не целились...»

<...>

— Судьбы некоторых ваших книг — это, образно говоря, «судьбы пророков в своем отечестве». Возник из небытия «Град обреченный», опубликованы в нормальном виде «Сказка о Тройке», «Улитка на склоне», «Гадкие лебеди»... Как вы чувствовали себя, чисто морально, все те годы, будучи авторами книг, существующих подпольно

и полуподпольно, в ином измерении?

— Да плохо чувствовал... Конечно, мы не думали, что когда-нибудь при нашей жизни выйдет в свет «Град обреченный». Мы не думали, что выйдут при нас «Сказка о Тройке», или «Улитка на склоне», или «Гадкие лебеди»... И было страшно приятно, когда они вышли.

Мы относимся к тем немногим людям — журналистам, писателям, художникам, театральным деятелям, киношникам, — которые получили прямо и непосредственно доход с перестройки, доход с гласности. Будем надеяться, что остальные профессионалы — хлеборобы, металлурги, ремесленники, транспортники — тоже начнут выходить на ту же орбиту, на которую вышли мы, работники пера, кинокамеры, кисти, сцены...

Что касается «Гадких лебедей», то они скоро будут опубликованы в составе книги «Хромая судьба». Вот почему мы говорили: «„Хромая судьба“ — не полностью». А теперь они воссоединятся...

— Помню, как в 70-х ходила по рукам стенограмма встречи читателей с Борисом Натановичем, где он заверял: «„Улитка на склоне“ — это единственное, что у Стругацких будут читать в XXI веке». Такое утверждение говорит о большой

любви авторов к своей вещи...

— Нет, это неправильно: насчет любви и прочей сентиментальности. Что значит любовь?! Да это просто предчувствие того, что эта вещь еще понадобится. При всех обстоятельствах, исключая, конечно, полную аннигиляцию человечества — чего, я надеюсь, не будет. При других мыслимых обстоятельствах «Улитка» будет нужна. Все остальные книги могут быть однодневками, или одногодками, или десятилетками... То есть мы видим в XXI веке человека, читающего Стругацких, именно с «Улиткой на склоне». Не знаю, с отвращением он будет читать или с любовью, как вы выражаетесь, с восхищением, с интересом... Но, впрочем, это нас уже не касается. Нас уже не будет в живых тогда.

— *Знакомая картина: в «Улитке» за обстановкой строжайшей секретности Управления скрывается полная беспомощность в делах Леса. Прямое попадание в брежневщину...*

— Мы никогда не целились. Да и это гораздо раньше Брежнева было написано...

Знаете, до тех пор, пока вы, широкая публика, не усвоите, что фантастика отличается от традиционной литературы тем, что она занимается проблемами глобальными — независимо

от класса, от страны, от верований, религии и т. д., — до тех пор всем будет чудиться в фантастике иносказание. А фантастика берет своей главной темой только самое общее для всех: отсутствие хвостов, например, или отсутствие шерсти на груди у женщин. И есть некоторые психосоциальные вещи, общие для всего человечества. Соотношением этих общих и довольно постоянно действующих психосоциальных характеристик людей с непрерывно меняющейся технологической и социальной жизнью — вот этим и занимается фантастика. Вот почему мне жаль этого беднягу Сергея Плеханова, выступившего в апреле в «Литературной газете», который считает, что фантастика — это «эзопов язык». Чепуха это! Никогда она не была эзоповым языком. То есть были, конечно, некоторые авторы, но эзопов язык — он более в сатире применяется или в историческом романе, а в фантастике это не главное. Главное для нее — масштабы, в которых бьется действительность.

— Критику А. Зеркалову Перец напомнил князя Мышкина...

— Князь Мышкин — это вечный персонаж. Мышкины были до Достоевского, они и сейчас существуют и будут, слава богу, существовать

еще сто лет. Это энергетические сгустки самого лучшего, что есть в человечестве — милосердия, великодушия, стремления к самоотдаче, самопожертвованию...

И мы совершенно не думали о какой-то аналогии: Перец — князь Мышкин. Перец — фигура в два раза `уже...

Господи! Да если бы это удалось: написать что-то вроде князя Мышкина на фоне Леса! Тогда нам было бы легче умереть.

— *Вы учились у Достоевского?*

— Слишком поздно до него добрались... Мы освоили его по-настоящему, когда уже выработался свой стиль, когда учителей не стало нужно...

А преклонение перед ним — огромное. Независимо от нашей воли, он входит в кончики пальцев, когда мы печатаем. Если в этом смысле, то тогда мы, конечно, ученики Достоевского. Но это несознательно...

<...>

В шестых номерах журналов «Литературное обозрение» и «Октябрь» печатаются разборы последних журнальных публикаций Стругацких авторства Марка Амусина.

Из: Амусин М. В зеркалах будущего

<...>

В последнее время эти произведения одно за другим входят в читательский обиход, а рядом с ними появляются новые вещи Стругацких, продолжающих активно работать. Написанные почти одновременно «Сказка о Тройке» и «Время дождя» («Гадкие лебеди»), а также отделенный от них двадцатью годами фантастический роман «Отягощенные злом, или Сорок лет спустя» образуют в совокупности интереснейший контрапункт, многое проясняющий и в творческой судьбе самих писателей, и в «судьбе идей», в эволюции мировоззренческого комплекса «шестидесятничества», порожденного хрущевской оттепелью.

<...>

Проповедь мудрости, бережного, милосердного отношения к себе подобным, призыв к терпимости, к самому широкому пониманию чужих взглядов — вот последняя по времени позиция братьев Стругацких. Она, впрочем, не исключает и сарказма, острокритического отношения к различным сторонам действительности, примеров чего немало в «Отягощенных злом». И все же этот

перенос акцентов — по сравнению, скажем, с «Временем дождя» — знаменателен. От негодования по поводу несовершенства человеческой природы и общественного устройства, от жестокой фантасмагории суда над погрязшей в пороках цивилизацией авторы переходят к поиску терапевтических средств, способных врачевать язвы человечества, причем не в глобальных масштабах, а в пределах каждой личности. К тому же обремененность бытия злом воспринимается теперь как неизбывная данность.

Что это — усталость? Приходящая с годами «притерпелость» к злу? Нет, скорее жажда практической, пусть и не всеобъемлющей гуманизации жизни. Вспомним, что и в шестидесятые, и в семидесятые годы Стругацкие обладали счастливой способностью кристаллизовать в своих художественных образах идеи, еще растворенные в атмосфере времени. Может быть, и сейчас наши авторы раньше многих уловили и сформулировали витающий в воздухе императив: «Время собирать камни»?

Из: Амусин М. Иллюзии и дорога

<...>

Андрей Воронин, при всей своей психологиче-

ской достоверности, «фактурности», — фигура безусловно символическая. Он сродни — пусть это сближение не покажется странным — таким литературным героям, как Ганс Касторп из «Волшебной горы» Томаса Манна или Гарри Галлер из «Степного волка» Гессе. Как и они, Андрей проходит в романе сложный путь духовного преображения, в зеркале которого отражаются идейные знамения и поветрия эпохи, ее кризисные черты. Умонастроение героя в конце романа — и надо иметь мужество признать это — очень характерно для сегодняшней духовной ситуации нашего общества. В «сумерках кумиров», среди обломков былых иллюзий и догм многие с тоской и недоумением всматриваются в прошлое, с тревогой и скепсисом заглядывают в будущее, отнюдь не уверенные, что оттуда донесется благая весть.

Впрочем, итогом авторских размышлений вовсе не является беспросветный пессимизм, отказ от поиска смыслообразующих начал. Финал романа подчеркнуто открыт, разомкнут. Добравшись до некоего конечного пункта своего странствования, Андрей вдруг оказывается в исходной точке, в своей ленинградской квартире, и узнает, что позади лишь первый из многочисленных кругов

познания. «Свободы от» герой достиг. Но насколько труднее предстоящий ему путь к обретению новых общезначимых ценностей, «свободы для».

Так чем же актуален сегодня роман? Пожалуй, не радикальностью отрицания изживших себя форм мироосмысления. Важнее другое. Признаемся: наше интеллектуальное мужество прогрессирует сегодня черепашьими темпами, не поспевая зачастую за событиями. Стругацкие призывают нас видеть насущные духовные проблемы сразу во всей их остроте, задаваться «опережающими» вопросами. И не только задаваться вопросами, но и не шарахаться от самых непривычных, неудобных ответов, не вычеркивать их заранее из «веера вариантов». А еще роман напоминает нам о том, что мы находимся «в круге первом» самопознания и самоочищения.

В июле этого года начал выходить новый журнал «Искусство Ленинграда», и уже во втором его номере было опубликовано обширное интервью БНа Марку Амусину, где затрагивались разные темы.

Из: БНС. «В душе мы оптимисты»

<...>

М. А. Ну и сакраментальный вопрос. Зададимся сакраментальным вопросом, без которого, наверное, сейчас не обходится ни одна беседа с известным автором. Ваше отношение к личности Сталина, к роли его в истории нашей страны. Сейчас много спорят о том, что породило что: Сталин ли систему, или существовавшая уже тогда система со своими предрасположенностями выдвинула Сталина как идеальное свое воплощение?

Б. С. Мне представляется, что это вопрос о курице и яйце. Впрочем, я охотно поговорю на эту тему, тем более что это действительно, может быть, самая популярная тема сегодня. Сейчас о Сталине написано и опубликовано уже довольно много. Лично мне ближе всего трактовка, которую дает Алесь Адамович в своей блистательной повести «Дублер». Дело в том, что почти все, пишущие о Сталине, даже относящиеся к нему заведомо неприязненно, обычно изображают его в соответствии с формулой: это был преступник — но великий, он был палач — но титанический, он был злодей — но демонический. Во всех этих

описаниях как бы ощущаются большие буквы. А Адамович создал совершенно нетривиальный образ, достоверный, непротиворечивый. Поганый старикашка, без чести, без совести, без души, мерзкий, гнусный, обладающий только одним нерядовым свойством — безмерным властолюбием. Безмерным и совершенно, между прочим, ничем не оправданным. Потому что никаких рациональных и нравственных оснований для его власти нет, кроме самого этого безмерного желания властвовать. Я думаю, что Адамович написал не последнего Сталина. Будут еще и другие Сталины, появятся, возможно, и апологетические образы, но мне кажется, что это уже не так важно. В этом смысле Сталин — в значительной степени уже выеденное яйцо. То есть если говорить о сталинщине, то надо в первую очередь говорить о системе. Но вообще-то, на мой взгляд, вопрос ваш просто неправильно поставлен. На самом деле и Сталин, и система — суть продукты определенного хода исторических событий. Я не согласен с теми, кто утверждает, будто ход истории мог быть другим. По-моему, это самообман. По-моему, после смерти Ленина события развивались таким способом, каким только и могли развиваться. Все разговоры о том,

что было бы, если бы победил Бухарин, кажутся мне абсолютно лишенными смысла. С таким же успехом можно обсуждать вопрос, что было бы, если бы Бухарин обрел способность убивать взглядом. Точно так же бессмысленно задаваться вопросом, что было бы, если бы Троцкий победил; если бы Каменев с Зиновьевым победили. Да не могли они победить по самой сути сложившейся исторической ситуации! Потому что призывали партию к действиям непопулярным. Троцкий, например, забивал людям голову призывами к перманентной революции. Да никому она не нужна была, эта перманентная революция, никого она не привлекала, ничего хорошего не сулила. Всем было ясно, что социалистическая революция в одной отдельно взятой стране совершилась, и надо теперь с этим жить. И ничего, кстати, дурного в этом нет. Мы заслужили кровью эту победу и все плоды ее! Человек, который призывал к дальнейшей борьбе, к дальнейшим лишениям и жертвам, к аскетизму, не мог быть популярен. Конечно, у него были сторонники...

М. А. И очень преданные...

Б. С. Но они исчислялись тысячами, а партия тогда уже насчитывала сотни тысяч и миллионы. Точно так же не имели перспективы Зиновьев

с Каменевым. Они были превосходные ораторы, были хороши на гребне революционной волны, но волна схлынула, и они оказались на мели. Они не знали, как организовать и наладить каждодневную работу партии в мирное время, не умели этого. А Сталин умел. Победившей партии нужен был человек типа Сталина.

А если к власти пришел человек определенного типа, значит, он будет проводить определенную политику. Ленинская политика кооперации, медленной, но надежной индустриализации, постепенного втягивания многомиллионного крестьянства в социализм — весь этот ленинский курс неизбежно должен был быть отброшен. И не из-за мифической внешней угрозы, о которой я читаю в каждой статье, посвященной тому времени. А потому, что с крестьянством не пожелали бы тогда обойтись иначе, чем обошлись. Ибо в глазах почти каждого большевика-профессионала крестьянство было огромной опасной мелкобуржуазной массой, ежедневно и ежечасно порождавшей капитализм.

М. А. В глазах всех, кроме Ленина?

Б. С. К Ленину мы еще вернемся. Такое представление о крестьянстве было вбито в головы всей предшествующей политико-идеологиче-

ской пропагандой. Поэтому в самых широких слоях партии было распространено убеждение, что крестьянство надо брать к ногтю, пока оно не пожрало революцию. Не случайно ведь любая фракция, любая оппозиция в те годы поднимала вопрос: а не пора ли скрутить крестьянство?

Вот вы сказали — Ленин. Надо было быть Лениным, чтобы понять: если к крестьянству относиться так, никакого справедливого общества не построить. Но даже Ленин это понял, к сожалению, слишком поздно, когда после Гражданской войны, в обстановке всеобщей разрухи Советское государство оказалось на краю гибели. Кронштадтский мятеж стал зримым выражением всеобщего кризиса. И Ленину хватило мудрости, и даже не только мудрости, наверное — не он один понимал это, — но политической власти и воли убедить партию принять НЭП.

М. А. А может быть, помимо мудрости и политической воли — еще способности переступить через доктрину?

Б. С. Можно и так формулировать, для меня это входит в понятие мудрости. Партия последовала за Лениным, как это не раз бывало и раньше, но это был, скорее, акт доверия авторитету, чем акт убежденности. А всё, что последовало по-

том, было просто возвращением на привычный политический путь. Большинство партийцев искренне считало: конечно, крестьянство надо прижать. И конкретную жестокую работу по коллективизации партийный аппарат исполнял не только послушно, но, осмелюсь предположить, с радостью и удовлетворением.

М. А. Работали не за страх, а за совесть?

Б. С. Выполняли задачу, которая представлялась им абсолютно правильной и необходимой. Кулак — враг злобный, открытый, но и с крестьянством вообще церемониться не следует. Это класс опасный для социализма, его надлежит беспощадно приспособить к новой жизни, и чем скорее, тем будет лучше для всех.

М. А. То есть это укладывалось в рамки самой что ни на есть базовой теории и вытекало из нее, а не было каким-то злостным искажением, чего до сих пор многие не понимают...

Б. С. У нас не любят об этом писать, но, полагаю, так оно все и было. Это был момент, когда партия вынесла приговор себе и своему делу. Трагедия состоит в том, что она не способна была поступить иначе. Она была построена, организована, выкована как боевой механизм для захвата и удержания власти. Она ничего не

умела, кроме как с бою захватывать власть и с боями ее удерживать. Отсюда вся сила ее и все ее слабости. Преклонение перед дисциплиной, почти военной. Страх фракционности, неприязнь к оппозиционерам. Убеждение в том, что всегда, при любых обстоятельствах существует лишь один-единственный верный путь, причем — так уж устроен мир! — это путь беззаветной и жестокой борьбы. Безоглядная вера в теорию, почти наивная убежденность, что существует социальная теория, способная предусмотреть все повороты истории...

Был ли альтернативный путь нашей истории? Да, был. Ленин увидел его к концу своей жизни и попытался сделать достоянием своих соратников. Могла ли партия, именно эта партия, ценою огромных жертв захватившая власть в стране, где ее программу поддерживала лишь малая часть населения, — могла партия в этих условиях осознанно выбрать ленинский путь? Отказаться от жестокого, «безвариантного» управления страной? Экономикой? Деревней? Пожертвовать частью завоеванной власти, рискнуть, вернее, продолжить ту рискованную линию, на которую ее подвигнул Ленин? Мне кажется, не могла. Наверное, лишь единицы из тогдашних партийных

руководителей — в том числе Ленин — понимали то, что и сейчас мы только начинаем усваивать: коммунизм нельзя построить, можно лишь создать условия для его появления, убрать то, что ему мешает. Если почва хорошо взрыхлена и унавожена, общественные формации прорастают в историю сами — как хлеб, как сад, как лес.

Так что не будем обманывать себя: великий перелом хребта истории произошел не по несчастливой случайности и не по чьему-то недосмотру. Просто он не мог не произойти, он вытекал из всего предыдущего хода событий. Порожденная этим ходом событий правящая партия не умела и не желала принять альтернативный путь, она избрала путь насилия над историей, а на этом пути ей нужен был совершенно определенного типа вождь, вождю же нужен был совершенно определенного типа аппарат. Не Сталин создал систему, и не система — Сталина. Всех их вылепила история из подходящего к делу материала.

Гораздо более интересным с теоретической точки зрения кажется мне вопрос: что было бы, если бы Ленин прожил еще лет двадцать? Но это — тема для отдельной беседы, и не со мной, а с настоящим историком-профессионалом.

27 июля АН благодарит Романа Арбитмана за

его статью в саратовской газете.

Из архива. Из письма АНа Р. Арбитману

Дорогой Роман!

С удовольствием и не без чувства благодарности прочел Вашу статью. Жаль, конечно, что Вам не удалось продвинуть ее за пределы области. Что делать, игра в одни ворота продолжается, и не видно ее конца. И все же хорошо.

Жаль только, что Вам не пришло в голову пометить, из какой газеты и за какое число эта вырезка. При возможности — сообщите. Кстати, а Вы не пробовали отправить эти вырезки по адресам «заинтересованных» печатных органов и даже с прямой просьбой передать эти вырезки «заинтересованным» авторам? Конечно, это не очень бы на них воздействовало, но кто знает?

Речь о статье Романа в газете «Железнодорожник Поволжья», в номере от 21 июля.

Из: Арбитман Р. О короткой памяти

<...>

Творческий путь известных советских писателей-фантастов Аркадия и Бориса Стругацких

никогда, что называется, не был усыпан розами. Всегда им доставалось изрядно: за независимость суждений, за скепсис, за «намеки», за сатирические обобщения. На них шли в поход со страниц «Известий» и журнала «Коммунист», «Литгазеты» и тогдашних «Огонька» с «Октябрем»... Цензоры (как официальные, так и добровольные) бдительно вглядывались в каждое их слово, нашаривая крамолу. Их обвиняли в непонимании настоящего и клевете на будущее, в тлетворном влиянии на молодежь, в очернительстве, в непатриотизме и прочих вредных «измах» (кроме, разве что, расизма — это чудовищное обвинение изобретено уже новейшими критиками). Каждая книга Стругацких пробиралась к читателю с трудом, через всяческие препоны и рогатки. Не один редактор поплатился своим местом из-за того, что публиковал фантастику Стругацких. Из цитат, собранных из разносных статей-доносов на писателей, можно было без труда составить обвинение по статье «Антисоветская агитация и пропаганда» (ныне, к счастью, отмененной)...

Прошло время. Вещи, написанные Стругацкими два и более десятилетия назад, с успехом переиздаются и находят своих благодарных читателей. Талант писателей никакое время не может

«отменить», а то, что поставленные ими проблемы не утратили актуальности, свидетельствует об особой зоркости фантастов. Их новые произведения («Град обреченный», «Отягощенные злом, или Сорок лет спустя») вызывают новые споры, дискуссии — так оно и должно быть.

И тут подают свой голос дозволенно-смелые критики. Вооружившись самыми свежими цитатами из самых свежих постановлений, они начинают выискивать расхождения между книгами Стругацких 60-х годов и нынешним духом времени. Перестройку подобные граждане воспринимают по-своему — как счастливую возможность напасть на ненавистных писателей-фантастов в новых идеологических доспехах. Раньше клевали за демократичность — теперь за недостаточную демократичность, раньше пинали за недостаточно активных героев — теперь вдруг герои оказались чересчур активными, раньше упрекали в идеализации капиталистического общества — теперь готовы записать Стругацких в число поклонников «казарменного коммунизма».

Хочет «отменить» Стругацких критик Сергей Плеханов. Еще недавно убежденный проповедник идеи «имперского сознания» (прочитайте-ка

не блещущую художественными достоинствами повесть С. Плеханова «Золотая баба» и обратите внимание, как там решается вопрос взаимоотношений «большого» и «малых» народов), критик обвиняет авторов в национализме. Другой критик, В. Сербиненко (статья «Три века скитаний в мире утопии»), находит у Стругацких другие грехи: антигуманизм, оправдание иезуитского лозунга «цель оправдывает средства», когда ради идеи можно пойти на контакт с чертом, с дьяволом, с интервентами... Третий критик, Ирина Васюченко (статья «Отвергнувшие воскресенье»), обнаруживает у Стругацких культ силы, жестокости, предостерегает юношество от чрезмерного доверия к Стругацким...

Статьи эти производят тягостное впечатление еще и потому, что две последние опубликованы в серьезных и прогрессивных журналах (в майских номерах «Нового мира» и «Знамени»), и это неизбежно рождает недоуменные вопросы читателей, привыкших доверять этим изданиям. Спорить же с этими произведениями дозволенно-смелых критиков не хочется. Во-первых, потому что — как и их коллеги в не столь отдаленные времена — они не гнушаются передержками, искажением позиций авторов, приписывани-

ем взглядов героев конкретно авторам; как и прежние «проработчики» Стругацких, нынешние критики плохо ориентируются в текстах (на «неточностях», имеющих принципиальное значение, их можно ловить неоднократно). Во-вторых, к тому немногому верному, что есть в этих статьях, произведения Стругацких не имеют никакого отношения, их книги не годятся для примера отвлеченно-«демократическим» пассажам авторов-критиков. Уж не будем говорить о том, что глубоко порочен взгляд на писателей вне осознания их эволюции, развития, нельзя ранние их произведения искусственно подверстывать к позднейшим.

И в-третьих. Есть, на мой взгляд, что-то нечестное в том, что умных и мужественных писателей критикуют за «недостаточную» прогрессивность люди, которые в минувшие годы решительно ничем не проявили своей приверженности демократическим идеям: ни И. Васюченко, ни В. Сербиненко не принадлежат к числу борцов с «застоем». (С. Плеханов же в былые годы не принадлежал даже к числу «умеренных прогрессистов в рамках закона», всегда перевыполняя план по лояльности.) А ведь есть критики, которые и в те времена были смелы по-настоящему,

которые и сейчас, пожалуй, имели бы моральное право критиковать тех же Стругацких.

Но у таких критиков, как я понимаю, претензий к Стругацким нет.

Другая немецкая переводчица, Эрика Петрас, занялась ХС и тоже уточняет у БНа трудные места повести. Как всегда, на письме помета БНа: «Ответ 28.09.89».

Из архива. Письмо БНу от немецкой переводчицы

<…>

Пишу Вам из Берлина/ГДР, я переводчица, уже несколько лет с интересом и удовольствием занимаюсь Вашими с Вашим братом произведениями: почти все прочитала, роман «Обитаемый остров» и повесть «Парень из преисподней» перевела на немецкий язык. Работа эта мне понравилась, и особых проблем не было, тем более что у меня друзья — русские, они помогают, если нужно.

Но теперь, к сожалению, дело обстоит по-другому. Сижу я над романом «Хромая судьба», вернее, над половиной романа, рассказом Ф. Сорокина (1-я, 3-я, 5-я, 7-я, 9-я главы) — часть Банева досталась переводчице Х. Гуче, она Вам писала — и вдруг

выяснилось, что даже русским моим знакомым не все понятно. (Они, правда, больше пятнадцати лет живут в Берлине, возможно, чувствительность к языку уже не такая...)

Выход один: обратиться к Вам, другой возможности просто не вижу! Итак, я Вас очень прошу ответить на мои вопросы, а если Вас не слишком затруднит, так же обстоятельно и быстро, как Ваш герой Ф. Сорокин японцу Рю Таками. Страшно мне неудобно беспокоить Вас, но что же делать — издательство (Нойес Берлин) и редактор (Эрик Симон) ждут результата, а мы ведь все желаем, чтобы и немецкое издание Вашего романа стало отличным произведением.

С благодарностью и наилучшими пожеланиями

Эрика Петрас.

А вот мои вопросы:

На страницах (рукописи):

4) Кто такой *Фиттингов*? Русский или иностранец? А если иностранец — как писать фамилию латинскими буквами? В энциклопедиях я этого иллюстратора не нашла.

9) «...*устремляемся мыслью... услышим шаги стихии огня, но будем уже готовы управлять волнами пламени*».

— Это Вы только пользуетесь стилем Упанишад или прямо цитируете? А если это цитата — откуда, из какой части Упанишад?

10) из Киплинга, «*Сталки и компания*»: Как английское название произведения? Это рассказ? Откуда, из какой книги, собрания? Я его еще не нашла на немецком.

17) Как понимать фразу: «*Двенадцать лет в восьмеричной системе исчисления*»?

21) Как и Рю Таками, я не совсем поняла выражений:

«*хватать шилом патоки*»

«*цвести как майская роза*»

«*иметь попсовый вид*»

«*полные штаны удовольствия*»

Объясните, пожалуйста!

(Трудно будет с выражением «Фиг тебе!». Мне объяснили его смысл, но — увы! — соответственное на немецком языке ни к фигам, ни к несложным фигурам из трех пальцев уличных дам в Японии отношения не имеет...)

77) *Сустак* — это, наверное, лекарство? Но какое, от чего?

92) *Гирш* (Наумович) — это имя, возможно, еврейское, или прозвище «со смыслом»?

94) Объясните, пожалуйста, значение прозви-

ща «*Ойло* Союзное». (Это, может быть, от «ой ли»?)

176) Что такое *скотч*?

182) *Бэнкэй* — кто это? Вы не знаете, как он пишется латинскими буквами?

«*Шиллеровщина*» — это от немецкого писателя Шиллера? Что это значит?

287/288) Из какого произведения Булгакова *цитата*?

288) Что такое «*кафкианский бред*»?

369) Как понимать «*...то ли дописы, то ли жописы* по классификации Жоры Наумова...»?

380) «...блестя *лауреатским значком*...» (Какой значок / какая премия имеется в виду?)

Статьи Ирины Васюченко и Вячеслава Сербиненко вызвали настоящий поток возмущенных писем в уважаемые журналы. Писали как простые любители фантастики, так и профессиональные критики. Часть откликов шла копиями также и Авторам. Письмо же Александра Мирера и вовсе стало открытым, после того как выяснилось, что никакая полемика не интересует ни один из вышеупомянутых журналов. Из весьма обширного текста Зеркалова-Мирера мы печатаем лишь его постскриптум.

Из архива. Из открытого письма А. Зеркалова

<…>

Постскриптум. Октябрь 1989

Письмо стало открытым после того, как редколлегия «Нового мира» отказалась его публиковать или принести извинения Стругацким (26.09.89). Тем самым, как принято считать, журнал солидаризовался и с идеями своего автора, и с его критическими приемами. На то, очевидно, есть свои причины, и я считаю себя обязанным их прокомментировать.

Первая и главнейшая причина: статья В. Сербиненко на деле не критическая и даже, я бы сказал, не социально-философская, а политическая. Так она, по-видимому, и была воспринята редакцией. Разбор произведений — и доброе имя писателей — использовались как трамплин для политической полемики. И книги, и люди были принесены в жертву некоей идее. Затем уж редколлегии трудно было сознаться перед всем миром, что литературоведческая основа построений В. Сербиненко покоится на передержках и подтасовках, — тогда оказалось бы опороченным всё здание.

Так Стругацкие были принесены в жертву

вторично.

Дополнительный вопрос: почему выбрали именно их? И здесь причина достаточно ясна: они убежденные социалисты. Убежденные — но решительно не принимающие тоталитаризм в любых проявлениях, от сталинского до брежневского, отвергающие все и всякие силовые методы в социальной жизни. Уже в первой своей зрелой вещи, «Трудно быть богом», они — несмотря на цензуру 1963 года — заявили о своей приверженности социальной эволюции и о неприятии революций. Спустя 10 лет они написали об этом уже вполне откровенно в «Граде обреченном» (написанном «в стол»).

Стругацкие репрезентируют самую демократичную и человечную ветвь социалистической мысли. Обвиняя их в бесчеловечности и прочих грехах, критик как бы автоматически атаковал все социалистические идеи разом.

Несколько слов об исходных позициях В. Сербиненко. Они выглядят столь же сомнительными, как и его полемические приемы — удивительно, что редколлегия этого тоже не заметила. Он протестует против «утопизма», странным образом закрывая глаза на то, что любой проект устроения мира есть политическая утопия. В том числе и

проект, изложенный в Новом завете, — который критик, по-видимому, исповедует. Его позитивное кредо: «...Высочайшая оценка веры и мечты в духовной истории человечества» — с оговоркой: «эти качества духа» не должны быть направлены на «ложный „внешний общественный идеал“». Фразеология звонкая, но бессодержательная. Веры и мечты было предостаточно и у нас в 30-е годы, и среди конников Чингиз-хана. «Общественные идеалы» были ложными? Готов согласиться. Но как тогда быть с идеалами Христа (которые критик, без сомнения, полагает истинными)? С верою и мечтой, под хоругвями Христа творились злодеяния, вполне сравнимые со сталинскими. Христианская Европа почти два тысячелетия «то парила, то ползала» (В. Сербиненко) — кроме веры и идеалов, необходимо добротное устройство общества, что прекрасно понимал Вл. Соловьев. Он всю свою жизнь пытался скорректировать христианскую традицию, поместить ее на должном месте между землей и Небесами. Корректировал «рационалистически», надо заметить, но почему-то не вызвал неудовольствия у В. Сербиненко.

Теперь о второй причине публикации и отказа от последующей полемики. Боюсь, что это

— литературный снобизм. Задумаемся: как вышло, что известнейший литературный журнал принял к печати статью, облыжно шельмующую писателей с мировым именем? Не озаботившись простой сверкой текстов? (Даю справку: на июнь 1989 за рубежом в 22 странах вышло 260 изданий книг Стругацких.) Так вот, мы имеем право заподозрить, что «Новый мир» не числит Стругацких хотя бы значительными писателями и попросту ничего не знает ни об их творчестве, ни об их мировом имени. Напоминаю: статья в № 5 1989 года — первый обзор их творчества за все 30 лет их литературной работы.

Литературный снобизм — довольно жуткая штука. Я четверть века занимаюсь фантастикой, десятки раз говорил о ней с десятками литераторов и могу удостоверить: писатели, критики, литературоведы, составляющие актив «толстых» журналов, по преимуществу считают фантастику «задворками литературы». Кавычки потому, что именно такими словами мне охарактеризовали ее в «Литгазете» ровно 25 лет назад.

Главное качество сноба — неприятие любой иной точки зрения. Главное качество литературного снобизма — неспособность понять интересы читателей, даже самых квалифицированных.

Почему миллионы интеллигентных читателей считают фантастику своей литературой? Почему ею увлекаются студенты и молодые ученые — самая творческая страта общества? Почему у нас многие из «прорабов перестройки» считают себя учениками Стругацких? Такими вопросами можно не задаваться — мало ли что творится там, на задворках... Можно не задумываться и в результате проглядеть существенные контакты литературы и общества. Такое уже бывало: народовольческая критика 20 лет шельмовала Чехова, — а он был кумиром молодой русской интеллигенции.

Профессионалы не желают читать Стругацких — во всяком случае, профессионалы из «Нового мира». Иначе они бы знали, что Стругацкие с почти невероятным упорством, на протяжении четверти века, поднимали буквально все проблемы, которые сейчас страстно обсуждаются в нашей стране. Проблемы философские, социальные, культурные, духовные; в том числе и проблемы экологии, которыми «Новый мир» занимается в особенности. Грех неблагодарности — черный грех... Я убежден, что перестройка — которая, в частности, открыла трибуну для Сербиненко — стала в некоторой степени возможной

благодаря воспитательной работе Стругацких. Их били, о них лгали, их замалчивали — они прорывались в печать и воспитывали нас с вами. Особенно тех, для кого «самиздат» и «тамиздат» были недоступны.

Оговорюсь: я имел в виду В. Сербиненко в его качестве христианского философа. В качестве же гонителя Стругацких он мог иметь трибуну в любое время. Доказательство тому — удивительная синтонность его статьи со статьей А. Шабанова в «Молодой гвардии» № 2 за 1985 г. о «Жуке в муравейнике». Те же обвинения в жестокости — и точно такие же передержки.

Боюсь, что об этой статье редакция «Нового мира» тоже не знала ничего. Как и о многолетней травле Стругацких, ведомой функционерами издательства «Молодая гвардия».

Не хочется думать, что здесь духовное единство — право же, не хочется.

Предположим, однако, что я неправ, что неправы все, кто почитает Стругацких, что слава этих писателей основана на пристрастии толпы к развлекательному чтиву. Но вести-то себя порядочно надо и со скверными писателями. Не следует их обвинять облыжно — а будучи пойманными на передержках, следует все-таки извиняться. И уж

совсем худо, если поклепы — даже на плохих писателей — возводятся по идейным соображениям. Это метода, язвительно описанная Достоевским: «все дозволено», лишь бы «с направлением». Это бесовщина.

Двадцать пять лет назад, когда казалось, что сталинская бесовщина с ее приговоркой «Лес рубят — щепки летят» уходит в прошлое, Стругацкие сказали: «Если во имя идеала человеку приходится делать подлости, то цена этому идеалу — дерьмо». Сказано несколько грубо, но здесь абсолютная этическая максима. Внешний, лозунговый фасад философии В. Сербиненко тоже к ней сводится; я попытался показать, что стоит за фасадом. Не удивительно, что он привел эти слова Стругацких с пренебрежительным комментарием: «просвещенческие надежды», «изречения типа...», отчетливо давая понять, что сие ему не подходит — не его этика...

Удивительно другое. Этой, я бы сказал, генеральной проговорки редакция «Нового мира» тоже не заметила.

Упоминаются критические статьи из советских журналов и в письме БНу из Болгарии от Юри Илкова, руководителя клуба «АБС».

Из архива. Письмо БНу от Ю. Илкова

<…>

Борис Натанович, мы с нарастающим интересом и напряжением следим за ходом перестройки в СССР во всех сферах жизни. Понятно, кое-что доходит до нас и о борьбе в сфере НФ. Информацию об этой борьбе получаем преимущественно от советских фэнов. В частности, хотя и с опозданием, мы узнали о вашем с братом обращении в Совет по фантастике СССР и т. д. и всем КЛФ. Потом получили и прочитали *гадость* в сб. «Простая тайна».

Не впадая в возмутительные словоизлияния (это неудобно мне писать именно Вам) могу Вас заверить, что все мы — на вашей стороне (за вами)! Имею в виду клубы «АБС» и «И. Ефремов». Не знаю, куда нам следует обратиться по этому поводу? Я спросил об этом Вл. Гопмана, но он ничего не ответил. Если Вы считаете, что еще не поздно нам выразить свой протест и что это еще необходимо — напишите куда нам следует выразить то, что мы думаем.

Кстати, мы читали и статьи в № 5 журнала «Знамя» и № 5 «Нового мира» (я эти журналы выписываю). Если первую можно считать ис-

кренним заблуждением автора, то вторая — это уже образец одностороннего и тенденциозного «псевдоанализа», т. е. удара «ниже пояса». Эти «чтения» вызвали у меня и еще у нескольких человек «творческую эрекцию» и хотя мы не намерены делать Вам апологию — постараемся выразить некоторые мысли о творчестве АБС. <...>

В начале октября на несколько дней Авторы встречаются в Москве.

Рабочий дневник АБС

[Записи между встречами]

Страшный суд — Ад — Рай.

Ад и Рай — это одно и то же; мученики — в Аду, а мучители — в Раю.

Город вокруг завода Б<оевых> О<травляющих> В<еществ>. Выхлопы (светящиеся шары, катящиеся по ночным улицам). Гарь, вонь. Цветная зелень. Плотоядные коровы.

Люди утратили жалость, стыд, совесть, честь.

Ночные подростки — вурдалаки. Директор завода — владыка города.

Бьют тревогу приезжие: командировочный,

журналист, родственник и т. д.

Комиссия. Утверждает, что вреда от завода *нет*! На самом деле нет. Не в заводе дело. А в чем?

Злобные и жалкие ветераны.

Жестокие и злобные афганцы.

В магазинах: маринованный спрут и кактусовый джем.

Эйзенштейн сказал: «Я не друг чел<овечест>ва, я враг его врагов»[54].

Завод дает валюту: больше нигде такой продукции не производят (оч<ень> вредно).

Люди живут по принципу: хочу — не хочу. И никакой морали.

6.10.89

Б. (с Адкой) прибыли в Мск для переговоров и обсуждений.

«Ночь страха». Вечером приносят повестку: «Явиться туда-то, имея с собой не более 20 кг». Паника по городу. Звонят депутатам. Шум машин внизу.

Конец: приносят повестку: «Приказ отменяется». Немая сцена. Начинает звонить телефон. Долго звонит, никто не берет трубку. Потом еврей кричит: «Я же говорил, что это невозможно! Я же говорил!..» Занавес.

Еврей: «Жиды города Москвы...»

Супр<ужеская> пара, он 58 лет.

Старший сын 30 лет — испуган.

Мл<адший> сын 20 лет — всех видал в гробу.

«Сон разума рождает чудовищ»[55] — эпиграф.

Сосед-милиционер: «Кому положено, тот и приказывает. Наше дело — охранять порядок».

Сосед (не получивший повестки): «Каждому — свое». Приглядывается к мебели (к TV-PANASONIC) — но это надо тонко, полунамеками. Главное чувство — облегчения, а не [1 слово нрзб].

Опытный: «Надо надевать теплое и грязное. Отнимут урки...»

Пришло время отвечать за статьи, за интервью, за речи.

«Товарищ, знай, пройдет она, пора неудержимой гласности...»[56]

Комитет СА (Социальной ассенизации)

или Сов<етской> Армии?

или штурм<овых> отрядов?

Звонок в КГБ: «Держим под контролем». Звонит стукач.

Аналитик пытается разобраться, по которому <принципу> рассылают повестки: «Ну, евреи — понятно...»

7.10.89

Трепались.
Смотрели видео — про титьки.
Вечером с Адкой смотрим всякое до 4.00 утра.

8.10.89

Адка и Б. уезжают.

Примерно в сентябре БН составил и написал предисловие к сборнику молодых советских фантастов, который должен был выйти в Болгарии. Перечисляя этапы развития фантастики в СССР, БН останавливается на периоде 70-х годов.

Из архива. Из: БНС. Предисловие к болгарскому сборнику

<…>

Фантастика была объявлена литературой «нон грата». По редакциям пошла гулять ядовитая формулировочка: «Всякая фантастика это либо полное дерьмо, либо антисоветчина». Сделалось душно и сумрачно. Новая редакция «Молодой гвардии» взяла курс на «фантастическую» фантастику, далекую от реальных проблем настоящего

и будущего, далекую от задач человековедения вообще. Выпуск фантастики в стране, и без того не слишком-то обильный, резко упал. Лишь два-три тонких журнала продолжали теперь публиковать фантастику более или менее регулярно. Читатель вопиял о книгах, но книг выходило все меньше, и негде стало преклонить голову молодому талантливому писателю-фантасту. Фантастика не перестала привлекать к себе новые силы, — отнюдь нет! Просто катастрофически сузилась издательская база и неизмеримо выросла редакторская настороженность ко всему, что выходит за рамки привычно-серого, утвержденного свыше и многократно апробированного...

Об этих сумеречных днях нашей культуры вообще и фантастики в частности будет, я полагаю, написано еще не раз. Мне же сейчас важно подчеркнуть два обстоятельства. Во-первых, этот маленький экскурс в историю лишний раз доказывает существование теснейшей связи между фантастикой и всей прочей культурой: фантастика не есть нечто изолированное, фантастика — плоть от плоти всей культуры вообще. А во-вторых, мне хотелось подчеркнуть, что поколение 70-х вступило в свою творческую жизнь в крайне неблагоприятных условиях...

Несмотря ни на что, они продолжали возникать повсеместно, то там, то здесь по всей обширной территории нашей страны. В Таллине — Михаил Веллер. В Одессе — Борис Штерн. В Перми — Владимир Пирожников. В Новосибирске — Геннадий Прашкевич. В Волгограде — супруги Лукины... В Москве возникла целая школа — Бабенко, Геворкян, Покровский, Руденко... И целая школа возникла в Ленинграде...

Я горжусь этими ребятами. Они писали несмотря ни на что, писали, стиснув зубы, писали в стол, писали без всякой надежды на публикацию, писали просто потому, что не могли не писать, писали, отстаивая свое право видеть мир по-своему, — по-своему думать и рассказывать о нем.

Им было очень трудно. Издатель не желал иметь с ними никакого дела, а читатель ничего о них не знал и знать не мог. Им было мучительно трудно, — так трудно бывает человеку, который лишен возможности отдать людям плоды своего выстраданного, изнурительного, любимого труда.

Честь вам и хвала, поколение 70-х! Вы не сдались, выстояли, не польстились на легкий хлеб, не дали себя купить, не превратились в халтурщиков, не сделались угодниками, не разменяли

себя по мелочам. Поколение 70-х, я горжусь вами!

Вы взяли на вооружение все, без исключения, художественные приемы и методы ваших отцов и старших братьев по фантастике. Вы можете и умеете все — и социальную фантастику, и философскую, и фэнтези, и фантастику юмористическую, и сатирическую, и историческую, вы овладели даже остраненной прозой, которая была редкостью в 60-х. Вот только собственно *научную* фантастику вы почти не пишете. Видимо, время ее вышло, и она перестала быть интересна и вам, и читателю...

Надо признаться, вам и сейчас приходится нелегко. Конечно, возможностей напечататься поприбавилось, и кое-кто из вас уже выпустил отдельный сборник, а кое-кто даже сделался членом Союза писателей. Но до нормального, или, как говорят космонавты, *штатного* состояния издательских дел еще далеко. И пока вам приходится только мечтать о том золотом для любого честного писателя времени, когда писать трудно, как и раньше, а печататься легко, как никогда...

К сожалению, тесные рамки этого тома не позволяют мне познакомить болгарского читателя с поколением 70-х во всех его, поколения,

ипостасях и измерениях. По согласованию с издательством я отобрал для первого знакомства одних только *ленинградских молодых* писателей, причем не всех, разумеется, и лишь самых, на мой взгляд, характерных. При этом я с огромным сожалением был вынужден оставить за пределами сборника прекрасных мастеров ленинградской прозы, которые сами себя фантастами не считают, но на протяжении 70-х не раз обращались к фантастике и с неизменным успехом — я имею в виду, например, Вадима Шефнера, Нину Катерли, Александра Житинского, Валерия Попова...

Кроме того, я лишен возможности представить читателю «крупногабаритные» произведения избранных авторов — место нашлось только для рассказов да маленьких повестей.

В остальном же, я надеюсь, предлагаемый сборник даст болгарскому читателю достаточно ясное представление о литературном явлении под общим названием: «молодая ленинградская фантастика, поколение 70-х».

<...>

18 октября БНу пишут из болгарского издательства «Христо Г. Данов», заинтересовавшегося составленным им сборником.

Из архива. Письмо БНу из болгарского издательства «Христо Г. Данов»

Уважаемый Борис Натанович!

Во-первых, просим извинения за то, что не написали Вам сразу после получения рукописи сборника «Мы, поколение семидесятых» — просто хотели сначала ознакомиться с содержанием предложенного составительства и тогда уже поделиться впечатлениями. И вот мы готовы к этому — впечатление прекрасное, думаем, что получится сильный, представительный сборник работ ленинградских фантастов. Жаль только, что объем слишком большой, значительно превышает наш первоначальный замысел. Конечно, хорошо было бы, если бы у нас была возможность издать его в таком виде, но, к сожалению, нет такой возможности.

Вот почему мы предлагаем сделать некоторые сокращения, за что просим Вашего согласия.

<…>

Еще, Борис Натанович, хотелось бы изменить название сборника. Нет ли у Вас другого предложения?

<…>

Восьмого ноября БН отвечает болгарам.

Из архива. Письмо БНа в болгарское издательство «Христо Г. Данов»

Уважаемые товарищи!

Я очень рад, что творчество «четвертого поколения» ленинградских фантастов пришлось вам по душе.

С другой стороны, ваше намерение значительно сократить сборник огорчает меня чрезвычайно: нарушается стройная и представительная система, над которой мне пришлось основательно поломать голову.

<...>

Что касается общего названия сборника, то я готов оставить его на усмотрение редакции. Можно было бы назвать его, скажем, «Солнце по утрам», или «Некто Бонапарт», или «Аманжол» (что по-казахски значит «Добрый путь!»).

В ноябре Авторы встречаются на киносеминаре в Репино. Примерно к тому времени относятся и записи по состоянию дел с экранизацией их книг.

Рабочий дневник АБС

[Записи между встречами]

Обсудить насчет контракта с «Гундзося»57.

Когда появляется последний гонец — громила в блестящем плаще до полу, — герой кричит нервно: «В чем дело? Ведь время еще, кажется, не истекло!..»

— А вы что думали? Даром вам все это пройдет? Это у нас-то в стране — даром? Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела...

10–19.11.89

Репино, киносеминар.

[на отдельном листке]

Кинодела
Состояние на 20.11.89

ХВВ — б<ез>/д<оговора>: Ермаш; Гурьянов
УНС — д<оговор>: Сценарий, аванс, Свердловская к/с
ВНМ — б/д: Александров (Молдавия)

ОО — п<родано право на>/э<кранизацию>: Киноцентр (деньги получены)
ПНО — п/э: Ю. Кара
ЖВМ — д: Сценарий, Киноцентр (б/денег)
ВГВ — п/э: Киноцентр (деньги получены)
ОЗ — п/э: Е. Марковский (деньги получены)

5ЛЭ — д: Латерна (деньги получены)
ТУЧА — д: Латерна (?) [рукописно: «получ.?»]
[рукописно стрелка идет от ВНМ и дописано:]
ВНМ — п/э: Молдавск. Видеоцентр

В сентябре 1989 года в поселке Коблево (Николаевская область, Украина) состоялся конвент любителей фантастики социалистических стран «Соцкон-89». В его работе принял участие и АН. Об итогах «Соцкона-89» он рассказывал Константину Тихомирову, корреспонденту газеты «Тюменский комсомолец» (номер от 28 ноября).

Из: АНС. О «Соцконе», «утках» и перестройке

— Аркадий Натанович, известно, что последнее время вы, мягко говоря, «не любите» ездить на различные читательские встречи, форумы и прочие мероприятия. Но вот от приглашения на «Соцкон» вы не отказались...

— Я поехал туда потому, что «Соцкон» — это

вековая моя мечта. Я всегда мечтал, чтобы в Советском Союзе прошла интернациональная встреча любителей фантастики. Это осуществилось, и я очень рад.

— *Насколько я понимаю, «Соцкон» был организован комсомолом. Отразилось ли это как-нибудь на самой встрече?*

— Мы должны быть очень благодарны Николаевскому обкому ВЛКСМ. Ведь такой наплыв гостей — настоящее стихийное бедствие, и оно в других условиях наверняка дезорганизовало бы работу любого объединения. Однако представители клубов любителей фантастики проявили, что называется, высокую сознательность, а самое главное — верность своему делу. И посему — комсомольцы и любители прекрасно сработались, «Соцкон» состоялся и был весьма и весьма интересен.

— *Была ли программа?*

— Можно считать, что существовала какая-то программа. Но она была в черновике... Я все-таки полагаю, что самым главным в процедуре была именно встреча иноземных любителей фантастики...

Я и мои друзья хотели бы передать слова благодарности руководителям и организаторам этой

встречи — М. Якубовскому и Л. Курицу.

Они проделали сверхчеловеческую работу. Достаточно сказать, что им удалось доставить целый контейнер ценных книг в пользование представителям клубного движения, а также — организовать справедливое их распределение...

— *Ну и вы довольны?*

— Я очень доволен. Я давно не был так доволен. Никогда даже не был так доволен.

<...>

Один из ответов АНа, прозвучавших в его выступлении на «Соцконе-89», был опубликован в «Книжном обозрении» спустя семь лет.

Из: АНС. «Мы все отягощены злом...»

<...>

В восьмидесятые годы вами написаны всего три новых произведения: «Волны гасят ветер», «Хромая судьба» и «Отягощенные злом». Не считаете ли вы, что этого мало? В то же время появляется много ваших киносценариев по старым произведениям. Почему?

Так, вопрос тяжелый опять. Во-первых, я категорически не согласен с тем, что три повести за пять-шесть лет — это мало. Во-вторых, киносце-

нарии. Киносценарии мы пишем только в том случае, когда нам их заказывают. Это, как говорится, верные деньги. А поскольку, так сказать, «дом наш набит людьми, он горит, наши детки одни...»58, кормить их надо, потому мы от таких заказов не отказываемся. Особенно тогда, когда они в какой-то степени соответствуют нашим намерениям. Вот так мы написали «Пять ложек эликсира», «Тучу». Это были вещи, которые... Ну, мы буквально напросились на то, чтобы нам их заказали. Мы работали над ними с удовольствием.

Конечно, я понимаю, что автор этой записки интересуется, не мешают ли занятия кинематографом работе в прозе. Нет, не мешают, а может, даже и помогают в каком-то смысле — не дают бездельничать, пока мы, так сказать, пребываем в растерянности, не зная, что писать, как писать и о чем писать, что сейчас самое главное. Писать не о главном ужасно не хочется. Фантастика всегда должна писаться о главном — социальная фантастика, я имею в виду, социально-философская. А главное — это либо вечное, как у Достоевского, Толстого, Чехова, либо то, что будоражит вот сию минуту всех людей. Но если с тем, что будоражит, еще разобраться можно, то с кем, кого и

как будоражит, — это нужно смотреть, нужно приглядываться два, три, четыре года. <...>

Первого декабря в газете «Труд» публикуется интервью БНа корреспонденту Е. Дружининой.

Из: БНС: «В инопланетян не верю»

<...>

— *Интересна ваша точка зрения на НЛО, пятое измерение, ясновидение, параллельные миры и так далее. Вы верите в эти феномены?*

— Это вопросы не веры, а знания. Считаю ли я, что НЛО — это корабли внеземных цивилизаций? Нет, не считаю. Мне не кажутся убедительными все те доказательства, что предъявляются с экранов телевизоров или в прессе. Скорее всего, НЛО — это природные аномалии типа шаровых молний, хотя контакты с инопланетянами были бы, конечно, значительно интереснее. Но лично мне с ними встречаться не приходилось, точно так же, как и соприкасаться с пятым измерением, полтергейстом и прочим. Однако в романы мы эти явления включаем, если это помогает нам выразить мысль, которая нас действительно занимает.

Я, с другой стороны, глубоко убежден: если

человек что-то придумал — значит, это где-то существует. Но вопрос в том, возможно ли обнаружить такие «придумки». Если невозможно, значит, их как бы нет.

— Вопрос о существовании высшего космического разума, наверное, тоже отметете?

— Меня интересует человеческий разум. О существовании высшего космического разума я ничего не знаю. По-моему, это набор слов. <...>

В декабре АБС встречаются уже для настоящей работы — пишут пьесу ЖГП.

Рабочий дневник АБС

[Записи между встречами]

— Теперь я понимаю, почему меня не приняли на физфак! Русофобы узнали, что у меня бабушка — русская.

Русофил получает повестку последним. Поэтому все всё время говорят: «Ну, тебя-то не потянут!..»

Когда неприязнь к целому народу обосновывают свойствами отдельных представителей этого народа, то это и есть «фобия».

А когда — приязнь, то это «филия».

«Евр<ейский> народ — враг русского, ибо были Каганович, Ягода и Презент» — это фобия.

«Евр<ейский> народ — велик и могуч, ибо были Эйнштейн и Мандельштам» — это филия.

Фобия отвратительна, ибо есть ненависть.

Филия отвратительна, *если* сочетается с фобией к другим народам. А так почему-то и происходит.

7.12.89

Б. приехал в Мск писать ЖГП

Действующие лица:

Кирсанов Станислав Александрович, 58 лет, профессор, современный русский барин, потомственный интеллигент.

Его жена Зоя Сергеевна, 53 года, домохозяйка, филолог по образованию.

Их дети:

Александр, 30 лет, социолог, безвольное беспомощное существо, был дважды женат, от каждой по ребенку, жены разбежались, оставили его с детьми.

Сергей, 22 лет, в ин<ститу>т не поступил, прошел армию, никаких идеалов и никаких принципов, презрение к миру и окружающим.

Александр живет с детьми этажом выше, Зоя Сергеевна постоянно бегает для ухода за детьми.

Петр [ошибочно, нужно «Сергей»] живет с родителями, когда бывает дома.

Друг Кирсанова: Базарин Олег Кузьмич, 58 лет, завРОНО. Теоретик русофилии.

Сосед-еврей: Пинский Александр Рувимович, 55 лет, аналог Мирера, дети за границей, сам не желает уезжать. Сергей его любит, зовет «дядя Шура Пинский». «Эти русофобы узнали, что у меня бабушка русская».

Мулат, дружок Сергея по кооперативу (производят игрушечных лошадок к Новому году). Отец — замбиец, племя *га*. Мать — вепска. Артур Петрович Петров, 22 года.

Работяга — эпизодич<еская> фигура, тоже повестка. Явился к Кирсанову узнать, что это означает.

Странный человек (посыльный).

1-е: Кирсанов, Зоя, Базарин смотрят TV. Гаснет свет.

2-е: Кирсанову приносят повестку.

3-е: Приходит Пинский с повесткой. Спор о нац<иональном> вопросе.

4-е: Приходят Сергей с Артуром, Пинский уходит.

5-е: Приходит Александр с повесткой.

6-е: Кирсанов звонит знакомому депутату и узнает, что тот тоже получил повестку. Свет гаснет в доме напротив.

7-е: Базарин получает повестку. Монолог Базарина.

8-е: Приходит Пинский с гигантским рюкзаком и всех поучает, что надо брать теплые вещи и не брать чепухи.

9-е: Все уходят укладываться, Базарин остается один и звонит в ГБ. Ему отвечают, что ситуация находится под контролем.

10-е: Появляется работяга узнать у интеллигентных соседей, что за слово такое «мзд... бзд...»

№: Приходит посыльный, раздает повестки с отменой. (— В чем дело? Время еще, кажется, не истекло!!!)

Звонки телефона.

№ + 1: Базарин истерически кричит: «Я же говорил, что это невозможно! Я же вам все время говорил, что это невозможно!»

У Базарина жена находится в турпоездке в Египте.

Жид — Пинский

Богач — Кирсанов

Тунеядец — Базарин

Распутник — Александр
Мздоимец — водопроводчик (приходит, чтобы выяснить, что такое «мздоимец»)

Свет гаснет, кто-то подходит к окну: «У нас одних свет погас... а, нет, напротив тоже... а там? Тоже погас... Слушайте, во всем квартале свет выключили...»

Радио включают: там стучит метроном...

Повестки получают только те, кто внутренне готов им подчиниться.
«Пытают только тех, кто согласен, чтобы его пытали...»

Когда Базарин рвет на себе волосы: «За что? Ну, евреи — понятно», Сергей: «Потому что вы рабы, вы поползете на брюхе... вот мы с Артуром никогда не пошли бы, повестками этими подтерлись бы, потому нам повесток и нет... И мать вот плевала, потому что никуда от отца и от сопляков Сашеньки не уйдет...»

Сергей и Артур основательно вдеты и перегоняются анекдотами:
«А глаза добрые-добрые!..» (Смех)
«И плачу, и плачу, и плачу...» -»-
«Взлэтаеть, но так нэвысоко...» -»-

8.12.89

Сделали 5 стр.
Вечером сделали 2 стр. 7

9.12.89

Сделали 3 стр. 10
Вечером сделали 3 стр. 13

10.12.89

Сделали 5 стр. 18
Вечером сделали 2 стр. 20

Пинский. — Мы ждали конца, но мы не думали, что он будет такой мерзкий, такой оскорбительный, такой плевок всем в лицо.

Базарин — взрывается: «Каяться надо! Вы не одни в стране, большинству это не надо!..»

11.12.89

Сделали 5 стр. 25
Вечером сделали 1 стр. 26

12.12.89

Б. уезжает (весь в соплях).

В последнем номере журнала «Огонек» публикуется обширное интервью АБС, взятое Аллой Боссарт.

Из: АБС. Прогноз

<...>

Б. С. — ...Переломом для нас стала повесть «Трудно быть богом». Она задумана давно, в спокойные для нас времена, как повесть о том, как высокоразвитое общество пытается вмешаться в историю низкоразвитого. Мы хотели решить для себя этический вопрос: можно это, нельзя? Вредно или полезно для изменяемого общества и так далее. Но в 1963 году, как вы помните, произошла историческая встреча Никиты Сергеевича с художниками в Манеже. И это событие потрясло нас. Шок. Достаточно было прочитать газеты, чтобы понять — а мы были лояльными ребятами, — что во главе нашего государства стоят люди, называющие себя коммунистами, и на виду у всего мира топчут искусство, куль-

туру, интеллигенцию и лгут беззастенчивым образом. Этот шок перевернул наши представления о коммунизме, как к нему идти и почему он так далек. Мы не там искали врагов! Начиная с «Трудно быть богом» мы всеми силами, где только можем, боремся против лжи пропаганды. И защищаем интеллигенцию. Мы объявили ее для себя привилегированным классом, единственным спасителем нации, единственным гарантом будущего — идеализировали, конечно. И «Трудно быть богом» возникла как повесть, воспевающая интеллигенцию.

— Критик Ирина Васюченко высказалась в «Знамени»: «А неподражаемый Румата? Фанфарон, вечно переоценивающий свои силы, ставящий под удар не только себя... Посланец победоносного разума не сумел остаться человеком... Он активно действует, за ним — сила, а мир Стругацких устроен так, что только сила делает героя значительным».

Б. С. — Черт побери, неужели не видно, что Румата — несчастный человек, который всю жизнь действовал против своих естественных желаний! Это была первая, если можно так выразиться, диссидентская наша повесть. Наиболее отвратительным в мире, открывшемся перед

нашими глазами, была ложь. Все можно понять: перегибы, несправедливости, даже казни; то, что у власти стоят люди недостойные и ведут они нас черт знает куда, — все можно понять и исправить можно, но при одном условии: скажите людям правду, хватит врать. В США, даже в наихудшие моменты их истории, газеты не стеснялись писать: «Гангстеры, подкупленные таким-то банкиром, поймали такого-то профсоюзного деятеля и сожгли его заживо». А у нас сжигали цвет нации под песню «живем мы весело сегодня, а завтра будет веселей!». Специфика советской истории в том и заключается, что возникла ситуация, когда а) при ликвидации свободы печати б) была создана мощная, разветвленная тайная полиция. Этих двух условий достаточно, чтобы можно было делать с любой страной все, что угодно. Поэтому судьба нашей страны оказалась такой ужасной. В 63-м году мы начали это понимать, а в 68-м году, после Чехословакии, уже все было ясно: есть определенные силы, силы, а не люди, и эти силы двигают страну в каком-то страшном направлении. Это было крайне болезненное прозрение. Многие из наших друзей пришли в партию с абсолютно чистыми душами, в конце 50-х, на волне антисталинской кампании — в

партию, в партию...

<...>

— ...Вот в ваших произведениях действуют всякие Наставники, Странники, Демиург... Значит, у вас есть все-таки некие представления о высших силах?

А. С. — Это не у нас. Это у вас.

— Почему вы обратились к образу Христа? И вообще столь неожиданные библейские реминисценции в «Отягощенных злом», или «ОЗ», последней вашей повести, что вызвала такую ярость критики, — откуда этот новый интерес?

Б. С. — Это не новый интерес. Нас вот обвиняют в пропаганде культа силы или, как вариант, культа разума, в якобы преимуществах хомо сапиенс перед всем остальным мирозданием. Я, к сожалению, не знаю латыни — вот как сказать «человек совестливый»? Мы прежде всего на стороне человека совестливого. В этом смысле Христос для меня — трогательнейшая историческая фигура. Искупивший своей жизнью грехи человечества — такая фигура поражает воображение. Кстати, мало кто понял, что «ОЗ» — это история о трех Христах.

— Равви, лицейский наставник Г. А. Носов, а

третий?

Б. С. — Демиург! Творец материи, отягощенной злом. Демиург — это Христос через две тысячи лет. Второе пришествие. Он вернулся на нашу Землю, изуродованный, страшный, постаревший, растерявший милосердие свое, потому что за эти двадцать веков побывал на десятках миров, где пытался уничтожить зло. Вот его трагедия: что Бог ни делает, как ни выкамаривает — все, что он творит, отягощено злом. Две тысячи лет назад, Иисусом Христом, — он хотел помочь людям проповедями о милосердии. Кончилось все это печально. И вот он снова ищет путь исправить содеянное. Он ищет людей, которые бы помогли ему в этом, а к нему идут все какие-то ублюдки с предложениями Страшного суда, национально-патриотической революции, око за око... И он смотрит на них с тоской и говорит: это все хирурги, а нужен терапевт...

— И в ваших представлениях действительно присутствует идея такого Демиурга? Вы не придумали его специально для книги?

Б. С. — Не знаю, правда ли, что когда Лапласа спросил Наполеон, где же в его модели Вселенной Бог, — ученый якобы ответил: в этой гипотезе я не испытывал потребности. Вот и я не испыты-

ваю потребности в этой гипотезе. Я буду готов признать его существование только тогда, когда не найду других способов объяснить некую совокупность идей и явлений. Логика владеет мной.

<...>

— *Эпизод с Иудой меня вообще поразил, потому что я нашла в нем подтверждение тем педагогическим идеям, с которыми ношусь давно: о том, что высокий Учитель, настоящий мудрец, делает всегда так, что ученик прав. Вину берет на себя. Он сам создает ситуацию, от которой ученик уйти не может.*

Б. С. — Это мысль тоже стоящая. Но у нас проще: Иуда, вообще говоря, выдумка. Не было никакого Иуды. Не было предательства. Все было горше и трагичней. Нам нравится гипотеза, что Христос сам руководит логикой событий. Ему нужно пробиться со своей истиной к народу. Его не слушали, не до него было. Единственная трибуна, с которой он надеялся говорить со всеми, был крест. И он посылает Иуду... Но и как вы — тоже трактовать можно и даже интересно.

Я решусь совсем немного развить свою трактовку.

Иуда нарисован несчастным, слабоумным изгоем, «дрисливым гусенком», прыщавым, вечно

голодным гнуснецом, битым и гонимым с раннего детства. «Равви», Учитель, был первым, кто заговорил с ним ласково, хотя скудный мозг отрока Иуды не улавливал смысла слов Равви. Прочие ученики, а числом их было, как мы помним, двенадцать, травили, и били младшего, и глумились над ним по-прежнему. Но Учитель был неизменно ласков, он был защита, и любовь подростка Иуды, все его существо были отданы Равви без остатка. И однажды Учитель призвал Иуду и велел пойти и сделать нечто. Учитель сказал, что ему дадут денег, а он за это приведет стражников. Слабоумный Иуда много раз повторил урок и запомнил. И Учитель похвалил его. А когда Иуда привел стражников — Равви поцеловал верного ученика своего, слабоумного Иуду.

Христос положился на самого ничтожного из учеников. На самого ничтожного и потому самого благодарного. Только такой мог выполнить такую волю Учителя.

Причиной многих бед было и будет аутсайдерство.

Причиной худших бед была, есть и будет система аутсайдерства, разработанная во всяком тоталитарном государстве. «Дедовщина» в армии — лишь частный аспект «дедовщины» в

стране, «дедовщины», основанной на моральности силы.

Такова трагедия «флоры». Зеленый плевок общества, дети-«отказчики» в буквальном смысле уходят в природу: иные ценности, иные наслаждения, иная цивилизация. Настала эпоха, когда, по прогнозу моих собеседников, завершилась перестройка (два поколения, «сорок лет спустя»), настало благоденствие. Каким же предлагают нам человека эпохи благоденствия? Что делает общество с новой цивилизацией аутсайдеров? Общество, вооруженное своей правотой, моралью своей силы, идет на «флору» крестовым походом. Значит, что же? Никакая экономика, никакие производительные силы не изменят природы человека, его неистребимой ксенофобии, и вражда к чуждому, вражда к иному будет вечным проклятием тяготеть над нами даже тогда, когда исчезнут границы и потекут молочные реки? Неужто вовеки веков предстоит нам бояться и истреблять ***жука в муравейнике****?*

Б. С. — Распространено мнение, что все неприятности, которые мы имеем, — это следствие того, что мы недостаточно хороши. Когда мы все будем нравственными и наше общество построим разумно, нравственно, справедливо, то все будет

хорошо. Увы! До тех пор, пока некоторые вещи не выкорчеваны с корнем... Как бы ни было замечательно устроено общество, какие бы прекрасные и воспитанные люди его ни населяли, если в этом обществе возникает тайная полиция — не избежать смерти ни в чем не повинных людей.

— Но тайная полиция будет существовать до тех пор, пока в обществе будут тайны...

Б. С. — Вы правы! И поэтому тайная полиция будет существовать всегда. Я не могу представить себе общество без тайн. Но сама мысль о том, что можно построить такое общество, когда от всего нашего мрачного бытия останется только тайная полиция, — эта мысль оптимистична.

— Но ведь эта «малость» привела в вашем романе «Жук в муравейнике» к тому, что уничтожен зачаток иной природы. Новой жизни, которая могла дать иное направление цивилизации.

Б. С. — У вас получается, что если Сикорски застрелил вестника иной цивилизации — это трагедия. А если бы просто человека?

— Так это еще дурнее!

Б. С. — Почему же вы делаете акцент на могучем потенциале нашего обреченного персонажа, а не собственно на смерти человека? Вы ведете

себя прямо как генерал-полковник Родионов. Слышали его выступление? Вместо того чтобы сказать: я военный человек, я получил приказ, и я его выполнил, и очень сожалею о том, что произошла такая беда... — вместо этого он начал с того, что в Тбилиси разгорелся антисоветский политический шабаш. И из этого как бы следует: тот факт, что людей убивали, оправдан. Шабаш — значит, нужно давить. Если гуляние — вот тогда нехорошо. И во всем эта замечательная логика: кричат на трибуне «Долой КПСС» — стрелять с-сукиного сына; а кричат «Да здравствует озеленение!» — не стрелять. И в голову ведь не приходит, что стрелять нельзя вообще!

— И вы все равно настаиваете на оптимизме? Несчастный Румата, который ничего не смог в этой жизни сделать, покинул поприще; и тайная полиция при коммунизме; и тянутся перед людьми «глухие окольные тропы», так с тех пор и тянутся, потому что не могут люди преодолеть ни себя, ни обстоятельств, а прозревшие погибают... И — никакой перспективы? И это оптимизм?

Б. С. — Оптимист не тот, кто считает, что завтра будет лучше, чем сегодня. В «Улитке на склоне» есть одна идея, которая для нас очень дорога.

До того мы много писали о будущем. Пытались изобразить будущее страшное, в котором жить невозможно, от которого мы бежали; и будущее желанное, светлое, «коммунистическое», в котором нам хотелось бы жить. И вот только в 65-м году нам пришла в голову мысль, с которой сейчас мы уже сжились. Будущее не бывает ни хорошим, ни плохим. Оно никогда не бывает таким, каким мы его ждем. И будущее всегда чуждо. Если бы Пушкин попал в наш мир, он мог бы ему понравиться или не понравиться, но главным свойством этого мира он счел бы его чуждость. Абсолютную далекость. Огромное количество точек несоприкосновения. Понятия, которые в его жизни были чем-то ценным и важным, превратились в ничто. И наоборот. Вот что самое главное. «Лес» — это будущее. А «Управление» — настоящее. Такова расстановка символов. Кандид, человек настоящего, не способен сколько-нибудь разумно определять, что хорошо и что плохо. Нет никакого критерия для разумного определения нравственных норм. Всем сердцем своим он на стороне прогресса, как каждый интеллигентный человек. Но в том мире прогресс выступает в такой форме, когда ничего, кроме отвращения, вызвать не может. Мы говорим: человечество

отягощено огромным количеством пороков и язв, зла. Но оно просуществовало сто тысяч лет и доказало, что оно жизнеспособно. Через мор, глад, гибель культуры — через все проходило человечество. И я не говорю, что будет хорошо. Я говорю — *будет. Будущее существует.* Вот это и есть оптимизм конца XX века.

<...>

В этом году помимо огульно негативных критических статей было немало и серьезных литературоведческих публикаций. Опубликованная в саратовском культурологическом сборнике статья Романа Арбитмана рассматривала книгу в произведениях Стругацких как символ культуры.

Из: Арбитман Р. «Вернуть людям духовное содержание...»: Человек и книга в фантастике А. и Б. Стругацких

<...>

...в обществе коммунистического будущего, описанном Стругацкими, авторитет Книги необычайно высок. Вряд ли нас удивит, что молодые планетологи из повести «Стажеры» любят Грэма Грина и Строгова, в настоящий момент

читают в подлиннике «Опыты» Монтеня, что герои «Жука в муравейнике», не имеющие понятия, что такое канцелярская «папка для бумаг», прекрасно разбираются в литературе, — это проявляется не только в памятниках, которые они ставят выдающимся писателям: художественные произведения и далекой древности, и XX века органично входят в их обиход. Вводя в речь героев цитаты, реминисценции известных произведений, авторы ненавязчиво подчеркивают, что все лучшее, созданное писателями, учеными, осталось хлебом насущным и для поколения иного века. В обществе, созданном фантазией, чаяниями Стругацких, одна из самых почетных профессий — учитель, педагог. Увлечь юношу книгой, помочь ему определить свое место в связующей поколения людей цепи — эту благородную задачу берут на себя учителя из повести «Возвращение». Причем главный прием педагогов — полное доверие к ученику, а основной прием убеждения — умный спор, деликатный совет. Литература не навязывается: молодые люди сами находят в библиотеках книги по душе, и предмет особой гордости воспитанников Анъюдинского интерната в повести — найти в библиотеке интересную старую книгу, актуализо-

вать ее, поведать о ней товарищам. Может быть, это покажется простым и даже наивным, но даже в этой простоте, декларируемой писателями в своей утопии «Возвращение», есть ощутимый элемент внутренней полемики с теми, кто старался (старается) превратить книгу в фетиш, лишить читателя свободы выбора, кто видит угрозу в том, что молодежь читает (смотрит, слушает) «не то», что надо. Герой уже упомянутой выше повести «Стажеры», инженер Иван Жилин не пугается и не смущается, когда его подопечный, Юра Бородин, предпочитает классическому произведению (в данном случае это древнеяпонская «Повесть о Гэндзи») приключенческое: «Издавна так повелось, — рассуждает он, — и навсегда, наверное, останется, что каждый нормальный юноша до определенного возраста будет предпочитать драму погони, поиска, беззаветного самоистребления драме человеческой души, тончайшим переживаниям, сложнее, увлекательнее и трагичнее которых нет ничего в мире... О, конечно, он подтвердит, что Лев Толстой велик как памятник человеческой душе, что Голсуорси монументален и замечателен как социолог, а Дмитрий Строгов не знает себе равных в исследовании внутреннего мира нового человека. Но все это будут слова,

пришедшие извне. Настанет, конечно, время, когда он будет потрясен, увидев князя Андрея живого среди живых, когда он задохнется от ужаса и жалости, поняв до конца Сомса, когда он ощутит великую гордость, разглядев ослепительное солнце, что горит в невообразимо сложной душе строговского Токмакова... Но это случится позже, после того как он накопит опыт собственных душевных движений».

По мнению авторов, книги должны войти в плоть и кровь поколений будущего, стать их неотъемлемой частью. Когда в повести «Попытка к бегству» Саул Репнин (человек XX века) объясняет людям будущего свое незнание реалий жизни века XXI тем, что он-де историк, «книжный червь», весь в книгах о прошлом, то герои ему не слишком-то верят, они скорее готовы допустить, что Саул — инопланетянин: для них самих, людей самых разных профессий, общение с книгами совершенно естественно, и они не понимают, как можно противопоставить Книги — и знание реальной жизни.

Остановимся поподробнее на этом уничижительном выражении «книжный червь». Если говорить откровенно, то сейчас, в 80-е годы, у нас, «самой читающей в мире стране», авторитет Кни-

ги вовсе не так высок, как мы это привыкли прокламировать. Причин тому много. Одна из них — десятилетия застоя в экономике и культуре, что отразилось впрямую в книгах — полуправдой, недосказанностью, а то и прямой фальшью, что не могло не породить скепсиса по отношению к печатной продукции вообще. Недаром в повести «Улитка на склоне», опубликованной во второй половине 60-х, мы уже находим горькие пассажи о книгах, которые «вселяют неверие и упадок духа, и не потому, что они мрачны или жестоки, или предлагают оставить надежду, а потому что лгут. Иногда лгут лучезарно, с бодрыми песнями и лихим посвистом, иногда плаксиво, стеная и оправдываясь, но — лгут. Почему-то такие книги никогда не сжигают и никогда не изымают из библиотеки... — разве что случайно, не разобравшись или поверив...»

С другой стороны, обыденное сознание стало привычно отделять мир Книги от мира Реальности — вне зависимости, что это были за книги; «книжные» ценности стали едва ли не синонимом мнимых ценностей. Затрудненный доступ, вследствие низких тиражей, к настоящей литературе (уж не говоря о том, какие произведения тогда и вовсе не попадали в печать), обветшав-

шие от частого употребления всуе лозунги типа «Книга — наш друг», «Книга — лучший подарок», засилье конъюнктурной серости на прилавках книжных магазинов и на стендах библиотек, донельзя заформализованная деятельность общества книголюбов — это и многое другое, в общем, работало не на авторитет Книги. К этому вольно или невольно приложили руку те деятели нашей словесности, которые неоднократно проводили мысль о том, что «книжная» культура — это еще далеко не все, что читающий может быть и некультурным, что земледелец, не читающий книг, куда интеллигентней «чересчур» ученого гуманитария. Рациональное зерно, которое, несомненно, есть в подобных высказываниях, исчезало при гипертрофированных претензиях к «книжникам», здравая мысль превращалась в свою противоположность. По ходу подобных рассуждений Homo Legens — «человек читающий» — оказывался в ряду не то с евангельскими начетчиками, «книжниками и фарисеями», не то с гетевским схоластом Вагнером. Традиционное уважение к любителям Книги подернулось ощутимой насмешливостью, слово «книгочей» неожиданно стало приобретать чуть ли не иронический оттенок...

Стругацкие одними из первых заметили этот перекос. И в своих произведениях поставили Книгу — в лучшем смысле этого слова — в один ряд с людьми, сделав ее героем повестей. Не случайно Перец, главный герой «Улитки на склоне», оказавшись, словно загнанный зверь, в библиотеке, доверяет именно книгам свои затаенные мысли о том, что же такое прогресс (не так давно мысли эти казались и вправду фантастическими): «...можно понимать прогресс как превращение всех людей в добрых и честных, и тогда мы доживем когда-нибудь до того времени, когда будут говорить: специалист он, конечно, знающий, но грязный тип, гнать его надо...» Этот разговор с книгами, когда несобственно-прямая речь персонажа незаметно переходит в авторскую, очень важен для понимания основной идеи повести, которая лапидарно может быть выражена строками А. Вознесенского: «Все прогрессы реакционны, если рушится человек...» Одновременно с этим указанный эпизод высвечивает еще одну тему, центральную для произведений Стругацких и потому тесно связанную с темой Книги, — «интеллигент и общество». В повести «Трудно быть богом», где нарисована выразительная картина феодального ада, звание «книгочея» оплачивает-

ся самой дорогой ценой — кровью. В описаниях жизни Арканара присутствуют гротеск, сгущение, экстремализация ситуации — впрочем, не в такой уж большой степени. Быть интеллигентом в Арканаре — значит быть отверженным, подвергаться ежедневно смертельным опасностям. «От грамоты, от грамоты все идет, братья...», «Я бы сделал что? Я бы прямо спрашивал: грамотный? На кол тебя! Стишки пишешь? На кол! Таблицы знаешь? На кол, слишком много знаешь», — «философствуют» лавочники в Арканарском королевстве. В небольших, но запоминающихся эпизодах по страницам повести проходят книгочеи — самые разные, ибо Стругацкие далеки и от идеализации, от схематического «гений и толпа». Вот писатель Киун, готовый пожертвовать жизнью, но сохранить свою книгу. Вот высокоученый медик Будах, отказавшийся готовить яд для заговора, вот поэт Цурэн Правдивый, лишенный «чести и имущества», который «пытался спорить, читал в кабаках теперь уже откровенно разрушительные баллады» и «дважды был смертельно бит патриотическими личностями». А вот сломленный драматург Гур Сочинитель, который «после беседы в кабинете дона Рэбы... сам бросал на Королевской площади свои книги в огонь».

Стругацкие изображают вымышленный мир, но фантазия их зиждется отнюдь не на пустом месте: конфликты и трагедии, вспыхивающие в этом мире, — суть отражение реальных конфликтов настоящего или не столь отдаленного прошлого. Герои повести, земляне XXII века, обогащенные многовековым опытом истории своей планеты, попав невольно в свое собственное страшное прошлое, становятся «пророками, предсказывающими назад»: за травлей и уничтожением книжников, ученых, интеллигентов, за нивелировкой, ведущей к царству бессмысленной серости, они прозревают кровавый хаос фашизма — массовые расправы с инакомыслящими, концлагеря и газовые камеры Третьего рейха, костры из книг. И у землянина Максима Каммерера (повесть «Обитаемый остров»), оказывающегося на чужой планете в корпусе «легионеров» и не понимающего сначала, куда он втянут, спадает с глаз пелена после обыска в квартире гонимых «выродков», в котором он как «легионер» принимал участие: «Его вдруг осенило, что он нигде еще не видел такого количества книг, разве что в библиотеке». Он неожиданно для себя, но не просто по ассоциации, вспомнит: «...фашизм. Да. Гитлер. Освенцим. Расовая теория, геноцид.

Мировое господство». «Болевые точки» прошлого и настоящего резко совмещаются, воспоминание писателя Феликса Сорокина (повесть «Хромая судьба») о сжигаемой в 1952 году «печатной продукции идеологически вредного содержания» лишает это прошлое всякой идилличности. Взгляд на общество сквозь призму книжных аутодафе и гонений на книжников — это, вне сомнения, «сильнодействующее средство», которое может не всем прийтись по душе. Однако не следует забывать, что, только откровенно назвав вещи своими именами, общество сможет преодолеть все дурное, что накопилось «в генах социума».

<...>

В другой статье, напечатанной в петрозаводском сборнике «Проблемы детской литературы», тот же критик анализирует «Повесть о дружбе и недружбе».

Из: Арбитман Р. Со второго взгляда: Заметки о «Повести о дружбе и недружбе» А. и Б. Стругацких

Творчество братьев Стругацких, уже с середины шестидесятых годов ставшее объектом

пристального (и далеко не всегда доброжелательного) внимания критиков и литературоведов, продолжает оставаться в фокусе внимания и по сей день. Практически каждое произведение, написанное этими авторами, не прошло мимо исследователей современной НФ-литературы: А. Урбана, Т. Чернышевой, А. Зеркалова и других, в работах которых достаточно полно и глубоко — насколько это было возможно до середины восьмидесятых — проанализирована проблематика книг Стругацких и место каждого произведения в созданной писателями картине фантастического мира. В связи с этим выглядит досадным упущением тот факт, что одна из повестей Стругацких — «Повесть о дружбе и недружбе» (в сборнике «Мир приключений», М., 1980) — все-таки осталась практически не замеченной литературоведами, если не считать беглого упоминания о ней в одном из обзоров В. Гопмана в журнале «Детская литература». Можно предположить, что причина подобного отношения критики к повести объясняется отнюдь не какими-либо идейно-художественными просчетами писателей, а, скорее, определенной традицией, в силу которой сказочно-фантастическая повесть, ориентированная, на первый

взгляд, исключительно на детскую аудиторию, могла показаться привыкшим к очевидному, легко поддающемуся вычислению подтексту «сказок» Стругацких литературоведам простой, даже примитивной и уж, во всяком случае, не лежащей в «основном русле» творчества писателей. В повести нет бьющего в глаза сарказма «Сказки о Тройке», нет сатирической остроты повести «Понедельник начинается в субботу» (А. Бритиков, например, вообще склонен однозначно определить эту «сказку для научных работников младшего возраста» только как памфлет). И — с другой стороны — нет здесь легко различимой за приключениями главного героя серьезной социальной проблематики, как в «Обитаемом острове» (характерно, что две последние книги, вышедшие в издательстве «Детская литература» и предназначенные «для среднего и старшего возраста», нашли благодарного читателя, в основном, среди взрослых). Напротив, авторы всем ходом сюжета «Повести...», выбором героем четырнадцатилетнего подростка, даже нехитрым заголовком, выдержанным как будто в духе добросовестного морализирования (друга выручать из беды — хорошо, а оставлять его в беде — дурно), словно нарочно стремились подчеркнуть вполне

конкретного адресата «сказки» и отсутствие иных побудительных причин к написанию данного произведения, кроме как желание создать в самом деле незатейливую и поучительную историю для детей. Пожалуй, именно иллюзия простоты помешала исследователям преодолеть шаблоны и подвергнуть повесть обстоятельному разбору, оттолкнуться от рассмотрения не только общей идеи произведения, но и очень важных «частных» аспектов, что помогло бы увидеть в произведении много принципиально важного для творчества писателей, выявить полемический заряд повести, элементы пародии в ней, уяснить ее место в творчестве Стругацких и в современной им научно-фантастической литературе в целом, а также обратить внимание на специфические для писателей художественные приемы.

<...>

Вся «Повесть о дружбе и недружбе» пронизана литературной стихией, и в этой мозаичности литературных реминисценций — один из важных художественных приемов Стругацких. Более всего их произведениям свойственны не случайные, а сознательные реминисценции, рассчитанные на память читателей. В творческой палитре Стру-

гацких этот прием является одним из ведущих, он не только доказывает богатую эрудицию и хорошее знание традиций мировой литературы, но и помогает блестяще разрешить целый ряд художественных задач. Скрытая или открытая цитата, строка из знакомого текста развернется в восприятии читателей в эпизод, расцветит ситуацию яркими красками узнавания.

<...>

Таким образом, даже по тем деталям, на которые было обращено внимание, можно сделать вывод: «Повесть о дружбе и недружбе» представляет собой достаточно сложное произведение, в котором вплетенные в сюжет элементы литературной полемики и пародии заставляют видеть, кроме всего прочего, своеобразную и парадоксальную иллюстрацию авторов-фантастов на литературный процесс, на ряд конкретных задач и проблем современной фантастики. Однако такой подход — лишь один из возможных в рассмотрении этого произведения. Есть и другие: можно было бы, например, поставить в центр исследования трансформацию элементов фольклорной сказки в современной фантастике. Впрочем, подобный анализ уже выходит за рамки данной работы. Или — как сказано в одной из

книг самих Стругацких — «это уже совсем другая история».

Иными приемами литературоведения пользуется Сергей Переслегин. Его послесловием сопровождалось первое книжное издание ОЗ.

Из: Переслегин С. Скованные одной цепью

<...>

Книгу такого уровня сложности можно комментировать бесконечно, создавать целые тома с анализом, описаниями и толкованиями, и эта работа будет осмысленна. Известная «Summa Theologiae» во много раз превосходила по объему Библию, хотя всё, что составляло «Сумму», содержалось в Библии. Труд Фомы Аквинского не пропал даром — святому отцу удалось сделать нечто большее, чем даже создать новую философию, — он сформулировал мироощущение эпохи средневековья, и десятки поколений видели Вселенную и Бога глазами Фомы.

<...>

Атеисты настаивают на произвольности и противоречивости толкований Писания, подчеркивая, что они слабо связаны с исходным текстом.

<...>

Парадокс избыточной информации завязывается на математическую логику, теорию вероятностей, второе начало термодинамики, на свойства времени в контексте преобразований знаковой культуры, на семантику и семиотику. Решение же выглядит простым.

Психика человека неразрывно связана с миром, в котором он живет, составляя с этим миром так называемую Динамическую Целостность. Иными словами, как человек содержится во Вселенной, так и Вселенная — в виде своей проекции, измененной, упрощенной, искаженной масштабным преобразованием, — содержится в человеке. Тогда Писателем будет тот, кто окажется в силах перенести Динамическую целостность на бумагу, записав Вселенную в виде конечного набора знаков, в котором она будет вся — «вширь — на много стран и вглубь — на много веков», всё ее прошлое и будущее, содержащиеся в настоящем, далекое, заключенное в близком. Конечно, точность невелика, Книга включает в себя не Мир — образ Мира, но образ бесконечный.

Сверхзнание Агасфера! Лингвистическое удушье — Писатель не может объяснить смысл своей книги иначе, чем повторив ее от начала до конца.

Воистину: «О чем нельзя теоретизировать, о том следует повествовать». Слово оказывается многозначным символом. Отсюда все толкования.

Книга становится информационным усилителем, каждый читатель, каждое поколение извлекает из нее новое, свое. Но нельзя исчерпать Вселенную раз и навсегда. Образ мира неизбежно различен у разных людей, тем более — у разных эпох. Каждая Динамическая целостность — лишь грань Истины. И каждое поколение пытается написать свою Книгу. Иногда отрицая старые, иногда дополняя их.

Дополнение плодотворно, ибо, правильно используя классические символы, автор включает свое видение мира, свою ДЦ в тома толкований, в работающий тысячелетиями интеллектуальный накопитель.

<...>

В этом году у Авторов — небывалый шквал публикаций. Несколькими тиражами вышел двухтомник «Избранное», стереотипное издание в двух московских издательствах — «Московский рабочий» и «Вся Москва» (т. 1: ПНВС, СОТ, ПКБ, ТББ; т. 2: ЗМЛДКС, ВНМ, ГО, ОЗ). «Вся Москва» же выпустило ПКБ+ТББ. В престижном «Советском писателе» (Ленинградское отделение) вышел

сборник «Волны гасят ветер» с УНС, ХС и ВГВ. Одноименный сборник с трилогией ОО, ЖВМ, ВГВ выпустили в Томске. В «Художественной литературе» вышел ГО. Сборник в составе ОУПА и ПНО — в «Юридической литературе» (два сборника в различном оформлении). Четырьмя тиражами в «Прометее» — малоформатное издание ОЗ. В новой серии «Альфа-фантастика» кооператива «Текст» — ХС. Повтор тиража сборника «В круге света» вышел в Кишиневе — там напечатан ПНВС. В сборнике «Поселок на краю Галактики» издательства «Наука» — сценарий «Туча». Рассказ ЧП — в сборнике «Формула невозможного».

Немало и журнальных публикаций: окончание ГО в «Неве», ЗМЛДКС в «Человек и природа», «Время дождя» в «Природа и человек», СОТ в «Социалистическом труде», ПЛЭ в «Советском Союзе», сценарий ЖВМ в «Уральском следопыте». Имелись и газетные публикации.

Издавались и переводы АНа. Акутагавы — в его сборнике «Новеллы». «Совсем как человек» Кобо Абэ — в томе «Японская фантастическая проза» межиздательской серии «Библиотека фантастики». В профессиональном сборнике востоковедов «Зарубежный Восток» опубликована статья АНа «О Нгуен Динь Тхи и его пьесе».

АНС в этом году получил почетное звание члена-корреспондента КЛФ «КОМКОН-3» (Владивосток). АБС за «Время дождя» были удостоены приза читательских симпатий КЛФ «Алькор».

1990

В начале января БНу вновь приходит письмо от немецкой переводчицы Эрики Петрас. БН ответил на ее вопросы 15 января.

Из архива. Письмо БНу от немецкой переводчицы

<…>

В конце ноября узнала приятную новость — не знаю, известна ли она Вам или нет: Западногерманское издательство Suhrkamp Verlag, Frankfurt/Main еще в 1990 году будет издавать Вашу повесть «Парень из исподней» (в моем переводе, лицензия). Поздравляю.

Что касается романа «Хромая судьба», то он, то есть немецкий текст, по всей вероятности уже сдан в набор. Большое Вам спасибо за быструю, подробную помощь — Вы нам очень помогли. Несмотря на это, к сожалению, осталось еще четыре вопроса. Очень мне неприятно и прошу прощения; очевидно, я их пропустила. Будьте добры, пожалуйста, помогите нам еще раз, пришлите ответы и объяснения. Будет верстка, сможем

исправить все, что нужно.

Вопросы:

1) на стр. 192 (рукописи): Что такое спираль Бруно? Никто не знает, в словарях и справочниках не нашла, хотя полагаю, что это как-то от Giordano Bruno...

2) на стр. 285: «...как говаривал юный мистер Коркран». Кто это, из какого, может быть, произведения? Как писать эту фамилию в оригинале, на английском языке?

3) на стр. 334: «Мы храбрые ребята», «Урановые люди», «Про пастуха, которому бык выбодал один глаз» — это «просто так» названия, выдуманные Вами, или «настоящие» песни (к примеру, Высоцкого)? А если настоящие — можно ли их найти в каком-то сборнике или на какой-то пластинке?

На стр. 377: «Демон неба сломал мне рога гордыни». Это цитата? Где ее найти?

<...>

20 января — очередная публикация АНа в «Тюменском комсомольце».

Из: АНС. Поживем — увидим!

Насколько удачным был минувший год для страны? Для НФ? Для «Сталкера»? Как всегда,

отдел фантастики «Тюменского комсомольца», берясь за разрешение столь серьезных и неоднозначных вопросов, учиняет своим постоянным консультантам «допрос»:

Какие надежды прошлого года не оправдались? Какие — оправдались?

Какие надежды вы возлагаете на новый год?

<...>

Аркадий Стругацкий:

1. Надеялся на поправку здоровья. Что касается сбывшегося — количество наших книг, изданных в СССР, наконец-то приблизилось к количеству изданного за рубежом. И мы очень гордимся этим. Наша мечта — чтобы Стругацких можно было купить везде, когда захочешь, любому человеку.

2. Жду, когда же, наконец, закончатся коллизии между руководством СП РСФСР и Ленинградской и Московской писательскими организациями. Совершенно подсудные речи прозвучали на последнем пленуме правления СП РСФСР. Это переполняет чашу терпения.

<...>

25 марта Авторы встречаются в Москве.

Рабочий дневник АБС

25.02.90

Вчера Б. приехал (с Адочкой и с прострелом) писать ЖГП.

Разбирали дела.

Идея: в конце — драка, молодые жестоко избивают посланца (потом остается только плащ — a la Пристли59?)

26.02.90

Сделано 5 стр. 31

Вечером сделали 2 стр. 33

Пошли наносить удары, раздвигаясь и складываясь, как огромные циркули.

27.02.90

Сделали 6 стр.

И ЗАКОНЧИЛИ ЧЕРНОВИК НА 39 СТРАНИЦЕ

28.02.90

Трепались про будущее.

1.03.90

Б. с Адочкой уезжают.

В третьем номере «Уральского следопыта» публикуется материал «Фантастика и фантасты в перестройке». Во многих читательских письмах упоминаются АБС.

Из: [Нестеренко В.] Фантастика и фантасты в перестройке

<...>

Ну, а теперь о фантастах. Я не понимаю, почему Аркадий Натанович скромничает. Именно он и Борис Натанович со своей социальной фантастикой были лучшими публицистами в застойные годы, они расшатывали саму административно-командную систему, заставляли нас активно мыслить. Пришлось мне некоторое время обучаться на философском факультете Киевского университета. Так вот, за чтение «Сказки о Тройке», «За миллиард лет до конца света», «Улитки на склоне» запросто в конце 70-х можно было схлопотать выговор, а то и быть отчисленным из вуза. Но мы читали, переписывали от руки. У

меня «Сказка о Тройке» и сейчас хранится переписанная мной на первом курсе за три недели. Писал ночью, забившись в дальний угол подвала, при свете керосиновой лампы. Была у нас такая знаменитая лампа, «лампа доверия». При ней спорили до хрипоты, читали вслух «Час Быка» И. Ефремова, произведения Роя Медведева и другие, тогда запрещенные.

И самой популярной была фантастика. Она заставляла нас критически мыслить, оценивать положение в обществе. Скажу о троих писателях, которые занимали наши умы. Вернее, четыре их, просто братья Стругацкие для нас были одним целым, неразделимым. Их сочинения для нас были открытиями. За них ничего не жалко было отдать. Знаю по себе, за тоненькую книжицу отдал стипендию. Ну и сидел, как говорится, на воде и хлебе, хорошо, что была у нас выручка, подкармливали друг друга. Зато «Понедельник начинается в субботу» зачитали до дыр. И на семинарах по философии всегда использовали в споре аргументы, почерпнутые из этих книг. Хотя некоторые платили за это довольно большую цену. Насколько я знаю, ходили эти книги и среди рабочих. Не это ли лучшая публицистика!

<...>

Поток читательских писем в журнал «Знамя» по поводу прошлогодней статьи Ирины Васюченко «Отвергнувшие воскресенье» был столь велик, что игнорировать его стало, вероятно, уже невозможно. И в третьем номере журнала критик выступила с его обзором.

Васюченко И. Аннигиляция

Когда мне предложили ответить на читательские письма, посвященные моей статье о творчестве братьев Стругацких «Отвергнувшие воскресенье» (1989, № 5), я не представляла, что меня ждет. «Только, знаете, там есть разные письма, — с оттенком сострадания попыталась подготовить меня сотрудница редакции. — Да вы не огорчайтесь. Когда мало-мальски дискуссионный материал, всегда так...»

Каюсь: предостережение показалось мне неуместным. Я отдавала себе отчет, что статья придется по душе не всем, возражения могут быть резкими и, чего доброго, обоснованными. Не имея претензий на обладание истиной в последней инстанции, нужно быть к этому готовой. Что с культурой полемики у нас не все в порядке, — тоже не новость. О чем же предупреждать?

Предупреждать было о чем. Некоторые посла-

ния оказались ошеломляющими. Не потому, что их авторы обнаружили в статье стиль, достойный комикса, «похоронную торжественность», легкомыслие и, о ужас, отсутствие чувства юмора. И даже не потому, что в одном из писем моя работа оценена как «полный провал», поскольку я не беру в расчет эволюцию Стругацких, упускаю из вида, что писатели не тождественны своим героям, что их произведения остры, неоднозначны и «побуждают к самостоятельному мышлению». Мне-то казалось, что я толкую о том же на всем протяжении статьи...

Но если бы это было все! Ленинградка Р. Баженова гневно отметает «придуманные» мною «чудовищные обвинения» в адрес писателей, которые «помогли выжить целому поколению 60–70-х годов». Москвич Ю. Ревич беспощадно уподобляет меня тем «охранителям святости культуры», что жаждут упразднить рок-музыку и даже Грина или Дюма способны привлечь к ответу за порчу нравов. Жители Казани А. и Е. Зеличенок советуют мне печататься в «Нашем современнике»; они поражены, каким образом автору статьи удалось вовлечь достойных людей, руководящих «Знаменем», в «грязную закулисную интригу», и требуют публикации своего

письма, ибо в противном случае останутся опороченными «как доброе имя Стругацких, так и доброе имя целого журнала».

Напротив, в письме, подписанном «профессорско-преподавательским коллективом Куйбышевского государственного университета» (господи, неужели там был кворум?!), мою «писанину» клеймят, ссылаясь на «самые широкие круги читателей», которые «не принимают всерьез братьев Стругацких, нашедших для себя „золотую жилу“, штампуя сомнительную в художественном и идеологическом аспектах бездарную фантастику». В своем гневе коллектив охотно прибегает к крепким выражениям, оправдываясь тем, что идут они «от души»: проза Стругацких — «дрянцо», я повинна в «клакеризме», то бишь в продажности, и в «удивительной наглости», ибо осмелилась «талантливейшего, умнейшего фантаста И. Ефремова» сравнить со Стругацкими. (Обидно за И. Ефремова, действительно талантливого писателя и к тому же интеллигентного человека. Будь он жив, даже коллективная душа, может быть, постыдилась бы использовать его имя в подобном контексте.)

Скорбя о «неразборчивости уважаемого журнала», позволившего мне на своих страницах

«натужно теоретизировать, одобряя и восхваляя» Стругацких, авторы письма теряются в догадках, почему «Знамя» пало так низко: «Что, Васюченко очень Нужный Человек? Конъюнктура? Связи? Личные или корпоративные интересы?»

На это, право, не придумаешь, что и ответить. Можно лишь посочувствовать студентам Куйбышевского университета. В учебном заведении, где преподавательский состав проявляет такую мощь и сплоченность, должно быть, атмосфера не из легких. Побуждения читателей, которые, не разобравши дела, бросаются на защиту Стругацких, понятнее и по сути человечнее. В памяти еще свежи разгромные кампании прежних лет — немудрено, если кто-то пугается малейшего критического замечания в адрес любимых авторов. Однако в результате поклонники Стругацких осерчали на меня за «невосторженный образ мысли»: ту самую провинность, что вызывала державный гнев дона Рэбы из повести «Трудно быть богом».

Здесь нет парадокса. Пока нам, словно бдительным пионерам из детских книжек, всюду мерещатся заговоры и закулисные интриги; пока в средневековом тумане угадывается знакомый силуэт мельницы-врага, мы недалеко ушли от

высмеянного Стругацкими арканарского правосудия. Плоха моя статья или хороша, как считают — спасибо им — Я. Быховский из Москвы, И. Хухров из Ленинграда, Р. Стенникова из Волгограда, О. Гольденштейн из Кишинева (впрочем, посвятивший добрый десяток страниц критике моих «спорных положений»), — это едва ли должно быть поводом для озлобления. Пускай наше общественное сознание не свободно от средневековых понятий, но и тогда, как говаривал персонаж той же повести, не вижу, почему бы благородным донам не сохранить хоть немного старинного вежества.

При таком условии я бы охотно и поспорила, и кое в чем согласилась со своими оппонентами. Но, увы: подобный разговор потребовал бы большей журнальной площади, чем сама статья. Поэтому я лучше отойду в сторону и предоставлю авторам писем послушать друг друга. Тем более что столкновение их мнений оказалось поучительным.

Так, многих возмутило замечание, что мир Стругацких жесток. «Какая жестокость? — сердится, например, молодой читатель Г. Головчанский из Перми. — Какая жестокость, я Вас спрашиваю?» «Васюченко борется с ветряными мельницами,

приписывая Стругацким апологию формулы „цель оправдывает средства“», — язвительно замечает Ю. Ревич. Между тем, когда речь заходит о коллизии повести «Жук в муравейнике», те же читатели рассуждают о средствах и цели так: «Вот вам идеальная (или почти идеальная) демократия, и вот нечто, что (пусть гипотетически) ей угрожает. Что с этим делать?» (Ю. Ревич). «Выстрел Сикорски (убившего героя повести. — *Прим. И. В.)* — подвиг, жертва, этого нельзя не понять, это лежит на поверхности» (Г. Головчанский). Им вторит Р. Баженова, убежденная, что нечего восставать против жестокости, раз возник «конфликт между тем, что полезно государству и отдельному человеку. Льва Абалкина убивают, потому что он несет в себе программу, опасную для Земли. Возможен ли другой выход?»

Как хорошо нас научили, — что невозможен! Мы даже забываем, что там, где подобный вопрос разрешается выстрелом работника спецслужбы, о демократии говорить смешно... Мне возразят, что бессудная расправа вроде той, какая описана Стругацкими, в экстремальной ситуации возможна и при самом гуманном правлении — мол, не на облаке живем. Пусть так. Однако, когда нравственное чувство цивилизованного народа

не извращено, он не хочет, чтобы во имя его блага приносились кровавые жертвы. К тому же и разум подсказывает ему, что подобные деяния оставляют в истории семена зла. А мы?.. Всегда готовы почтительно замереть, вытянувшись во фрунт перед государственной необходимостью!

Вымышленный мир Стругацких жесток потому, что отражает реальность — не столько нашего быта, сколько умонастроения. Демонстрируя в фантастико-приключенческом действии многие наши «почти идеальные» представления, эта проза дает возможность взглянуть на них новыми глазами, спросить себя, чего они стоят. Вот почему, вопреки подозрениям некоторых читателей, я не думала нападать на знаменитых фантастов. Это один из тех случаев, когда «неча на зеркало пенять...»

Кстати, читательские письма — лучшее доказательство «зеркальности» прозы Стругацких: просто удивительно, какие разные люди находят в ней отражение своих, подчас противоположных, воззрений. Так, Р. Арбитман и В. Казаков недоумевают, зачем уделять внимание «первым, романтически приподнятым утопиям» фантастов, ведь каждому ясно, что они давно не занимают ни самих авторов, ни их аудиторию.

А Г. Головчанский возмущен моей непочтительностью по отношению к этим утопиям, которые он вовсе таковыми не считает: «Несмотря на Ваше утверждение, что мир коммунистического завтра, созданный воображением Стругацких, — неудача, тысячи тысяч поклонников этих произведений поставили цель — создание такого мира (что бы об этом ни говорили). Я требую, чтобы эти слова Вы взяли обратно».

Г. Головчанский настроен решительно. Для него, в отличие от В. Казакова и Р. Арбитмана, книги Стругацких не повод для «сомнения, рефлексии, поиска, а руководство к действию». Со всем азартом юности он готовится строить бодрый тоталитарный коммунизм, вычитанный из ранних повестей любимых фантастов. Общество, где все обретут счастье, отдаваясь делу без остатка. А кому не в радость суббота, по желанию передовых трудящихся превращенная в понедельник, пусть держит язык за зубами. Разве не так? Видите: Г. Головчанский ничего еще не построил, а уже велит мне помалкивать, раз против меня «тысячи тысяч».

Подобные разногласия в понимании идей и конфликтов прозы Стругацких встречаются в письмах поминутно. Едва ли не на каждое утвер-

ждение приходится отрицание:

— «Если герои (повести „За миллиард лет до конца света“. — *Прим. И. В.)* не соглашаются с природой, то в том смысле, в каком мы не хотим примириться с землетрясением, извержением, наводнением. При чем тут ненависть к природе?»

— «А чем Вам не нравится фраза Ермакова „Мстить и покорять — беспощадно и навсегда!“? Именно так! Человек будет богом! И „матушка-природа, стихия безмозглая“, падет к нашим ногам».

— «Богом быть не трудно, богом быть невозможно...»

— «Откуда Васюченко взяла, что Стругацких интересуют „приключения профессионалов“?.. Меньше всего их герои „люди действия“».

— «Вы правильно отметили: герои Стругацких — профессионалы. А профессионалы, как правило, целеустремленны и должны принимать решения».

— «Хочу поблагодарить Васюченко за несогласие с С. Плехановым...»!

— «Да еще задевает заметки настоящего интеллектуала С. Плеханова!..»

— «Кстати, о Плеханове. В наше время только

слепой или сумасшедший может ставить в вину Стругацким „изничтожение зловредного арийско-славянского фантома“ (Плеханов С.). Бороться с „Памятью“ надо хоть так...»

На бумаге в мирном соседстве эти реплики кажутся записью нормального литературного спора. В жизни он пока невозможен: многие письма дышат нетерпимостью. Почитатели Стругацких, как и те, кто отрицает их творчество, не только встречают в штыки попытку непредвзятого анализа, но и спешат припугнуть оппонента мнением «самых широких слоев». Без опоры на авторитет масс обходятся в основном доброжелательно настроенные читатели. Ведь чтобы любить и размышлять, нет нужды чувствовать за спиной сплоченные ряды. Эта надобность возникает, когда дело пахнет расправой. Не зря Лавр Вунюков из «Сказки о Тройке» так любил повторять: «Народ не позволит...»

Там, где начинается стрельба из таких крупнокалиберных орудий, уж не до дискуссий о литературе. Признаться, трудно (а как хотелось бы!) вообразить, что мои оппоненты «справа» и «слева» захотят выслушать и понять друг друга хотя бы только в литературной беседе. Так и кажется, что при их встрече произойдет катастрофа.

Аннигиляция. А если бы (говоря о фантастике, позволительно дать волю воображению) им удалось увлечь за собой сочувствующие массы, от имени которых они так уверенно возвышают свой голос?

Есть что-то глубоко болезненное в том ожесточении, что так легко охватывает даже людей читающих, думающих. Недаром Стругацкие — писатели, хорошо чувствующие свое время, сегодня с таким отчаянным упорством убеждают «отягощенных злом» опомниться, остановиться, подумать.

Годом позже, в первом номере ленинградского фэнзина «Сизиф» за 1991 г., Вадим Казаков в статье «Аннигилизм критики» подводит итог полемике Ирины Васюченко со своими оппонентами.

Из: Казаков В. Аннигилизм критики

<...>

В июне 1989 года Р. Арбитманом и автором этой статьи было написано в редакцию «Знамени» большое письмо с разбором сочинения И. Васюченко. Вот что говорилось в письме <...>:

<...>

«И. Васюченко словно не заметила, что от самых первых, романтически приподнятых утопий Стругацкие еще к середине 60-х подошли к жесткой, острой, проблемной „реалистической фантастике“. И если к самым первым вещам еще можно с некоторой натяжкой отнести слова насчет „активного“, „воинствующего“ (?) разума, цель которого — „рациональное переустройство мира“, то к большинству книг этот тезис совершенно не подходит. Меньше всего их герои „люди действия“ — чаще всего это люди сомнения, рефлексии, поиска. И неужели фраза „только сила делает героя значительным“ на полном серьезе относится к героям Стругацких? <...> Превращать в угоду концепции умниц, интеллектуалов, людей обостренного нравственного чувства в этаких бодрячков-дуболомов, несгибаемых „борцов за вертикальный прогресс“, видеть в книгах авторов „пренебрежение к человеку, если он не боец передовых рубежей“ — значит просто не понимать, что из себя представляет мир Стругацких.

Что означает положение: „писателей, вынесших из шестидесятых годов мечту о преобразовании бытия, не устраивают отрицательные результаты“? Как это понять, если учесть, что уже с начала 60-х авторы, за редким исключением,

ориентируют читателя именно на „отрицательные результаты“?.. И не потому, что Стругацкие мрачные пессимисты, просто сладкие всепобеждающие развязки, „хэппи-энды“, по мнению Стругацких, не отражают истинной сложности бытия.

Откуда Ирина Васюченко взяла, что Стругацких интересуют „приключения профессионалов“?.. Герои Стругацких терпят поражение именно потому, что в них человеческое берет верх над профессиональным. Потому так понятны последние бессмысленные поступки Антона-Руматы (который не смог больше оставаться в скорлупе профессионализма) или Кандида, который с очевидностью понял: с „прогрессом“, который „вне морали“, ему не по пути. Потому терпит моральный крах единственный профессионал у Стругацких — инспектор Глебски, а Фил Вечеровский, не имеющий ни малейшего шанса на победу, нравственно остается непобежденным...

То, что авторы не навязывают своего мнения и не педалируют правоту одного и неправоту другого персонажа — очень раздражает неискушенного читателя, которому хочется „ясности“: за кого авторы. У критика в этих случаях очень велик соблазн одну из точек зрения объявить

точкой зрения Стругацких. Между тем, ценность произведений этих авторов в том и заключается, что они побуждают читателя к самостоятельному мышлению, и критик, который пойдет по легкому пути, окажется далек от истины. Поэтому, видимо, нет нужды комментировать все те страшноватые вещи, которые инкриминируются Стругацким (включая расизм): в такой степени авторы ответственности за своих героев, безусловно, не несут».

Некоторые повести Стругацких слишком явно не лезли в концепцию И. Васюченко. Вот почему о произведениях «Хромая судьба» и «Волны гасят ветер» критик не сказала вообще ни слова. Вскользь — и совершенно не по делу — бросила она пару реплик о «Втором нашествии марсиан» и «Пикнике на обочине». Зато повести «За миллиард лет до конца света» посвящена чуть не треть статьи. Полагая, что в застойные годы никакого серьезного анализа этой повести не было и быть не могло, И. Васюченко решила осчастливить человечество собственной трактовкой. Суть ее, главным образом, в двух положениях.

Во-первых, как говорилось в нашем письме, «критик изображает героев повести в виде неких фанатиков, которые за-ради своей любезной нау-

ки готовы всю нашу Землю (а то и Вселенную) под удар поставить». И. Васюченко пишет: «Главная беда этих адептов сверхцивилизации — недостаток культуры, узость духовного кругозора. Невежды во всем, кроме своих схем, „интегральчиков“ и пр., они мечтают быть благодетелями человечества, о котором не имеют понятия». Удивительно знакомая формулировка. Примерно в такой манере в неудобозабываемые годы было принято в нашей рептильной прессе отзываться об А. Сахарове и его единомышленниках! Удивительная вещь — играющая в прогрессивность и защиту общечеловеческих ценностей, Васюченко в своих выводах смыкается с оголтелым ортодоксальным коммунистом А. Шабановым, еще в 1985 году обнародовавшим в «Молодой гвардии» (№ 2) те же обвинения Стругацким и допустившим точно такие же передержки. Обоим собратьям по перу для подтверждения своей тенденции приходится увечить или вовсе ломать текст Стругацких. В данном конкретном случае И. Васюченко признаком бескультурья героев «Миллиарда...» считает то, например, что астроном Малянов где-то когда-то не сразу понял, что цитируемый приятелем текст — это стихи. Отсюда следует, что ученые «далеки от искусства

и литературы, равнодушны к прекрасному». Комментарии излишни.

Между тем, речь-то в повести идет о совсем других вещах! Вернемся к нашему письму: «Не ради чистой науки и личного комфорта бьются герои с черт-те какой неведомой силой: бьются они за свое человеческое достоинство, за право свободно мыслить, за право совершать поступки... Повесть, созданная в середине 70-х, как в капле воды отразила положение, в которое зачастую попадал не только ученый, а просто самостоятельно мыслящий человек в те самые застойные годы. А потому в повести нет „отрицательных“ героев: даже сдавшиеся под гнетом обстоятельств, угроз себе, родным, они вызывают не презрение, а понимание: не всем — как Фил Вечеровский в повести или академик Сахаров в реальной жизни — удалось стоять до конца».

Впрочем, этим подтекстом повести, скрытым за Гомеостатическим Мирозданием, следователем с многозначительной фамилией Зыков и прочими внешними проявлениями, И. Васюченко пренебрегла. Не в силах отрешиться от героически-мушкетерского прочтения книг Стругацких, она даже главных героев повести превращает в четырех мушкетеров Дюма, начисто забыв о

«сверхкомплектных» Глухове и Снеговом. Но будем благодарны критику. А ну как она уловила бы параллель не с Дюма, а, скажем, с «тремя поросятами»? Примеривать Вечеровского к идеалу отважного поросенка Наф-Нафа — чем не занятие для критика, берущегося просвещать юных читателей фантастики?

Ответа на свое письмо мы ждали долго. Только в начале 1990 года пришел ответ — и не от редакции, а от самой И. Васюченко. Мы считаем уместным привести его полностью, опустив лишь ритуальные выражения почтений и преамбулу.

«Вскоре, наверное, появится в „Знамени“ мой ответ на корреспонденцию по статье. Она довольно обширна, меня бранят справа и слева — одни за то, что бесстыдно восхваляю таких гнусных писак, как Стругацкие, другие за то, что клевещу на таких великих гениев. Есть и несколько больших писем, среди которых — Ваше, на них, естественно, не ответишь одной короткой заметкой.

Убеждать Вас, что моя статья не так плоха, как Вам кажется, не буду — это и неинтересно, и бессмысленно, и, наконец, я сама по ряду причин от статьи не в восторге. В чем Вы совершенно правы, так это относительно „заговора молчания“. Я-то хотела сказать, что не было серьезного крити-

ческого анализа. И теперь уверена, что быть его „до гласности“ не могло по причинам хотя бы техническим, но — тут Вы опять правы — всего, что значится в собранной Вами библиографии, я, разумеется, не читала. А то, что читала, казалось мне совершенно „мимо“, хотя Вы, возможно, оценили бы это иначе. Но так или иначе, выражение относительно „заговора“ было неточным, и то, что в некоторых читательских письмах со мной пылко соглашаются, не оправдывает подобной неточности.

Спорить с Вами насчет Стругацких мне не хочется потому, что, сколько бы у меня ни было доводов и соображений, Вы, как мне кажется, захотите не столько понять их, сколько обязательно опровергнуть, и в каком-то высшем смысле будете, может быть, правы: Вы-то защищаете то, что любите, а я холодно разбираюсь в интересном, но достаточно, по-моему, сомнительном литературном явлении. Для Вас это — Ваша главная тема, для меня — нет. Ваше отношение к ней горячо и определенно, мое — безвыходно и двойственно. Я же понимаю, что по сравнению с Пикулем и „Вечным зовом“ Стругацкие — высокая литература, что их проза гуманна по сравнению с писаниями Распутина и интеллигентна там, где Белов может

сойти за мыслителя. А мы именно тем и живем, так что отказывать Стругацким во внимании было бы несправедливо.

В одном возражу вам, и не ради пререкания, а потому, что для Вас, раз уж Вы занимаетесь Стругацкими, это может оказаться небесполезным. Разделываясь с моей концепцией, Вы весьма решительно противопоставляете моим заблуждениям свои единственно верные выводы. Подобный метод, и вообще не самый плодотворный, по отношению к Стругацким особенно неоправдан — должна сказать, что письма их почитателей доказывают это лучше, чем сумела бы сделать я. Двойственность этой прозы феноменальна, разные люди с пеной у рта превозносят ее за разные, зачастую взаимоисключающие идеологические тенденции. Среди этих поклонников попадаются прямо-таки неистовые сталинисты (если иметь в виду не слабость к известной персоне, а тип мироощущения). Вы скажете, что здесь недоразумение? Однако не с каждым писателем может произойти недоразумение подобного рода — скажем, Ю. Домбровского никогда не примет за „своего“ человек тоталитарного склада... У меня свое толкование этой двойственности, Вам вольно считать его несправедливым, однако

двойственность налицо — занимаясь Стругацкими, право, грех это отрицать. А что Вы скажете о недавнем огоньковском интервью? Все вроде бы так разумно, культурно, и вдруг — этот чудовищный пассаж насчет „физического отвращения“ к панкам и т. п. А ведь брезгливость к человеку — одно из самых антикультурных, низменных и опасных чувств, по нынешним временам не понимать этого, кажется, невозможно...

Извините, я не собиралась спорить, да и теперь не хочу. И вполне осознаю, что пишу сумбурно и длинно; не взыщите, это от усталости и спешки. Что до Стругацких, они все же чтение по преимуществу молодежное. В юности я и сама глотала эти повести с аппетитом, не обращая внимания на то, что (и тогда) раздражало и настораживало. Казалось, только зануда может придираться к таким занимательным книжкам. В сущности, и Вы меня в том же обвиняете. Но критик, он ведь и есть зануда, его дело — высовываться и каркать, что, мол, невеста „чуточку беременна“. Как отнестись к подобному сообщению — это уж добрая воля жениха, то бишь читателя. Вы свой выбор сделали: просто не поверили. Если Вы при этом не ошиблись — тем лучше». Пожелание успехов. Подпись.

В том, что И. Васюченко не пыталась оспорить по существу ни один наш конкретный аргумент, не видим ничего странного. Нас, говоря честно, ее объяснения задним числом и не интересовали бы. А вот то, что письмо лучше помогает понять логику и пристрастия самой И. Васюченко, интересно для понимания умонастроений всех критиков подобного рода, печатающих в прогрессивных журналах поклеп на прогрессивных же писателей. Все оказалось достаточно тривиально. Да, имеет место литературный снобизм. Да, налицо примитивное, неглубокое прочтение Стругацких. Да, перед нами непонимание (искреннее или нарочитое) специфики «фантастического реализма».

Профессиональному литературному работнику не пристало тратить красноречие, обличая огоньковское интервью Стругацких «Прогноз». Ему, профессионалу, следовало бы знать разницу между личным мнением писателя и миром его произведений. А словеса насчет «отвращения» — уже и вовсе демагогия. Иная брезгливость куда нравственнее, чем поведение критика, «холодно разбирающегося» в «сомнительном литературном явлении» посредством его фальсификации.

Профессионалу не следовало бы, даже в полеми-

ческом задоре, разбрасывать уничижительные оценки творчества Белова и Распутина. В конце концов, можно иметь одиозную общественную позицию и быть не просто хорошим, но и великим писателем (первый приходящий в голову пример — Достоевский). Для демонстрации «левых» убеждений И. Васюченко надо бы поискать более приемлемую форму.

Что касается «недоразумений» разного рода, то профессионалу, следящему за текущей периодикой, в голову бы не пришло упоминать имя Юрия Домбровского. В то, что И. Васюченко ничего не знает о погромных мемуарах Кузьмина в «Молодой гвардии», нам верить не хочется. Разумеется, за лже-соратников и лже-единомышленников покойный писатель ответственности не несет, как не несут ее за недобросовестных «интерпретаторов» и все прочие авторы, в том числе и Стругацкие.

Что касается «двойственного» восприятия книг Стругацких, то И. Васюченко попросту приписала нам собственные заблуждения. Это в ее работе, а не в нашем письме, на любой странице прослеживается стремление к «единственно верным выводам». И это в нашем письме, а не в ее работе, «двойственное восприятие» оценивалось как

нормальное явление, более того — как заслуга Стругацких.

И еще кое-что об акушерско-гинекологических аналогиях, венчающих письмо Васюченко. Нам решительно непонятно, с какой стати «жених» должен принимать за чистую монету мнение совершенно постороннего человека, заявившегося откуда-то с улицы на чужую свадьбу и даже не знающего толком, кто «невеста». Если такому доброжелателю с максимальной настойчивостью будет указано на дверь — не видим в этом ничего удивительного.

Обещанный Ириной Васюченко ответ на читательские письма появился в мартовском «Знамени» (1990 г.) под названием «Аннигиляция». Неожиданным для нас он не был: после письма Васюченко нам стало ясно, что ошибки критиком признаваться не будут и дело спустят на тормозах.

И. Васюченко, мудро решив, что лучший вид обороны — наступление, сама перешла в атаку на читателей. Ей, как выяснилось, обидно, что ее аналитические способности не вызвали восторга части корреспондентов. Между прочим, в разряд неприятных для себя «ошеломляющих посланий» критик отнесла и письмо Казакова

с Арбитманом. Более того: даже немножко поцитировала или пересказала. Естественно, вне контекста и без нашей аргументации.

Общий смысл сетований: ее, дескать, шельмуют за «невосторженный образ мыслей» фанатичные поклонники Стругацких, испугавшиеся «малейшего критического замечания в адрес любимых авторов». А ведь речь-то шла (по крайней мере, в нашем письме) не о «невосторженности», а об элементарной профессиональной недобросовестности автора статьи.

Но оправдываться И. Васюченко не хочется, и она решает в два счета закруглить нежелательную полемику. На счет «раз» заявляет, что «я бы охотно и поспорила, и кое в чем согласилась со своими оппонентами». Да вот беда — не нравится Ирине Николаевне неуважительный тон читательских писем. Правда, О. Лацис в свое время писал: «Если один автор вежливо распространяет недостоверную информацию, а другой грубо называет это враньем — кто из них заслуживает модного упрека в недостаточной культуре дискуссий?» Между прочим, суждение это было напечатано в одном номере «Знамени» со статьей И. Васюченко...

На счет «два» критик скорбит о недостатке

печатной площади и вместо себя предлагает «авторам писем послушать друг друга». Далее идет подборка цитат, отобранных так, чтобы показать, что «разногласия в понимании идей и конфликтов прозы Стругацких встречаются в письмах поминутно», а значит — нечего пенять на особое мнение И. Васюченко. О том, что отправной точкой писем было именно несогласие корреспондентов «Знамени» с критиком Васюченко, — тихо забывается. Читателям предлагается выяснить отношения между собой. При этом И. Васюченко громко ужасается, что «при их встрече произойдет катастрофа. Аннигиляция», и с безопасного расстояния призывает враждующие стороны к спокойствию и смирению. Таким образом, во всем оказываются виноваты читатели, имеющие наглость столь по-разному воспринимать Стругацких. Стругацкие, в свою очередь, виноваты, что пишут прозу, вызывающую неоднозначные мнения. А где же критик? Критик, убоявшись аннигиляции, покинул поле боя. От греха подальше...

Трюк состоит в том, что никто из читателей «аннигилировать» не собирается. Аннигилизм нужен критику лишь затем, чтобы напустить читателей друг на друга и на самих Стругацких.

Предполагается, очевидно, что мнение Ирины Васюченко и есть та золотая середина, которая уцелеет, когда поле боя очистят от трупов и обломков оружия.

Несомненно, в числе высказываний корреспондентов «Знамени» есть спорные или вовсе, с нашей точки зрения, ошибочные. Но, во-первых, некорректно судить о целостной концепции по произвольным отрывкам. Во-вторых, даже будучи неправыми, корреспонденты «Знамени» имеют неоценимое преимущество перед Ириной Васюченко: они не желают «холодно разбираться», а бескорыстно отстаивают свою позицию.

Известно, что АБС активно способствовали росту публикаций фантастов «четвертой волны», «пробивали» новые имена в журналах и издательствах. Но порой было необходимо почтить память и маститых авторов. Одной из первых книг, которые выпустил кооператив «Текст», созданный при активном участии АНа, стал сборник Лазаря Лагина. Предисловие к нему написал АН.

Из: АНС. О Лазаре Лагине

<...>

Одна за другой выходили из-под его пера, выскакивали, как из обоймы, по выражению Леонида Леонова, крепкие книги, в которых острый, захватывающий сюжет удивительным образом сочетался с остротой политической: «Патент АВ», «Остров разочарования», «Атавия Проксима», «Съеденный архипелаг»... И над калейдоскопом ярких фигур ученых и пролетариев, убийц в мундирах и убийц во фраках, борцов и обывателей вырос вдруг, словно в противоположность милому и доброму Хоттабычу, жуткий, почти сатанинский в своей обнаженной пошлости чемпион предателей майор Велл Эндъю — воплощение всей гнусности человеческой истории от античных времен до наших дней, мастерски вылепленный Лазарем Лагиным образ человека, предавшего само человечество...

Вероятно, эти фантастические романы-памфлеты после «Хоттабыча» наиболее известны нашему читателю. Гораздо менее известна — не по вине автора, конечно, — его серия коротких и острых сатирических притчей, объединенных в своеобразный цикл «Обидные сказки». Сатирическое жало этих сказок направлено, если можно так выразиться, вовнутрь, что и объясняет, в известной мере, крайнюю их непопулярность

у издателей доперестроечного периода. Над «Обидными сказками» Лагин работал с начала тридцатых годов и едва ли не до самой своей кончины. Наконец, был у Лагина и своеобразный цикл рассказов автобиографического толка, названный им «Жизнь тому назад». Лишь один рассказ этого цикла увидел свет до выхода настоящей книжки.

Умер Лазарь Иосифович в 1979 году.

Как младший его коллега я решаюсь добавить к сказанному, что всегда восхищался работой Лагина — и не только смелостью его фантазии, не только сюжетным мастерством, но и превосходной стилистикой, умением пользоваться словом, своеобразной интонацией, по которой узнавал автора с первых же строк, что, как известно, можно сказать далеко не о каждом писателе.

<…>

О создании издательства «Текст» и о своей работе с АНом рассказывает писатель и редактор Михаил Гуревич (литературный псевдоним — Кривич).

Гуревич М. Академический час Аркадия Натановича Стругацкого: Воспоминания

В 1987 году у Виталия Бабенко и Кира Булычева возникла мысль создать писательский кооператив. В стране подул, простите за банальность, ветер перемен, и то, что казалось немыслимым, вдруг могло стать реальным. Идею они стали обсуждать с теми, с кем были связаны человеческими и профессиональными отношениями: с членами Московского семинара молодых фантастов Валерием Генкиным, Владимиром Гопманом, переводчиком Андреем Гавриловым, сотрудниками журнала «Химия и жизнь» Михаилом Гуревичем и Ольгертом Либкиным. Кроме того, согласие на участие в проекте дали писатели старшего поколения Аркадий и Борис Стругацкие и Евгений Войскунский. Наконец, художником издательства согласился стать Владимир Любаров, замечательный книжный график.

К лету 1988 года идея не только созрела, но и была готова претвориться в реальность. Мы подготовили проект Устава и вышли на разрешительную инстанцию, которой оказалась комиссия по делам кооперативов, — ее возглавлял Ю. М. Лужков. Заседала она в каком-то офисе

(слова этого, впрочем, тогда еще не было в нашем обиходе), на улице Мархлевского, нынешнем Милютинском переулке.

В начале августа 1988 года нам назначили день приема. Назначили на ночное время, днем Лужков, наверное, решал более серьезные вопросы. Пошли мы втроем: Кир Булычев, Гера Либкин и я (Бабенко и Гопман были в Венгрии на какой-то конференции фантастов). Понятное дело, не обошлось без очереди. Впереди нас толпились шашлычники, шиномонтажники и металлоремонтники, так что у двери лужковской приемной мы очутились только в начале второго ночи.

Происходившее смахивало на райкомовскую комиссию, дававшую в давние времена разрешение на выезд за границу: несколько убеленных сединами ветеранов с орденскими планками, несколько шустрых комсомольцев, а во главе стола сам будущий столичный мэр. Просмотрев наши документы, Лужков удивленно хмыкнул и не так чтобы очень доброжелательно сказал: «Значит, собираетесь издавать книги... А как быть с идеологией? Кто за ней смотреть будет?» Кто-то из нас ответил: «Среди нас такие известные писатели, как братья Стругацкие и Кир Булычев, кому, как не им...» — «М-да, — пожевал

губами Лужков, — писатели они, что и говорить, известные, но только сами нуждаются в идеологическом контроле... Книгоиздание в целом — дело хорошее, но лучше все-таки вам работать с каким-нибудь надежным издательством. Оно будет осуществлять идеологический надзор, вы же будете заниматься редактурой и другими техническими проблемами. Так что перепишите Устав и приходите на следующее заседание комиссии». Наверное, мы представлялись ему каким-то подобием кооперативного машинописного бюро.

С этим мы ушли. И вскоре нашли идеологическое пристанище, сейчас бы сказали «крышу», — издательство «Юридическая литература», которому мы и по сию пору признательны за доброе «крышевание». Переписав Устав, через неделю пришли на новый прием к Юрию Михайловичу. На сей раз без Кира Булычева, но с Валерием Генкиным и Александром Кацурой. Увидев, что страшного словосочетания «издательский кооператив» в наших документах нет, а есть безобидный эпитет «редакторский», надзиратели за кооперативами дали нам «добро», и мы вышли в теплую августовскую ночь, довольные, что мечта сбылась, но перепуганные своим но-

вым статусом — кооперативщики, кооператоры! Неужто не прихлопнут! Не прихлопнули, и в середине августа мы получили долгожданное разрешение на открытие кооператива «Текст».

Первое время, пока не обзавелись собственным помещением, мы собирались у меня, — обсуждали в первую очередь наши издательские планы. На одну из таких встреч пришел Аркадий Натанович. Пробыл недолго, говорил о том, что надо издавать книги, которые в страну десятилетиями не пускала цензура, то, что жило у нас в статусе самиздата, издавать Войновича, Владимова и других наших писателей, выброшенных советской властью за рубеж; тогда же впервые прозвучала мысль об издании сборника «Метрополь».

Обсуждали и издание книг Стругацких. Аркадий Натанович рассказал о бесчисленных главлитовских купюрах, о том, что изъятое из Стругацких по сомнительным идеологическим соображениям необходимо вернуть читателям. Для восстановления авторских текстов он готов поработать с толковым редактором, которому можно доверять. На это дело и отрядили меня, полагаю, прежде всего потому, что я жил в пешей доступности от Аркадия Натановича.

И вот в день и час, которые были обговорены

заранее, я пришел к АН, по известному многим любителям фантастики адресу: проспект Вернадского, дом 119. От меня до этого дома, если по прямой, было метров 800. Поднялся на лифте. Дверь открыл сам АН.

Надо сказать, что фантастику я до того времени не очень любил. Читать ее читал, но немного: вся советская фантастика представлялась мне некоей фигой в кармане — это в лучшем случае; чаще же меня отталкивала вымученность, какая-то убогость этого жанра в Союзе, сам в соавторстве с Герой Либкиным, признаюсь, пописывал фантастические рассказики, два-три из которых напечатала родная «Химия и жизнь».

Творчество Стругацких, к стыду своему, я знал плохо. Поскольку Аркадий Натанович восстановление изуродованных текстов Стругацких решил начать с «Отеля „У погибшего альпиниста“», я ночью перед первым визитом к АН прочел повесть и понял, сколько я потерял, упустив мощную прозу этих авторов, и не стал скрывать перед АН свое восхищение «Отелем». Он смущенным жестом остановил мои восторги, но видно было, что ему приятно. «Ладно вам, давайте работать...»

Я незаметно осматривался — как-никак впервые в жилище такого известного писателя.

Поразило, что была квартира обычной, типовой — с крохотной прихожей, где мог поместиться только один такой крупный мужчина, как АН. Мы прошли в комнату, очевидно, кабинет АН. Письменный стол, пара стульев, тахта, книжный шкаф, как я мог понять, с отечественными и зарубежными изданиями АБС. Меня удивила спартанская скромность обстановки, боюсь сказать, обычная советская нищета, хотя сам дом по проспекту Вернадского считался по тем временам вполне престижным.

АН был в домашнем: спортивные брюки, попросту говоря треники, причем изрядно растянутые, клетчатая рубашка темно-красных тонов, домашние тапочки, скорее шлепанцы, довольно стоптанные, поношенные. И при этом весь облик АН можно было охарактеризовать одним словом: величественный. Высокий, двигавшийся, несмотря на грузность, сравнительно легко. Богатырский разворот плеч, гордая посадка головы, густая седая шевелюра. Низкий красивый голос, в котором слышались и властность, и доброта.

До редакторской работы с АН у меня за плечами были только годы службы в журнале «Химия и жизнь». Там был принят авторитарный стиль редактирования: наши авторы в большинстве

своем были прекрасными специалистами в разных отраслях знаний, но писали, прямо скажем, так себе. Понимая это, они редко спорили с редактором. И вот впервые в жизни я столкнулся с совершенно иным автором.

Разумеется, я понимал, что здесь неуместны даже мелкие редакторские придирки, но мой карандаш то и дело шкодливо лез в текст классиков. Не на того напал! Аркадий Натанович отметал все мои замечания по тексту и даже не хотел их обсуждать. Только раз, кажется, скрепя сердце он принял какую-то мою малозначительную правку.

Прошло 45 минут работы, когда АН вдруг сказал: «Перерыв» — и достал из шкафа початую бутылку коньяка, два классических граненых стакана и кулек каких-то конфет, вроде помадки. Налил ровно по полстакана и сказал: «За успех нашей работы!» Мы выпили, заели конфеткой, перекурили. И продолжили работать. Через 45 минут процедура повторилась: полстакана, конфетка, перекур. После часов четырех работы я почувствовал, что все вокруг плывет. АН, напротив, был бодр и вполне работоспособен, но понял, что его редактор уже далек от своей лучшей формы и великодушно предложил на сегодня работу

завершить. И я на неверных ногах побрел домой.

Работа над «Отелем», а потом после ее завершения над «Тучей» продолжалась дней десять — и все в том же ритме. Утром я приходил к АН, мы 45 минут вкалывали, потом опорожняли свои граненые стаканы — и продолжали редактировать. Однажды перед очередным коньяк-брейком, когда классик полез в шкаф за бутылкой, я спросил: «АН, а почему вы делаете перерывы ровно по истечении академического часа?» Он ненадолго задумался, потом на лице его появилось удивление. «Ты говоришь, 45 минут? — задумчиво спросил он, разливая очередную дозу. — Интересно...» И поднял стакан.

Ой как не хочу быть отнесенным к породе «воспоминальщиков», которые вытаскивают тот или иной эпизод своего общения с великим человеком, выпячивают близкие отношения с ним. В общем, моя короткая редакторская работа с Аркадием Натановичем для него и впрямь была малозначительным эпизодом, для меня же осталась дорогим воспоминанием. И когда я рассказываю о наших с ним коньяк-брейках, не делаю никаких обобщений — пил ли АН или не пил, много или мало. Не знаю. Думаю, просто ему в то время надо было держать себя в тонусе, что

он и делал каждый академический час...

А вообще более жесткого и неуступчивого автора, дорожащего каждой буквой своего текста, мне как редактору встречать не приходилось. Аркадий Натанович управлял мною, командовал мною, можно сказать, дирижировал процессом редактирования, с непередаваемой интонацией произнося или выкрикивая мое имя. Его «М-и-ш-ш-ш-а!» выражало весь спектр чувств: протест, несогласие, упрямство, порой раздражение, а то — крайне редко — лестную для меня похвалу. В работе АН не позволял никаких отвлечений, но после нее становился старомодно учтив и политесен. Трогательно провожал меня до лифта, желал всего хорошего.

При каждой новой встрече он поражал меня, как и в первый раз, своим величием — трудно подобрать другое слово, чтобы определить впечатление от его облика, в котором доминировала какая-то, я бы сказал, грозная доброта, хотя в повседневном бытовом общении он был застенчив, даже как-то беззащитен, абсолютно лишен малейшего пафоса, поразительно скромен, непритязателен. Перед глазами стоптанные домашние тапочки, в которых ходил один из самых значительных русских писателей второй

половины XX века.

Изданию «Опоздавших к лету» Андрея Лазарчука предшествует предисловие АБС.

АБС. [Предисловие]

Война отвратительна. Любая война, ибо это есть противоестественное состояние человеческих отношений.

Даже война справедливая — за свободу и независимость страны, против жестокого и бесчестного врага, — даже такая война остается страшным слепым Молохом, пожирающим жизни и души, убивающим в людях разум и справедливость. Это потом — в газетах и бездарных романах — война предстает красивой, героической, привлекательной и увлекательной. В натуре же она всегда — вонь, страх, хроническое недосыпание, грязь, озлобление и — смерть, каждый день чья-нибудь смерть, и первыми гибнут самые лучшие, самые добрые, самые чистые и благородные...

«Война есть продолжение политики иными средствами». Увы. Но правильнее было бы добавить: «грязной политики», «подлой политики», «бездарной и бездушной политики». Ибо честная и разумная политика войны не порождает.

Андрей Лазарчук написал о войне, которой никогда не было. И в то же самое время он написал о всех войнах сразу, но в первую очередь о войнах второй половины XX века со всеми их онерами — особенной лживостью и жестокостью, богатой идеологической оснащенностью, повышенной бессмысленностью и бездарностью. Корея, Вьетнам, Афганистан, Ближний Восток, Индостанский полуостров, Персидский залив... Сколько крови, сколько горя, сколько красивых слов, зовущих убивать; могилы, руины городов, руины человеческих душ — и для чего? Кто-нибудь стал счастливее после этого? Лучше? Добрее? Умнее? Хоть кому-нибудь стало после этого легче жить?.. Кто победил? И кого?

Герои Лазарчука, обливаясь потом и кровью, строят мост, дабы одержать победу — над кем? Или, может быть, над чем? Над разумом. Над жизнью. Но ведь победа над разумом — это безумие. А победа над жизнью — это смерть.

Кажется, на склоне века мы стали понимать эти простые и горькие истины. Кажется, герои Лазарчука готовы превратить мост войны в мост мира...

Очень хотелось бы, чтобы Андрей Лазарчук опоздал со своей повестью. Очень хотелось бы,

чтобы уроки его героев никому больше не понадобились бы. Очень хотелось бы верить, что в наше время война уже невозможна — возможен только ядерный коллапс цивилизации, который назвать войной, собственно, уже нельзя, как умирание нельзя назвать болезнью.

К сожалению, в этом мире редко происходит то, что нам хотелось бы...

20-м марта датирована рекомендация БНа в СП Евгению и Любови Лукиным.

Из архива. БНС. Рекомендация в СП Е. и Л. Лукиным

Евгений и Любовь Лукины принадлежат к новому, четвертому поколению советских фантастов, — поколению 80-х. Читатель заметил их сразу и давно. Прирожденный юмор, свежесть и лаконичность стиля, нечасто встречающаяся замечательная способность сочетать высокую достоверность описания окружающего мира с самой безудержной фантазией — все эти качества быстро вывели Лукиных в число признанных и наиболее популярных писателей своего поколения. Их рассказы регулярно становятся призерами самых различных опросов читатель-

ского мнения. Сейчас, наверное, невозможно найти любителя фантастики, которому их произведения были бы незнакомы.

Мне кажется, Лукины уже давно достигли профессионального уровня работы, я подумал об этом несколько лет назад, прочитав их блестящую повесть «Вторжение», — несомненно одну из лучших повестей, опубликованных в советской фантастике за последние десять лет.

Они молоды, энергичны, интеллигентны, трудолюбивы, у них впереди, не сомневаюсь, еще множество ярких и самобытных произведений. Уверен, что такой коллективный автор способен украсить собою любую писательскую организацию нашей страны, и с радостью рекомендую Евгения и Любовь Лукиных в члены Союза писателей.

23 марта в ленинградском «Литераторе» публикуется изложение выступления БНа на недавней встрече писателей-фантастов «Антиутопия сегодня».

Из: БНС. Арьергардные бои феодализма

<...>

Я отношусь к людям, которые считают, что

между утопией и антиутопией общего чрезвычайно мало. Это противопоставление, я бы сказал, совершенно случайное, чисто терминологическое, не содержащее, как мне кажется, никакой рациональной информации. Правда, я не великий знаток этих вещей, но, судя по тому, что известно, скажем так, дилетантам, утопия возникла как стремление описать мир, который должен быть. Это попытка спланировать рациональное будущее. Все ранние, классические утопии построены именно по этому принципу и проистекали именно из этого желания: нынешний мир плох, неустроен, как сделать так, чтобы мир был хорош и устроен!

С таким представлением об утопии, насколько я понимаю, человечество рассталось в XX веке. Потому что в XX веке я не знаю ни одного сколько-нибудь значительного произведения, построенного по этому принципу. Вероятно, последней утопией человеческой, получившей достаточно широкую известность и распространение, была «Туманность Андромеды». Это была попытка Ивана Антоновича все-таки сконструировать мир, каким он должен быть. Что же касается антиутопии, то это литературное течение возникло совершенно из других соображений. Слово «дол-

жен» никогда не присутствовало, мне кажется, в психологии творца антиутопий. Это мир, которого я не хочу. Мир, который может произойти, если все пойдет дальше так, как идет сегодня, и которого я не хочу. Вот так возникли первые антиутопии. И заметьте, если утопии умерли в XX веке, то антиутопии в XX веке как раз родились. Начал, видимо, Уэллс, и, по-моему, первая самая знаменитая антиутопия — это «Машина времени». Причем она в своем роде замечательна и очень непохожа на все антиутопии, которые писал впоследствии тот же самый Уэллс. Это, если угодно, некая романтическая антиутопия. Это прощание с XIX веком, так бы я определил «Машину времени» Уэллса. Ему очень нравился XIX век, и его очень пугал XX, пугал, видимо, не зря. Дальнейшие антиутопии следовало бы называть иначе, все-таки роман-предостережение — гораздо более точное название для литературы такого рода. Скажем, произведения Олдоса Хаксли и Замятина — это никакие не антиутопии. Это романы-предостережения. Люди пишут: вот, смотрите, если будете плохо себя вести, то вот что с вами случится через 20, 30, 40 лет...

Но только представив, что такое антиутопия вчера, можно попытаться сделать какие-то выво-

ды о ее сегодняшнем дне. Прежде всего спросим себя: а удалось ли авторам антиутопий предостеречь нас от чего-то? Ответим сразу же: нет, не удалось. А удалось ли авторам антиутопии начала века угадать действительно важные тенденции в развитии человечества в XX веке? На мой взгляд, не удалось. Такие великие люди, как Уэллс, Хаксли и Замятин, в конечном итоге оказались не столько мыслителями, сколько сверхчувствующими. Они почуяли страшную угрозу, почуяли трупный запах из будущего, но в чем причина, кто будет гореть на кострах и почему, мне кажется, они все-таки не поняли. Ибо заметьте, о чем они предупреждали нас в начале века, все, кого я знаю. Они ведь, по сути дела, предупреждали нас, что наука таит в себе огромную угрозу. Им казалось, что мир XX века будет страшен, так как человек еще не созрел для использования неописуемых возможностей развивающейся науки. И самое ужасное в будущем, по их представлению, — человек теряет индивидуальность, превращается в ходячие номера, пресловутые «винтики», люди становятся одинаковыми. Вот что пугало их больше всего, их пугало массовое производство человекоподобных роботов. Вот во что, по их мнению, должно

было превратиться человечество.

Но давайте себе признаемся: реальность оказалась гораздо страшнее, чем превращение людей в «винтики» и в роботов. Опыт самых гнусных тоталитарных режимов нашего века говорит о том, что человек в этих условиях не превращается в робота. Дело обстоит хуже. Он остается человеком, он просто делается плохим человеком. И чем чудовищней режим, тем хуже массовый человек. Он становится злобным, невежественным, трусливым, подлым и т. д. Все отрицательные категории, какие только можно придумать, становятся характерны для массового человека. Мы знаем это по опыту нашей страны, все, кто был в сознательном возрасте где-то в сороковые-пятидесятые годы, видели, во что превращались люди. Нет, они превращались не в роботов, они превращались в монстров, если угодно. Это были люди, но это были страшные люди, с которыми жутко находиться рядом. И этого, по-моему, тоже не уловили самые высочайшие умы XX века, вернее, они это уловили, почувствовали, но не сумели сформулировать в тех терминах, в которых могли бы действительно нас предупредить.

Для того, чтобы идти вперед, мы должны все-таки сопоставить, что нам сказали антиутопии

и что мы получили. Что же такое XX век, если поглядеть на него с определенной точки зрения? Ведь это век, в котором окончательно умер феодализм. Феодализм, получивший первый удар в XVIII веке, умер ведь только в XX. Все тоталитарные режимы, по крайней мере которые я знаю, это была вовсе не «реакция на социалистическую революцию», как нам говорили. Ничего подобного. Все тоталитарные режимы являлись попытками свергнуть капитализм, отбиться от него, от капиталистических отношений, вернуться к старым добрым временам. К патернализму, когда во главе стоит царь, когда у царя есть холопы и когда холопы управляют крепостными. Вот эта идеальная схема отрабатывалась абсолютно во всех тоталитарных государствах, это была попытка феодализма вернуться обратно. Антиисторическая, с точки зрения марксизма, но, с другой стороны, такой бой феодализм должен был дать, и он его дал.

<...>

Антиутопия XX века — это был ужас мыслящего, интеллектуально независимого человека, писателя, перед потерей свободы. Крепостной никогда не боялся потерять свободу, ее у него не было, и он ее не хотел. Но подавляющее большинство пи-

сателей — люди интеллектуально свободные, и самое страшное, что они видели в будущем, — это потерю людьми свободы. Ничего более ужасного они представить не могли. Я, может быть, сейчас предстану, скажем, таким неосновательным оптимистом, но мне кажется, что в XXI веке потеря интеллектуальной свободы, в том смысле как мы ее понимаем сегодня, человечеству уже не грозит. То есть каждый человек, особенно массовый, безусловно, будет несвободен, но это будет несвобода скрытая, незаметная, это будет несвобода, проистекающая от невежества, от недостатка знаний, от недостатка воспитания, от могучего воздействия средств массовой информации. Каждому человеку будет казаться, что он абсолютно волен в своих действиях, хотя на самом деле он будет легко управляем. Но это уже совершенно другое качество, совершенно другое — это необременительная несвобода, немучительная, это приятная несвобода. Вот об этом, вероятно, будут все основные антиутопические произведения ближайшего времени. Именно об этом. О сладком рабстве, которое ожидает массового человека в XXI веке. О тупике, в который упрется человечество, если не научится делать из своих членов — в школах, в гимназиях, в лицеях

— действительно интеллектуально свободных людей.

И я должен вам сказать, что по крайней мере у нас, в СССР, антиутопия перестала быть ведущим жанром фантастики, что бы мы ни говорили. Я не знаю, печально это или нет, но время, когда писатель считал своей важной задачей погоревать о будущем, мне кажется, все-таки миновало. Сейчас, на мой взгляд, настало время горевать не о будущем общества, а о свойствах человека как вида. И вот это тоже будет, вероятно, еще одно из направлений грядущей антиутопии, хотя, может быть, называться оно будет совсем не так.

Посмотрим теперь, какая же будет главная социальная проблема в XXI веке? Это та проблема, которая стояла перед человечеством всегда и просто никогда не играла такой важной роли, какую начнет играть в новом столетии. Это проблема, как бы это сказать помягче, между животной сущностью человека и необходимостью стать наконец человеком. На протяжении многих тысячелетий человечество могло терпеть тот факт, что одни его представители поднимались на неописуемые высоты духа и нравственности, а другие, причем массы, миллионные массы, находились на уровне полуживотных. Мы застали это время

и наблюдаем его вокруг себя. Одновременно мы видим академика Сахарова и людей, которых мне не хочется здесь называть. Они сосуществуют в одном пространстве. Вот в XXI веке это начинает играть фундаментальную роль. Потому что в XXI веке мне кажется неизбежным самое широкое распространение благосостояния, и становится нетерпимым положение, когда, используя все плюсы благосостояния, небольшая группа людей живет как люди, в то время как огромная масса людей живет как наслаждающиеся животные. Те, что живут как наслаждающиеся животные, — это и есть рабы сладкой несвободы, они сами, как правило, не осознают своего положения, они удовлетворены им. В их распоряжении великолепные наркотики, и они совершенствуются из года в год, эти наркотики, в их распоряжении самые разнообразные способы услаждения плоти и души. И им хорошо. Но хорошо ли это с точки зрения людей, которые понимают ситуацию? Сколько это можно терпеть? Сколько может терпеть гуманист, человек, воспитанный в определенной нравственной системе, — сколько он может терпеть такое положение, когда миллиарды людей проживают свою жизнь как наслаждающиеся животные и исчезают из исто-

рии, не оставив после себя абсолютно ничего, как будто их и не было? Вот я думаю, что в XXI веке этот вопрос будет поставлен во весь рост, и в ряд первоочередных.

<...>

25 марта в «Комсомольской правде» выходит одно из нечастых в эти годы интервью АНа. Взял его корреспондент А. Орлов.

Из: АНС: Трудно быть богом

<...>

— А как вы думаете, через 100 лет какие книги будут стоять на полке рядом с вашими?

— Имеется в виду — «лежать на полке»? Как пролежали у нас многие кинофильмы?

— Нет, именно стоять...

— Я не думаю, что через 100 лет наши книги будут стоять на книжных полках. Было бы самонадеянно записывать нас в классиков. Ведь если наши книги переживут благополучно такой срок — значит, это классика, правильно? В это я не верю.

<...>

— Если бы вам снова было шестнадцать, чем бы вы не стали заниматься вновь, на что вам

было бы жалко тратить время?

— Я, честное слово, не помню, какой день тогда, в том возрасте, я прожил зря. Возможно, это заявление прозвучит несколько самоуверенно, но, в общем-то, все пригодилось. Все, чем я занимался в шестнадцать лет.

— *А скажите, ваши потребности с годами растут или убывают?*

— К счастью, или к несчастью, потребности мои убывают катастрофически. По сути, потребностей у меня уже нет как таковых.

— *И даже читать не хочется? А писать?*

— Даже этого хочется все меньше и меньше. Это физиологическое явление. Возраст. А бытовых потребностей у меня никогда не было. Ну, в смысле, всего этого — машина, дача, уют...

— *На достижение каких целей вы потратили слишком много времени, то есть до* ***чего*** *вы добирались окольным путем?*

— Трудно сказать... Пожалуй, я четко на этот вопрос ответить не смогу. Все пути, которые казались окольными, впоследствии оказались естественными и единственно верными. М-да...

— *Аркадий Натанович, а чему вы недоучились в детстве?*

— Пониманию музыки. Живописи. Поэзии.

Пониманию доброты и милосердия.

— *Ну а чему вас учили зря?*

— Ненависти и недоверию к людям.

— *А в детстве кем вы хотели стать, когда вырастете?*

— Как ни странно, химиком. Или астрономом. Иногда даже военным.

— *В мире какой из написанных вами книг вам хотелось бы жить?*

— Хм, вопросик... «Полдень. XXII век. (Возвращение)». Я хотел бы жить в этом мире, созданном нашим воображением. В раю, но среди живых людей, которых мы любим и уважаем. Где все конфликты сводятся к обычным человеческим конфликтам, возникающим только из-за разницы темперамента и восприятия мира.

В начале апреля АБС встречаются в Москве для продолжения работы над ЖГП.

Рабочий дневник АБС

[Записи между встречами]

— Откуда ты все это знаешь?

— Знаю. Мы вообще много о вас знаем. Может быть, даже все. Мы же ходим среди вас, слышим

вас, наблюдаем вас, хватаем ваши подзатыльники, и знаем все. Про ваши ссоры, про ваши тайны, про ваши болезни...

— Про ваши развлечения...

— Про ваши неудачи, про ваши глупости...

— Про ваши аборты...

— Мы только стараемся все это не брать в голову, не запоминать, но оно само запоминается, лучше, чем любой школьный урок, хоть сейчас вызывай к доске...

На авансцене высвечивается пятно, где видны мысли героев.

Зоя Серг<еевна>: Мне страшно, я боюсь, Господи, я умираю от страха. За них. Что делать? Прости меня. Я плохая мать. Я думаю только о нем, о муже.

Пинский: Пожалуй, обратно мне не вернуться. Если будет все так, как в 56-м, то обратно не выбраться.

Базарин: Когда я был нужен, обо мне заботились. Об этом сообщал, об этом сообщал, а теперь иду вместе с ними?!!

Эпиграф: «Назвать деспота деспотом всегда было опасно. А в наши дни настолько же опасно назвать рабов рабами». Акутагава60

3.04.90

Вчера Б. приехал работать над ЖГП.
Обсуждали вставки. Гуляли.
Вечером сделали 3 стр. (2)

4.04.90

Сделали 8 стр. 11 (6) (8)
Вечером сделали 5 стр. 16 (4) (12)

5.04.90

Баз<арин>: Ну и поколение мы вырастили, господи ты боже мой!

Пин<ский>: Да уж. С чистотой расы дело у них обстоит из рук вон плохо.

Баз<арин>: Ах, перестаньте, Ал<ексанр> Рув<имович>. Вы же отлично понимаете, что я имею в виду. Нельзя жить без идеалов. Нельзя жить без авторитетов. Нельзя жить только для себя. А они живут так, будто кроме них никого на свете нет...

Кирс<анов>: Они жестоки, вот что пугает больше всего. Живодеры какие-то безжалостные. Во всяком случае, так мне иногда кажется. Без мора-

ли. Ногой в голову. Лежачего. Не понимаю...

Пинский: Не понимаешь... Мало ли чего ты не понимаешь. Понимаешь ты, например, почему они при всей своей жестокости так любят детей?

Кирс<анов>: Не замечал.

Пинск<ий>: И напрасно. Они их любят удивительно нежно и бескорыстно. Любят трогать их, возиться с ними. Они радуются, что у них есть дети... Это удивительно естественно, но согласись, что у нас все было не так... А то, что ты их не понимаешь... Так ведь и они тебя тоже не понимают...

Кирс<анов>: Не хочу я с тобой спорить. Я только вот что хочу сказать:

Сделали 7 стр. 23 (5) (17)
Вечером сделали 4 стр. 27 (3) (20)

6.04.1990

Сделали 7 стр. 34 (6) (26)
Вечером сделали 5 стр. 39 (4) (30)

7.04.1990

Сделали 8 стр. 47 (6) (36)
Вечером сделали (3 стр.)
И закончили I вариант на 49 странице.

8.04.1990

Б. уезжает.

13 апреля выходит интервью БНа в «Ленинградском рабочем», взятое Константином Селиверстовым.

Из: БНС. «Это хлеб мой и вода моя»

<...>

— Борис Натанович, расскажите, пожалуйста, о долгожданной экранизации вашей книги.

— Когда в 1967 году мы с Алексеем Германом начали работу над экранизацией «Трудно быть богом», этот роман представлялся нам прежде всего неким тщательно законспирированным плачем о интеллигенции, гимном интеллигенции, задавленной авторитарным государством. Начальство, естественно, прекрасно это понимало, и продвижение сценария по инстанциям проходило со страшным скрипом, а 22 августа 1968 года сценарий был окончательно и бесповоротно запрещен. С тех пор неоднократные попытки самых разных режиссеров пробить это кино всегда кончались неудачей — до тех пор,

пока нас буквально заставили продать право экранизации западногерманской кинофирме «Аллилуйя-фильм». Сейчас фильм отснят, получилось, говорят, неплохое кино, я не видел, судить не могу. Откровенно говоря, нас сейчас мало интересует экранизация романа. Пыл остыл, другие мысли и заботы владеют нами, хотя мы прекрасно понимаем, что «Трудно быть богом» — роман весьма емкий, он содержит не только названную выше идею, там много разных идей, там интересная и страшноватая человеческая судьба, там безусловно есть материал для хорошего кино, но заниматься экранизацией этого романа нам сегодня уже не хочется.

<...>

— История советской культуры знает художников, обладавших талантом честности. Но и эти немногие зачастую изгонялись из страны или покидали ее по собственной воле. Вы и Аркадий Натанович — из тех, кто остался...

— Начиная с 1967 года кто-то сосредоточенно и целенаправленно распространял слухи, будто Стругацкие уехали за рубеж. Слухи эти возникали, прокатывались по читательским аудиториям, затухали, а год спустя возникали вновь. Стругацкие оказывались то в США, то в

Израиле, то в Австрии, а один раз они оказались даже в ЮАР! Надо признаться теперь, что мы так и не сумели привыкнуть к этому поганству. И хотя хорохорились и говорили всем вокруг: «Плевать!», на самом деле слухи эти раздражали и ранили нас чрезвычайно. Дело в том, что даже мысли об отъезде у нас никогда не возникало. Эта тема никогда не обсуждалась, точно так же, как, скажем, тема самоубийства. И дело здесь даже не в том, могли бы мы или нет работать за рубежом (наверное, могли бы, точно так же, как многие и многие), но просто здесь не о чем было разговаривать. Все, что дорого нам, все было и остается здесь: друзья, дом, будущее — все.

В пятом номере «Литературного обозрения» публикуется беседа корреспондента журнала Евгения Канчукова с ленинградскими писателями-фантастами Андреем Измайловым, Вячеславом Рыбаковым, Андреем Столяровым и БНС.

Из: БНС и др. Прием и мировоззрение

<...>

Е. Канчуков. Другими словами, все вы занимаетесь фантастикой исключительно в силу какого-то особого внутреннего склада ума?

Б. Стругацкий. Я думаю, что изначально дело в этом. Конечно, мировоззрение играет здесь не последнюю роль, но изначально все дело в том, что мне лично нравится, чтобы роман был:

а) написан о реальной жизни и вполне достоверен;

б) чтобы этот реальный мир был слегка искажен фантастическим допущением.

Мне нравится сам прием.

Е. Канчуков. Он дарит вас новыми возможностями?

Б. Стругацкий. Он отвечает моему литературному вкусу — скажем так. Есть, например, люди, которые любят добавлять в мясо аджику, от этого мясо приобретает определенные гастрономические достоинства. Но даже этим людям не придет в голову есть аджику ложкой, в чистом виде. Роль приправы в произведении играет и фантастический прием. Если в романе нет ничего, кроме фантастического приема, это, как правило, дрянной роман. Во всяком случае, мне ближе произведения, где этот прием сочетается с реалистическим видением и реалистическим изображением жизни. Наверное, это какое-то свойство психотипа, а с другой стороны, видимо, и следствие определенного воспитания, я думаю.

Хотя, шут его знает. Есть ведь сколько угодно ребятишек, которые не любят фантастики. Я помню, у нас в классе была куча книголюбов (у нас был класс довольно специфический), но я не могу сказать, что все они любили фантастику, вовсе нет. Вот я ее любил, она мне нравилась с детства, то есть где-то в психотипе у меня это было заложено. А большинство ребят просто любят остросюжетную литературу, независимо от того, какая она.

<...>

Е. Канчуков. Мне кажется, проблемы, заботившие учителей, отчасти переходят к ученикам. Насколько это ощущение правильно, Борис Натанович?

Б. Стругацкий. Только отчасти. Сегодня меня тоже больше всего заботит неопределенность будущего. Когда меня десять лет назад спрашивали: «Что будет завтра?» — я говорил: «Будет то же самое, но несколько хуже». А сейчас я не знаю, что будет завтра, и это меня очень беспокоит. Мы сейчас находимся в точке бифуркации — в теории катастроф есть такое понятие. Это точка, начиная с которой дальнейший процесс может идти по 20-ти возможным дорогам, в зависимости от минимальных колебаний внешней

обстановки. Поэтому мне очень трудно себе представить, что будет через год, через два, через три. Прольется кровь, или не прольется кровь? Я не знаю. Реакция даст бой, безнадежный, арьергардный, но все-таки бой, или воздержится? Как именно осуществится неизбежный компромисс между рыночной экономикой и системой? Вот эти вопросы для меня совершенно неясны, а это вопросы ближайшего будущего. Поэтому я чувствую себя дьявольски неуверенно. У нас с Аркадием Натановичем сейчас задумано 3 или 4 повести, а некоторые из них даже детально разработаны, — как говорится, садись и пиши. Но мы не хотим садиться, не лежит душа писать об этом, надо бы о каких-то фундаментальных вещах, а они скрыты в тумане.

Е. Канчуков. Что вы имеете в виду, говоря о фундаментальных вещах?

Б. Стругацкий. Одной из самых фундаментальных вещей я считаю будущее. Что с нами будет через пять лет? В зависимость от того, какую цель мы увидим перед собой, поставлено развитие страны, да и всего мира.

Е. Канчуков. Что же мешает вам смоделировать то, что будет через пять лет?

Б. Стругацкий. Дело в том, что сегодня можно

построить, я думаю, приблизительно 5 или 7 равноправных моделей. Все они будут страдать недостоверностью. Модель должна быть достоверна, она должна опираться на какие-то всем понятные, всем доступные очевидные факты и факторы. Мы писали когда-то «Хищные вещи века», помните вы этот роман? Это одна из возможных моделей неприятного будущего — так нам тогда казалось. И модель эта базировалась на совершенно четких и ясных представлениях, доступных любому человеку. Было совершенно ясно, что девяносто процентов населения Земли (не только нашей страны, а всей Земли) работает для того, чтобы есть, а не ест для того, чтобы работать. Было очевидно, что работать никто не хочет, что все жаждут развлечений и роста благосостояния. А раз так, то отсюда остается один логический шаг, после которого неизбежно получается, что, если люди больше всего ценят наслаждения тела, то, значит, рано или поздно нужно ожидать появления какого-то супернаркотика, который создаст иллюзию вечного наслаждения. Тогда реальная жизнь потеряет вообще какой-либо смысл. Такой была модель, построенная в «Хищных вещах века». И я повторяю, что она строилась на очень серьезных,

очевидных и понятных фактах. Сейчас такой модели нет. Все зыбко, и все возможные модели зависят от любого, самого несущественного изменения начальных данных. Поменяется лидер в стране, и сразу модели валятся, как карточные домики. Не хочется так писать.

<...>

Е. Канчуков. Современная ситуация, по общему признанию, во многом напоминает тот «первый глоток свободы» конца 50-х — начала 60-х годов, когда фантастика из замарашки вдруг вышла в Золушки. После был весьма затяжной период, в который она худо-бедно все же перемоглась, не растеряв особо читательского успеха, и, казалось бы, теперь, с перестройкой, снова должна взять свое. Однако новая волна социальных реформ — «второй глоток свободы» — вместо этого, похоже, опять отправила ее в замарашки. Почему при внутренней схожести социальных ситуаций реакции общества на них оказались чуть ли не диаметрально противоположными? Почему, например, в первом случае общество так дружно и заинтересованно отнеслось к поиску путей перехода от современного состояния к светлому будущему с его миром Полудня, и почему сегодня общество совершенно безразлично к подобным

поискам, предпочитая утопиям — антиутопии?

<...>

Б. Стругацкий. В своих рассуждениях, как мне кажется, вы забываете, что между хрущевской «оттепелью» и нынешней перестройкой есть сильная разница. По большому счету она заключается в том, что во времена «оттепели» была затронута только сфера идеологии, причем затронута не очень глубоко, в наше время ее потревожили уже весьма основательно, а вместе с ней очень основательно тронули политику и прямо-таки за глотку взяли экономику. То есть сегодня переворот происходит по всему фронту. Поэтому наше время надо сравнивать не с оттепелью 1961 года, а с временами отмены крепостного права. С той революцией сверху, которая произошла 100 с лишним лет назад. Чтобы убедиться в этом, достаточно взять для примера какие-нибудь элементарные вещи. Скажем, во времена хрущевской «оттепели» просто не было такого количества публицистики, такого уровня правдивости. Конечно, печатались какие-то разоблачения по поводу культа личности Сталина, но даже малейшая попытка уйти вглубь, поставить вопрос: «Сталин один виноват? Или все-таки не только в нем одном дело?» — такая

попытка пресекалась на корню. Помнится, людей из партии выгоняли только за мнение о том, что не в Сталине дело, а в системе. В наше время — это стало уже общим местом, понимаете? Публицистика никогда не была такой информативной, такой страстной и такой воздействующей на любого читающего человека, как в наше время.

Поэтому же сейчас, действительно, упал читательский интерес к фантастике. Но это же происходит и в отношении ко всей текущей художественной литературе — здесь уже говорилось об этом. Люди читают журналы, но в первую очередь — их публицистические разделы. В первую очередь читателя сегодня интересует мнение экономиста, социолога, ну в крайнем случае какого-нибудь борца с коррупцией. Что же до художественных произведений, то они сейчас, мне кажется, мало интересуют не только читателя, но и критику. Вы посмотрите, за какими произведениями следит сейчас главным образом критика. За теми произведениями, которые имеют явно выраженный публицистический оттенок. Вещи, которые 20 лет назад произвели бы фурор, проходят совершенно незамеченными. Люди хотят понять мир, в котором они вдруг очнулись. Вот раскрылись у них глаза, вот сказали им правду...

Это похмелье. Какой уж тут оптимизм.

<...>

Б. Стругацкий. <...> Братья Стругацкие, если речь идет о будущем, всегда занимались двумя вещами:

а) они строили модель мира, в котором хотели бы жить;

б) строили модель тех социальных процессов, явлений, вообще промежуточных, тупиковых миров, которые, с их точки зрения, мешали продвижению к этому желанному будущему.

Стругацкие говорили: вот это, это и это мешает тому будущему, в котором мы хотели бы жить, но как проложить дорогу к этому будущему, братья Стругацкие тогда только подозревали смутно, а сейчас, чем старше они становятся, тем яснее понимают. И, видимо, единственный путь к этому будущему — это создание теории воспитания. До тех пор, пока мы не научимся воспитывать Человека с большой буквы, до тех пор нашего желанного светлого будущего у нас не будет. Тут какие угодно варианты миров ни перебирай — история нам дает целый спектр, — ничего не выйдет. Кстати, в нашем сегодняшнем мире мы видим самые разные государства, которые осуществили разные социальные модели.

Некоторые из них вполне симпатичные: какая-нибудь швейцарская модель, шведская модель, американская модель, — они обладают своими привлекательными сторонами, но они отягощены и неприятными недостатками. Так вот, как от сегодняшнего нашего состояния перейти к состоянию Соединенных Штатов, более или менее ясно и, кстати говоря, всегда было ясно. А вот как перейти от сегодняшнего нашего состояния или, скажем, от американского состояния к так называемому светлому миру Полудня, никогда не было ясно раньше и неясно сейчас. Единственное, что можно сказать твердо: надо перевоспитать людей. Люди должны измениться, нравственность должна измениться, человек должен стать другим. Прежде всего должно измениться отношение человека к труду. Труд должен сделаться самоцелью. Когда человек начнет получать наслаждение от труда, он станет новым человеком. Тогда появится и сознание светлого мира. А до тех пор, пока люди будут работать главным образом для того, чтобы снискать средство для пропитания и для беззаботной жизни, то есть работать для того, чтобы иметь возможность ничего не делать, до тех пор у нас не получится нашего желанного мира. Естественно, поскольку

мы не педагоги и далеки от этой благородной профессии, мы не знаем, как создать теорию, на чем ее базировать. Мы знаем, что человечество столетиями училось дрессировать своих представителей и преуспело в этом. Дрессировать людей мы умеем, готовить из человеческого детеныша участника производственного процесса — да, это мы научились делать. В некоторых странах лучше, в некоторых хуже, но научились. А вот как сделать из человеческого детеныша существо, которое будет любить свою работу, находить наслаждение в творческом процессе, — этого мы пока не знаем, увы.

<...>

17 мая БН приезжает в Москву обсуждать планы и замыслы.

Рабочий дневник АБС

17.05.1990

Вчера Б. приехал — думать о будущем.

18.05.90

Письмо в «Хорос».
Сведения для америк<анского> литагента.

19.05.90

Обсуждали «Несчастного мстителя».

20.05.90

Философия, как НФ.

Нужна биография НМ, с родословной, подробная.

История, как человек обнаруживает в себе дьявола.

21.05.90

Вчера приехала Адка.

Ездили с Адочкой в валютный.

22.05.90

Ким Волошин

Делает окружающих несчастными:

1. Убивает
2. Калечит
3. «Просветляет», и они гибнут в этом мире.

В мае на очередной «Аэлите» в Свердловске была организована межрегиональная фэн-группа,

изучающая творчество АБС, — «Людены», — о чем подробно рассказывается в предисловии к НС-2. Создание группы позволило объединить прежде разрозненные усилия в едином центре. Работа оживилась и стала приносить первые плоды в виде полной библиографии АБС, хронологии Мира Полудня, текстологических сводок всех публикаций. В конце года БН писал члену группы Светлане Бондаренко.

Из архива. Из письма БНа к С. Бондаренко

<...>

К работе люденов я отношусь с большим уважением. Я им даже завидую немного. Правда, иногда мне кажутся забавными некоторые подходы люденов, например повышенный интерес к происхождению выдуманных авторами имен или, скажем, презумпция безупречности авторской хронологии, исповедуемая вашими «хронологистами» (Шавшиным, Лифановым, Флейшманом). Однако в общем и целом работа ваша представляется мне и нужной, и полезной, и увлекательной. Вы не можете представить себе, насколько одинок и раним писатель, как жаждет он обратной связи, как хочется ему почувствовать себя нужным и интересным. Я знаю двадцать писателей

— причем очень и очень недурных! — которые душу прозакладали бы, чтобы иметь рядом с собою таких вот люденов... Когда мы хохмили на эту тему в СоТ — помните там профессию «читатель поэзии»? — мы на самом деле писали об очень серьезных вещах... Другое дело, насколько деятельность люденов нужна *человечеству*, — тут я судить не берусь, тут все зависит только от одного фактора: насколько нужна человечеству деятельность Стругацких... А об этом можно будет сказать что-либо достоверное разве что лет через тридцать. Так что не забивайте себе головы, а просто делайте то, что вам нравится — это и будет самое правильное!

5 июля в ленинградской газете «Смена» публикуется интервью БНа «люденам» Роману Арбитману, Вадиму Казакову и Юрию Флейшману.

Из: БНС: «Я хочу говорить то, что я думаю...»

<...>

— *А вам самому никогда не хотелось сказать: «Все, дальше так жить нельзя, невозможно»...*

— Никогда. Было несколько случаев в моей жизни, когда мои не то чтобы друзья, но хорошие

знакомые говорили мне: «Борис! Хватит ваньку валять, что ты здесь торчишь? Такой-то уехал, такой-то уехал, а ты чего — ждешь, что тебя посадят?» Я ни в коем случае не хочу изобразить себя героем. Если бы я серьезно мог предположить, хоть на секунду, что меня действительно посадят, может быть, я и думал бы по-другому. Может быть.

Но поскольку так вопрос никогда не стоял, об эмиграции я просто никогда не думал, неинтересно было рассуждать на эту тему. Понимаете, в этом было даже этакое молодое фанфаронство. Я произносил слова типа: «Почему *я* должен уезжать? Пусть они уезжают. Моя страна, они ее оккупировали, насилуют, а я должен из нее уезжать? Нет, не будет этого, „я это кино досмотрю до конца“» (такая фраза была у меня в ходу, я очень любил ее повторять, повторяю и сейчас). И сегодня очень часто многие люди, можно сказать, совета у меня спрашивают: ну как же все-таки? Сейчас реально можно уехать. Может, все-таки?.. Пока не поздно, пока еще дорога открыта?.. Я отвечаю им примерно так: я не уеду никуда, а вы решайте сами. У меня уже больше не хватает мужества отговаривать. Дело в том, что в 73-м, по-моему, году это со мной сыграло злую шутку.

Один мой приятель пришел ко мне, показал вызов из Израиля и сказал: что ты мне посоветуешь? И я имел неосторожность изложить ему свою теорию. Я не знаю, сыграла ли моя речь какую-то роль, но во всяком случае он никуда не поехал, а в 1974 году его посадили. Он отсидел, по-моему, четыре года в лагере, год в ссылке и, вернувшись, немедленно эмигрировал. С тех пор я советов «не надо ехать» не даю.

<...>

19 августа в «Ленинградской правде» публикуется интервью БНа Андрею Измайлову.

Из: БНС: «Мы не имеем к кино никакого отношения»

<...>

— Борис Натанович, но ведь вы имеете мнение по поводу экранизации своих повестей? — С этого вопроса и началась наша беседа.

— Хорошая экранизация — вообще большая редкость. Для того чтобы создать настоящее кино, нужно отойти от книжного оригинала, перевести его на совершенно другой язык. И языком этим прежде всего владеет режиссер, он в фильме хозяин. И уж ни в коем случае не сценарист.

Те наши произведения, которые можно на экране сразу узнать (то есть узнать первоисточник), в общем, сделаны, по-моему, неважно. Если же фильм — по мотивам, и читатель, став зрителем, спрашивает: а при чем здесь Стругацкие? — тогда фильм представляет определенный интерес. Так пока получалось у Тарковского, у Сокурова.

Надо признаться, что мы в последнее время перестали писать сценарии. Потому что поняли тщету этой работы. Дело в том, что, когда режиссер представляет себе будущий фильм, он видит некое изображение, некие «картинки», которые он, как правило, не в силах описать сценаристу в девяноста девяти случаях из ста. В результате мне приходилось видывать фильмы, где от сценария оставались рожки да ножки. Это не плохо и не хорошо. Это специфика. Один из самых плохих сценариев, которые я читал, в результате дал один из самых лучших фильмов, которые я смотрел («Мертвый сезон»).

Бывает и наоборот.

<…>

— Вы написали сценарий, который хотелось Тарковскому, и получилось, чего уж там, произведение «религиозное». Сокуровские «Дни затмения»

— тоже не без того. «Письма мертвого человека», в создании которого вы принимали участие, также «религиозен» (и вы сами отмечали это с большим удовлетворением). Не характерно ли, что абсолютно «светские» повести братьев Стругацких, попадая на экран (те самые, по мотивам), обретают волей (неволей?) «клерикальный» оттенок?

— Это вопрос скорее к режиссерам. Но я берусь, пожалуй, объяснить, почему так получается. Дело в том, что братьев Стругацких с какого-то момента более всего волнуют лишь две-три темы. Первая: история, и как на нее воздействовать. Вторая: нравственный выбор. Достаточно уж этих двух тем, чтобы понять, что они связаны с религией, с Богом. Человеку не дано воздействовать на историю, а как хочется! Но чтобы суметь на нее воздействовать, надо стать Богом.

— Трудно быть Богом?

— Именно... О нравственном же выборе написан целый ряд наших повестей. Вот «За миллиард лет до конца света» — что ценнее в этой жизни, черт побери: право первородства или чистая совесть?.. Но где нравственность, там религия. Никуда не денешься.

<...>

26 августа в Москве состоялась встреча АНа с группой «Людены». Узнать о поводах этой встречи, а также прочесть запись состоявшегося разговора можно в НС-3.

19 октября в томском «ТМ-экспрессе» выходит интервью БНа Юлию Буркину.

Из: БНС. — Что, Борис Натанович, трудно быть богом? — Ой, трудно...

<...>

— Я знаю людей, которые считают вас с Аркадием Натановичем живыми классиками, знаю и тех, кто вообще не считает вас серьезными писателями. Как вы сами оцениваете свое творчество, его место в сегодняшней мировой литературе?

— Конечно, это вопрос не к нам. Мы пишем, а определять место — дело критиков, читателей, времени. И все же, если говорить о моем личном мнении... Жизнь большинства наших произведений — 20–25 лет. Через 50 лет, думаю, будут еще читать одну-две книги. Мне почему-то кажется, долго проживет «Улитка на склоне», в которой нет никаких временных и пространственных помет, а то, что в ней показано сатирически, к сожалению, будет актуально еще очень долго.

— Хорошо ли вы известны за границей?

— Изредка, 1–2 раза в год, кто-нибудь приносит нам иностранные статьи о нашем творчестве. Часто на языках, которых мы и не знаем. И нам остается только догадываться, что там написано. Но зато ясно, что нас читают. Правда, насколько я знаю, *там* читают нас только фэны, и читают не совсем так, как русские. Наш читатель политизирован, он видит в наших книгах то, что мы в них закладывали — гражданственность, социологичность. И ставит нас в ряд, в котором очень приятно находиться: Салтыков-Щедрин, Гоголь и т. п. Американец же, к примеру, видит у нас прежде всего фантастическую фабулу и ставит нас в ряд с Кларком, Гаррисоном, Азимовым и т. п. А в этом ряду наш рейтинг невысок.

<...>

— Что вами движет — любовь или ненависть?

— По большому счету — любовь. К человеку и человечеству. Но толчком часто бывает злость. Злость — это вообще эффективнейшее средство для стимуляции творчества. А любовь, наоборот — расхолаживает.

<...>

В конце октября — еще одна встреча АБС. Вновь в Москве.

Рабочий дневник АБС

[Записи между встречами]

Он убил свою жену — и после этого хотел покончить с собой. Он хотел не только убить себя — он хотел себя *замучить*! (Привязался цепью с замком к дереву, облил себя бензином и... оказалось, что потерял зажигалку. Стоял всю ночь прикованный, утром его освободили. Дикий юмор ситуации отбил охоту. Фарс.) Какал в штаны! Унижение61.

Увлекается компьютером. Уходит в него. Сокровища компьютерной мудрости:

Рассуждение — это организованное подражание.

Вера и любопытство друг с другом всегда не в ладу.

Зависть — одежда вкуса.

Усердие — мачеха воображения.

Точность заменяет глупцам мудрость.

Мысль — это карикатура на чувство.

Чувство — злейший враг опыта.

Неспособность испытывать восторг — признак знания.

Великолепно заменяет воспитание только одно — добродушие.

Иногда любить — значит влиять62.

М<ожет> б<ыть>, их много? Одного выслеживают (нашего), а другой уже охотится по заданию (ему дают литературу, оперативные фильмы, накачивают злобой, а потом — «выводят на выстрел»).

Рассказ идет от лица сексота-спеца.

Человек — детектор лжи. Не может знать, в чем ложь, но знает точно, если ложь63.

24.10.90

Б. прибыл в Мск, обсуждать ситуацию.

1. Чем кончить?

2. Этапы проявления силы.

3. Эпизоды: война, блокада, эвакуация, детдом... диссидентство, лагерь? Чернобыль

4. Эволюция: непонимание — удовольствие — ужас.

25.10.90

Рассм<атривали> архивы.

Вели

переговоры по 10-томнику (валютн<ому>).

26.10.90

Арк<адий> утверждает, что переписка с начальством не сохранилась.

Авторский комментарий (валютный 10-томник).

1). История написания (даты, места, обстоятельства, хохмы, цитаты из вариантов и дневников).

2). История публикации (где, когда, какие препоны — только самое интересное).

3). История «критики» (if any).

Источники:

a). Письма друг к другу.

b). Прочие письма.

c). Архивы (черновики).

d). Дневники.

e). Вырезки.

27.10.90

Договор подписать не удалось.

Б. уезжает.

Краткий перерыв — и встреча в Репино.

Рабочий дневник АБС

[Записи между встречами]

М<ожет> б<ыть,> он брат ББ? «Я не сторож брату моему...» А «Работник здравоохранения» бьет на доброту, на гуманность — «Вы должны снести... Он же погибнет без вас...»

Владлен — a la Лукончик[64] — вдохновенно поет «Нас 10, всего только 10», «На штурвале застыла рука...» и т. д. из нашего репертуара. Счастье малого искусства и воспоминаний.

С 1.12.90

— семинар по к<ино>/ф<антастике> в Репино.

5.12.90

— подписали договор с «Текстом».

8.12.90

— обещали ПНвС Житинскому в сборник.

Появились люди (эпидемия? Нравственный СПИД?), кот<орые> убивают *лжецов* (м<ожет> б<ыть,> даже всех нарушителей 10 заповедей).

29-м декабря датированы ответы БНа на вопросы еженедельника «Новое время».

Из архива. Письмо БНа в журнал «Новое время»

<...>

Если за этот текст мне полагается какой-то гонорар, переведите его, пожалуйста, на счет какого-нибудь ленинградского благотворительного фонда — выбору вашему полностью доверяю.

Страна наша напоминает мне сегодня чудовищный многотонный самосвал, огромный, сплошь железный, ржавый, страшный — он прет без всякой дороги по склону горы, окутанный сизым дымом выхлопов, с ревом, с громом, с лязгом, под истошные вопли грязных замордованных то ли пассажиров, то ли грузчиков, навалом заполнивших стальной ковш, прет по рытвинам и ухабам — вниз, вниз, в благословенные долины, где по роскошной автостраде магистрального пути цивилизации катят себе в неизведанное будущее чистенькие, элегантные, ухоженные лимузины развитых стран. На каждом ухабе от самосвала отлетают заклепки, гайки и какие-то куски, пассажиры в ковше поминутно валятся

друг на друга, цепляются друг за друга, давят и топчут друг друга, многие норовят сигануть за борт (пока целы), а в шоферской кабине — целая толпа водителей, и одни что есть силы жмут на тормоза, другие с той же энергией — на газ, третьи крутят руль влево, четвертые — вправо, и все без исключения давят на клаксон — дабы народы их услышали и оценили их старание.

В этих условиях предсказать, что случится с нашим средством передвижения в следующем году: залетит ли оно в очередной буерак, увязнет ли в трясине, или, может быть, вообще развалится на составные части, — предсказать хоть что-нибудь определенное и хоть сколько-нибудь серьезно — попросту не представляется возможным.

Если не вдаваться в крайности (любые крайности возможны, хотя и маловероятны), так вот, если не вдаваться в крайности, то самый благоприятный прогноз реализуется, если начнут наконец работать процессы приватизации и разгосударствления, особенно в деревне, если удастся укротить поистине безграничные аппетиты военно-промышленного комплекса и развязать предпринимательскую инициативу во всех областях экономики.

Самый же неблагоприятный вариант мы по-

лучим, если силам реакции удастся преодолеть сопротивление демократов и консерваторов, повернуть-таки руль круто вправо и загнать нас всех в очередную трясину. Тогда все и вся разом заглушит хриплый рев: «В две шеренги становись! Смир-рно! Равнение напра-ву!» — и начнется то, что мы уже проходили, и не раз. Реформы будут приостановлены, свободы упразднены, враги изъяты, и все это, разумеется, будет проделано «на благо народа и во имя его».

Надобно признать, что с точки зрения человека, далекого от политики, оба эти варианта имеют как свои плюсы, так и минусы. Демократический вариант означает возникновение долгожданного рынка, и это несомненно плюс, ибо рынок сейчас — единственная наша надежда, а без надежды нет жизни. Но рынок это и минус одновременно, ибо это — конец эпохи государственной благотворительности, это необходимость работать изо всех сил, это та самая ситуация, когда тот, кто хорошо работает, хорошо ест, а кто работает плохо — сидит на подаянии. Рынок — это сущая катастрофа для всех, кто отвык или не научился работать, а таких у нас, сами понимаете, немало. Это сущая катастрофа для тех, кто занимается производством продукта, который никому не

нужен, — будь то поворачивание вспять разнообразных рек, прокапывание канала от Москвы до Ленинграда или писание книг, которых не читают, — а ведь таких производителей у нас еще больше.

Победа реакции — это возвращение в застой, со всеми вытекающими отсюда последствиями (торжество партократии, всеобщий зажим и прежнее полновластие чиновников, тупик, безвременье) — и это, разумеется, минус. Но зато диктатура совершенно неизбежно должна будет подсластить пилюлю, а значит, на прилавки выброшены будут все накопленные к часу «Ч» продукты и товары, и призрак изобилия вновь встанет над крупными городами, дабы народ восславил и принял твердую, наконец, власть как родную и желанную. Разумеется, все эти товары и продукты будут отобраны у периферии (на всех же не хватит), и, разумеется, все это сравнительное изобилие установится ненадолго, но — много ли человеку надо? Я имею в виду — советскому человеку?..

Я не верю ни в глад, ни в мор, ни в семь казней египетских. Я готов допустить все это в качестве крайней гипотезы, но не более того. В гражданскую войну я не верю совсем — для нее нужен

«человек с ружьем», и, слава богу, я (пока) не вижу в стране этого человека. Я вообще не верю ни в одну из тех бед, которые описаны, провозглашены, проанализированы народными витиями. Скорее я готов поверить в возможность беды, о которой не догадывается никто и которая подстерегает нас, как враг в засаде. Такие беды подобны молнии, они неостановимы и ужасны именно потому, что никем не были предсказаны. К счастью, такие беды чрезвычайно маловероятны.

<...>

И при всем при том я склонен смотреть в будущее скорее с оптимизмом. Оптимизм мой (очень умеренный, впрочем) зиждется на ощущении неизбежности нашего возвращения на магистральный путь развития. Наш стальной конь как-никак катится по склону, вниз, в долины и кущи нормальной экономики, он может увязнуть, застрять, уклониться вправо, но законы истории все равно будут неумолимо тянуть, тащить и волочь его все на ту же магистраль, которую в начале века покинули наши отцы и деды, устремившись на штурм «зияющих высот». И никакие полковники, и никакие диктаторы изменить хода истории уже не смогут. Не будет у нас больше ни брежневского застоя, ни сталин-

ского ГУЛАГа, — мы слишком бедны для того, чтобы позволить себе такую роскошь. Народ ограблен вчистую, ограблена уже и сама природа наша, осталась одна только надежда — на чудо свободного труда, и ни партократы, ни тайная полиция не сумеют более заставить нас работать даром. Страх и ложь — недурные экономические стимулы, но время их миновало: безвозвратно уходят в прошлое поколения, приученные верить и бояться, и уже надвинулось поколение, которое не верит ничему и никого не боится. Это поколение само по себе несет с собою проблему, оно само по себе способно изменить ход нашей истории, но — это уже другая проблема и совсем другая история.

В этом году критические отзывы вновь весьма разнообразны.

В пятом номере журнала «Вопросы литературы» филолог Татьяна Чернышева упоминает ЗМЛДКС и ВГВ Стругацких в статье «Надоевшие сказки XX века». Эта публикация заслуженного литературоведа и теоретика научно-фантастической литературы, ранее весьма уважительно говорившего об АБС, тоже явилась неприятным «уколом».

Из: Чернышева Т. Надоевшие сказки XX века: О кризисе науч. фантастики

<...>

Не секрет, что новые идеи, которые бы дали взлет фантастике, не появляются. При чтении научно-фантастических произведений какой-то внутренний счетчик отмечает: было... было... Сейчас появление всякой, даже не очень значительной головоломки — событие. Показательна в этом плане история сравнительно недавнего времени, связанная с публикацией повести А. и Б. Стругацких «За миллиард лет до конца света».

На сей раз авторы предложили новый вариант головоломки о взаимоотношениях человека и Вселенной. Поскольку человек все время нарушает гармонию, тщательно выверенную природой (это, к сожалению, мы наблюдаем воочию), выход его познаний и активности за какие-то пределы может быть опасен для вселенской гармонии в целом. И в повести предполагается, что природа предусмотрела некий барьер, заслон, некий закон, разумеется, вполне естественный, не позволяющий человеку в его познании переходить определенную грань. Мысль, скажем прямо, не такая уж новая. К тому же скорее всего выстра-

иваемая головоломка для Стругацких не была главной, их, вероятнее, больше занимала проблема выбора, перед которым поставлен герой. Но так или иначе — головоломка создана. Более того, в сознании многих читателей она заслонила проблему выбора героем пути, разработанную авторами профессионально весьма искусно, но как-то уж очень дидактически прямолинейно. Она сильно напоминает шахматную задачу: по правую руку колеблющегося героя, который не отважился еще принять окончательное решение, — один его приятель, бросающий вызов Вселенной и упорно продолжающий свои опасные исследования, по левую — ренегат, столь же наглядно разрушающийся как личность. Но это так, к слову. И тем не менее внимание любителей фантастики привлекла в первую очередь именно головоломка, споры вокруг повести обычно и велись по этой линии — возможен ли такой вселенский закон, такой барьер, такая форма борьбы человеческой воли и разума со Вселенной. У Стругацких появились оппоненты, предлагающие другие варианты решения: нет, Вселенная нас любит и лелеет, неизвестно, правда, за что; нет, Вселенная не боится активности человеческого разума, напротив, ей не по вкусу застой,

потому она и устраивает всякие потрясения на спокойной планете, облюбованной землянами для курорта, поскольку ей показалось, что целая планета застыла в блаженном, райском ничегонеделании (там же только отдыхали!), а этого Вселенная потерпеть уже не могла (см. рассказ Л. Панасенко «Без нас невозможно»).

Явное сокращение притока новых идей, относительная исчерпанность парадигмы и ощущается как явление кризисное в современной фантастике. И ощущение это устойчивое, как бы ни пытались оспаривать саму идею кризиса.

<...>

Однако при такой исчерпанности парадигмы фантастика живет и даже множит издания. За счет чего? Как нам представляется, за счет всякого рода имитаций головоломок и игры, заменяющей их.

Одним из примеров такой имитации является повесть Стругацких «Волны гасят ветер». Новой головоломки там нет, а есть два клише, неоднократно обкатанные в научной фантастике, — вмешательство в жизнь Земли чужого разума, инопланетной цивилизации и рождение новой расы людей, весьма отличных по своим психофизическим параметрам от ныне живу-

щих. На протяжении всей повести в читателе поддерживается уверенность (правда, и зерна сомнения кое-где разбросаны), что причиной таинственных и загадочных событий являются пришельцы, инопланетяне. В конце эта теза заменяется другой — инопланетяне тут ни при чем, просто среди обычных жителей Земли появляются представители другой расы, расы человека космического. Идея, как мы видим, тоже не новая. И первое, что приходит на ум, — «конец детства» А. Кларка и «Превращение» Р. Брэдбери (в русском переводе «Куколка»).

За счет каких же средств в читателе поддерживается интерес к событиям, если идеи повести столь тривиальны? С помощью классического детективного приема, когда на протяжении всего романа подозрение в совершении преступления падает на кого угодно, только не на настоящего преступника, и лишь в конце открывается истина. Это тоже головоломка, но не специфически фантастическая, детектив тоже головоломный жанр, но у него свои законы. Так вот, эта повесть Стругацких (и не только эта) построена по законам детективной головоломки. Впечатление усиливается и благодаря тому, что главный герой, положивший много сил на разоблачение

предполагаемого преступника, сам оказывается причастен к преступлению, если так, по аналогии с настоящим детективом, позволено будет назвать расследуемую ситуацию: он сам оказывается представителем новой расы, только до поры до времени не догадывается об этом. Повесть написана искусно, на хорошем профессиональном уровне, хотя, повторяем, никакой новой оригинальной идеи она не содержит.

<...>

В краснодарской антологии «Этюд о взрослом гравилете» опубликована статья Алексея Мельникова «От героя „безгеройного“ жанра к полноценному образу. Некоторые функциональные и типологические особенности героя советской фантастической литературы 70–80-х годов».

Из: Мельников А. От героя «безгеройного» жанра к полноценному образу

<...>

Одним из наиболее интересных образов современной приключенческой фантастики является сталкер Рэдрик Шухарт. Этот герой дает повод для серьезных размышлений и определенных

философских обобщений. Можно даже сказать, что вышеназванные мятущиеся «сильные личности» фантастико-приключенческого памфлета выросли именно из сталкера Стругацких, ведь ни один из последующих похожих типажей не вместил столько силы, ненависти, боли и человечности одновременно.

<...>

Порядок восприятия повести совершенно идеален для настоящего синтетически организованного «условно-фантастического» произведения. Сначала, с первой и до последней страницы, идет чрезвычайно эмоциональное сопереживание с жизнью персонажей, а затем уже «обнаружение» и анализ каких-то глубинных философских напластований, которыми полнится повествование в целом. Классическая «золотая пилюля».

<...>

«Розы» и «тернии» сталкера выписаны достоверно, натуралистично, с наличием необходимой типизации. И потому так правдив и реалистичен основной вектор повествования — метания между ними главного героя в любви, в размышлениях, в ненависти, в борьбе за хлеб насущный. Тем более что конкретных пейзажно-географических координат почти не дается, можно только

догадываться, что действие происходит на американском Среднем Западе. А так как в любой из фоновых зарисовок повести явно присутствует печать Зоны, можно сказать, что не фантастика «прорастает» в самое жизнь, а новая реальность вырастает из фантастического момента.

Но «тернии» представляют собой части социальной системы, они массовы и оттого действеннее. И потому только о врожденной порядочности, о генном альтруизме можно говорить, когда продравшийся сквозь все препятствия, убивший человека «асоциальный элемент» приказывает вдруг инопланетной «волшебной палочке»: «Загляни в мою душу; я знаю — там есть все, что тебе надо. Должно быть. Душу-то ведь я никогда и никому не продавал! Она моя, человеческая! Вытяни из меня сам, чего же я хочу, — ведь не может же быть, чтобы я хотел плохого!.. Будь оно все проклято, ведь я ничего не могу придумать, кроме этих его слов: „Счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженный!“»

Совместны ли такая (несколько абстрактная) филантропия с конкретным, почти по Достоевскому, злодейством?

Об этом и спрашивают авторы читателя, этим и исчерпывается все «морализирование» Стру-

гацких. Сгусток отчаяния, боли и надежды, увенчанный большим вопросительным знаком фигуры умолчания, — таков образ сталкера в заключительной сцене (кульминация и развязка, как правило, у писателей неразделимы). Читатель не может так просто расстаться со своим героем, если он чувствует внутреннюю потребность самому поставить все точки над «i» в судьбе последнего. Данная внутренняя потребность умело спровоцирована авторами, в этом их заслуга. Потому что «нравственный закон внутри нас» начинается там, где есть попытка понять своего ближнего.

<...>

Скорее всего, специфика невероятного в повести требует возмутителя спокойствия, снова «Жука в муравейнике». Но из всех «жуков» Стругацких Рэдрик — самый сложный и противоречивый. А противоречивость героя всегда привлекательна для авторов. Она подсказывает неожиданные сюжетные ходы, помогает яснее представить такое уникальное таинство, как человеческий разум. С этой точки зрения «Пикник...» представляет собой еще одну страницу в общелитературном практикуме по человековедению.

<...>

В работе Константина Рублева «Впереди критики. Творческая эволюция братьев Стругацких (60-е годы)» анализируется ряд критических выступлений о произведениях Авторов. Автор статьи утверждает: развитие критики всегда отставало от развития творчества писателей.

Из: Рублев К. Впереди критики: Творческая эволюция братьев Стругацких (60-е годы)

<...>

Однако из года в год на страницах газет и журналов накапливались отрицательные оценки и суждения, из совокупности которых, как в кривом зеркале, складывался «портрет» писателей Стругацких — образ, находящийся в разительном противоречии с истинным идейно-художественным обликом их творчества и степенью популярности в читательской среде: еще в 1965 году В. Ревич констатировал, что «„ножницы“ между недоброжелательностью критики и отношением читателей здесь очень велики». Писатели в стремительном движении от научно-технической фантастики своих первых рассказов к социально-утопическим повестям, от утопии-концепции

к фантастическому роману, от «позитивного романа о будущем» (Е. Брандис) к роману-предупреждению последовательно «ускользали» от критериев, которые едва успели установиться в критике как отражение предыдущей стадии в развитии научно-фантастического творчества. Это доказывает, что историко-литературная оценка значимости и истинной ценности любого художественного явления — не только творчества писателя — должна учитывать результаты сопоставления эволюции такого явления и эволюции критериев его оценки в критическом сознании соответствующего времени.

<...>

Следующую статью АБС относили к числу образцовых. Ее автор — Олег Шестопалов — талантливый человек, по образованию математик, в силу обстоятельств неоднократно менявший род деятельности, был длительное время знаком с Авторами. Его работа была опубликована в качестве послесловия к сборнику ХС+ХВВ издательства «Книга».

Из: Шестопалов О. Тридцать лет спустя

<...>

Творчество Аркадия и Бориса Стругацких начиналось с выбора красок, необходимых для создания убедительного образа будущего.

Краски были выбраны хорошо, книги читали. Писатели были молоды и внимательны, они хорошо понимали, что только патетическими взвизгиваниями да панегирическими словоизвержениями (характерными не для одной лишь фантастики) подлинности и убедительности не добьешься. Они хорошо знали (даже тогда, когда это знание только препятствовало успеху), что повышенную значительность художественному тексту придает деталь, наблюдение. Стругацкие пишут так, как будто ежедневно наблюдают будущее и точно соотносят свои наблюдения с современностью при помощи сопоставлений, эпитетов, метафор. Текст насыщен реальными деталями, предметами, жестами. Язык персонажей приближен к языку современника. Писатели доказывают существование будущего тем, что хорошо в нем ориентируются, и тем, что они могут просто, без затей, назвать хорошо им известную вещь. Так два времени связываются, стягиваются художественными приемами.

<...>

Стругацкие отдали дань традиции, объединяв-

шей фантастику и приключенческую литературу, и ясно осознали: к серьезным литературным достижениям приводят серьезные проблемы. Серьезные же проблемы порождаются обыкновенной человеческой жизнью, которая, по выражению Т. Уайлдера, «проживает нас» на Земле. Героизм, «приключения тела» и неизменно сопутствующий им (хотя и смягченный, гуманизированный у Стругацких) культ силы уходят в прошлое. Один из центральных персонажей «Стажеров», бортинженер Иван Жилин, говорит: «Главное всегда остается на Земле». Все произведения Стругацких, написанные после «Стажеров», связаны с земным бытием, земными людьми и их проблемами прямо, не метафорически. Стругацкие становятся профессиональными писателями, полностью определяющими назначение, смысл и формообразующие факторы своей прозы. Они осознают смысл слов «свобода творчества». Благодаря свободе творчества фантастика становится уже не способом смотреть на мир, а литературным приемом, тропом, способом сказать.

<...>

Противопоставление созидания и потребления, начатое в «Понедельнике», имеет серьезнейшие

основания. Яркость отрицательных и некоторая размытость положительных персонажей сказки связывалась с ежедневной жизнью простой пропорцией. В 1965 году концепция быстрого построения коммунизма называется уже попросту волюнтаризмом. К власти в стране приходят Выбегаллы — невежественные люди, главная задача которых — хорошо прожить свой век. Эти люди не ошибаются, они знают все, они всегда правы. Пользуясь государственной машиной как личным автомобилем, они приносят в жизнь общества свое (основанное на церковноприходском разумении) понимание людей, истории, мира.

Сохранение и совершенствование какого-то иного понимания требуют теперь серьезных усилий, противостояния власти. Стругацкие исследуют человека, историю, мир так же, как это делают все другие писатели. Они создают ситуацию и конфликт, в которых наилучшим образом выявляются интересующие их тенденции развития людей, истории, мира. Вот как это делается в повести «Хищные вещи века», героем которой становится персонаж «Стажеров» бортинженер Иван Жилин. Занявшись земными делами, Жилин обнаруживает не совсем то, что хотелось бы видеть человеку коммунистическо-

го далека. Конфликт героя и обстановки задан изначально, на первой же странице. Метафорой границы между различными мировоззрениями является таможенный барьер. Благоденствие по ту сторону барьера пишется подробно и тщательно. Таможенник обращает внимание приезжего на «наше солнце», «прекрасное утро». Жилин получает рекомендации гида: «Всегда делайте только то, что вам хочется, и у вас будет отличное пищеварение... и самое главное — ни о чем не думайте».

<...>

Изобретено «иллюзорное бытие, яркостью и неожиданностью своей значительно превышающее бытие реальное». Человек скучающий к этому изобретению абсолютно не готов, он неизбежно будет до полного истощения собственной психики (то есть буквально до смерти от нервного истощения) давить на кнопку, дающую ему радость бытия, хотя бы и иллюзорного. Жилин понимает соблазнительность этой яркой искусственной жизни и понимает, что под угрозой — существование человечества вообще, ибо в сравнении с иллюзорной жизнью, даруемой слегом, еда, питье и размножение — тоскливая суета. Невозможно помешать распространению

иллюзорного бытия силой. И неизвестно, как помешать этому распространению умом.

Повесть «Хищные вещи века» была написана (уже в 1964 году) потому, что Стругацкие обнаружили ранние, почти еще незаметные в обществе симптомы девальвации мысли и труда. Они обнаружили, что техническое развитие общества, если только оно не сопровождается развитием личности, губительно, а «потребительский коммунизм» — отвратителен. Они обнаружили побочные продукты прогресса — «хищные вещи». Они обнаружили слабость и неподготовленность человека к тому, что ему предстоит в будущем. Стругацкие сделали все это более двадцати лет назад, и более двадцати лет их предупреждение не переиздавалось. Идеологические воззрения Людовика XV, получившие широкое распространение вслед за концепцией Людовика XIV, успешно защищали свои завоевания во всех областях общественной и экономической жизни страны, не исключая и издательскую политику. Становилось совершенно ясно, что ничего неправомерно хорошего в ближайшие годы не случится, что люди, находящиеся у власти, будут что есть силы ее использовать, не обращая внимания на прочих, которые, будучи предоставлены

сами себе, разворуют, загадят и скомпрометируют все на много лет вперед, что художественной интеллигенции просто ничего другого не остается, как петь хвалу и славу.

Идеологическое давление начинает усиливаться, в коридорах власти набирает силу новый состав аппарата управления, экономические несообразности лишают силы и так слабые и непоследовательные демократические начинания. Настроение у Стругацких начинает портиться, и вслед за ним начинает портиться настроение людей в их книгах. Наилучшим образом процесс порчи настроения, безысходности, безнадежных попыток поиска выхода отражен в повести «Улитка на склоне».

<…>

В 1966–1967 годах окончательно оформилась перспектива новой эпохи — «эпохи развитого социализма». Начался печально знаменитый период нашей истории. Взрастала и крепла социальная безответственность, безнравственность, коррупция. Наблюдалось срастание целого ряда социальных институтов с аналогичными институтами сталинской эпохи. Возродилось и набрало силу преследование мысли. В такую эпоху жанр Стругацких процветать, разумеется,

не мог, как не мог процветать никакой реалистический (то есть отражающий действительность) жанр. Для писателей, сохраняющих социальную ответственность, открытые глаза и ряд прочих общечеловеческих достоинств, возможность публикации стала проблематичной. Проблема самовыражения художника перестала быть проблемой художественной и стала проблемой взаимоотношений человека и социальной структуры, общества, государства. Поскольку прогноз на ближайшее десятилетие был однозначно пессимистическим, каждый писатель стоял перед выбором: писать правду и не печататься, писать полуправду и иногда печататься либо писать, что нынче требуется, и печататься сколько влезет. Начинается тяжелое время советской литературы, время высот человеческого духа, хвалебных од и победных реляций.

В жанре победных реляций Стругацкие не выступали. Две темы занимают их: взаимоотношения художника с самодовольным и самодостаточным государством и разделение общества на конформистов, диссидентов и инсургентов под возрастающим давлением внешних обстоятельств. Вторая тема была с блеском (и безнадежным результатом) разработана в пове-

сти «Второе нашествие марсиан» (1967). Первой теме посвящен роман «Гадкие лебеди». История публикации этого романа сама по себе достаточно точно характеризует эпоху. Роман окончен в 1967-м. Стругацкие, не питая, впрочем, особенных надежд, предлагают его издателям. Объем внутренних рецензий становится сравнимым с объемом рецензируемого произведения, но дело не движется. Затем рукопись без ведома авторов попадает за рубеж и без их согласия публикуется во Франции и США, что вызвало горячий протест патриотически настроенных литераторов, и одновременно становится «широко известной в узких кругах» в СССР. После двадцатилетнего хождения в списках публикуется в СССР под названием «Время дождей» в журнале «Даугава» (1987). За три года до этого роман Стругацких «Гадкие лебеди» становится частью их нового романа «Хромая судьба» (1984).

«Хромая судьба» — книга о взаимоотношениях писателя с самодовольным и самодостаточным государством. Разные части этого романа написаны в разное время, и вся книга тем самым испытала влияние двух периодов — периода основания самодовольного государства и периода его кризиса. Испытав влияние разных эпох, книга

стала вместилищем разных, хотя и не противоречащих друг другу, моделей взаимоотношений писателя и самодостаточного государства.

Роман делится на две взаимопроникающие части: Феликс Сорокин, немолодой московский «писатель военно-патриотической темы», копается в своих замыслах, набросках, рукописях, одна из которых — неоконченная — лежит в Синей Папке. Герой неоконченной рукописи писатель Виктор Банев проживает в неизвестном исторически и территориально государстве и становится в нем свидетелем и участником окончания целой исторической эпохи. Два героя отличаются друг от друга тем же, чем отличаются Стругацкие начала 80-х от Стругацких середины 60-х годов. Стругацкие же 80-х отличаются от Стругацких 60-х не только возрастом, то есть увеличением опыта и уменьшением сил, но собственно отличием этих двух эпох.

Между двумя взаимопроникающими частями одного романа «Хромая судьба» Стругацкими были написаны десять произведений. О некоторых из них следует говорить долго и обстоятельно. Эти произведения отражают разные стороны нашей жизни, но более всего — отсутствие каких-то общих рецептов процветания человеческого со-

общества. Стругацкие пишут о желании сдаться в сладкий и хорошо обеспеченный плен («Второе нашествие марсиан», 1967), пародируют захватившую власть глупость и алчность («Сказка о Тройке», 1967), строят действующую модель тоталитарного общества («Обитаемый остров», 1968). Стругацкие говорят о простоте (и труднодоступности) человеческого счастья («Пикник на обочине», 1971), о сложности понимания другого человека («Малыш», 1970), о безнадежном одиночестве человека перед выбором единственно верного поступка («За миллиард лет до конца света», 1974), о несчастливых людях и непрекращающихся трагедиях умного и гуманного мира («Жук в муравейнике», 1979). Общественно-политический кризис, продлившийся два десятилетия, оставивший тяжелейшее социально-психологическое наследие, находит точное, взвешенное выражение в лучших книгах этого периода. Население страны, не сделав ничего для настоящего и будущего, увязает в трясине высокой фразы, славословия, ругани, помыкания, угодничества, бесправия, вседозволенности. Портреты остаются молодыми и полными сил, люди стареют, теряют силы, отчаиваются.

<...>

М. Шехтман в своей работе «Стругацкие contra Ефремов», опубликованной в душанбинском сборнике «Критика в художественном тексте», анализирует скрытую полемику Авторов с Иваном Ефремовым.

Из: Шехтман М. Стругацкие contra Ефремов: Литературно-критическая проблематика в фантастике

<...> Сегодня Стругацких любит даже критика! Стругацким подражают, у Стругацких учатся, Стругацких ставят рядом с Лемом, Саймаком и Воннегутом! За ними признается право первооткрывателей новых тем и типов, их отточенный стиль, емкий и ироничный, заставляет вспомнить великого Свифта... И все же не Стругацкие первыми пробили брешь в толще печально известной популяризаторской фантастики с ее кочующими из сюжета в сюжет пожилым профессором, молодым изобретателем и благородным майором госбезопасности.

В середине 50-х годов И. Ефремов создал свой знаменитый роман «Туманность Андромеды», и именно с его появлением стало ясно, что фантастике под силу решать сложные философские проблемы. <...> «Мы построим такое общество,

где человек получит все...» — как бы говорит в романе Ефремов. И вот тут-то возникли Стругацкие. «Мы построим справедливое общество, где человек получит все... Но как он этим распорядится?» — спросили они, и это смещение акцентов определило, на наш взгляд, тот шаг вперед, который сделала в творчестве Стругацких вся мировая фантастика. Обитателю романов и повестей Стругацких (а герои часто там кочуют из сюжета в сюжет) бывает хорошо, плохо, страшно, смешно, безнадежно... <...> Нам представляется, что творчество И. Ефремова — это творчество, имеющее предметом идею, философское понятие, что его произведения суть беллетризованные эссе и трактаты на тему о всемогуществе Человека. Стругацкие же вернулись к «просто человеку», сила которого заключена в способности отказаться от всемогущества, который интересен сам по себе, а не как зеркало, так или иначе отражающее идеал. Ефремов мечтает о человеке, равном богу по возможностям, и поет такого человека. <...> У Стругацких со всемогуществом отношения складываются куда напряженнее. И дело даже не в том, что их Румата или Максим меньше могут, чем, например, Дар Ветер, — вовсе нет! Стругацкие будто нарочно рассказывают, как их героев

не берут ни пули в упор, ни копья, ни яды, ни радиоактивные пустыни. И могут они многое. Что передвигаются они в космосе с неограниченной скоростью, то это такая само собой разумеющаяся мелочь, что о ней и не стоит говорить... Вот только богов из Максима, Руматы или Сикорски, к счастью, не получается. Иначе бы Румате пришлось спокойно смотреть, как убивают книгочеев, как дрессируют на живом «материале» воспитанников школы палачей, как по трупам идет к власти жуткий министр охраны короны дон Рэба. А Сикорски, который тоже может все, обречен до конца своих дней мучиться тем, что убил, руководствуясь интересами всей земной цивилизации, некоего Льва Абалкина, который, похоже, был агентом таинственных Странников... Эти примеры были взяты из романа «Трудно быть богом» и повести «Жук в муравейнике». Но, как нам кажется, в наиболее концентрированном виде отношение Стругацких к всемогуществу (как к качеству вторичному по сравнению с совестью) представлено в крохотной вставной новелле в повести «Понедельник начинается в субботу».

<...>

В этой иронической энциклопедии издержек советской и западной фантастики немаловажное

место занимает некий мальчик, поучительно изрекающий прописные истины. Его назидательный тон, способность пространно, в сложных синтаксических конструкциях, с массой уточнений и исторических деталей отвечать на любой простой вопрос немедленно вызывает у читателя ассоциации с героями И. Ефремова, которые изначально замыслены как философы — профессионалы или любители. Так, замечание о том, что взрослым надо говорить «вы», вызывает у него нечто подобное коротенькому нудноватому монологу: «Ах, да, припоминаю. Если мне не изменяет память, так было принято в Эпоху Принудительной Вежливости. Коль скоро обращение на „ты“ дисгармонирует с твоим эмоциональным ритмом, я готов удовольствоваться любым ритмичным тебе обращением».

Нам кажется, что увидеть здесь лишь пародию на стилистику Ефремова явно недостаточно. Пародируется не только стиль, но и нечто большее — пародируется явный схематизм, непредставимость ефремовских героев в реальной ситуации, их — вот уж подлинно! — полупрозрачность... Особенно эти качества заметны тогда, когда их носитель увиден, что называется, по-человечески: «Славный это был мальчуган, очень

здоровый и ухоженный...» Такому явно не по летам основательная квазинаучность, какой наделяется он в пародийной ситуации. Обращает на себя внимание эпитет «ухоженный» — именно так хочется определить весьма существенное качество ефремовских героев, демонстративно красивых, физически здоровых (еще хочется сказать — холеных)... Обо всех героях Ефремова можно сказать, что физический и душевный комфорт для них разумеются сами собой. Например, в «Сердце Змеи» астролетчики не мыслят себя без спортзала, акробатики, танцев и ЭМСР — электромагнитного скрипкорояля (!), как для несведущих поясняет автор. Все они «...смуглые, сильные, уверенные, с гладкой кожей, которую дает человеку лишь здоровая жизнь на воздухе и солнце». Да и сами о себе они говорят так: «Все мы просты, ясны и чисты».

Нам представляется, что когда-нибудь фантастоведы, историки и социологи найдут причины того колоссального успеха Ефремова, каким он пользовался в конце 50-х годов и в первой половине 60-х, и, возможно, будет уловлена связь между общественными настроениями в краткий период «оттепели» и романтической «простотой, ясностью и чистотой» героев И. Ефремова. Явно

или неявно писатель откликался на социально-утопический заказ изобразить мир, где ничего не надо бояться, где страху — постоянному, непрерывному, изматывающему — нет места. И не случайно мальчуган, встреченный Сашей Приваловым, вообще не знает, что такое страх. Так, на вопрос, что скрывается за железной стеной, он отвечает: «...Она разделяет два мира — Мир Гуманного Воображения и Мир Страха перед Будущим. — Он помолчал и добавил: — Этимология слова „страх“ мне тоже неизвестна». Ориентация образа мальчика, безусловно, имеющего пародийный характер, на стиль и суть героев Ефремова ясна любому читателю «Туманности Андромеды» и «Сердца Змеи». Такой читатель обязательно вспомнит Эру Великого Кольца или же Эпоху Разобщенного Мира и прочие дефиниции в трактовке прошлого и будущего по этим произведениям.

<...>

Завершая наш краткий анализ некоторых аспектов творчества Стругацких, скажем, что вся современная советская фантастика развивается под несомненным их влиянием. Именно Стругацкие своими поисками в области гуманизма и нравственности потеснили научно-логизи-

рованный подход к фантастике, свойственный И. Ефремову, вернули фантастике ее право быть прежде всего художественным творчеством, столь же сложным и неоднозначным, как и сама жизнь.

Статья Вадима Казакова «Время учителей», под псевдонимом опубликованная в первом номере журнала «Советская библиография», освещала проблемы, поднятые в ОЗ.

Из: Снегирев Ф. Время учителей

<...>

Чтобы увидеть и понять, надо определить верный угол зрения. Как трактовать роман? По Священному Писанию? По Булгакову? По свежей периодике, забитой проблемами «неформалов» и педагогическими дискуссиями? А может быть, это просто интеллектуальная «игра в бисер»? Или «рагу» из идей и ситуаций, не реализованных (или не так реализованных) Стругацкими ранее?

Думается, что все эти точки зрения следует использовать в совокупности, иначе мы обречены утонуть в бездне интерпретаций и ассоциаций (в том числе и тех, которые совершенно не предусмотрены Стругацкими) и безнадежно ото-

рваться от понимания авторского замысла.

Изложенные ниже соображения есть чисто субъективная и по необходимости неполная точка зрения. Она может быть в чем-то неверной или даже вовсе ошибочной. С этим надо примириться — таков уж «производственный риск». Многозначность ситуаций, открытость текста, обилие вопросов без ответов — это норма зрелого творчества Стругацких, своего рода «визитная карточка» их произведений последних лет.

Перед нами довольно сложно организованный текст, в котором прихотливо перемешаны произвольно начатые и столь же произвольно оборванные сюжетные линии, пространственно-временная связь между которыми далеко не очевидна. Уже одно это может оказаться для читателя источником тоскливого недоумения, возрастающего от внешней неконгруэнтности линий «ОЗ» (сцен с Демиургом и Агасфером Лукичом) и дневника Мытарина.

<...>

Мысль о неадекватном восприятии и прямом искажении учениками идей Учителя прослеживается и в сценах с Иоанном и Прохором на Патмосе. Вот уж воистину: «Решительно ничего из того, что там записано, я не говорил!»

Еще одна деталь. В «библейских» фрагментах «Отягощенных злом» никакого Иисуса нет. Есть нейтральное «Он», столь же нейтральное «Назаретянин» и, что очень важно, «Учитель» (или «Рабби», что адекватно). Последнее из имен было в древней Иудее знаком наивысшего уважения. В созданном Стругацкими мире XXII века Учитель (тоже с большой буквы!) — один из самых почитаемых людей уже в силу своего статуса.

В записках Мытарина так же — Учителем — именуется по прошествии сорока лет Георгий Анатольевич Носов (Г. А.).

Теология Нового Завета Стругацких не интересует. Из евангельских текстов выделена, собственно, лишь одна сторона сюжета — Учитель и его ученики (или *не*-ученики), решенная в духе вышеприведенных слов Иешуа. При этом многие канонические подробности Евангелий намеренно дезавуированы. Скажем, в Новом Завете не так уж много событий, в оценке которых все четыре евангелиста были бы единодушны. Второстепенный эпизод с отрубленным ухом раба есть везде. И этот-то эпизод в романе перевернут с ног на голову! Второй эпиграф к роману еще более подчеркивает вопиющее несоответствие версий Иоанна Богослова и Иоанна-Агасфера.

<...>

Смысл всех этих экскурсов в прошлое видится вот в чем. Один Учитель (даже экстра-класса) не в состоянии одной лишь силой своего Знания, своей Убежденности необратимо подвинуть социум к прогрессу (в понимании Учителя) и при этом застраховать свою педагогическую концепцию от искажений во времени. Но и не пытаться сделать это он не может! Неизбежны чудовищные извращения первоначального учения (в том числе — сделанные из самых благих побуждений). Из информации Иоанна о Мире Будущего Прохор сооружает Апокалипсис, из которого в свою очередь Петр Петрович Колпаков сооружает совершенный карательный механизм для полной ликвидации агнцев при наибольшем одновременном процветании козлищ... Знание перерождается в Миф. В опасный Миф. А что уж говорить о *не*-учениках? Что нужно, чтобы Учитель, опередивший свое время, заглянувший за грань «перелома истории», был адекватно понят или хотя бы услышан? Неужели только крест?

<...>

Демиург ведет некий Эксперимент, моделирует некие социопсихологические ситуации, используя в качестве «полигона» достаточно условный

Ташлинск. Нынешняя ситуация ясна: мы увязли в Настоящем, не будучи в силах оторваться от Прошлого. Мы должны найти правильный путь среди бесчисленного множества ошибочных. Мы отягощены злом. Все модели выхода, предложенные «абитуриентами», — тупиковые. Даже относительно безобидный (в сравнении с другими, конечно) Мир Мечты Матвея Матвеевича рождает, будучи проигран «в натуре», совершенно дикую кафкианскую ситуацию. Псевдо-Учителей в распоряжении Демиурга уже достаточно. Ему нужен хотя бы один, но настоящий. Демиург ищет Учителя, а значит — ищет Человека, умеющего мечтать безопасно для окружающих. И такой Человек появляется.

«Тогда вышел Иисус в терновом венце и в багрянице. И сказал им Пилат: „Се Человек!“» (Евангелие от Иоанна). Реплика Агасфера Лукича: «Эссе Хомо!», сопровождающая появление Г. А. с покалеченной рукой и с пластырем, — это еще один мостик от фантасмагорического мира «ОЗ» в мир 2033 года.

<...>

Ташлинск 2033 года — это микромодель всей нашей страны, продвинутая на два поколения вперед. Кое-что изменилось. Видимо, улучшилось

дело с экономикой. Несколько смягчились нравы в юриспруденции. Довольно успешно освоена печатью гласность (впрочем, не без издержек и лакун). И, разумеется, существует Г. А. Носов — прирожденный Учитель. И его ученики. И ученики его учеников...

Но мир этот нездоров. Это вовсе еще не победа, а лишь канун новой перестройки. Преданность лицеистов своему Учителю не заменит понимания. Уважение горожан может легко переродиться в озлобление. Все завоевания еще очень и очень нестабильны, нетерпимость тяготеет над Ташлинском. Понять ее корни можно, оправдать — нет.

<...>

Писатель и литературовед Александр Мирер во втором выпуске фэнзина «Плюс-минус бесконечность» в интервью «Когда плакать не дают...» упоминает свои работы по АБС.

Из: Мирер А. «Когда плакать не дают...»

<...>

— Тут намечается такая статья о двух произведениях Стругацких вместе — «За миллиард лет до конца света» и «Град обреченный». Эти

работы ведь чем-то смыкаются, между ними завязан какой-то узелочек. Разница только в том, что в «Миллиарде...» — это узкая тема, это одна ситуация возможности и невозможности творчески работать, а в «Граде...» — более широкая, но примерно та же самая. Если взять главного героя, Андрея, он ведь все время прокручивается через разные работы. <...> Причем, чем у него работа более престижная и творческая, тем он хуже работает. Когда человек вроде бы пошел по широкой дороге, у него снова получаются «кривые, глухие окольные тропы».

— *Но кончается тем, что Андрей проходит первый круг эксперимента и выходит на новый...*

— Ну, это обычные штучки Стругацких. Они всегда стараются писать открытые вещи, в том смысле, что конец не замыкает произведение, а оставляет нам с вами возможность придумать, что было дальше. Самый характерный в этом смысле — «Пикник на обочине», где вообще очень обидно: только слюну выпустил, чтобы жевать, а все кончилось... Давайте, дальше думайте сами. А в «Граде...» четыре смены работ — это четыре смены внутренних состояний. Пока он был мусорщиком, хоть он и был узколобым сталинистом, он был все-таки внутренне свободен в своих при-

верженностях. Когда же он стал следователем, он стал уже работать на систему, причем не на ту систему, в которую верил, а на ту, в которой он жил. Когда он стал редактором, он стал опять крутиться между какими-то необходимостями. А с советником уже все ясно — он уже ясно формулирует, что карьерочку-то делать надо, отступать нельзя... Вот такие дела... Пожалуй, все...

<...>

В этом году у Авторов выходят следующие издания. Трехтомник в издательствах «Московский рабочий» и «СП „Вся Москва“» (т. 1: ПНВС, СОТ; т. 2: ПКБ, ТББ, ЗМЛДКС, ВНМ; т. 3: ГО, ОЗ). «Избранное» в двух разных составах и в тех же двух издательствах. В ленинградском отделении «Советского писателя» — два дополнительных тиража однотомника 1989 г. (УНС, ХС, ВГВ). В ленинградском «СП „Смарт“» вышли ВНМ и УНС. В симферопольском «Таврия: МИФ» — ВНМ. ГО вышел в московском издательстве «ДЭМ». Там же — сборник из ТББ и УНС. ПЛНПП под заглавием «Летающие кочевники» — в альманахе «Гея». ПИП — в симферопольском «МП „Пресс-информ“». Сборник избранных сценариев АБС «Пять ложек эликсира» — в «Науке». Сборник из ТББ и СОТ — в московском «Профиздат; СП „Спринт“». «Туча» и

ПЖНВ — в сборнике «Поселок на краю Галактики» издательств «Наука» и «Текст». Четырьмя изданиями в «Книге» вышел сборник из ХС и ХВВ, и отдельно — ХС.

Первое издание пьесы ЖГП вышло в «Неве». ПИП вышел газетным изданием в московском «Зорком часовом». Первое издание «Песчаной горячки» вышло в севастопольском фэнзине «Фэнзор». Первое издание рассказа «Бедные злые люди» — в саратовской газете «Железнодорожник Поволжья». Первое издание пьесы «Без оружия» — в новокузнецком «Кузнецком рабочем». Сценарий ПНВС — в «Уральском следопыте».

Выходили следующие переводы АНа: Кобо Абэ «Тоталоскоп» в алма-атинском сборнике «Калейдоскоп»; Дж. Биксби «Мы живем хорошо» в сборнике «Те, кто уходят из Омеласа». Перевод АБС Х. Клемента «Огненный цикл» и АНа «Экспедиция „Тяготение“» — в сборнике Клемента «Огненный цикл» издательства «Мир».

АБС в этом году удостоены «Премии читательских симпатий» секции научно-художественной, фантастической и приключенческой литературы Ленинградской писательской организации, а также приза «Великое Кольцо» «Аэлиты-90» за УНС.

1991

Третьего января в «Независимой газете» публикуется статья АБС «Куда ж нам плыть?». Очень трудно определить ее жанр. Аналитическое эссе? Размышления о настоящем? Или все-таки о будущем? Нет, неспроста она имеет подзаголовок «Вопросы без ответов».

Из: АБС. Куда ж нам плыть?: Вопросы без ответов

<...>

Любой тоталитарный режим стоит — как на железобетонном фундаменте — на идее беспрекословного подчинения.

Беспрекословное подчинение установленной идеологии.

Беспрекословное подчинение установленному порядку.

Беспрекословное подчинение установленному свыше начальнику.

Человек свободен в рамках беспрекословного подчинения. Человек хорош, если он не выходит за рамки беспрекословного подчинения. Человек

может быть назван умным, добрым, честным, порядочным, благородным, *только* лишь пока он не вышел за рамки беспрекословного подчинения.

Шла дрессировка. На гигантских пространствах Земли и на протяжении многих лет шла титаническая дрессировка миллионов. Слово «роботы» не было тогда еще в ходу. Слово «программирование» было неизвестно либо известно только самым узким специалистам. Так что это следовало бы называть дрессировкой человеков, но называлось это воспитанием масс.

Человек, как и всякое живое существо, включая свинью и крокодила, поддается дрессировке. В известных пределах. Его довольно легко можно научить называть черное белым, а белое — красным. Он, как правило, без особого сопротивления соглашается признать гнусное — благородным, благородное — подлым, а подлое — единственно верным. Если его лишить информации и отдать — безраздельно! — во власть тайной полиции, то процесс дрессировки можно вполне успешно завершить в течение одной-двух пятилеток. Если установить достаточно жесткое наказание за выход (сознательный — невольный, от большого ума — от явной глупости, с целью подрыва или без — все это несущественно) из рамок беспреко-

словного подчинения, то человека можно даже приучить думать, что он живет хорошо (в полуразвалившейся избе, с лопухами вместо яблонь и с пенсией одиннадцать рублей ноль четыре копейки). Только не надо церемониться! Если враг не сдается, его уничтожают. Если друг — тоже.

Джордж Оруэлл ничего не предсказал. Он только фантазировал на хорошо уже разработанную тему, разработанную до него и не им, а специалистами-дрессировщиками по крайней мере четырех стран. Но он правильно назвал то, что происходило с дрессируемым человеком. Он ввел понятие «двоемыслие».

В тоталитарном мире можно выжить только в том случае, если ты научишься лгать. Ложь должна сделаться основою всех слов твоих и всех поступков. Если ты сумеешь возлюбить ложь, у тебя появится дополнительный шанс на продвижение вверх (вкуснее жрать, пьянее пить, слаще спать), но как минимум ты должен *научиться* лгать. Это не даст тебе абсолютной гарантии выживания (в тоталитарном мире абсолютной гарантии нет вообще ни у кого), но это увеличит вероятность благоприятного исхода, как сказал бы специалист по теории вероятности.

Воображение рисует целые поколения лю-

дей «со скошенными от постоянного вранья глазами». Действительность проще и скучней. (Действительность всегда скучнее воображения, поэтому мы зачастую не понимаем прорицаний даже тогда, когда они по сути своей верны.) Действительность демонстрирует нам хорошо выдрессированного человека, у которого способность и умение лгать перешли уже на уровень инстинкта. Он всегда и совершенно точно знает, что можно говорить и что нельзя; когда надо разразиться аплодисментами, а когда надо сурово промолчать; когда *сигнализировать*ь в инстанции надлежит немедленно, а когда можно рискнуть и воздержаться; когда *задавать*ь вопросы совершенно необходимо, а когда нельзя их задавать ни в коем случае. Без всякой специальной подготовки он годен работать цензором. И даже главным редактором. И вообще — идеологом.

Он до такой степени пропитан идеологией, что в душе его не остается более места ни для чего другого. Понятия чести, гуманности, личного достоинства становятся экзотическими. Они существуют только с идеологическими добавками: честь — *рабочая*, гуманность — *пролетарская*, достоинство — *подлинного арийца.*

Поскольку ложь объявлена (и внутренне при-

знана!) правдой, правда должна стать ложью... ей просто ничего более не остается, как сделаться ложью... у нее вроде бы попросту нет другого выхода...

Однако дрессированный человек, раб XX века, находит выход. У него арестован и расстрелян — «десять лет без права переписки» — любимый дядя, убежденный большевик с дореволюционным стажем, который, разумеется, ни в чем не виноват, он просто *не может* быть в чем-либо виноват!.. Но в то же время *органы не ошибаются*, они просто *не могут* ошибаться... И остается только одно: хранить в сознании обе эти *правды*, но таким образом, чтобы они никогда друг с другом не встречались. Вот это искусство не позволять двум правдам встречаться в сознании и называется «двоемыслием».

Двоемыслие помогает выжить. Двоемыслие спасает от безумия и от смертельно опасных поступков. Двоемыслие помогает сознанию рационализировать совершенно иррациональный мир. Двоемыслие поддерживает в глупом человеке спасительный уровень глупости, а в ловком человеке — необходимый уровень нравственной увертливости. Двоемыслие — полезнейшее благоприобретенное свойство дрессированного

человека. Оно продляет жизнь в условиях тоталитарной системы. И оно продлевает жизнь самой тоталитарной системы. Ибо, окажись человек неспособен к двоемыслию, тоталитарные системы вместе со своими подданными убивали бы сами себя, как убивают сами себя штаммы наиболее беспощадных вирусов, вызывающих пандемии.

Почему никто из великих прорицателей начала века не предсказал этой пандемии двоемыслия?

Может быть, они были излишне высокого мнения о человеческих существах? Нет, этого не скажешь ни об Уэллсе, ни о Хаксли, ни о Замятине.

Может быть, такое явление было слишком трудно себе представить? Может быть, находилось оно за пределами воображения? Отнюдь нет! Все это уже было в истории человечества — в эпоху тираний, рабовладения, да и недавно совсем — во времена средневековья, инквизиции, религиозных войн...

Видимо, в этом все и дело. Это было недавно. Память еще жива. Пример и назидание. Прошлое не повторяется. Прошлое миновало навсегда. Прошлое понято, все дурное в нем сурово осуждено — раз и навсегда. Грядет новое время, новый

страшный мир — все новое в этом мире будет страшно и все страшное — *ново*!

Оказалось — нет. Страшное оказалось *неописуемо* страшным, а вот новое оказалось не таким уж и новым. Просто, как и в добрые старые времена варварства и невежества, все население опять разделилось на дураков и подлецов.

Дураки, как и встарь, не понимали, что с ними происходит, и дружно кричали, когда требовалось: *Ура! Хайль! Банзай! Огня! Еще огня!* Со всех сторон их убеждали, что они самые лучшие, самые честные, самые прогрессивные, самые умные, и они верили в это и были счастливы тем особенным счастьем, которое способны испытывать именно и только дураки, когда им кажется, что они наконец попали на правую сторону.

Подлецы... На самом деле в большинстве своем они были вовсе и не подлецы никакие, а просто люди поумнее прочих или те, кому не повезло, и они поняли, в каком мире довелось им очнуться. Мы называем их этим поганым словом потому только, что самые честные из них и беспощадные к себе называли себя именно так. Разве же это не подлость (говорили они) — все знать, все понимать, видеть пропасть, в которую катится страна, мир, и — молчать в общем хоре или даже иногда

раскрывать (беззвучно) рот, дабы не уличили тебя во внутреннем эмигрантстве?..

<...>

Семьдесят лет мы беззаветно вели сражение за будущее и — проиграли его. Поэт сказал по этому поводу:

Мы в очереди первые стояли,

А те, кто после нас, — уже едят...

Идея коммунизма не только претерпевает кризис, она попросту рухнула в общественном сознании. Само слово сделалось срамным — не только за рубежом, там это произошло уже давно, но и внутри страны, оно уходит из научных трудов, оно исчезает из политических программ, оно переселилось в анекдоты.

Однако же коммунизм — это ведь общественный строй, при котором свобода каждого есть непременное условие свободы всех, когда каждый волен заниматься любимым делом, существовать безбедно, занимаясь любимым и любым делом при единственном ограничении — не причинять своей деятельностью вреда кому бы то ни было.

Да способен ли демократически мыслящий, нравственный и порядочный человек представить себе мир более справедливый и желанный,

чем этот? Можно ли представить себе цель более благородную, достойную, благодарную? Не знаю. Мы — не можем.

В этом мире каждый найдет себе достойное место.

В этом мире каждый найдет себе достойное дело.

В этом мире не будет ничего важнее, чем создать условия, при которых каждый может найти себе достойное место и достойное дело. Это будет *мир справедливости*: каждому — любимое дело и каждому — по делам его.

Об этом мире люди мечтают с незапамятных времен. И Маркс с Энгельсом мечтали о нем же. Они только ошиблись в средствах: они вообразили, что построить этот мир можно, только лишь уничтожив частную собственность. Ошибка, надо признаться, вполне простительная по тем временам, если вспомнить, сколько яростных филиппик в адрес частной собственности произнесено было на протяжении веков. И если вспомнить, каким ореолом святости на протяжении веков окружена была идея раздать свое имущество бедным и уйти к Богу...

Маркс с Энгельсом, стремясь к замечательной цели, ошиблись в средствах. Эта ошибка носила

чисто теоретический характер, но те практики, которые устремились ко все той же цели вслед за классиками, продемонстрировали такие методы, что теперь и сама цель смотрится не привлекательнее городской бойни. А новой цели пока никто еще не предложил...

Куда ж нам плыть?..

<...>

Первый выпуск нового альманаха фантастики «Завтра» был открыт обращением АНа к читателям. Фактически оно оказалось завещанием писателя...

АНС. К читателям альманаха «завтра»

Завтра.

Завтра — это почти наверняка завтра. Но не исключена возможность, что завтра перевернется во вчера.

Всю свою сознательную жизнь я мечтал о журнале НФ. Кажется, сейчас что-то проклевывается. Не журнал, но все-таки альманах, независимый от невежественных, смердящих, злокозненных влияний. Хорошо, мы стали независимыми. Что дальше?

«Завтра».

Честно говоря, я был против этого названия. Я бы предпочел название «Если». Но мои молодые коллеги (молодые! мне 65 лет, а этим молодым уже под пятьдесят...) настаивали на «Завтра». Что ж. Хоть горшком назови...

Вероятно, десятимиллионную (или больше?) армию любителей фантастики интересуют три главные проблемы:

1. Отражение в литературе страхов и отчаяния человечества в наше страшное и отчаянное время.

2. Попытки воссоздать в литературных образах те общественно-политические идеалы, к которым нам надлежит устремляться.

3. Простое, незамысловатое удовольствие.

О третьей проблеме говорить здесь не место. На мой взгляд, она включается в первые две. Не будем ее забывать как непременное условие при разрешении двух первых проблем.

Итак.

Если первая проблема так или иначе получила, получает и будет получать разрешение в бесконечном разнообразии форм «мрачного воображения», то решать вторую проблему фантастам оказалось не так легко.

Возможно, сыграла тут роль вековая традиция

художественной литературы: сюжет должен быть трагичен. Значительное в этом смысле исключение — евангельское «смертию смерть поправ», однако в обозримом пространстве литературы достойного продолжения этой великой идеи нет. Даже булгаковский Мастер заслужил не Свет, а Покой.

В применение же этой идеи к мировой фантастике можно сказать только, что отчетливых граней между утопией и антиутопией, а также романом-предупреждением нет. «Черный» роман либо оставляет надежду, либо нет, а сильная утопия активно критикует методы достижения желаемого результата.

Тогда — что же? Великая школа великой литературы. Девица бросается в озеро, дама бросается под поезд, кто-то идет на каторгу, кто-то сходит с ума... Се ля ви. Чапаев уходит под волны Урал-реки, сраженный вражескими пулями, Тухачевский в подвале ЧКГБ обдает своими мозгами грязные кирпичи... Зритель, переключи свою программу на «Изауру». Или на «Королька». Твоя рука — владыка. Но «Завтра» не об этом. Насколько это от меня зависит.

Но учиться все-таки надо?

Во второй половине второго тысячелетия до

нашей эры некто Моисей принес отчаявшемуся народу своему знаменитые десять заповедей.

Первые четыре в настоящем контексте (но только в настоящем!) интереса не представляют, а вот остальные... помните?

...Почитай отца твоего и мать твою.

...Не убивай.

...Не прелюбодействуй.

...Не кради.

...Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.

...Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего... ничего, что у ближнего твоего.

Так вот. Примерно в то же самое время, три-четыре тысячи лет назад, на другом краю Ойкумены некто И в своих наказах определил моральные нормы для древних китайцев.

Я — не специалист по древнекитайской культуре. Возможно, И не есть имя автора, а название свода упомянутых моральных норм. Следует принять во внимание еще одно обстоятельство: формулировка древних евреев гораздо ближе и понятней нам, нежели странные, в каком-то смысле даже смешные древние воззвания с берегов Янцзы (тем более что и Янцзы называлась

тогда как-то по-иному, и перевод с древнекитайского допускает неоднозначные толкования). Что же запрещалось кодексом И?

1. Весело отплясывать с утра и до утра во дворцах.

2. Распевать сладкие песни в чужих спальных покоях.

3. Злоупотреблять колдовством в достижении развратных целей.

4. Целью жизни своей ставить наложение рук на чужое богатство и на женскую красоту.

5. Проводить жизнь свою в похабстве и охоте.

6. Развращать нравы в смаковании разврата во время бесед.

7. Оскорблять в болтовне речения великих мудрецов.

8. Лгать во время бесед и выступлений.

9. Устранять себя и присных от пути добродетели.

10. Вести себя, взявши за пример разгульную молодежь.

И под всем этим категорично:

1. Если заповеди эти нарушает муж, гибнет семья.

2. Если заповеди эти нарушает государство, гибнет страна.

Давно истлели и обратились в глину кости Моисея и неведомого И.

Но сравните. И восчувствуйте.

Я не сомневаюсь, найдется немало граждан, кои объявят, что древние китайцы и (тем более) евреи им не указ, но я адресую эти строки читателям «Завтра».

Не может же быть, что мы все — сплошные идиоты!

Не убивайте.

Почитайте отца и мать, чтобы продлились дни ваши на земле.

Не пляшите с утра и до утра.

Возымейте иную цель жизни, нежели накладывать руку на чужое богатство и на женскую красоту.

Тысячелетия глядят на нас с надеждой, что мы не озвереем, не станем сволочью, рабами паханов и фюреров.

Морально поддержать вас хоть в какой-то степени на уровне человечности — главная задача альманаха «Завтра», как я ее понимаю.

В середине января АБС встречаются в Москве. Эта их встреча оказалась последней...

Рабочий дневник АБС

16.01.91

Б. прибыл в Мск для обсуждения вопросов. Времена жуткие — Литва, Ирак.

17.01.91

Ночью началась война в Ираке.

18.01.91

Писали письма.
Снова обсуждается «Операция „Вирус“».

19.01.91

Б. уезжает.

[без даты]

Аггелы — исполнители воли Бога на земле; каратели и наградители.

Записки старого аггела — заряды растрачены, запасы «пряников» огромны и вручать некому.

М<ожет> б<ыть> — вручать *всем*, ибо все и праведники тоже?

В этот период к Авторам обращаются самые различные СМИ по разнообразным «информационным поводам». Самый настоящий расцвет АБС как публицистов!

22 января Михаил Горбачев подписал указ об изъятии из обращения и обмене пятидесяти- и сторублевых купюр образца 1961 года. Реформа в народе именовалась «павловской» по фамилии ее организатора, свеженазначенного премьера, а до того — министра финансов. Обмен изымаемых купюр проводился в три дня и на сумму не более чем тысяча рублей на человека. Сейчас все сложности той реформы уже подзабылись, но вот какая реплика АНа была напечатана в «Независимой газете» в день окончания обмена купюр, 26 января.

АНС. Аркадий Стругацкий позвонил в «НГ» и сказал:

Вот некоторые образы и ассоциации, возникшие при восхищенном рассмотрении достославных деяний Валентина Павлова на тучной ниве тощих отечественных финансов.

То их (финансы) понюхает, то их полижет...

— Но, мертвая! — гаркнул малюточка басом и сел за обед, осетра заказав.

Чудак ты, Валентин, и шутки твои чудацкие.

Тень Рокотова от имени миллиона престарелых дураков, трясущихся в очередях сберкасс[65].

В начале февраля близ Петербурга проходил конвент «Интерпресскон» — одно из старейших теперь уже собраний любителей фантастики. Его посетил БН, и там же группа «Людены» договорилась встретиться с ним после конвента, 5 февраля — у него дома.

Из: «Как люден людену...»: Встреча БНа с группой «Людены»

Присутствуют:

Борис Натанович Стругацкий,

Светлана Бондаренко,

Владимир Борисов,

Александр Диденко (который, правда, в разговоре не участвует),

Вадим Казаков,

Алексей Керзин,

Сергей Лифанов,

Юрий Флейшман,

Михаил Шавшин.

<...>

Преамбула

Ю. Флейшман: Миша, проверь запись, а то опять ничего не запишется...

Б. Н. Стругацкий: Проверьте! Вам же говорят умные люди — проверьте...

(Вдумчивая проверка записи. «Людены» распределяются по комнате.)

Б. Н.: Ну, давайте! Что у вас — вопросы? Как будем работать? Вы должны были разработать какой-то план... Кто у вас главный, кто у вас будет дуайен?

В. Казаков: Спикер...

Б. Н.: Кто будет спикер?

(Общественность выразительно смотрит на Флейшмана.)

Б. Н.: Флейшман? Давайте — Флейшман.

М. Шавшин: Мы его зовем просто — Верховный.

Б. Н.: Без всякой вычурности, да? «Министр-координатор» — очень хорошо...

С. Бондаренко: 12-я «Страж-птица» полностью посвящена нашей группе.

Б. Н.: Замечательно. А я как раз сегодня думал: хорошо бы натравить на вашу группу какого-нибудь корреспондента, чтобы он про вас написал.

М. Ш.: Да. В «Страж-птице» там есть великая фраза, как Николаев обращался к Борису Натановичу Стругацкому за рекомендацией. А Борис Натанович сказал: «Вы знаете, Андрей, мы сами-то там на птичьих правах».

(Удовлетворенное хихиканье «люденов».)

Б. Н.: Конечно...

<...>

В. К.: Борис Натанович, вопрос по поводу «Волн...» Вы задали очень интересный вопрос относительно того, может ли соответствовать действительности версия Сороки-Брауна.

Б. Н.: Да, это очень интересно. Что вы на это ответили?

В. К.: Я, честно говоря, прочитал повесть очень внимательно — и я не вижу ни малейшей зацепки, так сказать, допускающей соответствие этой версии.

Ю. Ф.: Есть... То есть, я хотел сказать, что есть одна-единственная зацепка. Она базируется на том, что мы знаем версию Максима, мы видим все с точки зрения Максима. Но Максим мог приврать, Максим мог утаить что-то, Максим мог просто позаботиться о своем собственном реноме. А факты приведенные... На основании имеющихся фактов — я абсолютно согласен с

Вадимом — мы не можем интерпретировать так, что Абалкин был...

М. Ш.: Тойво!

Ю. Ф.: ...Тойво был шпионом люденов.

М. Ш.: Однозначно.

Б. Н.: Я утверждаю вам в ответ на это, ребята, что вы не приведете мне *ни одного* примера, доказывающего, что он *не был* шпионом люденов. Все то, что там написано, может быть интерпретировано исходя из представления, что он *был* шпионом. Абсолютно все, что там написано. Абсолютно все!

М. Ш.: Нет смысла...

В. К.: Я хотел бы вам возразить.

Б. Н.: Да, пожалуйста.

В. К.: По крайней мере одно обстоятельство, мне кажется, не влезает в эту версию.

Б. Н.: Да?

В. К.: Я имею в виду рапорт-доклад о «синдроме пингвина». Дело было закрыто, похоронено и однозначно интерпретировано. Никто заниматься какими-то иными интерпретациями не собирался в принципе! Тойво Глумов, по сути дела, добавив, так сказать, статистический материал, поставил выводы своих предшественников с ног на голову. С чего собственно и началось после-

дующее, так сказать, восхождение к Большому Откровению. Если бы этого не было, не было бы и всего последующего.

Б. Н.: История о «пингвинами», Вадим, как нетрудно сообразить, уводит все от Большого Откровения на тысячу парсеков. Вся история с «синдромом пингвина» переводит эту историю в историю Странников: «Это Странники шкодят! Странники шкодят!»

В. К.: Борис Натанович, правильно, но истории могло не быть вообще! Проще было бы известные события не трогать.

Б. Н.: А чем же занимается Тойво, по-вашему? Тойво-шпион занимаемся тем, что бросает камни по кустам. Он должен создавать ощущение, что Земля находится под пристальным вниманием Странников. Он же этим занимается всю дорогу! Страстный поклонник меморандума Бромберга, он всячески наводит КОМКОН на то, что Странники вот где-то рядом...

В. К.: Нет. Но он же и открывает люденов тем самым! Буквально подставляя их! Он добавляет все новые и новые кирпичики информации, позволяя количеству перерасти в качество.

М. Ш.: Это можно допустить только в одном случае...

Б. Н.: То есть, Вадим, вы считаете, что... Когда вы дошли до люденов, для вас это не была неожиданность?

В. К.: Была.

(Возгласы согласия среди «люденов».)

Б. Н.: И для Максима тоже. И для всех. Потому что все были уверены, что это Странники. Начиная с меморандума Бромберга вся история КОМКОНа была повернута против Странников.

Ю. Ф.: Но ведь, в принципе, это же просто название — «Странники», «людены». Большой разницы в проявлениях...

В. К.: Чисто терминологическая разница.

Ю. Ф.: ...нет никакой!

Б. Н.: Огромная! Странники — это нечто *внешнее*, нечеловеческое...

С. Л.: Вот именно.

Б. Н.: Людены — это рядом, вот!

(Борис Натанович картинно разводит руками. «Людены» — рядом. Вокруг.)

Ю. Ф.: Но ведь это тоже не люди!

Б. Н.: Что значит — «не люди»? Ведь они произошли... из нашей же... они не отличаются от людей, они живут среди людей.

Ю. Ф.: Но с таким же успехом можно представить себе Странника, не отличающегося от

человека и живущего среди людей.

Б. Н.: Это противоречит представлениям о тех Странниках, которые у нас описаны. Скорее всего, они, эти существа, вообще не гуманоиды. Насколько я помню, везде проводится идея, что скорее всего Странники — негуманоиды.

С. Л.: В «Попытке» это было сказано...

Б. Н.: И даже наоборот: где-то говорится... я не помню... в меморандуме Бромберга или где... что в конце концов, может быть, это ошибочное представление, что Странники — негуманоиды. В конце концов стопроцентного доказательства этого не существует. Такая фраза где-то есть.

С. Л.: В «Попытке» и потом в «Жуке»...

Б. Н.: То есть научное мнение совершенно однозначное: Странники — негуманоиды. Это *внешняя* угроза, это нечто внеземное. Все штыки должны быть направлены в Космос! Трудно придумать лучшее прикрытие.

В. Б.: Борис Натанович, а вот чисто логически это не укладывается: зачем вообще это нужно было? Только чтобы выиграть время?

Б. Н.: Конечно, конечно! Потому что людены, в общем-то, когда их «раскололи», оказались очень удачно...

В. Б.: Просто у нас было мнение, что если бы

не подсовывать вообще всю эту историю, то КОМКОН бы не вышел на них никогда.

Б. Н.: Ее нельзя было не подсовывать! Людены прекрасно понимали, что невозможно свою деятельность сделать бесследной. Но они же все время работают! Вот вся эта громадная работа, которую они предприняли по фильтрации человеческих организмов, — ну разве можно было это сделать бесследно? Ну хорошо — там в случае с «синдромом пингвина» нашлись какие-то дурацкие объяснения. А все эти случаи — в Малой Пеше... ну мало ли, что там еще? — китообразные... Они прекрасно понимали, что все это рано или поздно должно попасть в сферу внимания спецслужб. Не может не попасть! Читайте меморандум Бромберга по этому поводу.

В. Б.: Борис Натанович, а вы сами представляли для себя, когда писали, хотя бы примерное содержание этих самых лакун? То есть — что произошло с китообразными?..

Б. Н.: Очень, так сказать, общо. Это мы не детализировали. Честно говоря, нас это не очень интересовало — вот все эти мелкие детали.

В. Б.: Вам просто надо было обойти все эти детали или просто показать значительность?..

В. К.: Это просто прием такой...

Б. Н.: Нет, нам надо было показать, как это все работает. Вы понимаете: вот сидят четыре — или сколько там их? — трое людей. И вроде все нормально, и высочайшая техника землян, а возникают лакуны. Почему? Это же, в общем-то, демонстрация сверхмощи люденов!

Ю. Ф.: Так в местах, в которых эта сверхмощь стала проявляться — Логовенко делал эти лакуны сознательно?

Б. Н.: Конечно!

Ю. Ф.: Или делал, как говорится, «от балды»? Вот захотелось ему и...

Б. Н.: Конечно, конечно! Это все делается для того, чтобы показать: несмотря на то, что картина прояснилась, осталась угроза, остался страх, осталась тайна. То есть — никакой казанцевщины, никакой ефремовщины! Никто не бросается друг другу в объятья, и никакие женщины не раздеваются, чтобы показать свое прекрасное тело. Нету этого! Тайна, страх, недоверие — никуда от этого не уйдешь, когда сталкиваются две суперцивилизации. Вот для чего нужны были эти лакуны. А кто-то здесь спросил... *(Выясняется — весьма невнятно — кто что спросил.)* А, нет, не так... Мне показалось, кто-то меня спрашивает: сами-то вы что имели в виду, когда писали...

Ю. Ф.: Борис Натанович, возвращаясь к тому, что эти факты попали в сферу деятельности спецслужб. Я не представляю... вернее — плохо представляю себе возможности спецслужб. Но свести все это в единое целое — это, по-моему, слишком... Все эти настолько разрозненные и настолько разнообразные факты привести к общему знаменателю, в единую версию...

Б. Н.: Вы о чем?

Ю. Ф.: О том, что вы сказали, что эту деятельность невозможно было скрыть и что она рано или поздно должна была попасть в сферу внимания спецслужб. Ну, попала бы, ну и что? Ну, кто-то занимался бы «синдромом пингвина», кто-то занимался бы Пешей, как у вас написано... Как они вышли бы друг на друга? Это самое обыкновенное необъясненное чрезвычайное происшествие. А... это самое... место чрезвычайного происшествия закрыто. В архив. Так они там и пылились бы, в архиве...

Б. Н.: Вот почему вы так пренебрежительно относитесь к спецслужбам?

М. Ш.: Но вы сами...

Б. Н.: У них там многофакторный анализ, у них там, поймите, люди, которые специально сидят для того, чтобы устанавливать возможные связи

между явлениями, которые кажутся совершенно несвязанными. Ведь этим занимаются не только там, в XXII веке, — этим сейчас занимаются.

С. Л.: Борис Натанович, у вас же все-таки началось не с происшествия на Пеше, а с Тиссы. Отсюда...

В. К.: Но ведь это не дало никаких результатов!

С. Л.: Неважно, но уже сигнал был, и потому людены могли зашевелиться и подсунуть Тойво. Вот так. Это я просто на версию Бориса Натановича говорю.

М. Ш.: Нет, вы же сами пишете, что единственный человек, который начал это связывать, — это Тойво Глумов.

В. К.: ...который воспринимал эту проблему всерьез в такой организации, как КОМКОН-2.

Б. Н.: Ну людены что — дураки? Они что — должны были ждать, пока появится не Тойво, а Шмойво...

С. Л.: Я про то и говорю...

Б. Н.: ...который начнет копать не наружу, а внутрь?

С. Л.: Вот я и говорю, что это, может быть, просто, так сказать, засылка Тойво, если он шпион...

Б. Н.: Не лучше ли подослать своего человека...

С. Л.: Подготовка!

Б. Н.: ...который будет разыгрывать фаната...

С. Л.: Да-да-да!

Б. Н.: ...бредовой идеи, к которому никто серьезно относиться не будет и который будет все последствия неизбежных экспериментов людей сводить к той гипотезе, которая выгодна, то есть направлять их все в Космос? Но это же элементарная комбинация любой спецслужбы!

М. Ш.: Нет, но... судя по длительности этого процесса, я не думаю, что он гораздо более длительный, чем если бы действительно кто-то другой этим занимался и копал внутрь. Каммерер-то сообразил!

Б. Н.: То есть, Миша, вы хотите сказать, что людям нужно было понадеяться на авось? Авось не успеют, авось не сообразят, авось не разберутся... А если успеют? А если разберутся?

М. Ш.: Но ведь опять-таки...

С. Л.: Они не могли рисковать!

В. К.: Достаточно было держать своего человека в ближайшем окружении Каммерера — и все! Подглядывать...

Б. Н.: Его и держали.

В. К.: Не для принятия активных решений, а как глаза и уши.

Б. Н.: Вадим, я ведь... Во-первых, когда мы пи-

сали эту повесть, мы вовсе не имели в виду, что Тойво — люден. Конечно, он на самом деле не люден. Эта мысль пришла нам уже где-то в середине работы. И мы стали внимательно проверять: есть ли противоречия? И мы обнаружили, что этих противоречий нет. *Нет*. Все это можно интерпретировать так, а можно интерпретировать этак. Я ведь не хочу вам, Вадим, сейчас доказать однозначно. Заметьте, что и у Максима доказательства-то... Ведь то, что он там пишет по этому поводу, это же детский лепет! Ну вспомните эту жалкую фразу, которую он пишет. Что-то вроде того: «Ей-богу, честное слово, это не так». Ну что это такое? Это же несерьезно! Ему же тоже нечего сказать в ответ на эту версию на самом деле! Он не может ее опровергнуть.

В. К.: Он просто говорит, что он думает, пишет мемуар...

Б. Н.: Что он думает... Еще дело темное, что на самом деле Каммерер думает.

В. К.: Нет, но он просто это выдает...

Б. Н.: Он знает только одно: что опровергнуть эту версию он не может. И ему остается говорить только одно: «Честное слово, это не так!»

В. К.: Я исхожу как раз из документов, а все пояснения Каммерера — для меня это не дока-

зательство...

Б. Н.: А глумовские документы, как мне кажется, Вадим, абсолютно не доказательны. Они легко вписываются в версию ловкого, умелого шпиона. Все без исключения.

Ю. Ф.: Борис Натанович, вот вы сказали, что если бы они не потрудились... Ну, предположим даже, их бы и раскрыли — а что дальше? Когда их действительно Каммерер раскрыл, было 473 человека, и Комов потребовал, чтобы они покинули Землю... Они покинули Землю...

Б. Н.: Они покинули Землю не потому, что этого Комов потребовал.

Ю. Ф.: Да, они покинули по своим соображениям. Но успели они прогнать все 20 миллиардов землян через свои камеры?

Б. Н.: Ну, этого я не знаю.

Ю. Ф.: Вот если бы они продолжали работу свою на Земле, даже если бы об этой работе узнали?

Б. Н.: Этого я не знаю, Юра. И они не знают, что было бы, если бы их было всего 15–20 человек. Они этого тоже не знают.

Ю. Ф.: Не может Земля начать их истреблять! А пресечь их действия...

Б. Н.: Юра, вы не люден!..

(Дальше ничего не слышно из-за хохота «лю-

денов».)

С. Б.: Ой, Юра! Исключаем тебя из группы «Людены»...

(Придя в ужас от подобной перспективы, «людены» умолкают.)

В. К.: Борис Натанович, я занимался текстологической сверкой четырех вариантов «Волн» — для своих надобностей. И вот я выяснил очень интересные моменты, касающиеся как раз завершения всей этой процедуры. Это в самом начале мемуара — как ретроспективно, так сказать, Каммерер все это оценивает — и в самом конце, когда они подводят итоги. Так все-таки: завершился этот процесс деятельности люденов на Земле или не завершился? В разных вариантах текста — взаимоисключающие версии.

Б. Н.: Да. Да, Вадим, потому что там вмешалось, во-первых, начальство. Когда в «Знание — сила» была первая публикация, там нас просили сделать так, чтобы все людены ушли с Земли. Но на самом-то деле — они *живут* рядом с землянами, понимаете? И проблема абсолютно не решена. И что будет дальше — никто не знает. Большое Откровение ведь состоит только в том, что люди обнаружили свою — ну как бы это сказать? — конечность.

Ю. Ф.: Мировой Совет все-таки раскрыл, что на Земле существует другая раса?

Б. Н.: Да, конечно, это невозможно было держать в тайне. Конечно, это было раскрыто, и это и было Большим Откровением. Я бы... Вообще, честно говоря, если серьезно подумать... Мы думали над этой темой, но я не представляю себе, вообще говоря, последствия этого для, так сказать, общей психологии человечества. Я не представляю себе, как человечество может...

(«Людены» устраивают диспут о судьбах человечества, не отличающийся особой внятностью.)

Ю. Ф.: ...ведь они должны покинуть Землю!

Б. Н.: Но с другой стороны — с какой стати?

Ю. Ф.: Нет, но ведь принято решение — убрать их с Земли, — и все вздохнули с облегчением...

В. К.: Но процесс-то идет!

М. Ш.: А вдруг там и кто-то еще?

Б. Н.: Да и вообще даже не в этом дело. Убрали вы с Земли их — ну и что? Этим вы не решили ни одной проблемы. Все равно каждый день рождаются люди, люди, люди...

С. Л.: Конечно!

Б. Н.: ...и одним из них дано стать богом, а другим — нет. Причем ничтожному меньшинству

дано, а подавляющему большинству — нет!

Ю. Ф.: Борис Натанович, а вот фраза, что это не результат биологической эволюции. Там же фраза, что это остаток древней какой-то мутации. Значит, не биологическая...

Б. Н.: Ну, в каком-то смысле — да. Но имеется в виду не то, что, вот, был, значит, неандерталец, потом стал кроманьонец. Не это имеется в виду. Это было *всегда* в людях. Но вот в результате искусственного воздействия на какие-то штучки-дрючки в генном аппарате удалось получить... Это нельзя называть биологической эволюцией.

Ю. Ф.: Нельзя. Здесь же общество технотронное.

Б. Н.: Обязательно. *(Чья-то неразборчивая реплика.)* Нет-нет, это же искусственный процесс! Человек, предоставленный сам себе, останется человеком, он никогда не станет люденом. Для того, чтобы человек стал люденом, нужно: а) иметь определенные потенции, и б) нужна определенная технология, чтобы эти потенции задействовать.

В. К.: Борис Натанович, а чем не понравилась редакторам фраза, что и внутри люденов идет расслоение по каким-то более высоким параметрам?

М. Ш.: Четвертая и пятая системы...

В. К.: Нет, четвертая и пятая — это было, а вот там четко и категорично сказано, что это ливневый процесс и что эволюция продолжается, так сказать... раскол, грубо говоря, на высшую и низшую расу идет уже внутри люденов...

Б. Н.: Я помню эту фразу, но я совершенно первый раз слышу, что она вылетела из «Знание — сила». Ее нет там, да?

В. К.: Ее нет нигде, кроме ленинградского сборника. Совсем нет.

Б. Н.: Просто не знаю, Вадим, почему. Представления не имею, почему.

В. К.: То есть, понимаете, есть какие-то вещи, которые...

Б. Н.: Необъяснимые?

В. К.: ...с точки зрения осторожного редактора объясняются элементарно. Вот эта фраза по поводу отношения феодального раба Арканара и осторожного буржуа к коммунизму — это абсолютно ясно.

Б. Н.: Тоже выброшено, да?

В. К.: Конечно. Фраза по поводу бара, в котором полным-полно всяких напитков, для публикации 85-го года и перепечаток с нее — тоже...

Б. Н.: Ну, напитки — да, конечно...

В. К.: А вот это — необъяснимо.

Б. Н.: Вадим, знаете, я не помню. Это ведь может быть следствие — смотрите — не обязательно сознательного воздействия... Это может быть ошибка при перепечатке: машинистка перепечатывала и пропустила. Это может быть очень частая причина: не влезает в объем, надо выбросить две строчки. И вот выбрасывают какие-нибудь такие, которые не нарушают смысла. Теоретически это может быть и такой вариант: когда мы потом эту рукопись прочитывали, пришла в голову эта мысль... Это маловероятно, но такие вещи тоже бывали. Так что тут причин много.

<...>

С. Л.: Но параллели вот эти — опять же Город на Марсе, который появляется...

В. Б.: Камилл упоминается.

С. Л.: Камилл... Вот эти все дальние параллели — они случайны или введены специально?

Б. Н.: Нет, они, конечно, не случайны. Ну, я так себе это представляю... хотя этот процесс, конечно, на самом деле неосознанный, но, по-видимому, это происходит таким образом. Авторы ставят перед собою задачу: мы напишем эту повесть в виде псевдодокумента. Это исходная задача, так? Эта

задача сама по себе порождает необходимость создания определенного антуража, который в других случаях мог бы и не понадобиться. Раз это документы, значит мы не можем просто писать в этих документах только то, что необходимо для действия. Документ есть документ: там должны быть вещи, которые прямого отношения к действию вроде бы и не имеют. Значит, мы должны придумывать какой-то дополнительный антураж. Если у нас есть уже какой-то готовый антураж, мы его, естественно, туда засовываем. Так? И Города на Марсе, и Камилл — все пойдет в строку. Но если этого не хватает, надо придумывать что-то новое. Появляются какие-то абиссальные лаборатории и какие-то аббревиатуры, которые я сам уже сейчас не могу расшифровать, хотя в свое время это как-то там придумывалось, что это там какая-нибудь Глубоководная Исследовательская Обсерватория По Наблюдению Головоногих, так? Но никто же не станет писать это в рапорте, эту длинную штуку, верно? Он просто напишет там... ГУМБРАН. Так и пишется — ГУМБРАН.

С. Л.: Во всем мире это знают...

Б. Н.: Да, во всем мире... Ну, не во всем мире, но во всяком случае здесь, в этом отделе это знают. Это чисто антуражный вопрос, вещь совершенно

неизбежная в фантастике вообще и в псевдодокументальной фантастике — в особенности.

В. Б.: Но ведь многие вышли бы из положения очень просто: создавая, так сказать, свеженькие названия, свеженькие организации, совершенно не касаясь предыдущих миров...

Б. Н.: Можно и так, но зачем? У нас есть единый мир, несколько повестей подряд, написанных об этом мире.

<...>

В. К.: Борис Натанович, вы считаете, что этот мир закончен «Волнами» или дальше будет что-то еще?

Б. Н.: Я уже много раз, Вадим, говорил и повторю еще раз. У нас задуман... то есть, у нас полностью готов сюжет одной вещи — история проникновения... как это называется — операция «Белый Ферзь», что ли? В «Волнах...»?

Ю. Ф.: Операция «Вирус».

Б. Н.: ...или операция «Вирус»? Я уже забыл.

Ю. Ф.: Два названия.

Б. Н.: Так и так называется — да. Вот на эту операцию... У нас есть подробно разработанный сюжет этой операции. Максима Каммерера забрасывают в Островную Империю с единственной целью: выяснить, что произошло с Тристаном.

М. Ш.: То есть ответить на первый вопрос «Жука...»

Б. Н.: Да, это первый вопрос «Жука...»: что же там произошло все-таки? И заодно он там испытывает разные приключения, обнаруживает... изучает устройство Островной Империи.

В. Б.: Есть шанс, что вы реализуете этот замысел?

Б. Н.: Черт его знает. Боюсь вам сейчас соврать...

В. Б.: То есть это и не открытый и не закрытый вопрос?

Б. Н.: Я не говорю ни «нет», ни «да» — так давайте договоримся.

С. Л.: Всегда есть шанс...

(«Людены» шумно, но неразборчиво усваивают информацию.)

С. Б.: Борис Натанович, еще один вопрос. А кроме? Это ладно, это сделано вроде бы, лежит... А кроме этого?

Б. Н.: Это не сделано, это только продумано.

С. Б.: Да, продумано. А кроме этого сейчас идет у вас работа?

Б. Н.: У нас есть еще один продуманный... И даже какой-то черновик набросанный есть. Но это не из этого мира. Или вы говорите — вообще?

С. Б.: Вообще.

Б. Н.: Есть, конечно. У нас сейчас две вещи есть, так сказать, очень близкие к окончанию, но... То есть вот эта история с Максимом — она полностью расписана, но не дописана. И есть еще черновик одной вещи, по которой у нас возникли разногласия. Она тоже, в общем-то, близка к завершению...

Ю. Ф.: Это об одном из миров, уже бывших?

Б. Н.: Нет-нет-нет, это о современности.

Ю. Ф.: Борис Натанович, вопрос такой. Вы обратили внимание на реакцию фэнов на то, что существует роман о приключениях Максима Каммерера в Островной Империи? То есть...

Б. Н.: Романа не существует.

Ю. Ф.: Нет, но существует возможность его когда-нибудь узреть. Я имею в виду — как бы это сформулировать? — что все-таки даже такие люди, как мы... Хочется в первую очередь почитать приключенческую вещь, а уж потом мы воспринимаем все, что там... по мере сил воспримем все, что там заложено. То есть, читатель вам все-таки какой больше импонирует в этом отношении? Обижает ли вас, что даже такие опытные люди, как мы, «профессиональные» читатели...

М. Ш.: ...любят приключения!

(Очень оживленный, но совершенно неразборчивый диспут «люденов».)

Ю. Ф.: Да, действительно. Ну хочется вот про Максима еще прочитать!

Б. Н.: Я сам люблю приключения. Здрассте! Чего это я должен обижаться? Я сам предпочитаю остросюжетную литературу. Сам! И Аркадий Натанович, кстати говоря, тоже. Наши любимые книги — это книги все без исключения остросюжетные, так что тут ничего дурного я в этом не вижу. Просто остросюжетные книги тоже бывают плохо написанные и хорошо написанные. Так что я не вижу ничего дурного в том, что фэнам хочется это продолжать. Но вся беда в том, что *нам* не хочется! Вот в чем вся беда.

Ю. Ф.: Вот я об этом и хотел сказать. Вы как-то сказали, что у вас нет какой-то основополагающей идеи, вокруг которой можно бы...

Б. Н.: Не *идеи*! Дело не в этом. Вот есть некий роман про Максима Каммерера. Мы прекрасно понимаем, что этот роман будет интересен сотням тысяч читателей. Мы это понимаем. То есть, если бы мы этот роман написали, это был бы не пустой труд, он пошел бы... Но этого мало. Этого сознания мало! Надо еще, чтобы было какое-то внутреннее убеждение. Мало того, что этот роман

нужен Флейшману. Надо, чтобы он еще Стругацким был нужен! Вот этой необходимости мы не чувствуем. Вот в чем вся беда! И поэтому время от времени — раз в два-три месяца — мы снова возвращаемся к этому сюжету, начинаем там что-то обдумывать, а потом смотрим друг на друга и говорим: «А-а...» Внутренней потребности нет.

С. Л.: Ну хорошо, Борис Натанович, а как вы относитесь к тому, что я, Миша, Вадим к вашему этому миру, начиная со «Страны багровых туч» и кончая «Волнами...», неровно дышим. Мы его уже пытаемся чуть ли не препарировать по кусочкам, раскладывать...

Ю. Ф.: Рассматривать его как реальный...

С. Л.: Нет, не то чтобы мир был реальный... Это тот мир, который, во-первых, ностальгический — с самого начала детства, а во-вторых, просто тот мир, который для нас представляется хорошим все-таки, несмотря на многое в нем. И он целостный! И нам интересно его препарировать. Как вы к этому относитесь?

*(Попутно «людены» выясняют вполголоса, как **они** к этому относятся.)*

Ю. Ф.: ...И необходимость препарировать...

В. К.: ...исследовать!

Б. Н.: Нет, ну как я к этому отношусь? Я отношусь

к этому с определенной гордостью, что нам удалось все-таки создать мир, вызывающий такой интерес у читателей. Это не каждому удается.

С. Л.: Тем более — утверждается, ссылаясь на вас, что этот мир создавался как цельный мир практически несознательно.

Б. Н.: Конечно, мир создавался несознательно. Но коль скоро этот мир возник (а он возник где-то в самом начале 60-х), мы уже старались в нем оставаться...

С. Л.: И более или менее его придерживались?

Б. Н.: Ну, естественно, за исключением тех случаев, естественно, когда уходили в совершенно другие проблемы. Конечно, этот мир возник на самом деле под давлением обстоятельств. Если бы мы начинали писать не в конце 50-х, а в конце 80-х, то, конечно, мы бы такого мира, скорее всего, просто не создали. Ведь этот мир — это мир... с одной стороны, этот мир позволял... давал прикрытие для того, чтобы писать о каких-то таких вещах, о которых напрямую писать нельзя. «Жук в муравейнике» — классический пример. Или «Трудно быть богом». Нельзя было написать об этих вещах, которые там содержатся, прямо — ни в какой повести, ни в каком романе. Это бы просто не опубликовали. Мир давал прикрытие.

Это во-первых. Во-вторых, этот мир позволил выразить все-таки какие-то идеи о том, чего мы хотим. Он давал некую отдушину, понимаете? Вот поэтому он и возник. А когда чувства, так сказать, внутри нас закипали недобрые и когда в рамках этого мира оставаться было уже трудно — вот тогда появлялся какой-то «За миллиард лет до конца света», приходилось уже выходить за пределы и искать какие-то другие способы и пути. Конечно, у нас должно быть разное отношение к этому миру. Я чувствую, что разное. Для нас этот мир все-таки условность. А для вас... Вот вы высказали, Сережа, что это вроде реальности — и вас там стали одергивать сразу... но на самом деле это для вас такая же реальность, как для меня... я не знаю там... мир «Машины времени». В вашем возрасте я очень любил этот роман, для меня это была совершенно реальная вещь, и я ею восторгался просто...

В. К.: Более того, Борис Натанович, воспринимается весь этот цикл о будущем мире как одна большая вещь. Поэтому при всем том, что мы, допустим, знаем, что вы очень негативно относитесь к «Стране багровых туч», именно поэтому мы ее и приемлем. Это тот, так сказать, краеугольный какой-то кирпичик, с которого все

это начинало строиться. Выдернуть его из этого здания уже как-то...

С. Л.: Рухнуть не рухнет...

В. К.: Нет, рухнуть не рухнет, но...

С. Л.: Мы видим тех же самых Юрковского, Дауге и всех в молодости просто-напросто.

В. К.: В целом возникает какая-то внутренняя логика. А причины — это понятно. Есть много правды в том, почему вы не хотите ее переиздавать. Это все понять можно, так?..

Б. Н.: А что вот именно можно понять? Как вы, интересно, это понимаете — почему мы не хотим переиздавать «Страну багровых туч»?

С. Б.: А вы знаете — у вас есть отрывок в «Хромой судьбе» именно на эту тему.

Б. Н.: Ну и что там? Я не помню.

(«Людены» совещаются.)

С. Б.: Нет-нет-нет...

М. Ш.: Света что-то другое имеет в виду.

С. Б.: Именно в «Хромой судьбе». «И не два мне года было, а уже двадцать два...» Как там дальше?

В. К.: Что демонстрировать подобные вещи — это все равно что...

Б. Н.: Не знаю, во всяком случае, вся беда в том, что это плохо написано на самом деле...

С. Б.: Ну да, я имею в виду, что вам, наверное, неприятно...

Б. Н.: Дело не в том, что там написано, а дело в том — *как* это написано. Ну невозможно-то подписываться сейчас под этим! Всякий человек, знающий творчество Стругацких, заметит, что «Страна багровых туч» стоит особняком, она написана в совершенно другой манере, не в той манере, в которой написана... там даже... «Путь на Амальтею»...

В. К.: Я бы сказал, что с «Извне» вместе...

Б. Н.: И «Извне» тоже.

С. Б.: А я бы сказала — «Повесть о дружбе и недружбе».

Б. Н.: Вот эти две вещи. «Повесть о дружбе и недружбе» — ну, она стоит особняком, потому что она, так сказать, нарочито детская вещь. Специально детская. Она в этом смысле, конечно, стоит отдельно. И поэтому ее, может быть, и не стоит в этот ряд ставить. Так же, как и «Жиды города Питера» — эта пьеса тоже не настолько похожая... Нет, а вот эта вещь — именно фантастический роман о будущем. А вот тем не менее совершенно не... потому что мы тогда еще не... не было нашей манеры, не существовало. И «Извне» сюда же относится, безусловно. Это две наши ранние

вещи, самые первые, по сути дела. Естественно, там манера еще не отработана. Неохота это... Это надо переписывать, но переписывать нельзя. Это как бы нечестно получается — переписывать.

В. К.: Это манера Александра Петровича Казанцева.

(Всеобщее веселье.)

М. Ш.: В свете последних решений продолжает улучшать...

В. К.: Десять вариантов «Пылающего острова» в зависимости от последних постановлений партии и правительства.

Ю. Ф.: Не просто от последних постановлений, а он «приводил специально коллизии международных условий в соответствие с сюжетом романа...»

В. К.: ...в соответствие с сюжетом романа. Не сюжет с коллизиями, а наоборот.

Б. Н.: Да нет, мы, конечно, издадим «Страну багровых туч», безусловно. Обязательно издадим. Может быть, там немножечко подправим... стилистику там, какие-то благоглупости. А может быть — и не будем подправлять. Перечитывать противно, вот в чем дело-то. Ведь для того, чтобы хоть как-то подправить, надо же все это читать. Я пробовал несколько раз... Я не могу этого читать!

Вот для меня это читать — все равно что... я не знаю... читать Казанцева. Ну, то же самое совершенно, такое же ощущение...

(Негодующий ропот «люденов».)

С. Л.: Извините, ради бога, но вы неправы совершенно!

Б. Н.: Ну ладно... Ну просто...

С. Л.: Вот чем еще «Страна багровых туч» хороша — она полезна. Во всяком случае, для нас. Для тридцатилетних и чуть больше. Она показывает... как бы сказать?.. ну, может быть, даже доведенную до розовых соплей и всякого прочего вот ту вашу мечту, которая была зарождена вот этой чертовой хрущевской оттепелью, которая погибла — и мечта вместе с ней погибла. То есть, мы сейчас можем посмотреть — на что надеялись тогда вы.

Б. Н.: Ну, я понимаю, что вот с этой точки зрения, конечно, это имеет определенную ценность.

С. Л.: Да нет, знаете, это очень поучительно, я вам скажу. Потому что я со многими ребятами с молодыми — 17–16 лет, — с ними переписываюсь. И если разговор идет насчет «Страны багровых туч», кто пишет, что считает ее пародией, кто пишет, что просто-напросто ерундистика, только интересно, действительно, как там: прилетели,

победили, убежали и все такое прочее. А вот я им пишу: ребята, вы сделайте поправку на время, на самый-самый конец 50-х — начало 60-х, именно это время. И почитайте то, что в газетах...

Б. Н.: Это ведь читателю неинтересно, Сережа, на самом деле. Какое мне дело там?..

М. Ш.: Не всем, не всем...

(Одобрительный шум общественности.)

Б. Н.: Ребята, ну кто сейчас будет читать «Божественную комедию», имея в виду, что это на самом деле гигантское сатирическое произведение, публицистический спор между какими-то там... гведолинами и...

С. Л.: Или Свифта тогда возьмем, да?

Б. Н.: Да, или Свифта. Ну кто будет там «Сказку бочки» читать сейчас? Это же никому не интересно. А когда мы читаем про лилипутов и Гулливера, нам в голову не приходит, что это, оказывается, тоже памфлет политический...

В. Б.: Нет, пока все-таки это имеет значение...

Б. Н.: Ну, может быть...

А. Керзин: Борис Натанович, «Страна багровых туч» имеет очень четкую и характерную временную привязку. Это атрибут ли?

Б. Н.: Ну, наверное. А вам не кажется, что вообще-то любая вещь, написанная от души, не

халтура — любая имеет четкую...

А. К.: В силу этого нельзя ли сказать, что «Аэлита» Толстого неинтересна, потому что черт с ней, с гражданской войной, раз она давно прошла?

Б. Н.: Нет, это совершенно неправильно. Для меня-то «Аэлита» — это вообще вечная книга. Я, наверное, так уж и умру ее любя. Я очень люблю эту вещь. Блистательно написана...

А. К.: Не знаю, как насчет «Аэлиты», а «Страна багровых туч» — это для меня вечная книга... *(«Людены» смеются.)* Потому что это практически первая книга фантастики, которую я прочел. В 59-м году. Нет, я не хочу сказать, что это первая книга фантастики, которую я прочел вообще. До того я... В читальном зале Ленинской библиотеки все эти горы фантмакулатуры — богатые. Но это книжка, которую я оставил у себя...

Б. Н.: Понятно. Но вообще таких особых гор-то в то время не было.

(«Людены» обсуждают — было или не было.)

М. Ш.: Тут есть один маленький нюанс. Если брать вообще произведения братьев Стругацких на момент времени — ну, для человека, которого действительно интересует фантастика — и сравнивать со всей остальной советской фантастикой...

В. К.: ...того времени...

М. Ш.: ...то это — установленная планка.

Б. Н.: Да, ну я понимаю. Что же вы меня убеждаете, ребята? *(Смех в публике.)* Я понимаю, что эта вещь должна остаться, что она должна переиздаваться — я все это прекрасно понимаю. Но просто свои антипатии никуда не денешь...

(«Людены» обсуждают, куда можно деть антипатии.)

<...>

В. К.: Борис Натанович, следует ли понимать так, что последняя редакция «Сказки о Тройке», которая сейчас в «Избранном» напечатана, — это вариант, который вас наиболее удовлетворяет?

Б. Н.: Ну, Вадим, я вам скажу, как родному, как людену людену я вам скажу... *(Хихиканье «людено-в».)* ...что, когда возник вопрос об издании этого двухтомника, мы сели с Аркадием Натановичем, вооружились двумя вариантами и задались целью — их совместить. И уже через два дня, по-моему, мы поняли, что для того, чтобы настоящий сплав создать, нам понадобится несколько месяцев. Желания не было этим заниматься никакого, поэтому мы пошли по самому простому пути: мы выбрали ту главку, которая нам казалась такой, с одной стороны, вполне законченной

и отдельной, а с другой стороны — достаточно наполненной хохмами. Вставили ее — и решили больше этим не заниматься.

Ю. Ф.: Соответствие было бы все-таки...

(Дальнейшие слова Верховного Координатора тонут в гаме «люденов», обсуждающих, какая часть лучше.)

Б. Н.: Кому это интересно, Юра? Вы странный человек! Это интересно знатокам, специалистам...

В. К.: ...все это читать. Или хотя бы издать все под одной обложкой для какой-то части читателей.

Ю. Ф.: Нет, но, Борис Натанович...

Б. Н.: Вот Аркадий Натанович довольно равнодушно к этому относится, а я, например, просто на порядок выше люблю авторский вариант. На порядок больше! Я их вовсе не одинаково ценю.

В. К.: А концовка чья вам больше нравится?

Б. Н.: Концовка мне как раз больше нравится в «толстом» варианте.

В. К.: Почему?

Б. Н.: Потому что концовка в «ангарском» варианте — это типичный «дэус экс махина»...

В. К.: Правильно.

Б. Н.: ...типичный! То есть, это авторы... Эта концовка не содержит ничего, кроме откровенного

признания авторов: ребята, как выйти из этого положения, мы не знаем. Все — и больше ничего нет. Что же касается «толстого» варианта, то там есть, согласитесь, некоторое сатирическое изящество — в этой концовке.

В. К.: Безусловно.

Б. Н.: То есть автор в рамках сатирического произведения придумывает совершенно реалистическую... не фантастического, а сатирического произведения!.. придумывает совершенно правдоподобную концовку: загрузить этих бюрократов ерундой, а самим заниматься настоящим делом. Это, между прочим, идея, которая и сейчас меня не оставляет. Мне и сейчас кажется, что нужно оставить партию, военно-промышленный комплекс, всех этих военных, всем им хорошо платить... *(Нарастающий ропот общественности.)* ...оставить им дачи, давать большие пенсии, но при одном условии — чтобы они не вмешивались в экономическую жизнь. При одном условии!

В. К.: Борис Натанович, есть маленькая деталь. Чем мне всегда не нравилась вот эта «большая» концовка — это неким попранием морально-этических норм ученых. И не только ученых. Они выходят из ситуации лишь тогда и только тогда,

когда начинают играть по правилам Тройки. А это, так сказать, вещь достаточно неприятная. Это сеет иллюзии, что любого бюрократа достаточно объехать на кривой козе...

Б. Н. *(смеется):* Вадим, а вы считаете, что призвать Хунту — это не играть по правилам Тройки?

В. К.: Да, вот здесь я согласен, между прочим, с вами совершенно, что это откровенное признание невозможности выхода из этой ситуации. Но уже сама эта откровенность признания мне, в общем-то, всегда была мила...

Б. Н.: Ну вот, видите, Вадим — это, очевидно, чисто, так сказать, личное отношение у вас.

М. Ш.: Но вы рассматриваете этот конец как поражение Тройки или?..

Б. Н.: Конечно.

М. Ш.: И тем самым... Это же внушает мысль: значит, бюрократия непобедима.

С. Л.: Для того, чтобы убить дракона, надо самому стать драконом.

Ю. Ф.: Конечно!

М. Ш.: Если ты пытаешься как-то играть в эти игры... Либо ты просто в этой системе не участвуешь, либо...

(Невнятная дискуссия, как не стать драко-

ном.)

<...>

В. К.: Вот еще о чем поговорить из последнего чуть-чуть хотелось бы. У вас какая-то читательская почта есть на «Жиды города Питера»? Потому что понятно — критики как таковой по сути дела не прозвучало.

Б. Н.: Читательская почта... *(Задумывается.)* Что-то вообще было, но я как-то... Вы знаете, «Жиды...» — они как-то... Я сейчас вспоминаю, где больше диапазон был. Нет, все-таки по «Отягощенным злом» больше был диапазон. Ну, «Жиды...» — они как-то так восприняты... довольно спокойно в общем-то. Тут нет ни особых восторгов, ни особых инвектив в наш адрес. Я просто даже, честно говоря... мне даже не за что зацепиться, чтобы как-то поинтереснее на ваш вопрос ответить. Я не вспоминаю ни смешных писем, ни, наоборот, восторженных. Нету этого.

<...>

С. Б.: Борис Натанович, вы мне писали в последнем письме — я вам еще не ответила, я могу ответить устно. Вы мне говорили, что вашему поколению, так сказать, сломали хребет, и оно неспособно...

Б. Н.: Так.

С. Б.: А я как раз говорила о нашем поколении...

Б. Н.: Вспомнил наконец-то! Конечно, и Света в том числе! Я то ли два, то ли уже три получил письма, где в этой пьесе почему-то читатели обнаружили идею непротивления злу насилием. Вот и Света в том числе. Меня это страшно удивило. Ну я, в общем, могу себе, конечно, представить, что такая интерпретация возможна. Но мне кажется, что там, в общем, совершенно очевидно речь идет не о том, что люди не хотят сопротивляться злу. Речь идет о том, что они *не могут* сопротивляться!

С. Б.: Борис Натанович, это люди того поколения, вашего поколения. А нашего? Вот старший сын...

Б. Н.: А люди вашего... Старший сын — он папенькин сынок. Он тоже сломан, он тоже забитый, вялый, рохля...

С. Б.: Мы не сломаны, мы просто так воспитаны...

(Дебаты, кто как воспитан.)

Ю. Ф.: Борис Натанович, но ведь не всему вашему поколению сломали хребет. Сопротивление же всегда было. Солженицын тоже ведь...

Б. Н.: Я же говорю не об отдельных представителях поколения, я говорю о *поколении*. О

поколении! Поколение, растоптанное в 30-х годах, дало таких людей, как Солженицын и Сахаров. Они же из того поколения родом. Но это вовсе не характеризует поколение 30-х годов. Это «выродки» поколения 30-х годов. Это те самые фигуры, которые должны внушать нам оптимизм, и это те самые исключения, которые свободно подтверждают правило. И я думаю, что если ты анализируешь эту проблематику, ты, конечно, не должен забывать про Сахарова и Солженицына, но ты должен при этом понимать, что не они определяют лицо поколения.

В. Б.: Борис Натанович, там пропуск такой: там нет сорокалетних, там нет нас, которые успели чуть-чуть глотнуть шестидесятых годов и, может быть, этот перелом произошел не так сильно.

Б. Н.: Ну, Володя, что я могу вам сказать? Ну мало ли чего там нет! Конечно, там многого нет.

В. Б.: Я про то, сознательно все-таки вы сделали...

Б. Н.: Нет, я думаю, что несознательно. Нам нужно было обнажить некую идею, понимаете? Ведь что такое эта пьеса? Это реакция на эйфорию, которая охватила многих наших друзей. Мы эту эйфорию просто видим. Кажется, что все позади, что все проблемы решены, что все о'кей, что про-

шлое не вернется, что народ уже не тот. Вам что, не приходилось таких разговоров слышать?

М. Ш.: Сколько угодно...

С. Л.: Сами так говорили...

(«Людены» соглашаются, что да — было дело.)

Б. Н.: Нам — приходилось. И нам захотелось сказать, что все не так просто. И народ не тот, и назад вроде не повернуть — все это верно. Но ведь при всем при том — «нация рабов, сверху донизу все рабы», и никуда ты от этого не уйдешь, и нельзя, и преступно это забывать. И если вообще на кого-то можно надеяться, то надеяться можно только на 20-летних, которые всем хороши, но десантники, но омоновцы они! Они гангстеры по психологии своей. Опять же я имею в виду, конечно, массовую психологию, а не психологию отдельных людей.

В. Б.: У вас же получился даже не десант, не гангстеры, а...

В. К.: Люмпеновская!

В. Б.: ...скорее стая.

Б. Н.: А?

В. Б.: Скорее — стая.

Б. Н.: Ну какая разница — стая... Это одно и то же.

М. Ш.: Конечно, это тоже в общем-то относится.

Б. Н.: Это оно и есть. Оно и есть — отсутствие принципов каких бы то ни было вообще. Если в мое время было сколько угодно людей совершенно аполитичных, которые, скажем, были совершенно равнодушны там к красным знаменам, к товарищу Сталину, — это на самом деле такими они и были, и политические принципы для них не существовали. Но для них существовали принципы... ну я не знаю... элементарной нравственности, принципы запорожцев, принципы бурсацкие хотя бы существовали там: «Сам погибай — товарища выручай», например. Уж куда ниже опускаться? А когда я современную молодежь наблюдаю, я чувствую, что у них и этого нет. Можно будет своего друга близкого продать на 25 рублей дороже — продадут. Какое-то полное отсутствие вообще каких бы то ни было нравственных канонов. Нет нравственности — вот такое впечатление сплошь и рядом возникает. Хотя при всем при этом — интеллигентные, хорошо одетые, с хорошо подвешенным языком, остроумные, вроде бы даже симпатичные. И внутри вот как... помните — Кельвин рассматривал кровь Хари? Вот там сначала крупные молекулы, потом меньше молекулы, потом атомы, а потом — бац! — пустота, ничего под атомами нет. Так

и здесь. Вот, собственно, о чем шла речь в пьесе. Ну, конечно, мы не претендуем, господи, ни в какой степени на истину в какой бы то ни было инстанции и вообще не претендуем. Эта вещь, вообще говоря, она... Я не могу сказать, что эта вещь продуманная, это вот то, что называется — выстраданная. Это, в общем, написано не столько разумом, сколько сердцем.

<...>

Ю. Ф.: Многие посчитали эту вещь конъюнктурной и написанной под момент... что Стругацкие быстренько...

Б. Н.: Ну, во-первых, не быстренько.

Ю. Ф.: ...подсуетились и написали эту самую пьесу.

Б. Н.: Я понимаю, что так можно понимать все это дело. И в каком-то смысле это, безусловно, так и есть. В известном смысле эта вещь — конъюнктурная, потому что она именно *сегодня* нужна. Я не знаю — может быть, завтра уже она и не будет иметь смысла. Ну, слова «подсуетились» — это не совсем то, конечно, что хотелось бы услышать...

М. Ш.: Это остается на совести Координатора...

Ю. Ф.: Да...

М. Ш.: ...эта формулировка.

В. К.: Нет, это не на совести Координатора оста-

ется...

Ю. Ф.: ...а на совести говоривших.

В. К.: Мне многократно приходилось слышать нечто подобное этому утверждению. К сожалению, мимо массового фэнства эта вещь пролетает...

Ю. Ф., М. Ш.: Пролетела.

Б. Н.: Ну, это не удивительно, Вадим. Эта вещь — совершенно не для массового фэнства. Она вообще, строго говоря, даже и не фантастическая. Так что массовое фэнство здесь вообще ни при чем.

С. Б.: Борис Натанович, такой вопрос. Много читали ваших интервью на тему: какие книги вам нравятся больше, какие авторы вам нравятся больше. А вот такой вопрос: за последнее время что вы прочитали, что вам понравилось больше всего?

Б. Н.: Очень трудно ответить на этот вопрос. Но я могу сразу вам сказать, что вот я в 11-м номере «Знамени» прочитал прекрасную совершенно повесть Бондарева... то есть, Бакланова, извините, которая называется «Свой человек» и которую всячески рекомендую вам прочитать. Это просто первое, что в голову придет. А вообще надо сказать, что я читаю сейчас художественную ли-

тературу очень мало. У меня на это нет времени, потому что основное время я трачу на чтение газет и журналов; экономика там, политика, социология. И вот на это все время уходит. Да и, конечно, огромное количество работ семинара — сейчас я просто завален рукописями.

С. Б.: А из рукописей что больше всего?

Б. Н.: Я с удовольствием могу вам сказать: довольно много хороших вещей появилось. Во всяком случае, в фантастике. Во-первых, Слава Логинов мне дал недавно последний свой рассказ, очень недурной. Называется «Миракль обыкновенного дня» или что-то в этом роде. Очень неплохой рассказ. Потом что? Я очень порадовался, прочитав Юлия Буркина, мне понравилась его повесть про василиска. «Бабочка и василиск», да? Так называется? Что там еще было такое запомнившееся? Вот сейчас я читаю рукопись, автора не помню, называется «Империя, Город, ящеры». Не читали? Вот такой вот толщины фолиант, я сначала думал, что вообще читать его не буду. Но чувствую, что это надо прочитать. Очень странная и... страшная вещь. Я не знаю, кто это опубликует — громадный размер, форма очень сложная, там переплетение абсурдных событий. Написал очень талантливый человек. Вообще

талантливых много. А читали вы новый роман Столярова «Монахи под луной»? Нет еще? Тоже он недавно закончил очень хороший роман. Ну, и куча, как говорится, барахла всякого. Очень много...

<...>

В. К.: ...противоречие текста.

Б. Н.: ...но на самом деле, как известно, любой достаточно обширный текст порождает... может, способен порождать прямо противоположные идеи и... э-э... объяснения и все, что вы...

В. К.: Не входящие в противоречие.

Б. Н.: Не входящие в противоречие ни с текстом, ни друг... Но входящие в противоречие друг с другом.

В. Б.: Нет, здесь, Борис Натанович, мысль даже немножко не такая. Что мы *имеем* право теперь, после того, как вещь опубликована, авторы, вообще говоря, теряют...

Б. Н.: Конечно.

В. К.: Безусловно.

С. Л.: Авторские права.

(Смех.)

Б. Н.: Безусловно. Как только автор выпустил свою вещь в свет, эта вещь начала жить своей жизнью. Я ведь говорил уже, что я считаю самы-

ми интересными тех литературоведов, которые как раз рассказывают о жизни произведения как некоего вот явления общественной жизни. Именно это дает право и литературоведу, и любому читателю высказывать любые соображения по этому поводу.

<...>

В. К.: Борис Натанович, а вот такой вопрос. В «Хромой судьбе», в журнальной, вот у вас появилось несколько кусков, которые... которых не было ни, так сказать, в первоначальной авторской рукописи, ни после.

Б. Н.: Да.

В. К.: Это все-таки какие-то заделы к первоначальной рукописи или специально писалось только для журнала?

Б. Н.: Специально писалось только для журнала. Значит, журнал, несмотря на то, что это была, так сказать, уже перестройка, казалось бы, но, с другой стороны, это было только самое начало перестройки, и Никольский всего боялся, и он не хотел затрагивать каких-то вещей. Поэтому было сделано несколько просьб. Вот результат... С какими-то просьбами мы не согласились, что-то мы оставили, так? А на что-то пошли. И то, что... Та разница, которая наблюдается между суще-

ствующим вариантом «Хромой судьбы», который опубликован, ну, скажем, в «Советском писателе» — так? — и журнальным вариантом — эта разница возникла по двум причинам. Первая — буквальное исполнение нескольких просьб. Там, скажем, название журнала одно — давайте его как-нибудь заменим. И мы придумываем название другое, так? Там пьет вино. Ну... Ну, никто у нас не пьет в стране. *(Смех.)* Значит, он пьет «бжни», так? Это прямые. Кроме того, была рецензия Даниила Александровича Гранина, которая в общем была положительная. Он хорошо оценил эту повесть. Но черт его дернул высказать вот идею, что, мол, в этой повести... в первой половине этой повести разбросано много незаконченных сюжетов, и очень жалко, что они в конце никак не связываются. Я, помню, ему звонил и говорил, что... «Даниил Александрович, мать вашу за ногу, идея повести в *этом* заключается, что там происходят события, не имеющие конца. Соль, так сказать. Задумка автора». Он говорил... «Да, Боря, — говорил он, — я вас понимаю. Но при всем при том было бы гораздо лучше...» *(Смех.)* Вот. И вот как результат этого тоже возникли какие-то тексты. Ну вот, скажем, туда пошла вот вся эта история с...

В. К.: Ракетой быстрее света?

Б. Н.: Нет-нет-нет. С ракетой...

В. К.: «Пять ложек эликсира»?

Б. Н.: Да. С «Пятью ложками эликсира». Как... Вот мы таким образом как бы увязывали хотя бы пусть его мысленные фантазии, но все-таки как бы это увязывается, приводит к какому-то результату. Вот эта история. Вот. А что касается «быстрее света»... Зачем это возникло? А-а, ну там же они не хотели это... рассуждения о том, что «руки по локоть в крови»...

В. К.: Тот кусок, который мы в «Панораме» делали.

Б. Н.: ...и как с ними быть. Да. И вот надо было чем-то это заменить. Вот...

Ю. Ф.: И возник Гарик Аганян.

Б. Н.: И возник Гарик Аганян. Да. Вот. Ну, и как я уже писал в «Понедельник», благодаря тому, что все-таки не редакция эти изменения производила, а авторы, там в общем не все ведь плохо. Многое из того, что мы заново писали, оказалось в общем даже и недурно. И кое-что я... по-моему, даже и сохранили мы в «совписовском» варианте. Не упразднили полностью, но кое-что выбросили. Да, вот это вот рассуждение насчет патриотизма там, конечно, пришлось вставить. Что у вас

как-то получается все, что... что военная... Борис Николаевич Никольский, который сам всю свою жизнь посвятил военно-патриотической теме, вот, он с некоторой обидой в голосе говорил, что у вас так получается, что уж если человек пишет военно-патриотическую тему, то он вообще уже вовсе и не человек.

В. К.: Отсюда пассаж о военных писателях.

Б. Н.: Отсюда пассаж, совершенно верно, о военных писателях. Ну, вот тут конечно... Если вас это интересует, то лучше просто списочек — я, может быть, что-то и вспомнил бы, а так я уже не помню.

В. К.: Непременно.

А. К.: Борис Натанович, а какой вариант «Хромой судьбы», так сказать, можно считать более, что ли, аутентичным — «текстовский» или вот... «Советский писатель»?

Б. Н.: А это не одно и то же разве?

А. К.: Не совсем.

В. К.: Не совсем. Там есть... Я внимательно не сверял. Просто пока руки не дошли, но в «Тексте» по сравнению... о господи... В «Альфе» вариант полнее, короче говоря.

Б. Н.: Полнее, чем в «Советском писателе»?

В. К.: Полнее, чем вот тот вариант, который

в «Книге» был. С «Советским писателем» я не сравнивал. А вот в «Книге» однозначно есть сокращения.

Б. Н.: Да?

В. К.: Да.

Б. Н.: Это кто же сокращал?

В. К.: А не знаю. Например, вот пассаж насчет «дописов» и «жописов»...

Б. Н.: Так?

В. К.: ...там отсутствует. В «Книге». Это точно.

Б. Н.: Так это, значит, выбросили уже редакторы там?

В. К.: Вот.

Б. Н.: Ну, это уж я не знаю. Ну, это все время вот такие вещи происходят.

В. К.: Причем отнюдь не по соображениям невместимости, так сказать, в листаж.

Б. Н.: Да.

В. К.: Ну, это... там было место.

Б. Н.: Ну, это, очевидно, они сочли неприличным, ну, это уж ничего не поделаешь.

Ю. Ф.: Борис Натанович, а был такой случай в вашей практике, что вас вообще не редактировали? Ничего?

(Гвалт «люденов», представивших себе эту фантастическую ситуацию.)

Ю. Ф.: И что это были за случаи? Совсем. То есть абсолютно ни одной правки.

Б. Н.: Точно знаю, что были. Но вот, Юра, я затрудняюсь вам сказать. Ну, вот, например, вот в этом двухтомнике в «Московском рабочем», по-моему, не правили вообще. Там Соня Митрохина просто руку даже не прилагала. Что мы ей дали, то и напечатали.

В. К.: А... насчет этого издания... Есть другая информация по этому поводу.

А. К.: Значит, я сейчас... Я волею судеб, значит, сейчас сотрудничаю с «Текстом».

Б. Н.: Так.

А. К.: И как раз вот когда, это самое, господи, как ее... Яна, редактор десятитомника, она мне сказала, что, значит, Аркадий Натанович дал «Трудно быть богом» из двухтомника «Московского рабочего»...

Б. Н.: Так.

А. К.: ...а не привычный ей и всем, наизусть знакомый 64-й год...

<...>

А. К.: Нет, но *тут* вот существенные поправки — они очень характерны.

Б. Н.: Ну, например.

А. К.: Ну, например... Так сказать...

Ю. Ф.: Ну, ультрапатриотические стихи.

А. К.: Гур-сочинитель. В 64-м году он выступал с наводящими тоску ультрапатриотическими стихами.

Б. Н.: Так.

А. К.: В этом варианте он выступает с ультраарканарскими стихами. (Смех.)

Б. Н.: И это вот в «Московском рабочем»?

А. К.: В «Московском рабочем».

В. К.: Вариант...

Б. Н.: Неужели они правили, гады?

В. К.: В варианте 64-го...

А. К.: Скорее всего, «Московский рабочий» взял замечательный вариант «Советского писателя» 84–85-го года. А там это появилось.

В. К.: Да.

Б. Н.: Так это появилось, значит, в «Советском писателе»?

<...>

А. К.: Дальше. Дон Рэба, так сказать, Румате объясняет, кто такой Румата. Помните, там текст, что «в то время, как весь народ в едином порыве...» Вот там такое место... «в то время, как все как один...»

Б. Н.: Это, значит, «Советский писатель». Вот как вредно не читать...

А. К.: Когда Румата идет в канцелярию, встречает дона Тамэо. И тот ему, значит: «Мы, молодая, значит, аристократия, были... всегда восхищались тем, что... были уверены, что он свергнет ничтожного монарха и проложит нам путь...»

Б. Н.: Да.

А. К.: Вот насчет пути, значит, в этом варианте выкинуто. А осталось про ничтожного монарха.

Б. Н.: Вот гады.

А. К.: Ну вот такие мелочи...

Ю. Ф.: Это все у нас есть?

В. К.: Есть, есть, в принципе есть. Разработка у нас по всем этим вещам...

А. К.: У меня есть распечатка на компьютере, я могу это...

Б. Н.: Ребята, когда и если дело дойдет до настоящего собрания сочинений, мне понадобится ваша помощь. Потому что этот десятитомник уж как выйдет, так и выйдет. Лишь бы вышел. Но вот когда и если настоящее собрание, надо все-таки будет все восстановить, потому что уже много лет мы с Аркадием Натановичем перестали перечитывать наши переиздания. И вот этот вот «совписовский» томик московский — я его и не перечитывал, а Аркадий Натанович, я думаю, тоже. Видите там? Если б я это все перечитывал,

я б это все заметил, конечно. Так что вот так вот.

А. К.: Еще там было одно место. Типа, так сказать, что-то...

В. К.: Барон — хороший мужик. Барон — хороший товарищ. Это — да...

А. К.: Ну, это уже на уровне анекдота, конечно, идет. Нет, а именно вот, так сказать...

В. К.: Было еще что-то, но я уже просто не помню все.

А. К.: Там просто выкинута фраза была... что-то насчет... А-а, там вот про что было. Значит, «и тех настигнет правосудие». А в 64-м, значит: «гнев народный». Просто-таки в одном стиле правка была.

Б. Н.: Да, все понятно. Все понятно. Выбрасывалась определенная лексика.

В. К.: Борис Натанович, еще такой вопрос в отношении «Парня из преисподней». Те купюры, которые появились во всех этих «детлитовских» изданиях, — это только волею редакторов и специфика издательства или все-таки вы сами решили переработать?

Б. Н.: Нет, это воля редакторов и специфика издательства.

В. К.: То есть вам самим по-прежнему больше нравится вариант 74-го года?

Б. Н.: Конечно.

В. К.: Каковой и будет, так сказать, публиковаться в...

Б. Н.: Да. Ну там же было только одно изменение.

Все: Не-ет!!!

В. К.: Там чудовищные изменения.

Ю. Ф.: Там есть совершенно незначительные изменения, типа того, что планета по-другому названа. Там это...

Б. Н.: Вы меня пугаете.

Ю. Ф.: Мы не пугаем.

Б. Н.: Ха-ха-ха. Я совершенно оторвался от действительности.

В. К.: Вот по этому поводу разработка есть у меня. Тоже могу представить.

Б. Н.: Черт, я-то думал, что «Парень из преисподней»-то уж вообще невинная вещь. Я помню, что в «Детгизе» попросили нас выбросить там сцену жестокую какую-то.

В. К.: Это какую? С предстоящим повешением?

Б. Н.: Да, в самом начале там. Вот это я помню.

В. К.: Там не только это.

Б. Н.: Но других изменений я даже и не знал. Вот гады.

В. К.: Там более того! Убрана, например, фраза,

что император был расстрелян в собственном дворце, из всех абсолютно «детлитовских» изданий.

Ю. Ф.: Да, собственно. «Императору не повезло, он был расстрелян...»

В. К.: И все!

Ю. Ф.: Императору тоже не повезло. Может считаться, императору тоже не повезло.

Б. Н.: Да. Ну что ж ты тут будешь делать?

Ю. Ф.: Запретить редактирование. Сейчас это можно.

А. К.: Борис Натанович, а вот «книговское» вот это издание «Хищные вещи века» и «Хромая судьба»? Там как — тоже вы давали...

Б. Н.: Да не читал я их! Ну, не читал я все эти переиздания...

Ю. Ф.: Четыре же издания...

В. К.: Бог с ними.

Б. Н.: Вот, начиная... Я вам сейчас скажу. Запамятовал... Не запамятовал... Я уже не помню, вот я сейчас просто смотрю, когда я читал переиздания... Какая-то жуть! В общем, с каких-то 70-х годов. Вот, после «Неназначенных встреч». Когда я получил «Неназначенные встречи», нашу желанную книгу эту, я попытался читать, увидел, как это все исковеркано, и с тех пор я переизданий

не читаю. Я читаю первые издания. Каждой вещи новое. А переиздания уже не читаю. И поэтому я ничего вам не могу сказать. Вот я знаю, что вот в «Отягощенных злом» вот этот вот красивенький томик с суперобложкой, вот. Поскольку это было первое издание, я его, естественно, прочел и немедленно обнаружил там проколы. И обратился с претензией к Коле Ютанову, который клялся, что никакой редакторской правки не будет. Но там редакторская правка имела место. Значит, кое-что удалось вернуть потом в «Московский рабочий», но кое-что, наверное, осталось. Так что вот... Ну вот... «Жидов» я, по-моему, даже не перечитывал и «невский» вариант. Что касается переизданий — я просто их не читаю. Я все это откладываю на потом. Придется делать настоящее, если доживем до хорошего выверенного издания, вот тогда все это делать будем. Вот я уже файл завел, куда заношу всякие исправления необходимые. Вот сегодня ведь тоже вы какие-то исправления сказали, а я уже забыл опять. Ну, Вадим, вы мне потом пришлете.

В. К.: Конечно, пришлем.

<...>

С. Л.: Борис Натанович, в ваших вот папочках там есть «Приключения Александра Привалова».

М. Ш.: Да нет там приключений.

Ю. Ф.: Да. Листочек.

М. Ш.: Листочек с планом.

Ю. Ф.: Листочек с планом об МПС. Министерство Подтверждения Сенсаций. Ну, Миша, расскажи, ты же помнишь.

М. Ш.: Ну, там сюжет заключается в чем? Что МПС запросило у НИИЧАВО, значит, для себя чудовище. Те им послали летающую тарелку, подаренную НИИЧАВО потомками Пацюка. Вот, а потом МПС не захотело возвращать это все назад.

Б. Н.: Этого я не помню, ребята.

М. Ш.: Вот, и послали туда Александра Привалова с выправленными документами, но когда он туда приехал, оказалось, что документы у него на имя Великого Спрута.

Б. Н.: Нет, этого я ничего не помню. Это один из, вероятно, многочисленных... одна из многочисленных попыток написать продолжение «Сказки о Тройке».

С. Л.: «Сказки» уже, да?

Б. Н.: Да, конечно.

Ю. Ф.: Многочисленных и неудавшихся.

Б. Н.: Да... Несостоявшихся, скажем так. По разным причинам они не состоялись.

М. Ш.: То есть у вас обдуманного ни одного варианта не было?

Б. Н.: До конца обдуманного нет ни одного.

В. К.: А вот Аркадий Натанович говорил, что был где-то вариант, что Привалова собираются запустить эмиссаром для установления контактов с преисподней.

Б. Н.: Был такой вариант, конечно. Обязательно. Был вариант. У нас был вариант, где... Вот это уже совсем сравнительно недавно там — два-три года тому назад — был вариант, где рассказ ведется от имени сына Александра Привалова и ведьмочки Стеллочки. Да... Все уже старики стали, эти самые магистры матерые. А он молодой со всеми вытекающими... Там какие-то проблемы национальные, не помню... Ну, нет, это все как-то не получается.

<...>

В. К.: Борис Натанович, вот год назад, когда мы вот здесь сидели, разговаривали, я насколько помню, вы достаточно нелестно в общем-то отозвались о Ельцине. Ваша точка зрения претерпела какое-то изменение за этот год?

Б. Н.: Ну, я не помню, что я вам говорил. Я могу вам сказать то, что я сейчас о нем думаю. Я считаю, что Ельцин хорош только как антипод

Горбачева. Я молю бога о том, чтобы никто из них не победил. Вот моя позиция. До тех пор, когда существует вот этот вот... тандем — неправильно сказать, а вот эти два противовеса в нашей стране, — до тех пор у нас будет... Меня ведь мало интересуют... э-э... проблемы там куска хлеба там, голод... Это все — ничего, это меня мало пугает. Меня больше всего беспокоит гибель демократии и гласности. Вот две вещи. Потому что если сохранить демократию и гласность, в конце концов появится все остальное. Если мы утратим демократию и гласность, то мы снова погрузимся вот в пучину... в болото опять залезем. Поэтому для того, чтобы сохранить какую-то перспективу, нужно равновесие двух мощных сил. Как только кто-то из них победит, я думаю, — нам карачун. Плохо будет в любом случае. Горбачев Ельцина сожрет — плохо будет, это всем ясно. Ельцин Горбачева сожрет — тоже будет плохо, хотя это многим непонятно. Все думают, что Ельцин — такой демократ вообще, свободолюбец. Ничего подобного! Он из той же породы. Это такой же человек, только более грубый, я думаю, чем Горбачев, более жесткий, чем Горбачев. И он тоже закрутит гайки, и он тоже завинтит винты. Все, которые можно. Вот мое отношение к Ельцину,

Вадим, не знаю, удовлетворил ли я вас?

<…>

С. Б.: Борис Натанович, а кого вы видите вот в более-менее высших эшелонах власти, кто наиболее бы отвечал вашим представлениям об идеальном, так сказать, нашем руководителе?

Б. Н.: Ну, Светочка, ну что за вопрос? Я не могу… Я не хочу даже на него отвечать, потому что… Что значит — кого я вижу? Ну, скажу я вам… там… не знаю.

Ю. Ф.: Яковлев.

Б. Н.: Да, Яковлев. Это все бессмысленно. Это все равно, что говорить, что было бы, если бы генсеком стал Бухарин. Да не мог Бухарин стать генсеком! И Яковлев не может во главе страны… Во главе нашей страны может стоять только крокодил. Понимаете?

<…>

С. Л.: Хорошо. Тогда адресую вопрос не как фантасту, а просто: вот тот коммунизм, который, значит, XXII век обрисовывает… Ну, пускай, не так придет, не так нарисован, но все-таки вы верите, что нечто такое будет?

Б. Н.: Вы знаете, ребята, верите, не верите — не та постановка вопроса опять же. Что значит «верю — не верю»? Тут считать надо, а не верить.

С. Л.: Ну вот да — как считаете?

Б. Н.: Но для расчета не хватает данных. Вот у меня сейчас на склоне жизни создалось впечатление, что если человек Хомо Сапиенс Сапиенс останется таким, какой он есть — вот с тем же генным набором, с теми же потенциями, — то не будет такого коммунизма никогда. И если вы меня спросите: «В принципе он вообще при каких-то условиях достижим?» — я отвечу: да. Но единственный способ его достижения — это создание Теории Воспитания. То есть...

С. Л.: То есть это работа над человеком?

Б. Н.: Да. То есть вот старая идея, которая была так близка Марксу-Энгельсу и к которой пристали большевики, — идея о том, что можно изменить человека, изменяя социальные условия — вот это... это ошибочная точка зрения. Понимаете? В этом есть какой-то лысенковизм. Неоламаркизм в этом какой-то есть. Что если вот собаке из поколения в поколение рубить хвост, в конце концов родится бесхвостая собака. Не родится! Никогда! Хоть тысячу поколений руби. Точно так же — в какие условия ты человеческое общество ни ставь, оно всегда будет разделяться по такому спектру всевозможных свойств от люмпена до Эйнштейна. Понимаете, всегда это будет. И единственное...

Для того, чтобы достичь вот общества, в котором хорошо жить... Ведь о чем идет речь? Речь идет не о том, чтобы создать общество, в котором жить хорошо всем. Такое общество невозможно. Всегда кому-то будет плохо. Кто-то будет недоволен. Но может идти речь об обществе, которое устроено справедливо. Что это значит? Это значит, что тот, кто больше делает для общества, тот автоматически больше получает от общества. Вот это вот справедливость. Не уравнительность — всем поровну, а справедливость — больше сделал, больше получил. Вот такое общество, мне кажется, теоретически возможно. Но тут возникает сразу же вопрос: ну, а как быть с людьми, которые обделены от природы? Ведь у нас на глазах вот просто погибают замечательные ребятишки, из которых могли бы выйти конструкторы, писатели, танцоры, опытные слесаря... я не знаю... программисты, профессионалы высокого класса, полезные для общества и осчастливленные, потому что высшее счастье, какое только есть у человека, — это иметь возможность быть в каком-то отношении лучше других. Вот я лучше всех пишу фантастику. А я лучше всех программирую там, скажем, на «Паскале», а я лучше всех делаю, я не знаю, унитазы, елки-палки! А я

лучше всех эти унитазы конструирую. В каждом человеке талант. Надо вытащить... Не в каждом, наверное, но в подавляющем большинстве людей талант. Вот — вытащить этот талант, сделать — это и означает сделать человека счастливым. Вот Теория Воспитания как раз и нужна для того, чтобы справедливое общество было действительно справедливым. Сначала из маленького человека извлекают самый его... самые его главные способности, а потом открывают ему дорогу — вот, давай, действуй, вот тебе никто не помешает, вот ты лучше всего будешь работать в этой области. То есть — если ты не хочешь — нет, это пожалуйста. Но вот мы тебе говорим, что лучше всего тебе будет вот здесь. Вот здесь ты применишь себя на сто процентов. Ты будешь полезен, ты будешь нужен, ты будешь уважаем, ты будешь много давать обществу и будешь много от него получать. Это единственная надежда, которая у нас есть. Создание такой вот теории (и практики, естественно) воспитания. Тогда можно будет, мне кажется, создать общество, похожее на общество «Полудня», хотя и там будут свои Скляровы. Помните, в «Далекой Радуге»?

М. Ш.: Бесталанный.

Б. Н.: Да. То есть он не бесталанный. У него...

дело не в том. У него есть какой-то... У него есть талант, но он не хочет. Он хочет быть физиком. Вот это будет трагедия. Ну, никуда не денешься. Но согласитесь, что это будет... это более трагедия, так сказать, более высокого плана и более благородная трагедия, чем, значит, ситуация, когда человек мог бы стать, я не знаю, столпом общества, а он — пьяный люмпен — валяется под забором, потому что вовремя его способности не были открыты. Вот. Вот единственная возможность. Единственная, которую я еще, так сказать, не вычеркнул из своих представлений.

С. Л.: Борис Натанович! В эту, так сказать, идеальную схему все равно вмешается не то чтобы реальная жизнь, а те люди, которые уже отягощены злом.

Б. Н.: Мы все, ребята, отягощены злом.

С. Л.: Нет. Ну, я имею в виду тех, которые вот... Ну, те самые люмпены... Они же будут мешать. Чистоты эксперимента, то есть, не будет. Это опять надо лепрозорий.

Б. Н.: Значит, что делать с люмпенами — это вопрос. Я не знаю, что с ними делать. Но я не уверен, что существует такое свойство человека генетическое — быть люмпеном. Я не уверен в этом. Все-таки люмпен — это, как правило,

результат того, что человек не смог устроиться при данном устройстве общества. Ведь люмпеном не обязательно будет бездарность и тупица. Люмпеном может стать талантливый человек. Я их сколько видел! Талантливые люди, которые не нашли применения своему таланту. Они спиваются, уходят в наркотики, перестают чем бы то ни было интересоваться, занимаются ерундой, там, в спекуляцию уходят. Это вот и есть люмпенизация — когда человек не нашел себя. Значит, вот задача — к минимуму свести число этих людей. Но всех, конечно, никуда не уведешь. Что-нибудь... Это будет проблема. А вы хотите общество без проблем? Нет такого. Вот «Полдень» — там же тоже есть свои проблемы. Там есть, например, Прогрессоры. Мы, я не знаю, достаточно ли ясно показываем, что Прогрессоры — это, по сути дела, люмпены этого общества. Это люди, которых боятся, люди, с которыми стараются не поддерживать отношения. Сын стыдится отца, жена стыдится мужа, как с Корнеем Яшмаа это происходит. Понимаете? То есть, там...

С. Л.: С другой же стороны получается... Ведь либо нам, так сказать, не иметь Прогрессоров, либо нам не соваться в межпланетные дела?

Б. Н.: Правильно. Ну, правильно.

С. Л.: Значит, надо тогда эту, так сказать, часть деятельности отсечь?

Б. Н.: Ну, правильно, но вот не надо ничего отсекать. В справедливом обществе ничего отсекать не будут. Вот это один из признаков справедливого общества. Там будут как-то искать компромиссы. Конечно, всегда будут вот один мир и второй мир. И эти миры не будут пересекаться, но у них будут границы. На границах будут трения. Ничего не поделаешь! Ничего не поделаешь...

С. Л.: Вопрос не в качестве трений, а, так сказать, в качестве решения этой проблемы.

Б. Н.: Ну, вы много от меня хотите, Сережа. Я это...

<...>

В. Б.: Вот, там приводит он [К. Рублев], например, Толкина, там у него просто кривая, где или преобладает добро, или преобладает зло, но это все типично повторяется. У Ефремова же это — это такая вот диагональ — зло уходит, уходит, уходит и, наконец, остается одно добро.

Б. Н.: Так.

В. Б.: А Стругацких он нарисовал — вот такую вот экспоненту, по которой добро увеличивается, увеличивается, но никогда зло не сходит на нуль.

Вам самому такая трактовка как?

Б. Н.: Конечно, никогда... зло-то... Дело в том, что, мне кажется, постановка вопроса вообще совершенно неправильная. Потому что понятия добра и зла — они просто меняются, как и все нравственные понятия, они меняются от эпохи к эпохе. Они меняются от культуры к культуре, от расы к расе, от эпохи к эпохе, и поэтому говорить о том, что количество зла уменьшается или не уменьшается, бессмысленно, потому что если, например, для древних евреев, например, добиблейских, так сказать, убить врага считалось просто подвигом, то в Евангелии уже появляется «не убий». Заметьте, без всяких оговорок — «*не убий*», никого не убий. То есть, если там, я не знаю, за тысячу лет до Рождества Христова понятие «убить» не было эквивалентно понятию «зло», то после Рождества Христова убить — это значит совершить зло. И сейчас, когда я спорю с, так сказать, правоверными, что ли, христианами, когда я им говорю, что существует сколько угодно людей, которые убивают легко и считают это как бы даже подвигом в каком-то смысле, мне на это отвечают, что да, они убивают легко и считают это подвигом, но в глубине души своей они знают, что это зло. И таким образом мне пытаются

доказать, что понятие зла, вот, убийство — это абсолютное зло, которое идет, так сказать... которое закреплено в генах. Что, конечно, неверно. И поэтому говорить, строить вот такого рода графики я просто не понимаю как. Надо брать... График надо как строить? Вот взять какое-то явление. Ну, скажем, отношение к понятию «не убий». И смотреть, как меняется отношение от культуры к культуре, от религии к религии и от эпохи к эпохе. А вообще говорить о зле, по-моему, бессмысленно. По-моему, если уж на то пошло, зло и добро во все времена присутствуют примерно в одинаковых пропорциях. Во все времена, независимо от социального устройства, независимо от культуры и независимо от времени. Другое дело, что те понятия, которые вчера считались злом, сегодня могут перейти в понятие нейтральное, а те понятия, которые вчера считались добром, сегодня считаются злом. Это другое дело. Но вот в каждый момент существует некая совокупность поступков, считающихся злыми, и некоторая совокупность поступков, считающихся добрыми. Их относительный вес, по-моему, примерно одинаков. Вот бы как я ответил на этот вопрос, Володя.

В. Б.: Сережа Битюцкий из Ростова предложил

закон сохранения.

Б. Н.: Очень может быть.

С. Л.: Закон сохранения добра и зла?

Б. Н.: Очень может быть, потому что, вообще говоря, добро и зло — это некие изначальные понятия нравственности. Они вообще должны находиться в равновесии, потому что как только одно начинает перевешивать другое, это означает какую-то... какую-то ненормальность в обществе, мне кажется.

С. Л.: Борис Натанович, но все же преобладает добро.

Б. Н.: Вот добро преобладать, по-моему, никогда не преобладало. Ни при каких. А вот так, чтобы зло преобладало — такое бывало. И это всегда означало непорядок, ненормальность, отклонение от нормы. Всегда. Это значит, какое-то равновесие должно быть обязательно.

С. Б.: Если добро начало преобладать, значит, ты в чем-то заблуждаешься.

Б. Н.: Правильно, Светочка. Да, так оно и есть. Да, значит, ты что-то не то считаешь... Что-то ты не то называешь добром. Что-то у тебя его слишком много.

С. Б.: А значит, уже зло.

Б. Н.: Да. На самом деле это никакое не добро.

Ты просто ошибаешься. Это очень правильно сказано. Очень правильно.

<...>

С тех пор много лет подряд группа «Людены» встречалась с БНом, приезжая на «Интерпрессконы», — то на самих конвентах, куда еще приезжал БН каждый год, то у него дома — после очередного «Интерпресскона». Люденские посиделки с БНом прекратились только после его второго инфаркта, когда он максимально сократил встречи с кем-либо. Однако он делал исключение для Юрия Флейшмана, беседы с которым длились вплоть до октября 2012 года. Темы их были разнообразными, но в основном об архивах АБС, о текстах, фотографиях, о будущем тридцатитомнике.

26 февраля в газете «Невское время» публикуется интервью БНа Алле Борисовой.

Из: БНС. «Экспедиция в град обреченный»

<...>

— Роман «Хищные вещи века» стал таким романом, к которому приглядывались и придирались. Он когда-то поразил многих. Мне, читателю, передался этот страх перед сытым обществом, которое я ассоциировала с коммуни-

стическим. Но сегодня мы как никогда далеки от сытости. А для вас сытость по-прежнему означает бездуховность? Или что-то изменилось в вашем мироощущении?

— Вы знаете, ничего не изменилось. Роман был написан под впечатлением многообразных дискуссий об основных угрозах, стоящих перед человечеством, причем одновременно существовали и угроза перенаселения и голода, и угроза цивилизации досуга. Ничего удивительного. В развитых странах шел процесс обогащения, а в Индии, в странах Африки люди умирали от голода. Помню, как в середине 50-х годов было совершенно точно предсказано, что в Индии должно умереть от голода в каком-то году столько-то миллионов человек. Это предсказание было сделано специалистами, и оно носило характер непререкаемого пророчества, потому что путей спасения не было: никакие фонды, никакая помощь и благотворительность не могли спасти полумиллиардное население страны от этой катастрофы. И тем не менее трагедии не произошло, потому что вмешалась наука, в Индии произошла «зеленая революция», которая позволила резко поднять урожайность, и миллионы людей остались живы. Все произошло буквально на наших

глазах. Это казалось чудом. И вот эти две угрозы: перенаселение и голод, с одной стороны, и изобилие и сытость — с другой, играли огромную роль в наших тогдашних представлениях о будущем. Да, и сытость тоже. Человека создал труд. Что станется с человеком, лишенным необходимости трудиться?

— *А противоположную ситуацию вы не пробовали себе представить?*

— Да мы другой ситуации просто никогда не видели в своей жизни, не забывайте об этом! Наша семья всегда существовала на уровне приличной бедности. От голода мы не умирали (если не считать блокадной зимы сорок первого — сорок второго), но проблема новых штанов была всегда практически неразрешима.

— *Сегодня мы идем к тому же...*

— Главное для нас — организовать экономику так, чтобы сотни тысяч людей перестали производить продукцию, никому не нужную. Я все время вспоминаю анекдот, помните, когда по улице идет человек и в поте лица копает ямы. А следом идет другой человек и в поте лица закапывает их. Оба работают, как волы, на износ. Но работа их лишена какого бы то ни было смысла, т. к. из этой цепи выпал третий человек, который

должен в выкопанные ямы сажать деревья... И так во всем. Я уже не говорю об аппарате надзора, контроля, учета и т. д. У нас не бедное, а чудовищно нерационально устроенное общество.

<...>

— Марк Захаров поразил меня недавно тем, что привел такой пример: диктатура Пиночета за три года превратила Чили в страну рыночной экономики. Значит, наша интеллигенция уже задумывается о необходимости «твердой руки»?

— Вы так это поняли? Я его понял иначе. Мне кажется, он хотел сказать, что даже в условиях диктатуры (правда, умеренной) рыночная экономика способна обеспечить процветание общества.

— Может быть, наш сегодняшний страх перед диктатурой заставляет меня вздрагивать от таких примеров. По-моему, та же тема звучит и в вашей пьесе «Жиды города Питера», где вы предвосхитили эти настроения.

— Предвосхитить такого рода настроения ничего не стоит. Все люди моего поколения с апреля 85 года ждут поворота к диктатуре. Совершенно ясно, что такая мощная политическая структура, которая отлаживалась и совершенствовалась в течение 70 лет и стоит на трех китах: партаппа-

рат, военно-промышленный комплекс и тайные службы, такая структура не может легко и просто отдать власть.

— Вы уверены в летальном исходе тоталитарной системы?

— Абсолютно уверен. Вот если бы вы меня в 84 году спросили об этом, я бы ответил: «Нет, эта власть — надолго, мы конца не увидим, дети тоже, вот, может быть, внуки... И даже когда эта система развалится, она развалится только от ударов извне. А внутри просто нет силы, которая способна ее свалить». Но оказалось, что внутри этой несокрушимой пирамиды живет-таки червячок, подтачивающий ее.

Сейчас я уже понимаю, что система была обречена изначально. Страна с таким экономическим, творческим и культурным потенциалом не могла остаться в закостенелом состоянии. Мы обязательно выйдем на магистраль исторического развития. Вопрос — когда?

— Я так давно не разговаривала с политическим оптимистом...

— Да все наши пессимисты — пессимисты на день. Они говорят: «Вот как завернут гайки! Как введут танки!» А я и не спорю. Но дальше-то что? Экономику это не поправит и угрозу голода не

устранит.

В романе «Хищные вещи века» есть, конечно, свой вечный вопрос. Я уверен, что рано или поздно, пусть даже через поколения, но мы придем к высокому уровню благосостояния и вот... что будет дальше? Вопрос этот кажется сегодня таким неактуальным, но он никуда не делся. Духовная недостаточность не исчезает по мере достижения достаточности материальной.

<...>

В четвертом номере журнала «Филателия СССР» печатается интервью БНа Е. Обухову.

Из: БНС: «Нам далеко до „золотой эры“»

<...>

— Со сколькими филателистами встречаюсь — и всем задаю один и тот же вопрос: почему все-таки марки так прочно удерживают внимание собирателей?

— Эта тайна «велика есть». Видимо, существуют на то глубочайшие психологические причины. Разумеется, филателия — занятие небесполезное, благодаря ей я, например, хорошо знаю политическую географию. Точнее, знал в те времена, когда собирал марки по образцам (по одной от

каждой страны). Мой сын тоже этим увлекся, помнится, — и стал географом. Случайно? Вряд ли. От коллекционирования он позже отошел, но знания-то у него остались.

Конечно, большинство ребятишек бросают собирать марки, и только процентов пять сохраняют им верность до седых волос. Это люди особенного типа, и среди них есть великие знатоки, перед которыми хочется снять шляпу. Как, впрочем, и перед любым настоящим знатоком. Конечно, смешно говорить о каком-то прикладном значении филателии и тем более вести споры — наука она или не наука. Но не будем забывать, что разнообразных человеческих занятий, подобно филателии, существующих только для самих себя и замкнутых в себе, довольно много. Например, литературная критика.

Для меня марки — это прежде всего отдых. Когда голова гудит от усталости, а нервы натянуты до предела, просто необходимо бывает уйти в этот своеобразный и тихий мир. Перебирать марки, компоновать страницы альбомов, искать разновидности, изучать штемпеля гашений... Потом встаешь из-за стола посвежевший, готовый к новым боям. Так что марки — это умственная зарядка (или разрядка, если угодно — думаю, оба

понятия правомерны).

<...>

В четвертом номере «ЛГ-досье», приложения к «Литературной газете», публикуется предисловие к рассказу Мариана Ткачева, переводчика, друга АНа.

АНС. [Предисловие к рассказу М. Ткачева «Всеобщий порыв смеха»]

Чтение как чистую усладу души отвергаю. Часто и запоминаю прочитанное в «блоке» с ассоциациями и поворотами мысли. Рассказы Мариана Ткачева — именно такое будоражащее чтение. Волею случая став когда-то их первым читателем, считаю себя причастным к судьбе их. И думаю, друзья, вправе предварить публикацию эту обращенным к вам доверительным словом.

Прежде, в годы, изящно именуемые ныне «застойными», сатирическая фантастика почиталась чуть ли не прерогативой авторов зарубежных, чтоб было сразу ясно: это — «про них». Сегодня, когда на дворе у нас гласность и демократия, сатира вроде должна быть обласкана как никогда, ведь именно ей, согласно любимому мною М. Е. Салтыкову-Щедрину, положено про-

вожать «в царство теней все отжившее».

Но нет, наше Прошлое — в котором столько мучительно пережито, многими отринуто, осмеяно, — наше Прошлое не торопится сойти в Аид. Цепкий перевертыш, жаждет оно стать Настоящим и обернуться Будущим. Доморощенные «зодчие коммунизма» рвутся перестроить восходящую спираль истории в замкнутый круг. Вот мы задаемся вопросом: тесно ли связана футурология с политикой? Какой политикой? Той — ирреальной, под знаком коей мы существуем, футурология как серьезная наука, воспользуюсь медицинским термином, противопоказана. Ей показаны заклинания, догмы, запреты.

Вариант логического (сиречь абсурдного!) итога этой ирреальной политики — отдаленный во времени, — как раз и представлен в рассказе «Всеобщий порыв смеха». Именно Смех (воспользуюсь нынешней нашей политической лексикой: смех — регламентированный, санкционированный, декретированный) — главная авторская материя; но мне, читателю, не до смеха. И я сокрушаюсь: Господи, отчего сатира наделена обличительной, а не исполнительной властью! Тут я, убежденный демократ, голосую за соединение властей.

Позвольте вернуться напоследок к нашему

автору. Во всем, что он написал, меня особенно привлекает ирония. Впрочем, в Одессе, где Ткачев родился и вырос, ирония — черта всеобщая. Причина ль тому южное солнце, жгучее и лукавое? Винноцветное море? Или — длящееся который уже век здесь, на благодатном прибрежье, смешение разных кровей, наречий, нравов — реакция, рождающая самые острые, легковоспламеним-мые свойства человеческой натуры. Помнится, сам автор как-то в запальчивости утверждал, будто Вавилонскую башню строили поначалу в Одессе...

Нет-нет, я отношусь к иронии вполне серьезно. Когда-то даже, пытаясь дознаться, в чем суть этого феномена, заполнил целый блокнот выписками, «восходящими» к эллинской мудрости. Любимейшей моей дефиницией стала фраза непреклонного идеалиста и романтика Фридриха Шлегеля. «Она (ирония. — *А. С.*), — говорит высокоученый немец, — самая свободная из всех вольностей, ибо благодаря ей можно возвыситься над самим собой, и в то же время самая закономерная, ибо она, безусловно, необходима».

Что ж, возвысимся и проследуем в Царство закономерностей.

10 апреля печатается интервью БНа корре-

спонденту «Литературной газеты» Татьяне Путренко.

Из: БНС: Жить интереснее, чем писать

<...>

— И все-таки не могу не спросить у вас как у писателя-фантаста о том, что нас ждет.

— Если говорить в исторической перспективе, возврата к прошлому быть не может, времена подконвойной экономики миновали навсегда, такая экономика оказалась неконкурентоспособной и окончательно превратила СССР в третьеразрядное (хотя и огромное) государство с второразрядной (хотя и огромной) армией. Такое положение вещей является нетерпимым с точки зрения любого социального слоя, а значит, это положение вещей будет изменено. Изменение экономических отношений неизбежно приведет к изменению отношений политических. На месте вчерашней империи («военно-мужицкой державы») возникнет совокупность суверенных государств, объединенных системой экономических и политических соглашений, ибо времена империй, скрепленных огнем и мечом, навсегда миновали. Мы — последние. Человечество вступило уже в новую фазу межгосударственных

отношений, когда ценность политики определяется ценностью полученных экономических результатов, и в этом смысле война перестает быть «продолжением политики иными средствами», ибо экономические результаты войны в наше время ничтожны и не идут ни в какое сравнение с результатами умелого, скажем, варьирования торговыми пошлинами. Любопытно, что Империя как особая форма существования государства не имеет сейчас под собой никакой материальной опоры — она держится исключительно на фундаменте идеальном; имперское сознание, исторически сложившееся, чрезвычайно все еще популярное представление о том, что превыше всего — держава, а все остальное уж как получится, государство выше человека, государство выше истины!.. Империя существует лишь постольку, поскольку идея ее существует в массовом сознании — это не может продолжаться долго. Сколько же можно твердить, что «нам нужна Великая Россия», в то время как совершенно ясно, что «нам нужна» Россия прежде всего Счастливая, Богатая, Цивилизованная — именно этим и прежде всего в этом великая...

<...>

Если же говорить о «литературном вакууме»,

то он, видимо, действительно имеет место, хотя бы в том смысле, что вот свободы наступили, а потока шедевров нет и нет. Я читал и слышал множество объяснений этому явлению и со всеми согласен. Все они сводятся к тому, что «читать интереснее, чем жить», а жить интереснее, чем писать. Вполне возможно. Я, откровенно говоря, последнее время очень мало читаю (беллетристику) и почти совсем не перечитываю. Я обнаружил, что беллетристика стала мне неинтересна и мне на нее не хватает времени. Я читаю статьи и книги по экономике, социологии, политике, я прочитываю ежедневную груду газет и ежемесячно — груду журналов (без или почти без беллетристики). Всю жизнь я писал только о том, что мне лично интересно. Сегодня мне интересны экономика, социология, политика, но писать об этом сколько-нибудь профессионально я не в состоянии. Ужасное положение. Я был бы, наверное, в отчаянии, если бы жизнь не была такой захватывающе интересной. Жить интереснее, чем писать, пяток лет назад такая сентенция поразила бы меня своей нелепостью, а сегодня я готов ее принять и даже нахожу в ней определенное глубокомыслие. Впрочем, брат мой и соавтор придерживается несколько иных

взглядов. И слава Богу! «Спорим, следовательно, существуем».

Печально, но фраза этого интервью «брат мой и соавтор придерживается несколько иных взглядов» (относительно сентенции «Жить интереснее, чем писать») стала понятной очень скоро... АНу оставалось жить всего-то полгода. И именно в эти апрельские дни он закончил свою последнюю повесть — ДСЛ. Лебединую свою песню...

В июне в ленинградской писательской газете «Литератор» публикуется беседа БНа с Константином Селиверстовым.

Из: БНС: Мы были уверены, что так и сгинем в мире несвободы...

<...>

— Борис Натанович, разрешите напомнить вам небольшой фрагмент вашей повести «Гадкие лебеди» (1966 г.): «В этом мире все слишком уж хорошо понимают, что должно быть, что есть и что будет. И большая нехватка в людях, которые не понимают... Передо мной разворачивают перспективы — а я говорю: нет, непонятно. Меня оболванивают теориями, предельно простыми, — а я говорю: нет, ничего не понимаю. Вот

поэтому я нужен».

Это размышления героя повести — писателя Виктора Банева. Интересно, что бы сказал ваш герой, оказавшись в сегодняшней политической ситуации?

<...>

Вы помните, Банев говорит, что очень хорошо жить для будущего, но очень страшно в нем оказаться. В какой-то степени с нашим поколением, поколением Банева, произошло что-то в этом роде. Нельзя сказать, конечно, что мы попали в будущее. Но, во всяком случае, мы попали в тот мир, возможность которого представлялась нам исключительно маловероятной. Большинство из нас было уверено, что мы так и сгинем в мире несвободы, не увидев ничего другого. На самом деле, при всех крупных и мелких неприятностях, схлопотанных нами в новом мире, все-таки, на мой взгляд (и на взгляд Банева, я думаю), этот мир гораздо лучше того, в котором мы жили 10 лет тому назад. На порядок лучше!

Я говорю с точки зрения людей, для которых возможность не только думать, но и свободно говорить то, что ты думаешь, является первоопределяющей в жизни. Если такой возможности нет, то жизнь может быть сытой, спокойной,

не лишенной приятностей, но это обязательно будет неполноценная, вечно-инвалидная жизнь, в то время как возможность говорить то, что ты думаешь, способна скрасить уйму самых разнообразных неприятностей.

Так что, с одной стороны, Виктор Банев, оказавшись в этом мире, испытал бы, безусловно, прилив счастья, смог бы расправить плечи, глубоко вздохнуть. Но с другой стороны, ощутив полную свободу, он оказался бы в положении того героя Владимира Высоцкого, который сказал: «Мне вчера дали свободу. Что я с ней делать буду?» У Высоцкого, правда, речь идет, судя по контексту, не о творческой личности, а, скорее, о приблатненной. Но сам по себе вопрос поставлен вполне точно и очень ясно. Над этим вопросом сейчас бьются многие представители нашей творческой интеллигенции. И я думаю, что Виктор Банев тоже бился бы над этим вопросом. Я думаю, что Виктор Банев тоже бы сейчас замолчал. Может быть, спел бы несколько сатирических песен, а потом понял бы, что хотя эти веселые песенки и развлекают почтеннейшую публику, но они не определяют сути происходящего и не дают понимания будущего.

Ведь что с нами произошло? Мы потеряли бу-

дущее. Оно у нас было: серое, суконное, очень скучное, шершавое и неприятное, но совершенно определенное будущее. Мы ясно себе представляли, что ждет нас и через 10 лет, и через 20 лет, и вообще на протяжении всей оставшейся жизни. И вот это представление исчезло. Оно оказалось, к счастью, неправильным. Открылся целый веер возможностей — от кровавой и бессмысленной диктатуры до перспективы шведского социализма со всеми его плюсами и минусами.

Мы растерялись. Мы перестали понимать, что нас ждет через 10, 20 лет. В этом смысле будущее потеряно.

Я все время стараюсь возвратиться к той цитате, с которой мы начали. При всей своей приземленности, при всех атавистических привычках своих и обычаях, Банев — человек, устремленный в будущее. Будущее — это предмет его размышлений, его эмоций, большой кусок его душевной жизни. Безусловно, Банев, оказавшись в нашей сегодняшней ситуации, тоже ощутил бы потерю определенности. Ему стало бы очень странно и в каком-то смысле неуютно...

— На страницах повести ваш герой высказывает две точки зрения по одному, как мне кажется, очень актуальному сейчас вопросу:

«Разрушить старый мир, на его костях построить новый — это очень старая идея. И ни разу пока она не привела к желаемым результатам».

«Старые миры приходилось разрушать потому, что они мешали строить новые, не любили новое, давили его».

Какой точки зрения вы придерживаетесь сегодня?

— Я придерживаюсь, конечно, первой точки зрения. И всегда придерживался. Хотя в словах Банева достаточно резона — безусловно, старый мир будет мешать, будет стараться сразить и задавить новый мир. Но, как правило, у старого мира уже не хватает на это сил. Это подтверждает весь ход истории. Будущее всегда одерживает победу над прошлым — всегда и во всех смыслах.

Когда Банев изрекает свою сентенцию о том, что старый мир будет мешать, он просто хочет сказать: «Ребятки, если вы воображаете, что вам удастся построить новый мир без разрушений и без крови, то вы ошибаетесь. А ошибаетесь вы потому, что вы-то сами славные люди, но те, с кем вы будете иметь дело, люди беспощадные, жесткие и не боящиеся крови».

Заметьте, какой взрыв полемики сопровождает все перестроечные явления последних лет.

Газеты раскалены, буквально дымятся. Правые наскакивают с остервенением на левых, левые — на правых, центр тоже, не теряя времени, размахивает словесными кулаками и наносит удары направо-налево. Подавляющее большинство сентенций направлено не на то, чтобы провозгласить свои идеи, а на то, чтобы принизить идеи своего политического идейного соперника, на то, чтобы этого соперника как-нибудь «ущучить», уязвить, сделать ему больно, неприятно...

Очень характерная ситуация для переломных моментов истории. Это свидетельствует о каких-то весьма глубинных свойствах человеческой психики и психологии. А на самом деле это абсолютно бесполезное занятие. Сейчас самое правильное не столько стремиться разоблачить своего противника, сколько последовательно, терпеливо втолковывать свои собственные идеи.

<...>

— *Борис Натанович, сейчас, по-видимому, не самое лучшее время для создания художественных произведений?*

— Я могу писать только о том, что мне интересно.

У нас есть хорошо продуманный план одной фантастической повести из жизни Максима Кам-

мерера. Мы совершенно точно знаем, какие там будут приключения. Мы знаем, чем это должно кончиться. Мы отдаем себе отчет в том, что это задумано достаточно любопытно, что это может быть не рядовая повесть.

Но это меня сейчас не интересует.

Меня интересует политика, меня интересует экономика, меня интересует социология. Я почти не читаю сейчас художественной литературы и совершенно ничего не перечитываю, что для меня попросту ненормально. Мне интереснее читать... я не знаю... большую статью Лациса, например. Или Егора Гайдара. Причем я читаю ее с наслаждением. Я не читаю — я ее изучаю, я ее впитываю, я обсуждаю ее с женой, с сыном, с друзьями. Мне это все страшно интересно. Поэтому, строго говоря, если что-то писать, то писать мне сейчас надо именно такую социально-политическую публицистику. Но здесь я никакой не профессионал, я дилетант самого низкого пошиба.

Вот такое имеет место противоречие. Как мы выберемся из него, я не знаю. Надежда на то, что Аркадий Натанович (он относится к политике гораздо более холодно и еще не потерял интереса к художественной литературе) как-то будет меня

тянуть. Но пока я плохо себе представляю, что будет дальше.

<...>

В дни августовского путча многим припомнился сюжет ЖГП. Позднее зять АНа Егор Гайдар говорил так:

Из: Гайдар Е. Песня «Врагу не сдается наш гордый „Варяг“» у меня получается особенно хорошо

<...>

Мы с Аркадием Натановичем часто обсуждали общеполитическую ситуацию, экономическую. Он этим интересовался. У него была, на мой взгляд, фантастическая политическая интуиция. Причем есть только один человек из тех, кого я знаю, который обладает такой же странной политической интуицией в российской политике — интуицией, не базирующейся на рациональных аргументах. На том, что мы взвесили, посмотрели социологию, посмотрели экономические данные... А он посмотрел — сказал, что будет так.

Это Борис Николаевич Ельцин и Аркадий Натанович Стругацкий — вот эти два человека. Может быть, есть и другие, но я знаю только двоих таких

людей, которые имели такое странное понимание российской политики, не основанное на понятных мне аргументах. Хотя я много книжек читал, хорошо информирован, прилично понимаю, что происходит, мне кажется, что, как правило, я точно оцениваю ситуацию... Но было несколько ситуаций, которые я оценивал неправильно, хотя исходил из всех рациональных соображений, а Аркадий Натанович или Борис Николаевич оценивали точно. Приведу один пример. Аркадий Натанович болел, писал уже тяжело. Они с Борисом Натановичем написали небольшую пьесу примерно в 1989 году, которая называлась «Жиды города Питера». Очень хорошая, хотя не из самых моих любимых вещей, но тем не менее... Там описана некая ситуация, крайне похожая на произошедшие потом события 1991 года. И когда я уезжал в 1991 году утром 19-го с дачи, которую мы снимали в Красновидово, в Москву к себе в институт, чтобы заниматься делами, которыми предполагал заниматься 19–21 августа, я Маше сказал: «Все это страшно похоже на „Жиды города Питера“, но концовки у Стругацких никогда не удаются. Такого хэппи-энда, который там описан, как ты понимаешь, не будет». А он был!

<...>

Прокомментировать итоги августовских событий попросил БНа корреспондент «Литератора» Константин Селиверстов (публикация — в сентябрьском номере теперь уже санкт-петербургской газеты).

Из: БНС. «Нарыв прорвался, но гной не вытек...»

<...>

— На что, по вашему мнению, рассчитывали заговорщики? Были ли у них какие-то шансы?

— На что рассчитывали заговорщики, понятно. Они рассчитывали на застарелый, вполне обоснованный, страх советского человека перед военной силой, перед комитетом госбезопасности — перед вооруженным начальством.

Почему они проиграли? Причин очень много. Главная из них: они побоялись большой крови. У меня такое впечатление, что все странности, которые мы с вами наблюдали, — их удивительная пассивность, нерасторопность, какая-то даже неумелость — поддаются объяснению, если предположить, что они изначально не готовы были идти на большую кровь.

Они надеялись испугать, а испугать не удалось. В этом главная и фундаментальная причина

неудачи. Они не сумели испугать, главным образом, молодых людей. Новое поколение, которое выросло за последние десять-пятнадцать лет, уже их не боится. Эти люди пришли на площадь не со страхом, не бледные — они веселые пришли туда. Стало ясно, что можно одержать победу в путче, только залив кровью свои мундиры. К этому они не были готовы.

Какой вывод отсюда следует? Очень страшный. Я отношусь к тем людям, которые эйфории не предаются. Я отношусь к тем людям, которые считают, что нарыв прорвался, но гной не вытек. Страна пропитана гноем. Нужно проделать гигантскую работу для того, чтобы очистить организм. Очень многих людей надо освободить от занимаемых ими до сих пор чрезвычайно важных постов. Речь идет о сотнях генералов, о сотнях полковников. Я уже не говорю о сотнях и сотнях партийных функционеров разного уровня. Сейчас они все обезглавлены. Это чрезвычайно важный фактор. Если бы я был помоложе, я бы сказал, что это решающий фактор. Но я легко могу себе представить, что те, у кого сейчас не осталось никакой надежды (завтра они потеряют свои золоченые кресла и привилегии), в таком состоянии могут пойти на очередной путч. Он

будет гораздо хуже организован. Нет времени на его организацию. Но этот путч будут организовывать люди, которые не боятся большой крови. Вот что меня пугает больше всего.

— У меня сложилось впечатление, что те, кто должен был проводить решения ГКЧП на местах, в частности, в Ленинграде, заранее не знали о готовящемся перевороте.

— Заранее о перевороте, конечно, знал очень узкий круг людей.

— Почему же тогда члены ГКЧП были уверены, что их распоряжения на местах будут выполняться?

— Они не могли думать иначе! Более того, я, рядовой обыватель, не мог думать иначе. По моим представлениям, приказ, который отдает министр обороны, неукоснительно должен выполняться всеми военнослужащими страны. То же самое относится к председателю КГБ, к министру внутренних дел. И уж, тем более, во сто крат то же самое относится ко всем партийцам. Как может правоверный партиец не выполнить приказ своего непосредственного партийного начальства? Это же невозможно! Путчисты только на это и должны были рассчитывать. Они не могли себе другого представить.

<...>

Позднее БН рассказывал о памятных днях «люденам».

Из: Беседа БНС с люденами. 1993

<...>

Ю. Флейшман: Борис Натанович, если можно, о ваших ощущениях 19-го августа. Вообще о ваших...

С. Лифанов: Где вы были 19 августа? (Смех.)

Р. Арбитман: В ночь с 18-го на 21-е.

Б. Н.: Это я вам с удовольствием расскажу всё. В 8 часов утра, когда я обычно чрезвычайно крепко сплю, раздался телефонный звонок, и Нина Семеновна Катерли сказала мне зловеще: «Спишь? А между прочим, государственный переворот». Я сказал: «Да брось, ну что ты ерунду...» — «Я тебе говорю — государственный переворот. Кто, что — ничего не знаю. Вот по радио — иди слушай». Я вскочил и побежал слушать. Не по радио, конечно, а по телевидению. Все это время я сидел и слушал примерно до половины 14-го. Мы с женой, уже созвонившись со всеми друзьями, сидели как полумертвые, и было ясно, что все кончено. Ощущение было, что все кончено, все погибло,

потому что вот мы глотнули свободы — и всё, больше ничего. В 10 часов было выступление нашего коменданта военного Самсонова, который точки ставил... «Лебединое озеро», прерываемое то одним указом, то другим указом. Ну всё так соответствовало нашим предсказаниям! Я сидел и думал: «Кретин! Идиот!» Я говорил по телефону, я говорил всем, старался, так сказать, ободрить других: ничего, ребята, это на 3–4 года. Через 3–4 года они никуда не денутся, все вернется на круги своя. Вот. А у меня это еще совпало с чрезвычайно неприятным периодом моей жизни, когда я занимался зубами. И в 14 часов я должен был быть у зубодера. Что вообще накладывало определенный отпечаток. И поскольку мы все равно ехали с женой, она меня возила к зубодеру, то подумали... Светлая мысль кому-то, по-моему, жене, в голову пришла: а поехали, посмотрим, что делается вообще у твердыни власти, что там ленсоветчики задрипанные делают... Прогадим, понимаешь, либеральную революцию. Мы тогда поехали, и вот тут сразу... Мы увидели огромную толпу народа, никто ничего не боялся, все несли по кочкам гэкачепистов. На ступенях Ленсовета стояли люди с громадными плакатами «Долой фашистский переворот!» и т. д. Какой-то инва-

лид выкрикивал в мегафон проклятия в адрес Янаева, Язова и Крючкова в особенности. Были установлены «колокольчики», из которых шла прямая трансляция с заседания Ленсовета, и там спокойный голос Николая Александровича Беляева, нашего председателя Ленсовета, который говорил: «Так. Третий микрофон...» А третий микрофон говорил: «Я считаю, что мы должны немедленно принять обращение... тра-та-та, трата-та». В общем, стало ясно. Мы с народом, значит, смешались там, спрашивали — кто, что. Выяснилось, что Ельцин выступил и всех их послал к этакой матери. Что, значит, Собчак сейчас находится... был в Москве, сейчас летит в Ленинград и вот-вот с часу на час должен прибыть сюда. Что дан приказ не подчиняться гэкачепистам. Что вот уже готовятся строить баррикады... Ну, в общем, все стало... Вот эти четыре или пять часов ужаса — они исчезли и больше уже не возвращались. А дальше — что там длинно рассказывать? — все время мы мотались, значит, то к зубодеру, то... Кстати, было очень смешно. У меня рот набит окровавленной ватой, поэтому я не могу с трибуны... *(Смех.)* Я бы, может быть, и пошел даже, хотя терпеть не могу, конечно, никаких публичных выступлений, но момент был такой, что, может

быть, я даже дошел бы вот до такого срама, чтобы залезть на трибуну, особенно когда увидел на Дворцовой площади какого-то молодого дурака, который орал в мегафон, что мы должны все вооружиться и, значит, против бронированных колонн — встречать их охотничьими ружьями... Мне ужасно хотелось вылезти и поставить его на место, но я был бессилен. Я даже не мог с друзьями переговариваться — кругом полно народу. Там, значит, перед этой самой будкой... Какая-то телевизионная будка приехала, громадная, и перед ней прохаживался Андрей Измайлов, который всем своим видом показывал, что вот здесь ГКЧП не пройдет. *(Смех.)* И все знакомые писатели... Там, ну, господи, полно знакомых. Там, значит, к нам подходили какие-то люди, предъявляли, значит, мандат, подписанный Беляевым, что вот просьба оказывать содействие данному члену Ленсовета, который выполняет его задание, и мы этого члена Ленсовета грузили в машину и куда-то везли, а он нам по дороге рассказывал... Нет, это были очень славные часы! Самый страшный, конечно, момент был... Ну, во-первых, вечером 19-го выступил... прямо из окна Ленсовета выступил Собчак и поставил все уже точки над «і». Стало ясно, что всё! ГКЧП... То есть, я сказал тогда

— я, помню, как всегда пророчествовал в кругу друзей... Я сказал, что у гэкачепистов сейчас есть одна ночь. С 19-го на 20-е. Если они в эту ночь не арестуют Ельцина, Собчака, Попова и всех других демократов, то всё: они проиграли. Не может идти и речь уже... О трех-четырех годах уже речи не было, а было ясно, что все это в течение недели-двух должно кончиться. Вот. Но была вот эта вот страшная ночь с 20-го на 21-е. Вот это была действительно страшная ночь, потому что все было сначала очень хорошо. Как сейчас помню, вечером 20-го было устроено заседание «Трибуны». Знаете, есть такая организация «Ленинградская трибуна», объединяющая ленинградскую интеллигенцию. Вот там, конечно, я испытал, ребята, должен сказать, сильный шок. Не будем называть имен, но я увидел там испугавшихся людей. Вот это вот меня потрясло, честно говоря, потому что я чувствовал себя... Я не понимал: чего люди боятся? Все ясно, что провалилась эта операция. Люди боялись. Говорили: «Нет, этого писать нельзя... Зачем это писать?.. Нет, давайте вот напишем так — обтекаемо. Напишем так, чтобы было ясно, что мы с одной стороны и против, но с другой стороны как бы в каком-то смысле и за». Это было так. Потом, значит, мы всей толпой

слушали выступление Собчака, выступление нашего писателя Щербакова, который превосходно говорил, товарища Ярова, который говорил непонятно как. Вот. Потом я приехал домой, потом мы сели перед телевизором и стали ждать, когда нам покажут «Невозвращенца» — нам обещали показать... И вот тут раздался телефонный звонок, и наша знакомая сообщила: «Они идут на штурм Белого дома. Включите радио». И мы впервые включили радио и начали слушать две превосходных радиостанции, которые работали, оказывается, круглосуточно. Совершенно молодые мальчишки и девчонки там сидели всю ночь и прямым текстом давали всю информацию. Что танки, которые прибыли со Стрельни, остановились там-то и там-то. Что в районе Белого дома слышна стрельба... И вот тут было действительно несколько страшных часов. «Невозвращенца» оставили — пусть записывается на видеомагнитофон, — а сами сидели около радиоприемника, и жена все время говорила: «Ну чего мы здесь сидим? Нам надо набрать еды и, может быть, поехать в Ленсовет. Там же ребята!» Она была, конечно, совершенно права. Я говорил: «Ну куда мы попремся? Ну, дождь на дворе, холодно. И не пустят нас туда». В этом смысле, кстати говоря, я

был прав, потому что к этому моменту Ленсовет уже был охвачен кольцом баррикад из выстроенных друг за другом троллейбусов, обмотанных колючей проволокой.

Ю. Ф.: Это такие баррикады были. Так себе.

Б. Н.: Это они были от моего «Жигуля».

Ю. Ф.: Вот именно, а не от танков.

Б. Н.: От танков — танк просто их не заметит. Вот. Но факт остается фактом. Вот, ну и потом, значит, уже два часа... Вот, кажется, пик страха был в два часа — что они все-таки решатся. Ведь что было страшно? Не тот факт, что они пойдут на Белый дом. Страшно было то, что они кровь прольют. Потому что как только будет пролита кровь, у них уже не будет возможности сдаться. Они должны будут убивать, убивать и убивать. Вот сейчас еще, вот сейчас еще можно им сдаться. Сейчас им еще... ну, грозит суд, посадят их, скорее всего, но они останутся живы. Но если они начнут по-настоящему стрелять, они обрекут себя на смерть. И чтобы спастись от смерти, у них останется только одно: стрелять, стрелять и стрелять. Но вот уже часа в три, по-моему, или даже в четыре стало ясно, что штурма не будет. И все страшное кончилось.

<...>

И все же, как относились АБС к самой идее коммунизма? Геннадий Прашкевич позже вспоминал слова АНа.

Из: Прашкевич Г. «Человек станет игрушкой… опять же в собственных руках»

<…>

— Аркадий Натанович Стругацкий когда-то сказал мне (сразу после путча): «А все равно более красивой идеи люди еще не придумали». Он имел в виду именно коммунизм в классическом его выражении. У вас есть какая-то альтернатива коммунизму?

<…>

И слова БНа из офлайн-интервью от 12 декабря 1999 года.

Из: БНС. Офлайн-интервью, 04.12.99

Считаете ли вы, написавшие «Стажеров» (дискуссия Жилина с барменом), что идея коммунизма как идея мертва? (Сергей, Алма-Ата, Казахстан)

Идея коммунизма — мира чистых, добрых, бескорыстных людей, главной целью и главным наслаждением которых является творческий

труд, — эта идея так же бессмертна, как и идея Бога. Другое дело, что между реальными коммунистами XX века и коммунизмом как идеей так же мало общего, как между очковой змеей и интеллигенцией.

В этом году было опубликовано немало основательных литературоведческих статей, посвященных Авторам. Сборник статей Романа Арбитмана вышел в Волгограде. В статье «До и после „Сказки...“» (она цитировалась выше) через призму всего творчества АБС рассматривается СОТ. В статье «Как догнать „Улитку...“» — УНС.

Из: Арбитман Р. Как догнать «Улитку...»

<...>

Стругацкие показывают, что все «прогрессивное» наступление Управления на Лес безнравственно, потому что средства не выбираются (светлое будущее руками зэков, конечно, построить невозможно). Но безнравственны и «амазонки» из Леса, строящие свое гармоническое общество за счет «темных» рядовых обитателей Леса, использующие людей как «материал». Полюса смыкаются: отряды «прогрессивных» сотрудниц Управления, полагающих, что во

имя благой цели возможно отлавливать детей «лесовиков» машинами, и отряды деловитых «амазонок» из Леса, для которых все его жители (кроме них самих, конечно) — ошибка природы, по сути, делают одно дело. Потому-то «подвешенное» состояние Кандида, бывшего сотрудника Управления, который заблудился в Лесу и не может найти выход, — единственно нормальное состояние для честного человека в этой безвыходной ситуации (Стругацкие очень часто ставят своих героев именно в безвыходные ситуации, чтобы раскрылся характер людей). Кандид — герой в повести симпатичный и, наверное, даже счастливый, потому что в этой ситуации, между бюрократами из Управления и «амазонками» из Леса, он находит свое место, встав на защиту «исторически обреченных» лесовиков.

Другая проблема — человек и власть — ставится в тех главах повести, где действует внештатный сотрудник Управления Перец. Перец — тоже симпатичный персонаж, умный, тонко чувствующий интеллигент, понимающий все неблагополучие дел в Управлении, ужасающийся, но бессильный что-нибудь предпринять. По логике вещей, это страдательный персонаж, который никогда не научится подчиняться, но никогда, как правило,

не допускается к управлению... И вот Стругацкие ставят страшноватый эксперимент, в финале повести вручая Перецу всю полноту власти — он становится директором Управления (а в контексте повести — фактическим диктатором). В его власти — изменить и улучшить все, что он пожелает, осуществить какие угодно реформы, затеять вселенскую перестройку. Но...

<...> Собственно, это одна из «вечных» тем. Одарив властью отнюдь не злопамятного хитреца, одержимого маниакальной подозрительностью, и не азартного простака, привыкшего опираться не на интеллект, а на житейскую сметку, и не тщеславного сибарита, которому блеск наград затмил все остальное (подобное бывало в нашей истории, и чем кончилось, нам известно), а обычного неплохого человека, Стругацкие показывают, как вне зависимости от личных качеств руководителя переход от привычной несвободы к демократии необычайно труден, болезнен и подчас просто проблематичен, невзирая на лучшие намерения. «Демократия нужна, свобода мнений, свобода ругани, соберу всех и скажу: „ругайте!“» — размышляет Перец в кабинете директора и тут же понимает, *чем* может кончиться его либеральное начинание, спущенное «сверху». «Да, они будут

ругать. Будут ругать долго, с жаром и упоением, поскольку так приказано...» И Перец сам уже не замечает, как логика кресла начинает диктовать ему его поступки, и уже в голову не приходит (как несколькими минутами раньше) шальная мысль распустить Управление, поскольку оно бог знает чем занимается. А приходят в голову мысли трезвые, обстоятельные: «В общем, власть имеет свои преимущества... Управление я, конечно, распускать не буду, глупо, зачем распускать готовую, хорошо сколоченную организацию...» В итоге Перец с ужасом понимает, что не может сделать *ничего*, несмотря на его огромную власть, и его бессмысленная директива, которую он отдает ополоумевшему от верноподданнических чувств Домарощинеру, — просто жест отчаяния. Как мы помним, Перец призвал всех сотрудников Управления... покончить жизнь самоубийством. А мог бы призвать идти штурмовать телевышку в определенной стране, или потребовал бы совмещения поста директора с постом партийного лидера, армии — с милицией, церкви — с государством... Результат подобных реформ был бы примерно одинаковым, как и сами приказы — не более чем дань беспросветному отчаянию несостоявшегося реформатора, исполненного лучших

побуждений (сегодня авторы, пожалуй, могли бы повторить фразу булгаковского Мастера: «Как я все угадал!»).

Чем закончится пребывание Переца в повести на посту директора — догадаться нетрудно: найденный им в сейфе пистолет с одним патроном определит все дальнейшие поступки героя... И все же повесть, написанная в 60-е годы, заканчивается не на мрачной, совсем уж безнадежной ноте. В эпилоге Кандид, второй главный герой повести, честно делает то дело, которое считает для себя главным: защищает маленький лесной народ. Кажется, мораль не новая: оставаться самим собой, не переставать быть человеком даже в тех обстоятельствах, которые как будто бы усиленно подталкивают нашего героя к обратному... Но разве этого мало?

<...>

Александр Мирер написал большую статью-предисловие к первому собранию сочинений АБС, которое начало выпускать издательство «Текст». Долгожданному собранию. Желанному. Но даже первый его том АН не успел увидеть...

Из: Зеркалов А. Игра по собственным правилам

<...>

«Попытка к бегству» и «Трудно быть богом» — вещи во всех смыслах пороговые для Стругацких. Из развлекательно-поучительной фантастики они шагнули в философскую литературу. Родились новые писатели, совершенно самостоятельные и ни на кого не похожие. Период ученичества завершился.

В «Попытке...» они как будто не замахивались на многое. Еще раз сказали о средневековой сути фашизма и предупредили, что темная страсть к насилию живуча, что ее с наскока не преодолеть — должны пройти века и века, прежде чем восторжествуют разум и человечность. Не замахнулись — не намекнули, что сталинизм ничем не лучше гитлеризма и его не одолеешь разом — оттепелью или решением партийного съезда. Не посмели? Думается, просто двигались в своей последовательности, как вело сердце. Фашизм они ненавидели с детства, а сталинизм только учились ненавидеть. Они писали о старой боли, о том, что еще ныло, как старые переломы.

О сталинизме они написали в «Трудно быть

богом». Тот же формальный прием, что и в «Попытке к бегству»: люди из счастливого коммунистического будущего, делегаты чистой и радостной Земли, оказываются в грязном и кровавом Средневековье. Но здесь под личиной средневекового королевства на сцену выведена сталинская империя. Главному пыточных дел мастеру, «министру охраны короны», дано многозначительное имя: Рэба; в оригинале его звали Рэбия, но редакторы попросили сделать намек не столь явным. Более того, Стругацкие устроили свою империю гибридной, сшитой из реалий средневековых и объединенных, сталинско-гитлеровских, реалий нашего времени. Получился немыслимый тройной ход, обнажились кровное родство двух тоталитарных режимов XX века и их чудовищная средневековая сущность.

Однако не только из-за этого роман произвел впечатление взрыва — да и сейчас поражает всех, кто читает его впервые. Это первоклассная приключенческая вещь, написанная сочно, весело, изобретательно. Средневековый антураж, все эти бои на мечах, ботфорты и кружевные манжеты послужили волшебной палочкой, магически действующей на аудиторию и заставляющей безотрывно читать философский роман, много-

слойный и не слишком-то легкий для восприятия. И вот, дочитав его до конца, мы — первые читатели «Трудно быть богом» — с изумлением, с оторопью даже, кидались звонить друзьям и требовать, чтобы они немедленно, сию секунду тоже начали его читать.

Напомню, это было четверть века назад; книга попала в руки читателей, приученных произносить слово «революция» с благоговейным придыханием. А Стругацкие объявили, что опасно любое вмешательство в исторический процесс, даже бережное и аккуратное — под наркозом. История должна сама прокрутить свои шестерни, в своей беспощадной последовательности. Нельзя лишать народ его истории — писатели сказали это за четверть века до того, как мы спохватились и начали восстанавливать храмы и зазывать домой эмигрантов.

О бегстве интеллигенции от тоталитарного гнета в романе также говорится, и очень много, но это как бы внешность. Стругацкие указывают на суть, на то, как, по их мнению, должно идти нормальное историческое развитие: его движители суть не революционеры, а ученые, поэты, художники, врачи, учителя.

<...>

Писатели не пытались конструировать коммунизм — и вообще некое общество утопии. Они просто населили Землю хорошими людьми: свободными духом, ответственными, доброжелательными, интеллигентными. Из них, живых душ, и складывается мир будущего. Чистый экологически и духовно, веселый и добрый, во всем противоположный грязному и недоброжелательному миру, в котором реально живут читатели.

На самом деле Стругацкие не пишут о будущем. Они показывают нам, как не нужно жить сейчас.

К их утопическим картинам очень точно подходит определение Виктории Чаликовой: «Утопия враждебна тоталитаризму потому, что она думает о будущем как об альтернативе настоящему». Эту враждебность еще в шестидесятые годы уловили правые критики, верные режиму. Один из них объявил, что Стругацкие «...обесценивают роль наших идей, смысл нашей борьбы, всего того, что дорого народу». Уловили и восприняли на свой лад сотни тысяч «простых» читателей — не такими уж простыми они оказались, сейчас многие из них отчаянно дерутся за новую жизнь... Но есть читатели и критики, даже самые интеллигентные и «левые», которые так ничего и не поняли. Как бы загипнотизированные яр-

лычками и наклейками, они считают Стругацких едва ли не сталинистами и приписывают им соответствующие грехи.

Крайности сходятся. Что же, это в российской традиции — как и яростные споры о литературе. Она неотторжима от жизни нашего народа, слово художника значит очень много, на него отзываются радостно и гневно, честно и лукаво.

Стругацкие укрепили традицию русской литературы. Они из тех, «кто в годы бесправия... напоминал согражданам о неуничтожимости мысли, совести, смеха» — так сказал о них один, не слишком благожелательный, критик.

Скажу больше: они подтолкнули нас к разрыву со средневековьем, к прыжку в будущее.

Будем читать их книги, надо двигаться дальше.

В октябрьском номере журнала «Пульс» печатается интервью БНа Левону Оганджаняну, взятое еще в мае.

Из: БНС. «Человек — не сорная трава»

<...>

— Борис Натанович, большинство ваших работ написаны в 60–70-е годы, во времена не слишком

благоприятные для творчества...

— Наша продуктивность падает вдвое каждые десять лет. Я это связываю с явлениями исключительно возрастными, в самом широком смысле слова. Раньше мы могли съехаться и месяц работать днем и ночью. А сейчас с прежней интенсивностью мы можем работать подряд всего три-четыре дня. Масса всевозможных семейных обстоятельств, которые меняют наш ритм. Здоровье не то. А с другой стороны, имеет место этакое повышение капризности, что ли... Раньше у нас отсев идей был сравнительно небольшой. С возрастом приходит разборчивость, придирчивость, то самое желание лучшего, которое, как известно, враг хорошего.

У меня область интересов переместилась сейчас в экономику, политику, социологию. И, откровенно говоря, сейчас художественную литературу не то что писать — читать не хочется. На первый план вышли газеты, журналы.

— Кажется, вас миновала участь писателей, книги которых не издавали?

— Нет, вы ошибаетесь. С 70-го по 80-й год у нас не вышло ни одной новой книги — пара переизданий и все. Правда, нам время от времени удавалось напечататься в журналах, написать и

продать какой-нибудь киносценарий, но книги не было ни одной. У Стругацких была слава скрытых диссидентов, врагов Советской власти. О нас в редакторско-издательских кругах распространяли самые невероятные слухи. В том числе, что Стругацкие уезжают в Израиль, США, ЮАР — куда только нас не отправляли. На нас обрушивался град очень резких статей-доносов в центральной прессе...

Может быть, имело место и прямое запрещение. Не знаю. Но когда чье-то имя на бесконечных совещаниях все время произносится со знаком минус, то, естественно, с этим именем никто не хочет иметь дело. В наших произведениях усматривали идеологические проколы. Времена были застойные, и самая страшная ошибка, которую мог совершить руководитель, была ошибка идеологическая. Он мог завалить план, довести организацию до полной разрухи — все, кроме идеологической ошибки, ему прощалось. Поэтому нас боялись издавать. Потом нас перестали замечать.

А вот в течение 89-го года мы выпустили книг больше, чем за все предыдущее десятилетие.

<...>

— *Как вы думаете, ваши произведения тоже*

со временем устареют и перейдут в разряд юношеско-приключенческой литературы, как это произошло с книгами Жюля Верна, Уэллса, Ефремова, Беляева, или что-то станет классикой?

— Старение — удел любого вида искусства. Можно восхищаться фильмом «Броненосец „Потемкин“», но интерес он вызывает сейчас, согласитесь, больше у киноведов. Фантастика и кино стареют особенно быстро. Но — есть вечные вещи. Пройдет сто лет — и забудут «Мастера и Маргариту». Но пройдет еще сто лет — и этот роман откроют снова и будут наслаждаться им и удивляться его злободневности. Что касается наших произведений, то лет через двадцать пять о многих забудут или они перейдут в упомянутый вами разряд. Несколько дольше просуществуют, может быть, «Улитка на склоне», «Отягощенные злом». Может быть, «Град обреченный». Некоторые наши ранние вещи уже устарели безнадежно и необратимо.

<...>

Тринадцатого октября в рабочем дневнике АБС БН делает последнюю запись.

Рабочий дневник АБС

13.10.91

Около 13.00 позвонила Маша66 и сказала, что все кончено.

А. умер вчера, 12 октября 1991.

Писателя «бр<атья> Стругацкие» больше нет.

Б. говорил с ним последний раз где-то в начале сентября (узнавал насчет Михаила Громова). А. говорил словно бы нехотя, он будто ждал, когда Б., наконец, кончит задавать вопросы и отстанет.

Финишная прямая. А. вышел на нее весной 1991 года. А Б.? Сегодня?

Не знаю. Финишная прямая — это когда потерян интерес к жизни.

В папке с письмами есть запечатанный конверт с адресом получателя — АНа и адресом отправителя — БНа. На конверте стоит почтовый штамп Ленинграда от 30.09.91. На обороте — почтовый штамп Москвы: 9.10.91. Тут же, на обороте конверта, БН написал: «Арк получил это письмо, но уже не смог (не захотел) его прочитать».

Семья АНа, Борис Натанович с Аделаидой Ан-

древней, многие поклонники творчества АНа (и в их числе члены группы «Людены») 16 октября прощались с АНом в траурном зале крематория Донского кладбища. Сергей Лифанов писал об этом 26 ноября в нижегородской «Рабочей жизни».

Из: Лифанов С. Стругацкий Аркадий Натанович

<...>

Мне повезло знать Аркадия Натановича. В августе прошлого года мы, шесть человек из группы «Людены», приехали поздравить его с 65-летием. Аркадий Натанович принимал нас дома, в обычной двухкомнатной квартире, по-настоящему богатой книгами. Встретили нас совершенно по-домашнему, снарядили тапочками, Аркадий Натанович угостил дефицитными уже тогда сигаретами. Он много и интересно говорил, охотно отвечал на вопросы, умно острил, балагурил...

И вот через год с небольшим мы снова в Москве. На Донском кладбище Аркадия Натановича провожали родные, друзья, коллеги. И мы, фэны — те, кому смогли сообщить и кто успел добраться. <...> Говорили мало и, может быть, не очень гладко, но от сердца. Клали на гроб цветы. Прощались...

«Он был как из сказки: всегда добр и поэтому всегда прав... „Из всех возможных решений выбирай самое доброе“. Он никогда не говорил этих слов и очень ехидно отзывался в адрес тех своих биографов, которые приписывали ему эти слова, и он наверняка никогда не думал этими словами, однако вся суть его жизни — именно в этих словах», — так писали братья Стругацкие об одном из своих героев.

Так можно написать и о них самих. Так я хочу написать о Человеке, Писателе и Учителе Аркадии Натановиче Стругацком.

Печальная весть быстро разносится по стране. Один за одним печатаются некрологи. 15 октября — в газете «Саратов».

Из: Арбитман Р. Памяти писателя: Умер Аркадий Натанович Стругацкий

Ушел из жизни не просто замечательный человек и прекрасный писатель: со смертью Аркадия Натановича закончилась целая эпоха в нашей литературе, неразделимого прежде понятия «братья Стругацкие» больше нет.

Три с лишним десятилетия, начиная с самой ранней повести «Страна багровых туч» и кончая

недавним романом «Град обреченный», писатель, известный всем как «братья Стругацкие», был не просто — как принято говорить — «одним из лучших» писателей-фантастов нашей страны, а действительно самым лучшим, и здесь нет никакого преувеличения.

В самые трудные годы, когда казалось, что тоталитарная система вечна и незыблема и надеяться думающему человеку как будто не на что, именно книги Стругацких, с трудом преодолевая кордоны отечественной цензуры, возвращали нам надежду. Американская энциклопедия научной фантастики называла Стругацких внутренними эмигрантами — имея в виду их духовное противостояние Системе.

Но ведь и мы, читатели, в течение многих лет имели возможность «эмигрировать» в миры, созданные воображением братьев Стругацких. В противовес унылой серой рутине, где человек («винтик» по определению) увязал в бюрократической паутине, писатели создали мир яркий, притягательный, правдоподобный, в котором жить было интересно, хотя и не так просто.

<...>

Аркадий Стругацкий был личностью яркой и многогранной. Он был еще и отличным пере-

водчиком, и темпераментным публицистом, и вдумчивым редактором, и крупным специалистом по древнеяпонской литературе.

Он был удивительным собеседником и талантливым рассказчиком. Несколько раз Аркадий Натанович — по приглашению его здешних друзей и любителей фантастики — приезжал в наш город, и каждый его приезд становился праздником, настоящим событием для нас...

Потеря невосполнима. Но осталось целое поколение, выросшее на книгах братьев Стругацких. Поверьте, не самое плохое поколение.

16 октября — некролог в «Независимой газете».

Из: За миллион лет до...

Умер Аркадий Натанович Стругацкий, старший из братьев-соавторов, замечательный писатель, умевший вынести и фантастическую популярность, и цензурный прессинг, и проработочные статьи, и холодное молчание серьезной критики. Умер литератор, плодотворно, энергично и счастливо работавший, получавший радость от своего труда и твердо знавший, что его книги нужны многим. Умер человек трезвого ума, редкой со-

циальной зоркости, щедро наделенный дарами совестливости, сострадания и тревоги — тревоги за личность, культуру, саму жизнь на Земле. Умер оптимист, не склонный к иллюзиям, но от того не переставший быть оптимистом. Умер шестидесятник, способный на дружеский диалог с новыми поколениями, с детьми поседевших «младших научных сотрудников», обычно не торопящимися признавать заслуги отцов. Умер гражданин, положивший силы свои на формирование гражданского самосознания в вовсе не подходящих для того условиях.

Книги братьев Стругацких читают много и жадно. Почти каждая из них была (а часто и остается) бестселлером. Тем печальнее, что продуманные, взвешенные, сочувственные слова о более чем четвертьвековой литературной работе чаще звучали на кухнях, чем появлялись на страницах журналов и газет. Свободное от конъюнктурности осмысление прозы Стругацких, по сути дела, еще не началось.

<...>

Тогда же — некролог в «Комсомольской правде».

Из: Мариничева О. За миллиард лет до конца света: Во Вселенной стало холоднее

<...>

Смерть — она ведь всего лишь рамка, без и вне которой невозможно увидеть целостность и смысл прожитой человеком жизни. Смерть — добытчица смысла. И потому известие о смерти нерядового человека я всегда воспринимаю как сигнал «свыше» нам всем, живущим: пора осмыслить именно эту жизнь, пора понять феномен именно этого человека.

<...>

Мне достаточно того, что братья Стругацкие — уже тогда, очень давно, в 60-е годы, позвали, поманили нас, тогдашних подростков и студентов, на невидимые, духовные баррикады противостояния миру лжи, продажности, насилия. Поманили — да, мечтой, фантазией, если хотите — утопией, а точнее — просто моделью, проектом, прогнозом реальной возможности более гармоничного и светлого, чем нас окружал, мира. Что касается картин мира «реального», то не зря же, наверное, их книги запрещали, и часть из них мы читали в «самиздате».

Да, мы были лишены Библии и сказаний о жи-

тиях святых. Но кто был с нами взамен святых и самого Господа Бога? А были просто звездолетчики, просто разведчики и работники будущего из «Туманности Андромеды» Ивана Ефремова (родоначальника социальной фантастики у нас в стране), и из книг Стругацких «Трудно быть богом», «Полдень. XXII век» и множества других книг.

А ведь это были не просто отдельные захватывающие книги и отдельные пленяющие своим примером герои. Стругацким принадлежит авторство на создание целого мира, собственной Вселенной, обжитой и густо заселенной. Как в начале века писатель Александр Грин создал свою Гринландию, а в середине века летчик Антуан де Сент-Экзюпери — свою Планету Людей, так во второй половине XX века фантасты Стругацкие «сочинили» свою Вселенную. Попадая в нее через двери любой из их книг, читатели, особенно молодые, оказываются в твердой, граненой и сверкающей, как алмаз, системе нравственных и духовных координат. В любом романе Стругацких больше педагогики и философии, чем в мертвом, раздробленном, скучном наборе школьных предметов, вместе взятых.

Да, сейчас, как сообщили на днях по телеви-

зору, мы наконец-то учимся жить сегодняшним днем, а не только уповать на светлое будущее. Но из этого сегодняшнего дня никто не вправе — да и не в силах будет — изъять Предвидение, Мечту, Фантазию. Они нужны не только детям. <...>

Но в отличие от «прогностического» бума, который активно и расчетливо насыщают провидцы всех мастей от астрологов до режиссеров, предвидения и предсказания Стругацких — не бесстрастны, не холодно-расчетливы. Живое, теплое дыхание любящего сердца, щемящая, трепетная жалость по всему живому и хрупкому — вот дыхание их Вселенной. В которой так трудно быть не только Богом, но и человеком. И просто, может, его «командировка» подошла к концу... Прощайте, Аркадий. Спасибо вам за все, что вы для нас сделали.

18 октября — некролог в «Книжном обозрении». Он подписан редакциями «Книжного обозрения» и издательства «Текст».

Памяти Аркадия Натановича Стругацкого

Умер один из тех людей, которые воистину были умом, честью и совестью эпохи.

Он ненавидел идеологию барабанной дроби,

но свято хранил идею светлого будущего и щедро делился ею с читателями. Он не верил в жирное и самодовольное будущее изобилия.

Он не верил в будущее тупого торжества над природой.

Он верил в будущее без дураков.

На книгах братьев воспитывались поколения. Не возрастные поколения — духовные: поколение «шестидесятников», поколение защитников Белого дома России...

Он ненавидел серость, посредственность, глупость и воинствующее невежество — то, что порождает фашизм во всех его ипостасях. Поэтому появились такие книги, как «Второе нашествие марсиан», «Трудно быть богом», «Улитка на склоне».

Высшими ценностями для него были человеческая личность, разум и труд.

Он говорил: «Думать — это не развлечение, а обязанность».

Он любил молодежь и, будучи сам прекрасным учителем, боялся дурных педагогов. Поэтому родились такие книги, как «Гадкие лебеди» и «Отягощенные злом».

Братьев травили. Пытались изгнать из Союза, который монополизировал право называть пи-

шущих писателями или лишать этого звания. Не печатали. А когда стали печатать всех и вся, он горько сетовал: «По-настоящему современную книгу мы с братом еще не написали», хотя все их книги были современными. Ими зачитывались и будут зачитываться.

Он был замечательным человеком, прекрасным писателем, блестящим переводчиком с английского и японского.

Он был Мастером.

Он был нашим другом. С самого начала он занял свое место в команде, которая создала одно из первых независимых издательств в стране — издательство «Текст». Книги братьев были в числе первых, напечатанных «Текстом». Всю жизнь он мечтал о журнале фантастики. И очень многое сделал, чтобы стал выходить фантастический альманах «Завтра». Следующие номера альманаха выйдут с произведениями братьев, но без него.

Без него остались читатели, коллеги-писатели, издатели.

Осталась без него отечественная фантастика, в которой он был...

Он — был!

Умер Аркадий Натанович Стругацкий...

18 октября — некролог в алма-атинском «Горизонте» от КЛФ «Джидай».

Памяти Аркадия Стругацкого

В нашей жизни они были всегда. Когда мы научились читать, «Понедельник начинается в субботу» был литературной новинкой и любимой книгой наших родителей. Мы читали его по вечерам вслух на крохотной кухне, от смеха теряя координацию и сбивая с полок посуду. Когда мы учились думать, нам в руки замысловатыми путями попадали отпечатанные на машинке «Улитка на склоне», «Гадкие лебеди», «Сказка о Тройке». Мы успевали полюбить их раньше, чем начинали по-настоящему понимать. Наша юность ловила в океане идеологических шумов и соцреалистических помех самые чистые и мужественные голоса, голоса из будущего — голоса братьев Стругацких.

Они были всегда. Они были молоды и, само собой, абсолютно бессмертны. 13 октября один из этих голосов умолк. Это невозможно осознать, но Аркадия Стругацкого больше нет...

23 октября — подчеркнуто-официальный некролог в «Литературной газете», подпи-

санный А. Адамовичем, А. Ананьевым, В. Арро, Г. Баклановым, А. Вознесенским, Е. Евтушенко, Б. Окуджавой, А. Приставкиным, Т. Пулатовым.

В последнем октябрьском номере газеты «Московские новости» памяти АНа посвящены две статьи — Мариэтты Чудаковой и Александра Сокурова.

Из: Чудакова М. Гимнастический снаряд для интеллекта: Фантастика в моей жизни

<...>

Романы и повести Стругацких особенно любили, кажется, люди технических профессий. Узнавали в лицо с какой-то специфической «нашенской» радостью безнадегу нашенской жизни, и эта несколько истерическая радость оказалась вцепчивой, она не отпускает людей и сегодня. Радовались и тому, с какой свободой описывался интеллектуал, как прославлялось то могущество интеллекта, которому не было места ни в реальности, ни в рамках регламентированной, нефантастической отечественной словесности. (Вот еще почему так полюбили физики и химики Воланда — к всемогуществу этого сверхпрофессора подготовили читателя и братья Стругацкие.)

Их герои-интеллектуалы нередко гибли, но

не в безвестности, не в лагерной тьме, а как бы успев объявить о себе на страницах печати, и это, несомненно, помогало интеллигентам, живущим в своем отечестве, где интеллект ежечасно попирался.

В тогдашней печатной жизни не было ни экономической, ни социологической, ни исторической, ни философской, ни политологической мысли. В книгах братьев Стругацких искали читатели ответы на те вопросы, которые должны бы задать они профессионалам всех этих наук. В истории нашего общества 60–70-х годов XX века место этих книг будет со временем осмыслено. Но, пожалуй, можно рискнуть сказать, что они были тем своеобразным гимнастическим снарядом для интеллекта, который позволил многим их читателям сохранить саму способность к размышлению над закономерностями и случайностями социума, сохранить, может быть, готовность к будущему умственному усилию.

<…>

Сокуров А. Дверь за ним закрылась тихо

14 октября утром я набрал номер телефона Бориса Натановича Стругацкого и на вопрос, есть ли две минуты меня выслушать, услышал ответ:

«Есть». Коротко изложил суть дела. После паузы Борис Натанович ответил: «Саша, давайте вернемся к этой теме через месяц». И далее сообщил мне, что умер Аркадий Натанович. «Извините», — сказал я и, не найдя никаких сил что-либо добавить, прервал разговор.

Если можно, простите меня, Борис Натанович, за то мгновение смятения, которое не позволило мне найти слова сочувствия. Да и что говорить, когда за спиной покойного уже улеглась такая непростая жизнь, когда терпеливо пережито столько унижений, а творец жил, живет и будет жить среди тех, кто не щедр на ласковые слова и на признание. Как повелось, в России ждут смерти. Ну что же, дорогие мои соотечественники, дождались? И что теперь будете говорить вослед этому гробу? По-прежнему будете поминать Стругацких главным образом тем, что «это те самые Стругацкие, которые работали с Тарковским»? По-прежнему будете делать вид, что нет Стругацких-литераторов, художественных писателей, а есть нечто, что обзывается словом «фантасты»?

Поистине зло могущественно. Оно разлучило двух единокровных братьев, понуждая оставшегося в живых продолжать жизненный путь почти невозможным для братьев образом, творя

в одиночку. Наверно, это невыносимо тяжело — брату оставаться без брата, как тяжело целому быть без половины. Знаю, что Борис Натанович побывал на границе небытия: кто переживал инфаркт, понимает, о чем идет речь. Думаю, что Борис Натанович кое-что успел разглядеть «на том берегу», куда переправляется в эти дни душа его брата Аркадия. Попросим у Создателя успокоения для этой дорогой многим из нас души.

Нарушена российская традиция: не сообщено о дне похорон и месте захоронения. В России писателей хоронили миром. Это как-то помогало многим испросить прощения за жестокосердие. У каждого из нас есть вина перед художником. Но семья Стругацких всегда была целомудренна, сдержанна.

Жила не скрытно, но скромно. Так и в этой трагедии, видимо, они предпочли к страданиям сердец и душ своих не допустить толпу.

Как тихо закрылась за ним дверь! Так закрывается дверь за большим домашним, тепло одетым даже в своей квартире человеком. Дверь даже не скрипнула, и многие из нас не заметили, вошел кто или вышел.

Совсем недавно АН открывал своим обращением к читателям новый альманах «Завтра». И

вот уже в третьем его выпуске — некролог...

Памяти Аркадия Натановича Стругацкого

Он говорил:

Хочу видеть своих читателей победителями. Людьми, способными ставить цели и достигать их. Людьми, верящими в силу добра и умеющими творить его.

Он говорил:

Каждая новая вещь должна быть экспериментом, поиском нового.

Он говорил:

Литература, которой я занимаюсь, по своей природе оптимистична.

Он больше ничего не скажет.

Аркадий Натанович Стругацкий умер 12 октября 1991 года. Ушел один из последних рыцарей литературы, чудом сохранивший дон-кихотскую стать до своих последних дней — вопреки всему. Вопреки пережитой им ленинградской блокаде, тяжкой службе в захолустных гарнизонах, хромой, как сказали сами Стругацкие, литературной судьбе. Умер в своей крошечной двухкомнатной квартирке — как жил.

Россия понесла огромную утрату, но еще не осознала ее. Не удивительно: литературное

сообщество до сей поры не оценило значение Стругацких для культуры XX века.

Почти тридцать лет прошло с появления «Трудно быть богом»; тогда впервые было совершено невозможное — под маской фантастического триллера вышел социологический трактат. Глубокий, многослойный, но доступный каждому интеллигенту в возрасте от двенадцати и старше.

Тогда же — мгновенно — сложился круг читателей Стругацких: инженеры, биологи, врачи, физики, рабочие, актеры; миллионы людей, огромный круг, но в нем почти нет литераторов. Скованные кандалами традиций, они не поняли, что литература совершила очередной рывок вперед — в новые формы, в новое миропонимание.

Боже избави, мы не сводим с ними счеты; подобное не раз бывало в истории культуры — критика молчала о Чехове двадцать лет... Речь о судьбе братьев Стругацких, они так и не признаны «большим литературоведением» — до сих пор, после тридцати пяти лет творческой работы. Перед теми, кто хотел говорить о них всерьез, закрывались двери журналов — и до и после 1985 года.

Так прожил свою литературную жизнь Аркадий

Натанович — в полупризнании. Он не дождался собрания сочинений братьев Стругацких. Он был скромен во всем и, можно догадываться, так и не оценил своего истинного места в литературе — несмотря на письма и звонки поклонников, на миллионные тиражи книг за последние три года, сотни зарубежных публикаций.

Он говорил: Думайте! Думайте! Я сам знаю, что думать — труднее, нежели прокладывать магистрали и добывать нефть из вечной мерзлоты. Мы в огромном долгу перед ним, но этот долг уже никогда не удастся выплатить.

И все же еще раз обратимся к рабочему дневнику АБС, в самый последний раз. В него вложен лист со следующим текстом.

Рабочий дневник АБС

Настоящим удостоверяется, что 06 декабря 1991 года прах *Аркадия Натановича Стругацкого*, писателя, был принят на борт вертолета МИ-2, бортовой № 23572, и в 14 часов 14 минут развеян над *землей* в точке пространства, ограниченной 55°33' С. широты, 38°2'40" В. долготы. Воля покойного исполнена в нашем присутствии.

[подпись] Черняков Ю. И.

[подпись] Соминский Ю. З.
[подпись] Мирер А. И.
[подпись] Ткачев М. Н.
[подпись] Гуревич М. А.
[подпись] Лепников Т. И.

Составлено в количестве *восьми* пронумерованных экземпляров.

Мы в точности не знаем, почему АН принял такое решение — завещать развеять свой прах. Но известно, что из многих песен Александра Городницкого он особенно отмечал вот эту. Может быть, в ее строках — и истоки завещания АНа?..

Александр Городницкий. Новодевичий монастырь

Снова рябь на воде и сентябрь на дворе.
Я брожу в Новодевичьем монастыре,
Где невесты-березы, склоняясь ко рву,
Словно девичьи слезы роняют листву.
Здесь все те, кто был признан в народе, лежат.
Здесь меж смертью и жизнью проходит межа.
И кричит одинокая птица, кружа,

И влюбленных гоняют с могил сторожа.

У нарядных могил обихоженный вид, —

Здесь и тот, кто убил, рядом с тем, кто убит.

Им легко в этом месте — ведь тот и другой

Жизни отдали вместе идее одной.

Дым плывет, невесом. Тишина, тишина...

Осеняет их сон кружевная стена.

И металлом на мраморе их имена,

Чтобы знала, кого потеряла, страна.

А в полях под Москвой, а в полях под Орлом,

Порыжевшей травой, через лес напролом,

Вдоль освоенных трасс на реке Колыме,

Ходит ветер, пространство готовя к зиме.

Зарастают окопы колючим кустом.

Не поймешь, кто закопан на месте пустом:

Без имен их земля спеленала, темна,
И не знает, кого потеряла, страна.

Я люблю по холодной осенней поре
Побродить в Новодевичьем монастыре.
День приходит, лилов, и уходит назад,
Тусклый свет куполов повернув на закат...
Не хочу под плитой именною лежать,
—
Мне б водою речной за стеною бежать,
Мне б песчинкою лечь в монастырь, что вместил
Территорию тех безымянных могил.

Эпилог

Уважаемый читатель! Мы вместе с Вами проследили весь творческий путь писателя «Аркадий и Борис Стругацкие». Мы вынуждены завершить цикл «Неизвестные Стругацкие» на печальной дате — 1991 год, кончина АНС. Так сложились обстоятельства, судьба, что этот том мы составляем, уже зная о кончине и БНС в ноябре 2012-го. Так вот сошлись две эти даты...

Цикл наш окончен, но не окончена наша работа: группа «Людены» занимается ныне подготовкой Полного собрания сочинений Аркадия и Бориса Стругацких в тридцати (пока — тридцати) томах. За шесть лет издания второго цикла «Неизвестные Стругацкие», за пять лет издания первого цикла стали известны новые документы: рукописи, дневники, письма. Благодаря любезности Марии Аркадьевны и Ивана Владимировича Стругацких стала доступна московская часть архива АБС. Борис Натанович успел прокомментировать нам новые документы, принимал активное участие в подготовке Полного собрания...

Мы по-прежнему завидуем Вам, читатель!

Благодарности

Составители бесконечно признательны
СТРУГАЦКОМУ Борису Натановичу
за согласие опубликовать переписку и дневники братьев Стругацких и за содействие в подготовке их к печати.

Составители выражают благодарность за участие в подготовке этой книги:
членам группы «Людены»: Роману Арбитману, Владимиру Борисову, Юрию Зубакину, Вадиму Казакову, Алексею Керзину, Алле и Ирине Кузнецовым, Роману Муринскому, Леониду Рудману, Юрию Флейшману, Михаилу Шавшину, Илье Юдину.

Особую благодарность составители выражают Сергею Соболеву за помощь в осуществлении издания.

Errata. Замеченные ошибки

В томе НС-1 (Неизвестные Стругацкие: Черновики. Рукописи. Варианты. От «Страны багровых туч» до «Трудно быть богом») в разделе «Рассказы» на с. 475–484 ошибочно приписаны Авторам «Темы для рассказов». На самом деле опубликованные таблицы суть ранняя версия так называемого «Регистра Альтова» — Регистра научно-фантастических идей и ситуаций Генриха Альтова (Альтшуллера) — и АБС не принадлежат.

В томе НС-7 (Стругацкие. Материалы к исследованию: письма, рабочие дневники. 1967–1971) в разделе «1969» на с. 314–319 статья «Фельетон — опасный жанр» ошибочно приписана Самуилу Лурье.

Приносим искренние извинения С. Лурье, наследникам Г. Альтова, а также всем читателям.

Приложения

Алфавитный указатель аббревиатур и ранних названий произведений

40ЛС — Сорок лет спустя.

5ЛЭ — Пять ложек эликсира.

ББ — Бич божий.

Без оружия — пьеса по «Трудно быть богом».

Белый Ферзь — замысел четвертой книги о Максиме Каммерере. Вариант заглавия: Операция «Вирус».

Бессильные мира сего.

Бич божий — см. Дьявол среди людей.

БМС — Бессильные мира сего.

ВГВ — Волны гасят ветер.

Веселенькие беседы при свечах — см. Жиды города Питера.

ВНМ — Второе нашествие марсиан.

Волны гасят ветер.

Второе нашествие марсиан.

Гадкие лебеди.

ГЛ — Гадкие лебеди.

ГО — Град обреченный.

Град обреченный.

Далекая Радуга.

День затмения.

ДЗ — День затмения.

ДР — Далекая Радуга.

Дьявол среди людей. Варианты заглавия: Бич божий, Несчастный мститель.

ЖвМ — Жук в муравейнике.

ЖГП — Жиды города Питера, или Невеселые беседы при свечах.

Жиды города Питера, или Невеселые беседы при свечах. Варианты заглавия: Веселенькие беседы при свечах, Ночь страха.

Жук в муравейнике.

За миллиард лет до конца света.

ЗМЛдКС — За миллиард лет до конца света.

Извне.

М — Малыш.

Малыш.

Несчастный мститель — см. Дьявол среди людей.

НМ — Несчастный мститель.

Ночь страха — см. Жиды города Питера.

Обитаемый остров.

ОЗ — Отягощенные злом, или Сорок лет спустя.

ОО — Обитаемый остров.

Операция ВИРУС — см. Белый Ферзь.

Отель «У погибшего альпиниста».

Отягощение злом — см. Отягощенные злом, или Сорок лет спустя.

Отягощенные злом, или Сорок лет спустя. Варианты заглавия: Отягощение злом, Сорок лет спустя.

ОуПА — Отель «У погибшего альпиниста».

ПХХIIВ — Полдень, XXII век.

Парень из преисподней.

Пикник на обочине.

ПиП — Парень из преисподней.

ПкБ — Попытка к бегству.

ПЛЭ — Пять ложек эликсира.

ПнА — Путь на Амальтею.

ПНвС — Понедельник начинается в субботу.

ПнО — Пикник на обочине.

Повесть о дружбе и недружбе.

Поиск предназначения, или Двадцать седьмая теорема этики.

Полдень, XXII век.

Понедельник начинается в субботу.

Попытка к бегству.

ПП — Поиск предназначения, или Двадцать седьмая теорема этики.

Путь на Амальтею.

Пять ложек эликсира.

РвП — Роман в письмах.

Роман в письмах — замысел.

Сказка о Тройке.

Сорок лет спустя — см. Отягощенные злом, или Сорок лет спустя.

СоТ — Сказка о Тройке.

Страна багровых туч.

ТББ — Трудно быть богом.

Трудно быть богом.

Туча.

Улитка на склоне.

УнС — Улитка на склоне.

ХВВ — Хищные вещи века.

Хищные вещи века.

Хромая судьба.

ХС — Хромая судьба.

ЭвП — Экспедиция в преисподнюю.

Экспедиция в преисподнюю.

Персоналии, упомянутые в дневниках АБС67

Абу Сумама — см. Мусейлима.

Акутагава Рюноскэ — япон. писатель.

Александров — вероятно, сотрудник киностудии «Молдова-фильм».

Аль-Кутейба — см. Ибн Кутейба.

Апдайк Джон Хойер — амер. писатель.

Аристотель — древнегреч. философ.

Бартольд Василий Владимирович — историк, арабист.

Вампилов Александр Валентинович — драматург, публицист.

Вирта (Карельский) Николай Евгеньевич — писатель, драматург, сценарист.

Воронов Юрий Петрович — заведующий отделом культуры ЦК КПСС, поэт, журналист.

Габор Деннис — англ. физик, социолог.

Гейбор — см. Габор.

Горбачев Михаил Сергеевич — политический и государственный деятель.

Грамматиков Владимир Александрович — режиссер, актер.

Гранин (Герман) Даниил Александрович — писатель.

Громов Михаил Петрович — литературовед.

Гудериан Гейнц Вильгельм — нем. военачальник.

Гуревич Михаил Абрамович — писатель, журналист, директор издательства «Текст».

Гурьянов Валерий Алексеевич — режиссер, сценарист, актер.

Ермак (Аленин) Василий Тимофеевич — землепроходец, казачий атаман.

Ермаш Андрей Филиппович — режиссер.

Житинский Александр Николаевич — писатель, сценарист, журналист, издатель.

Ибн-Куттаба, Ибн Кутейба (ошиб. Аль-Кутейба) — арабск. писатель, историк.

Исаев Егор (Георгий) Александрович — поэт.

Каганович Лазарь Моисеевич — политический и государственный деятель.

Кайдановский Александр Леонидович — актер, режиссер.

Калигула Гай Цезарь — римский император.

Кара Юрий Викторович — режиссер.

Клавдий (Тиберий Клавдий Цезарь Август Германик) — римский император.

Ковальчук Михаил Андреевич — критик, литературовед, журналист.

Кондрацкий Николай Михайлович — сотрудник Министерства финансов СССР.

Корчак Януш (Гольдшмит Генрик) — польск. писатель, педагог, врач.

Лепников Т. И. — пилот вертолета, с борта которого был развеян прах АНа.

Лопушанский Константин Сергеевич — режиссер.

Луконин Владимир Григорьевич — историк, ирановед, археолог, друг БНС.

Лукреций (Тит Лукреций Кар) — римский поэт, философ.

Магомет — см. Мухаммед.

Макиавелли Никколо — итал. политический и военный мыслитель, писатель.

Мандельштам Осип Эмильевич — поэт, переводчик.

Манин Юрий Иванович — математик, критик, поэт, друг АБС.

Маслама — см. Мусейлима.

Марковский Евгений Николаевич — режиссер.

Маркс Карл Генрих — нем. экономист, философ, политик, создатель марксизма.

Мелетинский Елеазар Моисеевич — философ, культуролог.

Мирер (псевдоним Зеркалов) Александр Исаакович — писатель, литературовед, критик, редактор.

Мопассан Анри Рене Альбер Ги де — франц. писатель.

Мусейлима, Маслама, Абу Сумама — пророк одного из арабских племен.

Мухаммед (Магомет) — арабск. проповедник, пророк, основатель ислама.

Нерон Клавдий Друз — римский император.

Никольский Борис Николаевич — главный

редактор журнала «Нева».

Ницше Фридрих Вильгельм — нем. философ.

Овидий (Публий Овидий Назон) — римский поэт.

Пастухов Борис Николаевич — председатель Госкомиздата СССР.

Пацинко Борис Борисович — юрист, сотрудник ВО «Совинфильм».

Пилат, Понтий Пилат — римский префект Иудеи.

Презент Исаак (Исай) Израилевич — биолог, педагог.

Пристли Джон Бойнтон — англ. писатель.

Проскурин Петр Лукич — писатель.

Пушкин Александр Сергеевич — поэт, писатель.

Рассел Бертран Артур Уильям — англ. математик, философ, общественный деятель.

Рыбаков Вячеслав Михайлович — писатель, синолог.

Сокуров Александр Николаевич — режиссер.

Соловейчик Симон Львович — педагог, писатель, журналист.

Соминский Юрий Зиновьевич — друг АНа.

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович — политический и государственный деятель.

Строгановы — династия купцов и промышленников.

Стругацкая Аделаида Андреевна — супруга БНа.

Стругацкая Елена Ильинична — супруга АНа.

Стругацкая Мария Аркадьевна — дочь АНа.

Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс — древнеримск. писатель, богослов.

Тиберий Юлий Цезарь Август (Клавдий Нерон) — римский император.

Тит Лукреций Кар — см. Лукреций.

Ткачев Мариан Николаевич — переводчик, писатель, друг АНа.

Успенский Эдуард Николаевич — писатель.

Федоров — неустановленное лицо.

Халид ибн ал-Валид — арабск. военачальник.

Хеллман Бен — финск. филолог, профессор славистики Хельсинкского университета.

Черняков Юрий Иосифович — врач, друг АНа.

Шкловский Виктор Борисович — писатель, литературовед.

Шолохов Михаил Александрович — писатель.

Шпенглер Освальд — нем. философ, историк.

Шукшин Василий Макарович — актер, режиссер, писатель.

Эйзенштейн Сергей Михайлович — режиссер,

сценарист.

Эйнштейн Альберт — нем., амер. физик, общественный деятель.

Юлии-Клавдии — династия римских императоров.

Юст Тивериадский — иудейский историк, писатель.

Ягода Генрих Григорьевич (Енох Гершенович) — политический и государственный деятель.

Источники публикаций

А. Н. Стругацкому — 60 лет // Литературная газета (М.). — 1985. — 27 ноября.

АБС. 1987-й литературный: предварительные итоги. Что запомнилось особенно?: Мнение писателей // Литературная газета (М.). — 1988. — 1 января.

АБС. Аркадий и Борис Стругацкие представляют // Столяров А. Изгнание беса. — М., 1989.

АБС. Атака против гласности: Письмо в редакцию // Огонек (М.). — 1989. — № 13.

АБС: «Жизнь не уважать нельзя» / Беседовала Е. Михайлова // Даугава (Рига). — 1987. — № 8.

АБС. Знакомые черты будущего // Наука и религия (М.). — 1986. — № 4.

АБС. Кое-что о нуль-литературе // В мире книг (М.). — 1987. — № 10.

АБС. Куда ж нам плыть?: Вопросы без ответов // Независимая газета (М.). — 1991. — 3 января.

АБС. Между прошлым и будущим / Беседу вел Е. Канчуков // Литературное обозрение (М.). — 1988. — № 9.

АБС. Многие из вас спрашивают... // Уральский следопыт (Свердловск). — 1987. — № 4.

АБС. О положении в литературной фантастике: Доклад, зачитанный А. Н. Стругацким на пленуме Совета по приключенческой и научно-фантастической литературе при Союзе писателей СССР в мае 1986 года. // Куда ж нам плыть?: Сб. публицистики. — Волгоград: Людены; МППО, 1991. — [Фактич. выход: 1993].

АБС. Осторожно войти / Записал Г. Жаворонков // Московские новости. — 1987. — 24 мая.

АБС. От авторов: [Предисловие к повести «Экспедиция на Север»] // Радуга (Таллин). — 1987. — № 1.

АБС. От авторов: [Предисловие к сценарию «Туча»] // Химия и жизнь (М.). — 1987. — № 8.

АБС. [Предисловие] // Лазарчук А. Опоздавшие к лету. — Рига, 1990.

АБС. Прогноз / Беседу вела А. Боссарт // Огонек

(М.). — 1989. — № 52.

АБС. Слово писателя: Аркадий и Борис Стругацкие // Книжное обозрение (М.). — 1988. — 12 февраля.

АБС: Три кита // Советская культура (М.). — 1988. — 1 января.

Амусин М. В зеркалах будущего // Литературное обозрение (М.). — 1989. — № 6.

Амусин М. Далеко ли до будущего? // Нева (Л.). — 1988. — № 2.

Амусин М. Иллюзии и дорога // Октябрь (М.). — 1989. — № 6.

АНС. Аркадий Стругацкий позвонил в «НГ» и сказал // Независимая газета (М.). — 1991. — 26 января.

АНС. Аркадию Стругацкому — шестьдесят / Интервью записал Р. Мешавкин // Уральский следопыт (Свердловск). — 1985. — № 8.

АНС: «Будем драться!» / Вел беседу А. Чертков / / Крымский комсомолец (Симферополь). — 1987. — 3 октября.

АНС: «Бывает и так в литературе...» // АБС-панорама (Саратов). — 1989. — № 1.

АНС. Воспоминание о будущем / Беседу вел М. Баранов // Ленинское знамя (М.). — 1985. — 7 июля.

АНС: «Главное — мысль» / Записал С. Казанцев // Правда Севера (Североуральск, Свердловская обл.). — 1988. — 12 июня.

АНС. Гласность отточит перья / Беседу вел К. Тихомиров // Тюменский комсомолец. — 1988. — 29 июля.

АНС: «Думать — не развлечение, а обязанность...» / Беседу вели Н. Скаредова, В. Гопман // Книжное обозрение (М.). — 1987. — 27 февраля.

АНС: «За державу обидно...» / Беседу вели Н. Белозеров, С. Молодцов // Уральский следопыт (Свердловск). — 1989. — № 1.

АНС. «Заговор-87»: Отчет перед читателями о поездке в Брайтон члена редколлегии «Уральского следопыта» А. Стругацкого // Уральский следопыт (Свердловск). — 1988. — № 4.

АНС. «...И будь здоров!» // Тюменский комсомолец. — 1988. — 14 сент.

АНС. И снова — встреча... / Записал В. Казаков // / Железнодорожник Поволжья (Саратов). — 1988. — 29 июня.

АНС. И снова встреча... (Аркадий Стругацкий в Саратове. 1985 год) // Стругацкие о себе, литературе и мире (1985 и прочее) / Сост. П. Поляков; Вместо предисл. «Лиловый туман» Н. Калашникова; Худож. М. Карпович. — Омск: Фэн-группа

«Людены»; Омская обл. юношеская библиотека: КЛФ «Алькор», 1994.

АНС. И снова Максим Каммерер... / Записал Ил. Полоцк // Сов. молодежь (Рига). — 1985. — 4 января.

АНС. Исполнение желаний // Лит. учеба (М.). — 1985. — № 6.

АНС. К читателям альманаха «Завтра» // Завтра: Альманах фантастики. — М., 1991. — Вып. 1.

АНС: «Личность превыше всего!» / Беседу вел К. Исааков // Молодой коммунар (Тула). — 1988. — 8 сентября.

АНС. «Мы все отягощены злом...»: Выступление писателя на встрече с участниками фестиваля «Соцкон-89» // Книжное обозрение (М.). — 1996. — 16 января.

АНС: «Мы не знаем вещей, ради которых следует отказаться от фантастики» / Беседу вела А. Тетельман // Комсомолец (Ростов-на-Дону). — 1989. — 14 января.

АНС: «Мы никогда не целились...» / Беседу вел К. Тихомиров // Тюменский комсомолец. — 1989. — 4 июня.

АНС. Не должно быть // Советский экран (М.). — 1986. — № 17.

АНС. Нечитающий возраст? / Беседу вела Е. Ва-

сильева // Литературная газета (М.). — 1985. — 20 мая.

АНС. О Лазаре Лагине // Лагин Л. Старик Хоттабыч. — М., 1990.

АНС. О «Соцконе», «утках» и перестройке / Беседу вел К. Тихомиров // Тюменский комсомолец. — 1989. — 28 ноября.

АНС: «Оптимизм... взамен наград» / Беседу вел А. Князев // Комсомолец Киргизии (Фрунзе). — 1989. — 24 мая.

АНС: Острые вопросы «Круглого стола» / Вопросы и подготовка к печати А. Лубенского; «Пояснения к публикации» В. Казакова // Стругацкие о себе, литературе и мире (1985 и прочее). — Омск: Фэн-группа «Людены»; Омская обл. юношеская библиотека: КЛФ «Алькор», 1994.

АНС. Ответы на записки («Аэлита-88») / Запись Т. Приданниковой // Оверсан (Севастополь). — 1988. — № 3–4.

АНС. Поживем — увидим! / Подготовил К. Тихомиров // Тюменский комсомолец. — 1990. — 20 января.

АНС. [Предисловие к рассказу М. Ткачева «Всеобщий порыв смеха»] // ЛГ-досье (М.). — 1991. — № 4.

АНС. Телефонный разговор: Писатель Аркадий

Стругацкий // Учительская газета (М.). — 1988. — 1 января.

АНС: Трудно быть богом / Беседу вел А. Орлов // Комсомольская правда (М.). — 1990. — 25 марта.

АНС. У кого учился первый сапожник / Беседовал Ил. Полоцк // Советская молодежь (Рига). — 1986. — 1 ноября.

АНС. Фантастика учит гражданственности / Беседу вел В. Гопман // Советская библиография (М.) — 1988. — № 3.

АНС и др. Жажда чуда / А. Стругацкий, Б. Раушенбах, В. Мигулин, В. Асеев, Ю. Шерковин, В. Райков / Беседу вели Е. Альбац, В. Янкулин // Неделя (М.). — 1985. — № 33.

Арабов Ю. «„Звездные войны“ похоронили всю советскую фантастику» / Беседовал А. Щербак-Жуков // Если (М.). — 2003. — № 9.

Арбитман Р. «Вернуть людям духовное содержание...»: Человек и книга в фантастике А. и Б. Стругацких // Проблемы истории культуры, литературы, социально-экономической мысли. — Саратов, 1989. — Вып. 5, ч. 2.

Арбитман Р. До и после «Сказки...» // Заря молодежи (Саратов). — 1987. — 19 сентября.

Арбитман Р. Как догнать «Улитку...» // Арбитман Р. Живем только дважды. — Волгоград: ЛИА

БАЗИАТ, 1991.

Арбитман Р. О короткой памяти // Железнодорожник Поволжья (Саратов). — 1989. — 21 июля.

Арбитман Р. Памяти писателя: Умер Аркадий Натанович Стругацкий // Саратов. — 1991. — 15 октября.

Арбитман Р. Со второго взгляда: Заметки о «Повести о дружбе и недружбе» А. и Б. Стругацких // Проблемы детской литературы. — Петрозаводск, 1989.

Беседа БНС с люденами. 1993.

БНС. Арьергардные бои феодализма: Выступление на встрече писателей-фантастов «Антиутопия сегодня» / Рис. И. Отрощенко // Литератор (Л.). — 1990. — № 9. — Март.

БНС: «Берусь составить библиотеку молодой фантастики» / Беседу вели С. Шидловская, В. Маслюков // Парус (Минск). — 1988. — № 7.

БНС: Больше невероятного в единицу времени / Беседу вела Г. Силина // Литературная газета (М.) — 1985. — 7 августа.

БНС. Борис Стругацкий — президентский лауреат / Беседу вел Б. Вишневский // Новая газета в Санкт-Петербурге (СПб.). — 2002. — 4–6 февраля.

БНС. «В душе мы оптимисты» / Беседу вел М. Амусин // Искусство Ленинграда. — 1989. —

№ 2.

БНС: «В инопланетян не верю» / Беседу вела Е. Дружинина // Труд (М.). — 1989. — 1 декабря.

БНС. Веселые беседы при свечах / Беседу вел Ю. Флейшман // Молодой ленинец (Волгоград). — 1989. — 25 марта.

БНС. Вопросы остаются / Интервью взял А. Измайлов // Блокнот агитатора (Л.). — 1987. — № 14.

БНС. Воспоминания, сентябрь 2008 — специально для этого издания.

БНС: Жить интереснее, чем писать / Беседу вела Т. Путренко // Литературная газета (М.). — 1991. — 10 апреля.

БНС. Комментарии к пройденному // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений: В 11 т. — Донецк: Сталкер; СПб.: Terra Fantastica издательского дома «Corvus», 2000–2003.

БНС. Мир в зеркале фантастики / С гостем встречались И. Баклагова, В. Кокосов // «Смена» на студенческой стройке (Л.). — 1985. — 5 июля.

БНС: Мы были уверены, что так и сгинем в мире несвободы... / Беседу вел К. Селиверстов // Литератор (Л.). — 1991. — № 23. — Июнь.

БНС: «Мы не имеем к кино никакого отношения» / Беседу вел А. Измайлов // Ленинградская правда. — 1990. — 19 августа.

БНС: «Нам далеко до „золотой эры“» / Интервью провел Е. Обухов // Филателия СССР (М.). — 1991. — № 4.

БНС. «Нарыв прорвался, но гной не вытек...» / Беседу вел К. Селиверстов // Литератор (СПб.). — 1991. — № 34.

БНС. Ни дня без книжки / Беседу вела Т. Орловская // Вечерний Ленинград. — 1985. — 28 декабря.

БНС. О настоящем во имя будущего: Беседа с Борисом Стругацким / Беседу вел Е. Канчуков // Студенческий меридиан (М.). — 1988. — № 11.

БНС. Планета Strugatskia / Интервью записала Н. Маевская // Радуга (Таллин). — 1986. — № 2.

БНС. [Предисловие к повести В. Жилина «День свершений»] // Уральский следопыт (Свердловск). — 1987. — № 2.

БНС. [Предисловие к рассказу С. Казменко «Водопой»] // Техника — молодежи (М.). — 1986. — № 5.

БНС. Разговор о фантастике // Вечерний Ленинград. — 1986. — 26 декабря.

БНС. Фантастика — сегодня, завтра... / Беседу вел Д. Каралис // Аврора (Л.). — 1987. — № 5.

БНС. Фрагменты выступления Б. Н. Стругацкого на региональном слете любителей фантастики

в Сосновом Бору 15 апреля 1989 г. // Измерение Ф (Л.). — 1989. — № 2.

БНС. «Человек — не сорная трава» / Беседовал Л. Оганджанян // Пульс (М.). — 1991. — № 10.

БНС. — Что, Борис Натанович, трудно быть богом? — Ой, трудно... / Беседу вел Ю. Буркин // ТМ-экспресс (Томск). — 1990. — 19 октября.

БНС. «Экспедиция в град обреченный» / Беседу вела А. Борисова // Невское время (Л.). — 1991. — 26 февраля.

БНС. «Это хлеб мой и вода моя» / Беседу вел К. Селиверстов // Ленинградский рабочий. — 1990. — 13 апреля.

БНС. Я продолжаю пилить бревно двуручной пилой. Но уже в одиночку... / Беседовал А. Константинов // Комсомольская правда (М.). — 1994. — 13 сентября.

БНС: «Я хочу говорить то, что я думаю...» / Беседу вели Р. Арбитман, В. Казаков, Ю. Флейшман // Смена (Л.). — 1990. — 5 июля.

БНС и др. Прием и мировоззрение / А. Измайлов, В. Рыбаков, А. Столяров, Б. Стругацкий / Беседу вел Е. Канчуков // Литературное обозрение (М.). — 1990. — № 5.

Бондаренко В. Игра на занижение // Наш современник (М.). — 1985. — № 12.

Булычев К. В «обойме» или вне ее? / Беседу вел В. Гопман // Советская библиография (М.). — 1989. — № 2, март-апрель.

Быков Р. Я побит — начну сначала!: Дневники. — М.: АСТ; Астрель, 2011.

[«В 1976–1977 годах...»: Редакционное предисловие к киносценарию «День затмения»] // Знание — сила (М.). — 1987. — № 5.

[«В 1985 году...»: О планете Strugatskia] // Знание — сила (М.). — 1986. — № 3.

[«В двенадцатом номере...»: Редакционное предисловие к публикации отрывка из романа «Град обреченный»] // Знание — сила (М.). — 1988. — № 1.

[«В славном Китежграде...»: Редакционное предисловие к повести «Сказка о Тройке»] // Смена (М.). — 1987. — № 11.

[«В Союзе писателей СССР...»: Рубрика «ЛГ информирует»] // Литературная газета (М.). — 1986. — 14 мая.

Васюченко И. Аннигиляция // Знамя (М.). — 1990. — № 3.

Васюченко И. Отвергнувшие воскресенье: Заметки о творчестве А. Стругацкого и Б. Стругацкого // Знамя (М.). — 1989. — № 5.

[«Вечер, посвященный 80-летию...»: Рубрика

«ЛГ информирует»] // Литературная газета (М.). — 1987. — 22 апреля.

Вознесенский А. [Выступление на VIII съезде писателей СССР] // Литературная газета (М.). — 1986. — 2 июля.

Гайдар Е. Песня «Врагу не сдается наш гордый „Варяг“» у меня получается особенно хорошо // Газета (М.). — 2003. — 3 ноября.

Гуревич Б. Капитаны фантастики // За трудовую доблесть (Л.). — 1985. — 15 апреля.

Гуревич М. Академический час Аркадия Натановича Стругацкого: Воспоминания — специально для этого издания.

Ермолаев А. Великое кольцо КЛФ: Заметки со всесоюзного совещания в Киеве // Комсомолец Татарии (Казань). — 1988. — 7 мая.

За миллион лет до... // Независимая газета (М.). — 1991. — 16 октября.

За фантастику действия / Подготовил А. Лубенский // За знания (Комсомольск-на-Амуре). — 1988. — 30 июня.

Зеленко Г. «Кому нужны ваши Стругацкие?» // Знание — сила (М.). — 2006. — № 1.

Зеркалов А. За поворотом, в глубине // Знание — сила (М.). — 1988. — № 8.

Зеркалов А. Игра по собственным правилам /

/ Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений. — М., 1991. — Т. 1.

И вот тут мы поняли... / Алферова Е., Жигулина О., Садчикова Ю. // Заря молодежи (Саратов). — 1986. — 5 июля.

Иванова Т. Не сотвори себе кумира // Огонек (М.). — 1987. — № 35.

Казаков В. Аннигилизм критики // Сизиф (Л.). — 1991. — № 1.

«Как людей людену...»: Встреча БНа с группой «Людены» 5 февраля 1991 года / Аудиозапись М. Шавшина; Расшифровка и редакция В. Казакова.

Канчуков Е. ...Каждый город и весь мир принадлежал им по праву: Детство в прозе Стругацких // Детская литература (М.). — 1988. — № 3.

Крапивин В. След ребячьих сандалий // Если (М.). — 2001. — № 1–3.

«Кто боится трудностей, пусть сидит дома...»: О первом опыте совместной кинопостановки СССР, ФРГ, Италии и Франции // За рубежом (М.). — 1988. — № 35.

Кузнецов А., Хрусталева О. Сказка о Двойке // Родник (Рига). — 1987. — № 8.

Лесков С. Вместе на Марс // Комсомольская правда (М.). — 1987. — 12 августа.

Лифанов С. Стругацкий Аркадий Натанович // Рабочая жизнь (Н. Новгород). — 1991. — 26 ноября.

Лобанов М. История и ее «литературный вариант» // Молодая гвардия (М.). — 1988. — № 3.

Мариничева О. За миллиард лет до конца света: Во Вселенной стало холоднее // Комсомольская правда (М.). — 1991. — 16 октября.

Мельников А. От героя «безгеройного» жанра к полноценному образу: Некоторые функциональные и типологические особенности героя советской фантастической литературы 70–80-х годов // Этюд о взрослом гравилете. — Краснодар, 1990.

Меридианы фантастики / Подг. В. Гопман, В. Никитин // НФ: Сборник научной фантастики. — М., 1985. — Вып. 30.

Меридианы фантастики / Подг. В. Бабенко, В. Гопман // НФ: Сборник научной фантастики. — М., 1988. — Вып. 32.

Мирер А. «Когда плакать не дают...» // Плюс-минус бесконечность (М.). — 1990. — Вып. 2.

Михайлов В. [«Фантастика, как и поэзия, в лучших своих проявлениях всегда была барометром времени»: Предисловие к повести «Сказка о Тройке»] // Советская молодежь (Рига). — 1986. — 19

сентября.

Михайлов В. Хождение сквозь эры // Если (М.). — 2000. — № 7–8.

Молодцов С. «Аэлита»-88 — фант-праздник для всех: Репортаж // На смену! (Свердловск). — 1988. — 20 мая.

[Нестеренко В.] Фантастика и фантасты в перестройке // Уральский следопыт (Свердловск). — 1990. — № 3.

НС — «Неизвестные Стругацкие»:

1. Черновики. Рукописи. Варианты. От «Страны багровых туч» до «Трудно быть богом». — Донецк: Сталкер, 2005.

2. Черновики. Рукописи. Варианты. От «Понедельника...» до «Обитаемого острова». — Донецк: Сталкер, 2006.

3. Черновики. Рукописи. Варианты. От «Отеля...» до «За миллиард лет...» — Донецк: Сталкер, 2006.

4. Черновики. Рукописи. Варианты. От «Града обреченного» до «Бессильных мира сего». — Донецк: Сталкер, 2008.

5. Письма. Рабочие дневники. 1942–1962 гг. — М.: АСТ; Донецк: НКП, 2008.

6. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966 гг. — М.: АСТ; Донецк: НКП, 2009.

7. Письма. Рабочие дневники. 1967–1971 гг. — В новом оформлении: Стругацкие. Материалы к исследованию. Письма, рабочие дневники. 1967–1971. — Волгоград, ПринТерра-Дизайн, 2013.

8. Письма. Рабочие дневники. 1972–1977 гг. — В новом оформлении: Стругацкие. Материалы к исследованию. Письма, рабочие дневники. 1972–1977. — Волгоград, ПринТерра-Дизайн, 2012.

9. Письма. Рабочие дневники. 1978–1984 гг. — В новом оформлении: Стругацкие. Материалы к исследованию. Письма, рабочие дневники. 1978–1984. — Волгоград, ПринТерра-Дизайн, 2012.

Острые вопросы «круглого стола» / [Автор вопросов А. Лубенский] // Молодой дальневосточник (Хабаровск). — 1987. — 26 декабря.

[От редакции] // АБС-панорама (Саратов). — 1989. — № 1.

Памяти Аркадия Натановича Стругацкого // Книжное обозрение (М.). — 1991. — 18 октября.

Памяти Аркадия Стругацкого // Горизонт (Алма-Ата). — 1991. — 18 октября.

Памяти Аркадия Натановича Стругацкого: [Неопубликованный фрагмент статьи «Исполнение желаний» и выдержки из выступлений разных лет] // Завтра: Фантастический альманах. — М., 1991. — Вып. 3.

Переслегин С. Скованные одной цепью // Стругацкий А., Стругацкий Б. Отягощенные злом, или Сорок лет спустя. — М., 1989.

Петр Вайль — Алексей Герман. «Трудно быть богом», — сказал табачник с Табачной улицы // Искусство кино (М.). — 2000. — № 8.

Плеханов С. Когда все можно?: Заметки о некоторых новинках не совсем научной фантастики // Литературная газета (М.). — 1989. — 29 марта.

Полоцк И. Воспоминания, январь 2007 — специально для этого издания.

Прашкевич Г. Братья по разуму // Стругацкий А., Стругацкий Б. Волны гасят ветер. — Томск, 1989.

Прашкевич Г. «Человек станет игрушкой… опять же в собственных руках» / Беседовал Н. Романецкий // Полдень, XXI век (СПб.). — 2005. — № 5.

Р. А. Кто поднимет шлагбаум на дороге в неведомое? // В мире книг (М.). — 1987. — № 10.

Ревич В. [«Известно, что фантастика...»: Предисловие к выдержкам из повести «Сезон дождей»] // Изобретатель и рационализатор (М.). — 1986. — № 9.

[Редакционное предисловие к повести «Жук в муравейнике»] // Молодой дальневосточник (Хабаровск). — 1986. — 3 января.

Рублев К. Впереди критики: Творческая эволюция братьев Стругацких (60-е годы) // Время и творческая индивидуальность писателя: Межвузовский сборник научных трудов / Ярославский гос. пед. ин-т. — Ярославль, 1990.

[Рубрика «Писательские контакты»] // Литературная газета (М.). — 1987. — 9 декабря.

Самойлов Д. [Ответ на анкету] // Книжное обозрение (М.). — 1988. — 30 декабря.

Сербиненко В. Три века скитаний в мире утопии: Читая братьев Стругацких // Новый мир (М.). — 1989. — № 5.

Смелков Ю. Скучная фантастика? // Московский комсомолец. — 1985. — 4 января.

Смирнов Л. Встреча в Красной гостиной // Октябрьская магистраль (Л.). — 1988. — 4 ноября.

Снегирев Ф. Время учителей // Советская библиография (М.). — 1990. — № 1.

Соколенко В. Ветер богов и мужество человека // Заря молодежи (Саратов). — 1986. — 5 июля.

Сокуров А. Дверь за ним закрылась тихо // Московские новости. — 1991. — 27 октября.

Спрашивайте — отвечают... // Уральский следопыт (Свердловск). — 1986. — № 4.

Тихомиров К. С кем ты // Тюменский комсомолец. — 1988. — 14 сентября.

Тосунян И. Разговор по существу: С пленума совета по приключенческой и научно-фантастической литературе // Литературная газета (М.). — 1987. — 11 марта.

Угрюмов В. 10 лет забвения. Кто виноват?: Общественное расследование // Светлана (Л.). — 1989. — 1 февраля.

Федоров И. Как построить машину времени? // Вологодский комсомолец. — 1988. — 13 марта.

Харламов И. I Всесоюзная конференция КЛФ // Странник: Периодический литературно-художественный журнал [фэнзин] (Магнитогорск). — 1988. — № 1.

Чернышева Т. Надоевшие сказки XX века: О кризисе научной фантастики // Вопросы литературы (М.). — 1990. — № 5.

Чудакова М. Гимнастический снаряд для интеллекта: Фантастика в моей жизни // Московские новости. — 1991. — 27 октября.

Чупринин С. Похвала злословию // Литературная газета (М.). — 1987. — 28 октября.

Чупринин С. Предвестие: Заметки о журнальной прозе 1988 г. // Знамя (М.). — 1989. — № 1.

Шабанов В. В грядущих сумерках морали // Молодая гвардия (М.). — 1985. — № 2.

Шалганов А. Вполне земные заботы // Литера-

турная газета (М.). — 1986. — 20 августа.

Щербаков В. О нуль-критике фантастики // В мире книг (М.). — 1988. — № 4.

Шестопалов О. Тридцать лет спустя // Стругацкий А., Стругацкий Б. Хромая судьба. — М., 1990.

Шехтман М. Стругацкие contra Ефремов: Литературно-критическая проблематика в фантастике // Критика в художественном тексте: Сборник научных трудов. — Душанбе, 1990.

Юрьенен С. «Молодая гвардия» против братьев Стругацких // Радио Свобода: материалы исследовательского отдела, РС 45/85, 6.03.85.

Якубовский М. Пояснение, октябрь 2008 — специально для этого издания.

Примечания

1 Расшифровка аббревиатур, употреблявшихся сначала самими Стругацкими, а затем взятых на вооружение и любителями их творчества, приводится в конце книги. — *Здесь и далее (за исключением примечаний к цитируемым статьям) примечания составителей.*

2 Чтобы не загромождать повествование большими заголовками, содержащими не только автора и название документа, но и выходные данные (если документ был опубликован) или иные источники текста, в заголовке указываются только автор и сокращенное название. Полную расшифровку источника можно найти в конце книги.

3 Повесть опубликована в сборнике «Белый камень Эрдени». Лениздат, 1982. — *Прим. В. Шабанова.*

4 Шабанов А. В грядущих «сумерках морали» // Молодая гвардия. — 1985. — № 2. — С. 282–288. — *С. Юрьенен.*

5 См. статью Петрова Б. «Право на великое искусство...» Полемические заметки о некоторых

тенденциях в современном театре // Молодая гвардия. — 1984. — № 2. — С. 249–267.

6 Первый год Черненко: литературные итоги, Р<адио> С<вобода> 32/85.

7 Послушная стрелка часов. На вопросы «Алого паруса» отвечает писатель Аркадий Стругацкий // Комсомольская правда. — 1976. — 10 марта.

8 Там же.

9 Краткая литературная энциклопедия. — М., 1972. — Т. 7. — С. 228.

10 См. Victor Zorza, Science Fiction Mirrors Grim Reality, Washington Star, 27 July 1969, а также ЦИО: 345/69, 169/72, 7/73.

11 «Журналист», 1969, № 9, стр. 11.

12 А. Шабанов, цит., стр. 282.

13 Erste deutsch-sowjetische Filmproduktion, «Suddeutsche Zeitung», 9.4.1984.

14 Александров Д. На службе мировой реакции: рецензия на книгу В. А. Стефанкина «На службе агрессии». — Киев: Политиздат Украины, 1984 // Молодая гвардия. — 1985. — № 2. — С. 297–281.

15 Гаков Вл. Тест на человечность // Литературная газета. — 1980. — 29 окт. — С. 5.

16 Там же.

17 Шабанов А., цит., С. 287.

18 Там же, стр. 285.

19 Здесь и далее — Стругацкая Елена Ильинична, супруга АНа.

20 См. статью М. Гаспарова «Овидий в изгнании» в издании Овидия «Скорбные элегии. Письма с Понта» (М.: Наука, 1978, Литпамятники). Позднее это же процитировано в ПП Витицкого.

21 Имеется в виду рассказ «Недостающее звено»; «Химия и жизнь», 1985, № 1.

22 Фильм все же был снят уже в Чехии в 1995 году: «Nesmluvená setkání» («Неназначенная встреча»).

23 Отсылка к «Искушению святого Антония» Г. Флобера.

24 Нельзя удержаться, чтобы не привести несколько отрывков из рецензии А. Казанцева. — *Сост.*

«Тов. Тупицын справедливо вспоминает некоторые неудачные произведения бесспорно одаренных бр. Стругацких, скажем, „Хищные вещи века“, „Тройку“. Я хочу напомнить, что эти произведения подвергались серьезной партийной критике, однако „Дикие лебеди“, в нашей стране не печатавшиеся (продолжение „Тройки“), помимо воли авторов были вслед за публикацией в антисоветском журнале „Грани“ предыдущей их повести изданы в антисоветском издательстве

„Посев“ в Мюнхене.

Стругацкие долго бились за то (мне пришлось рецензировать их рукопись), чтобы опубликованная в журнале „Аврора“ повесть „Пикник на обочине“ была бы включена в их отдельную книгу, от чего в рассмотренном мной виде я их предостерегал, однако они опубликовали повесть почти без изменений, и она вызвала опять-таки серьезную партийную критику, с которой издательство „Молодая гвардия“ полностью согласилось.

Но на этом дело не кончилось. Режиссер Тарковский решил экранизировать повесть, поставив фильм „Сталкер“, крайне своеобразный и многозначительный, допускающий разные толкования. Он отошел от лобового утверждения Стругацких, что инопланетяне прилетели, нагадили на Земле и улетели. В фильме же их „поганые и опасные следы“ могут восприниматься как человеческая деятельность. Стругацкие призывают зрителя думать, думать и думать. Что же хотел сказать режиссер Тарковский? В чем он оказался по ту сторону черты, стал невозвращенцем, ставя за рубежом фильмы, один из которых носит многозначительное название „Ностальгия“».

«Я уже сказал, что к научной фантастике рассказы Лукиных отношения не имеют, они никуда не зовут читателя, не заражают его идеями, не возбуждают у него тягу к знаниям, не направляют пути молодых людей во втузы. Обязательно ли это для любой советской книги? Это нельзя утверждать однозначно. Фантастика нам нужна разная, но непременно наша по своим целям, а никак не устраивающая журнал „Америка“. Можно говорить лишь о том, что нам в первую очередь нужнее, принимая во внимание бумажный дефицит? „Танковый прорыв“ через „идеологические крепости враждебной стороны“ или отвлечение развлекательностью или аллегориями?»

25 Рассказ Г. де Мопассана «Рука».

26 К/ф 1949 г., реж. В. Петров, сценарий Н. Вирты. Точная цитата: «Наступать! Наступать! Не жалейте сил. Они выдыхаются».

27 V съезд кинематографистов СССР (13–15.05.1986).

28 Рассказ «Чувство силы».

29 Здесь и далее — Стругацкая Аделаида Андреевна, супруга БНа.

30 Цитата из романа Г. Уэллса «Мистер Блетсуорси на острове Рэмполь»: «Мегатерии <...> так медленно передвигаются, что жертвы зачастую

не замечают их приближения и бывают застигнуты врасплох» (ч. 3, гл. 5). Перевод С. Займовского и Е. Бируковой.

31 Следует отметить, что это одно из первых в те годы упоминаний в положительном контексте Александра Солженицына и его рассказа «Матрёнин двор».

32 Ошибка памяти В. Михайлова: публикация повести была закончена в 1987 году.

33 БНС (Из письма к С. Бондаренко 8.05.08 г.): Я тут в ОЗ наткнулся на слово «шляющийся человек» (стр. 172). Мне же помнится, что изначально было «шлющийся». Мне дорого это слово, — как видите, я запомнил его, а ведь сколько лет прошло!

«Шлющийся» звучит странно, архаично, многосмысленно. Тут и собственно «шляющийся», и «шлюхоподобный» (отброс общества). И возникает аналогия: пара «гуляющий — гулящий». И явный оттенок презрения и неприязни (которых совсем нет в «гуляющем»)...

В общем, прошу проследить, чтобы исходный вариант был восстановлен и в дальнейшем сохранен.

34 «СС в действии. Документы о преступлениях СС». — М.: Изд. иностр. лит., 1960; М.: Прогресс,

1968.

35 Ранее он именовался Агасфером Кузьмичом.

36 Credo, quia absurdum — перефразированные слова Тертуллиана: «credibile est, quia ineptum est» («De corpore Christi» или «De carne Christi», «О плоти Христовой», ч. 5, гл. 4).

37 В СП СССР состоялось заседание совета по вопросам издательств, на котором шла речь о дальнейшем выпуске 24-томной «Библиотеки фантастики» с участием в ней советских и зарубежных мастеров этого жанра. Была обновлена редколлегия «Библиотеки фантастики», утвержден ее состав. — «Литературная газета», 1987, № 30. — *Прим. Е. Михайловой.*

38 Первый эпиграф к ОЗ восходит к фразе «Сказания Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиевого монастыря»: «Какая польза человеку возлюбить тьму больше света и променять истину на ложь, честь на бесчестие и свободу на горькое рабство?» (глава «Об ответном письме полякам и всем изменникам»). Реальное существование Трифилия не подтверждается.

39 Цитаты из главы 9 «Inventing the Future».

40 «Так говорил Заратустра», ч. 3, О старых и новых скрижалях, 3. Перевод В. Изразцова. Цитируется издание: Ницше Ф. Так говорил Зара-

тустра. — СПб.: издание Акц. О-ва Типографского Дела в СПБ, 7 рота, № 26, 1913. Цитата позднее использована в ПП Витицкого.

41 «Так говорил Заратустра», ч. 1, Предисловие Заратустры, гл. 9. Цитируется то же издание.

42 Цитата из статьи В. Шкловского «Их настоящее»: «Если бы был заказан какому-нибудь человековеду Пушкин, то вряд ли человековед догадался, что для того, чтобы получить Пушкина, хорошо выписать дедушку из Абиссинии» (сб. «За сорок лет. Статьи о кино» — М.: Искусство, 1965. С. 74).

43 Цитата из романа Л. Толстого «Война и мир» (том 1, глава 1, главка 4). Цитата позднее использована в ДСЛ.

44 Перевод приведенной выше цитаты из Д. Габора «We must find a way...»

45 Переводил Юлий Яковлевич Готлиб — мой добрый знакомый, физик, говорит по-немецки бегло. — *БНС.*

46 Перевод приведенной выше цитаты из Д. Габора «The uncommon man wants...»

47 Глава 18, стих 10. Второй эпиграф к роману ОЗ.

48 Финальные слова сценария ЖвМ: «Тем более что мы так и не знаем до сих пор, что же это было:

проявление загадочной страшной программы или роковая цепь случайностей, порожденная страхом, подозрениями и тайной...»

49 Когда этот материал был готов к печати, в Киеве 16–18 марта под эгидой ЦК ВЛКСМ и ЦП ВОК состоялось совещание представителей 101 клуба любителей фантастики, на котором был создан Всесоюзный совет КЛФ. — *Прим. ред. журн.*

50 Слова Т. Мора.

51 «Люди с коротенькими мыслями» — цитата из романа Ф. Достоевского «Бесы» (ч. 1, гл. 3, главка 10).

52 Строки «строевой песни» приведены в ранних редакциях «Кондуита и Швамбрании» Л. Кассиля: «И-эх, если б гимназисточки по воздуху летали, / Тогда бы гимназисты все летчиками стали...» (главка «Нас обучают войне»). Цитата позднее использована в ПП Витицкого.

53 Ю. И. Манин.

54 Английский критик Г. Эллис сказал о Л. да Винчи: «...Leonardo is the foe, not of man, but of the enemies of man...» — «Леонардо противник, но не человека, а врагов человека» («Dance of Life», 3, 4). Датский режиссер Б. Кристенсен перефразировал слова Эллиса, используя автохарактеристику Ж.-Ж. Руссо «Друг Человечества», и адресовал их

С. Эйзенштейну.

55 Название офорта Ф. Гойи.

56 Перефразированные строки стихотворения А. Пушкина «К Чаадаеву».

57 Японское издательство.

58 Вариация детского заклинания божьей коровки. См. «Приключения Тома Сойера» Марка Твена: «Божья коровка, лети-ка домой — / В твоем доме пожар, твои детки одни» (гл. 14; перевод К. Чуковского).

59 Пьеса «Визит инспектора» («An Inspector Calls»), в финале которой таинственный инспектор, разоблачив всех, исчезает.

60 «Из „Слов пигмея“», перевод Н. Фельдман.

61 Замысел позднее воплощен в ПП Витицкого.

62 Использовано в ПП Витицкого.

63 Использовано в БМС Витицкого.

64 Володя Луконин, мой школьный друг. — *БНС.*

65 АН цитировал басню И. Крылова «Мартышка и Очки», стихотворение Н. Некрасова «Крестьянские дети», анекдот про шутника-боцмана, а также упомянул расстрелянного в 1961 году валютчика Яна Рокотова.

66 Стругацкая Мария Аркадьевна, дочь АНа.

67 Указана лишь профессия упомянутых лиц

либо занимаемая ими должность на момент упоминания в тексте. Определения «российский», «русский», «советский» опущены.